

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

Б. Д. КРИВОКАПИЧ

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Учебник для магистрантов и аспирантов

Рекомендовано редакционно-издательским советом федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» в качестве учебника для обучающихся по основной образовательной программе высшего образования по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция и программе подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре по научной специальности 5.1.5 Международно-правовые науки

С А М А Р А

Издательство Самарского университета

2022

УДК 347
ББК 67.412 я7
К 821

Рецензенты:

заведующий кафедрой международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук,
профессор **Адель Ильсиярович Абдуллин**;
проректор по науке университета «МБ» (г. Белград, Сербия),
доктор политических наук, ординарный профессор **Недждо Данилович**

Кривокапич, Борис Джорджевич

К821 **Проблемы международного права:** учебник для магистрантов и аспирантов /
Б.Д. Кривокапич; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. *А.Г. Безверхов*, науч. ред. д-р
юрид. наук, проф. *А.В. Юдин*. – Самара: Издательство Самарского университета,
2022. – 576 с.

ISBN 978-5-7883-1777-9

Учебник «Проблемы международного права» посвящен международному публичному праву как одной из самостоятельных правовых систем современности. В учебнике рассматривается наиболее актуальная международно-правовая проблематика: понятие международного права, его социально-правовая сущность, кризис современного международного права, злоупотребление международным правом, важнейшие источники международного права и их иерархическое соотношение, государственный суверенитет в условиях глобализации, право народов на самоопределение, роль и перспективы ООН, нарушение прав человека государствами, защита этнических (национальных) меньшинств, международные споры в национальных судах государств и многие другие.

Издание предназначено для магистрантов, аспирантов, ученых и практиков, а также для всех, кто занимается международным правом и международными отношениями или интересуется этими вопросами.

УДК 347

ББК 67.412я7

ISBN 978-5-7883-1777-9

© Самарский университет, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	16
ВВЕДЕНИЕ.....	23

Глава I.

ПОНЯТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

1. НАЦИОНАЛЬНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО	28
2. РАЗЛИЧИЕ ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА.....	29
1. Понятие категории «международное право»	29
2. Современное международное право.....	31
3. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО КАК СИСТЕМА ПРАВА	35
4. СПЕЦИФИКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА.....	40
1. Субъекты международного права	40
2. Предмет регулирования международного права.....	40
3. Источники международного права	41
4. Системные характеристики международного права	41
5. Основные принципы международного права.....	41
6. Природа международного права	42
7. Юридическая техника международного права	42
Контрольные вопросы	43

Глава II.

КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРАВОМ

1. КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА.....	45
2. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ.....	49
1. Злоупотребление	49
1. Использование не по назначению	50
2. Злой умысел	50
3. Особая позиция.....	51

2. Право.....	51
1. Субъективное право	51
2. Объективное право	52
3. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРАВОМ	52
1. Злоупотребление субъективным международным правом.....	52
2. Злоупотребление объективным международным правом	55
1. Навязывание определенных правотворческих решений	55
2. Неправильное применение существующего права (злоупотребление нормами и институтами международного права)	60
Контрольные вопросы	66

Глава III.

ВАЖНЕЙШИЕ ИСТОЧНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ИХ ИЕРАРХИЧЕСКОЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЕ

1. ВАЖНЕЙШИЕ ИСТОЧНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА.....	68
1. Основные источники международного права	68
2. Важнейшие источники международного права	71
2. ЗНАЧЕНИЕ И СООТНОШЕНИЕ ВАЖНЕЙШИХ ИСТОЧНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА	75
1. Международные договоры	75
2. Международно-правовые обычаи	77
3. Решения международных организаций	80
1. Решения надгосударственных международных организаций	82
2. Решения остальных международных организаций	83
1. <i>Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, которыми изменено существующее или создано новое обычное международное право</i>	84
2. <i>Попытки провозгласить решения и действия некоторых международных организаций новым международным обычным правом</i>	86
3. <i>Раздел Палестины</i>	88
4. <i>Резолюция «Единство в пользу мира» (1950 г.)</i>	89
5. <i>Миротворческие миссии</i>	91
6. <i>Учреждение уголовных трибуналов ad hoc</i>	92

7. Резолюции Совета Безопасности в связи с борьбой против сомалийских пиратов.....	93
8. Санкции ООН и других международных организаций	95
3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	97
Контрольные вопросы.....	99

**Глава IV.
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ
И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

1. ВВЕДЕНИЕ.....	100
2. СУВЕРЕНИТЕТ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	104
1. Ослабление государственного суверенитета как процесс.....	104
2. Выживание суверенитета	107
3. КОНЦЕПЦИИ ОГРАНИЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА	110
1. Возникновение государственного суверенитета.....	111
2. Теории ограниченного государственного суверенитета.....	113
1. Теории ограниченного суверенитета в прошлом	114
2. Современные теории ограниченного суверенитета	116
4. РИСКИ ОТКАЗА ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА.....	119
1. Открытие возможностей для применения силы	120
1. Гуманитарное вмешательство.....	120
2. Применение силы по другим причинам.....	124
2. Прочие вопросы	125
1. Введение правового неравенства государств	125
2. Вмешательство во внутренние дела других стран	126
3. Отказ в иммунитете от иностранной юрисдикции	127
4. Захват чужих природных ресурсов	128
5. Нарушения прав человека	129
6. Изменение международного права	130
7. Возможные злоупотребления.....	132
5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	134
Контрольные вопросы.....	139

Глава V.
ПРАВО НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ	142
1. Исторические корни права народов на самоопределение	142
2. Право народов на самоопределение в период после Второй мировой войны	147
2. СУВЕРЕНИТЕТ, САМООПРЕДЕЛЕНИЕ, ОТДЕЛЕНИЕ.....	150
1. Суверенитет	150
2. Право народов на самоопределение	153
1. Народ	153
2. Право народов на самоопределение	153
3. Федеральные и автономные образования	155
4. Народы, находящиеся под иностранным колониальным и другим насильственно навязанным господством.....	158
3. Право других социальных групп на самоопределение	160
1. Коренные народы	161
2. Этнические меньшинства	163
4. Сецессия	166
1. Территориальная целостность государства	167
2. Законное отделение	172
3. Незаконное отделение (одностороннее отделение, сецессия, отделение в узком смысле)	175
3. ОДНОСТОРОННЕЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ КОСОВО	177
1. Декларация независимости Косово	177
2. Консультативное заключение Международного суда.....	178
1. Формально-правовой момент	179
2. Существенные моменты против позиции Сербии	180
3. Критика позиции МС, согласно которой одностороннее провозглашение независимости Косово не противоречит международному праву	180
4. Существенные моменты	189
4. СОБЫТИЯ ПОСЛЕ КОНСУЛЬТАТИВНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА	193
1. Принятие в Российскую Федерацию Республики Крым.....	193

2. Другие случаи из современной практики.....	196
3. Случай архипелага Чагос	197
5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	201
Контрольные вопросы	206

**Глава VI.
РОЛЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ**

1. ВКЛАД ООН В РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	207
1. Сохранение мира.....	208
2. Сотрудничество в других областях.....	209
3. Деколонизация.....	210
4. Вклад в развитие международного права.....	210
5. Финансовые вопросы.....	211
2. НЕОБХОДИМОСТЬ РЕФОРМЫ ООН	214
1. Поддержание международного мира	214
2. Ставшие неактуальными решения	215
3. Дефицит демократии	217
4. Бюрократизация и некоторые другие замечания	219
5. Финансовые проблемы	222
6. Генеральная Ассамблея	225
7. Совет Безопасности	226
8. Международный суд	228
9. Генеральный секретарь.....	231
10. Новые органы	231
11. Иные проблемы	233
3. ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ ООН	233
Контрольные вопросы	236

**Глава VII.
ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВАМИ ЧЕЛОВЕКА
СО СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВ**

1. ВВЕДЕНИЕ.....	237
2. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ВНУТРИ ГОСУДАРСТВ	239

1. Нарушение прав отдельных лиц	239
2. Уязвимость прав человека как оправдание приостановления и отмены прав человека.....	240
3. Необоснованное признание особых прав для некоторых групп	241
4. Злоупотребление нормами и институтами, предназначенными для защиты прав человека.....	241
3. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНЫХ РАМКАХ	241
1. Превентивная самооборона.....	242
2. «Гуманитарный» интервенционизм.....	243
3. Право на самоопределение.....	245
4. Санкции за предполагаемое нарушение прав человека	245
5. Двойные стандарты.....	247
4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	250
Контрольные вопросы.....	250

Глава VIII.

ЗАЩИТА ЭТНИЧЕСКИХ (НАЦИОНАЛЬНЫХ) МЕНЬШИНСТВ

1. ПОНЯТИЕ ЭТНИЧЕСКОГО (НАЦИОНАЛЬНОГО) МЕНЬШИНСТВА.....	251
1. Группа граждан государства.....	255
2. Достаточно многочисленная группа	255
3. Численное меньшинство	255
4. Недоминирующее положение	256
5. Этнические, языковые, религиозные и другие подобные особенности	256
6. Чувство солидарности в целях сохранения своей отличительной самобытности.....	256
7. Иные вопросы	257
2. РОЛЬ ООН В ЗАЩИТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ	258
3. ЗАЩИТА МЕНЬШИНСТВ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ.....	263
1. Совет Европы	263
1. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств (1992 г.)	263

2. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (1995 г.)	264
3. Иные акты Совета Европы	265
4. Органы, занимающиеся защитой меньшинств	265
2. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)	265
3. Иные региональные механизмы защиты	267
4. РОЛЬ ДВУСТОРОННИХ СОГЛАШЕНИЙ	268
5. ПРАВА МЕНЬШИНСТВ	269
1. Права человека и права гражданина	270
1. Права человека	270
2. Права гражданина	270
2. Специальные права меньшинств	271
3. Ограничения прав меньшинств. Обязанности меньшинств	273
1. Ограничения, связанные с условиями, в которых реализуются права меньшинств	273
2. Ограничения, связанные со способами реализации прав меньшинств	275
3. Обязанности меньшинств	276
4. Права меньшинств (индивидуальные или коллективные)	279
Контрольные вопросы	283

ГЛАВА IX. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СПОРЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ СУДАХ ГОСУДАРСТВ

1. ПРИНЦИПАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ	284
2. СПОР, ИНИЦИИРОВАННЫЙ ИНОСТРАННЫМ ГОСУДАРСТВОМ, ИЛИ В КОТОРЫЙ ИНОСТРАННОЕ ГОСУДАРСТВО ДОБРОВОЛЬНО ВСТУПИЛО	286
3. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ИММУНИТЕТ	286
1. Действия государств <i>jure imperii</i> и действия <i>jure gestionis</i>	286
2. Конвенция ООН о юрисдикционном иммунитете государств и их собственности (2004 г.)	288
4. ДРУГИЕ СПОРНЫЕ СИТУАЦИИ	293
5. ПРИЗОВЫЙ СУД	295

6. РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ СУДОВ В РАЗРЕШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРОВ В БУДУЩЕМ	298
Контрольные вопросы	299

Глава X.

ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ УГОЛОВНЫХ СУДОВ

1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР	300
1. Наказание за совершение международных преступлений в далеком прошлом	300
2. Первые международные уголовные суды.....	302
3. Состояние уголовного правосудия в период, предшествующий Второй мировой войне	303
4. Современные международные уголовные трибуналы	306
2. НЮРНБЕРГСКИЙ И ТОКИЙСКИЙ ПРОЦЕССЫ	309
1. Проблема независимости и объективности	310
2. Небольшая группа обвиняемых	311
3. Помилование определенного числа преступников	312
4. Наказание за принадлежность к организации.....	314
5. Недостатки самой процедуры	314
6. Преступления союзников	315
3. СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ УГОЛОВНЫЕ СУДЫ	317
1. Трибуналы <i>ad hoc</i>	317
1. Создание	318
2. Конкретные решения	319
3. Практика	320
2. Смешанные уголовные суды	326
1. Характер <i>ad hoc</i>	327
2. Незначительное присутствие в средствах массовой информации	237
3. Финансирование	327
4. Различия «смешанных» и «гибридных» судов	328
5. Только в отношении малых стран	328
3. Постоянный Международный уголовный суд	329
1. Роль Совета Безопасности ООН	330

2. Предметная юрисдикция	331
3. Практика	332
4. МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВОСУДИЕ – СЛУЖИТЕЛЬ СПРАВЕДЛИВОСТИ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ?.....	333
1. Множество недостатков	333
2. Суды для потерпевших поражение и малых народов	334
3. Политический инструмент?	334
4. Перспективы международного уголовного правосудия	335
Контрольные вопросы	337

Глава XI.

ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ КОМПАНИИ И ИХ ПЕРСОНАЛ

1. ВВЕДЕНИЕ	338
2. ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ	339
1. Понятие частной военной компании	339
2. Виды частных военных компаний	343
3. ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ И ПРЕИМУЩЕСТВА, КОТОРЫЕ ОНИ ОБЕСПЕЧИВАЮТ	347
1. Причины появления частных военных компаний	347
2. Преимущества, обеспечиваемые частными военными компаниями	350
1. <i>Польза для государства происхождения</i>	351
2. <i>Позиция государства-контрагента</i>	352
3. <i>Деятельность для малых и средних государств</i>	354
4. <i>Деятельность для международных организаций</i>	355
5. <i>Деятельность для негосударственных субъектов</i>	359
4. ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ФУНКЦИОНИРОВАНИЕМ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ.....	360
5. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТАТУСА ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ.....	367
1. Мировой уровень	369
2. Региональный уровень.....	372
3. Прочие документы	373
1. Документ Монтрё	373

2. Кодекс поведения частных поставщиков охранных услуг ...	375
3. Остальные необязывающие документы	378
4. Потребность в правовом регулировании	378
6. ЮРИДИЧЕСКИЙ СТАТУС ПЕРСОНАЛА ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ.....	379
1. Сопоставление с классическими наемниками	380
2. Юридический статус персонала частных военных компаний по международному праву вооруженных конфликтов	386
Контрольные вопросы	391

Глава XII. ПОНЯТИЕ КОСМИЧЕСКОГО ПРАВА

1. ВВЕДЕНИЕ	392
2. НАЗВАНИЕ	397
3. РАЗЛИЧНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОСМИЧЕСКОГО ПРАВА.....	401
1. Различные подходы.....	401
2. Национальное космическое право	406
3. Космическое право в узком смысле	409
4. Космическое право в широком смысле	412
Контрольные вопросы	415

Глава XIII. ГУМАНИТАРНЫЕ ИНТЕРВЕНЦИИ

1. НОВЫЙ ИНТЕРВЕНЦИОНИЗМ	416
1. Современная доктрина гуманитарной интервенции	416
2. Доводы в пользу допустимости гуманитарной интервенции и условия ее оправданности.....	420
1. Доводы в пользу допустимости гуманитарных интервенций	420
2. Ограничения (условия)	424
2. КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР	425
1. Правовая аргументация	426
2. Принципиальные проблемы	427

3. Несколько примеров из практики	429
1. Восточный Пакистан (1971 г.)	429
2. Камбоджа (1975 г.)	430
3. Камбоджа (1978 г.)	431
4. Уганда (1976 г.)	432
5. Уганда (1979 г.)	432
6. Кипр (1978 г.)	432
7. Иран (1980 г.)	433
8. Гренада (1983 г.)	434
9. Панама (1989 г.)	435
10. Югославия (1999 г.)	437
11. Афганистан (2001)	439
12. Ирак (2003 г.)	440
13. Ливия (2011 г.)	441
14. Комментарий приведенных примеров	442
3. УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОЙ ДОПУСТИМОСТИ	443
1. Общие условия	443
2. Интервенция, санкционированная решением Совета Безопасности	444
1. Принципиальный подход	444
2. Практика	445
3. Перспективы и возможности	447
Контрольные вопросы	449

Глава XIV.
БЕСПИЛОТНЫЕ ЛЕТАТЕЛЬНЫЕ АППАРАТЫ
И ИХ СТАТУС ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ

1. ПОНЯТИЕ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ.....	451
2. ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ БОЕВЫХ ДРОНОВ.....	455
3. АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ И АРГУМЕНТЫ ПРОТИВ ПРИМЕНЕНИЯ БОЕВЫХ ДРОНОВ	456
1. Аргументы в пользу применения боевых дронов.....	456
2. Аргументы против применения боевых дронов	459
1. Предварительные вопросы	459
2. Выбор цели	462

3. Непоследовательность в соблюдении установленных рамок	464
4. Жертвы среди гражданского населения	464
5. Практика разных государств	470
6. Последствия	472
4. АТАКИ ДРОНОВ В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА.....	475
1. Атаки в зарубежных странах.....	475
2. Нападения дронов и права человека.....	479
3. Правовая допустимость дронов	481
1. Атаки дронов как целевые убийства	488
2. Вопрос морали и бесчестия	491
3. Нападения на гражданских лиц	493
4. Статус комбатанта	496
5. Правовой статус операторов дронов	497
6. Дроны (все-таки) не являются обычным оружием	498
5. СТАТУС ДРОНОВ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ И ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ	501
1. Статус дронов согласно международному праву.....	501
2. Вопрос запрета на распространение (пролиферацию) боевых дронов.....	502
3. Попытка пересмотра международного права.....	506
Контрольные вопросы	512

Глава XV. ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

1. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ.....	515
1. Процессы в современном мире	515
1. Глобализация	515
2. Интернационализация	516
3. Регионализация.....	517
2. Влияние на международное право.....	517
2. СУБЪЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА.....	519
1. Государства и квазигосударства	519

1. Государства	519
2. Квазигосударства	520
2. Международные организации и квазимеждународные организации.....	521
1. Международные организации	521
2. Квазимеждународные организации.....	523
3. Остальные субъекты международного права.....	525
1. Субъекты <i>sui generis</i>	525
2. Индивидуумы, группы, человечество	526
3. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО (ИСТОЧНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА).....	528
4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СУДЫ	532
5. КОСМИЧЕСКОЕ ПРАВО	535
6. ПРАВО ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ	535
7. ДРУГИЕ ВОПРОСЫ	537
8. ФРАГМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА.....	539
9. КРИЗИС И УВАЖЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА.....	541
Контрольные вопросы.....	544
БИБЛИОГРАФИЯ	546

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели!

Перед вами уникальная работа – учебник по проблемам международного публичного права, подготовленный для магистрантов и аспирантов, обучающихся по соответствующему профилю, одним из крупнейших мировых ученых в области международного права и прав человека – профессором Борисом Кривокапичем.

Данный автор уже хорошо знаком российскому читателю по ряду вышедших к настоящему моменту работ, в числе которых «Международное публичное право» (Самара, 2018), «Мирное разрешение международных споров» (Издательство Самарского университета, 2020), «Международное право в период вооруженных конфликтов» (Издательство Самарского университета, 2021) и др.

Для тех, кто впервые будет знакомиться с работой уважаемого профессора, приведем краткие вехи его биографии.

С 2016 года профессор Борис Кривокапич работает на кафедре теории и истории государства и права и международного права юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева.

Профессор Б. Кривокапич родился в Белграде 16 ноября 1958 года. Его отец, Джордже Кривокапич, являлся югославским дипломатом, поэтому детство Б. Кривокапича прошло в Москве (1964–1968 гг.) и в Софии (1971–1975 гг.).

Будущий ученый-юрист окончил советскую среднюю школу при посольстве СССР в Народной Республике Болгария.

Вероятно, на выбор профессии повлиял тот факт, что его отец был доктором международного права. В доме было много познавательных книг по международному праву и международным отношениям, что сформировало ранний (уже с 12 лет) интерес Б. Кривокапича к международно-правовой проблематике.

В 1975 году он поступил на юридический факультет Белградского университета, который окончил в июне 1979 года.

На юридическом факультете Белградского университета Б. Кривокапич получил степень магистра (1985 г.). Выполненная им квалификационная работа на соискание степени магистра юридических наук называлась «Основные характеристики консульских конвенций Советского Союза с другими странами Варшавского договора в свете общего международного права».

В 1988 году на юридическом факультете Белградского университета Б. Кривокапич получает степень доктора юридических наук. Его научные тезисы на соискание этой научной степени были посвящены контролю за администрацией в Советском Союзе.

В 1999 году ему присвоено звание научного советника (высшее ученое звание в Сербии, присваиваемое пожизненно), а в 2006 году – звание ординарного профессора (высшее научно-преподавательское звание в Сербии, также присваиваемое пожизненно).

Профессиональная карьера будущего ученого-юриста начиналась с работы адвокатским стажером в Первом белградском адвокатском объединении (1982–1984 гг.).

С 1984 по 1985 год Борис Кривокапич занимал должность главы кабинета председателя Югославского объединения почты, телеграфов и телефонов (фактически министра связи Югославии).

В 1985 году он перешел в Институт сравнительного права Белграда, где прошел все ступени научного развития.

В 2006 году Б. Кривокапич стал работать в Университете «Мегатренд» (г. Белград), где преподавал на факультете государственного управления и администрации (позднее этот факультет был переименован в юридический факультет университета «Мегатренд»).

В 2015 году профессор Б. Кривокапич начинает плодотворно работать на юридическом факультете Университета «Унион – Никола Тесла» (г. Белград), с которым сотрудничает и сейчас.

С 2016 года Борис Кривокапич становится иностранным членом Российской академии естественных наук (РАЕН).

Профессионализм и опыт уважаемого ученого-юриста востребованы очень многими учебными и научными организациями Сербии и ближнего к ней зарубежья: на юридическом факультете государственного университета в Восточном Сараево (Босния и Герцеговина, 2000–2006 гг.); в Центре юридического факультета государственного университета в Восточном Сараево (Босния и Герцеговина,

2000–2006 гг.); на юридическом факультете Университета «Синергия» (Босния и Герцеговина, 2006–2007 гг.); в Дипломатической академии МИД Югославии (г. Белград, 2001–2004 гг.); на факультете международной экономики Университета «Мегатренд» (г. Белград, 2007–2015 гг.); на факультете по бизнесу Университета «Мегатренд» (г. Белград, 2010–2015 гг.), где работал в докторантуре; на юридическом факультете Университета (г. Белград, 2012 г.), где вел занятия в магистратуре; в Дипломатической академии МИД Сербии (г. Белград, 2007 г., с 2014 г. по н.в.) и др.

Профессор Б. Кривокапич в своей профессиональной карьере занимал различные административные должности. В частности, он являлся председателем Научного совета Института сравнительного права; был главой кафедры международного права и членом Совета юридического факультета Университета в Восточном Сараево (Босния и Герцеговина); председателем Правления Института сравнительного права; проректором по науке и членом Сената Университета «Мегатренд»; вице-президентом и членом Бюро Балканского научно-го центра РЕАН (с февраля 2018 г.) и др.

Диапазон преподаваемых профессором дисциплин необычайно разнообразен. Это международное публичное право, международные права человека, мирное разрешение международных споров, право вооруженных конфликтов, защита национальных меньшинств, актуальные проблемы международного публичного права и др.

С 2016 года начинается работа Б. Кривокапича на кафедре теории и истории государства и права и международного права юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.

Научные интересы Бориса Кривокапича лежат прежде всего в сфере международного права. Вместе с тем профессор часто обращается к вопросам сравнительного правоведения, выбирая для научно-прикладных исследований такие страны, как Австрия, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Италия, Латвия, Литва, Македония, Румыния, Словакия, Словения, Финляндия, Хорватия, Черногория, Швеция, Эстония и Южная Корея. При этом тематика проводимого им научного анализа удивляет своей широтой, охватывая вопросы защиты национальных меньшинств и официального использования языка, теоретико-прикладные аспекты конституционного развития

страны и деятельности конституционных судов, вопросы территориальной автономии, статуса государственных университетов, актуальные проблемы административного права и др.

В области международного права Б. Кривокапич специализируется на таких проблемах, как источники международного права, субъекты международного права, дипломатическое и консульское право, право мирного урегулирования международных споров, право вооруженных конфликтов (военное и гуманитарное право), международное уголовное право, защита прав национальных меньшинств и др.

Перу профессора Кривокапича принадлежат (без учета переизданий и более поздних редакций) 42 монографии (из них 21 работа написана им единолично), свыше 200 научных статей, 4 перевода конституций и законов.

Научные и учебные работы профессора опубликованы в Австрии, Бельгии, Боснии и Герцеговине, Великобритании, Венгрии, Германии, Испании, Италии, Канаде, Польше, России, Румынии, Сербии, Словакии, Словении, СССР, США, Хорватии, Черногории, Швейцарии, Югославии, Южной Корее.

Книги Бориса Кривокапича находятся в публичных библиотеках около 30 стран мира. В Библиотеке Конгресса США – 12 книг этого ученого-юриста.

Профессор Б. Кривокапич процитирован свыше 2 873 раз со стороны более 400 авторов из 28 стран Европы, Америки и Азии.

Борис Кривокапич являлся главным редактором и редактором ведущего национального (югославского, а потом сербского) научного журнала «*Strani pravni život*» (1990–1998 гг., 2000–2006 гг.); главным редактором ведущего национального (сербского) научного журнала «*Megatrend revija – Megatrend Review*» (2012–2014 гг.); редактором национального (сербского) экспертного журнала «*Преглед авронског законодавства*» (1999–2000 гг.).

В настоящее время он является членом редакции ведущего национального (сербского) научного журнала «*Megatrend revija – Megatrend Review*» (с 2014 г.); членом редакционного совета научного журнала «Юридический вестник Самарского университета» (г. Самара, Россия).

Энциклопедические познания профессора Кривокапича обусловили его востребованность как эксперта по международному праву

и по правам человека для многих правительств Югославии и Сербии, различных профильных министерств (науки и образования, юстиции, прав человека, внешних дел, внутренних дел, обороны, экологии и др.), Конституционного суда Сербии, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Совета Европы, Евросоюза, Программы ООН по развитию (UNDP) и т.д.

Борис Кривокапич принял активное участие более чем в 40 научных конференциях, семинарах, симпозиумах, проводившихся в Австрии, Боснии и Герцеговине, Венгрии, Греции, Испании, Румынии, Сербии, СССР, Танзании, Франции, Хорватии, Югославии, Южной Кореи и, конечно же, в России.

Специфика международного права потребовала от профессора Б. Кривокапича проведения научных исследований и за рубежом (в Великобритании – 1987 г., Венгрии – 1989 г., Южной Кореи – 1994 г.).

Заслуги профессора Б. Кривокапича не остались без должной оценки со стороны государственных и общественных организаций. Он имеет награду Института сравнительного права (1996 г.) за выдающуюся научную работу, по случаю 40-летнего юбилея Института. Борис Кривокапич номинирован: премией категории A1 Министерства науки Республики Сербии (2004 г.) за выдающиеся научные заслуги в реализации научных проектов Министерства; премией имени профессора Борислава Т. Благоевича (2006 г.) за лучшую книгу в сфере сравнительного и европейского права, опубликованную в Сербии и Черногории в 2004–2005 гг.; а также премией «Лучший автор» (2011 г.) ГП «Службени гласник» за капитальный труд «Энциклопедический словарь международного права и международных отношений» (2010 г.).

Если читатели захотят получить более подробные сведения об уважаемом профессоре, то информацию о нем они без труда смогут найти в энциклопедических интернет-источниках (более 10 на разных языках), в частности, в Википедии (*Wikipedia*, в издании на английском, сербском и сербохорватском языках), в печатных энциклопедических изданиях («Энциклопедии сербского народа» (*Енциклопедија српског народа*, Београд 2008, с. 550), «Сербском *Who is Who*» (*Српски Who is Who* 2011–2013, Београд, 2013, с. 388).

Профессор Борис Кривокапич, полный сил и творческой энергии, в совершенстве владея русским языком, с 2016 года активно делит-

ся своими знаниями и опытом в юридическом институте Самарского университета. Будучи сотканным из таких прекрасных человеческих качеств, как скромность, чуткость, ответственность и верность долгу, он обрел заслуженный авторитет и уважение среди коллег, востребован студентами и аспирантами.

Написание учебника для магистерской программы и аспирантов – это весьма ответственная миссия. Как известно, многоуровневая система высшего образования существует в России относительно недолгий период времени, и перед тем, кто берется за написание такого учебника, стоит задача выделить и осветить наиболее принципиальные проблемы избранной отрасли права. Но требуется сделать это доступно, памятуя о том, что магистранты и аспиранты – это все же обучающиеся, а не сформировавшиеся ученые, поскольку есть риск скатиться в строго научное изложение соответствующих проблем, то есть писать для аудитории ученых, что не позволит достичь поставленной цели.

К чести автора, данный учебник выдержан именно в таких параметрах. Автор сочетает глубокий теоретический материал с конкретными фактами международно-правовой жизни, что делает издание крайне насыщенным и интересным для чтения.

По нашему мнению, автору удалось выделить и изложить в учебнике ключевые проблемы международно-правовой повестки, в числе которых понятие международного права, его специфика и система, проблема злоупотребления международным правом, источники международного права и их иерархическое взаимоотношение, государственный суверенитет и международное право в эпоху глобализации и многие другие вопросы.

Особо хотим отметить внимание автора к проблемам космического права, что соответствует перспективному научному направлению кафедры, на которой трудится профессор Б. Кривокапич. Автор сосредотачивает свое внимание на понятийных и методологических проблемах данной подотрасли международного права и рассматривает различные подходы к определению космического права, предлагая свое (как всегда научно выверенное и четкое) понимание.

Обучение в магистратуре и аспирантуре призвано способствовать развитию и формированию научного мышления, объективированным

итогом которого выступает магистерская или кандидатская диссертация выпускников. Весь учебник в полной мере нацелен на решение этой задачи, но отдельно стоит выделить заключительную главу, посвященную перспективам развития международного права. Как известно, в гуманитарных науках нет непреложных истин; многообразие научной картины мира, плюрализм мнений зачастую влекут пересмотр сложившихся постулатов. Так и здесь, усвоенный магистрантами материал есть лишь ступенька к дальнейшему познанию международного права; в главе о перспективах его развития автор показывает дальнейший возможный вектор движения, следуя которому обучающиеся призываются к тому, чтобы самим стать творцами новых идей и положений. Во всяком случае, издание, которое сейчас перед вами, дает для этого все возможности!

От имени автора и от имени юридического института выражаем глубокую признательность рецензентам и редакторам настоящего издания – тем, благодаря кому учебник был еще более усовершенствован и адаптирован для российской студенческой и научной аудитории. В их числе доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права, к.ю.н. Красов Сергей Иванович, доцент кафедры уголовного права и криминологии, к.ю.н. Климанова Ольга Валериевна, доцент кафедры уголовного процесса и криминологии, к.ю.н. Сержантова Лидия Александровна, старший преподаватель кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права, к.ю.н. Агаларова Мария Андреевна.

Коллектив юридического института, кафедры теории и истории государства и права и международного права поздравляет профессора Б. Кривокапича с выходом очередного замечательного издания и желает ему не оставлять усилий на поприще науки международного права!

*А.Г. Безверхов,
директор юридического института
Самарского национального исследовательского
университета имени академика С.П. Королева,
доктор юридических наук, профессор*

*А.В. Юдин,
заведующий кафедрой гражданского процессуального
и предпринимательского права Самарского национального
исследовательского университета имени
академика С.П. Королева, доктор юридических наук, профессор*

ВВЕДЕНИЕ

I

Международное право не относится к категории специальных отраслей права (конституционное, уголовное, семейное право и др.), несмотря на то, что лица, не имеющие специальной юридической подготовки, и студенты-юристы порой уравнивают его с отраслевыми юридическими науками. Все отрасли внутреннего (национального) права государств в совокупности являются частью какой-либо правовой системы – например, право России, право США, право Китая и т.д. Хотя иногда правовые нормы могут содержать аналогичное регулирование, правовые системы государств существенно различаются, и, во всяком случае, каждая из них является самостоятельной системой, точно так же, как и каждое конкретное государство является самостоятельным субъектом.

Международное право также представляет собой систему, по объему и сложности ничуть не уступающую правовой системе любой страны. Оно тоже имеет собственные, достаточно развитые отрасли – право международных договоров, дипломатическое и консульское право, право международных организаций, морское право, речное право, воздушное право, космическое право, право вооруженных конфликтов (военное и гуманитарное право), право в области прав человека, международное уголовное право и т.д. Не останавливаясь на этом, в рамках перечисленных отраслей можно продолжить разделение на отдельные, также весьма развитые сферы, например, в рамках права в области прав человека: основные права и свободы человека, защита прав этнических (национальных) меньшинств, защита прав ребенка, защита прав женщин, защита прав трудящихся, защита прав беженцев, международные механизмы реализации прав человека и т.д.

Вполне можно представить себе целый факультет, на котором в течение четырех лет изучалось бы только международное право, его отрасли и дисциплины.

С учетом всего вышесказанного становится очевидным, насколько сложно, если вообще возможно, выделить важнейшие проблемы современного международного права. Они существуют во всех областях, вызывая бесчисленное множество вопросов, и, разумеется, возникают при попытке найти решение главных проблем современного мира, таких как международная безопасность, вооруженные конфликты (международные и внутренние), гонка вооружений, противоречия между богатыми и бедными странами, голод и нехватка воды в мире, международный терроризм, транснациональная организованная преступность, разрушение окружающей среды, пандемия и т.д.

Некоторые проблемы международного права вечны, они существуют с давних пор и, вероятно, будут актуальны всегда. Другие, возникнув в определенный период, впоследствии преодолеваются или вытесняются новыми, в тот момент более важными, вопросами.

II

В этой книге представлены только некоторые из актуальных проблем, с которыми сталкивается современное международное право. Важность каждой из них неоспорима. Одни являются принципиальными и тем самым имеют непреходящий характер, другие существовали всегда, однако в наши дни приобрели особую актуальность, а третьи, хотя и совсем новые, имеют исключительное значение как в теоретическом, так и в практическом смысле.

В 2017 году при поддержке Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева в издательстве «Вектор» (г. Самара) было выпущено мое учебное пособие «Проблемы современного международного права», которое легло в основу настоящего учебника. Однако, несмотря на схожее название и частично идентичное содержание, он не представляет собой просто новое издание учебного пособия, а является, по сути, новой книгой. Если сравнить ее с учебным пособием 2017 года, можно заметить, что из тех 9 глав полностью исключены 3 достаточно объемные главы: II «Характеристики международного права. Соотношение внутригосударственного и международного права», IV «Санкции в международном праве» и V «Субъекты международного права». Причина этому, конечно, не в утрате актуальности, а в том, что при

участии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева в издательстве «Вектор» (г. Самара) вышел в 2018 году мой учебник «Международное публичное право», где эти проблемы достаточно освещены.

Следует заметить, что и оставшиеся 6 глав учебного пособия 2017 года не просто переписаны, а значительно переработаны и обновлены в соответствии с новыми событиями и новыми фактами.

С другой стороны, в настоящий учебник, который перед Вами, добавлено 9 совершенно новых глав, которые касаются некоторых других актуальных проблем. Это вопросы, на которые уже сегодня нужны ответы, но которые, судя по всему, еще долго будут привлекать внимание специалистов в области международного права.

Учебник предназначен для магистрантов и аспирантов международно-правового направления. Автор исходит из предположения, что читатель в рамках основной программы обучения уже приобрел базовые знания по рассматриваемым темам. Поэтому акцент сделан на освещении новых и менее изученных вопросов и проблем с широкой опорой на важнейшие теоретические подходы и новейшую практику.

Автор по многим вопросам сознательно занимает критическую позицию. Это сделано не только в интересах объективности и научной истины, но и с явным желанием вызвать у читателя интерес к обсуждаемым проблемам, побудить его к более глубокому исследованию проблемы и в результате, по мере возможности, к самостоятельному выводу в соответствии с его собственным пониманием, трактовкой и убеждениями.

Иными словами, книга создавалась не с той целью, чтобы магистранты и аспиранты могли выучить материал наизусть, воспроизвести его на экзамене и забыть, а с намерением помочь им углубиться в проблематику и благодаря этому лучше понять, а значит действительно, запомнить важнейшие принципы. Кроме того, автор надеется, что, ознакомившись с представленными проблемами, читатели найдут среди них тему, которая вдохновит их написать магистерскую или кандидатскую, а когда-нибудь и докторскую диссертацию на основе данного материала или стать экспертами в какой-либо из перечисленных областей.

III

Учебник состоит из 15 глав. В конце каждой главы даны контрольные вопросы.

Список литературы приведен в конце книги в следующем порядке: литература общего характера (работы, относящиеся к большинству глав или ко всем главам), а затем специальная отдельно для каждой главы.

Осознанно включено относительно большое количество работ на иностранных языках, в частности, на английском. Сделано это по трем причинам.

Во-первых, автор пользовался этими работами, когда писал учебник и, стало быть, должен сослаться на них.

Во-вторых, без ознакомления с литературой на разных языках невозможно серьезно заниматься международным правом. Это особенно относится к работам на английском языке, так как на нем публикуются наиболее важные произведения авторов из разных стран. В этом отношении международное публичное право отличается от других отраслей права, таких как конституционное, уголовное, гражданское, семейное, трудовое, налоговое и т.д., где использование иностранной литературы весьма желательно, но часто не обязательно.

В-третьих, читатели легко найдут соответствующую дополнительную литературу на русском языке не только в библиотеках, но и в Интернете. Только соединение того, что можно узнать из литературы на русском языке, с тем, что содержится в произведениях на иностранных языках, в частности, на английском может обеспечить предпосылки для объективного и полного представления о конкретной проблеме, а также для понимания других подходов и идей.

IV

Мне хочется публично поблагодарить издателя этого учебника – Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева. Это уже наша пятая совместная работа и, надеюсь, не последняя. Для меня большая честь и удовольствие, что мои книги издаются в России таким авторитетным научным учреждением.

Особую благодарность выражаю ректору Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева профессору, доктору экономических наук Владимиру Дмитриевичу Богатыреву и исполнительному директору юридического института Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева профессору, доктору юридических наук, Артуру Геннадьевичу Безверхову за успешное сотрудничество и, в частности, за все, что они сделали, чтобы эта книга увидела свет.

Также искренне благодарю всех остальных коллег, которые внесли свой вклад в то, чтобы этот учебник был таким, какой он есть.

*Борис Кривокапич,
Белград, 15.02.2021 г.*

Глава I.

ПОНЯТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

1. НАЦИОНАЛЬНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Каждое государство формирует свой внутренний правопорядок. Это его внутреннее право, которое в зависимости от регулируемых отношений подразделяется на соответствующие отрасли – конституционное право, административное право, уголовное право, гражданское право, трудовое право, семейное право и т. д.

Вполне естественно, что правовые системы разных стран в значительной степени отличаются друг от друга. И все же они, по сути, представляют собой одно и то же явление. Речь всегда идет о правовой системе, упорядочивающей отношения, регулирование которых входит в компетенцию государства в пределах его юрисдикции. Поэтому выражение «внутреннее право» («местное», «государственное», «национальное» и др.) часто используется для суммарного обозначения такого права, без привязки к правовой реальности конкретной страны.

Однако существуют отношения, развивающиеся независимо от государственных границ (трансграничные отношения). Некоторые из них также регулируются внутренним правом государств. К ним относятся, например, официальные и другие (в частности, из области трудового права) отношения в дипломатическом и консульском представительстве соответствующего государства на судне, имеющем его государственную принадлежность, но находящемся за пределами его государственных границ, и т. п.; частные правовые отношения с иностранным элементом, такие как брак с иностранным гражданином, наследование с иностранным элементом и т. д.

Тем не менее, огромная часть этих отношений, при этом – наиболее важных из них, развивается между государствами и некоторы-

ми другими субъектами согласно особым правовым нормам. Свод этих норм образует специфический правовой порядок, именуемый международным (публичным) правом¹.

2. РАЗЛИЧИЕ ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

1. Понятие категории «международное право»

Подобно другим сложным социальным явлениям международное право также нуждается в максимально точном определении для того, чтобы установить, что конкретно оно собой представляет, кого обязывает и в чем состоит его отличие от некоторых схожих явлений (например, международной этики, международной политики, международного этикета и т. п.).

Помимо этого интересно отметить, что существует достаточное количество работ, в которых подробно рассматриваются различные вопросы международного права, но не дается его определение. Авторы либо вовсе обходят проблему определения международного права, либо избегают этого, лишь анализируя природу и роль международного права или социальную функцию международного права, его соотношение с правосудием, этикой, основными общественными интересами и т. п., либо сводят проблему к тому, что делает норму международно-правовой нормой и как определить норму как норму международного права, либо приводят определения других теоретиков, но, не будучи последовательными, дают собственное видение, или обещают дать определение, но фактически этого не делают.

Причины, заставляющие этих авторов не углубляться в определение международного права, сводятся, вероятно, к убеждению, что оно само по себе вполне очевидно, или к подходу, подразумевающему рассмотрение отдельных отраслей, институтов и норм международного права, а не международного права как такового, то есть как

¹ Заметим, что, несмотря на относительно четкое деление между внутренним (государственным) и международным правом, нужно признать отсутствие абсолютной грани между ними. Эти две правовые системы находятся во взаимосвязи и в известном смысле проникают друг в друга.

целостной системы. Возможно также, что эти авторы считают достаточным в рамках соответствующих тематических блоков (субъекты международного права, источники международного права, соотношение международного и внутреннего права и др.) показать важнейшие характеристики международного права и сформировать тем самым представление о нем. Наконец, некоторые просто избегают рассуждений на «скользкую» тему, приняв международное право как одно из явлений, не поддающихся определению.

И все-таки в науке определения если не обязательны, то, во всяком случае, желательны. Давать описание и толкование чего-то, не объясняя при этом, о чем идет речь, значит осуществить дело наполовину.

Придавая важное значение максимально точному определению международного права, большинство авторов уже на первых страницах своих систематических подобных исследований предлагают собственную дефиницию этого правового явления. При этом появляются различные подходы, являющие собой следствие личной позиции автора, а также периода времени, в который он писал (иными словами, описываемой им практики), местных особенностей его становления и т. п.

При общем рассмотрении вопроса можно отметить, что определение международного права возможно дать несколькими способами: с точки зрения права и с точки зрения некоторых других наук (науки о международных отношениях, социологии, философии и т. п.). Точно так же определение можно дать, исходя из различных критериев – в зависимости от субъектов, на которых распространяется международное право (чьи отношения регулирует), в зависимости от субъектов, его формирующих, в зависимости от содержания отношений, являющихся предметом регулирования, в зависимости от общественной функции международного права и т. д. Было бы идеально, если бы определение охватывало все эти вопросы, но это едва ли возможно, а, скорее всего, и не нужно – вполне приемлемо дать разные определения для разных целей.

В рамках данной работы нам интересны преимущественно определения международного права, рассматривающие его в качестве самостоятельной отдельной системы норм. Осознавая тот

факт, что любые обобщения и классификации в значительной мере субъективны и извлечение определенных формулировок из контекста целой работы представляется довольно сложным, считаем целесообразным рассмотреть хотя бы часть подходов, которые в разные периоды появлялись в юридической литературе на этот счет.

В целом международное право определяется:

- 1) как право, регулирующее отношения между государствами;
- 2) как право, регулирующее отношения между государствами и подобными им образованиями;
- 3) как право, регулирующее отношения в мировом сообществе;
- 4) как право, регулирующее отношения между государствами и другими субъектами;
- 5) путем комплексного подхода².

2. Современное международное право

Мир, в котором мы живем, подвержен постоянным изменениям. Как известно, «нельзя войти в одну и ту же реку дважды»³.

При мысли о средстве передвижения воображение наших предков рисовало, прежде всего, лошадей и разнообразные виды повозок, в то время как мы в первую очередь представляем себе автомобиль, самолет или поезд. При том, что веками оружием воинов были меч, кинжал, копье, лук и стрелы, современный человек вспомнит о них только после огнестрельного оружия, танков, самолетов, ракет. Если в прошлом известия передавались через глашатаев или почтовых голубей, а изобретение телеграфа в конце XIX в. было революционным прорывом, то мы живем в совсем другой реальности, во времена, когда даже маленькие дети пользуются мобильными телефонами и интернетом. Подобные сравнения можно было бы продолжать до бесконечности. Мы напоминаем о них с целью подчеркнуть необхо-

² Разумеется, существуют определения, совершенно не вписывающиеся в эту категоризацию. Это относится, например, к тем авторам, которые говорят не о государствах, а о народах, хотя предположительно имеют в виду нации или государства.

³ Потому что она постоянно меняется с непрерывным притоком новых вод (вода в реке находится в постоянном движении и в этом смысле никогда не бывает «одинаковой» в одном и том же месте).

димось учета времени и обстоятельств, в которых рассматривается конкретное явление. Это относится и к международному праву.

Определение международного права должно быть связано с тем международным правом, которое оно описывает. В прошлом определение этого права как права, действующего в области отношений между государствами, достаточно верно отражало сущность данного правового порядка и его субъектов. В современном международном праве все стало значительно сложнее. Современное международное право гораздо более развито, чем когда-либо прежде, что выражается в росте числа его субъектов, источников, санкций и т. д.

Все вышеперечисленное делает весьма сложным и неблагоприятным делом формулирование какого-либо обобщенного определения международного права в наше время. Тем не менее, осознавая возможные риски, мы осмелимся предложить формулу, не претендующую на совершенство, но, по нашему убеждению, достаточно хорошо описывающую явление, которое она характеризует.

В этом смысле *современное международное право – это специфическая правовая система, возникшая и развивающаяся в международно-правовом сообществе на основе совместного волеизъявления государств и других субъектов международного права, которая имеет собственные специфические источники права и регулирует международные публичные правовые отношения государств и определенных международных организаций, а также некоторые международно признанные права и обязанности иных субъектов международного права.*

Это определение требует дополнительного разъяснения.

1. Прежде всего, в нем говорится о *современном международном праве*. Международное право претерпевало значительные изменения в ходе истории. В прошлом оно представляло собой достаточно скудный свод определенных норм и институтов, которыми регулировались исключительно отношения между государствами. Однако сегодня мы имеем дело с особой правовой системой как вполне сложившейся целостностью с относительно небольшим (или все уменьшающимся) количеством правовых пробелов.

2. Вторым элементом определения указывает на то, что международное право – это *специфическая система правовых норм*. Иными

словами, это право, имеющее ряд особенностей, о которых будет сказано подробнее, но в основе своей это такое же право, как и любое другое право. Иными словами, это обязательные правила поведения.

3. Не каждое право является международным. Таковым является только право, возникшее и развивающееся в международно-правовом сообществе, что означает «вне границ конкретных государств». Оно создается и изменяется его основными субъектами, которыми являются государства и в новейшее время – международные организации. Таким образом, несмотря на то, что в некоторых случаях в порядке исключения источниками международного права могут быть и односторонние акты, в прямом смысле ни один субъект не создает это право сам по себе (подобно тому, как государство создает свои внутренние нормы), а только совместно с другими такими же субъектами.

В отличие от внутренних правовых систем, в международном сообществе нет верховного законодателя. Нормы международного права создаются самими его субъектами, прежде всего государствами и определенными международными организациями, в преобладающем большинстве случаев посредством международных договоров, либо посредством международно-правовых обычаев. При этом в создании данных норм участвует не менее двух, а зачастую и множество таких субъектов (иногда и практически все). Возникновение нормы международного права путем одностороннего акта некоего субъекта этого права (государства или международной организации) является совершенно исключительным явлением, которое, вдобавок ко всему, в принципе основывается на уже существующем международном праве.

4. *Действие норм международного права в пространстве не ограничивается территорией определенного государства.* В отличие от норм внутреннего права каждого конкретного государства, в принципе действующих в рамках его государственных границ, и только в порядке исключения вне этих границ⁴, нормы международного права действуют либо *в пространстве за пределами нацио-*

⁴ Например, в случае персональной юрисдикции над собственными гражданами, находящимися за рубежом, в связи с юрисдикцией над морскими судами, имеющими государственную принадлежность к конкретному государству и т. д.

нальной юрисдикции какого-либо государства (например, открытое море, космос), либо независимо от государственных границ, когда одни и те же правовые нормы действуют в нескольких или во всех государствах, или в международных отношениях по широкому кругу вопросов⁵.

5. Международное право регулирует *отношения субъектов международного права*. Хотя в юридической науке нет единого мнения об определении субъектов международного права и составе этой категории, бесспорно, что основными такими субъектами являются государства и определенные международные организации. В соответствии с этим международное право призвано, прежде всего, регулировать отношения между государствами и международными организациями и между самими международными организациями.

Однако в наше время круг субъектов международного права не ограничивается только государствами и международными организациями. В известной степени признана международная правосубъектность (правда, в гораздо меньшем объеме, чем та, которой обладают государства и международные организации) некоторых специфических субъектов, определенных групп лиц и даже индивидов. Это означает, что, говоря о международном праве и регулируемых им отношениях, следует иметь в виду и эти субъекты, их соответствующие отношения и статус.

6. Международное право регулирует не все отношения между своими субъектами, а только те из них, которые являются *международными* и при этом имеют *публично-правовой* характер.

Отношения, существующие внутри государственных границ, или, по крайней мере, большинство из них, являются предметом внутреннего права.

И наоборот, международное право регулирует отношения, развивающиеся независимо от государственных границ (на территориях нескольких государств или в пространствах, не находящихся под

⁵ Например, нормы, касающиеся дипломатических привилегий и дипломатического иммунитета, нормы, касающиеся организации и работы международных организаций, военное и гуманитарное право (нормы, касающиеся запрещенных средств и методов ведения войны, нейтралитета, защиты жертв войны и т. п.) и т. д.

юрисдикцией ни одного из государств), но только если речь идет о публично-правовых отношениях. На этом следует сделать акцент, потому что многие международные (трансграничные) контакты вообще не являются правовыми отношениями, а если и являются таковыми, то многие из них не носят публично-правовой характер. Публично-правовой характер присущ не всем отношениям между государствами. Часть этих отношений в принципе не имеют значения для международного публичного права и являются предметом регулирования других подотраслей международного права – международного частного права, международного хозяйственного права и т. д.

Между тем, международное право регулирует не только публично-правовые отношения на международной арене. Оно регулирует, причем в нарастающей степени, определенные отношения и процессы в самих государствах (в пределах их границ). В этом смысле достаточно отметить, что оно все полнее и непосредственнее регулирует определенные вопросы, которые до недавних пор считались подпадающими под исключительную внутреннюю компетенцию государств – основные права и свободы человека, защита прав меньшинств, запрет определенных актов в ходе гражданских войн, охрана природы (окружающей среды) и т. п.

3. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО КАК СИСТЕМА ПРАВА

Международное право является правом. То есть оно представляет собой свод норм и принципов, регулирующих обязательные правила поведения.

Последнее нужно подчеркнуть по той причине, что, как ни странно, порой и сегодня можно услышать утверждения, будто явление, называемое международным правом, вовсе не право, а совокупность неких этических и тому подобных правил, но не правовых норм. На основе этого высказываются замечания, что когда речь идет о международном праве, в лучшем случае можно говорить о фрагментарном праве или праве в процессе становления.

Это представление подкрепляется разными аргументами.

1. Так, прежде всего подчеркивается, что существование международного права невозможно уже с теоретической точки зрения. Поскольку оно должно быть своего рода разновидностью надгосударственного права, его должна создавать и применять власть, стоящая выше государственной власти, а таковая не существует. Более того, высказываются утверждения, что существование подобной власти невозможно, так как оно означало бы отрицание суверенитета государств. Таким образом, либо государства суверенны и, соответственно, не могут быть связаны никаким «внешним» (международным) правом, либо нет, но в таком случае снова нет места международному праву (так как нет суверенных единиц, связываемых этим правом).

Эти возражения несостоятельны уже потому, что противоречат действительности. В наше время заметна тенденция увеличения числа государств, и при этом система международного права становится все более всеохватывающей. Несовместимость суверенности государств и существования международного права иллюзорна. Именно международное право признает и гарантирует суверенность государств. А что касается частичного ограничения, то дело обстоит так же, как и со всеми остальными юридически признанными правами, в том числе правами отдельных лиц – обладание правом всегда сопровождается определенными ограничениями, по меньшей мере требованием уважать легитимные права других лиц. В этом нет ничего нового или характерного только для международного права.

Вдобавок, как уже было сказано, современное международное право регулирует не только отношения между государствами, но также права и обязанности международных организаций и других (вновь образуемых) субъектов, число которых продолжает расти. Поэтому попытка свести это право на существующее в рамках межгосударственных отношений означала бы сознательно игнорировать сложность и разнообразие процессов и отношений в современном мире.

2. Существует утверждение, что международное право не является правовой системой по причине недостаточного его развития, то есть количество существующих в нем норм мало, и они регулируют слишком ограниченный круг отношений.

Это замечание, возможно, было правомерным в прошлом, но сегодня оно совершенно неприемлемо. Нужно признать, что и в наше время международное право не регулирует всю совокупность отношений, существующих в международном сообществе. Однако, вне всякого сомнения, оно имеет достаточно широкий охват и продолжает развиваться, включая все новые и новые области. В то же время отношения, которые регулируются нормами международного права, сегодня все более упорядочиваются.

Об этом, помимо прочего, свидетельствует постоянный рост международных договоров, особенно тех, которыми кодифицируются определенные материи. Непрерывно увеличивается и число договаривающихся сторон, важнейших контрагентов этих договоров, что создает условия для трансформации соответствующих норм в общее обычное международное право, а именно приобретения ими обязательного характера. Можно отметить усиливающуюся роль и других источников международного права, особенно форм определенных международных организаций.

Впрочем, и во внутригосударственных правовых системах не все релевантные вопросы охвачены правовым регулированием. В противном случае не существовали бы пробелы в праве, а они, как известно, существуют.

В действительности, независимо от степени развития, право не только не может в полном объеме предусматривать и регулировать все общественные отношения, но, по природе вещей, всегда следует за реалиями жизни. Это относится и к правовым системам конкретных государств, а тем более к международному праву, нормы которого появляются в результате сложного и длительного процесса.

3. В прошлом те, кто оспаривал правовой характер международного права, часто подчеркивали, что международное право не является правовой системой, как не имеющая эффективных правовых санкций, и не может их иметь, поскольку речь идет об отношениях между суверенными единицами, из которых каждая обладает монополией силы.

Авторы, высказывающие подобные возражения, упускают из виду, что и во внутренних правовых процессах государств суще-

ствует множество правовых норм, не имеющих эффективные правовые санкции и не способных их иметь. С другой стороны, хотя санкции международного права во многом отличаются от санкций, характерных для внутренних (национальных) правовых систем, тем не менее они являются не только многочисленными и разнообразными, но и в принципе весьма эффективными.

4. По некоторым утверждениям то, что называется международным правом, не есть право, а представляет собой нечто другое (определенную совокупность пожеланий, моральных принципов и др.), так как его нормы на практике слишком часто произвольно интерпретируются и применяются, и даже безнаказанно нарушаются. Таким образом, здесь в качестве аргумента выступает практика. Однако и это замечание несостоятельно.

Любое право, к сожалению, иногда нарушается. Международное право в этом отношении не является исключением. Однако в случае нарушения международного права государства и другие ответственные субъекты не только знают, что нарушают его (осознавая существование этого права), но и во избежание ответственности стремятся придать своим поступкам вид действий, находящихся в рамках права. Если бы не существовало международного права как системы правообязывающих норм, то у государств как суверенных единиц не было бы необходимости в таком поведении, и они имели бы полную свободу действий. Таким образом, рассуждая логически, если речь идет о нарушении норм международного права, это значит, что оно существует. Невозможно нарушить то, чего не существует.

К сказанному стоит добавить, что серьезные нарушения международного права всегда бросаются в глаза, поскольку часто сопровождаются тяжелыми последствиями. Так, например, агрессия подразумевает не только нарушение международных норм по ее запрету, но и человеческие жертвы, масштабные разрушения, вред, наносимый окружающей среде, и т. д. По этим причинам порой забывают, что на практике преобладающее количество международно-правовых норм применяется без каких-либо проблем.

Не следует питать иллюзии, что государства и другие субъекты международного права никогда не будут нарушать международное

право. Подобные нарушения всегда будут иметь место, в большей или меньшей степени. Тем не менее, правильный подход состоит не в том, чтобы на этом основании отрицать существование международного права (что, впрочем, невозможно), а в том, чтобы развивать сознание о недопустимости его нарушения, в предотвращении наиболее тяжелых форм его нарушения, особенно связанных с применением силы и, наконец, в последовательном и эффективном применении предусмотренных санкций в случае нарушения норм международного права.

Впрочем, нарушается не только международное право. Когда речь идет о внутренних правовых системах, трудно найти государство, в котором не было бы хотя бы единичных примеров коррумпированных политиков, полицейских или судей, сфабрикованных судебных процессов и вообще безнаказанно совершаемых нарушений правовых норм, причем даже в области конституционного, административного или уголовного права. И, тем не менее, никому не приходит в голову оспаривать, что речь идет о системе права. Оно может быть лучше или хуже, может применяться более или менее последовательно, но остается правом. Аналогично дело обстоит и с международным правом, но осложняется тем, что его основными субъектами являются государства и международные организации, а его действие в пространстве охватывает территории нескольких государств и, в самом широком смысле, весь мир.

Таким образом, международное право представляет собой особый правовой порядок, обладающий индивидуальными характеристиками, являясь при этом правом, подобно любому другому.

Анализ практики показывает, что государства несопоставимо чаще соблюдают международное право, чем его нарушают⁶. Они делают это, исходя из собственных интересов, так как это является предпосылкой для удовлетворения взаимных потребностей и обще-

⁶ Если бы это было так, то война, а не мир, была бы естественным состоянием; государства не имели бы дипломатических представительств на территориях друг друга; не заключались бы международные договоры; не существовали бы международные организации; не осуществлялось бы морское, воздушное, почтовое, телефонно-телеграфное сообщение и другие виды сообщений между разными государствами и т. д.

го сотрудничества, в противоположность хаосу, который возник бы в противном случае.

Только соблюдение международно-правовых обязательств каждым членом мирового сообщества гарантирует стабильные и гармоничные отношения в этом сообществе, а тем самым прогресс и само существование этого сообщества.

4. СПЕЦИФИКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Международное право во многом отличается от системы или систем внутригосударственного права. Различия наблюдаются в ряде элементов: в субъектах, предмете регулирования, источниках, способах установления норм, средствах обеспечения их соблюдения и т. д.

1. Субъекты международного права

Субъектами внутригосударственного права являются физические, юридические лица и государственные органы, а основными субъектами международного права – государства и международные организации, при этом наряду с ними выступают также различные другие субъекты.

2. Предмет регулирования международного права

Различны и общественные отношения, являющиеся предметом регулирования. Если внутригосударственное право регулирует общественные отношения внутри отдельных государств (например, между индивидами или юридическими лицами, между лицами и государственными органами), то предметом регулирования международного права преимущественно являются международные отношения, при этом не все, а только те из них, которые носят публично-правовой характер. Например, международное, а не внутригосударственное право регулирует такие вопросы как мир-

ное разрешение международных споров, правовой статус международных организаций, правовой режим международных рек, свобода открытого моря, правовой статус космического пространства, права и обязанности нейтральных государств и т. д.

3. Источники международного права

Основными источниками внутригосударственного права являются: конституция, законы, указы и постановления, иные подзаконные акты. В отличие от этого, основными источниками международного права являются международные договоры и обычные нормы международного права.

4. Системные характеристики международного права

Международному праву присущи определенные системные характеристики. Хотя оно и содержит нормы разной юридической силы, в нем, в принципе, отсутствует строгая иерархия правовых норм, характерная для национальных правовых систем. Проще говоря, внутригосударственное право имеет вертикальную структуру, а международное – преимущественно горизонтальную.

5. Основные принципы международного права

Во внутренних правовых системах государств в ходе истории выкристаллизовались определенные общие принципы права, то есть определенные общие нормы, представляющие собой основу других норм. Поскольку эти принципы возникли во внутренних правовых системах государств, то они получили название основных принципов права, признанных цивилизованными нациями. Многие из них, присущие праву в целом, находят применение и в международном праве. Однако международные отношения породили ряд особых основных принципов – основные принципы международного права, присущие только международному праву (например, свобода открытого моря, запрет применения силы и угрозы силой, принципы нейтралитета и др.).

6. Природа международного права

Одна из характеристик международного права связана с его природой. Внутренняя правовая система каждого государства основывается на иерархии власти, а значит, первоочередным является право субординации (подчинения). Однако основными субъектами международного права являются суверенные государства, которые в принципе между собой равны с точки зрения права. Они сами создают международное право и добровольно ему подчиняются. И хотя в действительности одни государства, несомненно, являются более влиятельными и в состоянии намного эффективнее и проще добиться уважения своих собственных интересов, даже они не в состоянии постоянно навязывать свое мнение. По этим причинам международное право содержит выраженные элементы компромисса между различными идеями и интересами и, согласно этому, для него более характерны элементы координации (согласования) и реципрокной взаимности, чем субординации.

7. Юридическая техника международного права

Международное право обладает особой юридической техникой. Она состоит как в специфическом способе утверждения правовых норм, так и в специальных средствах обеспечения их исполнения.

Во внутренних правовых системах нормы утверждают законодательные и другие государственные органы, а в качестве гаранта исполнения норм выступает государственный аппарат принуждения и, в частности, судебная система.

В мировом сообществе нет верховного законодательного органа. И хотя существуют некоторые исключения, нормы международного права в принципе утверждаются согласием заинтересованных субъектов этого права (в первую очередь государств). Важнейшей и наиболее распространенной формой норм современного международного права являются международные договоры. При этом, хотя преобладавшие в прошлом двусторонние договоры продолжают занимать важное место, особое значение приобретают многосторонние международные соглашения, особенно имеющие

универсальный характер, кодифицирующие соответствующие отрасли международного права.

Говоря о специальных средствах обеспечения исполнения правовых норм, следует иметь в виду, что в мировом сообществе не существует какой-либо в полной мере эффективной исполнительной или административной власти («мировое правительство», полиция и т. п.)⁷, которая бы, помимо прочего, охраняла бы сложившуюся систему, и в особенности не существует, говоря обобщенно, обязательной судебной системы. Юрисдикция международных судов, в принципе, факультативна. Это означает, что соответствующая юридическая процедура против какого-либо государства может осуществляться только с его согласия. Такое решение понятно, если учесть, что государства суверенны. По мере ослабления позиции государства (этот процесс происходит у нас на глазах) будет усиливаться роль международного правосудия и других международных средств обеспечения соблюдения международного права.

Таким образом, хотя значение международного правосудия постоянно растет, оно все еще не является обязательным. Поэтому международное право разработало иные способы обеспечения соблюдения своих норм, то есть собственную систему санкций.

Контрольные вопросы

1. Какие трансграничные отношения регулируются внутренним, а какие международным правом?
2. Почему многие авторы не дают определение международного права?
3. Какое определение можно дать международному праву?
4. Какое определение международного права приведено в данном учебнике? Объясните элементы этого определения.

⁷ В некотором смысле роль «мирового правительства» играет Совет Безопасности ООН. Однако юрисдикция этого органа строго ограничена определенными вопросами, а его роль вообще сложно сопоставить с позицией исполнительной власти в государствах.

5. Регулирует ли международное право какие-либо отношения внутри государства? Если регулирует, то какие?

6. При помощи каких аргументов оспаривается сущность международного права как права?

7. Что имеется в виду, когда возможность существования международного права отрицается с теоретической точки зрения? Почему такие утверждения несостоятельны?

8. Почему неприемлемо утверждение, что международное право не является правом по причине своего недостаточного развития?

9. Почему неприемлемо возражение, что международное право не является правом по причине отсутствия эффективных правовых санкций?

10. Почему неприемлемо замечание, что международное право не является правом, так как его нормы на практике зачастую слишком произвольно интерпретируются, применяются и даже нарушаются?

11. Каковы особенности международного права по сравнению с внутригосударственным?

12. В чем разница между юридической техникой внутригосударственного и международного права?

Глава II. КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРАВОМ

1. КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

В наше время развитие международного права достигло небывалого уровня. С другой стороны, зачастую можно заметить, что оно погрузилось в глубокий кризис.

Эта, казалось бы, противоречивая оценка встречается и в юридической литературе, которая справедливо указывает на то, что никогда прежде международное право не приобретало подобные формы развития и никогда прежде противоречия не были столь велики, как сегодня. При этом не имеется в виду в целом, что нормы международного права каким-то образом стали «хуже», а что все больше становится очевидных случаев несоблюдения и даже грубого нарушения этих норм, причем нередко без каких-либо негативных последствий для нарушителя.

В связи с этим сразу следует заметить, что отчасти речь идет об иллюзии. Если сегодня создается впечатление, что международное право нарушается в большей мере, чем раньше, то это частично является следствием того факта, что в мире существует больше государств, чем когда-либо прежде⁸. Большее количество субъектов означает и больший шанс нарушения одним из них международного права. Это, однако, говорит и об увеличении числа тех, кто соблюдает это право (если только не быть убежденным в том, что

⁸ В конце XIX века в мире существовало всего около 30 государств, а сегодня их насчитывается около 200, из них 193 являются членами ООН.

его нарушают все, причем в большом масштабе, но в таком случае не было бы речи ни о каком праве, а вопрос бы стоял о конфликте всех против всех).

Необходимо иметь в виду, что наше время, по существу, характеризуется информационной и иной интеграцией разных частей света. И хотя многое продолжает оставаться вне поля зрения общественности, самые вопиющие случаи нарушения международного права (например, агрессия одной страны против другой) стало невозможно скрывать как раньше, когда известия из отдаленных краев шли днями, а иногда и месяцами. И хотя периодически отмечаются очевидные неприкрытые нарушения международного права некоторыми государствами, это говорит не о том, что подобная практика имеет более широкое распространение, чем прежде, а только о том, что она больше, свободнее и своевременнее выносятся на обсуждение⁹.

Однако, даже оставив в стороне вышеприведенные замечания, можно прийти к выводу, что международное право, а точнее, его последовательная реализация, в некотором смысле действительно находится в кризисе.

Причины этого различны, но преимущественно состоят в существующем развитии политической ситуации в мире. Ясно, что содержание и применение внутреннего права каждого конкретного государства непосредственно зависит от того, каковы актуальные политические отношения в нем (например, известно, что внутреннее право намного чаще нарушается в смутные времена, такие как войны, гражданские войны, революции, различные переходные состояния и др.). Так почему та же самая логика не может применяться к международному праву?

Иными словами, всякий раз, когда в международных отношениях возникают периоды напряженности, нестабильности или перехода из одной системы отношений в другую, наступает определенный кризис. Неоднократно последствием становилась война, иногда крупномасштабная война, после чего вновь начинались поиски

⁹ В наше время новости распространяются практически мгновенно. События, снятые кем-то на мобильный телефон, уже через несколько секунд могут оказаться в Интернете, на глазах у всего мира.

стабильных, приемлемых для всех решений, а также механизмов обеспечения их последовательной реализации на практике. Иное решение было просто невозможно.

Когда речь заходит о времени, в котором мы живем, после некоторой стабильности эпохи холодной войны мир оказался в новой реальности, которая характеризовалась существованием единственной мировой сверхдержавы, которую (по крайней мере, так казалось до недавних пор) никто не мог сдержать¹⁰. Наделив себя ролью лидера и в каком-то смысле властелина мира, она не смогла устоять перед соблазном навязывания собственного видения, своих интересов и системы ценностей, используя кратчайший путь, это означает иногда и силой. Что, с одной стороны, порой подразумевало грубое нарушение международного права, а с другой стороны, вызывало сопротивление, столкновения и страдания на всей планете. Все это приобрело особый вес в наше время, когда весь мир является одной «большой деревней» и когда растущее влияние на явления и процессы на глобальном уровне, в том числе на общее международное право, имеют не только отношения между крупнейшими силами, но и происходящее в региональных и местных рамках.

С другой стороны, сегодняшняя реальность каждой страны, региона и мира в целом отягощена многочисленными противоречиями и проблемами, такими как локальные конфликты в разных частях света, международный терроризм, интернационализация организованной преступности, растущая пропасть между богатыми и бедными, ускорение и увеличение объемов загрязнения и деградации окружающей среды, грубое нарушение основных прав человека во многих странах, гонка вооружений (особенно производство ядерного и другого оружия массового поражения), нарастающее отставание новых норм международного права от релевантных событий

¹⁰ После распада СССР в 1991 г. США остались единственной глобальной сверхдержавой. Тем не менее, в последние годы мы стали свидетелями перемен в международных отношениях – мощь США идет на спад, Россия усиливает свои позиции, нарастающий подъем переживают другие страны, прежде всего Китай; в противовес НАТО возникают новые военно-политические союзы (имеется в виду преимущественно всестороннее сближение России, Китая и Индии) и т. д.

и политических решений, меняющихся с невероятной быстротой, чрезмерное развитие международной бюрократии и т. д. В конце концов, достаточно напомнить только о пандемии коронавируса 2020–2021 годов, которая распространилась по всей планете – что бы на самом деле ни скрывалось за этим явлением, оно изменило жизнь людей и самих людей во всех странах¹¹.

Международное право фактически призвано формировать решения и механизмы преодоления этих проблем и опасностей, но по природе вещей не может самостоятельно бороться с ними. Его сила распространяется настолько, насколько позволяет готовность государств к искреннему сотрудничеству в интересах собственного и общего благосостояния и совместному исполнению международно-правовых обязательств.

Поэтому, когда речь идет о кризисе современного международного права, это частично может относиться к оправданным требованиям необходимости дальнейшего и особенно ускоренного развития этой правовой системы и ее адаптации к потребностям современного мира. Тем не менее, в первую очередь речь идет о примерах безнаказанного грубого нарушения важнейших норм международного права (прежде всего о запрете на применение силы и угрозы силой).

С другой стороны, следствием возможности негативных явлений и особенно случаев нарушения международного права становится то, что зачастую остается незамеченным: огромная часть норм этого права бурно развивается и применяется без каких-либо существенных проблем. То же без колебаний можно сказать о преобладающей части норм, относящихся, например, к дипломатическому и консульскому праву, договорному праву, праву международных организаций, речному, морскому, воздушному, космическому праву и т. д.

Все указывает на то, что если не произойдет никакой глобальной катастрофы (мировая война и т. п.), международное право продолжит ускоренно развиваться в разных направлениях.

Однако миру нужно не какое-нибудь, а именно гуманное, демократическое международное право. То есть право, установленное демократическим способом, выражающее и защищающее общеце-

¹¹ В то время, когда мы пишем это, а это начало 2021 года, неясно, как долго продлится пандемия и закончится ли она к концу 2021 года.

ловеческие ценности и удовлетворяющее всех (разумеется, условно), и поэтому уважаемое и соблюдаемое всеми.

Только так может быть достигнута желаемая стабильность, справедливость и гармония в международных отношениях. Без этого в долгосрочной перспективе не может быть ни мира, ни прогресса, ни будущего.

2. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ

Злоупотребить можно всем. Так, например, автомобиль можно использовать для умышленного наезда, для похищения, для контрбанды наркотиков, оружия и т. д. Можно угнать самолет и направить его на определенный объект¹². Вариантов множество.

Но злоупотребить можно не только материальными предметами. Злоупотребить можно информацией, доверием, гостеприимством, полномочиями и т. д. Помимо прочего, злоупотребить можно правом, в том числе и международным.

Чтобы дать исчерпывающее объяснение злоупотреблению международным правом, следует сначала объяснить, что такое злоупотребление правом вообще. Для этого необходимо обозначить, в чем состоит и когда имеет место злоупотребление, и что мы подразумеваем под правом.

1. Злоупотребление

Злоупотребление – это неправильное использование чего-либо, но не любое неправильное использование.

Так, речь не идет о злоупотреблении, когда что-то используется неправильно по причине незнания или по подобным причинам –

¹² Достаточным примером являются теракты в США 11 сентября 2001 г., когда, по официальной версии, террористы захватили четыре самолета, из которых в ходе террористических миссий два самолета поразили башни-близнецы в Нью-Йорке, один врезался в здание Пентагона недалеко от Вашингтона, а четвертый, вследствие сопротивления экипажа и пассажиров, упал на поле в Пенсильвании. Правда, есть и другие версии, отличные от официальной.

например, когда мобильный телефон используется для того, чтобы забивать гвозди, колоть орехи и т. п. Окружающие будут удивляться, вероятно, насмешливо комментировать, однако если некто решит, что мобильный телефон – это идеальная замена молотку, то в принципе, ничто не может помешать ему использовать этот предмет таким образом. Вдобавок он не нарушает никакие юридические или нравственные нормы. Разумеется, если телефон, которым он это делает, его собственный, а не чужой.

А зачем вообще кому-то делать такие вещи? Кто знает? Люди разные. Один использует что-то неправильно, по незнанию, другой – из упрямства, третий – в состоянии аффекта и т. д. На самом деле это и не важно. Важно то, что здесь не идет речь о злоупотреблении.

Чтобы злоупотребление действительно имело место, необходимо наличие трех элементов: использование предмета 1) не по назначению, 2) с неким «злым», «плохим» умыслом и 3) исходящее от того, кто способен (в состоянии) это сделать.

1. Использование не по назначению. Это объективная, материальная предпосылка. Как показано на примере с мобильным телефоном, этот элемент является необходимым, но недостаточным.

2. Злой умысел. Для того, чтобы имело место злоупотребление, недостаточно использовать нечто не по назначению. Необходимо и наличие субъективного, психического элемента. Нередки ситуации, в которых фактически происходит неправильное использование чего-либо, но это еще не означает, что речь идет о злоупотреблении¹³. Оно возникает тогда, когда что-либо делается (используется) неправильно и при этом с умыслом, с неким явным или скрытым намерением получить для себя какое-либо неправомерное преимущество или, чаще, причинить вред другому лицу.

¹³ Любой предмет может использоваться различными способами, в том числе такими, которыми создатель предмета совсем не предполагал. Наглядный пример дан в известной комедии «Боги, наверное, сошли с ума», в которой пустая бутылка от кока-колы, выброшенная пилотом из самолета, оказывается в племени бушменов в пустыне Калахари, где получает разнообразные, совершенно неожиданные способы применения. В одном историческом анекдоте говорится, что Альберт Эйнштейн, будучи уже пожилым, использовал галстук вместо брючного ремня. Подобных примеров множество.

3. Особая позиция. Любое использование, в том числе и совершаемое не по назначению, подразумевает, что конкретный субъект в состоянии это сделать. Он, с одной стороны, должен иметь контроль над средством, которым злоупотребляет (например, иметь в руках нож, топор и т. п.), а с другой стороны, иметь определенную силу, то есть власть, контроль над объектом, против которого направлено его действие¹⁴. В связи с этим, чем больше власть конкретного субъекта над объектом, тем тяжелее последствия возможного злоупотребления. Сразу заметим – так как уже по определению самая большая власть и монополия физического принуждения находятся в руках государств, то и злоупотребления, которые совершают правительства, имеют самые тяжелые последствия.

Злоупотребление существует только тогда, когда одновременно присутствуют все три перечисленных элемента. Так, например, когда преступник совершит кражу или даже убийство, речь идет не о злоупотреблении, а об обычном преступлении. Но существуют злоупотребления (положением, полномочиями), когда полицейский берет взятку. Не совершается злоупотребление, когда суд неправомерно осудит кого-либо из-за судебной ошибки. Однако если суд осудит невиновного в результате сфабрикованного процесса (зная, что он невиновен), то это и есть злоупотребление.

2. Право

В данном случае нас интересует разница между субъективным и объективным правом. Как одним, так и другим можно злоупотребить.

1. Субъективное право. Под ним подразумевается свод полномочий, на основании которых носитель какого-либо конкретного права в состоянии требовать от других лиц определенного поведения (действия или бездействия). Так, например, каждый человек

¹⁴ В определенном смысле это требование включено в первый элемент – использование не по назначению, поскольку без особой позиции (контроля) невозможно никакое использование, в том числе неправильное. Однако значение этого момента, особенно при злоупотреблении правом, столь велико, что его стоит подчеркнуть.

имеет право на жизнь и другие естественные права человека; каждое государство имеет право требовать уважения его суверенитета и территориальной целостности, проявления к нему должного уважения и т. п.

Один из основных принципов права состоит в том, что каждый должен удовлетворять собственное (субъективное) право, считаясь с законными правами других. Точно так же в нравственном и правовом аспекте в принципе является неприемлемым использование какого-либо собственного права для причинения вреда другому. И тем не менее на практике трудно провести красную линию и сказать, когда речь идет о злоупотреблении субъективным правом, а когда нет.

2. Объективное право. Это свод правовых норм и принципов. В этом смысле говорится о внутреннем праве какого-либо государства, о надгосударственном праве, о международном праве и т. д.

Проблема различия субъективного и объективного права более выражена в языках, в которых в обоих случаях используется термин «право», как, например, в русском, сербском и т. д. Это различие намного заметнее и нагляднее в тех языках, которые для обозначения этих явлений используют различные термины – например, в английском – *right* и *law*, в словенском – *pravica* и *pravo* и т. д.

3. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРАВОМ

Злоупотребить можно любым правом, в том числе и международным. При этом следует различать злоупотребление субъективным и объективным международным правом.

1. Злоупотребление субъективным международным правом

Субъективные права являются категорией не только внутригосударственного, но и международного права. Субъекты международного права, в первую очередь государства, обладают опреде-

ленными правами в том смысле, что они уполномочены вести себя каким-то образом и требовать определенного поведения от других субъектов¹⁵.

Субъективным правом может злоупотребить любой из его носителей. Иными словами, каждый субъект международного права. Таким образом, такие действия (злоупотребления) могут совершить: государство, квазигосударство, международная организация, квазимеждународная организация, субъекты *sui generis* (такие как, например, Святой Престол или Мальтийский рыцарский орден) и даже индивид или группа.

Так, например, индивид злоупотребляет субъективным правом, гарантируемым международным правом, при обращении в компетентный международный суд (например, Европейский суд по правам человека) не для защиты своего нарушенного права или в случае угрозы его нарушения, а для причинения вреда кому-либо с целью попытки достижения неправомерного преимущества (например, получения компенсации, ему не причитающейся), от простого стремления к публичности (чтобы выйти за рамки неизвестности) и т. д. О злоупотреблении субъективным правом можно говорить в случае псевдопросителей убежища и лжебеженцев и тому подобных случаях.

Само собой разумеется, что наиболее существенные и наиболее изощренные злоупотребления субъективным правом исходят от государства. Это происходит потому, что государства являются основными (суверенными) субъектами международного права и международных отношений, их права многочисленнее, полнее и, в сущности,

¹⁵ В другом значении, которое в данном контексте менее интересно, под субъективным подразумевается такое международное право, которое обязует конкретного субъекта, в первую очередь государство. Иначе говоря, одна часть международного права одинакова для всех его субъектов. Это объективное право, которое в зависимости от характера (универсальное, региональное, местное) действует в отношении всех государств мира, региона или более узкой области. Его составляют, в первую очередь, обычные нормы. Однако каждое государство, вступая в договорные отношения и участвуя в возникновении региональных обычаев, создает собственный круг прав и обязательств, действующих только в отношении него самого. Понимаемое таким образом субъективное международное право различно для разных государств.

важнее, и нарушение, как и злоупотребление этими правами, может привести к тяжелым последствиям.

Можно сказать, что имеет место злоупотребление субъективным правом, когда, например, постоянный член Совета Безопасности использует свое так называемое «право вето», чтобы воспрепятствовать принятию какого-либо решения Совета, руководствуясь только собственными эгоистическими интересами, даже если тем самым нарушаются не только нормы права и принципы справедливости и морали, но и, возможно, само международное право.

Еще более показательным примером является возможность злоупотребления одним из важнейших и наиболее уязвимых основных прав, присущих каждому государству, таким как право на самосохранение (право на выживание). Ссылаясь на угрозу своему выживанию, государство может прибегнуть к самообороне (обороне от нападения, агрессии) или самозащите (защите от серьезной опасности – эпидемии, стихийного бедствия и др.). Однако оно точно так же может злоупотребить этими институтами для того, чтобы предпринять определенные шаги, которые в иных случаях рассматривались бы как незаконные, представляли собой нарушение международного права. Таким образом, государство может злоупотребить своим правом на выживание как прикрытием для чего-то другого.

Злоупотребления субъективным правом, разумеется, не желательны по многим причинам. И, несмотря на это, они, к сожалению, являются частью нашей действительности. Зачастую не совсем ясно, действительно ли имеет место злоупотребление правом, и даже если наверняка установить его совершение, то не всегда ясно, каковы будут его последствия¹⁶.

В некоторой степени утешительно, что наряду с фактом присущей им потенциальной серьезной опасности, злоупотребления субъективным правом, рассматриваемые в отдельности, представ-

¹⁶ Так, например, если некто злоупотребляет своим правом инициирования возбуждения дела в международном суде или другом аналогичном органе, ходатайствуя о возбуждении дела при очевидном отсутствии повода, его заявление не будет принято к рассмотрению, однако неясно, наступят ли для него при этом иные (неблагоприятные для него) последствия и какие.

ляют собой своего рода аномалию, исключение, а не правило. Как правило, они ограничены сферой действия (кругом субъектов, на чьи права они посягают).

2. Злоупотребление объективным международным правом

Объективным международным правом также можно злоупотребить, причем такого рода злоупотребления чаще всего имеют весьма серьезные последствия.

Злоупотребление объективным международным правом может осуществляться двумя основными способами: 1) выстраивание системы правового порядка, которая может быть использована для навязывания определенных решений и 2) умышленное неправильное применение норм существующего права.

1. Навязывание определенных правотворческих решений.

Говоря коротко, в данном случае речь идет о формировании права, которое не является законным, справедливым, гуманным, принято недемократическим способом, и которое, тем не менее, определенная влиятельная сила или группа государств навязывает в качестве обязательного для всех остальных, пользуясь своей доминирующей в тот момент позицией, а иногда и просто грубой силой.

Это проистекает из факта, что (в большей или меньшей степени) любое право служит не только определенным интересам целого сообщества, но (в большей или меньшей степени) особым скрытым интересам власть предержащих. В этом смысле и международное право всегда развивалось под мощным влиянием крупнейших держав. Они путем сговора или взаимного компромисса утверждали важнейшие решения, отвечавшие их собственным интересам, а затем разными способами навязывали их другим странам.

Наглядный пример представляет собой практика эпохи колониализма. То же самое можно сказать и о режиме капитуляций, существовавшем в XV–XIX вв., а кое-где и до середины XX в., и сводившемся к тому, что правители более слабых государств специальными договорами, носившими название «капитуляций», отрекались от ряда полномочий в отношении иностранцев, нахо-

дившихся на их территории¹⁷. Хотя, казалось бы, речь шла о двусторонних соглашениях, на основе которых одна сторона соглашалась признать определенные привилегии другой договаривающейся стороны, по сути, в действительности имел место особый режим, то есть широко применявшаяся система правового регулирования отношений, поскольку число привилегированных государств и государств, вынужденных терпеть эти решения, было соответственно велико¹⁸. Таким образом, это были нормы (объективного) международного права, которые влиятельные силы навязали другим странам, прежде всего странам северной Африки, Ближнего Востока и Азии.

Впрочем, достаточно упомянуть о работорговле – до тех пор, пока она совпадала с интересами европейцев и американцев, она считалась совершенно легальной. В тот момент, когда представители влиятельных держав того времени решили, что рабовладение угрожает развитию новых (капиталистических) отношений (возникла потребность в свободных работниках, которые одновременно были бы и производителями, и независимыми потребителями), работорговля была объявлена тяжким международным преступлением, и это решение вскоре было навязано другим государствам.

¹⁷ Помимо прочего, режим капитуляции подразумевает изъятие подданных привилегированных государств из действия местной юрисдикции и установление над ними юрисдикции своих консулов, освобождение подданных христианских стран от налогов, предоставление им права проживания в особом городском квартале (в который местные власти не имели права доступа), права на свободное передвижение, занятие торговлей, ремеслами и т. д. С другой стороны, консулы и дипломатические представители привилегированных государств имели ряд особых прав и привилегий – право разрешения споров между своими гражданами, в том числе споров между своими гражданами и иностранцами; право предоставления им так называемого консульского убежища; право на безвозмездное обеспечение государством пребывания вооруженной охраны консульства и вооруженного личного эскорта и т. д.

¹⁸ Считается, что первыми договорами о капитуляции были договоры между Турцией и Генуей (1453 г.), Венецией (1454 г.), Францией (1535 г.), Англией (1583 г.), а затем и рядом других государств. Позднее этот режим был введен в других странах – Египте, Марокко, Тунисе, Персии, Китае, Японии, Сиаме и др. С другой стороны, со временем количество привилегированных государств увеличилось, в него вошел целый ряд европейских стран и США.

Все вышесказанное относится и ко многим другим явлениям и институтам международного права, возникавшим и исчезающим на протяжении веков¹⁹.

В чем здесь злоупотребление? В том, что тот, кто обладает достаточной силой, сознательно навязывает определенные решения другим. Не потому, что эти решения хороши, справедливы, нравственны, отвечают общим интересам и т. д., а потому, что они отвечают его собственным интересам. Однако тот, кто сильнее всех и при этом еще и убежден в своей цивилизационной миссии, должен осознавать, что право сопровождается и ответственностью, и что мощь не может быть оправданием вопиющей несправедливости и бесчеловечности.

Наглядные примеры злоупотребления можно в изобилии найти и в современной практике. И при этом злоупотребления, исходящие от государств, считающих себя фаворитами истины и справедливости.

Так, например, великие державы-победительницы по окончании Второй мировой войны учредили международные трибуналы, судившие обвиняемых, принадлежавших к верхушке нацистской Германии и милитаристской Японии. Однако это были суды только над побежденными, а не над представителями держав-победительниц, также совершавшими военные преступления.

Кстати, Организация Объединенных Наций тоже была основана в результате совпадения позиций всего трех главных держав-победительниц (СССР, США и Великобритании), которые, кроме всего прочего, обеспечили себе и Франции привилегированное положение постоянных членов Совета Безопасности.

Сознательно ли шли государства в данном и в аналогичных случаях на злоупотребление своей позицией или злоупотребление правовыми механизмами в целях принятия определенных право-

¹⁹ Одним из примеров может послужить каперство. Еще с XIII в. оно было формой допустимых силовых действий на море, предпринимаемых вооруженным частным судном на основе специальной разрешительной грамоты, приобретаемой у правителя или правительства (каперское свидетельство) во время войны, а при определенных условиях и в мирное время. Однако после того, как государства, в первую очередь, влиятельные силы, достигли согласия по этому вопросу, каперство было упразднено и запрещено (Парижской декларацией, 1856 г.).

вых норм? Такой вывод был бы преувеличением. Хотя, разумеется, они исходили из собственных интересов, и в указанных, а также и других ситуациях эти страны действительно оказали миру услугу. Кто-то должен был сделать первый шаг. Так, например, Организация Объединенных Наций далека от идеала, но без нее мир был бы гораздо хуже. Подобное можно сказать и о большинстве других решений. При рассмотрении норм и принципов, возникших и действующих в региональных, а тем более в мировых рамках, они на самом деле никогда не затрагивали интересы только одной страны. На практике подобное практически невозможно.

В чем же тогда проблема?

Проблема возникает, когда великие державы навязывают такие нормы, которые отвечают только их собственным интересам. А особенно, если при этом стремятся изменить существующее общее международное право, навязывая решения в ущерб другим.

Здесь имеется в виду не только ситуация, в которой великая держава пользуется выгодным для себя стечением обстоятельств (например, победой в войне; гражданской войной или экономическим кризисом в другой великой державе или другой стране и т. д.), чтобы получить для себя какое-либо конкретное преимущество (например, расширение территории). В первую очередь подразумевается использование международного права с целью на более широком уровне навязать определенные общие решения, определенный объективный правовой режим.

Хотя в данном случае нельзя говорить о злоупотреблении международным правом, вне всякого сомнения, некоторый вид его применения в большей или меньшей степени присущ всем мирным договорам. Поскольку, казалось бы, речь идет о международном соглашении, базирующемся на равноправии договаривающихся сторон и их свободном волеизъявлении, но в действительности победитель всегда диктует свои условия мира. Тем самым он посредством договора превращает их в свое субъективное право или правовое обязательство другой стороны (других сторон). Между тем мирные договоры, особенно заключенные после мировых войн, с участием значительного числа государств, зачастую вводят новые объективные режимы, касающиеся большинства государств и всего мирово-

го сообщества – демилитаризация и нейтрализация определенной территории; придание конкретной реке статуса международной; репарация; защита прав меньшинств и так далее.

Эти реалии являются обычными в международной практике. Более того, таким способом неоднократно осуществлялось прогрессивное развитие международного права (статус международных рек, развитие международного уголовного права и т. д.). И в этом смысле о возможных злоупотреблениях можно говорить только в случае, если будет установлено, что определенные решения продиктованы исключительно эгоистическими интересами, в нарушение действующих принципов международного права и идут вразрез с объективными интересами мирового сообщества.

Также о попытках злоупотребления международным объективным правом можно говорить в ситуациях, когда, например, усилия направляются на изменение существующего международного права с целью допустить применение определенных видов силы²⁰. Но не любые виды, а, разумеется, только те из них, которые на практике имеются только в арсенале сверхдержав. Имеются в виду попытки узаконивания так называемой концепции гуманитарной интервенции, превентивной самообороны («доктрина Буша») и т. п.

Такие действия можно оценить как стремление злоупотребить международным правом с целью внесения в него решений, отвечающих интересам не всего мирового сообщества, а только узкого круга государств, означающих передачу этим государствам полномочий на основании собственной оценки решать, когда, против кого, каким способом и т. д. применять военную силу. Поскольку в случае узаконивания, например, так называемой односторонней гуманитарной интервенции, совершенно очевидно, что только великие державы принимали бы решения, связанные с ней, и на практике осуществляли бы интервенции в средние и малые государства. При этом, разумеется, по своему выбору и руководствуясь собственными политическими и прочими интересами.

²⁰ Устав ООН и международное право в целом запрещают не только применение силы, но и угрозу силой в международных отношениях. Применение силы допускается только в случае самообороны от агрессии и применения принудительных мер Совета Безопасности на основании главы VII Устава ООН.

Не внося сами по себе изменений в объективное международное право, подобную роль играют и различные формы навязывания некоторых решений более слабым государствам путем двусторонних договоров. Тем более что под видом конкретных условий утверждаемые ими решения могут быть объявлены каким-либо видом обычного права. В качестве примера можно привести практику США, которые навязали ряду государств двусторонние договоры, предусматривающие запрет на выдачу военнослужащих США Международному уголовному суду. Таким образом, речь идет о договорах, которые открыто демонстрируют цель защитить американских граждан от какого-либо возможного разбирательства в постоянном международном суде, основанном при содействии ООН и существующем на основании соглашения с ООН. Не стоит объяснять, что заключение таких договоров является прямым следствием различных форм давления и шантажа в отношении конкретных малых стран²¹. А как же *Fiat justitia et pereat mundus*²²?

2. Неправильное применение существующего права (злоупотребление нормами и институтами международного права). Существующим правом, пусть даже прогрессивным, демократическим и гуманным, можно злоупотребить, применяя его вопреки прямому назначению.

Так, например, во внутригосударственных правовых системах нормами, предусмотренными для борьбы с преступностью, обеспечения общественного порядка и мира и т. п. можно различными способами злоупотребить – для того, чтобы объявить некую группу вне закона, осудить человека в ходе сфабрикованного процесса,

²¹ То же самое происходит, когда какая-либо страна «соглашается» уступить сверхдержаве часть своей территории. В качестве примера приведем Гуантанамо, военно-морскую базу США на Кубе площадью 112 км², расположенную там еще с 1903 г. на основании долгосрочного договора аренды, обновленного в 1934 г. Согласно договору за 2 000 долларов в год (на текущий момент около 4 000 долларов) США могут пользоваться этим участком Кубы до тех пор, пока стороны по взаимному согласию не решат расторгнуть договор. Куба еще с 1959 г. отказывается принимать абсурдно малую арендную плату и требует от США покинуть территорию, на что они отвечают отказом, мотивируя его фактом, что договор может быть расторгнут только по обоюдному согласию.

²² Латинское выражение «Да свершится правосудие и да погибнет мир!» в значении: «Пусть восторжествует справедливость, даже если рухнет весь мир!»

отнять у него имущество, пожизненно поместить совершенно здорового человека в психиатрическую лечебницу и т. д. В истории есть множество таких примеров.

Международная практика также знает множество случаев, в которых определенные международно-правовые нормы и институты применялись вопреки своему назначению. Среди примеров из современной практики внимание привлекают, в числе прочего, права человека и международные уголовные суды.

И хотя нет никакого сомнения в том, что развитие международного права в области прав человека и различных международных форм защиты этих прав представляет собой исключительно важное достижение цивилизации, всем этим можно злоупотребить. На практике так и происходит, особенно когда некоторые государства клеймят другие страны за нарушение прав человека, по этой причине вводят против них санкции и т. п., сами при этом не обеспечивая индивидам должную защиту этих прав под своей юрисдикцией. Конкретных примеров очень много²³.

Точно так же можно только приветствовать ускоренное развитие международного уголовного права и международного уголовного правосудия. Однако и возможности злоупотребления становятся при этом огромными.

Несмотря на то, что международное уголовное право и правосудие призваны установить вину обвиняемого в ходе справедливого судебного разбирательства и наказать виновных, все это может быть использовано в совершенно противоположных целях. Возбуждение дела в международном уголовном суде против строптивого лидера какой-нибудь страны – очень эффективный способ его как физического устранения (отправить в тюрьму пожизненно или на длительный срок), так и политического. Факт его осуждения ляжет пятном на

²³ Последний пример – президентские выборы в США в 2020 году. Правительство этой страны много раз вводило различные санкции в отношении ряда стран из-за якобы «кражи» результатов выборов. Однако в 2020 году весь мир стал свидетелем того, что на выборах президента США, на которых победил Джо Байден, имели место, мягко говоря, серьезные нарушения ряда правил, которые должны гарантировать демократические выборы и истинное уважение воли избирателей.

все, что он делал, за что боролся. Тот, кто в своем народе был героем, харизматичным лидером, символом борьбы за национальное освобождение и независимость, вдруг становится преступником, персона с сомнительными моральными качествами. Приговор международного уголовного суда означает не просто наказание за предполагаемые преступления, но и вечное клеймо на личности и политике конкретного деятеля. Все становится гораздо более проблематично в свете практики отдельных судов, использующих слишком широкое понимание ответственности за команды (приказы), при этом, с другой стороны, не предпринимающих ничего, чтобы наказать непосредственных командиров и исполнителей самых гнусных преступлений, если им покровительствует некая сверхдержава.

В действительности, за исключением Международного уголовного суда, все существовавшие до настоящего времени суды были судами *ad hoc*, учрежденными либо победителем с целью наказать виновных из рядов потерпевшего поражение противника, либо сверхдержавами с целью наказания предполагаемых виновных – представителей малых народов и государств.

И хотя многие хранили надежду, что вне политики будет хотя бы постоянный Международный уголовный суд, учрежденный, как и подобает, на основе многостороннего международного договора (Римский статут, 1998 г.), и действующий на основании специального соглашения в сотрудничестве с ООН, все выглядит иначе в свете факта, что США, а по их примеру и другие сверхдержавы, до сих пор не признают юрисдикцию Суда. Что не менее важно, Суд за 17 лет с момента своего учреждения в 2003 г. по сегодняшний день возбудил расследования только в 13 случаях, из которых 10 даже были связаны с преступлениями, совершенными в Африке и африканцами²⁴. Неужели международные уголовные преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, совершаются исключительно в Африке и, совсем немного, в Азии? Разве никто из граждан или должностных лиц какой-либо из европейских стран,

²⁴ Первые 10 расследований касались только африканских стран, и только после публичной обоснованной критики Суд приступил к расследованию ситуаций в некоторых других частях мира. В начале 2021 года ситуации в рамках расследования Суда относятся к Демократической Республике Конго, Уганде, Судану, Центральноафриканской Республике (2 процесса), Кении, Ливии, Кот-д'Ивуару, Мали, Бурунди и, вне Африки, к Грузии, Бангладешу/Мьянме и Афганистану. International Criminal Court, Situations under investigation. <https://www.icc-cpi.int/pages/situation.aspx>.

а особенно стран – членов Совета Безопасности не несет ответственности ни за одно преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда?

Таким образом, судя по практике, международные уголовные суды столкнулись с серьезной проблемой и опасностью превращения в инструмент политики мировых центров силы, карая только тех виновных, которые являются представителями малых народов.

Рассуждая о вопросах международного права и его институтов, следует отметить, что мы все чаще становимся свидетелями того, что в новейшей истории сама угроза привлечения к ответственности определенного лидера международным судом зачастую представляет собой эффективную меру давления на него с целью заставить его повиноваться требованиям тех, кто дирижирует событиями на международной сцене, а в случае отказа возбуждения процесса против него послужит целям пропаганды и оправдания военной интервенции против конкретного государства²⁵. Иными словами, становится все больше примеров, когда международное право используется не только вопреки своему назначению, но и умышленно способом, противоречащим справедливости и морали, и чаще всего предполагает также грубое вопиющее нарушение этого права.

Злоупотребление возможно (и на практике такое злоупотребление не редкость) и различными другими институтами международного права – международными санкциями против стран, дипломатическими привилегиями и иммунитетами, некоторыми нормами военного и гуманитарного права и т. д.

Так, например, серьезной проблемой является уже тот факт, что на практике слишком часто в одних и тех же обстоятельствах международные санкции применяются против одних стран, а против других – нет. Но этими санкциями можно злоупотребить и в узком смысле слова, не для правомерного наказания за нарушение международного права, а для достижения определенных политических целей²⁶.

²⁵ Так, например, Гаагский трибунал возбудил дело против югославского президента Слободана Милошевича во время агрессии НАТО против Югославии (1999 г.), хотя ни тогда, ни позднее не выдвинул ни одного обвинения в совершении преступлений силами НАТО во время агрессии. Возможно, это случайность, но Международный уголовный суд также начал процесс против полковника Каддафи только в марте 2011 г., уже после того, как ведущие силы НАТО уже начали вооруженную интервенцию в Ливии.

²⁶ Один из новых примеров – высылка российских дипломатов из Соединенного Королевства в марте 2018 года, а затем из еще около двадцати других западных стран из-за бездоказательной предполагаемой причастности России к отравлению бывшего шпиона Сергея Скрипаля и его дочери боевым отравляющим веществом «Новичок». Это было кульминацией антироссийской истерии, которая нарастала на Западе из года в год и еще раньше нашла отражение во введении различных санкций против России.

На самом деле, зачастую действительно нелегко отличить санкции, налагаемые на основе международного права за нарушение норм международного права, от различных мер и форм политического воздействия, реваншизма и т.п.²⁷ Это объясняется тем, что в основном одни и те же меры применяются в разных целях.

Важнейшим критерием их дифференциации являются правовая основа, причина и цель: принимаются ли они, имея бесспорную правовую основу, и вызваны ли нарушением международного права (выступают в качестве ответа на подобное нарушение) или какой-либо иной причиной.

Злоупотребление международно-правовыми санкциями (их применение при отсутствии реальной основы, в политических целях) не только незаконно, но и несправедливо и безнравственно. Оно поражает непосредственную жертву санкций²⁸, но зачастую наносит ущерб, хотя и косвенно, многим другим субъектам²⁹, оно

²⁷ Особенно когда речь идет о мерах, вводимых только одним государством или небольшой группой государств. Так, например, США ввели рестриктивные меры («санкции») против многих стран по политическим, а не правовым причинам. Широко известны промышленные, экономические, финансовые санкции, введенные США против Кубы еще в 1960 г., когда это государство экспроприовало собственность американских граждан и корпораций. В 1962 г. они переросли в практически полное эмбарго (запрет импорта на Кубу и экспорта с Кубы практически всей продукции). В качестве условия их отмены США требовали от Кубы демократизации, уважения прав человека и прекращения военного сотрудничества с другими государствами. Только в 2015 г., спустя более чем полвека, началось потепление отношений между двумя странами, сопровождающееся постепенным ослаблением американских санкций. Поворотным пунктом стала встреча глав двух государств, Барака Обамы и Рауля Кастро, состоявшаяся 11.04.2015 г., в результате чего восстановлены дипломатические отношения между двумя странами. Но уже в 2019 году США ввели новые «санкции» против Кубы, нацеленные на туризм (запрет захода круизных судов на Кубу и запрет визитов на Кубу частных и корпоративных самолетов).

²⁸ С прямыми и косвенными последствиями для жертвы на практике нередко происходит и подмена тезисов – вместо того, чтобы быть наказанием за нарушение международного права, они вводятся на основании ложных обвинений, в действительности же по другим причинам (как правило, чтобы сломить непокорный режим), а затем факт введения санкций приводится в качестве своего рода доказательства того, что страна, против которой они применены, нарушила международное право (так как предполагается, что если санкции введены, значит, на это есть основания).

²⁹ Например, государствам, являющимся традиционными торговыми партнерами государства, находящегося под экономическими санкциями, не поддерживать эти санкции, но вынужденным их соблюдать.

дестабилизирует международные отношения, внося в них элементы недоверия. Более того, оно подрывает авторитет международного права, так как оно призвано служить интересам справедливости и благополучия всего мирового сообщества, а не эгоистическим интересам сверхдержав.

* * *

Итак, злоупотребление международным правом, как и всем прочим, возможно многочисленными способами, что порой и происходит на практике.

Важно следующее – несмотря на то, что в принципе международным правом могут злоупотребить все субъекты, фактически самые вопиющие злоупотребления с далеко идущими последствиями совершают наиболее значимые и наиболее сильные субъекты – государства. Они являются суверенными единицами, обладают особой тесно переплетенной и однородной, иерархически выстроенной организацией, монополией физического принуждения, огромной политической, экономической, информационной, пропагандистской и иной силой.

Исходя из сказанного, очевидно, что грубейшие злоупотребления совершают самые сильные державы, обладающие наибольшей мощностью в военном, экономическом, информационном и любом другом отношении. В их руках находятся главные рычаги политической, экономической, разведывательной, информационной и любой другой, в том числе и правовой деятельности мирового сообщества. Кроме того, они часто оказывают решающее влияние на деятельность международных организаций и органов, избрание функционеров международного уровня, избрание судей ведущих международных судов, введение международных санкций и т. д.³⁰

³⁰ Сверхдержаве, как правило, и не требуется прибегать ни к военным, ни к политическим угрозам или давлению. Иногда достаточно лишить конкретного субъекта финансовой поддержки. Или приостановить выплату своих членских взносов международной организации, особенно если они имеют исключительное значение для ее работы. Впрочем, общеизвестно, что США путем внесения своего вклада в регулярный бюджет многократно манипулировали принятием или непринятием определенных решений в ООН. Эффективность этой формы использования силы становится очевидной, если учесть, что вклад США в регулярный бюджет составляет 22%.

Сильнейший всегда склонен, невзирая на правовые нормы и нормы морали, навязывать другим свое видение мира, в ущерб другим пропагандировать свои собственные интересы и системы ценностей. Так происходит и в повседневной жизни, среди индивидов. Неудивительно, что это находит свое проявление и в международных отношениях.

В действительности на международном уровне ситуация гораздо более чувствительная, поскольку и ставки на порядок выше. Порой случается, что какое-либо государство явно злоупотребляет своим объективным международным правом. Хуже того, если речь идет об одном из сильнейших государств в мире, то оно, как правило, осознает, что избежит каких-либо серьезных международных санкций, поскольку среди остальных членов мирового сообщества будет доминировать позиция сохранения мира во всем мире любой ценой или соблюдения иного «высшего» интереса.

В действительности эта проблема сводится к другому вопросу: как обеспечить последовательное применение международного права в любых ситуациях и в отношении всех субъектов. Поскольку избирательное правосудие, как правило, хуже обычной несправедливости. А еще хуже, когда право эксплуатируется (становится объектом злоупотребления) в целях совершения несправедливости.

Международное право, как любое другое право, не может самостоятельно решить эти проблемы. Нормы могут быть совершенными, но решения принимаются и реализуются людьми. Нужно надеяться, что в предстоящие годы наряду с неудержимым процессом трансформации мира в единое общество, произойдет и подъем уровня сознания и сознательности лиц, принимающих решения, в первую очередь, в крупнейших и влиятельнейших государствах.

Контрольные вопросы

1. Почему возникает иллюзия кризиса международного права?
2. Что понимается под кризисом международного права?
3. Каковы объективные проблемы современного мира, требующие решения?

4. В чем состоит злоупотребление правом? Каковы его элементы?

5. Что такое злоупотребление субъективным международным правом? Приведите примеры.

6. Что такое злоупотребление объективным международным правом? В чем его сущность? Приведите примеры.

7. Какие важнейшие проблемы связаны с злоупотреблением применением международными санкциями?

Глава III. ВАЖНЕЙШИЕ ИСТОЧНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ИХ ИЕРАРХИЧЕСКОЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЕ

1. ВАЖНЕЙШИЕ ИСТОЧНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Прежде чем начать рассмотрение важнейших из так называемых формальных источников международного права, следует напомнить, что имеется в виду под формальными источниками этого права. Речь идет о формах проявления международно-правовых норм, то есть правовых норм, которые: 1) возникли в порядке, предусмотренном международным правом; 2) содержат обязательные международно-правовые правила поведения³¹.

С другой стороны, подразумевается, что под источником права, в том числе и международного права, понимается только общий правовой акт (содержащий общую правовую норму), на основе которого создаются, то есть из которого проистекают отдельные правовые акты, создающие отдельные правовые нормы.

1. Основные источники международного права

В юридической науке и практике широкое признание получило деление источников международного права на основные и вспомогательные. В его основе лежит ст. 38/1 Статута Международного суда, которая гласит³²:

³¹ Кривокапич Борис. Международное публичное право. Самара, 2018. С. 118–203.

³² Суд является главным судебным органом Организации Объединенных Наций. Его статут является неотъемлемой частью Устава ООН (1945).

«Суд, который обязан решать переданные ему споры на основании международного права, применяет:

а) международные конвенции, как общие, так и специальные, устанавливающие правила, определенно признанные спорящими государствами;

б) международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы;

с) общие принципы права, признанные цивилизованными нациями;

д) с оговоркой, указанной в ст. 59, судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм»³³.

Поскольку Статут относит судебную практику и доктрину к *вспомогательным средствам*, из этого следует вывод, что договоры, обычаи и общие правовые принципы считаются *основными источниками международного права*.

Хотя представленная систематизация обязательна только для Суда, она имеет и более широкое значение. Это проистекает из факта, что процитированное положение Статута Международного суда практически полностью соответствует положению (также) ст. 38 Статута ранее существовавшей Постоянной палаты международного правосудия, сформулированному еще в 1920 году³⁴, и, кроме того, подтверждается и некоторыми другими документами³⁵.

Однако, несмотря на то, что предложенная классификация в основе верна, она при этом не является полной. Практика показывает, что следует принимать во внимание и некоторые другие источни-

³³ Наряду с этим в соответствии со ст. 38/2 Статут допускает разрешать дело *ex aequo et bono* (лат., буквально – «по добру и справедливости», «по справедливости и доброй совести»), что значит – «на основе справедливости». Однако в данном учебнике это не представляет интереса.

³⁴ Первый международный суд общей юрисдикции, основанный в рамках системы существовавшей в то время Лиги Наций. Формально расформирован в 1946 г., когда его функции были переданы Международному суду ООН.

³⁵ В том числе различными многосторонними договорами, такими как, например, Общий акт о мирном разрешении споров (1928 г.); определенное число постановлений арбитражных судов и др.

ки, такие как конкретные решения международных организаций, и даже в определенной мере односторонние акты государств.

Таким образом, источники международного права включают:

- 1) международные договоры;
- 2) международные правовые обычаи;
- 3) общие принципы права;
- 4) судебную практику;
- 5) доктрину;
- 6) односторонние акты государств;
- 7) решения международных организаций.

Теоретическое и практическое значение указанных источников различно – в то время как некоторые из них, несомненно, представляют собой фундамент и средство развития международного права, роль других более или менее ограничена и даже спорна. Поэтому возникает вопрос об иерархическом соотношении разных источников международного права.

Ответить на него необходимо по многим причинам. Прежде всего, ясно, что не все основные источники международного права (международные договоры, международно-правовые обычные нормы и общие принципы права) имеют одинаковое значение. Также с теоретической и с практической точек зрения возникает проблема: как быть, когда основные источники права содержат различные, а порой и противоречивые решения? Кроме того, фактически решения международных организаций и односторонние акты государств не упомянуты в ст. 38/1 Статута Международного суда и, таким образом, остались вне классификации источников международного права на основные и вспомогательные, а значит, требуется определить их место и значение.

В итоге необходимо ответить на два вопроса:

- 1) какие из источников международного права являются важнейшими;
- 2) каково иерархическое соотношение между так называемыми важнейшими источниками и, соответственно, содержащимися в них нормами.

2. Важнейшие источники международного права

Даже внутри государств, где все обстоит намного проще, поскольку в принципе существует четкая иерархия нормативных правовых актов, не всегда этот вопрос до конца ясен³⁶.

В международном праве все намного сложнее.

Субъектами внутреннего права являются физические, юридические лица и государственные органы. Все они в действительности подчинены государству, его суверенной власти.

В отличие от этого, основными субъектами международного права являются суверенные государства. Суверенитет уже по определению не допускает никакой высшей власти над собой. Кроме того, в международном праве круг субъектов значительно шире, а различия между ними более существенны³⁷.

Все это отражается на составе источников международного права, характере их взаимного соотношения, возрастании или убывании юридической силы одних источников по отношению другим и т. п.

Для того, чтобы лучше в этом разобраться, следует сначала выделить источники международного права, которые важнее других, затем указать, что и среди них существуют различия и, наконец, рассмотреть иерархическое соотношение важнейших источников международного права и проблемы, возникающие в связи с этим.

Речь идет о важном вопросе, имеющем как теоретическое, так и практическое значение.

³⁶ Хотя подразумевается, что наибольшей юридической силой обладает конституция страны, за ней следуют законы, а после них прочие нормативные правовые акты (положения, рекомендации, инструкции, приказы и т. д.), порой возникает неясность, какой конкретный нормативный правовой акт следует применить. В частности, иногда случается, что одни и те же общественные отношения регулируются двумя или более законами (следовательно, актами одинаковой юридической силы), нормы которых более или менее различаются. Этим обусловлено появление ряда правил, помогающих в таких ситуациях. Таковы, например, решения, согласно которым специальный закон отменяет общий закон (лат. – *lex specialis derogat generali*), позднейшим законом отменяется более ранний (лат. – *lex posterior derogat legi priori*) и т. д.

³⁷ О субъектах международного права: Кривокапич Борис, указ. соч. С. 209–366.

В частности, с учетом относительно большого количества различных источников международного права, между ними может возникнуть коллизия, состоящая в том, что они регулируют одну и ту же область более или менее отличающимися способами (предусматривают разные решения).

В связи с этим возникает вопрос о взаимном иерархическом соотношении – какие источники обладают большей юридической силой, каким следует отдавать приоритет в применении и почему?

Отвечая на этот вопрос, мы сразу можем отметить, что в число кандидатов на титул важнейших источников международного права однозначно не входят так называемые вспомогательные источники – судебная практика и доктрина (юридическая наука). Уже в силу того, что в строгом смысле они и не являются источниками международного права. Судебная практика обязывает только стороны, участвующие в споре (лат. – *sententia jus facit inter partes*), а для остальных государств и других субъектов в принципе не является обязательной³⁸. Еще меньшее значение имеют труды различных теоретиков. В обоих случаях в действительности речь идет о том, что конкретно и формулирует Статут Суда, – о вспомогательных средствах для установления правовых норм. Иными словами, не о юридически обязательных источниках, а об инструментах, позволяющих установить, существуют ли определенные правовые нормы (имеются в виду, прежде всего, обычные правовые нормы), сложились ли они уже или тем временем перестали существовать, каково их конкретное содержание и тому подобное. Иначе говоря, в строгом смысле ни судебная практика, ни доктрина (наука международного права) не являются источниками международного права.

К важнейшим источникам международного права, конечно, не относятся и односторонние акты государств. Более того, само

³⁸ Распространенные в литературе и практике ссылки на решения международных судов и арбитража в действительности являются ссылками на правовые заключения суда, в которых он дает толкование норм международного права, подтверждает или оспаривает существование какого-либо международного правового обычая и т. п., но не создает само нормативное правило.

собой разумеется, что они в принципе не являются источниками международного права – иначе каждое государство стремилось бы формировать это право за счет собственных актов, в соответствии с собственными интересами, потребностями и представлениями, а это значит, что на самом деле общепринятых и действительно обязательных решений не существовало бы. Правда, в некоторых ситуациях и односторонние акты (решения) государств могут выступать в качестве источников международного права. Такими актами (определенные декларации, законы и другие нормативно-правовые акты) государства могут в одностороннем порядке принимать на себя международно-правовые обязательства (это значит, что тем самым кто-то другой приобретает новые права), но могут в порядке исключения и, хотя бы опосредованно, вводить и определенные обязательства в отношении других государств и других субъектов. Примеры тому можно найти в области дипломатического и консульского права, морского права и т. д. Однако это возможно только в строго определенных узких рамках, установленных международным договорным или обычным правом. Здесь особенно важно, что таким образом не могут навязываться решения, противоположные императивным нормам международного права. Поэтому совершенно очевидно, что односторонние акты государств не принадлежат к важнейшим источникам международного права.

Если говорить об общих правовых принципах, они, согласно формулировке ст. 38/1 Статута Международного суда, действительно относятся к основным источникам международного права. Это логично, если принять во внимание, что они, как правило, содержат императивные нормы. Однако их природа такова, что они, по логике вещей, всегда приходят после международных договоров и международно-правовых обычаев. Причина в том, что они слишком абстрактны, то есть обобщены, нет единогласного мнения о том, что к ним относится (нет общепринятого «перечня» этих принципов) и т. д. Вообще, само включение общих правовых принципов в число важнейших источников международного права, перечисленных в ст. 38 Статута Постоянной палаты международного правосудия, позднее перенесенных в ст. 38/1 Статута Международного суда, было мотивировано намерением предотвратить ситуацию, когда

Суд вынужден объявить спор *non liquet* (не ясно), то есть неразрешимым. Иными словами, когда нет ни международного договора, ни международно-правового обычая, которые Суд мог бы применить, и поэтому он не знает, что делать и как разрешить спор. Само это показывает, что идея всегда заключалась в том, чтобы попытаться урегулировать спор сначала путем применения международных договоров и международно-правовых обычаев. Это подтверждает и практика – и существовавшая ранее Постоянная палата международного правосудия, и ныне существующий Международный суд ООН редко ссылались на общие правовые принципы. Наконец, сегодня в основном считается, что международная правовая система достигла такого развития, при котором практически нет правовых пробелов, которые невозможно было бы заполнить другими средствами, не прибегая к этим принципам. Поэтому общие правовые принципы относятся к основным, но не к важнейшим источникам международного права.

Остаются решения международных организаций, точнее их компетентных органов. Несмотря на то, что большинство этих решений не являются юридически обязательными для тех, кому они адресованы, а особенно для государств, некоторые решения, несомненно, имеют значение юридического обязательства. Более того, оказывается, что в практике есть примеры, когда решениями международных организаций менялись решения некоторых очень важных международных договоров и когда определенные решения международных организаций представляли собой средство и способ изменения важных международных обычных правовых норм.

Исходя из вышесказанного, независимо от классификации источников международного права на основные и вспомогательные, в основе которой лежит формулировка ст. 38/1 Статута Международного суда, также можно говорить о важнейших и остальных (иных) источниках международного права. Если к основным, согласно Статуту, относятся международные договоры, международные обычные нормы и общие принципы права, то важнейшие источники составляют международные договоры, международные обычные нормы и определенные решения международных организаций.

2. ЗНАЧЕНИЕ И СООТНОШЕНИЕ ВАЖНЕЙШИХ ИСТОЧНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Вопрос значения и соотношения важнейших источников международного права, понимаемых вышеописанным способом, представляет собой сложную, интересную и важную проблему. Тем не менее, по всей видимости, ему не уделено достаточно внимания, особенно в смысле освещения роли решений международных организаций.

1. Международные договоры

Международные договоры существуют практически со времен появления первых государств и их официальных контактов. Древнейшие сохранившиеся договоры насчитывают около 4 300 лет³⁹, а известны и более древние.

Одной из первых норм международного права является норма, гласящая, что договоры должны соблюдаться (*pacta sunt servanda*). И хотя в ходе истории было достаточно примеров грубого нарушения этой нормы, вне всякого сомнения, в большинстве случаев она все-таки соблюдалась. В целом, если бы не эта норма и ее соблюдение на практике, давно перестали бы существовать и международные договоры (государства перестали бы их заключать – кому нужны договоры, которые не соблюдаются?), и, вполне вероятно, само международное право.

³⁹ В качестве древнейшего сохранившегося международного договора часто упоминается договор о мире, ненападении и взаимопомощи, заключенный около 1278 г. до н. э. между египетским фараоном Рамзесом II и хеттским царем Хаттушилем III. И хотя это уже достаточно впечатляет, существует и более ранний договор, полностью сохранившийся до наших дней. Среди руин древнего города Эбла, обнаруженных в Сирии в 1974–1976 гг., был найден превосходно сохранившийся архив. На одной из глиняных табличек, покрытых клинописью, записан договор между Эблей и Абарсалом, датируемый периодом между 2350 и 2250 гг. до н. э. (около 2240 г. до н. э. Эбла была разрушена аккадцами, а значит, этот договор должен был возникнуть до того, как это произошло).

И в наше время международные договоры в широком смысле, несомненно, являются важнейшими источниками международного права. Более того, они стоят на первом месте как в ст. 38/1 Статута Международного суда, так и в систематических и других исследованиях теоретиков.

Еще важнее то, что они в сравнении с остальными источниками международного права во многом их превосходят. Их принятие является результатом согласования воли заинтересованных сторон (прежде всего государств), с тем, что многие из них наряду с функцией урегулирования определенного круга отношений также играют роль в формировании международно-правовой системы.

По сравнению с международно-правовыми обычаями они, как правило, являются и более новыми (более современными, больше отвечающими потребностям жизни), и более полными, и, что особенно важно, намного более точными. Именно по этим причинам практика международных судов в случае расхождения международных договоров и обычных норм предпочтению отдавала договорам.

Когда же речь идет о сопоставлении международных договоров с решениями международных организаций, достаточно напомнить, что большинство этих решений не является юридически обязательными, а договор, напротив, представляет собой строгое юридическое обязательство для договаривающихся сторон, нарушение которого является деликтом в международном праве.

Тем не менее, следует учитывать и некоторые важные ограничения.

Прежде всего, не все международные соглашения, в том числе и заключенные между государствами, являются юридически обязательными. Существуют различные соглашения, которые, в лучшем случае, относятся к так называемому мягкому праву. Таковы различные политические соглашения (например, о вечной дружбе), джентельменские соглашения и т. д.⁴⁰.

С другой стороны, с учетом разделения правовых норм, в том числе и норм международного права, на диспозитивные и импера-

⁴⁰ Кривокапич Борис, указ. соч. С. 89–98.

тивные (абсолютно обязательные, *jus cogens*), следует отметить, что международные договоры содержат не только императивные, но и, довольно часто, диспозитивные нормы. Иными словами, те нормы, от которых допускается отступление волей договаривающихся сторон. Ясно, что в случае коллизии диспозитивных норм, содержащихся в международном договоре, и императивных (абсолютно обязательных), содержащихся в каком-либо другом источнике международного права, большей юридической силой, а значит, и превосходством, будут обладать абсолютно обязательные нормы.

Говоря коротко, международные договоры, бесспорно, относятся к важнейшим источникам международного права. И в практике в случае спора, как правило, в целях его разрешения обращаются именно к договору. Однако это не означает, что международные договоры, а особенно их конкретные решения, во всех случаях превосходят нормы остальных источников права.

2. Международно-правовые обычаи

Международно-правовые обычаи также уходят корнями в далекое прошлое. Фактически, по логике вещей, первые правовые нормы, в том числе и нормы международного права, возникли путем обычая.

Можно было бы подумать, что в наше время значимость международно-правовых обычаев резко снизилась. Однако такой вывод был бы неправильным по многим причинам.

Несмотря на то, что в большинстве случаев при возникновении разногласий или споров преимущество отдается международным договорам, нельзя утверждать, что они в каждом случае иерархически стоят выше обычных правовых норм.

Прежде всего, и обычаи, и договоры могут содержать когентные (императивные) нормы (*jus cogens*). Они всегда обладают большей юридической силой, чем диспозитивные нормы. Иными словами, такие обычные нормы обладают превосходством над диспозитивными нормами, содержащимися в международном договоре.

Более того, существуют определенные обычаи, которые благодаря своему значению считаются общими принципами международного права, его основами⁴¹. Разумеется, что этим принципам не могут противоречить никакие другие нормы, в том числе содержащиеся в договоре.

Наряду с этим и сама практика показывает, что гораздо более частым является случай, когда договоры меняют или упраздняют обычные правовые нормы, хотя встречаются и противоположные примеры⁴².

Тем не менее международно-правовые обычаи не являются пережитком прошлого, раз и навсегда данной категорией. Они возникают и сейчас, давая возможность порой менять определенные договорные решения.

Существует еще один интересный момент, который, правда, не относится непосредственно к взаимному иерархическому соотношению международных договоров и международно-правовых обычаев, но зато ясно указывает на важность этих обычаев. Так, в отличие от

⁴¹ Общие принципы международного права не следует путать с общими правовыми принципами. Общие принципы международного права – это принципы, возникшие в международной практике (международных отношениях) и являющиеся важнейшим элементом международного обычного права (например, принцип суверенного равенства государств, принцип неприменения силы в международных отношениях, принцип свободы открытого моря, принцип нейтралитета и т. д.), в отличие от общих принципов права, являющихся абстрактными правовыми нормами, возникающими и применяющимися во внутренних правовых системах государств (например, принципы, гласящие, что позднейшим законом отменяется более ранний; что никто не может передать другому больше прав, чем он сам имеет; что закон не требует невозможного; что лицо считается невиновным, пока его вина не будет доказана и т. д.).

⁴² Таковы, например, давно устаревшие положения Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. о запрете метания снарядов с воздушных шаров. Хотя ст. 19 Пакта Лиги Наций предусматривала обязательную регистрацию договоров, в более поздней практике от этого решения отказались. Несмотря на то, что на основании ст. 27/3 Устава ООН решение Совета Безопасности считается принятым только в случае, если за него проголосовали все постоянные члены Совета, в практике затем сложилась обычная норма, согласно которой достаточно, чтобы ни один из постоянных членов не проголосовал против решения. Можно привести еще несколько подобных примеров.

международных договоров, связывающих только договаривающиеся стороны, универсальные (общие) международно-правовые обычаи, возникнув однажды, становятся юридически обязательными для всех, в том числе и для государств, не принимавших участие в их возникновении. Таким образом, они являются источником международного права (обязательные правила поведения) и для государств, которые не приняли конкретный договор, кодифицирующий определенную область⁴³.

Вкратце, несмотря на то, что в целом в практике международные правовые обычаи имеют меньшее значение, чем международные договоры, нельзя сказать, что в иерархии они всегда расположены на более низком уровне. Наоборот, иногда они обладают большей юридической силой⁴⁴.

Как и в случае международных договоров, здесь также необходимо указать на некоторое ограничение. Все сказанное относится к международным *правовым* обычаям. Кроме них существуют и *простые* международные обычаи, у которых отсутствует второй конститутивный элемент – убежденность в правомерности и необходимости (*opinio juris sive necessitatis*). Они не являются источниками международного права, поскольку представляют собой не часть права, а часть какой-либо другой нормативной системы (морали, этикета и т. п.).

⁴³ Так, например, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948) по состоянию на 21.01.2021 г. (то есть спустя более чем 70 лет!) связывала всего 152 государств, то есть даже не все государства из 193 членов ООН. Однако это не означает, что государствам, не являющимся участниками этой конвенции, дозволяется совершать, пропагандировать геноцид или содействовать геноциду. Напротив, все государства обязаны предотвращать геноцид и наказывать за него, потому что инкриминация этого преступления стала частью общего международного обычного права, то есть превратилась в абсолютно обязательные нормы международного права (*jus cogens*). О количестве участников Конвенции: Convention on the Prevention and Punishment of Genocide, United Nations Treaty Series, Status as at 21-01-2021, https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-1&chapter=4&clang=_en.

⁴⁴ В повседневной жизни эта дилемма обычно не имеет существенного значения, поскольку в практике договоры и обычаи, как правило, не противопоставлены, а, регулируя определенные отношения идентичным в своей основе способом, взаимно проникают и дополняют друг друга.

3. Решения международных организаций

Говоря наиболее упрощенно, решения международных организаций (точнее, их компетентных органов) являются их односторонними правовыми актами⁴⁵.

Несмотря на то, что государства учреждают международные организации и оказывают решающее влияние на их работу (финансируют их, обеспечивают им штаб-квартиру, предоставляют им и их сотрудникам необходимые привилегии и иммунитеты, принимают решения о преобразовании или прекращении деятельности международной организации и т. д.), международные организации, однажды возникнув, становятся самостоятельными субъектами международного права, обладающими своей собственной волей. Даже когда решение принимается под сильным влиянием группы государств-участников, оно является волеизъявлением самой организации, а не непосредственно государств, состоящих в членстве. Решение принимают не государства, а компетентные органы организации (как правило, пленарный или исполнительный орган) в рамках своей компетенции и возложенных на них полномочий, в соответствии с утвержденной процедурой, как результат более

⁴⁵ Их не следует смешивать с какими-либо другими волеизъявлениями, исходящими от международных организаций или возникающими при их непосредственном участии. Конкретно, многие международные организации заключают международные соглашения как с государствами (например, соглашение о штаб-квартире с государством, в котором находится штаб-квартира организации), так и с другими международными организациями (например, договоры между ООН и ее специализированными агентствами). Однако они представляют собой международные договоры, подобно договорам между государствами, и, несмотря на определенные особенности, относятся к этой группе источников международного права. Кроме того, хотя многие важные международные договоры подготовлены и заключены под эгидой и при значительном содействии международных организаций, последние не фигурируют в них в качестве договаривающихся сторон. Соответственно, это договоры государств-подписантов, а не международных организаций. Таковы, например, Венская конвенция о дипломатических сношениях (1961 г.), Конвенция ООН по морскому праву (1982 г.) и т. д.

или менее выраженного компромисса с учетом целей и интересов самой организации⁴⁶.

Такие решения, как правило, называются резолюциями, однако могут носить и другие названия.

Наибольшее количество решений международных организаций не имеют юридически обязательной силы, а представляют собой своего рода рекомендации, выражение мирового или регионального общественного мнения и т. п. В принципе, юридически обязательной силой не обладают и резолюции Генеральной Ассамблеи ООН.

Тем не менее, вне всякого сомнения, некоторые решения органов международных организаций относятся к источникам международного права. В их числе, прежде всего, различные акты, касающиеся жизнедеятельности и функционирования самой организации – разнообразные регламенты, процедурные правила, правила внутреннего распорядка и т. д.

Особенно важно отметить рост количества решений органов международных организаций, обязательных для государств-членов⁴⁷, а в некоторых случаях даже для государств, не являющихся их членами. Таким образом, они, бесспорно, являются источниками международного права.

⁴⁶ Можно было бы заметить, что, в конечном счете, все сводится к своего рода соглашению между государствами-членами, только достигнутому не в ходе специальной конференции, а на заседании органа организации. Однако такой вывод не был бы правильным. Прежде всего, решение не всегда принимается пленарным органом, в котором представлены все государства-члены. Ярким примером являются решения Совета Безопасности ООН, в котором заседают представители только 15 государств, и тем не менее при определенных условиях эти решения могут стать обязательными для всех членов. Кроме того, решения некоторых международных организаций (лучшим примером снова будет Совет Безопасности ООН) в определенных случаях обязывают и государства, не являющиеся членами, то есть те, которые никоим образом не давали свое согласие и ни в коем случае не могут рассматриваться в качестве договаривающихся сторон. Наконец, подобное обоснование могло бы свести и обычные правовые нормы или общие правовые принципы к некоей форме молчаливого согласия государств, что, конечно же, представляло бы собой чрезмерное упрощение.

⁴⁷ Например, различные технические регламенты и прочие решения Всемирной организации здравоохранения, Всемирной метеорологической организации, Международной организации гражданской авиации и т. д.

В связи с этим возникает вопрос о том, можно ли отнести решения международных организаций к важнейшим источникам международного права, и, в частности, могут ли они в некоторых случаях обладать большей юридической силой, чем остальные важнейшие источники международного права – международные договоры и международно-правовые обычаи.

Не углубляясь в изучение природы, классификации, способа принятия и других вопросов, касающихся решений международных организаций, так как это представляет собой отдельную проблему (особую сложность которой обуславливает большое количество и разнородность международных организаций), мы в данной работе рассмотрим всего несколько интересных моментов.

Прежде всего, ранее уже говорилось о том, что абсолютно обязательные нормы имеют превосходство над диспозитивными. Следовательно, в принципе, императивные, то есть абсолютно обязательные нормы, содержащиеся в каком-либо решении определенной международной организации, также обладают большей юридической силой, чем диспозитивные нормы международных договоров или международных обычных правовых норм.

Однако реальность гораздо сложнее. Она предлагает нам и конкретные примеры, в которых определенные решения международных организаций (даже если было не вполне ясно, содержат ли они императивные нормы) удавалось навязать как обладающие большей юридической силой, чем международные договоры или международные правовые обычаи, даже когда они содержали решения императивного характера (т. е. представляли собой часть *jus cogens*).

Приведем всего несколько примеров, одни из которых касаются соотношения решений международных организаций с международно-правовыми обычаями, а другие – их соотношения с международными договорами. Прежде будет приведен очень сжатый обзор решений органов так называемых надгосударственных организаций как относительно нового и во многом специфического явления.

1. Решения надгосударственных международных организаций

В современной действительности существуют так называемые надгосударственные международные организации – образования, находящиеся на пути от обычной международной организации

к своего рода новой сверхдержаве. Сегодня единственным истинным примером такой организации является Европейский союз (далее также – Евросоюз), хотя по его стопам идут и некоторые другие формы региональной интеграции.

В данной работе особый интерес представляет факт, что в Европейском союзе функционирует и развивается так называемое коммунитарное право, состоящее из норм, имеющих различное происхождение и юридическую силу. Часть этого права представляют собой решения органов Европейского союза, некоторые из которых являются юридически обязательными как для стран – членов Евросоюза, так и для других субъектов, на которых они распространяются (включая юридические и физические лица), и непосредственно (без ратификации и т. д.) применяются каждым государством-членом.

Нет никакого сомнения в том, что определенные решения Европейского союза являются источниками международного права. Здесь мы не будем углубляться в вопрос, может ли такое решение, будучи оцененным как незаконное или расходящееся с общим международным правом, подвергаться юридической «атаке» в соответствующих учреждениях, и если может, то каким образом. Важно, что оно в принципе обладает большей юридической силой, чем другие (национальные и международные) источники права.

2. Решения остальных международных организаций

Случаи, в которых решение международной организации наделено большей юридической силой, чем императивные решения международного договора или международно-правового обычая, то есть занимает в иерархии вышестоящее положение, можно найти и в практике других («обычных») международных организаций. Это иллюстрируют несколько конкретных примеров, в первую очередь связанных с практикой Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН⁴⁸.

⁴⁸ В данной работе приведены только некоторые примеры и ситуации. Разумеется, их гораздо больше. Интересный обзор на тему юридического эффекта решений Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи на практику Международного суда см.: Divac Öberg Marko. The Legal Effects of Resolutions of the UN Security Council and General Assembly in the Jurisprudence of the ICJ // European Journal of International Law. № 5. 2006. С. 879–906.

В частности, хорошо известно, что решения Совета Безопасности имеют исключительное значение не только потому, что речь идет о главном органе важнейшей всемирной организации. Резолюция Совета, принимаемая на основе главы VII Устава ООН («действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии»), является обязательной для всех государств-членов, а в некоторых случаях – и государств, не являющихся членами. Значение этого решения возрастает с учетом того, что Устав (ст. 103) недвусмысленно провозгласил самого себя важнейшим международным договором современного международного права, уточняя: «В том случае, когда обязательства Членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу»⁴⁹.

Некоторые решения Генеральной Ассамблеи ООН, представляющей собой высший и наиболее авторитетный представительный орган государств как в рамках ООН, так и вообще в мире, по разумным причинам также признаются особо важными, хотя в принципе решения этого органа не являются юридически обязательными.

1. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, которыми изменено существующее или создано новое обычное международное право. Целый ряд резолюций Генеральной Ассамблеи ООН поставил под вопрос действовавшее в то время обычное международное право или стал первым шагом к рождению нового, иного обычного права.

Иными словами, несмотря на то, что в момент своего принятия эти документы не обладали большей юридической силой, чем действительные в то время международные обычные нормы, они своим существованием ставили под угрозу эти нормы, оспаривали их и одновременно создавали основы для скорого формирования новых обычных норм.

⁴⁹ Строго говоря, хотя ст. 103 Устава ООН говорит только о том, что он имеет преимущество над любым другим соглашением членов ООН, не упоминая общие международно-правовые обычаи, с полным основанием можно утверждать, что важнейшие решения Устава (о запрещении применения силы и угрозы силой в международных отношениях, об обязанности разрешать все международные споры мирными средствами и т. п.) переросли в общее обычное международное право и таким образом стали обязательными для всех, включая и те страны, которые не входят в число членов ООН.

Так, например, когда Генеральная Ассамблея ООН Резолюцией 217 (1948 г.) приняла Всеобщую декларацию прав человека, тем самым был произведен радикальный сдвиг в отношении всего того, что входит в сферу исключительной компетенции государств. В нее, помимо прочего, традиционно входили вопросы, касающиеся положения граждан (подданных) государств. Однако Декларация, провозгласившая, что все люди имеют перечисленные в ней права и свободы, пошатнула норму, согласно которой права человека являлись предметом исключительной компетенции государств. Впрочем, если принять во внимание, что из 56 голосовавших 48 проголосовали «за», 8 воздержались и никто не проголосовал «против», становится очевидно, что даже если будет преувеличением говорить о проявлении обоих элементов международного правового обычая – всеобщей практики и убежденности в правомерности и необходимости, то, по крайней мере, были поставлены под вопрос (оспаривались) всеобщая практика и убежденность в правомерности и необходимости (то есть как международно-правовой обычай) того, что вопрос прав человека находится в исключительной компетенции государств.

Есть и другие примеры.

Когда 04.10.1957 года Советский Союз произвел запуск искусственного спутника (*Спутник 1*), ни одно государство не выразило протест, несмотря на то, что он в процессе полета проходил через пространства, которые, согласно действовавшей тогда теории, и, условно говоря, некоторому виду обычного права (условно говоря, потому что не было практической деятельности в космосе), представляли собой часть государственной территории других стран (их воздушное и прилегающее пространство)⁵⁰. Протестов не последовало и тогда, когда были запущены новые советские, а затем и американские искусственные спутники. Наоборот, члены ООН вскоре посредством ряда резолюций Генеральной Ассамблеи ООН выразили правовую убежденность в свободе исследования и использо-

⁵⁰ Спутник просуществовал 94 дня и за это время сделал 1 440 оборотов вокруг Земли. Это означает, что столько же раз он прошел над территориями множества государств. Затем он вошел в верхние слои атмосферы и сгорел.

вания космоса (космических полетов) и в том, что космос является всеобщим достоянием⁵¹.

Некоторые авторы считают, что в действительности здесь идет речь о возникновении так называемого моментального (мгновенного) обычая (англ. – *instant custom*). И хотя такое обоснование чрезмерно и по многим причинам несостоятельно, фактически упомянутые резолюции означали отрицание существовавших на тот момент норм международного права, касающихся пространственного предела суверенитета государств (который в высоту простирался до бесконечности), и первый шаг к возникновению новых, иных международных обычных норм. Возникновение этих новых международно-правовых обычаев действительно произошло очень быстро, хотя и не одновременно. С другой стороны, еще до того, как появилась возможность с уверенностью констатировать рождение нового международно-правового обычая (о свободе исследования и освоения космоса), резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН был нанесен смертельный удар по существовавшей до тех пор обычной норме⁵².

2. *Попытки провозгласить решения и действия некоторых международных организаций новым международным обычным правом.* В современной практике предпринимались и тщательно срежиссированные попытки представить определенные решения

⁵¹ Резолюции 1348 (1958 г.), 1472 (1959 г.), 1721 (1961 г.), 1802 (1962 г.), 1962 (1963 г.) и др.

⁵² Правда, об отказе от существовавшей тогда обычной нормы, согласно которой суверенитет государств простирался над Землей в бесконечность, можно было говорить, уже опираясь на то, что (до принятия резолюций Генеральной Ассамблеи ООН) остальные государства, не имевшие своих спутников, не отреагировали и не выразили протест. Однако на это можно было бы возразить, что государства зачастую не спешат продемонстрировать реакцию и, выжидая, тщательно изучают возникшую ситуацию, оценивают позиции других стран и т. д. Резолюции Генеральной Ассамблеи, первая из которых (№ 1348 от 13.12.1958 г. под названием «Вопрос использования космического пространства в мирных целях») была принята чуть больше года спустя после полета первого искусственного спутника, устранили все дилеммы. Именно содержащиеся в них решения, а не те, которые были известны международному обычному праву того времени, стали краеугольным камнем будущих отношений в этой области.

некоторых международных организаций в качестве доказательств появления некоего нового международного обычного права. Имеются в виду решения и основанные на них действия, которыми грубо нарушались не только нормы действующего международного права, но и его основные принципы.

Одним из наиболее ярких примеров является агрессия НАТО против Югославии в 1999 г. Несмотря на то, что она, вне всякого сомнения, означала открытое нарушение принципа, запрещающего применение силы в международных отношениях, и ряда других основных принципов современного международного права, а также множества международных договоров, в том числе даже конституционных и законодательных норм государств-агрессоров, определенной частью западной правовой науки была предпринята попытка оправдать это решение и действие и представить его в качестве законного. Этого можно было ожидать, так как доктрина, к сожалению, зачастую стоит на службе политики.

Здесь важно кое-что другое. Даже те выдающиеся западные теоретики, которые в интересах своей профессиональной чести должны были признать, что бомбардировки Югославии представляли собой грубое нарушение международного права, попытались найти оправдание в утверждении, что в результате этого акта возникло новое обычное право, согласно которому при сочетании определенных условий группа государств может законно прибегнуть к применению силы, даже в случае отсутствия одобрения Совета Безопасности. Иными словами, была предпринята попытка использовать классический акт агрессии как доказательство предполагаемого возникновения нового обычного права на осуществление так называемой гуманитарной интервенции. Одновременно была запущена целая волна публикаций и акций в поддержку так называемого нового интервенционизма. В действительности же речь шла о попытке узаконить право единственной в то время сверхдержавы осуществлять вооруженную интервенцию когда угодно и против кого угодно.

Таким образом, одно конкретное решение и основанное на нем действие должны были послужить правовым основанием для насаждения некоей новой нормы международного права, согласно

которой запрет применения силы в международных отношениях не является абсолютным в том смысле, что иногда некоторые государства обладают полномочиями, позволяющими им на основе собственной оценки и собственного решения, без мандата Совета Безопасности использовать военную силу против других стран. К счастью, эта инициатива встретила довольно сильное сопротивление как в правовой науке, так и в практике, а затем, с изменением политической картины мира, то есть соотношения сил на международной арене, от этого замысла в конечном счете отказались.

3. *Раздел Палестины*. Генеральная Ассамблея ООН Резолюцией № 181 от 29.11.1947 г. предусматривала прекращение британского мандата над Палестиной не позднее 01.08.1948 г. и раздел этой территории, в результате которого создавались два независимых государства (арабское и еврейское), а в отношении города Иерусалим, определяемого как *corpus separatum*⁵³, действовал особый международный режим. Однако это встретило острое сопротивление арабского мира, который рассматривал данное решение как принудительное и несправедливое (арабы выступали за единое независимое государство, в котором они представляли бы численное большинство).

Уже 15.05.1948 г., на следующий день после основания Израиля как независимого еврейского государства с городом Тель-Авив в качестве столицы, вспыхнула арабо-израильская война, продолжавшаяся до 20.07.1949 г., вследствие чего решение Резолюции № 181/1947 так никогда и не было реализовано. Вместо этого последовали более или менее открытые конфликты между Израилем и Палестиной, то есть Израилем и его арабскими соседями.

Мы приводим здесь этот эпизод, потому что Резолюция, с учетом ее решений⁵⁴ являвшаяся общим правовым актом и, соответ-

⁵³ Лат. *corpus separatum* – «отдельный корпус», выражение, используемое для обозначения определенной территории (как правило, города), которая, не соответствуя характеристикам, присущим независимому государству, имеет особый правовой и политический статус, отличающийся от его окружения.

⁵⁴ О режиме, предусмотренном Резолюцией 181 (1947 г.), см.: «Резолюция, принятая по докладу Специальной (*ad hoc*) комиссии по вопросам Палестины», в частности ее часть III «Город Иерусалим». [www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/181\(II\)&Lang=R](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/181(II)&Lang=R).

ственно, источником права, была принята способом, который не учитывал интересы всех сторон, и даже не соответствовал положениям, то есть принципам и духу Устава ООН. Организация Объединенных Наций ни тогда, ни сегодня не обладает полномочиями разделять землю между народами, основывать новые государства и тому подобное. Впрочем, вопреки основной цели и задаче Организации Объединенных Наций, которая заключается в поддержании международного мира и безопасности, сразу было ясно, что решение, предусмотренное Резолюцией, приведет не к миру, а, наоборот, к трениям и конфликтам. Особенно нужно подчеркнуть, что даже в Генеральной Ассамблее ООН эта резолюция не была принята единогласно – за нее проголосовали 33, против 13, и воздержались 10 членов. Соответственно, столь важное решение приняли всего 58,9% голосовавших.

Тем не менее Резолюция была принята и только по причине развития политических событий не произвела запланированные правовые последствия. Что здесь особенно важно – ее никто никогда не отменял и не объявлял незаконной.

4. Резолюция «Единство в пользу мира» (1950 г.). Хорошо известным примером является Резолюция «Единство в пользу мира», принятая в связи с войной в Корее в 1950 г. Генеральной Ассамблеей ООН⁵⁵. Этим документом был произведен фактический пересмотр Устава

⁵⁵ Когда с началом войны в Корее (1950–1953 гг.) стало ясно, что использование права вето постоянного члена Совета Безопасности ООН может блокировать деятельность Совета по исполнению его основной обязанности – поддержанию международного мира, то группа государств во главе с США предложила принятие резолюции, которой в подобных ситуациях Генеральной Ассамблее передавались определенные полномочия Совета Безопасности. Резолюция была принята 03.11.1950 г. 52 голосами «за», 5 «против» (СССР, Украина, Белоруссия, Чехословакия и Польша) при 2 воздержавшихся (Индия и Аргентина).

Согласно Резолюции, «если Совет Безопасности, в результате разногласия постоянных членов, оказывается не в состоянии выполнить свою главную обязанность по поддержанию международного мира и безопасности... Генеральная Ассамблея немедленно рассматривает этот вопрос с целью сделать членам Организации необходимые рекомендации относительно коллективных мер, включая – в случае нарушения мира или акта агрессии – применение вооруженных сил».

ООН, способом, противоречащим конкретным положениям ст. 109, предусматривающим процедуру и механизм изменения Устава.

Иными словами, принятием Резолюции были нарушены положения международного договора, и не какого-то, а важнейшего (!) Договора, представляющего собой основу всего современного правового порядка, и которому никакие другие нормы не могут противоречить. То есть договора, решения которого обладают наибольшей юридической силой по отношению к остальным источникам международного права⁵⁶.

Следует иметь в виду, что Резолюцией были нарушены не только положения Устава, касающиеся процедуры и порядка пересмотра этого документа, но и нормы обычного договорного права относительно заключения, изменения и расторжения международных соглашений. Эти нормы, развивавшиеся на протяжении многих веков, возлагают принятие решения о судьбе международного соглашения на договаривающиеся стороны, а не на какого-либо третьего субъекта, в частности не на международную организацию⁵⁷. Не следует забывать, что даже если какое-либо решение международной организации единогласно принимается ее пленарным органом, оно остается решением организации как отдельного субъекта международного права. Оно не является решением участников договора, которым основана эта организация. Это становится еще более очевидно, если данное решение не было принято единогласно.

Говоря коротко, Резолюцией «Единство в пользу мира» Генеральная Ассамблея ООН (а не государства-члены) изменила императивные нормы самого Устава ООН. Принятое таким образом решение не просто продолжило свое существование, но и несколько раз применялось на практике (со ссылкой на него осуществлялось

⁵⁶ Об этом, а также о содержании ст. 103 Устава ООН, которой предусматривается данное решение, было сказано выше.

⁵⁷ В то время, когда была принята резолюция «Единство в пользу мира», еще не было кодифицировано международное договорное право – это было сделано Венской конвенцией о праве международных договоров (1969 г.) и частично некоторыми другими, более поздними соглашениями. Однако и на основе этих договоров судьбу договора решают договаривающиеся стороны, а не третьи субъекты, что вполне понятно.

урегулирование соответствующих ситуаций)⁵⁸. Сегодня с полным основанием можно сказать, что оно переросло в обычное международное право.

5. *Миротворческие миссии*. Решения об отправке миротворческих миссий ООН, а также некоторых региональных организаций представляют собой источники международного права. Они (особенно такие резолюции Совета Безопасности, которые приняты на основании главы VII Устава ООН) являются юридически обязательными для государств.

Следует отметить, что речь идет не только о решении отправить на определенную территорию международную миротворческую миссию. Решением об отправке регулируется и ряд важных вопросов, существенных для функционирования и юридического статуса миссии, таких как ее состав, задачи и полномочия; основные обязанности миссии (соблюдать международное гуманитарное право и международное право в области прав человека, предоставлять организации информацию по всем важным вопросам и представлять ей отчеты и т. д.); обязательство государств сотрудничать с миссией и предоставлять ей необходимую помощь и привилегии и т. д. Наряду с этим некоторыми резолюциями, принятыми в недавнее время, предусматривается также обязательство государств, чьи национальные контингенты входят в состав международных сил, принимать необходимые меры по расследованию преступлений, предположительно совершенных военнослужащими их контингента, и наказанию виновных или репатриации (высылке обратно

⁵⁸ Резолюция по инициативе Югославии впервые была применена во время агрессии Великобритании, Франции и Израиля против Египта (1956 г.). Позднее на основе Резолюции созывалось еще несколько специальных сессий Генеральной Ассамблеи, в основном по инициативе Совета Безопасности – в связи с ситуациями в Венгрии (1956 г.), на Ближнем Востоке (1958 г.), в Конго (1960 г.), на Ближнем Востоке (1967 г.), в Афганистане (1980 г.), в связи с Палестиной (1980–1982 гг.), Намибией (1981 г.), оккупированными арабскими территориями (1982 г.) и незаконными действиями Израиля в оккупированном Восточном Иерусалиме и на остальной части оккупированных палестинских территорий (1997 г.). Генеральная Ассамблея ООН, Чрезвычайные специальные сессии, www.un.org/ru/ga/sessions/emergency.shtml

домой) подразделений в случае представления достоверных доказательств совершения преступлений⁵⁹.

Высказанные замечания в значительной мере относятся и к другим подобным миссиям, учреждаемым по решению международных организаций, таким как, например, некоторые военные операции НАТО и Европейского союза в водах Сомали и прилегающих к ним, в целях борьбы с пиратством.

6. *Учреждение уголовных трибуналов ad hoc.* Резолюциями Совета Безопасности 827 (1993 г.) и 955 (1994 г.), которыми были учреждены уголовные трибуналы *ad hoc* по бывшей Югославии и Руанде, были утверждены и уставы этих органов. Иными словами, в этом случае речь шла об общих правовых актах, а не только о чистых решениях об учреждении таких органов. Обе резолюции были приняты со ссылкой на главу VII Устава ООН, а это означает, что они являются юридически обязательными для государств-членов.

В этих случаях Совет вышел за рамки своей компетенции и роли, которая отведена ему Уставом ООН, так как ни его функция, ни что-либо другое в Уставе ООН не наделяет его полномочием осуществлять преследование и наказание виновников военных преступлений или основывать международные уголовные суды.

В конкретных случаях Совет Безопасности сначала не сумел своевременно и адекватно отреагировать и предотвратить конфликты в бывшей Югославии и Руанде, то есть не выполнил свою основную функцию, заключающуюся в поддержании международного мира и безопасности. Вместо того, чтобы не допустить вспышки или расширения этих конфликтов (в этом случае не произошли бы военные преступления и преступления против человечности или их было бы несопоставимо меньше), Совет сам себе дополнительно дал право навязать международные уголовные трибуналы *ad hoc* по указанным странам. Как бы ни рассматривалась эта ситуация, неизбежно напрашивается вывод, что своими решениями трибуналы

⁵⁹ См., например, Резолюцию Совета Безопасности ООН № 2372 (2017 г.), касающуюся миссии Африканского союза в Сомали (АМИСОМ). [www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2372\(2017\)&Lang=R](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/2372(2017)&Lang=R). Резолюция была принята на основе главы VII Устава ООН, то есть является юридически обязательной для государств.

учредил орган, не имевший на это никаких полномочий, незаконным способом, урегулировав при этом по собственному усмотрению целый ряд важных вопросов.

Здесь для нас представляет интерес факт, что учреждение этих трибуналов нарушило целый ряд императивных норм международного договорного и обычного права, в том числе заложенных в основу самого Устава ООН. Речь идет о решениях, касающихся суверенных прав государств, компетенции государств, полномочий Совета Безопасности ООН, определяемых Уставом ООН, и т. д. Кроме того, нарушен и ряд общих принципов права, среди которых принцип независимости судов и судей (поскольку суды основаны как вспомогательные органы Совета Безопасности, являющегося исполнительным органом ООН); принцип запрета обратной силы (неретроактивности) уголовных законов (так как уставы судов были приняты после того, как преступления были совершены) и т. д.

Тем не менее, несмотря на то, что учреждение и функционирование упомянутых органов с первого дня было предметом множества упреков и споров, указанные резолюции Совета Безопасности были реализованы на практике. Трибуналы функционировали более 20 лет, они вынесли приговоры по многим делам, многие лица отбывают наказание в виде тюремного заключения по этим приговорам и т. д. Особо следует отметить, что даже непосредственно заинтересованные государства, некоторое время с возмущением противившиеся учреждению этих судов, позднее уступили под давлением, приняли собственные законы о сотрудничестве с соответствующим трибуналом и на практике с ним сотрудничали.

7. Резолюции Совета Безопасности в связи с борьбой против сомалийских пиратов. К интересным конкретным источникам международного права относятся и другие различные резолюции Совета Безопасности, принятые на основе главы VII Устава ООН, а значит, обязательные для всех государств-членов.

Достаточно напомнить о решениях Совета Безопасности, принятых в целях борьбы против сомалийских пиратов. На их основе были сформированы международные морские силы по борьбе против пиратов, и, что здесь особенно важно, региональным организациям и государствам-членам ООН предоставлены специальные

полномочия на совершение действий, которые в ином случае представляют собой грубое нарушение международного права – вмешательство во внутренние дела государств и даже акт агрессии.

В частности, принимая во внимание участвовавшие нападения пиратов в относительной близости от побережья Сомали и их уход от преследования в территориальных водах и портах этой страны, которая оказалась неспособной бороться против них⁶⁰, с учетом того, что правительство, представлявшее эту страну, дало свое согласие⁶¹, Резолюцией 1816 (2008 г.) и последующими резолюциями иностранным государствам (их военным судам) была разрешена свободная охота на пиратов и в территориальных водах, и даже на суше Сомали⁶².

Резолюция 1816 (2008 г.) содержит несколько важных ограничений: 1) применяется только лишь в отношении ситуации в Сомали; 2) соответствующие действия могут предприниматься только государствами, имеющими определенно выраженное согласие правительства Сомали; 3) данное решение имеет временное ограничение на период 6 месяцев, с возможностью продления⁶³; 4) Резолюцией уточняется, что принятые ею постановления не затрагивают права, обязанности и ответственность других государств по международному праву, не относятся к какой-либо другой ситуации (кроме ситуации в отношении Сомали) и, в частности, что данное решение не рассматривается в качестве устанавливающего какие-либо нормы международного обычного права.

⁶⁰ Поскольку, помимо прочего, не имела ни военно-морского флота, ни эффективного центрального правительства.

⁶¹ Имеется в виду Переходное федеральное правительство Сомали. Письмом своего постоянного представителя при ООН, направленным 27.02.2008 г. председателю Совета Безопасности, оно дало согласие на принятие экстренных мер по обеспечению безопасного судоходства в территориальных и международных водах вдоль побережья Сомали.

⁶² Речь идет о резолюциях 1814 (2008 г.), 1816 (2008 г.), 1838 (2008 г.), 1844 (2008 г.), 1846 (2008 г.), 1851 (2008 г.), 1897 (2009 г.) и 1918 (2010 г.), 1950 (2010 г.), 1976 (2011 г.), 2015 (2011 г.), 2020 (2011 г.), 2077 (2012 г.), 2125 (2013 г.), 2184 (2014 г.), 2246 (2015 г.), 2316 (2016 г.), 2383 (2017 г.) и т. д.

⁶³ В действительности Резолюцией 1846 (2008 г.) действие этих мер было продлено еще на 12 месяцев, а затем продлевалось снова.

Даже с учетом этих ограничений, по решению международной организации военные суда впервые в истории на международном уровне получили полномочие преследовать морских разбойников в прибрежных водах иностранного государства. И хотя условием для этого является согласие территориального государства, подобно тому как и сами меры формально были утверждены с его согласия, однако с учетом политических обстоятельств, существовавших в то время в Сомали, возникает вопрос, обладало ли Переходное федеральное правительство Сомали (существовало в 2004–2012 гг.) легитимностью, чтобы представлять страну, а также то, действительно ли его согласие было дано добровольно.

Здесь особенно важен тот факт, что соответствующие действия предпринимаются на основе резолюций Совета Безопасности ООН, а не какого-либо договора с Сомали. Их обязательность, таким образом, основывается не на общем или специальном международном договоре и не на каком-либо международно-правовом обычае. Не получив законную силу на основе резолюций Совета Безопасности, акты, содержащие соответствующие меры, представляли бы собой грубое нарушение международно-правовых норм и международного договорного и международного обычного права.

8. *Санкции ООН и других международных организаций.* Не поднимая вопрос о том, что такое санкции в международном праве и каковы их виды⁶⁴, достаточно отметить, что санкции могут применять не только государства, но и определенные международные организации.

Они могут применять санкции только в границах своей компетенции, которая установлена уставом данной организации или ее учредительным договором. Это означает, что санкции международных организаций ограничены тремя основными способами:

1) самой областью международного права, входящей в компетенцию соответствующей организации;

2) с точки зрения выбора мер, которые могут предприниматься в отношении нарушителя (так как они заранее определены высшим правовым актом организации);

⁶⁴ Об этом: Кривокапич Борис, указ. соч. С. 58–80.

3) тем фактом, что санкции может наложить (принять решение об их введении) только компетентный, уполномоченный уставом орган организации.

Эти санкции могут заключаться, в частности, в приостановлении прав члена соответствующего государства; исключении из членов организации; приостановлении оказания технической, финансовой и иной помощи, оказываемой организацией данному государству; ограничении уровня товарооборота; замораживании финансовых средств соответствующего государства за рубежом; ограничении свободы передвижения государственных деятелей или граждан данного государства (коллективный отказ в выдаче виз); эмбарго на ввоз оружия; дипломатических санкциях; морально-политическом осуждении компетентным органом организации, вплоть до принятия принудительных мер против определенного государства (меры, находящиеся в распоряжении Совета Безопасности ООН).

И хотя на первый взгляд речь здесь идет об отдельных нормах, во многих случаях имеются в виду решения, которые уточняют виды, условия и способы применения соответствующих санкций, а также обязательства государств-членов, связанные с ними, и обычно также подразумевают необходимость дополнительного принятия отдельных норм. Иными словами, природа этих актов и способ их введения (определения) таковы, что они могут рассматриваться в качестве общих норм, а значит, источников международного права.

С другой точки зрения, этими решениями приостанавливается действие норм международного договорного и обычного права о дружественном сотрудничестве между государствами.

Более того, существуют примеры того, как международные организации в некоторых случаях принимали решения о санкциях (а затем заботились об их последовательной реализации), несмотря на то, что не были уполномочены ни своим учредительным договором, ни какой-либо другой нормой международного права. Тем самым они в некотором смысле ставили свои решения выше всемирной правовой системы, определяемой другими источниками международного права.

Так, Совет Безопасности в новейшей практике определенными решениями о санкциях вышел за установленные Уставом ООН

рамки, ограничивающие его в этом отношении. Конкретно, в соответствии с так называемым «креативным толкованием» Устава ООН, он со ссылкой на главу VII Устава начал вводить санкции не только против государств, но и против групп и даже индивидов. Так, несмотря на то, что ни в каких источниках он не уполномочен на это Уставом ООН, Совет Безопасности вводил санкции против лиц, которые, по его оценке, препятствуют процессу мирного урегулирования, несут ответственность за нарушение гуманитарного права или тяжкое нарушение прав человека, прямо или косвенно участвуют в пиратской деятельности и т. д. Эти санкции состояли в замораживании финансовых средств соответствующих лиц, ограничении свободы передвижения этих лиц (отказе в выдаче визы) и запрете на поставку оружия и военной техники этим лицам и т. п.

Во всех этих случаях санкции являлись чем-то юридически обязывающим для государств-членов, претендующим на обладание большей юридической силой, чем остальные нормы международного права. Государствам не была дана возможность со ссылкой на какой-либо международный договор или международно-правовой обычай отказаться от реализации мер, предусмотренных Советом Безопасности, даже тогда, когда его право принимать решение об этих мерах было спорным (санкции против групп и индивидов).

Различные виды санкций против государств и их официальных лиц, а также других субъектов, в том числе индивидов, по разным причинам вводили и Европейский союз, Африканский союз, АСЕАН, Лига арабских государств и другие международные организации.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Согласно вышесказанному, категория важнейших источников международного права не совпадает с тем, что в теории обычно называется основными источниками этого права. Это происходит потому, что к важнейшим источникам, несомненно, относятся и некоторые решения международных организаций, однако в то же время среди них нет места для общих принципов права, которые традиционно входят в число основных источников международного права.

С другой стороны, в категорию важнейших источников международного права входят не все международные договоры, не все международные обычаи и тем более не все решения международных организаций. Такой статус может быть присвоен только тем из них, которые содержат императивные или абсолютно обязательные нормы (*jus cogens*).

Наконец, даже если свести все только к императивным нормам, содержащимся в договорах, обычаях и решениях международных организаций, среди них невозможно установить некую во всех случаях действующую иерархическую структуру. В современной практике действительно наибольшее значение имеют данные нормы, содержащиеся в международных договорах. Однако случается, что большей юридической силой обладают подобные нормы, содержащиеся в международно-правовых обычаях и определенных решениях некоторых международных организаций. Это требует внимательного изучения каждой ситуации.

Особенно следует отметить, наряду с тем, что большинство решений международных организаций все еще не только несопоставимо с международными договорами и обычаями по юридической силе, а зачастую даже не является источниками международного права (сводится к рекомендациям и т. д.), в последнее время значение решений международных организаций растет. Это является естественным следствием усиления роли самих международных организаций. С полным основанием можно ожидать, что в ходе неуклонного процесса мировой интеграции (глобализации) и превращения мира в единое общество значение этих решений будет увеличиваться и они будут постепенно вытеснять международные договоры и международные правовые обычаи.

В настоящее время обязательность решений международных организаций и их место в иерархической структуре источников международного права зависит от ряда факторов. Важнейшими среди них являются объем прав, которые государства передали соответствующей организации в целом, а также круг и значение полномочий, возложенных на данный орган высшим актом организации (уставом, учредительным договором и т. д.). Важны, однако, и некоторые другие моменты, в первую очередь, насколько велико значение конкрет-

ной проблемы с точки зрения политики и безопасности, и в какой мере великие державы заинтересованы в ее скорейшем разрешении. Различная природа международных организаций, их органов и, следовательно, их решений, а также различные обстоятельства, в которых эти решения принимаются, не допускают обобщений. Поэтому каждому случаю следует давать отдельную оценку.

Контрольные вопросы

1. Перечислите формальные источники международного права и скажите, какие из них основные и почему.
2. Каковы важнейшие источники международного права и чем они отличаются от основных источников международного права?
3. Каковы значение и ограничения договора как источника международного права?
4. Каковы значение и ограничения международно-правовых обычаев как источника международного права?
5. В чем особенности решений надгосударственных международных организаций? Приведите их примеры.
6. Приведите примеры решений международных организаций, которые изменили существующее или создали новое международное обычное право.
7. Приведите примеры попыток объявить определенные решения и действия некоторых международных организаций новым обычным международным правом.
8. Приведите примеры, в которых решения международных организаций меняют императивные или абсолютно обязательные нормы международного права (*jus cogens*).
9. Что вы можете сказать о решениях Совета Безопасности ООН о создании специальных (*ad hoc*) международных уголовных трибуналов?
10. Каковы роль и характер санкций, которые своими решениями вводят ООН и другие международные организации?
11. Каковы ограничения (условия) введения санкций международными организациями?
12. Каково значение важнейших источников международного права и чего можно ожидать в будущем?

Глава IV. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

1. ВВЕДЕНИЕ

Проще говоря, суверенитет – это право и качество (способность) государственной власти быть высшей и независимой от всех других властей на соответствующей территории, то есть быть свободной в принятии своих решений и превосходить все другие власти и лица и при этом иметь способность «навязывать» свою волю всем другим субъектам, расположенным на данной территории. С другой стороны, это означает, что государство (народ) обладает неотъемлемым правом определять свою внутреннюю социально-политическую и экономическую организацию (так называемый внутренний суверенитет) и свою внешнюю политику (внешний суверенитет).

Оставляя другие вопросы тем, кто более компетентен, в настоящем учебнике мы будем иметь дело только с внешним суверенитетом или, точнее, мы будем рассматривать суверенитет только с точки зрения международного права и международных отношений.

Идея и практика суверенитета возникли с появлением первых государств. Правда, даже в средние века не существовало юридикотехнического выражения, которое означало бы верховенство государственной власти. Поэтому внутри государства оно приравнивалось к свободе принимать и изменять законы и другие постановления, а во внешних отношениях – к независимости.

Тем не менее суверенитет как явление, по сути, существовал⁶⁵.

⁶⁵ Эта идея в различных терминах (лат. – *majestas, plena potestas, summa potestas, summum imperium* и т. д.) выражается различными правителями, юристами и философами. Термин «суверенитет» впервые был использован Жаном Боденом в «Левиафане» (1651 г.).

Без суверенитета просто не было бы государств и их взаимно регулируемых отношений. Даже когда не было достаточно развитого осознания данного обстоятельства, международное право всегда основывалось на представлении о государствах как суверенных единицах, которые в принципе имеют право самостоятельно регулировать отношения в рамках своей юрисдикции и действовать как основные субъекты международного права, которые, в конце концов, они сами создали.

До появления международных организаций в конце XIX века, а затем и других новых субъектов международного права, государства были единственными, кто создавал международное право, применял его и защищал (санкционируя его нарушение). Поэтому многие долго называли это право межгосударственным. Хотя в наше время от него в значительной степени отказались как от неточного и недостаточно всеобъемлющего, определение международного права как права, регулирующего отношения между государствами, иногда все еще можно найти в современной литературе.

Одним из основных принципов, на которых основано все современное международное право, является принцип суверенитета, то есть суверенного равенства и независимости всех государств⁶⁶. Он встроен в ст. 2/1 Устава ООН и подтвержден рядом других важных международно-правовых документов⁶⁷, включая решения Международного суда⁶⁸.

⁶⁶ Почти 100 лет назад Постоянная палата международного правосудия также отметила, что «право заключать международные договоренности является атрибутом государственного суверенитета». *Case of the S.S. Wimbledon-1923. Permanent Court of International Justice // Series A. Judgment of August 17th 1923. Par. 2. P. 25.*

⁶⁷ Он встречается, например, в преамбуле Венской конвенции о праве международных договоров (1969 г.), Декларации принципов международного права о дружественных отношениях и сотрудничестве государств в соответствии с Уставом ООН (1970 г.), Хартии экономических прав и обязанностей государств (1974 г.), Заключительном акте СБСЕ (1975 г.) и т. д.

⁶⁸ Суд рассматривал государственный суверенитет в различных делах, никогда не подвергая его сомнению. В одном решении он прямо назвал его основным принципом, «на котором основано все международное право». *Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and Against Nicaragua. Judgment of 17 June 1986, International Court of Justice. Par. 263. P. 133 (123).*

В то же время это одно из важнейших прав каждого государства. Именно с точки зрения суверенитета государство отличается от подобных творений, которые не обладают этим качеством и, следовательно, не являются государствами. Другими словами, без суверенитета не было бы самих государств. В конце концов, именно из этого вытекают другие основные права государства, такие как территориальная целостность, иммунитет от юрисдикции других государств и т. д.⁶⁹.

Многие используют суверенитет как синоним независимости и наоборот⁷⁰. Это связано с тем, что с точки зрения международного права суверенитет государства в основном сводится к его независимости от внешнего вмешательства, к тому факту, что оно не обязано подчиняться приказам любого другого правительства или подчиняться ограничениям своего суверенитета, с которыми оно прямо или молчаливо не согласилось.

Однако это отнюдь не означает, что государства действительно могут делать то, что они хотят. Их суверенитет – это не всемогущество в абсолютном смысле, это не безграничная власть. Он существует только в рамках, установленных международным правом⁷¹.

В этом смысле, «когда юристы-международники говорят, что государство является суверенным, все, что они думают, это то, что оно независимое, что означает, что оно не подчиняется другому государству. Это не значит, что оно выше права»⁷². На международном

⁶⁹ Некоторыми из этих прав сейчас пользуются другие субъекты, в первую очередь международные организации, но только государства пользуются всеми этими правами в полной или, по крайней мере, в максимально возможной степени. Подробнее см.: Кривокапич Борис. Международное публичное право. Самара, 2018. С. 212–214, 293–294.

⁷⁰ Ваттель, например, замечает: «Каждое государство, которое управляет собой при любой форме правления, независимо от какой-либо иностранной державы, является суверенным государством». *De Vattel Emer. The Law of Nations*, ed. by Chitty J., Philadelphia, T & J.W. Johnson, Law Booksellers, 1884. §4. P. 2.

⁷¹ В этом смысле некоторые авторы отмечают: «Суверенитет означает подчинение государств только международному праву, другими словами, прямое подчинение международному праву». Кау Марсель. Государство и индивид как субъекты международного права // Витцтум В. Г., Прельсс А. ред. Международное право. М., 2015. С. 208–366.

⁷² Malanczuk Peter. *Akehurst's Modern Introduction to International Law*, Routledge, 1997. P. 17.

уровне государства имеют только ту свободу выбора и действий, которая предоставляется им международным правом.

Следовательно, хотя он и определяется как высшая независимая власть с позиций международного права, суверенитет государств не является и не может быть абсолютным⁷³. Государства всегда добровольно ограничивали свою свободу принятия решений и действий, создавая международно-правовые обычаи и заключая международные соглашения, а в последнее время и другими способами (например, становясь членами международных организаций)⁷⁴. Такое их поведение является объективной необходимостью, потому что без него международное сотрудничество и даже простое миротворчество были бы невозможны, а международные вооруженные конфликты остались бы юридически нерегулируемыми, что означает, что у них были бы все предпосылки для того, чтобы перерасти в резню без каких-либо правил и милосердия для кого-либо.

Остановимся на еще одном вопросе, который показывает, как жизнь упорно уничтожает все теоретические предположения, независимо от того, насколько бы логичными и противоречивыми они ни казались. Являясь высшей, наибольшей и сильнейшей властью над одной территорией, суверенная власть по самой природе вещей должна быть неделимой. На это указывают многие теоретики, согласно которым «суверенитет на одной территории не может принадлежать двум властям одновременно, что означает, что суверенитет неделим»⁷⁵, то есть «суверенитет одного государства исключает суверенитет любого другого государства»⁷⁶.

Однако на практике встречаются исключения в виде кондоминиумов (соимперии), то есть совместного осуществления власти

⁷³ Некоторые авторы даже не говорят об абсолютной власти, но говорят, что суверенитет существует тогда, когда существует «высокая степень политической власти». Rhyne Charles S. *International Law*. Washington D.C., 1971. P. 86.

⁷⁴ «Вся система международного права, в частности создание и деятельность международных организаций, представляет собой ограничение суверенитета». Аврамов Смиля. *Међународно јавно право*. Београд, 2011. С. 183.

⁷⁵ Morgenthau Hans J. *The Problem of Sovereignty Reconsidered* // *Columbia Law Review*. №3. 1948. P. 341–365.

⁷⁶ Келзен Ханс. *Општа теорија права и државе*. Београд, 1998. С. 449.

двумя или более государствами над одной и той же территорией на основе международного договора. В эпоху феодализма таким образом разрешались споры относительно наследственных прав монархов, а затем это использовалось, чтобы избежать конфликтов между колониальными державами в связи с разделом мира. Хотя обычно это было переходное решение, которое позже было заменено суверенитетом только одного государства, в некоторых случаях такая ситуация длилась очень долго⁷⁷. Хотя в наше время кондоминиум устарел, все еще есть некоторые ситуации, например, Остров фазанов на реке Бидасоа между Испанией и Францией (они меняются каждые шесть месяцев в плане управления островом) или залив Фонсека, берега которого принадлежат Сальвадору, Гондурасу и Никарагуа.

2. СУВЕРЕНИТЕТ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

1. Ослабление государственного суверенитета как процесс

На самом деле суверенитет государств стал слабеть, как только он сформировался. По мере развития всесторонних отношений между государствами росли и обязательства, которые они на себя принимали. Сегодня, когда процессы глобализации ускоряются на всех уровнях, мир все больше становится единым обществом, что приводит к тому, что государства все более ограничиваются в своей свободе принятия решений и действий.

В наше время государства частично отказываются от политического и военного суверенитета, становясь частью системы коллектив-

⁷⁷ Кондоминиум над Кипром, согласованный византийским императором Юстинианом II и арабским халифом Абд аль-Маликом в 688 г. (просуществовал до 965 г.); совместное правление Франции и Великобритании над Новыми Гебридами (1887–1980 гг.); Египта и Великобритании над Суданом (1899–1956 гг.); Австралии, США и Великобритании над островом Науру (1923–1942 гг.); США и Великобритании над островами Кантон и Эндербери (1939–1979 гг.) и др.

ной безопасности (ООН) или военно-политических организаций (например, НАТО), которые принимают решения по важным вопросам, в том числе в сфере обороны. Хотя в принципе их можно отозвать, это не специальные (ad hoc) альянсы, а особые формы очень тесного сотрудничества, которое распространяется и на другие области.

То же верно и для других сфер международных отношений. Государства отказываются от все большей доли своего суверенитета и в экономических отношениях. Они делают это, в частности, вступая в члены международных экономических и финансовых организаций (Всемирная торговая организация, Всемирный банк и т. д.) или путем заключения соответствующих договоров. Благодаря членству в этих учреждениях и договоренностях, а также по вполне практическим причинам (например, для получения ссуд) они выполняют различные требования и условия, такие как приватизация, либерализация, дерегулирование, открытие рынка и т. д., которые навязываются в виде готовых решений и единых стандартов для всех, вне зависимости от различий в культурном наследии, уровня развития общества и т. п.

То же самое и в других сферах сотрудничества, таких как транспорт, телекоммуникации, культура и т. д. В конце концов, одна из сфер, объединяющих мир, – это спорт, спортивные соревнования (а также все, что с этим связано, включая правила и условия, в которых они организованы и поддерживаются), которые унифицированы и централизованы через международные спортивные учреждения, Олимпийские игры, чемпионаты мира и др.

Что касается содержания, многое из того, что когда-то было в руках государства в прошлом, сейчас там уже не находится. Производство определенных товаров или предоставление некоторых услуг, которые ранее были делом государства, теперь возложены на частный сектор, что на практике часто означает – на транснациональные компании. Некоторые стандарты, которые раньше независимо устанавливали государства, каждое для себя, уже давно установлены компетентными международными органами. Все чаще некоторые сферы национального правопорядка унифицируются, так что общественные отношения юридически регулируются одинаковым или, по крайней мере, максимально похожим образом (в области гражданского, коммерческого, трудового, транспортно-

го, почтового, экологического права и т. д.). Унификацией права занимается целый ряд международных организаций и органов, таких как Международная организация труда, Всемирный почтовый союз, Международная организация гражданской авиации и т. д.

Особенно показательный пример отказа от классического понятия суверенитета связан с вопросом прав человека. В прошлом государства не допускали интернационализации проблемы прав человека – инициирование этой темы грозило спровоцировать бурную реакцию и быть отмеченным как вмешательство в дела, входящие в исключительную компетенцию государств. В настоящее время все изменилось. Государства не только обязаны обеспечивать адекватный уровень гарантий, осуществления и защиты прав лиц, находящихся под их юрисдикцией, но и по-разному отчитываются об этом. Международное сообщество, воплощенное в важнейших международных организациях, имеет в своем распоряжении различные механизмы для контроля, а также для оказания давления и даже наказания в тех ситуациях, которые оказываются неприемлемыми.

Развиваются и различные региональные интеграции. ЕС является самым известным, но подобные творения строятся и на других континентах (Африканский союз, НАФТА, Меркосул и т. д.). Присоединяясь к ним, государства передают им все большую часть дел в сфере политических отношений, ведения внешней политики, безопасности, экономики и т. д. В некоторых из них развивается специальное наднациональное право, которое в значительной степени создается совместными (международными) органами и регулирует постоянно расширяющийся круг вопросов даже внутри границ государств-членов. Примером может служить ЕС, органы которого уполномочены принимать решения в определенных областях, которые являются обязательными не только для государств-членов, но также и для всех их юридических и физических лиц и непосредственно (без ратификации и т. д.) применяются в каждом из них.

Наконец, если в прошлом государства были единственными субъектами международного права, то сегодня совсем не так. Некоторые из этих новых субъектов, прежде всего международные организации, имеют определенные права, которые до недавнего времени принадлежали только государствам. Такие как активное

и пассивное право посольств, право участвовать в международных конференциях, право заключать международные соглашения, право на принудительные меры, юрисдикционный иммунитет и т. д. Возрастает роль транснациональных компаний, которые приобретают все более выраженную международно-правовую субъективность.

Даже отдельные лица занимают все более широкие позиции в международном праве и могут при определенных условиях предъявлять иски государствам в компетентные международные суды по правам человека, что до недавнего времени было немислимо. Уже сам по себе этот факт красноречиво свидетельствует о том, насколько отличается суверенитет государств сегодня от того, который был чуть более полувека назад.

2. Выживание суверенитета

Тем не менее, несмотря на все ограничения, вытекающие из общепризнанных норм международного права (общего международного обычного права) и членства в международных договорах и международных организациях, суверенитет государств упорно сохраняется и в наше время.

Он проявляется в таких функциях, как: проведение внешней политики; поддержание мира и стабильности в международных отношениях; владение и использование вооруженных сил; принятие внутреннего законодательства и забота о его применении; поддержание безопасности, общественного порядка и мира; судебная власть; обеспечение функционирования государственного аппарата и общества в целом; прямая гарантия, обеспечение и защита прав человека; сохранение института гражданства⁷⁸; выпуск денег; сбор налогов; защита окружающей среды и т. п.

⁷⁸ Гражданство сохраняется и в странах, которые являются частью наднациональных творений, таких как ЕС. Хотя статья 8 Договора о ЕС (Маастрихтский договор, 1992 г.) ввела гражданство ЕС, она не отменила гражданство государств-членов. Напротив, гражданство ЕС возникает из наличия гражданства одного из членов Союза. Поскольку сами определяют условия приобретения и утраты своего гражданства, они также влияют на потерю гражданства ЕС. Когда государство-член выходит из членства в ЕС, оно тем самым косвенно лишает своих граждан гражданства ЕС.

Верно, что сегодня традиционная концепция суверенитета частично преодолена и на практике суверенитет государств все более сужается. Но верно также и то, что государства сами создают и добровольно принимают эти ограничения. И так же, как могут принять их, могут и отказаться от них. Следует добавить, что государства в принципе оставляют за собой право отклонить определенные решения, международные стандарты и решения.

В конце концов, два наиболее ярких случая, свидетельствующих о свободе действий государств на международном уровне, подлежат важным ограничениям – универсальные обычные правила и принудительные меры ООН при внимательном рассмотрении выглядят иначе.

В отличие от международных договоров, нормы универсального (общего) обычного международного права обязательны для всех, в том числе и для государств, которые не участвовали в их создании. Таким образом, эти нормы, несомненно, представляют собой ограничение государственного суверенитета. Однако они тоже созданы с согласия государств, правда, молчаливого. Кроме того, на практике их нелегко навязать, потому что часто спорят, действительно ли данное правило возникло и каково его конкретное содержание. Наконец, государство, которое настойчиво и последовательно противостоит появлению такого правила, не должно считаться связанным им (случай так называемого настойчивого возражающего). Если подумать, все это на самом деле только подтверждает суверенитет государств.

Другой случай – коллективные меры, принятые Советом Безопасности на основании главы VII Устава ООН против государства, будь то член или не член. Однако на самом деле это меры против того, кто не только серьезно нарушает международное право, но и ставит под угрозу мир и безопасность во всем мире и, следовательно, подвергает опасности всех членов международного сообщества. Коллективные меры в таком случае – это не только мера помощи жертвам агрессии, но и своего рода самооборона всех стран, ведь в наше время каждый вооруженный конфликт может превратиться в большую, даже в мировую войну. Эти меры сохраняют высшие ценности международного сообщества и благополучие входящих

в него государств и в принципе не направлены на отрицание суверенитета какого-либо государства⁷⁹.

К тому же два упомянутых случая – совсем не новизна. Общие обычные правила всегда были обязательными и тем самым представляют собой доказательство того, что суверенитет государств никогда не был не абсолютен. Коллективные меры ООН появились сравнительно недавно, однако даже они были введены в 1945 году (более чем 75 лет назад), причем государства добровольно согласились на них, создав ООН и предоставив им эти полномочия.

Стоит напомнить, что государства вступают добровольно даже в ЕС, который является своего рода наднациональным творением. Точно так же добровольно они могут и выйти из него, о чем свидетельствует процесс, известный как брексит (англ. – *Brexit*)⁸⁰, который происходит на наших глазах⁸¹. Следует добавить, что, хотя евро был принят в качестве общей валюты в 2002 году, он не был принят 9 из 28 членов ЕС, сохранивших свои национальные валюты; что, хотя Шенгенское соглашение о специальной системе пограничного контроля было включено в законодательство ЕС Амстердамским договором (1999 г.), оно не связывает всех членов ЕС и т. п.

В конце концов, правительства (государства) по-прежнему являются важнейшей защитой своих народов.

Пока они существуют, государства, со всеми своими ограничениями, будут суверенными. Даже если сегодняшняя политическая сцена изменится и основными ячейками международного сообщества станут города-государства, они (как только станут государствами) должны будут обладать своего рода суверенитетом. Иначе речь шла бы

⁷⁹ Так, например, хотя каждому гарантируется право на жизнь, каждый также имеет право защищать себя, даже, если необходимо, лишив нападающего его жизни. И никто не видит в этом отказа в праве на жизнь.

⁸⁰ Сокр. от *Britain exit* – процесс выхода Великобритании из членства в ЕС на основании референдума по этому вопросу, проведенного в 2016 году, на котором 51,9% проголосовавших проголосовали за выход из ЕС.

⁸¹ Правильно указано, что, например, членство в наднациональной организации, такой как ЕС, всего столетие назад считалось бы неприемлемым ограничением независимости государства, но сегодня на это смотрят гораздо более реалистично, принимая во внимание экономические преимущества и недостатки. Malanczuk Peter. Указ. соч. С. 18.

о региональной или местной автономии. Если события будут развиваться в совершенно обратном направлении, так что возникнут сверхдержавы, региональные государства или государства-континенты, такие творения также должны будут иметь суверенные права. Иначе речь шла бы просто о единицах всемирной федерации.

Отметим также, что, хотя действительно растет число негосударственных образований, которые приобретают все более широкие очертания международно-правовой субъективности, они не свободны от государств, с которыми связаны. На международном уровне за обязательства, принятые ими, и за причиненный ущерб отвечает их государство; их деятельность ограничена сферами, определенными государствами их взаимными соглашениями; даже когда государство или группа государств предоставляют этим субъектам право заключать международные соглашения, это не имеет большого значения, если другие государства не соглашаются с этим⁸². Мы бы добавили к этому, что рассматриваемые негосударственные образования (в первую очередь транснациональные компании и международные неправительственные организации) созданы и действуют на основе внутреннего права государств, в которых они находятся и осуществляют свою деятельность, и на условиях, предписанных этим правом; что заинтересованные государства могут распорядиться об их отмене или запрещении; что эти субъекты также демонстрируют свое подчинение соответствующим государствам и их правовым порядкам, уплачивая им налоги и другие пошлины и т. п.

3. КОНЦЕПЦИИ ОГРАНИЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Мы наблюдаем процесс трансформации мира, который подразумевает изменение места и роли государств. Одновременно суверенитет государства в наши дни подвергается сомнению и даже открытым нападкам на теоретическом уровне.

⁸² Hollis Duncan B. Why State Consent Still Matters – Non-State Actors, Treaties, and the Changing Sources of International Law // Berkeley Journal of International Law. Vol. 23. 2005. P. 172–173.

Некоторые из этих концепций понятны и являются частью идеи объединения всех частей мира, построения единого мирового правительства и т. д., которая в той или иной форме существовала всегда.

Однако в конце прошлого века, в частности, после завершения холодной войны, были предприняты усилия, которые, по сути, были направлены на установление некоего нового мирового порядка. Это подразумевает новые отношения, новое международное право, новые институты и т. д. Одним словом, мир, в котором все будет управляться из одного центра и реально не в интересах человечества, а этого центра.

Остановимся лишь на некоторых самых интересных моментах, продолжая наблюдать за всем только с точки зрения международного права. Хотя при размещении на одной полке может показаться, что они не связаны друг с другом, при небольшом углублении в эти проблемы становится очевидным, что они являются частью одного и того же явления и даже проекта.

1. Возникновение государственного суверенитета

Многие правоведы из западного мира отмечают, что суверенитет возник в результате Вестфальского мира (1648 г.)⁸³. Однако они упускают из виду несколько моментов.

Во-первых, такое мнение евроцентрично, причем под Европой воспримается только западная ее часть. Оно основано на идее о превосходстве западных народов и их культуры и обычно является частью подхода, предполагающего, что само международное право возникло в то же время, причем именно в отношениях между западными державами. Однако это не так.

⁸³ Международная встреча в вестфальских городах Мюнстер и Оснабрюк, на которой 24 октября 1648 года был заключен мир между Германией, Швецией, Францией и другими странами, положив тем самым конец Тридцатилетней войне (1618–1648 гг.). Исходя из того факта, что этот мир создал международную систему, основанную на множестве независимых государств, над которыми не было никакой высшей (более авторитетной) власти, многие авторы пришли к выводу, что это создало концепцию государственного суверенитета.

На самом деле международное право возникло параллельно с появлением первых государств и их отношений. Оно не родилось в Европе в XV–XVII веках, и его отцами не были Гроций и его современники. Завоевание мира европейскими колониальными державами означало насильственное распространение европейской культуры и применение европейского международного права для регулирования отношений между колониальными государствами в их конфронтации за пределами Европы. Однако это не касалось отношений между метрополией и покоренными народами. Когда много позже эти народы завоевали независимость, это право было им навязано как своего рода мировой стандарт. Но это не значит, что до него не было международного права. Оно зародилось на заре цивилизации в различных частях мира, всюду, где существовали организованные человеческие сообщества.

То же самое и с суверенитетом. Понимаемый с точки зрения международного права и практики как независимость, он представляет собой не только часть, но и предварительное условие существования как международного права, так и самих государств. Они неразлучны⁸⁴.

Правда, что в древности термин «суверенитет» не был известен, но зато было известно его содержание. Уже тогда мы находим формулировку государственной независимости, что, по сути, значит суверенитета. Известно определение Прокула, жившего

⁸⁴ Верно, что суверенная власть издавна ассоциировалась с личностью правителя, но, по сути, это было качество государства, а не личности. Со сменой на престоле эта власть не исчезала, а переходила к преемнику до тех пор, пока само государство было независимым. Также не все государства в древности были монархиями – достаточно вспомнить Афины и Рим. Впрочем, о существовании так называемого внешнего суверенитета уже во времена первых государств свидетельствуют такие институты, как взаимное признание, невмешательство во внутренние дела других государств, отправка и получение дипломатических представителей, иммунитеты и привилегии и т. д. Международные договоры оставались в силе и после смерти заключивших их правителей, что свидетельствует о том, что это были не личные, а межгосударственные соглашения. Ярким примером является знаменитый договор о мире, военном союзе, взаимопомощи и выдаче, заключенный около 1278 г. до н. э. между египетским фараоном Рамзесом II и хеттским императором Хаттушилем III, который неизменно соблюдался даже после жизни двух правителей, вплоть до краха хеттской империи (примерно через 80 лет после заключения договора).

ъв III веке, согласно которому: «Свободным является то государство, которое не подчинено никакой власти другого государства»⁸⁵. В конце концов, сам Гроций имел дело с суверенитетом в своем славном *De jure belli ac pacis* (1621 г.), за четверть века до Вестфальского конгресса⁸⁶.

Почему мы вообще задаем здесь этот вопрос? Потому что он потенциально может иметь определенный вес и в некоторых других сферах.

Если допустить, что суверенитет зародился в рамках Вестфальского мира, то можно предположить, что как он возник, так (по соглашению) может и исчезнуть. И, в частности, если он был создан узким кругом самых могущественных государств того времени (несмотря на присутствие и других стран, реально именно они решали самые важные вопросы), то сегодня какой-то новый круг государств может его отменить или резко ограничить. Однако эти соображения не являются исторически правильными и не соответствуют логике международных отношений и поэтому не могут быть приняты. Суверенитет государства не был создан в одночасье подписанием Вестфальского мира. Точно так же его нельзя отменить просто так.

2. Теории ограниченного государственного суверенитета

Утверждая, что сегодня преобладают иные отношения, благодаря которым концепция суверенитета преодолена, некоторые авторы предлагают шаги, которые означают отрицание или, по крайней мере, серьезное ограничение суверенитета государства.

Это не совсем новые идеи. Новыми являются только аргументы, выдвинутые в их пользу, и цели, которые эти концепции хотят достичь.

⁸⁵ Строго говоря, речь идет о народах («*Liber autem populus est is, qui nullius alterius populi potestati est subiectus*»), но, по сути, имеется в виду государство. Впрочем, и сегодня считается, что суверенитет принадлежит народу.

⁸⁶ Особенно интересны глава III и ее разделы VII-XIII. См.: Grotius Hugo. *The Rights of War and Peace. Book I.* Edited and with an Introduction by Richard Tuck. Indianapolis, 2005. P. 259–296.

1. Теории ограниченного суверенитета в прошлом. Представления об ограниченном суверенитете встречаются уже в древности, например, среди римлян, которые различали равные и неравные союзы и договоры в зависимости от того, считали ли они другую сторону в равной степени суверенной (независимой) или нет⁸⁷. В конце концов, даже Боден, который ввел термин «суверенитет», не утверждал, что власть государства безгранична. Абсолютного суверенитета государства не признавали Гроций, Ватель и другие классики⁸⁸. Другими словами, всегда имелся в виду так называемый относительный суверенитет⁸⁹.

Настаивание на ограниченном суверенитете государств стало особенно популярным в начале XX века, когда многие теоретики, движимые развитием международных отношений и международного права, хотели скорейшего достижения полного единства мира. Некоторые из них говорили, что суверенитет необходимо отменить, что он делимый, что существуют полусуверенные государства и тому подобное⁹⁰.

⁸⁷ Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И. История международного права. М., 1990. С. 33.

⁸⁸ По словам Бодена, власть государства подчинена божественному, естественному и международному праву; Гроций указал, что государство является частью международного сообщества, уважающего право и мораль; Ватель считал, что государство подчиняется морали и международному праву, а является самой высокой властью только по отношению к своим поданным то есть в том смысле, что не зависит от власти иностранного государства. Фердросс А. Международное право. М., 1959. С. 26–27; Yamauchi Susumu. The Ambivalence of Hugo Grotius: State Sovereignty and Common Interest of Mankind // Hitotsubashi Journal of Law and Politics. Vol. 22. 1993. С. 1–17.

⁸⁹ Абсолютный суверенитет начал обсуждаться только в XIX веке в связи с философией Гегеля и его сторонников, которые делали акцент на теории самообязательства государств как основы позитивного международного права. Однако такая концепция никогда не выдерживала критики, потому что международное право не основывается на воле отдельных государств, а создается всеми или хотя бы группой государств. Фердросс А. Указ. соч. С. 26–27.

⁹⁰ Так, например, указано: «Из предыдущего очерка истории концепции суверенитета становится ясно, что единого мнения по вопросу этой концепции нет и никогда не было. Поэтому неудивительно, что была предпринята попытка полностью исключить концепцию суверенитета из науки о политике, а также отменить суверенитет как необходимую характеристику государственности, чтобы, как следствие, выделить государства с суверенитетом и государства без него... Так как нет сомнений насчет существования полунезависимых государств, можно утверждать, что суверенитет делим». Oppenheim Lassa. International Law: A Treatise. Vol. 1. Peace. London-New York. Bombay, 1905. §70. P. 108.

Эти соображения относились к государствам в целом, а не к конкретным странам или группам стран. Однако были также теории, которые предполагали, что суверенитет отдельных государств подвергается некоторым дополнительным ограничениям из-за особого характера этих стран. Имелись в виду не ограничения, которые являются следствием свободного выбора этих стран (постоянный нейтралитет, членство в ООН и т. д.), а те, которые навязаны извне. Приведем два хорошо известных примера.

Во время крестовых войн многие считали, что христианские страны были обязаны откликнуться и участвовать в этих кампаниях. Другими словами, что у них нет свободы принимать решения в этом отношении, и это только потому, что они принадлежат к христианскому миру.

Во время холодной войны в СССР была развита, а затем получила широкое распространение во всех странах Варшавского договора, доктрина пролетарского и, соответственно, социалистического интернационализма. Проще говоря, она сводилась к утверждению, что между социалистическими странами существует новый, более высокий тип международных отношений, характеризующийся тем фактом, что суверенитет этих государств ограничен в том смысле, что если какому-либо из них угрожает реставрация капитализма, другие социалистические страны уполномочены и даже обязаны предотвратить такое развитие событий в случае необходимости путем вооруженного вмешательства. Неотъемлемой частью этого подхода было мнение о существовании особого социалистического международного права⁹¹. Эта теория получила обоснованную критику в странах вне так называемого социалистического лагеря, а на практике служила оправданием гегемонии СССР и вооруженных интервенций Варшав-

⁹¹ Усенко Е.Т. Основные международно-правовые принципы сотрудничества социалистических государств // Советское государство и право. № 3. 1961. С. 16–30; Айрапетян М.В., Суходеев В.В. Новый тип международных отношений. М., 1964; Левин Д.В., Калужная Г.П., отв. ред. Международное право. М., 1964. С. 63–65; Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970. С. 483–506; Лисовский В.И. Международное право. М., 1970. С. 48–55; Кожевников Ф.И., отв. ред. Курс международного права. М., 1972. С. 52–66; Тункин Г.И., отв. ред. Международное право. Москва, 1982. С. 223–255.

ского договора в Венгрии в 1956 году и Чехословакии в 1968 году. Как политический проект без реальной научной основы, эта концепция потерпела неудачу с крахом Восточного блока⁹².

2. Современные теории ограниченного суверенитета. В конце прошлого века появились теории, в основном в англосаксонской литературе, которые с разных позиций отрицали суверенитет государств или, по крайней мере, настаивали на его значительном ограничении. У большинства из них были две общие черты.

Они, в принципе, выступали за отрицание или ограничение суверенитета всех, точнее подавляющего большинства, а не только некоторых государств⁹³. Во-вторых, хотя на первый взгляд стремились объяснить новые процессы в международном сообществе, они в значительной степени служили некой квазинаучной основой для определенных изменений в существующих отношениях и международном праве. Другими словами, даже если их сторонники, возможно, не всегда видели это ясно, такие концепции всегда были и остались в функции политики.

Ряд теоретиков устарелость и превзойденность государственного суверенитета связали с узкой областью, которой непосредственно интересуются, – с защитой людей, сохранением окружающей среды и предотвращением изменения климата, борьбой с международным терроризмом, обеспечением свободного передвижения финансов, товаров и услуг и т. п. Однако вместе взятые их вклады выглядят как мозаика и, как правило, имеют тенденцию приобрести в конечном итоге гораздо более широкое значение. Действительно, если бы то, что предлагалось для различных областей, было приемлемо для каждой из них, все это вместе привело бы к результату с общим и долгосрочным охватом.

⁹² Подробнее см.: Кривокапич Борис. Прощание с теорией социалистического международного права // Международная политика. № 990–994. 1991. С. 20–25.

⁹³ В то время как доктрина ограниченного суверенитета социалистических государств говорила об исключительном правиле, которое применяется в отношениях между этими (социалистическими) странами, здесь сторонники этого подхода имеют в виду общее правило, которое, практически говоря, применяется ко всем государствам или хотя бы к подавляющему большинству государств (за исключением так называемых западных демократий).

Другие, наоборот, утверждают, что суверенитет государств в принципе не соответствует отношениям, которые строятся в XXI веке, когда мир становится единым обществом. Их подход является всеобъемлющим в том смысле, что они выступают за радикальные изменения, которые затем приведут к изменениям во всех соответствующих областях. Проще говоря, эту точку зрения можно резюмировать в предложении, которое гласит: «В эпоху глобализации суверенитет государств и существующее международное право преодолены».

Сторонники этого подхода предполагают, что государство утратило ту роль, которую раньше играло. По их мнению, процессы и условия, которые в прошлом контролировались исключительно государством на своей территории (регулирование общественных отношений, поддержание порядка, защита от внешних злоумышленников, забота о беспрепятственных экономических потоках, дорожном движении и т. д.), сегодня происходят самостоятельно или хотя бы без решающего влияния государства. При этом заметна тенденция постоянного роста международно-правового регулирования все большего количества вопросов, которые до недавнего времени считались вопросами исключительной компетенции государств. Исходя из этого, приходят к выводу, что во время глобализации способность государств управлять своими делами и даже своей судьбой значительно уменьшилась⁹⁴.

Добавляются еще несколько аргументов, обычно «в пакете», как набор доказательств того, что суверенитет государств является «тормозом» для развития мира. Замечают, что:

- суверенитет – это историческое понятие, которое соответствовало разделению мира по религиозным, культурным, экономическим и другим моментам, но сегодня оно устарело;
- суверенитет мешает единству мира;
- права человека – это величайшая ценность, которая стоит выше суверенитета, потому что сущность всего – благополучие человека;
- в наше время государство, которое неспособно предоставить основные права человека людям, находящимся под его управлением, или нарушает их, теряет суверенные права;

⁹⁴ Ratner Steven R. International Law: The Trials of Global Norms // Foreign Policy. № 110. 1998. P. 65–80.

– развитие военной промышленности и мощь современного оружия таковы, что они больше не должны оставаться в руках национальных правительств;

– борьба с терроризмом и организованной преступностью, которая угрожает всему миру, не терпит, чтобы государства, которые поддерживают их, прятались за суверенитетом;

– суверенитет несовместим с научно-технической революцией;

– суверенитет препятствует развитию мировой экономики, поскольку лишает доступа к сырью, рынку и рабочей силе;

– процессы глобализации разрушили политические, экономические, информационные и другие барьеры в мире;

– «у капитала нет родины»;

– суверенитет делает возможным существование так называемого налогового убежища;

– суверенитет препятствует защите флоры и фауны;

– существуют так называемые «несостоявшиеся государства», которые не обладают суверенитетом, и поэтому можно, а иногда даже нужно совершать вооруженные интервенции на их территории, в ходе борьбы с террористами и организованной преступностью и т. п.

В дополнение к вышесказанному утверждается, что государство в некотором смысле подрывается изнутри, все более расширяясь на отдельные функциональные части. В частности, исполнительные, а также законодательные органы и даже суды все чаще реализуют различные виды трансграничного сотрудничества (с такими органами и властями в других странах), создавая плотную сеть новых отношений, которые являются частью нового международного порядка. Развитию и укреплению этих отношений особенно способствует необходимость решения наиболее важных общих проблем современного мира, таких как деградация окружающей среды, изменение климата, терроризм, трансграничная организованная преступность и т. д.⁹⁵

Есть также мнения, поощряемые эрозией положения и роли государств, что создается глобальное, мировое государство, то есть новая форма политической организации мирового сообщества. Даже некоторые из тех, кто продолжает признавать важность концепции суве-

⁹⁵ Slaughter Anne-Marie M. The Real New World Order // Foreign Affairs. № 5. 1997. P. 184.

ренитета, указывают на необходимость нового подхода, основанного на распределении власти (англ. – *power allocation*)⁹⁶.

На основании представленных и подобных мыслей ряд теоретиков пришли к выводу, что во время всеобщей глобализации, когда способность государств управлять своими делами и даже своей судьбой снижается, суверенитет просто устарел, стал анахронизмом.

Это вызвало реакцию со стороны тех, кто пытается отстаивать суверенитет как концепцию, не имеющую альтернативы. Защищая саму идею суверенитета и в то же время замечая реальные проблемы на практике, ряд авторов выступил с собственными предложениями и конструкциями. Так, например, некоторые из них предложили вместо господствующего в современном международном праве принципа суверенного равенства, принять принцип суверенного неравенства⁹⁷.

Однако это еще не все. Атаки на суверенитет государств имеют гораздо более серьезные цели. Если согласиться с тем, что существующие правовые и фактические рамки устарели, это будет означать, что их следует заменить чем-то новым, другим. Другими словами, если государства являются суверенными, они больше не должны быть таковыми; если международное право основывается на принципах государственного суверенитета и запрета силы в международных отношениях, то в будущем оно должно основываться на существенно иных принципах. Одно ведет к другому. Такой подход грозит открыть ящик Пандоры.

4. РИСКИ ОТКАЗА ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Процесс ограничения суверенитета идет уже давно, это факт. Но он протекает естественно, своим ходом. И присутствует не во всех сферах общественных отношений, не протекает во всех государствах или регионах с одинаковой скоростью и в одном русле.

⁹⁶ Jackson John H. Sovereignty – Modern: A new Approach to an Outdated Concept // American Journal of International Law. № 4. 2003. P. 782–802.

⁹⁷ Такой подход, конечно, в принципе неприемлем, поскольку противоречит самой идее суверенитета.

Поэтому опасно пропагандировать его ускорение, расширение в новые области или, более того, предпринимать шаги, чтобы как можно скорее положить этому конец.

Хуже всего, когда это упаковано в оболочку квазинаучных объяснений. Это наглядно покажет простой пример. Одно дело, когда человек сам умирает (например, от старости), другое – когда кто-то убивает его или намеренно ускоряет его смерть (например, умышленно неправильно лечит его), а совсем третье дело, когда кто-то убивает человека и при этом вдобавок убеждает его, что это для его же блага.

Отрицание государственного суверенитета может привести к радикальным изменениям в международных отношениях. Упомянем лишь некоторые из них.

1. Открытие возможностей для применения силы

Современное международное право основано на строгом запрещении не только применения силы, но и угрозы силой в международных отношениях. Применение силы разрешено только: 1) в случае самообороны и 2) в случае коллективных мер, определенных Советом Безопасности со ссылкой на главу VII Устава ООН. Помимо этого, применение силы запрещено и представляет собой агрессию, которая влечет ответственность государства по международному праву и поднимает вопрос об индивидуальной уголовной ответственности соответствующих лиц⁹⁸.

1. Гуманитарное вмешательство. В конце прошлого века возникли теории, что так называемое гуманитарное вмешательство является допустимым исключением из запрета на применение силы в международных отношениях. Они исходили из уст некото-

⁹⁸ На практике встречаются отдельные случаи агрессии, которые остаются безнаказанными, но это результат сложности международных отношений. Однако даже когда могущественные державы нападают на другие государства, они, зная, что нарушают международное право, пытаются найти какое-то оправдание и никогда не называют свои действия войной.

рых политиков и правозащитников, а также изложены в научных трудах ряда авторов⁹⁹.

По мнению сторонников этой позиции, другие государства не только имеют право, но даже обязаны, предпринимать интервенцию, в том числе и вооруженную, против страны, чье правительство серьезно нарушает права человека.

Правительство Канады вместе с группой фондов учредило Международную комиссию по вопросам вмешательства и государственному суверенитету, которая в 2001 году опубликовала отчет с докладом «Ответственность за защиту» (англ. – *The Responsibility to Protect*). В нем сформулирована доктрина, суть которой сводится к тому, что государства обязаны защищать своих граждан от бедствий, которых можно избежать – массовых убийств, изнасилований, голода, – и что, если они не могут или не хотят этого делать, ответственность должны принять другие страны в лице международного сообщества. Это подразумевает три конкретных обязанности: предотвращать, реагировать и обеспечивать восстановление¹⁰⁰. Что касается дилеммы, следует ли отдавать предпочтение суверенитету или правам человека, авторы этого документа выбрали вторую из этих двух ценностей¹⁰¹.

Эта инициатива получила сильную поддержку правительств США и ряда других развитых стран, а также части доктрины, особенно англосаксонских стран¹⁰².

Ее поддержал и Кофи Аннан, в то время – генеральный секретарь ООН. В 2002 году он сформировал свою собственную комис-

⁹⁹ Однако они не смогли договориться о том, когда, при каких условиях и каким образом может вторгаться в другие страны по гуманитарным причинам.

¹⁰⁰ Responsibility to Protect, United Nations, <https://www.un.org/en/genocideprevention/key-documents.shtml>.

¹⁰¹ Подробнее см. в совместной статье двух сопредседателей Комиссии: Evans Gareth, Sahnoun Mohamed. The Responsibility to Protect // Foreign Affairs. № 6. 2002. P. 99–110.

¹⁰² Это неудивительно, учитывая, что доклад был представлен всего через два года после бомбардировки Югославии (1999 г.), которую США и их союзники из НАТО пытались оправдать гуманитарными соображениями. Таким образом, он явился своего рода попыткой впоследствии узаконить этот, по всем стандартам, школьный пример агрессии, принесший гораздо большие жертвы и страдания, чем то, что якобы угрожало.

сию (так называемую «группу мудрецов»), которая в 2004 году вышла с докладом, в котором также выступила за вооруженное вмешательство по гуманитарным причинам¹⁰³. В самом конце своего мандата Аннан повторил, что нарушения прав человека, подобные тем, которые совершены в Боснии, Руанде, Камбодже и Дарфуре, недопустимы; подчеркнул, что ответственность за защиту должна стать сильной международной нормой, применяемой на практике; отметил, что мы не должны ждать геноцида, а должны его предотвратить; выступал за судебное преследование виновных в наиболее серьезных международных преступлениях и т. п.¹⁰⁴.

Во время Всемирного саммита в 2005 году Генеральная Ассамблея ООН приняла документ, основанный на идее о том, что каждое государство обязано защищать своих жителей, а когда оно не в состоянии это сделать (в случаях геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечества), ответственность перекладывается на международное сообщество, воплощенное в ООН. Она обязана, когда это необходимо, помочь защитить население гуманитарными и другими мирными средствами, а если этого окажется недостаточно, принять принудительные меры, в крайнем случае, через Совет Безопасности на основании главы VII Устава ООН¹⁰⁵.

Это решение, не имеющее юридически обязательной силы, было принято как компромисс между давлением сильнейших государств и сопротивлением остального мира. Примечательно, что сама проблема обсуждается в конце документа (параграфы 138–140 из 176) за многими другими темами, такими как устойчивое развитие, задолженность, торговля, образование, здравоохранение, наука и технологии, положение женщин, миграция, беженцы и т. д. Особенно важно отметить, что

¹⁰³ A more secure world: Our shared responsibility. Report of the Secretary-General's High-level Panel on Threats, Challenges and Change. United Nations, 2004. www.un.org/en/events/pastevents/a_more_secure_world.shtml.

¹⁰⁴ Secretary-General Urges Human Rights Activists to 'Fill Leadership Vacuum', Hold World Leaders to Account, in Address to International Day Event. Secretary-General Statements. United Nations, 8 December 2006. www.un.org/press/en/2006/sgsm10788.doc.htm.

¹⁰⁵ 2005 World Summit Outcome. A/RES/60/1 General Assembly. United Nations, 24 October 2005. Par. 138–140. P. 30, www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_60_1.pdf.

принудительные меры допускаются только в исключительных случаях и только тогда, когда они определены ООН. Другими словами, хотя в некоторых драматических ситуациях действительно есть возможность выйти за рамки суверенитета государств, такая реакция будет в рамках того, что предусмотрено Уставом ООН. Этот документ фактически предотвращает независимые (так называемые односторонние) действия отдельных государств или групп государств, на основании якобы гуманитарных соображений¹⁰⁶.

Однако и до, и после этого часть авторов открыто выступала за так называемые односторонние гуманитарные интервенции, то есть вооруженные интервенции, предпринимаемые группой государств или даже одним государством. В конце концов, в течение последней четверти века Соединенные Штаты и их союзники заявляли, что они сражались в миссии по правам человека в Панаме, Ираке, Сомали, Боснии и Герцеговине, Югославии, Судане, Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии.

Эти действия означали грубое нарушение международного права. Они представляли собой некоего рода исключения, инциденты, примеры безнаказанного попрания международного права, которое, к сожалению, иногда случается. Реальная жизнь не идеальна, и иногда неприятные и даже незаконные события являются ее частью – неутешительно, но это факт. Однако признание того, что даже без мандата ООН другие страны могут вмешиваться по гуманитарным причинам, означало бы узаконить такие шаги, что означает зеленый свет для вооруженных нападений на кого-либо. Конечно, только со стороны самых сильных. Это замечают многие¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Подробнее см.: Bannon Alicia N. The Responsibility to Protect: The U.N. World Summit and the Question of Unilateralism // *Yale Law Journal*. № 5. P. 1157–1165; Massingham Eve. Military Intervention for Humanitarian Purposes: Does the Responsibility to Protect Doctrine advance the Legality of the Use of Force for Humanitarian Ends? // *International Review of the Red Cross*. № 876. 2009. P. 803–831; Zifcak Spencer. The Responsibility to Protect // *Evans M. D. ed. International Law*. Oxford, 2010. P. 504–525; Dietrich John W. R2P and Intervention after Libya // *Journal of Alternative Perspectives in the Social Sciences*. № 2. 2013. P. 323–352.

¹⁰⁷ Сирота Наум Михайлович, Хомелева Рамона Александровна. Гуманитарная интервенция в контексте геополитики Запада // *Грамота*. № 2. 2014. С. 171–175.

2. Применение силы по другим причинам. Разрешение так называемых гуманитарных интервенций поощряло бы новые исключения из запрета на применение силы в международных отношениях. Государства, которые даже сейчас в нарушение международного права иногда прибегают к силе, получили бы обоснование своих действий и возможность заявить, что то, что они делают, полностью законно и даже в интересах всего мира.

К таким действиям относятся: произвольное введение запрета на полеты над территорией конкретной страны (с любым значимым объяснением); вооруженные действия против других государств по обвинению в том, что они скрывают или обучают террористов или что их лидеры связаны с транснациональной организованной преступностью; утверждение, что речь идет о так называемых несостоявшихся государствах, которые сами не могут бороться на своей территории с вызовами, затрагивающими интересы всего международного сообщества (например, борьба с наркокартелями или пиратами), и т. д.

Такой подход открыл бы дверь для арестов и похищений глав государств и других высокопоставленных иностранных должностных лиц, пользующихся иммунитетом по международному праву, и их предания собственному суду, и даже для односторонних действий, при которых атаками дронов и другими способами этих людей убивают (так называемые целенаправленные убийства). В таких случаях было бы достаточно сослаться на бездоказательные обвинения, на «проверенные данные, полученные от наших разведчиков» (которые, однако, не могут быть представлены, чтобы не подвергать их опасности), и тому подобное.

Сегодня такие действия иногда осуществляются некоторыми государствами, но это делается в виде исключения и чаще всего тайно, с осознанием того, что предпринимается что-то запрещенное. Но если бы на самом деле успешно было навязано мнение, что (другие, малые) государства не являются суверенными, все стало бы возможным. Другими словами, и то, что сегодня является грубым нарушением международного права и даже международным

преступлением, было бы разрешено. Однако это только вызвало бы оправданное сопротивление и спираль насилия и конфликтов.

2. Прочие вопросы

1. Введение правового неравенства государств. В наше время суверенитет ассоциируется с равенством, поэтому мы говорим о суверенном равенстве государств.

Суверенное равенство государств не только представляет собой одно из основных прав каждой страны, но в то же время является также частью объективного международного права, одним из его основных принципов. И действительно, хотя они на самом деле не равны (среди них есть огромные различия в размерах территории, численности населения, экономической мощи, военной мощи и т. д.), если они суверенны, уже по логике вещей государства должны быть и юридически равны¹⁰⁸.

Подтверждение этому мы находим в ряде фактов: в наше время нет установленного ранга государств¹⁰⁹; все они имеют одинаковые основные права и обязанности; одинаковые почести отдаются всем государствам и их высшим должностным лицам; порядок выступлений на международных конференциях определяется в алфавитном порядке или по жребию; строго соблюдается одинаковое отношение к дипломатическим представительствам всех стран и т. д.

По правде говоря, даже в современных условиях не всегда обеспечивается полное равенство государств, но это исключительные

¹⁰⁸ Еще в 1844 году Ватель правильно заметил: «Карлик в такой же степени человек, как и великан; маленькая республика не менее суверенна, чем самое могущественное королевство» и заявил, что права суверенного государства «естественно такие же, как права любого другого государства». De Vattel Emer. Op. cit. Preliminaries. §18. P. lxiii. §4. P. 2.

¹⁰⁹ В прошлом считалось, что государства имеют разные ранги, которые определяются различными критериями, такими как ранг правителя (порядок был: император, король, великий князь, князь и т. д.), продолжительность существования, население, верховенство монархии над республикой, сюзерена над вассалом и т. д. Тем не менее, споры продолжались. Позже рейтинг был потерян, но некоторое время оставалось разделение на большие и малые страны. Между прочим, только великие державы могли иметь послов, а другие страны – только посланников.

ситуации, которые имеют свое оправдание¹¹⁰. Государства в принципе суверенны и равны между собой.

Напротив, принятие решения, согласно которому государства в принципе не суверенны, а суверенными являются лишь некоторые из них (великие державы), привело бы к ранжированию государств. Хотя такие попытки уже существуют, это не может быть принято, потому что привело бы к разделению мира на два или даже больше противостоящих лагерей, внутри которых только гегемоны имели бы суверенные права, а другие страны были бы своего рода вассалами или полуколониями.

2. Вмешательство во внутренние дела других стран. Обратной стороной принципа государственного суверенитета и одним из основных принципов современного международного права является запрет вмешательства в дела других стран. Другими словами, речь идет о недопустимости интервенции и вмешательства в то, что происходит в других странах, и в отношения этих стран с другими субъектами¹¹¹.

Если государства не являются суверенными, этот запрет теряет смысл. В таком случае гегемон или гегемоны настаивали бы на том,

¹¹⁰ Устав ООН (статьи 23 и 27/3) выделяет пять великих держав и, возлагая на них основную ответственность за поддержание мира во всем мире, дает им больше прав, чем другим членам, – статус постоянных членов Совета Безопасности с так называемым правом вето; государства не участвуют в финансировании ООН на равной основе (одинаково), но в соответствии с квотами, установленными Генеральной Ассамблеей; в некоторых международных финансовых организациях количество голосов распределяется не равномерно, а зависит от доли вводимых финансовых ресурсов; в некоторых региональных организациях количество мест в пленарном органе зависит от количества жителей, экономической мощи и т. д. (то есть не применяется правило «одно государство штат – один голос») и т. д.

¹¹¹ Такие вмешательства иногда являются частью реальности, но, поскольку они запрещены, в большинстве случаев осуществляются тайно. Обычно они сводятся к различным формам вмешательства великих держав в дела других государств, хотя бывают разные случаи. В августе 2017 года министр иностранных дел Германии Габриэль и кандидат на пост канцлера Шульц обвинили президента Турции Эрдогана во вмешательстве в выборы в Германии (потому что он призвал немецких избирателей турецкого происхождения проголосовать против правящей коалиции). Он резко отреагировал на это, возразив, что Германия вмешалась в референдум в Турции 16 апреля 2017 года о конституционных реформах.

что имеют право вмешиваться в отношения других стран. Некоторые даже считают, что уже сейчас «традиционная правовая норма государственного суверенитета и ее последствие – норма невмешательства, запрещающая внешнее вмешательство во внутренние дела государств – сегодня изменились»¹¹².

Такой подход неприемлем. Международное право по-прежнему запрещает вмешательство в дела других государств. Принятие противоположного решения привело бы к постоянным конфликтам, так как внешнее вмешательство рано или поздно вызвало бы жесткое сопротивление.

3. Отказ в иммунитете от иностранной юрисдикции. Проще говоря, иммунитет от иностранной юрисдикции сводится к тому, что государство исключено из юрисдикции других стран¹¹³. Соответственно, оно может подать иск в суд иностранного государства, но не может быть привлечено к нему в таком суде, за исключением случая, когда оно само добровольно признает юрисдикцию этого (иностранного) суда¹¹⁴.

В прошлом данный принцип был строгим правилом. Однако сегодня предпочтение отдается так называемому функциональному (ограниченному) иммунитету. Делается различие между частными и государственными делами и деятельностью государства, и на этом основании считается, что государство не может отрицать юрисдикцию иностранного суда в вопросах, по которым национальные суды обладают юрисдикцией в исках против государства. Такой подход

¹¹² Kegli Čarls V. Jr., Vitkof Judžin R. Svetska politika – trend i transformacija. – Beograd, 2004. P. 883.

¹¹³ Подробнее см. в главе IX этой книги («Международные споры перед национальными судами государств»), а так же: Tomuschat Christian. The International Law of State Immunity and Its Development by National Institutions // Vanderbilt Journal of Transnational Law. Vol. 44. 2011. P. 1105–1140; Fox Hazel, Webb Philippa. The Law of State Immunity. Oxford, 2013; Yang Xiaodong. State Immunity in International Law. Cambridge, 2013; Peters Anne, Lagrange Evelyne, Oeter Stefan, Tomuschat Christian, eds. Immunities in the Age of Global Constitutionalism. Brill, Nijhof, 2014.

¹¹⁴ В конце концов, принцип суверенного равенства государств отражают и две максимы, которые являются общими принципами международного права: *par in parem, non habet imperium* (лат. – равный над равным не имеет власти) и *par in parem, non habet iudicium* (лат. – равный равного не судит).

был принят и в Конвенции ООН о юрисдикционном иммунитете государств и их собственности (2004)¹¹⁵.

Однако тут речь идет не об отрицании суверенитета или ограничении суверенитета как такового, а об указании, когда государство выступает в качестве суверенного субъекта, а когда – нет. Тогда, когда оно действует как обладатель суверенитета, когда дело касается его жизненно важных прав и интересов, иммунитет государства остается нетронутым¹¹⁶.

И наоборот, принятие точки зрения, согласно которой государства не являются суверенными или являются ограниченно суверенными, как это предлагают некоторые¹¹⁷, привело бы к установлению новой системы международных отношений, в которой бы самые могущественные державы вполне законно могли контролировать другие, более мелкие страны. В таком случае иммунитет был бы отменен или резко ограничен, но только для средних и малых государств, что никоим образом не может быть в их интересах. Невозможно представить себе, чтобы великие державы согласились на любое решение, которое могло бы поставить под сомнение их иммунитет.

4. *Захват чужих природных ресурсов.* Если признать, что государства не являются суверенными, то это также относится к той части суверенитета, которая состоит в исключительном праве использования и распоряжения естественными богатствами и ресурсами.

В этом случае великие державы потребовали бы свободы использования природных ресурсов других стран. Это особенно вер-

¹¹⁵ Подробнее см. в главе IX этой книги.

¹¹⁶ Впрочем, иммунитет государства от иностранной юрисдикции был совсем недавно решительно подтвержден со стороны Международного суда, в его решении спора между Германией и Италией (2012 г.). Подробнее см. в главе IX этой книги.

¹¹⁷ Это относится к ограничению суверенитета, которое иногда вводится в современной юридической литературе, а не к объективно существующим ограничениям. Суверенитет государств никогда не был абсолютным, он всегда был и будет в некотором смысле ограниченным. Это уже обсуждалось.

но потому, что некоторые редкие полезные ископаемые можно найти только в определенных странах, а также потому, что в будущем запасы питьевой воды, энергии и других природных ресурсов естественным образом будут все больше уменьшаться. Среди прочего, опираясь на отрицание или ограничение (чужого) суверенитета, в какой-то момент можно прийти к выводу, что, например, рыбу можно выловить в чужом территориальном море или, по крайней мере, в чужой исключительной экономической зоне, что запрещено позитивным международным правом.

Однако было справедливо отмечено: «Суверенитет над природными ресурсами не является независимой правовой категорией, но является лишь одним из количественных атрибутов понятия суверенитета... Лишить или отказать стране в праве на природные ресурсы – значит отрицать его независимость»¹¹⁸. Какие перспективы имели бы народы, особенно развивающиеся страны, если бы потеряли право распоряжаться своими собственными природными ресурсами? Разве это не было бы возвращением к колониализму?

5. Нарушения прав человека. Хотя защита прав человека является одним из основных аргументов сторонников отказа от концепции государственного суверенитета, если бы такая инициатива была принята, это привело бы к грубейшему нарушению тех же прав.

Самому важному праву человека, праву на жизнь, было бы отказано из-за одного только факта, что более или менее насильственное навязывание концепции отсутствия суверенитета государств непременно сопровождалось бы бесконечными вооруженными конфликтами, восстаниями и т. д. Произошли бы и массовые нарушения множества других прав человека, включая право на мир, которое принадлежит так называемым правам третьего поколения.

Важно заметить, что если государства не суверенны, то кто-то другой должен вершить власть. Следовательно, отречение от суверенитета, как высшей власти государства, само собой влечет

¹¹⁸ Аврамов Смиля. Указ. соч. С. 183.

наложение какой-то другой, а то, значит, внешней, чужой власти. Если власть не находится в руках внутреннего государства (народа, представителей местного населения), она будет в руках кого-то другого – иностранного государства, какой-то транснациональной корпорации и т. п. Трудно поверить, что они будут уважать права человека более последовательно, чем государственные органы, которые являются не только внутренними, но, в принципе, выборными и изменяемыми, и в то же время подлежат различным видам контроля.

В конце концов, практический опыт показал, что точно так же, как принцип суверенитета может препятствовать осуществлению прав человека (защищая тех, кто их нарушает, например, разного рода диктаторов), неуважение к суверенитету со стороны других субъектов может привести к еще большим страданиям. Примером тому произошедшее в Ираке¹¹⁹ и ряде других стран, которые подверглись так называемым гуманитарным интервенциям.

6. Изменение международного права. Для тех, кто выступает за отказ или существенное ограничение суверенитета государств, международное право интересно по двум причинам.

С одной стороны, они пытаются найти в его институтах поддержку своих действий и предлагаемых ими изменений. Так, например, были попытки обосновать навязывание концепции (одностороннего) гуманитарного вмешательства утверждениями, что якобы речь идет о возникшем еще давно обычном международном праве, что это своего рода право необходимости, признанное международным правом, и т. п.

С другой стороны, все, что они отстаивают, по самой природе вещей ведет к созданию некоего нового международного права. Такого, которое позволило бы вооруженное вмешательство и другие формы применения силы в международных отношениях, обеспечило бы введение своего рода ранга государств, разрешило бы вмеша-

¹¹⁹ Bennoune Karima. 'Sovereignty vs. Suffering?' Re-examining Sovereignty and Human Rights through the Lens of Iraq // European Journal of International Law. № 1. 2002. P. 243–262.

тельство в дела других стран и другие вещи, которые уже обсуждались¹²⁰. Правда, даже сейчас некоторые страны иногда безнаказанно нарушают международное право. Это происходит потому, что в противном случае (в случае настаивания на международных санкциях против данного государства) вспыхнул бы большой конфликт, возможно, даже новая мировая война. Поэтому большинство стран закрывают на это глаза, считая, что важнее сохранить мир.

Однако некоторые страны не только нарушают международное право, но также пытаются релятивизировать его решения и его юридическую обязанность. Мы особенно имеем в виду доктрину и политику США в отношении их собственной исключительности, основанной на том, что они являются экономическим, политическим, военным, культурным и т. д. лидером мира. Неотъемлемой частью этого подхода является понимание того, что роль этой страны заключается в распространении своих ценностей и прежде всего своего понимания демократии и капитализма, при условии, что она не связана или только слабо связана международным правом, поскольку она осознает и может делать то, что лучше для нее и для всего мира, и международное право не должно ей слишком мешать.

Стоит напомнить, что Болтон, бывший посол США в ООН (2005–2006 гг.) и в 2018–2019 гг. советник президента США Трампа по национальной безопасности, еще в 2000 году завершил свою статью, название которой говорит само за себя («Есть ли на самом деле право в международных отношениях?»), словами: «Международное право – это не право; ряд политических и моральных установок, которые выживают или падают сами по себе, а все остальное – просто теология или суеверие, замаскированные под право»¹²¹.

¹²⁰ Некоторые считают, что существующее международное право основано на искусственной и устаревшей концепции национального государства, наделенного огромными полномочиями, и поэтому не отвечает требованиям жизни в третьем тысячелетии, в котором это право должно быть сосредоточено на человеке и его врожденном достоинстве. Domimngo Rafael. The Crisis of International Law // *Vanderbilt Journal of Transnational Law*. Vol. 42. 2009. P. 1543–1593; Tractman Joel P. The Crisis of International Law // *Case Western Reserve Journal of International Law*. № 1. 2011. P. 407–421.

¹²¹ Bolton John R. Is there Really 'Law' in International Affairs? // *Transnational Law & Contemporary Problems*. Vol. 10. 2000. Spring. P. 48.

Подобные взгляды появились в части англосаксонской литературы¹²², затем по этому поводу развернулись дебаты, и даже появился термин «гегемонистское международное право»¹²³.

В этом смысле существует опасность того, что юридическая сила и роль существующего международного права, основанного на суверенном равенстве государств, будут все больше оспариваться, чтобы затем в определенный момент заменить его правом, основанным на совершенно других принципах. Подобно тому, как в прошлом колониальные завоевания оправдывались якобы желанием «цивилизовать» коренные народы, так и сегодня некоторые неоспоримые ценности, такие как права человека, иногда используются для обеспечения решений, которые означают установление и поддержание отношений и условий, которые справедливо можно назвать неокOLONИализмом или глобальным империализмом¹²⁴.

Понятно, что в указанных случаях это было бы неким злоупотреблением и даже нарушением норм международного права.

7. Возможные злоупотребления. Оспаривание суверенитета государств может легко сводиться к одностороннему ограниче-

¹²² См., например: Goldsmith Jack L., Posner Eric A. *The Limits of International Law*. Oxford, 2005.

¹²³ Vagts Detlev F. *Hegemonic International Law* // *American Journal of International Law*. № 4. 2001. P. 843–848; Koh Harold Hongju. *Foreword on American Exceptionalism* // *Stanford Law Review*. Vol. 55. 2003. P. 1479–1527; Ignatieff Michael, ed. *American Exceptionalism and Human Rights*. – Princeton University Press, 2005; Mansell Wade, Haslam Emily. *John Bolton and the United States' Retreat From International Law* // *Social & Legal Studies*. № 4. 2005. P. 459–485; Jácome Jorge Gonzáles. *Exceptionalism as a Colonial Tool in Modern International Law* // *International Law: Revista Colombiana de Derecho Internacional*. № 10. 2007. P. 15–42; Bacevic Andrew J. *The Limits of Power: The End of American Exceptionalism*, Metropolitan Books, 2008; Safrin Sabrina. *The Un-exceptionalism of U.S. Exceptionalism* // *Vanderbilt Journal of Transnational Law*. Vol. 41. 2008. P. 1307–1354; Hogson Godfrey. *The Myth of American Exceptionalism*. Yale University Press, 2009; Scharf Michael P. *International Law in Crisis: A Qualitative Empirical Contribution to the Compliance Debate* // *Cardozo Law Review*. № 1. 2009. P. 45–97; Taylor Saito Natsu. *Meeting the Enemy: American Exceptionalism and International Law*. New York, 2010; Bradford Anu, Posner Eric A. *Universal Exceptionalism in International Law* // *Harvard International Law Journal*. № 1. 2011. P. 1–54; Cheney Dick, Cheney Liz. *Exceptional: Why the World Needs a Powerful America*. Simon & Schuster, 2015; Hughes David. *Unmaking and Exception: A Critical Genealogy of US Exceptionalism* // *Review of International Studies*. № 3. 2015. P. 527–551.

¹²⁴ Chimni B.S. *Capitalism, Imperialism, and International Law in the Twenty-First Century* // *Oregon Review of International Law*. Vol. 14. 2012. P. 17–45.

нию, нарушению или отрицанию независимости малых и средних государств.

Причины (реальные или заявленные) могут быть разными – борьба с международным терроризмом и трансграничной организованной преступностью, а также с глобальным загрязнением (вод, воздуха и т. д.), предотвращение или сдерживание пандемии, поддержание доктрины гуманитарного вмешательства, борьба для обеспечения питьевой водой или эксплуатации источников определенным стратегическим сырьем и т. д. Проблема в том, что за аргументами, которые на первый взгляд понятны и приемлемы, часто скрываются попытки установить контроль над всеми наиболее важными отношениями и процессами в мире. Такая практика не просто бы означала нарушение существующего международного права, но в то же время привела бы к постоянным конфликтам, даже крупным войнам. Таким образом, это было бы не только аморально и незаконно, но в конечном итоге никому не принесло бы пользы.

В ситуации, когда нет более высокой (более организованной, властной и т. д.) общественной организации, чем государство, отрицание суверенитета означало бы, что укрепляется не только реальное, но и правовое положение наиболее могущественных держав. И это как в повседневной жизни, так и в развитии самого международного права. Потому что, если право – это продукт государств, а они больше в принципе не являются суверенными, тогда и это право больше не действует. В то же время, поскольку какое-то право все-таки должно регулировать соответствующие отношения в международном сообществе, это, грубо говоря, означает, что в каком-то новом мировом порядке наиболее могущественные страны будут призваны выполнять в международных рамках функции законодательной, исполнительной и судебной власти.

Поступая так, они будут иметь возможность навязывать двойные стандарты – одни для себя, а другие для остальных. Разумеется, только если события будут развиваться в этом направлении.

Время от времени такие попытки уже наблюдаются на практике¹²⁵. Впрочем, это открыто, всего через три года после агрессии НАТО против Югославии (1999 г.), признал высокий британский дипломат

¹²⁵ Мы находим их касательно прав человека, мигрантов, Международного уголовного суда, защиты окружающей среды и т. д.

Р. Купер. Пытаясь дать разумное объяснение политике нового интернационализма и вооруженных интервенций и, в частности, ограниченный государственного суверенитета, он выступал за своего рода новый («постмодернистский») колониализм и империализм, утверждая, что для этой цели разрешены все средства.

По его словам: «Перед постмодернистским миром стоит задача привыкнуть к идее двойных стандартов. Между собой мы действуем на основе права и открытой совместной безопасности. Но, имея дело со старомодными типами государств за пределами постмодернистского европейского континента, мы должны вернуться к более суровым методам прошлого – силе, превентивным нападениям, обману – всему, что нужно для борьбы с теми, кто все еще живет в мире девятнадцатого века, в котором каждое государство само за себя. Между собой мы придерживаемся права, но когда действуем в джунглях, мы должны руководствоваться законами джунглей¹²⁶».

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотя о том, насколько государства на самом деле суверенны, споры ведутся уже много лет¹²⁷, в наше время государственный суверенитет попал под прицел многих, причем на основании разных

¹²⁶ Cooper Robert. The Post Modern State // Leonard M. ed. Re-orderng the World. London, 2002. P. 16.

¹²⁷ Некоторые, особенно в XIX и начале XX века, утверждали, что суверенитет государств и международное право несовместимы, потому что это право должна создавать и применять власть, которая выше, чем власть государств, а такой не существует. По их мнению: либо государства являются суверенными, и тогда над ними нет власти, что, другими словами значит, что они не связаны международным правом, либо они не являются суверенными, но тогда нет такого права (потому, что нет суверенных единиц, которые бы оно связывало). Так, например, Austin John. Lectures on Jurisprudence or the Philosphy of the Positive Law. London, 1885. P. 182.

Однако они упускали из виду, что говорят об абсолютном суверенитете, а его никогда не существовало. Международное право не принимается какой-то «высшей» властью, но является общим продуктом государств – членов данного международного сообщества. С другой стороны, именно международное право не только гарантирует суверенитет государств, но и основано на принципе их суверенного равенства. А когда дело доходит до его частичного ограничения, то здесь дело аналогично другим юридически признанным правам – пользование правами всегда сопровождается определенными ограничениями.

аргументов. Само по себе это не проблема. Проблема в том, что по крайней мере некоторые из этих атак направлены на установление некоего нового международного порядка.

После определенной стабильности времен холодной войны, основанной на «балансе страха», мир в конце прошлого века внешне оказался в новой реальности, которая характеризовалась существованием только одной сверхдержавы – США. Получив, наконец, возможность навязать свои взгляды, интересы и системы ценностей, этому государству было трудно устоять перед соблазном использовать такую ситуацию для введения новых правил в международные отношения и международное право. Частью этого были и различные попытки оспорить суверенитет как якобы сохранившуюся концепцию.

За последние несколько лет отношения в международном сообществе изменились, и сегодня у нас, мягко говоря, биполярный, а возможно, даже многополярный мир. Эти изменения привели к некоторому снижению давления на суверенитет государств в последнее время. Ведь действительно, кто в наши дни может отрицать суверенитет России или Китая? Тем более что политики и представители науки этих стран привержены последовательному уважению международного права, основанного на принципе суверенного равенства государств¹²⁸.

В последнее время такие высказывания все чаще звучат и в юридической литературе западных стран, а также самих США. Среди прочего разные авторы:

– подчеркивают, что «из необходимости углубления сотрудничества не следует делать вывод о том, что суверенитет утратил свои функции»¹²⁹;

¹²⁸ Так, например, в российской юридической литературе: Бекашев К. А. Принцип уважения государственного суверенитета – основополагающий принцип общего международного права // *Lex Russica* (Научные труды МГЮА). № 4. 2008. С. 913–928; Игнатенко Г. В., Тиунов О. И. Международное право. Москва, 2009. С. 158–169; Данилов И. Б. Международное право. Новосибирск, 2015. С. 57–59; Гетьман-Павлова И. В. Международное право. М., 2015. С. 18–19; Богатырев В. В. Международное право, Владимир, 2016. С. 73–74.

¹²⁹ Кау Марсель. Указ. соч. С. 256.

– признают, что «суверенитет продолжает оставаться связующим фактором всего международного сообщества и существующей системы международных отношений, и что внутренний (конституционный) суверенитет должен быть сохранен, что означает право каждого государства определять свою собственную организацию, вернее право его народа самому решать внутренние вопросы»¹³⁰;

– приходят к выводу, что в отсутствии лучших средств преодоления неравенства в отношениях между государствами концепция суверенитета предпочтительнее всех других предлагаемых вариантов¹³¹;

– отмечают, что «суверенитет государств был и остается социально-политически и юридически обоснованным» и что «к государствам продолжают относиться как к суверенным, что имеет существенное значение в области их исключительной юрисдикции или когда за ними остается последнее слово по важным вопросам или обладанию определенными правами, несмотря на отсутствие абсолютной и исключительной власти»¹³²;

– указывают, что «сегодня у нас есть только два выбора: укрепление международного права или имперские проекты существующих или будущих сверхдержав¹³³»;

– делают вывод о том, что, несмотря на все нападения и в эпоху глобализации, «суверенитет по-прежнему был и должен быть важной нормой международных отношений»¹³⁴ и т. п.

Некоторые даже включают суверенитет, точнее суверенные государства, в определение международного права¹³⁵.

¹³⁰ Verhoeven Joe. Sovereign States: A Collectivity or a Community? // *Hitotsubashi Journal of Law and Politics – Special Issue*. 1994. P. 167–168.

¹³¹ Kingsbury Benedict. Sovereignty and Inequality // *European Journal of International Law*. № 4. 1998. P. 599–625.

¹³² Zick Timothy. Are the States Sovereign? // *Washington University Law Quarterly*. Vol. 83. 2005. P. 337.

¹³³ Cohen Jean L. Whose Sovereignty? Empire Versus International Law // *Ethics & International Affairs*. № 3. 2004. P. 24.

¹³⁴ Dahbour Omar. Advocating Sovereignty in an Age of Globalization // *Journal of Social Philosophy*. № 1. 2006. P. 108–126.

¹³⁵ Simmons Beth (2013) *International Law* // Carlsnaes W., Risse T., Simmons B. A. eds. *Handbook of International Relations*. Sage, 2013. P. 353.

И на самом деле, «несмотря на многочисленные нападки и заявления о том, что принцип суверенитета устарел, он по-прежнему остается одним из самых активных факторов в формировании международного сообщества и построении международного порядка»¹³⁶. И в начале XXI века суверенитет государств является основой международных отношений и международного права. Если бы это было не так, не было бы государственных границ (они отделяют один суверенитет от другого)¹³⁷, гражданства, таможи, международных организаций (их создают суверенные государства) и т. д.

Государства все еще существуют. Народы хотят быть частью своих стран, они идентифицируют себя с ними. Достаточное подтверждение этого у нас перед глазами, когда проходят Олимпийские игры или чемпионаты мира по футболу, баскетболу, хоккею и т. д. Более того, большое количество людей испытывают сильный патриотизм в той степени, что они готовы жизнью отстоять независимость своей страны. Это факты.

Впрочем, государства не вымирают, а наоборот. Их становится все больше и больше. Если в начале XX в. в мире было всего около тридцати стран, сегодня их 193 только членов ООН.

Хотя в современных условиях государство действительно лишено части своих функций, следует заметить, что появляются новые функции и задачи, а многие существующие углубляются. Госаппараты не сжимаются, а растут. К тому же почти во всех отношениях государства стали более могущественны, чем когда-либо – с точки зрения населения, экономической мощи, военной силы и т. д.¹³⁸.

¹³⁶ Andrassy Juraj, Bakotić Božidar, Vukas Budisav. Međunarodno pravo 1. Zagreb, 1998, P. 91.

¹³⁷ Совершенно верно, что границы между некоторыми странами становятся все более проницаемыми. Но в целом государственные границы все еще существуют и их нельзя пересекать без заграничного паспорта, причем вдобавок часто требуется особое разрешение – виза.

¹³⁸ Некоторые авторы указывают, что вера в то, что суверенитет всех государств слабеет, является всего лишь мифом, и сразу же отмечают, что изменения в глобальной социальной или политической среде не нарушают государственную систему и не умаляют суверенитет могущественных государств. Steinberg Richard H. Who is Sovereign? // Stanford Journal of International Law. № 2. 2004. P. 329–345.

Все это говорит нам о том, что пропагандировать отмену государственного суверенитета нереально. Это привело бы к упразднению государств, какими мы их знаем. Но если они исчезнут, что их заменит? И почему мы думаем, что это было бы лучше, чем то, что есть сейчас?

Следует также отметить, что чрезмерна настойчивость на глобализации как цели и даже судьбе человечества, которой нет альтернативы. Она имеет множество сторонников среди представителей транснациональных компаний, политиков некоторых стран, ряда ученых и публицистов и даже в в части «обычного» мира (между обывателями), которые считают, что глобализация не только неизбежна, но ее даже следует приветствовать, поскольку она внесет значительный вклад в повышение качества жизни и устранение конфликтов в мире¹³⁹.

Однако не все так радужно. Навязанная глобализация, которой руководит мировой бизнес, чьим интересам она служит в значительной степени, чревата множеством рисков, и нет необходимости ее ускорять искусственным путем. Следует согласиться с теми, кто утверждает, что для миллиардов людей это представляет угрозу их культуре и образу жизни; что эта тенденция означает, что богатые части мира становятся богаче, а бедные – еще беднее; что взаимозависимость растет и в тех областях, которые не заслуживают похвалы, таких как трансграничное загрязнение, международный терроризм, транснациональная преступность, незаконная торговля промышленными отходами, опасность пандемии и т. д.; что глобализация ведет к все более кровавым и разрушительным вооруженным конфликтам; что, вопреки ожиданиям, она не принесет мир, но ведет к конфликтам, потому что углубляет разрыв между богатыми и бедными и т. п.¹⁴⁰.

Кроме того, большой вопрос в том, куда на самом деле идет мир. Наряду с глобализацией происходят столь же сильные процессы

¹³⁹ Kegli Čarls V. Jr., Vitkof Judžin. Указ. соч. 65.

¹⁴⁰ Kegli Čarls V. Jr., Vitkof Judžin. Указ. соч. 65; Dhanapala Jayantha. Globalization and the Nation State // Colorado Journal of International Environmental Law and Policy. April 7. 2001. P. 2–3. <https://scholar.law.colorado.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1001&context=cartography-of-governance-environmental-ngos>.

интернационализации, что означает соединение в международных рамках с принципиально неизменной ролью государств и народов, то есть с сохранением суверенитета¹⁴¹. В то же время происходит регионализация, то есть разнообразное соединения стран, принадлежащих к одним географическим зонам. Это развивает солидарность между этими государствами, а иногда (на примере ЕС) означает формирование некоего наднационального образования. Многие задаются вопросом: а не в регионализации ли судьба мира?

Наверно концепция суверенитета в какой-то момент и на самом деле устареет, но это должно стать результатом мирных процессов, преобразований, основанных на согласии государств и их граждан. Если государства изменят свою форму и природу, это отразится на суверенитете, который мы знаем сегодня. Однако навязывать это неприемлемо. В частности, нельзя допускать использования тезиса об устарелости суверенитета государств для замены существующего международного права правом, которое могло бы служить навязыванию эгоистичных интересов сильнейших держав. Международное право строилось на протяжении многих веков, и не случайно, что оно такое, какое оно есть. Насильственное навязывание чего-либо другого может привести только к такому же ответу.

Контрольные вопросы

1. Что такое государственный суверенитет и какие формы он принимает?
2. Чем доказывают ослабление роли и власти государств в наше время?
3. Какие факты доказывают сохранение суверенитета в XXI веке?
4. Когда, согласно некоторым теоретикам, возник государственный суверенитет и почему такие утверждения не соответствуют действительности?

¹⁴¹ Напротив, глобализация сводится к превращению мира в «глобальную деревню» с отказом от принципа государственного суверенитета и постепенным исчезновением самих государств как устаревших социальных форм.

5. В чем заключалась суть теории ограниченного суверенитета социалистических стран?

6. С помощью каких аргументов некоторые теоретики осуждают (отрицают) суверенитет государств в наше время?

7. Каковы риски принятия концепции, по которой государственный суверенитет устарел и превзойден?

8. Какое отношение имеет отрицание государственного суверенитета к применению силы в международных отношениях?

9. Какие еще проблемы возникли бы, если бы суверенитет государств был отменен?

10. Как реалистично оценивать значение и перспективы государственного суверенитета?

Глава V. ПРАВО НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Право народов на самоопределение – один из самых чувствительных и противоречивых вопросов международных отношений и международного права. Он имеет как теоретическое, так и практическое значение и иногда является причиной ожесточенных споров между теоретиками, политиками и высшими должностными лицами, а также межгосударственных споров.

Его можно рассматривать с точки зрения философии, социологии, психологии, политики, теории международных отношений и т. д. и, конечно, с позиции права. Но и с точки зрения права основным может служить ракурс философии права (что такое суверенитет, что такое народ, что такое самоопределение и т. д.), конституционного права (отношения в федеративном государстве, границы автономии и т. д.), международного права (международно-правовая субъектность федеративных единиц и автономных провинций, территориальная совокупность государств, право народов на самоопределение как один из основных принципов международного права) и прав человека (право на самоопределение как одно из важнейших коллективных прав человека, признанных международным правом).

Однако если дать краткое общее определение, можно заметить, что в принципе речь идет о праве каждого народа самому решать свою судьбу.

В основном ограничимся внешним проявлением права народа на самоопределение и, в частности, вопросом о том, имеют ли этнические, то есть национальные, меньшинства право на самоопределение до отделения.

Право на самоопределение – это, прежде всего, дитя политики. Оно представляет собой одно из достижений развития цивилизации, демократии, толерантности и подобных ценностей, но в то же

время и продукт борьбы за независимость различных народов, результат достижения всевозможных компромиссов, заключения политических и иных союзов и т. п.

В то же время оно тесно связано с современным международным правом. С одной стороны, оно является одним из основных его принципов, что значит – одним из важнейших правил, на которых строится вся конструкция правовой системы, регулирующей отношения в международном сообществе. С другой стороны, поскольку оно обеспечивает основу для его функционирования, именно международное право помогло создать и различными способами подтвердить этот принцип.

Определение современного понимания права на самоопределение невозможно без учета его исторического развития.

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

1. Исторические корни права народов на самоопределение

Учитывая естественное стремление каждого народа организовать свою собственную социальную жизнь, об идее самоопределения можно было в каком-то смысле говорить испокон веков, всякий раз, когда достаточно большое социальное сообщество предпринимало усилия для достижения и сохранения того, что всегда чаще всего называли одним словом – свобода. Однако речь шла об идеях, желаниях, борьбе и т. д., но не о каком-то определенном праве, не говоря уже об общем праве, признанном всеми. В течение многих веков далеко не все осознавали и признавали существование этого права, и даже многие из тех, которые были его сторонниками, не распространили его действие на все народы.

И действительно, о каком праве народа на самоопределение можно было говорить в то время, когда власть во всех отношениях была сосредоточена в руках одного человека – тирана, диктатора, абсолютистского правителя и т. д. Что касается международ-

ной арены, то история полна колониальных и других завоеваний¹⁴² и бесчисленного множества других случаев насильственного порабощения других народов, что по природе вещей означало отрицание и попрание их свободы и независимости.

Тем не менее, в новейшей истории есть события, в которых мы можем увидеть некоторую форму содействия самоопределению народа. Одно из них – провозглашение независимости США (1776 г.) с оговоркой, что это было не по этническим (в смысле существования в этническом отношении разных людей, желающих свободы), а по политическим причинам¹⁴³. Важные сдвиги были отмечены благодаря идеям французской буржуазной революции о том, что суверенитет принадлежит народу, что было юридически закреплено в ст. 3. Декларации прав человека и гражданина (1789 г.)¹⁴⁴.

Примерно в то же время появились первые случаи плебисцита, в которых некоторые видели зачатки самоопределения народов. Хотя термин «плебисцит» может иметь разные значения, в международном праве он в основном используется для обозначения процедуры, посредством которой население определенной территории напрямую (путем голосования) заявляет, под суверенитетом какого государства хочет жить. Тем самым оно решает и судьбу данной территории, то есть вопрос, кому она будет принадлежать. Таким образом было

¹⁴² Так, например, в 1914 году, когда Испания и Португалия давно перестали быть серьезными колониальными державами, на долю колоний приходилось 57,9% поверхности Земли и 34,3% населения мира. Еще в 1923 году колонии Великобритании превосходили ее основное население в 9,2 раза, а площадь основной территории (Британских островов) – в целых 176 раз!

¹⁴³ В американской Декларации независимости (1776 г.) мы читаем: «Когда ход событий приводит к тому, что один из народов вынужден расторгнуть политические узы, связывающие его с другим народом, и занять самостоятельное и равное место среди держав мира, на которое он имеет право по законам природы и ее Творца...»; «В случае, если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье» и «...когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно подчиненных одной и той же цели, свидетельствует о коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным деспотизмом, свержение такого правительства и создание новых гарантий безопасности на будущее становится правом и обязанностью народа».

¹⁴⁴ «Источником суверенной власти является нация. Никакие учреждения, ни один индивид не могут обладать властью, которая не исходит явно от нации».

решено присоединить к Франции Авиньон (1791 г.), Савойю и Ниццу (1860 г.) и другие города. В этом смысле действительно можно сказать, что это некий вид самоопределения народа¹⁴⁵.

Тем не менее, вопрос в том, насколько речь шла о праве, данном местному населению в качестве уважения его законных интересов, и насколько это были компромиссные решения во избежание конфликтов между заинтересованными державами. Ведь если бы речь шла о праве населения:

1) оно закреплялось бы в более широком масштабе и реализовывалось бы гораздо чаще;

2) оно бы подразумевалось, а мы знаем, что плебисцит обычно проводится только на основании специального международного акта¹⁴⁶;

3) воля народа имела бы конститутивное значение, то есть было бы достаточно просто определить, что она была четко и свободно выражена. Однако хорошо известно, что на практике выражение воли населения представляет только основу для заключения международного договора или принятия решения международным органом, уважающих эту волю¹⁴⁷.

¹⁴⁵ С другой стороны, хотя им волей народа определяется судьба данной территории, строго говоря, такой плебисцит не совсем одно и то же, что и самоопределение народа в его обычном, узком смысле. Это связано с тем, что, согласно практике, рассматриваемая область в принципе не является частью государственной территории конкретного государства, но по какой-то причине представляет собой спорную территорию. Этот факт подтверждается уже тем, что плебисцит определяется международным соглашением или другим соответствующим международным актом (решением международного конгресса или конференции, решением компетентного международного органа и т.п.).

¹⁴⁶ Таким образом, например Версальский и Сен-Жерменский мирные договоры (1919 г.) предусматривали, что плебисцит определит, какому государству будут принадлежать Верхняя Силезия, части Восточной Пруссии, части Шлезвига и Каринтия.

¹⁴⁷ Например, после того, как на основании Приложения к ст. 50 Версальского мирного договора (1919 г.) Территория Саарского бассейна 15 лет находилась под управлением Лиги Наций, 13.01.1935 г. был проведен референдум, на котором 90,4% избирателей проголосовали за воссоединение с Германией. И тогда Совет Лиги Наций 17.01.1935 г. принял решение присоединить с 1 марта Саар к Германии. После Второй мировой войны Саарская область снова была передана под международное управление, что продолжалось до референдума 23.10.1955 г., на котором 67,7% населения проголосовало за возвращение Саара Германии. На основании этого 27.10.1956 г. между Францией и ФРГ был подписан договор, согласно которому Саар 01.01.1957 г. присоединен к ФРГ.

Идея самоопределения, тогда известная как принцип национальности, приобрела более широкое значение в XIX веке, когда ее поддержали различные движения, которые по всей Европе боролись за национальное освобождение, национальное объединение и создание национальных государств. Во время Первой мировой войны обе конфликтующие стороны подчеркивали реализацию принципа национальности как одну из своих основных военных целей, подразумевая этим освобождение всех европейских народов от иностранного господства и создание своего собственного независимого государства.

Право народов на самоопределение впервые появляется под этим именем в важнейших документах и практике Советской России. Декларация прав народов России (1917 г.) установила как первые два принципа: 1) «Равенство и суверенность народов России» и 2) «Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства».

Хотя нигде так не называется и даже не сформулировано в достаточной степени, в частности не сформулировано в качестве какого-то общего принципа, право на самоопределение проходит через большинство из знаменитых «14 пунктов» (1918 г.) президента США Вудро Вильсона, в которых он изложил принципы, на которых, по его мнению, должны опираться отношения в послевоенном мире.

Иногда можно услышать, что с его включением в Версальский и другие мирные договоры, заключенные по окончании Первой мировой войны, самоопределение народов превратилось в принцип международного права. Это так, и, в то же время, это не совсем так.

С одной стороны, некоторым народам, несомненно, было предоставлено право на самоопределение. Это привело к обновлению Польши¹⁴⁸, созданию Королевства сербов, хорватов и словенцев, способствовало созданию таких стран, как Литва, Латвия, Эстония и Чехословакия, а также присоединению некоторых территорий к отдельным государствам. Но в то же время в этом праве отказано другим народам. Среди прочего, из-за перекройки границ многие

¹⁴⁸ В XVIII веке Польша была разделена трижды (в 1772, 1793 и 1795 гг.), в результате чего перестала существовать как независимое государство. После третьего стирания с карты мира, которое имело место в 1795 году, она не существовала целых 123 года – вплоть до 1918 г.

представители побежденных народов против своей воли оказались в других странах в качестве их граждан, превратившись тем самым, без своего желания, в национальные меньшинства¹⁴⁹; объединение Германии и Австрии было категорически запрещено и т. п.

В этом смысле самоопределение народов, хотя и применялось частично, не приобрело общего значения как принцип, который в равной степени применим ко всем. Впрочем, он даже не включен в Пакт (Устав) Лиги Наций.

Право народов на самоопределение получило новое подтверждение во время Второй мировой войны. Хотя и не под этим названием, оно фигурирует уже в Атлантической хартии, которую 14 августа 1941 года подписали президент США Франклин Д. Рузвельт и премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль. Формулируя этим актом принципы внешней политики своих стран в военный и послевоенный период, они указали, среди прочего (п. 3), на уважение права всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить, и что суверенные права и самоуправление тех народов, которые были лишены их насильственным путем, должны быть восстановлены.

Несмотря на то, что Атлантическая хартия является важным политическим актом, она имела два ограничения: 1) это был двусторонний, а не универсальный или даже многосторонний документ и 2) это был политический, а не правовой акт. Однако цели и принципы Атлантической хартии (включая право народов на самоопределение, упомянутое в п. 3, вскоре были подтверждены Декларацией

¹⁴⁹ До войны в Европе проживало около 55 миллионов представителей этнических меньшинств. В связи с проведением новых границ это число значительно уменьшилось, но из-за несоответствия этнических и государственных границ и смешанного населения оно все еще достигало 25 миллионов. При этом этнические меньшинства составляли 20–25% населения новых государств. С одной стороны, поскольку многие, которые до этого принадлежали народам, представляющим большинство в соответствующих странах (немцы, австрийцы, венгры, болгары), остались на «неправильной» стороне новой границы, они внезапно оказались в положении меньшинства. С другой стороны, некоторые уже ранее существовавшие меньшинства остались, но теперь так же без своей воли попали под новую суверенную власть.

Объединенных Наций от 01.01.1942 г., подписанной 26 членами антигитлеровской коалиции. В отличие от Атлантической хартии, Декларация является многосторонним международным соглашением, то есть юридически обязательным документом.

Настоящее развитие самоопределения народов как одного из основных принципов международного права, так и в плане последовательного осуществления на практике, последовало только после Второй мировой войны. На этой основе народы по всему миру освободились от иностранного колониального господства, что привело к возникновению большого числа новых государств.

2. Право народов на самоопределение в период после Второй мировой войны

Уже сам Устав ООН (1945 г.) подчеркивает в ст. 1/2, что Организация Объединенных Наций в качестве одной из своих самых важных целей преследует «развивать дружественные отношения между нациями, на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов», а затем в ст. 55 объясняет, что условия стабильности и благополучия, необходимые для мирных и дружеских отношений между нациями, основаны на «уважении принципа равноправия и самоопределения народов».

В том же духе Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятая Резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1960 г., уточняет в п. 2, что «все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие».

Два наиболее важных универсальных международных договора по правам человека – Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.) уже в своей ст. 1 (следовательно, до раскрытия каких-либо других прав) содержат идентичные положения:

«1. Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие.

2. Для достижения своих целей все народы могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами без ущерба для каких-либо обязательств, вытекающих из международного экономического сотрудничества, основанного на принципе взаимной выгоды, и из международного права. Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования.

3. Все участвующие в настоящем Пакте государства, в том числе те, которые несут ответственность за управление самоуправляющимися и подопечными территориями, должны, в соответствии с положениями Устава Организации Объединенных Наций, поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право».

В этой связи следует напомнить, что Пакты в составе своих участников объединяют подавляющее большинство стран мира¹⁵⁰. На основании этого можно считать, что их решения превратились в общее (универсальное) международное обычное право. Это в свою очередь означает, что данные решения являются обязательными для всех государств, что значит – даже для тех, которые не являются участниками этих договоров.

Право народов на самоопределение гарантируется рядом других важных документов универсального значения, включая такие важные акты, принятые резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН, как: Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета (1965 г., пункт 6); Декларация социального прогресса и развития (1969 г., ст. 3/а); Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (1970 г.), и др.

Это право прямо признано Венской декларацией, принятой на Всемирной конференции по правам человека (1993 г.), которая

¹⁵⁰ По состоянию на 07.02.2021 г. Международный пакт о гражданских и политических правах насчитывает 173 члена, а Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах – 171 член.

в разделе I, 2, п. 1. указала, что «все народы имеют право на самоопределение» и что «в силу этого права они свободно определяют свой политический статус и беспрепятственно осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие».

Таким образом, право народов на самоопределение не только гарантируется рядом важных документов на мировом уровне, но и все они содержат по существу и даже буквально одни и те же формулировки.

Это право отражено в важнейших региональных международных соглашениях. Так, например, ст. 20. Африканской хартии прав человека и народов (1981 г.) гласит:

«1. Все народы имеют право на существование. Они имеют неоспоримое и неотъемлемое право на самоопределение. Они свободно определяют свой политический статус и осуществляют свое экономическое и социальное развитие в соответствии с политикой, которую они свободно избрали.

2. Колониальные или угнетенные народы имеют право на освобождение от уз господства любыми средствами, признанными международным сообществом.

3. Все народы имеют право на помощь со стороны государств – участников настоящей Хартии в своей освободительной борьбе против иностранного господства, будь оно политическим, экономическим или культурным».

Право народов на самоопределение подтверждается также важнейшими документами ОБСЕ – Хельсинским Заключительным актом (1975 г., часть I, п. VII), Заключительным документом Венской встречи (1989 г., часть «Принципы», п. 4), Парижской хартии для новой Европы (1990 г., раздел «Дружба между государствами-участниками», п. 7) и др.

Более или менее точно право народов на самоопределение было подтверждено Международным судом в нескольких решениях и консультативных заключениях.

Согласно вышеизложенному, нельзя оспаривать, что право народов на самоопределение является не только частью действующего международного права, но даже превратилось в один из его

основных принципов, следовательно, императивный, в абсолютно обязательную (*jus cogens*) норму¹⁵¹.

Однако выясняется, что все остальные аспекты являются спорными – кому принадлежит это право, что оно на самом деле означает, каковы его пределы, при каких условиях им пользуются и т. д. Или, более конкретно, что на самом деле имеется в виду, когда упоминается «народ», должно ли это право признаваться этническими и аналогичными меньшинствами, каково реальное содержание этого права, подразумевает ли оно право на отделение и создание собственного государства и т. д.

Нам кажется, что для того, чтобы разобраться в этих проблемах, необходимо заметить разницу между самоопределением как частью суверенитета, самоопределением как особым принципом и, наконец, отделением. Хотя у них есть точки соприкосновения, это разные явления и политико-правовые категории. Различия между ними касаются характера и круга конкретных рассматриваемых прав. Кроме того, хотя правообладателем их всех в конечном счете являются люди, оказывается, что не всегда ясно, кому именно принадлежит конкретное право.

2. СУВЕРЕНИТЕТ, САМООПРЕДЕЛЕНИЕ, ОТДЕЛЕНИЕ

1. Суверенитет

Суверенитет – это право и качество государственной власти. Она является высшей и независимой от всех других властей на данной территории, то есть она свободна в принятии решений и в то же время выше всех других властей и лиц и может навязывать им

¹⁵¹ Основные принципы международного права фактически являются наиболее важными общими обычаями международного права, которые считаются императивными нормами (*jus cogens*), отклонения от которых недопустимы. Это означает, что они являются обязательными для всех субъектов международного права, а с другой стороны, что все другие принципы и нормы этого права должны соответствовать им. Подробнее см.: Кривокапич Борис. Международное публичное право. Самара, 2018. С. 82–84, 138–139.

свою волю. В наше время считается, что суверенитет принадлежит народу.

В этом смысле суть суверенитета состоит в том, что народ, представленный через свое государство, пользуется неотъемлемым правом принимать решения относительно своей внутренней социально-политической и экономической организации (внутренний суверенитет) и внешней политики (внешний суверенитет) и в то же время способен вытеснить любую другую власть на данной территории и навязать всем свою волю.

Внешний суверенитет, который нас в первую очередь интересует, сводится к тому, что народ государства напрямую (на референдуме) или через государственные органы решает важные внешнеполитические вопросы¹⁵². В этом смысле многие воспринимают суверенитет как форму проявления права народов на самоопределение. Мы бы сформулировали это иначе – речь идет о проявлении суверенитета, неотъемлемой (но не единственной) частью которого является право народов на самоопределение.

Таков, например, случай, когда на референдуме или в парламенте решают, присоединится ли данное государство к другому или объединится с ним и образует новое государство. В качестве примеров можно привести добровольное объединение Англии и Шотландии в Великобританию (1707 г.) на основании законов об объединении, принятых в парламентах двух стран; решение Великого национального собрания в Подгорице об объединении Черногории с Сербией (1918 г.); объединение недавно освобожденных государств Танганьика и Занзибар в одно – Танзания (1964 г.), объединение Восточной и Западной Германии (1990 г.) и др.

Опираясь на свой суверенитет и самоопределение как на его естественную часть, народ может принять решение о разделении существующего государства. Примером может служить согласованный мирный распад Чехословакии, которая в 1993 г. в процессе, происшедшем не только без конфликта, но и без напряженности,

¹⁵² Эти вопросы часто имеют более или менее выраженное внутреннее измерение (влияют на правовой порядок и отношения в данной стране), но внешнее измерение преобладает.

демократически распалась на два государства – Чешскую Республику и Словакию.

Один тип проявления суверенитета, который можно рассматривать как форму самоопределения народа, также существует при принятии решения о вступлении в международную организацию или выходе из ее членства. Это особенно очевидно, когда такое решение принимается на референдуме. Самый свежий пример – *Brexit* – выход Великобритании из Европейского союза¹⁵³.

Восприятие в этих и подобных случаях права на самоопределение как лишь одной части суверенитета, на наш взгляд, логично и соответствует действующим правовым принципам. Понятно, что тот, кто суверенен, в принципе, сам решает свою судьбу, то есть пользуется самоопределением. Обратное возможно, но совсем не обязательно. Так, например, народ, находящийся под иностранным колониальным правлением, имеет право на самоопределение, но не является суверенным – он имеет право стать суверенным, но таким он будет только тогда, когда освободится от иностранного господства.

Право народов на самоопределение уже, чем суверенитет, и сводится к праву народа решать свою собственную судьбу, но не обязательно (или только косвенно) и судьбу других людей и вещей. В крайнем упрощении можно сказать, что суверенитет – это власть над собой и другими, а самоопределение – это свобода. Это самая большая существенная разница между ними¹⁵⁴. Другое отличие состоит в том, что с позиции суверена решение принимает весь народ соответствующего государства (все его граждане напрямую или через своих представителей), тогда как, когда дело доходит до самоопределения в более узком смысле, этого никогда не бывает.

¹⁵³ Англ. *Brexit*, сокр. от *Britain exit*. Соединенное Королевство вышло из состава Европейского союза 31 января 2020 года, на основе референдума, проведенного в 2016 году, на котором 51,9% избирателей проголосовали за выход из ЕС.

¹⁵⁴ Таким образом, например, если говорим, что суверенитет принадлежит государствам, а затем уточняем, что в современных государствах суверенитет считается принадлежащим народу, приходим к выводу, что народ, в конечном счете, является обладателем как права на суверенитет, так и права на самоуправление, что тогда размывает разницу между ними.

2. Право народов на самоопределение

В связи с этим правом многое неясно. Поскольку непонятно значение слов, описывающих этот термин, что именно имеют в виду под *народом*, а затем, что подразумевается под *самоопределением* и, в частности, каковы его пределы.

1. Народ. Ответ на вопрос, что именно понимается под народом, может зависеть от многих факторов, таких как различные исторические, этнические, культурные, религиозные и другие моменты. Поэтому бывает, что в разных случаях под народом имеют в виду очень разные категории. Фактически, будет правильно заметить, что в каждом конкретном случае ответ зависит от данных обстоятельств, но также и от того, кто дает этот ответ.

Однако в целом народ обычно идентифицируют с нацией, то есть особой духовно-исторической и политической общностью людей. Но в зависимости от случая это слово также может означать всех жителей определенного региона (например, «народ на Балканах»), все население страны, граждан определенной страны и даже некоторые более узкие группы (например, коренные народы, колониальные народы, некоторое племя, только обычные и, в частности, угнетенные социальные классы в соответствующем государстве и т. д.).

Если говорить о праве на самоопределение в более узком смысле, народ, в самом простом смысле, означает группу жителей определенной части территории государства. В еще более узком смысле, когда речь идет о праве на самоопределение, народ понимается как группа лиц общего или родственного этнического происхождения, общих традиций, культуры, языка, религии, обычаев и т. д., которая осуществляет или стремится реализовать это право на определенной территории.

2. Право народов на самоопределение. В более широком смысле это право является частью суверенитета, то есть суверенных прав, которые принадлежат всему народу (гражданам) каждого государства. Это уже обсуждалось.

В более узком смысле речь идет о праве народа самому решать свою судьбу – свободно определять свою политическую позицию; достигать своего экономического, социального и культурного развития; распоряжаться своими природными ресурсами и т. п. Это отражено и реализовано в ряде конкретных прав, таких как право на свободный вы-

бор собственного социально-политического и экономического строя, на освобождение от иностранного господства, на отделение и создание независимого государства, на объединение с другими народами и т. д. В таком понимании это не только более узкая категория, чем суверенитет, но и, по сути, другое явление. Это право принадлежит не всему народу соответствующего государства, а его части (жителям определенных территорий). Кроме того, оно сводится к решению собственной судьбы, но в принципе без прямого навязывания своей воли другим.

Как и суверенитет, самоопределение имеет внутреннее и внешнее измерения. Проще говоря, во внутреннем аспекте оно представляет собой право жителей соответствующей территории решать свои собственные вопросы, касающиеся их социальной, экономической и политико-правовой организации и жизни. Его внешняя сторона означает право на независимость от чужого колониального и иного силой навязанного господства или, в несколько более широкой форме, право на свободный выбор собственного развития.

Это право в некоторых случаях может включать отделение, но не ограничивается этим. Ведь известно, что в зависимости от сферы самоопределение обычно делится на политическое, экономическое и культурное, что само по себе показывает, что необязательно речь идет об отделении части территории и что возможны и другие формы реализации этого права¹⁵⁵. Наконец, отделение – это не общее право, которое гарантируется всем народам, но оно законно может иметь место только в исключительных случаях, в определенных ситуациях и при определенных условиях.

Менее драматичный, но зато очевидный случай реализации внешнего вида права на самоопределение существует, когда только часть государства принимает решение о своем членстве в определенной международной организации. Такое решение должно соответствовать конституции и соответствующим международным документам (уставу международной организации, учредительному договору и т. д.). Тут особенно интересен пример Королевства Дания, состоящего из трех составных частей – Дании и самоуправляющихся территорий Фарерских островов и Гренландии. Хотя

¹⁵⁵ Таким образом, например, культурное самоопределение сводится к возвращению собственной культуры, традиций, системы ценностей и тому подобному, для чего в принципе не требуется территориальных изменений.

Фарерские острова и являются частью одной страны, они отказались присоединиться к Европейскому экономическому сообществу – ЕЭС (сегодня ЕС) вместе с Королевством Дания в 1973 году, а Гренландия решила выйти из ЕЭС на референдуме в 1982 году.

3. Федеральные и автономные образования. Об одной из форм права на самоопределение можно говорить, когда жителям федеральных, автономных и подобных единиц предоставлена определенная доза самоуправления.

А именно, хотя с точки зрения конституционного права может выглядеть, что имеем дело с соответствующими правами федеральных или других единиц, а с позиции международного права можно говорить об элементах их международно-правовой субъективности, право на самоопределение по существу принадлежит не этим единицам как таковым, а населению, которое в них живет. Подобно тому, как говорится, что государства являются суверенными единицами, но затем уточняется, что суверенитет принадлежит народу, и здесь настоящим правообладателем является народ, постоянно проживающий на данной территории. В конце концов, почти всегда решение о наиболее драматической форме осуществления права на самоопределение – отделении – не принимается местным правительством или местным парламентом, а принимается общенациональным голосованием (референдумом) жителей данной территории.

Нас особенно интересуют те моменты, которые предполагают появление права на самоопределение у жителей федеральных и автономных единиц, что в некоторых случаях поднимает вопрос о некой международно-правовой субъективности рассматриваемых образований или территорий¹⁵⁶.

Что касается федеративных государств, то, хотя федерация выступает как субъект международного права и международных отношений, практика показывает, что ее элементам (федеральным единицам) иногда предоставляется право заключать определенные международные соглашения, образовывать определенные формы международного представительства и т. д.¹⁵⁷. Что касается типа и масштабов участия

¹⁵⁶ Подробнее см.: Кривокапич Борис. Указ. соч. С. 268–271.

¹⁵⁷ Таким образом, например, Бавария, Саксония и некоторые другие германские страны даже после присоединения к Германской империи в 1871 году пользовались активным и пассивным правом посольства как в своих взаимоотношениях, так и в отношениях с зарубежными странами.

этих единиц в международных отношениях, то имеют значение внутренние законы этих стран, а также готовность иностранных государств и других субъектов международного права устанавливать и поддерживать с ними эти отношения¹⁵⁸.

Определенные формы международно-правового суверенитета членов федерации могут быть предусмотрены высшим правовым актом страны. Например, хотя субъектом международного права и международных отношений было совместное государство, на основании ст. 7/2 Конституции СР Югославия (1992 г.) республики имели право в пределах своей компетенции заключать международные договоры, а на основании ст. 15/2 Конституционной хартии Государственного союза Сербия и Черногория (2003 г.) государства-члены имели право поддерживать международные отношения, заключать международные соглашения и открывать представительства в других странах¹⁵⁹.

В наше время образования (энтитеты), составляющие это государство, обладают определенной международно-правовой субъектностью на основании Дейтонского соглашения (1995 г.) и Конституции Боснии и Герцеговины. Эта позиция подразумевает право

¹⁵⁸ Практике известны очень необычные решения. Хотя это кажется нелогичным, но иногда случается и так, что в состав государства как единого юридического лица входят – монархии. Так, каждый из эмиратов, составляющих Объединенные Арабские Эмираты, имеет своего правителя (эмира). У Малайзии же один верховный («федеральный») правитель, который избирается на 5 лет из числа правителей 9 наследственных монархий, составляющих эту федерацию. На практике даже существуют республики, отдельные части которых состоят из монархий. Например, Уганда, которая является республикой, имеет, среди прочего, 5 традиционных королевств банту с некоторой автономией. Это поднимает вопрос о возможной международно-правовой субъективности таких частей федеративного государства и, в связи с этим, об осуществлении ими права народов на самоопределение.

¹⁵⁹ Такие решения известны в сравнительном праве. Например, хотя на основании ст. 8 Конституции Швейцарии (1874 г.) только федерация имела право заключать международные договоры, ст. 9 в исключительном порядке разрешала кантонам заключать международные соглашения о добрососедстве, приграничном движении, предотвращении контрабанды и полиции. Они должны были соответствовать конституции и не могли быть заключены в ущерб государству (федерации) или другим кантонам. Подробнее см.: Милојевић Момир. Сложене државе у међународном животу // Годишњак удружења за међународно право 2006. Београд, 2007. С. 150.

поддерживать определенные международные отношения, заключать международные соглашения и т. д. Среди прочего энтитеты имеют право заключать соглашения об этом и устанавливать особые параллельные отношения с соседними странами, и для этого им не требуется согласие Парламентской ассамблеи БиГ.

Хотя это достаточно редкое явление, когда оно предусмотрено конституцией страны, и особенно если регулируется международными договорами, определенные виды международно-правовой субъективности могут иметь и части территорий, которые, не участвуя в центральной власти, пользуются внутренним самоуправлением – автономные края, провинции и тому подобное. Имея соответствующие полномочия, эти образования могут заключать некоторые типы международных соглашений, поддерживать определенные формы международных отношений, иметь свои представительства за рубежом, принимать иностранных представителей, быть независимо представленными среди членов определенных международных организаций и т. д.¹⁶⁰. На примере Фарерских островов и Гренландии уже было показано, что эти образования иногда могут даже принять решение не вступать в международную организацию, членом которой является государство, которому они принадлежат, или по собственному решению покинуть такую организацию. Это свидетельствует о том, что они имеют статус, отличный от страны, частью которой являются. Вдобавок, статус некоторых автономных единиц регулируется не только конституцией и внутренними законами соответствующих государств, но и международными соглашениями, что является дополнительной гарантией их особого юридического положения¹⁶¹.

¹⁶⁰ Например, Гонконг и Макао, представляющие собой особые административные районы Китайской Народной Республики, в то же время являются членами Всемирной метеорологической организации, Всемирной торговой организации и т. д. Хотя Канада является членом Франкофонии, в ней также представлены канадские провинции Квебек и Брансуик. Несмотря на то, что представляют собой части Финляндии и Дании, Аландские острова, с одной стороны, и Фарерские острова и Гренландия, с другой, являются членами Северного совета.

¹⁶¹ Одним из примеров являются Аландские острова, которые представляют собой автономную провинцию Финляндии.

Для всех упомянутых случаев характерны несколько моментов:

1) их особое положение признано и регулируется правом – оно определяется высшим актом соответствующего государства (его конституцией) и/или специальными законами, а в некоторых случаях и международным договором;

2) хотя мы говорим о правах соответствующих территориальных единиц, ясно, что на самом деле речь идет о правах жителей этих территорий, народов, которые в них живут, – это они принимают решения, напрямую или через своих представителей;

3) хотя могут рассматриваться и как элементы некой международно-правовой субъективности соответствующих образований, особые права этих организаций по существу представляют собой конкретные формы, в которых проявляется право народов на самоопределение.

4. Народы, находящиеся под иностранным колониальным и другим насильственно навязанным господством. В самом узком смысле в наше время право на самоопределение приравнивается к праву народов, находящихся под иностранным колониальным и аналогичным насильственно навязанным господством, бороться, чтобы освободиться от иностранного порабощения и эксплуатации и взять свою судьбу в свои руки. В таком понимании оно представляет собой признание и поддержку законной борьбы этих народов за их национальное освобождение.

Венская декларация, принятая на Всемирной конференции по правам человека (1993 г.) после подтверждения того, что все народы имеют право на самоопределение и свободное определение своего политического статуса и реализацию собственной экономической, социальной и культурной жизни, тут же (Раздел I. 2, абз. 2) указывает, кому принадлежит это право:

«Принимая во внимание особое положение народов, находящихся под колониальным или другими формами чужеземного господства или иностранной оккупации, Всемирная конференция по правам человека признает право народов предпринимать любые законные действия в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций для осуществления своего неотъемлемого права на самоопределение. Всемирная конференция по правам человека считает отказ в праве на самоопределение нарушением прав человека и подчеркивает важность эффективного осуществления этого права».

В связи с этим можно задать вопрос: зачем говорить о праве народа на самоопределение, если оно принадлежит только колониям, а процесс деколонизации давно закончился? Исходя из этого, основываясь на наблюдении типа «колонии давно исчезли, а право народов на самоопределение все еще существует», можно ошибочно заключить, что это право имеет гораздо более широкую, даже общую сферу действия в том смысле, что он принадлежит всем жителям («народам») всех территорий. Такой вывод был бы неправильным, причем по нескольким причинам.

Во-первых, право на самоопределение, понимаемое как международно признанное право народов, находящихся под иностранным колониальным господством, было сформулировано в то время, когда процесс деколонизации только начался и был далек от завершения. Это было особенно актуально сразу после Второй мировой войны и в последующую четверть века.

Кроме того, хотя деколонизация в основном завершена, и в наши дни существуют области, в которых, хотя и в несколько ином режиме, все еще доминируют иностранные державы. В общей сложности осталось 17 самоуправляющихся территорий с общим населением почти 2 миллиона человек. Из них 1 – в Европе, 1 – в Африке, 9 – в Атлантике и Карибском бассейне и 6 – в Тихом океане. Их больше не называют колониями, а заморскими территориями, заморскими странами и др. В принципе и касательно жителей этих территорий однажды может возникнуть вопрос об использовании права народа на самоопределение.

В конце концов, право народов на самоопределение признается не только за народами колоний, но и за народами, находящимися под другим типом иностранного господства или оккупации. В принципе, здесь возможны различные ситуации, многие из которых сложно предугадать заранее.

Дополнительным аргументом в поддержку утверждения о том, что в связи с правом народов на самоопределение всегда подразумевались народы, находящиеся под колониальной или иной силой, связанной иностранным правлением, является решение из ст. 7 Резолюции 3314 (1974 г.) Генеральной Ассамблеи ООН, определяющей агрессию. Согласно этому положению, ничто из определения агрессии, данного в Резолюции, не может каким-либо образом наносить

ущерб вытекающему из Устава ООН праву на самоопределение, свободу и независимость народов, которые насильственно лишены этого права и о которых упоминается в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, в частности, народов, находящихся под господством колониальных и расистских режимов или под другими формами иностранного господства, а также праву этих народов бороться с этой целью и испрашивать и получать поддержку в соответствии с принципами Устава ООН и согласно вышеупомянутой Декларации.

Иными словами, тут была высказана позиция, что вооруженная борьба этих народов за свободу не является агрессией. На момент принятия Резолюция имела большое политическое и моральное значение, но не имела обязательной юридической силы для государств. Однако сегодня есть основания полагать, что тем временем ее решения превратились в универсальное обычное международное право, а это означает, что они являются обязательными для всех.

3. Право других социальных групп на самоопределение

Предыдущие соображения касались права на самоопределение жителей определенных частей государства и имели в виду это право в полном объеме, что означает, среди прочего, право на отделение. В гораздо более узких рамках правом на самоопределение пользуются некоторые другие социальные группы, такие как коренные народы и этнические меньшинства. Строго говоря, в таких случаях правильнее говорить о различных формах территориальной и иной автономии, то есть самоуправления¹⁶², а не о самоопределении.

¹⁶² Хотя автономия чаще всего приравнивается к самоуправлению, между ними есть разница. С точки зрения статуса только территориальных единиц (самоуправление и автономия могут обсуждаться и в других случаях), самоуправление существует, когда территориальная единица имеет право самостоятельно выполнять возложенные на нее задачи, но в соответствии с правилами, изданными кем-то другим (центральной властью). В случае автономии территориальная единица имеет право не только самостоятельно вести соответствующие дела, но и принимать обязательные правовые нормы в пределах своих полномочий при условии, что они не должны противоречить конституции и другим общим правилам.

1. Коренные народы. Международное право, в частности Конвенция Международной организации труда № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (1989 г.), гарантирует коренным народам ряд важных прав – признание, уважение и защиту их социальной и культурной самобытности, обычаев, традиций и институтов, то есть социальных, культурных, религиозных и духовных ценностей и обычаев; консультирование с ними при рассмотрении правовых или административных мер, которые непосредственно их затрагивают; участие на всех уровнях принятия решений в отношении политики, планов и программ, связанных с ними; учет обычаев этих народов в уголовных делах и при вынесении приговоров; разработку и осуществление в сотрудничестве с этими народами предназначенных для них образовательных программ и услуг, с целью удовлетворения их особых потребностей; создание собственных учебных заведений при условии, что государства обязаны предоставить для этого соответствующие средства; право собственности и владения землей, на которой они традиционно проживают, и сервитуты на территориях, которые они традиционно используют и т. д.

Учитывая, что таким образом им признаются некоторые формы автономии, есть основания утверждать, что коренные народы обладают определенной степенью самоопределения. Это особенно очевидно, когда жители территории, на которой коренные народы представляют большинство, могут сами решать, будет ли эта территория членом международной организации или нет, независимо от членства государства, которому принадлежит эта территория¹⁶³.

¹⁶³ Уже упоминалась Гренландия, которая голосовала на референдуме в 1973 г. о том, присоединяться ли вместе с Данией к ЕЭС (нынешний ЕС), а затем в 1982 г. также на референдуме самостоятельно решила покинуть ЕЭС. Следует заметить, что 88% из примерно 56 500 жителей – гренландские инуиты, которые являются коренным народом; их язык (гренландский) является официальным языком Гренландии; на основе референдума, прошедшего в 2008 г., судебная система и береговая охрана были переданы Гренландии и т. п. Многие восприняли это как большой шаг к независимости Гренландии, жители которой отмечают, что они просто не датчане. Дания готова предоставить независимость этому крупнейшему в мире острову с условием, что сначала он должен иметь возможность поддерживать себя в финансовом отношении без ее финансовой помощи. По оценкам аналитиков, этого не произойдет еще как минимум 30 лет.

Однако большинство государств оспаривают право коренных народов на самоопределение, опасаясь, что это может быть истолковано как признание права на отделение. Поэтому, исходя из того, что в международном праве право на самоопределение признается народами, государства часто называют своих граждан из рядов коренного населения другими именами (коренные, коренные жители, коренное население и т. д.), осторожно избегая слово «народ». Кстати, даже когда в международных документах все-таки используется термин «коренные народы», всегда уточняется, что наименование этих групп народами не означает, что они имеют право на самоопределение в смысле права на отделение¹⁶⁴.

Дело в том, что, хотя в более чем 70 странах мира проживает около 5 000 коренных народов, причем их общая численность составляет 300–370 миллионов (почти 5% населения мира), многие страны не желают брать на себя международно-правовые обязательства, даже если имеется в виду признание только элементарных прав коренных народов, без всякого упоминания об отделении. Два наиболее важных международных договора в этой сфере – Конвенция МОТ № 107 о защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни (1957 г.), и Конвенция МОТ № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (1989 г.), в начале 2021 года, после прошествия, соответственно, 64 и 32 лет со времени их подписания, связывают в общей сложности 40 государств (Конвенция № 107-17 и Конвенция № 169-23 страны). Особо следует отметить, что среди договаривающихся сторон (той или иной конвенции) в основном малые и средние страны, причем совсем отсутствуют постоянные члены Совета Безопасности ООН.

По нашему мнению, эти народы имеют право на самоопределение. Совсем другой вопрос: что именно подразумевает это право в их случае и, в частности, включает ли оно право на отделение? На практике представители коренных народов требуют признания

¹⁶⁴ Так, например, в статье 1/3 Конвенции МОТ № 169 (1989 г.) прямо указано, что использование в ней термина *народы* «не рассматривается как несущее какой-либо смысл в отношении прав, могущих заключаться в этом термине в соответствии с международным правом».

этого права, но подавляющее количество государств категорически против этого.

В этом отношении можно пойти дальше и заявить, что многие коренные народы имеют право на самоопределение, включая отделение. Это связано с тем, что, хотя с ними не обращаются как с народами, находящимися под колониальным господством, в большинстве случаев они были принудительно поставлены в положение, в котором находятся, иногда подвергаясь более или менее открытой расистской дискриминации.

Тем не менее, учитывая существующие отношения в мире и позиции государств, нереально ожидать, что страны, в которых они живут, позволят коренным народам отделиться. Напротив, гораздо более вероятно, что из-за усиления процесса глобализации и различных форм ассимиляции количество коренных народов и их членов будет все больше сокращаться.

2. Этнические меньшинства. Что касается меньшинств, которые отличаются от остального населения по своим этническим особенностям, все спорно – как они должны называться, как они должны быть определены и какие права принадлежат им и т. д.¹⁶⁵. Однако здесь нас прежде всего интересует – имеют ли этнические (национальные) меньшинства право на самоопределение? И если имеют, то что именно это означает?

Государства делают все, чтобы избежать даже саму мысль о праве этнических меньшинств на отделение. С этой целью они отрицают, что права меньшинств являются коллективными, и указывают, что это *индивидуальные права членов* меньшинств, а не *меньшинства* как общества¹⁶⁶; подчеркивают, что право на самоопределение признается народами, а не меньшинствами; часто не готовы обсуждать даже никакую территориальную или иную автономию меньшинств и т. д.

¹⁶⁵ Эти вопросы рассматриваются в главе VIII: «Защита этнических (национальных) меньшинств».

¹⁶⁶ Такое рассуждение неверно, потому что, несомненно, существуют права меньшинств, которые имеют коллективный характер – право меньшинства на выживание; право на сохранение самобытности меньшинств; право поддерживать взаимные контакты; право на прямое представительство в представительных органах и других органах власти; право создавать и содержать образовательные, культурные и аналогичные учреждения и т. п.

С другой стороны, большое количество государств своим законодательством гарантировали важнейшие права национальных меньшинств. На универсальном уровне это делается в соответствии со ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 г.) и Декларацией ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным или языковым меньшинствам (1992 г.). Гораздо большего достигли в Европе, где наиболее важным актом является Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (1995 г.), хотя значимы также и Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств (1992 г.), документы ОБСЕ, двусторонние соглашения и т. д.

Здесь мы сосредоточимся только на том, имеют ли этнические (национальные) меньшинства право на самоопределение. Ответ будет зависеть от того, что подразумевается под этим правом.

Если различные формы самоуправления или автономии, признанные этническими меньшинствами и их членами, понимаются как форма самоопределения (и, по сути, нет причин не понимать их как таковые), ответ должен быть утвердительным – эти меньшинства и их члены обладают определенной степенью самоопределения. В конце концов, это очевидно, если учесть такие права этнических меньшинств, как право создавать автономии меньшинств; быть прямо представленными в представительных и других органах власти; участвовать в разработке законодательства о них; организовывать и содержать образовательные, культурные и аналогичные учреждения; поддерживать определенные международные контакты и сотрудничество (прежде всего, со страной своего происхождения и с гражданами других государств, с которыми они связаны национальными, этническими, религиозными или языковыми узами и т. д.).

Меньшинство, представляющее большинство на определенной территории, может получить и более широкие права, которые означают самоопределение, но без отделения. Примером может служить предоставление жителям определенной территории (зная, что фактически решать будут члены этнического меньшинства, поскольку они являются наиболее многочисленными) права решать

на референдуме, станет ли эта территория членом международной организации, в которой состоит данное государство¹⁶⁷.

Однако если среди других прав имеется в виду и отделение, а тем более если о нем думается в первую очередь, ответ должен быть отрицательным.

Этнические (национальные) меньшинства не имеют права на отделение уже потому, что это противоречило бы основным принципам международного права, особенно тем, которые гарантируют суверенитет и территориальную целостность государств, невмешательство во внутренние дела государств и т. д., как это предусмотрено Уставом ООН и другими соответствующими международными документами.

Впрочем, даже если меньшинствам разрешить прибегнуть к отделению с призывом права на самоопределение, это не решило бы проблему. Немедленно будет поднят вопрос о судьбе и правах тех жителей, которые на данной территории являются «меньшинствами в составе меньшинства» или являются членами большинства населения государства, которые представляют численное меньшинство на данной территории. Таким образом, если бы общинам меньшинств (большинству на данной территории) было предоставлено право на самоопределение, включающее отделение, их требования были бы решены, но в то же время в большинстве случаев возник бы не менее сложный вопрос о правах и судьбе тех жителей этой территории, которые не являются членами меньшинства. Помимо того факта, что эти люди могут не хотеть (когда речь идет о представителях большинства в соответствующем государстве, то почти наверняка не захотят) менять свой статус, отделение устранило одно меньшинство, но создаст новые. И тогда эти новые меньшинства, которые, по крайней мере в некоторых частях данной территории составляют большинство, на том же основании смогут требовать, чтобы им было предоставлено право отделения от отделившейся территории.

¹⁶⁷ Уже упоминался случай с Фарерскими островами, которые в 1973 году отказались войти в ЕЭС (нынешний ЕС) вместе с Королевством Дания. Хотя решение было официально принято Островами как автономной провинцией, по сути, это было заявление фаранов, которые составляют 96,5% (около 50 000 из всего чуть менее 51 800) жителей островов и представляют небольшую этническую группу со своим особым языком (фарерским) и культурой.

В этнически смешанных обществах, то есть в многочисленных регионах мира, этот процесс может происходить бесконечно. Если добавить, что такое развитие событий, скорее всего, не будет принято большинством населения данной страны, что у соседних стран будет свое собственное мнение на все это, что таким образом возможна атомизация почти всех современных государств и, в частности, что все это легко может спровоцировать насильственные реакции с разных сторон, становится очевидным, что признание права меньшинств на отделение открыло бы дорогу перманентным межэтническим конфликтам, межгосударственным спорам и, весьма вероятно, широким конфликтам даже с непредвиденными последствиями.

С другой стороны, если этнические меньшинства не имеют права на самоопределение с правом отделения, это не означает, что другие аспекты этого права не могут обсуждаться. Если право на самоопределение воспримается как право на политическое представительство меньшинства и его эффективное участие в политических, экономических и других делах сообщества, право на самоорганизацию для удовлетворения собственных экономических, культурных и других потребностей и тому подобное, тогда этот тип самоопределения или, вернее, самоуправления, не только возможен, но и желателен.

4. Сецессия

Сецессия – это отделение части государства с целью создания отдельного государства или присоединения к другому, уже существующему. Обычно является результатом политических, национальных, религиозных и других трений в данной стране и часто провоцируется или, по крайней мере, поддерживается внешними факторами¹⁶⁸. Многие попытки отделения привели к войнам или гражданским войнам.

¹⁶⁸ Одним из примеров является Панама, которая была колумбийской провинцией до 1903 года, когда Соединенные Штаты спровоцировали сепаратистское восстание и помогли ему, угрожая Колумбии, что любая попытка подавить восстание приведет к американской военной интервенции. Всего через 3 дня после ее провозглашения США признали независимость Панамы и поставили Колумбию и весь мир перед завершенным актом. Причиной всего стал отказ Колумбии одобрить постоянную аренду США земли по обе стороны от маршрута планируемого Панамского канала. Всего через 2 недели после провозглашения независимости Панамы Соединенные Штаты заключили с ее правительством соглашение о Канале.

Когда при свободно выраженной воле всего народа, то есть мирно, по соглашению, общее государство перестает существовать, речь идет не о сецессии (отделении), а о распаде или разделении государства (случаи СССР в 1990–1991 гг., Чехословакии в 1993 г. и т. д.), его присоединении к другому государству или объединении с другим государством. Такой исход опирается на суверенное право народа этого государства принимать решения обо всем, даже о прекращении существования данного государства.

Сецессия часто ассоциируется с правом народа на самоопределение, что понятно. Однако это только одна из возможностей, которая учитывается в особых, исключительных обстоятельствах. Это потому, что это право противоречит одному из важнейших принципов международного права – принципу территориальной целостности государств.

1. Территориальная целостность государства. Устав ООН и современное международное право содержат два важных принципа, которые на первый взгляд исключают друг друга.

Первый – это право народов на самоопределение, которое учитывает коллективные права человека в смысле признания права народа самому решать свою судьбу.

Однако есть еще один принцип, который заложен в основы отношений между государствами и составляет правило *jus cogens*. Это принцип территориальной целостности государств. В более узком смысле он сводится к неприкосновенности (полноте) и неотчуждаемости государственной территории, так что никакая ее часть не может быть отчуждена без явного добровольного согласия соответствующего государства. В более широком смысле это означает, среди прочего, что государства не должны поддерживать сепаратистские движения в других странах.

Несколько упрощая, можно сказать, что право на территориальную целостность есть не что иное, как право на государственный суверенитет и даже не само существование государства. Известно, что территория является одним из составных элементов государства, так что без нее нет государства. Таким образом, посягательства на территориальную целостность – это не только шаги, направленные на удовлетворение определенных политических и иных интересов,

но они иногда могут даже бросить вызов выживанию самого государства.

Признавая проблему, некоторые авторы указывают на то, что следует проводить различие между территориальностью государства (территориальное свойство, владение территорией) и его территориальной целостностью (неприкосновенность, неделимость территории) и что государство продолжает существовать, даже если теряет значительную часть территории – оно остается государством, пока у него есть оставшаяся часть территории. И действительно, некоторые страны потеряли огромную часть своей территории, но при этом не только продолжили жить, но и сохранили свою идентичность и преемственность¹⁶⁹. Однако, на наш взгляд, здесь дело не в количестве (по крайней мере, не только в нем), а в качестве. Если территория государства может уменьшаться без его воли, где границы этого процесса? Их нет. Но тогда это привело бы к миру, в котором идет постоянная война всех против всех.

Принцип территориального суверенитета основан на одном из основных прав каждого государства – его праве на территориальную целостность¹⁷⁰. Это подтверждено уже в Уставе ООН, который в ст. 2/4 указывает, что «все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций».

По правде говоря, это положение можно понимать как гарантию защиты территориальной целостности государств только от нападений с применением силы, исходящих со стороны ООН или

¹⁶⁹ Например, с освобождением колоний бывшие метрополии остались без огромной, даже большей части территории, но это не ставило под сомнение их государственность и статус.

¹⁷⁰ С другой стороны, защита территориальной целостности каждого государства отвечает интересам всего международного сообщества, поскольку она служит обеспечению стабильности в международных отношениях, предотвращению постоянных конфликтов, способствует международному сотрудничеству и т. д.

ее членов, что означало бы, что оно не относится к отделению как к акту, подготовленному и осуществленному внутри государства. Однако хорошо известно, что практически ни одна сессия не проходила без более или менее выраженной иностранной поддержки и помощи. Впрочем, тот факт, что упомянутое положение имеет более широкий смысл, следует из конца процитированного предложения: «так и каким-либо другим образом, не совместимым с целями Объединенных Наций».

В связи с этим следует напомнить, что ст. 2/7 Устава запрещает ООН и ее государствам-членам вмешиваться в дела, «по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства». Другими словами, в Уставе четко указано, что ни ООН, ни государства-члены не должны каким-либо образом подвергать опасности или нарушать территориальную целостность государств.

Если и могла существовать какая-либо дилемма, она была развеяна важным документом, принятым Генеральной Ассамблеей ООН – Декларацией ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам (1960 г.). Провозглашая в п. 2 право всех народов на самоопределение, Декларация в то же время четко заявляет (п. 6), что «всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций».

Упоминание права народов на самоопределение и принципа уважения территориальной целостности государств встречается и в других документах ООН. Так, Декларация о социальном прогрессе и развитии (1969 г.) в ст. 3/а подтверждает право народов на самоопределение, но уже в ст. 3/с настаивает на уважении суверенитета и территориальной целостности государств, не указывая, кто обязан уважать эту целостность (что означает, что это обязательство не ограничивается другими государствами).

Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, в соответствии с Уставом ООН (1970 г.) в качестве особого принципа гарантирует «принцип равноправия и самоопределения народов», но сразу же подчеркивает:

«Ничто в приведенных выше пунктах не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к разрушению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов, как этот принцип изложен выше, и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории».

Эти принципы были подтверждены и на региональном уровне.

Хотя это было сделано в первую очередь с точки зрения защиты от претензий и действий других государств, неприкосновенность государственной территории гарантирована уже в ст. 11 Конвенции о правах и обязанностях государств (так называемая Конвенция Монтевидео, 1933 г.)¹⁷¹.

В одном из важнейших современных региональных документов, Заключительном акте ОБСЕ (1975 г.), в первом положении после преамбулы (раздел I) говорится, что государства-участники будут уважать, среди прочего, суверенное равенство друг друга, «а также все права, присущие их суверенитету и охватываемые им, в число которых входит, в частности, право каждого государства на юридическое равенство, на территориальную целостность...».

Сразу после этого в разделе II уточняется, что государства-участники будут воздерживаться в их взаимных, и вообще в международных отношениях от применения силы или угрозы ее применения, в частности, против территориальной целостности любого государства.

¹⁷¹ «Договаривающиеся государства обязуются не признавать территориальные приобретения или иные выгоды, полученные силовым путем, будь то применение оружия, угроза дипломатическим представительствам или любые другие эффективные меры принуждения. Территория государства является неприкосновенной и не может быть объектом военной оккупации или других мер применения силы, навязанных другим государством, прямо или косвенно или по любым мотивам, даже временным».

Следует отметить, что хотя, строго говоря, Конвенция является региональным документом, который связывает только около двадцати американских государств, на самом деле она считается кодификацией норм общего (универсального) обычного международного права.

Раздел III («Нерушимость границ») предусматривает, что государства-участники считают нерушимыми все границы в Европе, «будут воздерживаться сейчас и в будущем от любых посягательств на эти границы» и «будут, соответственно, воздерживаться также от любых требований или действий, направленных на захват и узурпацию части или всей территории любого государства-участника».

В разделе IV («Территориальная целостность государств») указывается:

«Государства-участники будут уважать территориальную целостность каждого из государств-участников.

В соответствии с этим они будут воздерживаться от любых действий, не совместимых с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций, против территориальной целостности, политической независимости или единства любого государства-участника и, в частности, от любых таких действий, представляющих собой применение силы или угрозу силой.

Государства-участники будут равным образом воздерживаться от того, чтобы превращать территорию друг друга в объект военной оккупации или других прямых или косвенных мер применения силы в нарушение международного права или в объект приобретения с помощью таких мер или угрозы их осуществления. Никакая оккупация или приобретение такого рода не будет признаваться законной».

Упомянутые и другие положения являются основанием для утверждения, что Заключительный акт является документом об окончательности и неизменности государственных границ, при условии, что он, конечно, не применяется, если заинтересованные государства договорятся об ином.

Принцип территориальной целостности государств и неизменности государственных границ был позже подтвержден другими важными актами ОБСЕ: Итоговым документом Венской встречи (1989 г., часть «Принципы», п. 5), Парижской хартией для новой Европы (1990 г., раздел «Дружественные отношения между государствами-участниками», п. 3) и др.

Так, например, согласно п. 5 раздела «Принципы» Итогового документа Венской встречи (1989 г.), государства-участники:

«...подтверждают свое обязательство строго и эффективно соблюдать принцип территориальной целостности государств. Они будут воздерживаться от любых нарушений этого принципа и, таким образом, от любых действий, имеющих целью прямыми или косвенными средствами вопреки целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, другим обязательствам по международному праву или положениям Заключительного акта нарушить территориальную целостность, политическую независимость или единство государства. Никакие действия или ситуации, нарушающие этот принцип, не будут признаваться государствами-участниками законными».

Другими словами, есть основания утверждать, что государства-участники ОБСЕ обязались, среди прочего, не допустить нарушения территориальной целостности, исходящие «изнутри» или, по крайней мере, не поддерживать и не помогать им (воздержание от нарушений принципа территориальной целостности государств косвенными средствами).

Положения о гарантиях территориальной целостности государств и нерушимости границ также содержатся в Уставе Организации африканского единства (1963 г., ст. II / 1 и III), Учредительном акте Африканского союза (2000 г., ст. 4). / 6), Хартии Шанхайской организации сотрудничества (2002 г., ст. 2), Уставе Организации Договора о коллективной безопасности (2002 г., ст. 3) и др.

2. Законное отделение. Из приведенных документов четко следует, что с точки зрения международного права право на самоопределение может быть осуществлено на законных основаниях только тогда, когда оно не противоречит принципу территориальной целостности государств¹⁷².

Если право на самоопределение сводится к отделению части территории от государства, которому она принадлежит, такое отделение является законным только в том случае, если:

¹⁷² Здесь мы указываем на разницу между законным и незаконным отделением. Иногда почти в том же смысле проводится различие между юридическим и фактическим (односторонним) отделением, при этом юридическое приравнивается к законному, а фактическое – к незаконному.

1) применимые нормативные правовые акты (конституция¹⁷³, международное соглашение) предусматривают право провозглашать независимость части территории государства¹⁷⁴;

2) это делается с добровольного согласия соответствующего государства;

3) полностью соблюдены условия, предусмотренные соответствующим нормативным правовым актом (конституцией или международным соглашением).

Примером может служить Финляндия, использовавшая право народов России на самоопределение до отделения, провозглашенное Декларацией прав народов России (1917 г.). По решению своего парламента от 6 декабря 1917 г. она вышла из состава России, и первым, кто признал это новое государство, было правительство Советской Рос-

¹⁷³ Право на самоопределение вплоть до отделения было предусмотрено советскими конституциями 1924, 1936 и 1977 годов. Таким образом, ст. 72 Конституции СССР 1977 г. гласила: «За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР».

Это право не могло быть отменено, изменено или ограничено и не было связано с выполнением каких-либо условий, даже с условием получения согласия других союзных республик или центрального правительства. Однако, по сути, оно содержало два важных ограничения: 1) оно принадлежало только союзным республикам, но не автономным республикам и областям и 2) вообще не был урегулирован порядок (правовой механизм) реализации этого права, что означало, что это было так называемое «голое» право (*nudum jus*), которое фактически не могло быть реализовано. В литературе на русском языке замечено, что это была простая формальность, на которую никто не обращал внимания, а не настоящее право, и что это было следствием не какого-то великорусского шовинизма, а того факта, что Ленин и его преемники создали однопартийное государство без настоящей демократии. Маргиев А. В. О праве выхода республик из состава Российской Федерации. Вестник Адыгейского государственного университета. № 2. 2005. С. 131–137.

¹⁷⁴ Конституции подавляющего большинства стран (включая Российскую Федерацию) не предусматривают право на отделение, некоторые (например, Конституция США) прямо запрещают его, а многие государства защищают свое единство и территориальную целостность с помощью уголовного законодательства. Однако есть конституции, которые гарантируют право на самоопределение, включая отделение – это делается ст. 113 Конституции Сент-Китс и Невис (1983 г.) и ст. 39 Конституции Эфиопии (1995 г.).

сии. Примером, который нам ближе по времени, является Черногория, которая после референдума по этому вопросу вышла из государственного союза Сербии и Черногории в 2006 году и провозгласила независимость. Примером попытки законного (юридического) отделения является неудавшийся шотландский референдум о независимости, то есть о выходе из состава Соединенного Королевства (2014)¹⁷⁵.

В наше время законное право на отделение, которое не имеет основания в соответствующем правовом акте (конституции или конкретном международном договоре) и, в частности, осуществляется без согласия государства, от которого отделена территория, признается только за народами, находящимися под колониальным или иным господством, навязанным силой иностранного государства. Хотя можно было бы утверждать, что его следует признать также за коренными народами, и несмотря на то, что они просят об этом, практика этого не подтверждает. С другой стороны, ни юридически, ни фактически право на отделение не принадлежит этническим (национальным) меньшинствам. Это уже обсуждалось.

Короче говоря, хотя право на самоопределение иногда включает право на отделение (сецессию), это не синонимы. Между ними есть разница, и мы должны ее осознавать. Или, говоря словами Элеоноры Рузвельт: «Подобно тому, как концепция индивидуальных человеческих свобод, доведенная до логических крайностей, означала бы анархию, так и принцип самоопределения, если бы ему дали возможность неограниченного применения, привел бы к хаосу»¹⁷⁶.

Ко всему этому можно добавить и другие аргументы. Правильно отмечалось, что в контексте глобализации осуществление права на самоопределение может быть авантюрой для многих «отделившихся»

¹⁷⁵ В соответствии с соглашением между правительством Шотландии и правительством Соединенного Королевства, парламент Шотландии 14.11.2013 г. принял законопроект о референдуме о независимости Шотландии, определяющий условия проведения референдума, а затем британская королева 17.12.2013 г. дала свое согласие. На референдуме, состоявшемся 18.09.2014 г., на вопрос: «Должна ли Шотландия быть независимым государством?» 55% избирателей ответили отрицательно. Однако после выхода Великобритании из ЕС в начале 2020 года стали говорить о новом референдуме о независимости Шотландии.

¹⁷⁶ Цит. по: Cassese Antonio. Self-determination of peoples: A Legal reappraisal. Cambridge, 1995. P. 318.

сообществ с непредвиденно плохими последствиями, и что многие народы, мечтавшие о независимости и суверенитете после отделения от прежнего государства, попали в новую куда более тяжелую форму зависимости и несвободы; что с точки зрения развития гражданской демократии самоопределение в форме отделения определенных народов от международно признанных государств противоречит основной идее гражданского и демократического государства как государства граждан, а не этнических сообществ; что в современных условиях осуществление права народов на самоопределение и, в частности, отделение не имеет того значения, которое имело в прошлом; что многие государства, возникшие на основе права на самоопределение, впоследствии не желали признавать такое же право за другими; что в современных условиях глобализации и включения государств в международные организации и интеграции новые государства, созданные на основе права на самоопределение, обречены на потерю значительной части суверенитета, что фактически означает, что упомянутое право на самом деле вероломно релятивизируют или даже отменяют, причем с вынужденного согласия этих государств и т. п.¹⁷⁷.

Следствием законного отделения является то, что государство, которому территория ранее принадлежала, больше не может оспаривать возникшие изменения.

3. Незаконное отделение (одностороннее отделение, сецессия, отделение в узком смысле). В более узком смысле слова сецессия означает лишь незаконное одностороннее отделение части территории государства, не имеющей под собой международно-правовых оснований.

Причины этого могут быть разными. Наиболее частые и во многом самые чувствительные случаи отделения, то есть его попытки, существуют, когда определенная этническая общность, составляющая большинство на данной территории, пытается отделить эту территорию от государства, частью которого она является, и создать ее как новое суверенное государство или присоединить к другому, уже существующему государству.

¹⁷⁷ Veljković Božidar, Colarić Jaskše Lea Marija, Vojinović Borut. Samoopredeljenje naroda i suverenost država // Svarog. № 6. 2014. P. 9–19.

Однако возможны различные ситуации, даже такие, когда иностранные державы решают отобрать часть территории у одной страны и присоединить ее к другому государству. Даже если такое мероприятие пользуется неофициальной поддержкой большинства жителей соответствующей территории, оно в принципе не считается отделением и тем более осуществлением права на самоопределение, а, напротив, грубым нарушением-международного права¹⁷⁸. Аналогичная ситуация существует и когда отделение по какой-либо другой причине не является результатом свободно выраженной народной воли, а является следствием других факторов (например, решения сильного правителя).

Бывают и недостаточно четкие ситуации, например, отделение Бангладеш от Пакистана. После освобождения от британского владычества в 1947 году Индия была разделена на Индию и Пакистан и состояла из двух частей (Западный и Восточный Пакистан), которые разделяли 1 450 км индийской территории. Разделенный таким образом Пакистан функционировал как единое государство в течение 24 лет (1947–1971 гг.) вплоть до Войны за независимость Бангладеш (26 марта – 16 декабря 1971 г.), вызванной политической, экономической и другой напряженностью, после которой Восточный Пакистан отделился и изменил свое название на Бангладеш. В этой связи не только возникает вопрос о том, можно ли в случае этого отделения говорить о сопротивлении иностранному силой навязанному господству, но и бенгальцев, составляющих абсолютное большинство населения Бангладеш, вряд ли можно назвать национальным меньшинством в бывшей совместной стране Пакистан.

Практически без исключения незаконное отделение (его результат) не признается правительством государства, от которого была отделена соответствующая территория. Это обычно не признается и другими странами, хотя, руководствуясь своими интересами и соображениями, некоторые из них могут действовать иначе.

¹⁷⁸ Примером может служить Мюнхенское соглашение (30 сентября 1938 г.) между Великобританией, Германией, Францией и Италией, по которому Судеты были безжалостно взяты у Чехословакии и переданы Германии. Оно было заключено без участия Чехословакии, страны, о территории которой решалось. Она даже не была приглашена на конференцию в Мюнхен, а была лишь проинформирована о результатах соглашения великих держав того времени.

Если государство, которому территория принадлежала настойчиво и последовательно, не признает незаконную (фактическую, одностороннюю) сецессию, и тем более, если поддержку ему дают другие страны, через некоторое время может дойти до пересмотра вопроса, точно так же, как определенные события (перемена власти на международной арене, приход к власти других сил в отделившейся территории и т. д.) могут повернуть колесо в противоположном направлении и вернуть отколовшуюся территорию под суверенитет государства, которому она ранее принадлежала.

Иногда случается, что отделение, которое было незаконным, по прошествии определенного времени принимается международным сообществом и даже государством, из которого вышла соответствующая часть территории. В таких случаях принцип *ex injuria jus non oritur*, означающий, что право не может возникнуть в результате нарушения права, уступает место противоположному принципу *ex injuria jus oritur* в том смысле, что определенные изначально незаконные действия иногда признаются как действительные по причинам правовой определенности. Однако это исключительные ситуации, которые возникают из-за того, что мы живем в несовершенном мире.

3. ОДНОСТОРОННЕЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ КОСОВО

1. Декларация независимости Косово

Как известно, косовские албанцы 17 февраля 2008 года приняли Декларацию независимости Косово, тем самым объявив о своем отделении от Сербии. Это было сделано с грубейшим нарушением Конституции Сербии и целого ряда уже упомянутых международно-правовых норм и принципов, гарантирующих неприкосновенность государственной целостности всех государств.

Кроме того, это было сделано в нарушение документа, непосредственно относящегося к конкретному случаю – Резолюции Совета Безопасности ООН 1244 (1999 г.), которая гарантировала суверени-

тет и территориальную целостность СР Югославии, а значит, и Сербии, как ее части, а затем государства-преемника. Подробнее об этом позже.

Тем не менее ряд государств поддержали одностороннее провозглашение независимости Косово. Аргументы были различными – утверждение, что косовские албанцы были коренным народом, что они стали жертвами насильственно навязанной сербской оккупации и господства, что Косово было уникальным, *sui generis* случаем и т. д. Хотя, конечно, все это неправда¹⁷⁹, Соединенные Штаты Америки и их союзники не только признали Косово как новое государство и установили с ним дипломатические отношения, но и оказали давление на третьи страны, чтобы добиться такого признания.

В связи с этим был поднят вопрос о законности этого отделения с точки зрения международного права. По этому поводу Генеральная Ассамблея ООН по инициативе Сербии запросила консультативное заключение Международного Суда.

2. Консультативное заключение Международного суда

Международный суд (ICJ) от 22.07.2010 г. принял консультативное заключение, в котором сделан вывод о том, что одностороннее провозглашение независимости Косово не является нарушением международного права¹⁸⁰. Правительство в Приштине (столица

¹⁷⁹ Вопреки их утверждениям, албанцы не являются потомками древних иллирийцев (как раз наоборот, сербы и другие славянские жители Балкан произошли от иллирийцев, чему множество доказательств), но их предки пришли на Балканы только в 1043 году. Также не было репрессий против албанского населения, это была борьба с террористами, с которыми большинство стран обращаются еще более жестко. Наконец, факт, что до весны 1998 г. даже США официально классифицировали так называемую Освободительную армию Косово как террористическую организацию и только тогда изменили свою политику, стали вооружать и обучать боевиков этой организации, а затем весной 1999 г. даже начали войну на их стороне, с целью отобрать Косово у Сербии.

¹⁸⁰ Accordance With International Law of Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo // Advisory Opinion of 22 July 2010. Par. 122. P. 53 (452). www.icj-cij.org/files/case-related/141/141-20100722-ADV-01-00-EN.pdf,

Косово) и его союзники торжественно заявили, что Международный суд, как высший юридический орган ООН и самый уважаемый международный судебный орган, постановил, что отделение Косово было законным с точки зрения международного права.

Однако это совсем не так. Кратко остановимся на наиболее важных формальных и существенных вопросах.

1. Формально-правовой момент. Консультативное заключение Международного суда не является вердиктом, оно ни для кого не создает никаких прав или обязательств. Это только взгляд Суда на стоящую перед ним проблему. Благодаря авторитету Суда эта точка зрения имеет свой вес, но никогда не обладает обязательной юридической силой. Это всего лишь совет, на что, в конце концов, ясно указывает само название такого рода судебного решения.

Кроме того, за всю историю Международного суда с 1946 года до сегодняшнего дня (февраль 2021 года), то есть за 75 лет, было дано только 27 консультативных заключений, или в среднем немногим меньше одного за три года. Один этот факт ясно показывает, что государства не слишком полагаются на указанные решения Суда¹⁸¹.

В конце концов, как мы вскоре увидим, Соединенное Королевство, которое является одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности с особыми правами и обязанностями, в 2019 году, то есть совсем недавно, заявило по поводу консультативного заключения Международного суда по аналогичному вопросу (самоопреде-

¹⁸¹ Формально государства не имеют права запрашивать консультативное заключение в Международном суде, но это могут делать только Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности ООН, а также, с разрешения Генеральной Ассамблеи, другие органы ООН и специализированные агентства ООН. Однако, по сути, в высших органах ООН и этих организаций сидят представители государств, которые голосуют в соответствии с указаниями своих правительств. Следовательно, государство, которое (как в данном случае Сербия) хочет, чтобы, например, Генеральная Ассамблея ООН запросила у Международного суда консультативное заключение по какому-либо юридическому вопросу, должно обеспечить необходимое большинство голосов остальных членов, представленных в данном органе. Другими словами, в конечном счете, о том, следует ли запрашивать консультативное заключение в данном случае или нет, решают представители государств, действуя по инструкциям своих правительств.

ление народов в отношении статуса архипелага Чагос), что оно не связано этим заключением.

2. Существенные моменты против позиции Сербии. По сути, МС, как уже указывалось, пришел к выводу, что одностороннее провозглашение независимости Косово 17 февраля 2008 г. не противоречило общим нормам международного права.

Аргументы в пользу такой позиции заключались в следующем: не существует общей нормы международного права, запрещающей такой акт (Консультативное заключение, п. 84); с XVIII века многие страны, и особенно колонии, аналогичным образом обрели независимость и это не считалось нарушением международного права (п. 79); Совет Безопасности не постановил, что провозглашение независимости Косово связано с незаконным применением силы, и из практики Совета нельзя сделать вывод о том, что существует общий запрет на односторонние декларации независимости (п. 81); решения Резолюции 1244 (1999 г.) Совета Безопасности сформулированы как временные (п. 98); Резолюция 1244 (1999 г.) не содержит запрета на провозглашение независимости, который распространялся бы на авторов Декларации независимости Косово (п. 118).

Прежде чем перейти к этим аргументам, можем констатировать, что фактически единственное, что не устраивает Сербию, – это окончательная позиция, суть которой в том, что одностороннее провозглашение независимости Косово не нарушило международное право.

Этой формулировки было достаточно, чтобы мировые СМИ распространили новость о признании Международным судом законности Декларации независимости Косово, несмотря на то, что это не соответствует действительности. В этом отношении трудно избавиться от впечатления, что в том виде, в котором оно сформулировано, Заключение было в пользу тех, кто выступал за отделение Косово. Это, в конце концов, подтверждается тем фактом, что в ближайшие 3 года после принятия Заключения Косово признало 37 новых государств.

3. Критика позиции МС, согласно которой одностороннее провозглашение независимости Косово не противоречит международному праву. Следует вернуться к вопросу, который Ген-

ассамблея отправила в Суд. Он гласил: «*Соответствует ли*¹⁸² одностороннее провозглашение независимости временными институтами самоуправления в Косово нормам международного права?»¹⁸³.

Суд фактически не ответил на то, что его спросили! Вместо этого он по собственной инициативе переформулировал вопрос и заявил, что провозглашение независимости в данном случае *не противоречит* международному праву. Но это совсем другое.

Сам факт, что МС уклонился от ответа на очень четкий вопрос, предполагает, что здесь была замешана политика. Потому что, если бы Суд остался в рамках вопроса, переданного ему Генеральной Ассамблеей, его ответ мог бы быть только один – «нет, не соответствует!».

Одностороннее провозглашение независимости Косово никоим образом не соответствует нормам и принципам международного права, поскольку в международном праве нет нормы, которая могла бы быть правовой основой для такого акта. Напротив, международное право, как мы уже видели, прямо гарантирует территориальную целостность государств и запрещает насильственное изменение государственных границ.

В конце концов, все международное право содержит нормы, которые направлены на защиту государств как его основных субъектов, а не против них. Следовательно, в недостаточно ясных ситуациях предположение должно быть в пользу уважения прав государства. Это связано с правовой базой, содержащейся в международном праве, а также с тем фактом, что это отвечает интересам всего международного сообщества, которое защищает своих членов, потому что в противном случае мир мгновенно погрузился бы в хаос. Некоторые исключения (например, правила, касающиеся признания повстанцев) должны приниматься и интерпретироваться очень

¹⁸² Курсив мой. – Б.К.

¹⁸³ Просьба о вынесении Международным судом консультативного заключения относительно того, соответствует ли одностороннее провозглашение независимости Косово нормам международного права // Генеральная Ассамблея, A/RES/63/3. – 8 October 2008, www.refworld.org/cgi-bin/tehis/vtx/twmain/opensslpdf.pdf?reldoc=y&docid=48f352bf2.

ограниченно и здесь не имеют значения¹⁸⁴. В дополнение к этим общим правилам, которые применяются ко всем странам, в данном конкретном случае имелся важный специальный документ – Резолюция Совета Безопасности 1244 (1999), которая дополнительно гарантировала территориальную целостность Сербии¹⁸⁵.

При этом не только не было согласия сербского правительства, но оно было и оставалось категорически против отделения Косово. Это, в конце концов, отметил сам МС (Консультативное заключение, п. 77).

Одни только эти несколько наблюдений ясно показывают, что нельзя сделать вывод о том, что одностороннее провозглашение независимости Косово *соответствовало* международному праву. Не соответствовало.

Сознавая это и будучи не готовым занимать принципиальную позицию, Международный суд уклонился от заявления о том, *соответствует ли* отделение Косово международному праву, но высказал свое мнение о том, *запрещено ли* это международным правом. Однако отсутствие явного запрета на что-либо в международном праве не означает, что что-то разрешено¹⁸⁶.

Итак, мы должны согласиться с теми, кто отметил, что Международный суд, правильно заметив, что в международном праве

¹⁸⁴ Об этом нам также говорят различные максимы, которые нам остались с древних времен и которые представляют собой общие правовые принципы: *exceptiones non sunt extendenda* (исключения не могут быть продлены), *exclus non sunt trahendae ad exceptum* (исключения не должны восприниматься как пример), *exceptiones sunt strictissimae* интерпретация (исключения должны толковаться узко, то есть строго).

¹⁸⁵ Резолюция Совета Безопасности ООН 1244 (1999) // S.RES/1244 (1999), 10 June 1999. [www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1244\(1999\)&Lang=R](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1244(1999)&Lang=R).

¹⁸⁶ Например, международное право не содержит четких правил, запрещающих использование боеприпасов с обедненным ураном, и все же существует единодушное мнение о том, что использование этих боеприпасов запрещено и представляет собой военное преступление и преступление против человечности; так называемые целенаправленные убийства прямо не регулируются международным правом, но, несомненно, противоречат многим принципам международного права прав человека, международного права войны и гуманитарного права и даже международного права в целом и т. п.

отсутствует прямой запрет на одностороннее провозглашение независимости, должен был также указать, что международное право не является нейтральным в этом вопросе, оно не поддерживает сецессию и, напротив, содержит презумпцию против сецессии¹⁸⁷.

Не выдерживают критики и другие аргументы Международного суда, о которых мы упоминали в предыдущем разделе.

Комментарий Суда о том, что многие страны, особенно бывшие колонии, в одностороннем порядке провозгласили независимость с XVIII века, является полным провалом. Речь шла о народах, находившихся под навязанным насильственным путем иностранным колониальным господством. Другими словами, у них были свои более или менее организованные социальные сообщества, а затем они были поработаны. Напротив, Косово никогда не было колонией Сербии. В средние века турки отвоевали эту территорию у сербов и долгое время держали его под своей властью, но албанского государства там никогда не было. Сербы здесь жили с незапамятных времен, а албанцы начали селиться только в середине XI века. Косово – это сердце сербской истории, традиций и духовности. Албанцы, конечно, имеют право жить в Косово, но не имеют права на эту территорию¹⁸⁸.

Аргумент о том, что Совет Безопасности не занял позицию, согласно которой провозглашение независимости Косово было связано с незаконным применением силы, не серьезен. Мера законности чего-либо заключается не в том, была ли применена сила или нет, а в том, есть ли правовая основа, то есть происходит ли нарушение прав. Таким образом, например, самооборона предполагает применение силы, но она законна. Напротив, когда карманник незаметно вытаскивает кошелек жертвы или когда киберпреступник тайно

¹⁸⁷ Christakis Theodore. The ICJ Advisory Opinion on Kosovo: Has International Law Something to Say about Secession? // *Leiden Journal of International Law*. № 12. 2011. С. 83–84.

¹⁸⁸ Впрочем, и само многовековое название этой территории – сербского происхождения. В приближенном переводе с сербского «Косово» означает «земля черных дроздов» (серб. *кос* – черный дрозд). В албанском же слово «Косово» не имеет абсолютно никакого значения. Более того, у албанцев нет подходящего слова для обозначения черного дрозда.

снимает средства со счета, сила не применяется, но это, несомненно, не только незаконное действие, но и преступление – по всем стандартам, во всех правовых системах и во всех культурах.

Однако утверждение о том, что отделение в данном конкретном случае было проведено ненасильственным путем, также не соответствует действительности! Албанская сторона применяла силу, годами совершая террористические акты, а затем во время агрессии НАТО, сражаясь против сил СР Югославии, то есть Сербии. Единственная причина, по которой Декларация независимости не была принята в атмосфере вооруженного конфликта, заключалась в том, что в то время Косово в течение десяти лет находилось под оккупацией сил НАТО, то есть военных союзников местных албанцев. Мало того, что незаконная сила была применена против Сербии уже в 1999 году, албанцы совершали систематическое насилие против сербов и других неалбанцев в Косово до и во время агрессии НАТО 1999 года, во время принятия Декларации и в последующие годы, до наших дней¹⁸⁹.

Впрочем, даже если бы в то время имело место незаконное применение крупномасштабной силы, ясно, что Совет Безопасности не стал бы из-за этого оспаривать Декларацию независимости Косово. Это связано с тем, что 3 из 5 его постоянных членов всеми средствами помогали албанскому сепаратизму и участвовали в агрессии против СРЮ в 1999 году, что и позволило в одностороннем порядке объявить о сецессии. Это также причины, по которым тот же Совет даже не объявил нападение НАТО на Югославию агрессией, хотя это был его школьный пример.

¹⁸⁹ Только с 10 июня 1999 г. (после ухода армии и полиции Сербии, и прохода в Косово сил НАТО) до конца 2005 г. албанские экстремисты совершили 7 757 нападений, в результате чего 1 252 человека были убиты, 2 237 ранены и похищены 1 150 человек; разрушили или повредили 150 сербских церквей и монастырей, разрушили более 5 100 сербских надгробий, сожгли 30 000 и захватили 77 000 сербско-черногорских домов и квартир – и все это в присутствии многочисленных сил НАТО, в котором доминируют как раз те западные державы, которые были пропагандистами и, в конечном счете, борцами за независимость Косово. Гаџиновић Радослав. Косово и Метохија – изазови и одговори // Тирић Ј. (ур.). Космет – Гордијев чвор. Београд, 2008. Р. 21–51.

Наконец, Совет Безопасности – это политический орган, а не юридический. Он занимает позиции на основе компромиссов между представленными в нем странами, а это только 15 из 193 членов ООН. По чисто принципиальным причинам совершенно неприемлемо для юридического органа и, особенно, международного суда, оценивать согласие чего-либо с международным правом через призму позиции политического органа. Что бы мы сказали о национальном суде любой страны, который основывает свою оценку какого-то действия или ситуации на решениях правительства?

Когда дело доходит до того, что решения Резолюции 1244 (1999 г.) были сформулированы как временные с целью обеспечения стабильности, создания временной гражданской администрации, решения гуманитарных вопросов, организации строительства и реконструкции (Консультативное заключение Суда, п. 98), тут нет ничего спорного. Однако Резолюция была принята не для того, чтобы ее в какой-то момент растоптала в одностороннем порядке группа самозванцев, а для того, чтобы обеспечить успокоение ситуации и тем самым создать условия для окончательного решения, но не в одностороннем порядке, а по соглашению. В конце концов, в этом направлении говорит сам Суд (пп. 97–98). Наконец, Международный суд прямо заявляет, что временная администрация в Косово была создана для временного приостановления осуществления сербской власти, которая проистекает из ее продолжающегося суверенитета над территорией Косово (п. 98)¹⁹⁰. Другими словами, он сам признает, что это всего лишь временное ограничение власти Сербии над территорией, в отношении которой она давно и непрерывно осуществляет и сохраняет свой суверенитет.

Полностью необоснованной является интерпретация Международного суда о том, что Резолюция 1244 (1999) не мешала авторам Декларации независимости объявить о выходе из Сербии, поскольку они якобы находятся вне правового порядка, установленного ООН (Консультативное заключение, п. 118).

¹⁹⁰ Англ.: «*The interim administration in Kosovo was designed to suspend temporarily Serbia's exercise of its authority flowing from its continuing sovereignty over the territory of Kosovo*».

Это просто не соответствует действительности. Резолюция 1244 (1999) во многих местах прямо и косвенно указывает на то, что Косово является частью Сербии, а это значит, что попытка его сецессии не может быть законной. В дополнение ко всему уже сказанному, Резолюция:

1) подтверждает *суверенитет и территориальную целостность*¹⁹¹ Союзной Республики Югославии (преамбула, п. 10; Приложение 1, п. 6; Приложение 2, абз. 1, п. 8);

2) приветствует согласие СРЮ принять в Косово (следовательно, на территории под суверенитетом СРЮ, иначе зачем вообще было бы нужно упоминать это согласие) международное гражданское присутствие и присутствие по безопасности под эгидой ООН (п. 5);

3) уточняет, что во время временного международного управления в этой области народ Косово «сможет пользоваться существенной автономией *в рамках Союзной Республики Югославии*»¹⁹² (пункт 10; Приложение 2, абз. 1, п. 5);

4) отмечает необходимость того, чтобы Союзная Республика Югославия разрешила беспрепятственный доступ организациям по оказанию гуманитарной помощи в Косово и сотрудничала с такими организациями для обеспечения быстрой и эффективной доставки гуманитарной помощи (п. 12)¹⁹³;

5) предусматривает «значительную степень самоуправления для Косово», а не его независимость (Приложение 1, п. 6);

6) предусматривает возвращение в Косово «югославских и сербских военнослужащих», причем, среди прочего, прямо упоминает, что они будут нести службу на ключевых погранзаездах, что, несомненно представляет собой веское доказательство суверенитета СР Югославии, а тем самым и Сербии (Приложение 2, абз. 1, п. 6 и абз. 3).

¹⁹¹ Курсив мой. – Б.К.

¹⁹² Курсив мой. – Б.К.

¹⁹³ Доступ в Косово был возможен и через Албанию и Македонию, а также по воздуху. Таким образом, упоминание об этой необходимости и, в частности, необходимости сотрудничества СР Югославии еще раз подтверждает позицию о том, что Косово является частью СРЮ.

Ко всему вышесказанному следует добавить, что Сербия является правопреемником СР Югославии, которая упоминается в Резолюции, и что Косово, несомненно, было частью Сербии в то время (1999 год, когда международным юридическим лицом была СР Югославия).

Когда дело доходит до позиции Суда о том, что Резолюция 1244 применяется только к временным институтам Косово, так что авторы Декларации независимости, действовавшие вне этих институтов, не нарушали Резолюцию (пп. 118–121), это чистая ерунда. Такая аргументация наводит тень на деятельность Суда. Достаточно представить, что было бы, если бы в тот же день другая столь же неформальная группа заявила, что она хочет отменить всякую автономию и полное присоединение к центральной Сербии, а третья решила бы объединить Косово с Черногорией? Сказал бы Международный суд и тогда, что эти группы не нарушали Резолюцию 1244?

В дополнение ко всему вышесказанному, в адрес Консультативного заключения Международного суда могут быть высказаны и другие критические замечания, из которых здесь будут упомянуты лишь некоторые.

Во-первых, нет никаких сомнений в том, что Консультативное заключение осталось расплывчатым, а с другой стороны, спорным. В том смысле, что Суд избегал указывать на правовые последствия одностороннего провозглашения независимости Косово и, в частности, не ответил на вопрос, может ли Косово считаться государством. В этом отношении, если декларация независимости имела юридическую силу, остается вопрос, почему Суд прямо не сказал, что Косово является независимым государством?

В этом случае МС также столкнулся с другой аргументированной критикой. Среди прочего его справедливо обвиняют в том, что он не смог оправдать тот факт, что избегал определения таких категорий, как государственность, самоопределение народов и сецессия. Но ведь одна из главных функций консультативных выводов Суда заключается в том, чтобы пролить свет на недостаточно четкие институты и категории, чтобы проложить путь к объединению понимания и практики по важным юридическим вопросам. И все же, в данном случае Суд занял позицию, не уточняя, что имеется

в виду под важными терминами, четкое понимание которых необходимо для вынесения окончательной оценки.

Это некоторые из причин, по которым многие эксперты в области международного права из разных стран выразили серьезные замечания в отношении Консультативного заключения Суда по делу Косово, указав, что это был своего рода компромисс, достигнутый под влиянием политики, причем такой, который может нанести большой ущерб международному праву.

Немаловажно и то, что мнения самих судей, участвовавших в принятии Консультативного заключения, существенно различались. Об этом достаточно свидетельствует тот факт, что из 14 проголосовавших судей (решение было принято большинством 10:4) 9 сочли необходимым дистанцироваться от Заключения или отказались официально прокомментировать его – 2 судьи представили специальные заявления (декларации), 4 представили отдельное мнение и 3 представили особое мнение. По статистике две трети (64,3%) голосовавших судей имели необходимость публично высказаться дополнительным способом!

Своими индивидуальными высказываниями судьи, каждый за себя, выразили разные, даже противоречивые взгляды по отдельным вопросам. Это относится уже к первому вопросу – должен ли Суд принять или, наоборот, отказать в вынесении заключения¹⁹⁴, а также к возражениям, связанным с образом работы (возражение, что Суду следовало изучить проблему более глубоко, а не ограничиться указанием на то, что в международном праве нет прямого запрета на рассматриваемое действие), вплоть до выражения откровенного несогласия с принятым Консультативным заключением.

Объективно говоря, аргументы Суда неубедительны. С другой стороны, существует почти однозначное мнение, что таким подходом он ослабил важность принципа территориальной целостности государств и поднял ветер в паруса многочисленных сепаратистских движений по планете, создав своего рода «серую зону» или пространство для маневрирования и различных интерпретаций.

¹⁹⁴ Суд не обязан давать консультативные заключения – он может принять решение не отвечать на запрос.

4. Существенные моменты. Несмотря на все возражения, адресованные ему, если все сказанное в Консультативном заключении Суда пропустить через сито, хорошо промыть и очистить от лишнего, закрывающего обзор сущности, можно заметить, что даже в таком виде этот документ на самом деле, по сути, оспаривает законность сецессии Косово. Чтобы понять это, необходимо внимательно прочитать и интерпретировать Консультативное заключение в целом, а не только его отдельные части. Сошлемся лишь на некоторые, на наш взгляд, особо важные моменты.

Чрезвычайно важно понять, почему Суд пришел к выводу, что Декларация независимости Косово не нарушает международное право. По его словам, это потому, что речь идет о решении неформальной группы граждан. Действительно, такие группы могут провозглашать решения по чему угодно и обо всем, но, поскольку они не являются официальными органами, эти решения остаются за рамками вопросов, регулируемых международным правом. В зависимости от случая они могут обязывать членов группы (представлять какое-то соглашение между ними), но не имеют юридической силы для других субъектов (для них они *res inter alios acta*) и, в частности, не могут влиять на права государств, и таким образом ни в коем случае не могут вести к отделению государственных территорий. В этом отношении Суд справедливо приходит к выводу, что Декларация не противоречит международному праву. Это потому, что она для него просто не существует. Но – если ее не существует, она не только не может нарушать международное право, но и не может иметь никаких юридических последствий.

Напомним, что в самом вопросе, переданном на рассмотрение Суда Генеральной Ассамблеей ООН, упоминается одностороннее провозглашение независимости Косово *временными институтами самоуправления Косово*. В этом отношении, даже если бы по какой-то причине Декларация независимости действительно была принята Скупщиной Косово¹⁹⁵ (как указано в вопросе), остались бы все аргументы, выдвинутые нами против этого акта и оценки Международного суда о том, что этим не было нарушено международное право.

¹⁹⁵ Парламент Косово.

Однако сам Международный суд заявляет (пп. 76 и 107–109), что Декларация была принята не официальным временным институтом – Скупщиной Косово, а самопровозглашенной неформальной группой. Здесь не имеет значения, что почти все ее члены одновременно являются членами Скупщины Косово, потому что нигде в первоначальном тексте Декларации на албанском языке не упоминается, что это акт данного органа. Напротив, создатели этой прокламации определяют себя не как Скупщину Косово, а как «демократически избранные лидеры нашего народа». В конце концов, за Декларацию проголосовал и ее подписал президент Косово, который не был членом Скупщины Косово. Другими словами, это было внутреннее соглашение неформальной самопровозглашенной группы.

В Консультативном заключении справедливо отмечают и другие моменты, дополнительно подтверждающие сказанное: Декларация была прочитана и затем подписана присутствующими, то есть она не была принята в порядке, в котором принимаются акты Скупщины Косово; язык, использованный в оригинале Декларации на албанском языке, отличается от языка актов Скупщины Косово; Декларация не была опубликована в «Официальном вестнике временных институтов самоуправления в Косово»¹⁹⁶ и не была направлена Специальному представителю Генерального секретаря ООН и т. д.

И как ни странно, как раз тот факт, что лица, подписавшие Декларацию, действовали не в качестве одного из Временных институтов в пределах Конституционного порядка (Консультативное заключение, п. 109), а вне рамок временной администрации, является основной причиной, по которой Международный суд пришел к выводу, что принятие Декларации не нарушает международное право. Это потому, что международное право не регулирует, а тем самым и не запрещает решения неформальных групп.

Но если это уже так, значит Суд сам определил, что Декларация была принята некомпетентными лицами, точнее – самозванцами, которые собрались и без всяких на то полномочий проголосовали за что-то. Таким же образом они могли проголосовать за то, чтобы Приштина была столицей Техаса. Согласно этой логике, это решение

¹⁹⁶ Сборник нормативных актов, то есть ведомости Косово.

не противоречило бы международному праву, поскольку оно (как подчеркнул Суд) не препятствует неформальным группам принимать такие решения. И, строго говоря, проблем нет, пока не будет предпринята попытка реализовать решение, что (как в данном случае) несомненно представляет собой нарушение международного права.

Кроме того, Суд (п. 105) заключает, что авторы Декларации не действовали и не намеревались действовать в рамках возможностей института, созданного и уполномоченного действовать в рамках правового порядка, сформулированного Резолюцией 1244, но решили принять меры, действия и последствия которых выходят за рамки этого порядка. Это мнение Суда следует интерпретировать как его правильное замечание о том, что авторы Декларации:

- 1) не действовали как законный временный институт самоуправления, как это предусмотрено в Резолюции 1244;
- 2) вышли далеко за рамки полномочий органов самоуправления, определенных Резолюцией 1244;
- 3) сознательно и произвольно попирали основные решения Резолюции 1244, которые гарантируют суверенитет и территориальную целостность Сербии.

Все вышеизложенное однозначно приводит к выводу, что Декларация является нарушением Резолюции 1244. Напомним, данная резолюция была принята на основании главы VII Устава ООН, а значит, ее положения являются обязательными для всех¹⁹⁷.

Как будто всего этого было недостаточно, сам Суд отмечает (п. 106), что составители Декларации заявили о своем намерении узурпировать полномочия, принадлежащие исключительно Специальному представителю Генерального секретаря ООН, такие как: заключение соглашений с государствами и международными организациями по всем вопросам, связанным с Резолюцией 1244; контроль за выполнением обязательств по международным соглашениям, заключенным от имени МООНК¹⁹⁸; внешние связи, в том числе с государствами и международными организациями.

¹⁹⁷ Впрочем, это в п. 85 признается самим Судом.

¹⁹⁸ Сокр. от «Миссия Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово».

Мы также должны обратить внимание на упоминание в Декларации, что она была принята «*демократически избранными лидерами нашего народа*» и что она отражает «*волю нашего народа*» (в обоих случаях курсив мой. – Б.К.)¹⁹⁹. Дело в том, что речь идет о народе в единственном числе, то есть об албанском народе, а не во множественном числе – о лидерах и воле «наших народов» или хотя бы «населения Косово». Это указывает на открытую дискриминацию представителей других народов, проживающих в Косово, и уже само по себе является нарушением международного права.

Согласно вышесказанному, Консультативное заключение является доказательством того, что сам Суд занял позицию, согласно которой Декларация независимости Косово была принята самозванцами.

Чрезвычайно важно, что Международный суд в своем Консультативном заключении нигде не называл Косово государством. В этой связи в юридической литературе отмечается, что внимательное прочтение этого документа приводит к выводу, что Косово *не может* (подчеркнуто мною. – Б.К.) считаться независимым государством или государством-преемником и что в Консультативном заключении нет ничего, что могло бы поддержать Косовскую государственность²⁰⁰.

Хотя косовские албанцы и их наставники заявили, что Международный суд легализовал отделение Косово, это просто не так. Суд нигде не признал право косовских албанцев на отделение. Проще говоря, он просто заявил, что международное право не признает право на отделение, но и прямо не запрещает его. Хотя Суд не сказал, что Декларация независимости Косово представляет собой нарушение международного права, далее он релятивизировал ее значение, отметив, что это была всего лишь «попытка определить окончательный статус Косово» (п. 114/4). При этом он уклонился от рассмотрения сути проблемы – международно-правового статуса Косово – и вернул спорный вопрос Генеральной Ассамблее, предоставив ей самой право решать данную задачу.

¹⁹⁹ Пункт 75/1, англ. «*Democratically-elected leaders of our people*», «*This declaration reflects the will of our people*». Да се мислило на народе, у оба случаја стајало би: «our peoples».

²⁰⁰ Orakhelashvili Alexander. The International Court's Advisory Opinion on the UDI in Respect of Kosovo: Washing Away the «*Foam on the Tide of Time*» // Max Plank Yearbook of United Nations Law. Vol. 15. 2011. P. 104.

4. СОБЫТИЯ ПОСЛЕ КОНСУЛЬТАТИВНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА

1. Принятие в Российскую Федерацию Республики Крым

То, что принятие в Российскую Федерацию Республики Крым – в первую очередь вопрос политический, а не юридический, было на ладони еще в 2014 году, когда подавляющее большинство жителей Крыма на референдуме решили покинуть Украину. Это вызвало бурю протестов со стороны тех же стран, которые горячо помогали и поддерживали одностороннее провозглашение независимости Косово. Ведущие западные страны и их союзники отказались признать отделение Крыма и его присоединение к России, а некоторые из них из-за этого даже ввели жесткие санкции против России. И это при том, что Крым во многих отношениях имел несравненно больше прав на провозглашение независимости, чем Косово. Напомним лишь некоторые из самых основных моментов:

1) Косово – колыбель сербского народа, многовековой центр сербской государственности и духовности, который был временно отделен во время турецкого правления, но в результате Первой балканской войны (1912 г.) освобожден и возвращен. В момент принятия Декларации независимости Косово (2008 г.) он непрерывно был частью Сербии почти целое столетие.

С другой стороны, правящий лидер СССР Никита Хрущев, в 1954 году просто передал Крым от РСФСР УССР (обе тогда были союзными республиками СССР). Это был административный, недемократический акт правителя, а не результат референдума жителей местности²⁰¹. Официальное объяснение состояло в том, что это было сделано из-за связи между экономикой, территориальной близостью и тесными экономическими и культурными

²⁰¹ Формально передача Крыма была осуществлена на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 года, а затем подтверждена Законом СССР от 26 апреля 1954 года о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР, однако, как известно, это было, по сути, решение Хрущева. В частности, не было голосования на референдуме граждан СССР, России, Крыма или Украины.

связями между Крымом и Украиной. Многие аналитики с этим не согласны и утверждают, что причины совсем другие и только неясно, хотел ли Хрущев заручиться поддержкой украинской партийно-государственной бюрократии или просто пытался смыть личную ответственность за массовые репрессии на Украине 1930-х годов.

2) Крым отделился от Украины на основе референдума о статусе этой территории, на котором при явке в 83,1% большинство (96,77%) избирателей проголосовали за отделение от Украины и присоединение к России.

Напротив, решение об одностороннем провозглашении независимости Косово было принято неформальной группой косовских албанцев. Хотя реально, учитывая численное преобладание албанского населения, результат был бы таким же и если бы вопрос был вынесен на референдум, но те, кто стоял за Декларацией независимости, даже не постарались организовать его.

3) В Крыму голосовали не только русские, но и все жители этой территории. Для лучшего понимания, по данным последней переписи 2001 года, среди жителей Крыма (порядка 2 миллионов человек) русские составляли 58,3%, в то время как рядом с ними тут жили и украинцы (24,3%), крымские татары (12,1%), белорусы (1,4%), татары, армяне и др. Кроме того, известно, что количество русских в Крыму с 1991 года сокращается²⁰². Если сравнить эти данные с результатами референдума, следует, что за решение покинуть Украину проголосовало большое количество представителей других народов, а не только русские.

Напротив, декларация об одностороннем провозглашении независимости Косово была принята в ситуации, когда около 250 000 его жителей были изгнаны из Косово, в первую очередь сербы, но также и представители других народов. Если бы референдум был проведен, даже если бы все изгнанные проголосовали, они не смогли бы повлиять на окончательный результат, но факт остается

²⁰² По результатам проведенных в те годы переписей, русские составляли в Крыму в 1959 г. 71,4%, в 1979 г. – 68,9%, в 1989 г. – 67,1% и, наконец, в 2001 г. – всего 58,3%.

фактом: это также доказывает неправомерность одностороннего провозглашения независимости Косово.

4) Во время референдума в Крыму там присутствовала российская армия, которая была там раньше по договоренности между Россией и Украиной, но не принимала участия ни в каких боевых действиях. Фактически население приняло этих солдат как своих.

С другой стороны, отделение Косово – прямое следствие агрессии НАТО против Югославии. Более того, решение о провозглашении независимости было принято, когда южная сербская провинция была оккупирована войсками НАТО.

5) Референдум в Крыму прошел в полном порядке и мире. За ним следили 69 международных наблюдателей из 13 стран, которые не имели возражений.

Напротив, во время провозглашения независимости и даже сейчас, когда мы это пишем, в Косово царят насилие, организованная преступность, торговля людьми, наркотиками и оружием. Насилие в первую очередь направлено против сербов, но не редки случаи и столкновения между албанцами.

6) То, что произошло с Крымом, является прямым следствием насильственного свержения законно избранного правительства Украины (переворот 2014 года) и последующих конфликтов в этой стране. Если бы не неконституционный приход к власти агрессивных антироссийских элементов, вопрос о Крыме не поднимался бы, во всяком случае не ставился бы в такой форме. Присоединив Крым, Россия, среди прочего, защитила большинство русского населения этого полуострова.

Напротив, все, что произошло в Косово, является следствием сепаратизма и терроризма части албанского населения при поддержке некоторых западных держав.

7) Наконец, аргумент, не имеющий юридического значения, но зато с очень выраженным военно-политическим значением. Крым – огромный наземный авианосец. Если бы он не стал частью России, там были бы мощные силы НАТО, что серьезно поставило бы под угрозу безопасность России. Ни одна мировая держава не может позволить себе ничего подобного.

В случае с Косово, вместо сербской армии и полиции, его оккупировали силы НАТО, создав там свои базы, которые при необходимости легко могут заполнить новым (добавочным) персоналом.

Тем не менее, несмотря на различия, между Крымом и Косово существует определенная связь. Если бы не провозглашение в одностороннем порядке независимости Косово, референдума в Крыму не было бы. Кроме того, консультативное заключение Международного суда по поводу отделения Косово послужило аргументом в пользу независимости Крыма.

2. Другие случаи из современной практики

Одностороннее провозглашение независимости Косово и реакция на это некоторых государств (их признание Косово суверенным государством) открыли ящик Пандоры. Вспыхнули попытки различных сепаратизмов, которые годами были относительно скрыты.

Достаточно вспомнить лишь некоторые общеизвестные события, такие как референдумы об отделении Шотландии от Соединенного Королевства (2014 г.), Каталонии от Испании (2017 г.), Курдистана от Ирака (2017 г.) и других. Хотя эти попытки сецессии потерпели неудачу, был создан климат, который намного более благоприятен для тех, кто хочет отделить территорию от государства, которому она принадлежит.

С другой стороны, те же самые мировые центры, которые поддержали и позволили отделиться Косово, а затем официально признали это образование государством, категорически не позволяют населению Республики Сербской свободно заявлять в формате референдума, желает ли оно остаться в составе Боснии и Герцеговины или хочет чего-то другого. Таким образом, в то время как в случае Сербии и Косово силой был навязан отрыв части территории суверенного государства, причем в интересах не какого-либо народа, а национального меньшинства, в то же время в праве на самоопределение отказывается государствообразующему народу, признанно-

му таким самой конституцией страны²⁰³. Этого достаточно, чтобы понять, что мы имеем дело с политикой двойных стандартов, причем в ее самой грубой форме.

3. Случай архипелага Чагос

Среди различных ситуаций, касающихся реализации права на самоопределение, следует особо отметить Консультативное заключение Международного суда «Правовые последствия отделения архипелага Чагос от Маврикия в 1965 году»²⁰⁴. Для этого есть четыре причины:

1) Консультативное заключение было принято в период нового возрождения сепаратистских движений, затрагивающих интересы многих стран;

2) своими письменными объявлениями и комментариями к процедуре, предшествующей принятию Консультативного заключения, присоединилась даже 21 страна со всех пяти континентов;

3) в то время как Суд можно было справедливо критиковать за то, что в некоторых предыдущих делах ему не хватало смелости взяться за дело по существу проблемы, здесь он сам приступил к рассмотрению вопроса о самоопределении народа, хотя легко мог бы избежать этого и обосновать свое решение другими принципами и нормами международного права;

²⁰³ Наряду с ранее существовавшими в тот временной период так называемыми мусульманами (они сегодня называются боснийцами) и хорватами, сербский народ был одним из трех государствообразующих народов БиГ в то время, когда она была одной из республик в составе Югославии, что было определено ее Конституцией. И сегодня в рамках независимой БиГ в соответствии с Дейтонским мирным соглашением (1995 г.) и Конституцией БиГ существует международно признанная Республика Сербская как отдельное квазигосударственное образование. В конце концов, если в 1992 году международное сообщество признало право мусульман / боснийцев и хорватов на отделение от Югославии, оно должно было признать право боснийских сербов на самоопределение – остаться в остальной части Югославии, присоединиться к Сербии или создать свое новое государство.

²⁰⁴ Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965 // Advisory Opinion. 25 February 2019, www.icj-cij.org/files/case-related/169/169-20190225-01-00-EN.pdf.

4) Консультативное заключение было дано по запросу Генеральной Ассамблеи ООН (Резолюция 71/292, 2017 г.) всего 2 года назад – 25 февраля 2019 г., что делает его самым актуальным международным документом по этому вопросу.

Вопрос, поставленный Генеральной Ассамблеей, гласил: когда Маврикий получил независимость в 1968 году, завершился ли процесс его деколонизации в соответствии с международным правом? Хотя Чагос не упоминается в вопросе²⁰⁵, он касался именно него. Чагос был частью Маврикия до 1965 года, когда Великобритания отделила его от Маврикия, и остался в руках Британии как своего рода квазиколония даже после того, как Маврикий получил независимость в 1968 году. Особой проблемой является то, что в 1968–1973 гг. Великобритания насильственно переселила все население Чагоса (1 500–2 000 человек)²⁰⁶ на Сейшельские острова и Маврикий и разрешила Соединенным Штатам построить военную базу на острове Диего-Гарсия – самый большой остров архипелага Чагос. Таким образом, хотя об этом не было прямо сказано, вопрос по существу сводился к праву на самоопределение народа Маврикия²⁰⁷.

Как и можно было ожидать, Суд прояснил, что с точки зрения международного права процесс деколонизации Маврикия не закончен правоммерно; решил, что Соединенное Королевство обязано завершить процесс деколонизации архипелага Чагос как можно скорее, и постановил, что все государства-члены ООН обязаны сотру-

²⁰⁵ Архипелаг Чагос – это группа из 7 атоллов с примерно 60 тропическими островами. Является частью Британской территории в Индийском океане (одна из так называемых заморских территорий Соединенного Королевства) и находится на полпути между Африкой и Индонезией.

²⁰⁶ Речь идет о чагосанах, креольской этнической группе потомков африканских и малайских рабов, которая в XVII–XIX веках под руководством Ост-Индской компании использовалась для работы на плантациях кокоса и укропа.

²⁰⁷ В литературе восхваляется способ постановки вопроса, что сделало излишними дилеммы, которые возникли бы, если бы вопрос был задан иначе, а также момент, когда вопрос был задан (в то время, когда в свете случаев Каталонии, Крыма, Шотландии и др. и даже Британского Брексита возродились дебаты о праве народов на самоопределение). Klabbbers Jan. Shrinking Self-determination: The Chagos Opinion of the International Court of Justice // ESIL Reflections. № 2. 2019. P. 3–4.

ничать с ООН, чтобы завершить деколонизацию Маврикия²⁰⁸. Суд мог сделать это без упоминания права на самоопределение, только опираясь на ст. 73. Устав ООН и другие соответствующие правовые источники, в свете которых разделение Маврикия, сохранение квазиколониального господства над Чагосом и переселение его населения никоим образом не могут быть законными.

Однако Суд обратился к праву народа на самоопределение. Он сначала проанализировал применимое международное право, включая соответствующие соглашения, декларации и некоторые из своих собственных более ранних решений. Среди прочего он пришел к выводу, что, хотя Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам (1960 г.), когда была принята, формально имела характер рекомендации, она по существу отражала обычное право²⁰⁹. Затем Суд проанализировал функцию Генеральной Ассамблеи ООН в отношении деколонизации. Исходя из этого, он приступил к рассмотрению конкретного дела.

Суд установил, что деколонизация Маврикия не была проведена способом, соответствующим праву народов на самоопределение. Следовательно продолжение управления Соединенного Королевства над Чагос представляет собой незаконный акт, влекущий за собой ответственность этого государства, Соединенное Королевство обязано как можно скорее прекратить свое управление архипелагом Чагос и тем самым позволить Маврикию завершить деколонизацию своей территории в соответствии с правом народов на самоопределение. Условия, необходимые для обеспечения завершения деколонизации Маврикия, относятся к компетенции Генеральной Ассамблеи ООН в отношении ее функций, относящиеся к деколонизации. Поскольку уважение права на самоопределение является обязательством *erga omnes*, все государства имеют законный интерес в защите этого права²¹⁰.

²⁰⁸ Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965. Par. 183. P. 43–44.

²⁰⁹ Это важно отметить, потому что относительно часто можно услышать, что большинство существующих норм и принципов международного права в области права народов на самоопределение в большинстве своем не имеют обязательной силы.

²¹⁰ Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965. Par. 177–178. P. 42.

Отмечая, что Суд все-таки включил предохранительный клапан в пункт 144, когда предложил, что самоопределение, «как основное право человека, имеет широкую сферу применения», в литературе делается вывод о том, что Суд упривязал право на самоопределение к статусу самоуправляющейся территории и приравнял самоопределение к деколонизации, таким образом, возможен важный вывод, что ссылка на самоопределение невозможна в других, неколонизальных вопросах²¹¹.

В этой связи следует отметить, что отождествление права на самоопределение с деколонизацией имеет дополнительное преимущество, поскольку оно решает две давние проблемы: 1) личность обладателя права на самоопределение теперь ясна: это самоуправляющаяся территория и 2) стало ясным следствие самоопределения: самоопределение самоуправляющихся территорий в идеале будет реализовано в их независимости, если только они сами не решат присоединиться или интегрироваться с другим государством²¹².

Всего через 3 месяца после получения Консультативного заключения Генеральная Ассамблея ООН подавляющим большинством (116:6) приняла резолюцию, осуждающую британскую оккупацию Чагоса и призывающую Соединенное Королевство уйти с архипелага в течение 6 месяцев, чтобы обеспечить его возврат Маврикию.

Однако британские дипломаты заявили, что юридически необязательная резолюция не будет иметь практического значения²¹³. Таким образом, хотя и Консультативное заключение Международного суда, и резолюция Генеральной Ассамблеи недвусмысленно призывают их уйти из Чагоса и позволить жителям этого района реализовать свое право на самоопределение (включая возвращение на архипелаг и присоединение к Маврикию), британцы руководствуются только своими интересами и не собираются поступать в соответствии с рекомендациями.

²¹¹ Klabbers Jan. Указ. соч. С. 7.

²¹² Klabbers Jan. Указ. соч. С. 7–8.

²¹³ Bowcott Owen, Borger Julian. UK suffers crushing defeat in UN vote on Chagos Islands // Guardian. 22 May 2019. www.theguardian.com/world/2019/may/22/uk-suffers-crushing-defeat-un-vote-chagos-islands. 06.07.2020.

Оставляя в стороне вопрос, когда и каким образом будут выполнены выводы из Консультативного заключения и требования из указанной Резолюции Генассамблеи, здесь нас особенно интересуют два вывода, которые следуют из Консультативного заключения Международного суда по делу Чагос.

Из всего сказанного следует, что Суд:

1) по существу приравнял право народов на самоопределение к отделению;

2) сократил право народов на самоопределение до права народов, находящихся под управлением иностранного колониального правления.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если в связи с правом на самоопределение вообще можно достичь какого-либо согласия, так это лишь о том, что оно всегда разделяло людей, то есть что это принцип (следовательно, важное правило, которое как таковое является основой конкретных решений), который является одной из самых неясных и противоречивых норм международного права. Отчасти это представляет собой результат объективных трудностей, но в гораздо большей степени является следствием нежелания государств соглашаться касательно определения некоторых отношений и концепций, стараясь тем самым сбегать в как можно большей степени свое пространство для маневрирования.

С другой стороны, именно из-за этой недостаточной определенности и разного толкования право народов на самоопределение, хотя и гарантировано международным правом, на практике часто является причиной серьезных споров и конфликтов. Можно особо отметить, что признание на практике права на отделение в тех случаях, когда для этого нет никаких оснований, несомненно, когда этническое (национальное) меньшинство ссылается на это право, фактически представляет собой злоупотребление этим правом.

Мы уже указывали на то, что право на самоопределение можно рассматривать с разных сторон и что, хотя многие приравнивают

его к отделению, оно, строго говоря, не может быть сведено к нему. Более того, оно может означать прямо противоположное – право на самоопределение, но без права отделения (сецессии). На самом деле нам кажется, что правильнее всего было бы понимать это право именно как право, которое Уже, чем суверенитет, но шире, чем отделение, причем в зависимости от случая оно может включать или не включать его.

Однако если мы сосредоточимся на понимании права на самоопределение, которое подразумевает отделение, не должно быть споров о том, что после Второй мировой войны, когда право на самоопределение превратилось из политического принципа в правовой, все источники международного права четко указывают, что речь идет о праве народов, находящихся под силой, навязанным иностранным колониальным и аналогичным господством. Помимо этого, исключения эти же, как и многие другие международно-правовые источники, подтверждают строгий принцип нерушимости территориальной целостности государств.

Самый интересный и важный вопрос – принадлежит ли право на самоопределение этническим (национальным) меньшинствам. Мы считаем, что, если его понимать лишь как один из видов автономии, такое право может принадлежать упомянутым меньшинствам. Но даже и тогда оно ни в коем случае не включает в себя какого-либо право на отделение.

Можно заметить, что государства, руководствуясь собственными причинами и интересами, занимают разные, даже диаметрально противоположные позиции, в зависимости от того, кто и от кого пытается отделиться. Поэтому бывает, что некоторые не только признают конкретное отделение, но и оказывают давление на другие страны, чтобы они сделали то же самое, в то время как другие категорически отказываются подтвердить такое признание, даже если в других отношениях они проводят ту же внешнюю политику, что и страны, давшие признание. Примером могут служить члены Европейского союза, имеющие общую внешнюю политику, 25 из которых признали Косово как независимое государство, но 5 (Греция, Кипр, Румыния, Словакия и Испания) не признали его и не намерены сделать это.

Впрочем, государства иногда непоследовательны, когда дело касается их собственных позиций. Так, например, с конца 1960-х до 1998 года Великобритания вела настоящую небольшую войну, чтобы предотвратить отделение Северной Ирландии, но недавно она относительно легко согласилась на референдум о независимости Шотландии. С другой стороны, она является ярким сторонником независимости Косово, но яростно оспаривает право жителей Крыма присоединить его к России, точно так же, как ей не приходится в голову обеспечить осуществление права на самоопределение в случае Чагоса, несмотря на четкое Консультативное заключение Международного суда и прямые решения последующей резолюции Генеральной Ассамблеи ООН.

Не скажем ничего нового, если заметим, что право на самоопределение – это в первую очередь политическая, а уже потом юридическая проблема. Это особенно ясно на примере одностороннего провозглашения независимости Косово. С самого начала те, кто поощрял и поддерживал независимость Косово, настаивали на том, что это единственный случай, требующий особого решения и не способный создать прецедент для других подобных случаев. Среди прочего в ходе явно организованной кампании бывшие министры из 10 стран (США, Канада, Швеция, Австралия, Германия, Польша, Дания, Люксембург, Нидерланды и Франция) пришли к выводу, что «Косово – уникальная ситуация, требующая творческого решения. Она не может быть прецедентом для других неразрешенных конфликтов»²¹⁴.

Однако в случае с Косово нет ничего особенного, кроме того, что определенные мировые центры силы по политическим причинам поддержали сепаратистское движение албанцев и сделали все, чтобы дать им государство. В частности, не было никакого геноцида

²¹⁴ Former Foreign Ministers: «Kosovo must be independent» // The New York Times. – June 15, 2007, [nytimes.com/2007/06/15/opinion/15iht-edkosov.1.6153178.html](https://www.nytimes.com/2007/06/15/opinion/15iht-edkosov.1.6153178.html), 06.07.2020. Здесь слова «творческое решение», по всей вероятности, следует понимать как «произвольное» или «несвязанное правом». Это становится более ясным, если учесть, что 6 из этих 10 министров во главе с Мадлен Олбрайт (США) и Йошкой Фишер (Германия) выполняли свои функции как раз во время нападения НАТО на СРЮ и горячо отстаивали его – именно по случаю Косово. Было бы слишком много ожидать от них иную позицию.

косовских албанцев или чего-либо подобного. Реально в косовском случае есть только три особенности:

1. События в этом автономном крае Сербии послужили поводом для агрессии НАТО против СРЮ, преследовавшей стратегические цели. Вооруженное вмешательство, которое по словам бывшего госсекретаря США М. Олбрайт, «было незаконным, но правильным» тесно связано с приверженностью независимости Косово. С точки зрения тех внешних факторов, которые заступаются за него, создание нового государства должно оправдывать применение силы, которое к нему привело, потому что в противном случае вооруженные действия НАТО останутся такими, какими они были – школьным примером агрессии со всеми возникающими правовыми последствиями.

2. Другой особенностью является то, что одностороннее провозглашение независимости Косово является прямым следствием агрессии НАТО. Террористическая ОАК уже была распущена, и все нормализовалось, но затем последовала агрессия, которая обеспечила новое развитие событий.

3. Косово провозгласило независимость, находясь под международным управлением и контролем, а с другой стороны, под иностранной военной оккупацией. Речь идет о Миссии ООН по делам временной администрации в Косово (МООНК) с участием Международных сил по поддержанию мира (КФОР) под руководством НАТО. Таким образом, присутствие миссии ООН не помешало разделению Косово. С другой стороны, всем понятно, что без большой иностранной помощи сепаратистскому движению и без оккупации Косово войсками НАТО никакая декларация независимости не была бы принята, и даже если бы была принята, то не произвела бы никакие последствия. Мы имели бы дело с очередной кризисной ситуацией в мире, которая продлилась бы какое-то время и в конце концов разрешилась каким-то компромиссом. То есть развитие событий было таким, каким было только из-за грубейшего вмешательства ряда государств во внутренние дела СРЮ и Сербии. Однако вмешательство во внутренние дела других государств, особенно вооруженное вмешательство и тем более открытая агрессия, прямо запрещены современным международным правом. Принцип невмешательства является одним из основных принципов действующего

международного права, как и запрещение применения силы в международных отношениях, а преступление агрессии является одним из наиболее серьезных международных преступлений. Таким образом, провозглашение независимости Косово явилось грубейшим нарушением ряда норм и принципов международного права. Однако римляне оставили нам правило, согласно которому то, что является недействительным (незаконным) с самого начала, не может быть усилено с течением времени (лат. – *Quod ab initio vitiosum est, non potest tractu tempore convalescere*). Без согласия Сербии Косово никогда не приобретет полную международно-правовую субъективность и не вступит в члены ООН и других важных международных организаций. Время работает не в пользу признания Косово как государства, а против этого, о чем среди прочего свидетельствует постоянный рост числа государств, которые, однажды признав Косово, затем отказались от этого²¹⁵.

Хотя каждый случай индивидуален, в случае с Косово нет ничего принципиально особенного. Следовательно, если допустить, что по воле национального меньшинства, составляющего в нем большинство населения, Косово может отделиться от государства, которому оно принадлежит, нет причин, по которым подобная логика не применима в других подобных случаях, которых в мире бесчисленное количество.

Все всё лучше понимают. Отсюда и консультативное заключение Международного суда от 2019 года, в котором право на самоопределение фактически приравнивается к деколонизации. Отсюда и так много отказов от признания Косово, свидетельствующих о том, что все больше стран осознают суть проблемы и вытекающие из нее негативные последствия. Тенденция отказа от признания Косово, которая продолжается, является убедительным доказательством этого, так как нелегко убедить кого-то принять определенное решение, но несравненно труднее убедить его отменить это решение и, таким образом, публично признать свою неправоту.

²¹⁵ К настоящему времени 18 стран, которые в какой-то момент признали Косово, затем отказались от этого. Спустя 13 лет после провозглашения Декларации независимости Косово признано 96 членами ООН, но не признано оставшимися 97 членами, включая Россию, Китай и т. д.

Контрольные вопросы

1. Каково историческое развитие права на самоопределение до Второй мировой войны?
2. Каково историческое развитие права на самоопределение после Второй мировой войны?
3. Что такое суверенитет и какое отношение он имеет к праву на самоопределение?
4. Как определяется народ в отношении права на самоопределение?
5. Что такое право на самоопределение в широком и узком смысле?
6. В чем иногда связь статуса федеральных и автономных единиц и права на самоопределение?
7. Кто такие народы под насильственно навязанным иностранным колониальным и подобным господством и какова их связь с правом народа на самоопределение?
8. Какое отношение коренные народы имеют к праву на самоопределение?
9. Принадлежит ли право на самоопределение этническим (национальным) меньшинствам?
10. Что такое сецессия (отделение) и какие формы она может принимать?
11. Как международное право гарантирует и защищает территориальную целостность государств?
12. Что такое незаконное (фактическое) отделение?
13. Каковы наиболее важные моменты в отношении одностороннего провозглашения независимости Косово и Консультативного заключения Международного суда по этому поводу?
14. В чем сходство и различие между отделением Косово и присоединением Крыма к России?
15. Каковы наиболее важные моменты, связанные с консультативным заключением Трибунала по архипелагу Чагос?
16. Кому и в каких рамках международное право признает право на самоопределение до отделения?

Глава VI. РОЛЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

1. ВКЛАД ООН В РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Организация Объединенных Наций была создана 26 июня 1945 г. представителями 50 стран, подписавшими на конференции в Сан-Франциско Устав ООН. Во время подписания Устава Вторая мировая война еще не завершилась²¹⁶. Можно с уверенностью сказать, что ООН является результатом Второй мировой войны и тех отношений, которые сложились в мире во время войны и сразу после ее окончания.

Основные цели ООН определены в ст. 1 Устава ООН:

1) поддерживать международный мир и безопасность и разрешать мирными средствами международные споры и ситуации, которые могут привести к нарушению мира;

2) развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов;

3) осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера, поощрять и развивать уважение к правам человека и основным свободам для всех независимо от расы, пола, языка и религии;

4) быть центром для согласования действий наций в достижении этих общих целей.

Возникает вопрос, последовательно ли ООН добивалась этих целей, и выполнила ли она полностью ту роль, которая ей отводилась в 1945 году?

²¹⁶ Германия капитулировала 9 мая 1945 г., но война завершилась лишь после капитуляции Японии 2 сентября 1945 г.

В целом нет никаких сомнений в том, что ООН сыграла очень позитивную роль. Возможно, ее вклад мог бы быть более значительным, но совершенно очевидно, что без нее мир уже давно столкнулся бы с более серьезными проблемами, и неизвестно, смог бы он найти лучшие решения, чем те, которые были достигнуты в рамках ООН или благодаря усилиям ООН и ее механизмам. В настоящем учебнике будут упомянуты только несколько сфер, в которых ООН особенно активна и успешна.

1. Сохранение мира

Хотя ООН задумывалась как международный центр обеспечения мира, как действительно эффективная система коллективной безопасности, во многих случаях она не смогла ни обеспечить мир, ни воспрепятствовать агрессору, ни ввести санкции против агрессора. Впрочем, тот факт, что в вооруженных конфликтах с момента основания ООН в 1945 г. и по сей день погибло от 70 до 170 миллионов человек, говорит сам за себя²¹⁷.

В связи с этим можно отметить, что легко критиковать ООН и ее работу, в частности, в области обеспечения мира. Следует, однако, быть честными и признать, что если ООН в чем-то и не оправдала надежд, так это потому, что этого хотели влиятельные державы, которые не смогли договориться о совместных действиях.

Кроме того, хотя Организации Объединенных Наций действительно не всегда удавалось преодолеть свое бессилие и предотвратить все международные кризисы и конфликты, нет никаких сомнений в том, что во многих случаях своим вмешательством, организацией миротворческих миссий и иным образом она предотвратила вспышку или эскалацию конфликта. Не нужно забывать, что многие споры были решены не только в Совете Безопасности или Генеральной Ассамблее, но и в Международном суде, главном

²¹⁷ Хотя Устав ООН (ст. 2/1/4) запрещает применение не только силы, но и угрозы силой в международных отношениях, а агрессия была объявлена международным преступлением, считается, что за время существования ООН, с 1945 г. по настоящее время, произошло от 250 до 600 вооруженных конфликтов!

судебном органе ООН, или просто благодаря какой-либо иной форме содействия ООН, в том числе путем посредничества, примирения, арбитража и т. п., осуществляемых Генеральным секретарем ООН.

2. Сотрудничество в других областях

Не менее важным является тот факт, что ООН внесла свой вклад в развитие экономического, культурного, научного и другого сотрудничества между государствами (в том числе благодаря деятельности специализированных агентств ООН и других учреждений, программ и органов, входящих в систему ООН), сыграла чрезвычайно важную роль в процессе деколонизации, в борьбе за права и свободы человека по всему земному шару.

Помимо прочего ООН была и остается международным центром, который прямо или косвенно принимает активное участие в решении затянувшихся проблем и острых кризисов в борьбе с нехваткой питьевой воды, голодом и нищетой, эпидемиями и другими болезнями; в повышении уровня образования и культуры; в защите и оказании конкретной помощи жертвам вооруженных конфликтов, стихийных бедствий, беженцам, вынужденным переселенцам, детям, женщинам, коренным народам и т. п.; в усилиях, направленных на разоружение; в развитии всех видов транспорта; в широком диапазоне программ и мер по защите и сохранению окружающей среды, включая борьбу с изменениями климата и их последствиями; в исследованиях и других действиях в области получения возобновляемых и доступных источников энергии и т. д.

Рассмотрение всех этих и других (неупомянутых) проблем и задач, относящихся к компетенции и сфере деятельности ООН, требует анализа всех предыдущих мероприятий ООН на протяжении всего ее существования и во всех областях. Охватить всё в рамках данной книги невозможно и не нужно. Вместо этого здесь будет кратко освещен лишь вклад ООН в деколонизацию и развитие международного права, а также рассмотрен вопрос об «экономической эффективности» всемирной организации (оправдывают ли достигнутые результаты средства, вложенные в нее).

3. Деколонизация

Незадолго до Второй мировой войны колониальные владения занимали 1/3 планеты, при этом на их территориях проживало около 1/4 мирового населения, а в 1945 г. население колоний составляло 675 миллионов человек!

После Второй мировой войны начался ускоренный процесс деколонизации, то есть освобождение колониальных владений от иностранного господства и эксплуатации, а также их преобразование в суверенные государства. В настоящее время он практически завершен, и большая заслуга в этом принадлежит Организации Объединенных Наций.

В результате этого процесса после 1945 г. появилось более 80 стран, насчитывающих около 750 миллионов жителей (около 10% населения планеты), которые тем самым реализовали свое право на самоопределение народов, признанное международным правом.

Получив независимость, новые государства, помимо всего прочего, стали членами ООН и ряда других международных организаций. Тем самым они, будучи наделенными теми же правами, что и другие страны, получили возможность участия в процессе принятия решений по важным вопросам в области международных отношений и международного права.

4. Вклад в развитие международного права

Наибольший вклад ООН заключается в полном запрете на применение силы и угрозы силой. Хотя на практике отдельные государства этот запрет безнаказанно нарушали. После принятия Устава ООН больше никто в международных отношениях не может открыто прибегать к силе. Даже самые большие мировые державы, которые по какой-либо причине прибегают к применению силы, всегда пытаются найти какие-то международно-правовые аргументы в защиту своих действий²¹⁸.

²¹⁸ Чаще всего с этой целью принудительные меры пытаются оправдать, ссылаясь на мнимую необходимость и допустимость гуманитарной интервенции, то есть на право так называемой превентивной самозащиты.

С точки зрения международного права особое значение имеет тот факт, что в рамках ООН было подготовлено и принято большое число важных международных документов²¹⁹, именно под эгидой ООН были приняты многие многосторонние международные договоры, кодифицирующие соответствующие области международного права²²⁰. Без них международное право не было бы таким, каким мы его знаем сегодня.

Между тем, и это часто не принимают во внимание, даже внутреннее право государств без указанных документов не было бы таким, какое оно есть!

Достаточно упомянуть лишь Всеобщую декларацию прав человека (1948 г.), принятую Генеральной Ассамблеей ООН. Хотя первоначально она была оформлена как политико-правовой документ, фактически, без какой-либо юридической обязательной силы, ее решения со временем переросли в общее международное обычное право, что означает, что они являются обязательными для всех государств. Кроме того, конституции многих государств или прямо ссылаются на Всеобщую декларацию прав человека, или повторяют ее положения. Это лишь один из немногих примеров, которые можно привести. Влияние международного права, как разработанного, так и разрабатываемого в рамках ООН, на внутреннее право государств с каждым днем усиливается и ведет к все более выраженной унификации во многих областях общественных отношений.

5. Финансовые вопросы

Несмотря на частые обвинения в расточительстве, Организация Объединенных Наций тратит относительно небольшие средства, а делает достаточно много.

²¹⁹ Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), Декларация ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам (1960 г.), Декларация ООН о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (1970 г.), Определение агрессии (1974 г.) и др.

²²⁰ Венская конвенция о дипломатических сношениях (1961 г.), Венская конвенция о консульских сношениях (1963 г.), Международные пакты о правах человека (1966 г.), Венская конвенция о праве международных договоров (1969 г.), Конвенция ООН по морскому праву (1982 г.), договоры из области космического права и т. д.

Генеральная Ассамблея 23 декабря 2015 г. утвердила ориентировочный регулярный двухгодичный бюджет ООН на 2016–2017 гг. в размере 5 401 794 400 долларов США, кроме того на этот же период предусмотрен Фонд оборотных средств в размере 150 миллионов долларов²²¹.

Если к регулярному двухгодичному бюджету добавить средства из Фонда и все поделить на 7,5 миллиардов (такова по некоторым оценкам численность *населения Земли*), в результате получим, что расходы ООН составляют около 0,72 доллара на душу населения планеты, и это на два года.

Эти расчеты также подтверждаются следующими вычислениями: если сложить регулярный бюджет ООН за 2016 г., который немногим меньше 2,549 миллиардов долларов²²², и 75 миллионов долларов, составляющих Фонд оборотных средств, а затем эту сумму разделить на 7,4 миллиарда жителей Земли, то в результате получится, что страны в 2016 г. финансировали регулярный бюджет и Фонд ООН из расчета всего лишь около 0,354 доллара на душу населения планеты.

Конечно, это не единственные расходы, но и не единственные доходы ООН²²³. Помимо всего прочего, в бюджете на 2015–2016 г. на операции по поддержанию мира было выделено 8,276 миллиардов долларов²²⁴.

Между тем здесь не рассматривается тема финансов ООН как таковая, нашей целью было показать только то, что ООН действи-

²²¹ Programme budget for the biennium 2016–2017, A/RES/70/249, un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/249; Working Capital Fund for the biennium 2016–2017, A/RES/70/251, un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/251

²²² Assessment of Member States' advances to the Working Capital Fund for the biennium 2016–2017 and contributions to the United Nations regular budget for 2016, Secretariat, ST/ADM/SER.B/932. 28 December 2015. un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=ST/ADM/SER.B/932

²²³ List of documents relating to the proposed programme budget for the biennium 2016–2017, General Assembly of the United Nations, Administrative and Budgetary – Fifth Committee. un.org/en/ga/fifth/70/ppb1617sg.shtml.

²²⁴ Approved resources for peacekeeping operations for the period from 1 July 2015 to 30 June 2016, General Assembly, Fifth Committee, A/C.5/69/24. 26 June 2015. un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/C.5/69/24

тельно оправдывает средства, которые государства-члены регулярно выделяют на ее финансирование.

Впрочем, отбросив все лишнее, если ООН в состоянии предотвратить хотя бы один вооруженный конфликт, и не в год, а в течение более продолжительного периода времени, то это полностью оправдывает ее существование. Даже если оставить в стороне все материальные потери, вызванные разрушениями, уничтожением инфраструктуры, сокращением объемов производства и т. д., то человеческие жертвы нельзя возместить. ООН ведет работу не только по предотвращению вооруженных столкновений, разрешению конфликтов и обеспечению мира. Ее роль во всех сферах международных отношений и международного сотрудничества также трудно переоценить.

С другой стороны, сумма, которая тратится на работу ООН, мала по сравнению с бюджетами большинства стран, особенно по сравнению с огромными расходами на вооружение. Достаточно отметить, что согласно данным исследований, проведенных *Стокгольмским международным институтом исследований проблем мира*, в 2014 г. на военный бюджет во всем мире было потрачено 1,776 миллиардов долларов²²⁵. Если считать, что в то время в мире насчитывалось 7,2 миллиарда человек, то получается, что на эти цели было потрачено в среднем около 246,6 долларов на каждого жителя планеты. Это почти в 677 раз больше, чем на регулярное финансирование ООН в 2016 г.!

Если брать более современные данные, ситуация впечатляет еще больше. В 2019 г. общие военные расходы в мире составили 1,917 миллиарда долларов США²²⁶. Имея в виду, что в тот год в мире проживало около 7,65 миллиарда человек, это означает, что в среднем на душу населения планеты было потрачено 250,58 долларов на военные нужды. При этом регулярный двухгодичный бюджет ООН на 2018–2019 гг. составил 5,4 миллиарда долларов²²⁷, значит в 2019 г.

²²⁵ Perlo-Freeman Sam et. al. Trends in World Military Expenditure, 2014 // SIPRI, Fact Sheet. April 2015. P. 1. books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1504.pdf

²²⁶ Tian Nan et. al. Trends in World Military Expenditure, 2019 // SIPRI, Fact Sheet. April 2020. P. 1. www.sipri.org/sites/default/files/2020-04/fs_2020_04_milex_0_0.pdf

²²⁷ UN Budget for 2018–2019. https://unicwash.org/budget_2018-19/

потрачена половина этой суммы (2,7 миллиардов), следовательно, в 2019 г. на регулярное финансирование ООН было потрачено около 0,352 доллара на душу населения. С другой стороны, сравнивая расходы на вооружение и расходы на финансирование ООН в 2019 г. на каждого жителя планеты (250,58 долларов: 0,35 долларов) получаем, что военные расходы были выше более чем в 711,87 раз.

Впрочем, даже если принять во внимание сумму 2019 г., отведенную для операций ООН по поддержанию мира с 01.07.2019 г. по 30.06.2020 г. (чуть меньше 6,52 миллиардов долларов²²⁸), и сравнить ее с военными расходами в мире в 2019 г. (1917 миллиардов долларов), то получается, что она составляет всего лишь 0,340%. При этом не следует забывать, что речь идет не о расходах на ведение войны, то есть подготовку к войне, а о затратах на миротворческие операции для прекращения и предотвращения вооруженных конфликтов. Другими словами, если бы не было никаких войн, а значит и операций по поддержанию мира, то и все расходы ООН были бы намного меньше.

2. НЕОБХОДИМОСТЬ РЕФОРМЫ ООН

Исходя из вышесказанного, ООН во многом выполнила свое предназначение. И все же в ее адрес справедливо звучат определенные упреки. Мы упомянем лишь некоторые из них.

1. Поддержание международного мира

Хотя Организация Объединенных Наций и добилась некоторых несомненных успехов, она все-таки не оправдала тех надежд, которые возлагались на нее в деле поддержания и обеспечения международного мира и безопасности.

В первые четыре десятилетия существования Совета Безопасности ООН его работу в качестве международного органа, который

²²⁸ Approved resources for peacekeeping operations for the period from 1 July 2019 to 30 June 2020. <https://digitalibrary.un.org/record/3812142>

несет основную ответственность за сохранение мира и безопасности, часто блокировали конфронтации и споры между Востоком и Западом, характерные для отношений, которые не случайно были названы холодной войной. Казалось, что с ее уходом в прошлое, в самом начале 90-х годов прошлого века были созданы более благоприятные условия для принятия решений и своевременного реагирования в Совете Безопасности. К сожалению, даже после окончания холодной войны мир продолжал наблюдать, как некоторые государства грубо нарушают международное право. Случались и хрестоматийные примеры агрессии, которые ООН была не в состоянии ни предотвратить, ни санкционировать, а в некоторых случаях она не могла даже решительно и безоговорочно осудить агрессора.

Следует добавить, что изменился преобладающий характер столкновений. На смену межгосударственным приходят внутренние конфликты, которые становятся все более распространенными, кровавыми и сложными. Несмотря на то, что они являются причиной больших жертв и разрушений, создают потоки беженцев и т. п., а часто угрожают распространиться за пределы соответствующих государств и перерасти в международные вооруженные конфликты, в настоящее время, как правило, нет единой позиции относительно того, имеет ли право Организация Объединенных Наций вмешиваться в эти конфликты, а если да, то при каких именно условиях и как.

Другими словами, если реально посмотреть на вещи, деятельность ООН в рамках осуществления своей основной миссии – поддержание международного мира и безопасности, действительно нельзя назвать до конца эффективной. Для улучшения ситуации в этом отношении необходимо строгое соблюдение Устава ООН и закрепленных в нем принципов, а также, судя по всему, необходимы и какие-то новые решения и новые подходы.

2. Ставшие неактуальными решения

Организация Объединенных Наций создавалась в то время, когда Вторая мировая война еще не была завершена, и формировалась в свете ранее существовавшей реальности. С тех пор мир коренным образом изменился. Изменилось не только число государств –

членов ООН, которое увеличилось в четыре раза (с 50 государств-основателей в 1945 г. до 193 в 2017 г.), причем на сегодняшний день эта организация включает в себя практически все государства мира. Существенно изменились также и политические и другие условия.

Если основной задачей в 1945 г. было не допустить, чтобы страны, побежденные во Второй мировой войне, вновь поставили под угрозу мир во всем мире, то сегодня эти страны (в первую очередь Германия и Япония) являются одними из наиболее авторитетных членов ООН.

С другой стороны, мир в наше время сталкивается с новыми, иными вызовами, такими как международный терроризм, транснациональная организованная преступность, борьба за обеспечение последовательного соблюдения прав человека, проблемы защиты окружающей среды²²⁹.

Тем не менее, основные институциональные и другие решения остаются неизменными, а это значит, что им все труднее соответствовать требованиям нового времени и вызовам, которые оно несет с собой.

Так, например, Устав ООН ориентирован на межгосударственные конфликты. Сегодня, однако, все больше конфликтов возникает внутри государств, а одну из наибольших опасностей представляет международный терроризм, который, строго говоря, нельзя отнести ни к внутренним, ни к международным конфликтам.

В дополнение к этой общей констатации фактов можно указать на некоторые конкретные, изжившие себя решения. К ним относятся, например, положения о принудительных мерах против бывших вражеских государств (государств, которые во время Второй мировой войны являлись врагом любого из государств, подписавших Устав ООН)²³⁰, о неподпечных территориях, о самоуправляющихся территориях, о праве «вето» постоянных членов Совета Безопасности, о Военно-штабном комитете ООН и др.

²²⁹ Если человечество в результате своей небрежности и самонадеянности уничтожит условия для жизни на нашей планете, потеряют значение все результаты, достигнутые в области мирного урегулирования споров, разоружения, прав человека и т. д.

²³⁰ Статьи 53 и 107 Устава ООН.

С другой стороны, многие темы, которые годами находятся в фокусе внимания ООН, такие как предотвращение кризисных ситуаций, конкретные права человека и механизмы их защиты, охрана окружающей среды, вопросы народонаселения и т. д., недостаточно или совсем не представлены в Уставе.

Кроме того, со временем было создано множество международных организаций, органов, учреждений, фондов и программ в рамках системы ООН, функции которых дублируют друг друга, то есть не самым лучшим образом вписываются в унаследованную схему ООН. Вследствие этого ООН все чаще воспринимается как громоздкая неповоротливая система, которой все труднее эффективно управлять.

3. Дефицит демократии

Одним из конкретных упреков в адрес ООН, как, впрочем, и в адрес многих других международных организаций, является так называемый дефицит демократии, под которым подразумевается то, что эти организации, в особенности механизм избрания их органов и порядок принятия ими решений, недостаточно демократичны.

И на самом деле, следует отметить, что органы ООН не обладают необходимой демократической легитимностью, характерной для государственных органов и вытекающей из выборности. Напротив, представителей государств в ООН назначают правительства по своему собственному усмотрению.

Другими словами, избиратели в государствах – членах ООН принимают решения о составе своих национальных парламентов и, тем самым, по крайней мере, косвенно, о составе правительства (исполнительной власти) и избрании главы государства (там, где этот пост является выборным, а не наследуемым). Кроме того, если они недовольны их работой, при определенных условиях они могут добиться смены этих органов до истечения срока их полномочий (ропуск парламента, вынужденная отставка правительства, импичмент президента и т. п.).

Между тем, избиратели государств-членов никак не могут повлиять на то, кто будет представлять их страну в учреждениях и

органах ООН²³¹, а тем более на то, кто будет представлять другие страны.

Поскольку члены определенных органов ООН (например, ЭКОСОС) выбираются из числа представителей государств, граждане стран – членов ООН не могут оказать никакого влияния и на этот процесс, так как место в соответствующем органе или учреждении принадлежит государству и только его правительство определяет, кто будет его представлять. Наконец, граждане государств – членов ООН не имеют никакого влияния в выборах на высокие посты в ООН, например, на пост Генерального секретаря.

С другой стороны, вполне очевидно, что избиратели в государствах – членах ООН не имеют никакого механизма, с помощью которого они могли бы досрочно прекратить действие мандата одного из представителей своей страны в ООН, если будут недовольны его работой. Тем более они не могут сменить или отозвать лицо, которое, будучи кандидатом того государства, стало должностным лицом ООН²³².

К этому следует добавить тот факт, что в состав одного из двух наиболее важных органов ООН, Совета Безопасности, согласно Уставу всегда входят представители определенных стран (пять постоянных членов Совета), которые наряду с этим имеют и другие особые права (право «вето»).

²³¹ Речь идет о таких лицах, как посол соответствующего государства в ООН или в каком-либо специализированном агентстве, о члене определенного органа ООН и т. п., а не о ситуации, когда государство представляют (например, на очередном ежегодном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, какой-либо конференции и т. д.) высшие должностные лица, такие как глава государства, премьер-министр, министр иностранных дел и т. п. В современных демократических странах последние прямо или косвенно выбираются избирателями, а о большинстве первых широкой общественности в стране часто не известно ничего, даже имени.

²³² В принципе, граждане государств-членов, недовольные работой своего посла в ООН до такой степени, что готовы и способны по этой причине свергнуть правительство, а затем сформировать новое, которое отзовет посла, и на тот пост назначит другое лицо (на практике это почти невозможно, но, по крайней мере, теоретически можно представить), никак не смогут повлиять на мандат выбранного должностного лица ООН (например, Генерального секретаря), даже если он избран на эту должность в качестве кандидата от соответствующего государства.

Вполне возможно, что в будущем, особенно в связи с дальнейшим развитием техники и технологий, граждане мира смогут голосованием, своего рода «международным референдумом» (нажатием кнопки на своем устройстве) активно участвовать в принятии хотя бы самых важных решений в международной организации, как бы она не называлась, Организация Объединенных Наций или иначе. Но этот день еще далек. Вряд ли в обозримом будущем соответствующие существующие решения претерпят революционные изменения, даже если дело дойдет до кардинального реформирования ООН.

4. Бюрократизация и некоторые другие замечания

Организации Объединенных Наций ставят в вину и то, что она излишне бюрократизирована, что слишком далека от обычных граждан, что имеет чрезмерно сложные методы работы, что ее работа недостаточно прозрачна для мировой общественности, что один и тот же орган совмещает законодательные и исполнительные функции и т. п.

Надо признать, что многие из этих замечаний имеют под собой реальную основу.

Как и любой другой бюрократический механизм, а особенно механизм громоздкий и сложный, администрация ООН в значительной степени ориентирована на саму себя, свои потребности и интересы. В некотором смысле это отдельный мир, среда, в которой спустя определенное время можно потерять ощущение того, что реальная жизнь происходит вне стен главной штаб-квартиры на Ист-Ривер и других зданий ООН. Очень легко, особенно для тех, кто попадает сюда из бедных и неразвитых сообществ, вжиться в роль члена «кружка избранных», «мировой элиты» и т. п., даже если это не соответствует действительности.

Существует реальная опасность того, что хотя бы некоторые из должностных лиц и служащих ООН, особенно те, кто работает в одной из штаб-квартир ООН, находящихся далеко от страны, из которой он родом (гражданином которой является), начнут воспринимать свою работу в ООН как шанс, который ни в коем случае

нельзя упустить. В самом этом ничего плохо нет. Проблема возникает тогда, когда этот человек готов на различные уступки, чтобы сохранить или улучшить свое положение. Здесь, конечно, дело не в Организации, а в человеческой слабости, но проблема, в принципе, существует. Когда люди очень сильно в чем-то заинтересованы, всегда следует иметь в виду, что некоторые из них не смогут устоять перед искушением. Помимо всего прочего, коррупция может принимать различные формы, в том числе форму перспективы переизбрания на должность, обещания продлить контракт, продвижения по службе и т. п. Практика показывает, что иногда даже высокопоставленные должностные лица Организации были готовы, мягко говоря, на определенные компромиссы для того, чтобы сохранить свое очень привлекательное положение, то есть чтобы продолжить строить карьеру. К счастью, встречаются и совершенно противоположные примеры²³³.

Хотя ООН публикует поистине впечатляющее количество различных книг, справочников, журналов, других изданий, статей в Интернете и т. п., в которых широкой общественности разъясняются проблемы, которыми она занимается, способы, которые используются для решения этих проблем в рамках ООН или при помощи ООН, и т. д., среднестатистический гражданин до сих пор очень

²³³ Египтянин Бутрос Гали (Boutros Boutros-Ghali, 1922–2016 гг.), профессор международного права из Каира, занимал пост Генерального секретаря ООН с 1991 по 1996 г. Непосредственно перед его вступлением в должность и в период его пребывания в этой должности мир кардинально изменился в результате имевших место событий, таких как объединение Германии (1990 г.), роспуск Организации Варшавского договора (1991 г.), распад СССР (1991 г.), война против Ирака (1991 г.), войны в бывшей Югославии (1991–1995 гг.), геноцид в Руанде (1994 г.) и т. д. В эти трудные времена Гали старался выполнять функцию Генерального секретаря в соответствии с Уставом ООН, что значит независимо и не поддаваясь никакому давлению. Это стоило ему второго мандата. Хотя обычно по истечении срока то же лицо выбирается на должность Генерального секретаря и на следующие пять лет, Гали не получил в Совете Безопасности поддержку США, бывших в то время единственной сверхдержавой, а на его место в 1995 г. был избран Кофи Аннан. На протяжении всей истории ООН Гали был единственным Генеральным секретарем, который не был избран на второй срок. Однако, учитывая обстоятельства, это никоим образом не подорвало его репутацию. Напротив.

мало знает об этой организации²³⁴. С одной стороны, в этом, действительно, нет вины ООН и ее аппарата, она не может навязывать себя миру. Однако также верно и то, что работа ООН не всегда достаточно прозрачна для мировой общественности²³⁵.

По сути, нельзя так легко отместить и другие упреки в адрес ООН, как например, замечания по поводу того, что ее работа слишком усложнена. Этот факт, в частности, обусловлен большим числом органов и учреждений, часто встречающимся дублированием полномочий, излишне *сложными правилами процедур* т. п. В результате процесс принятия решений занимает слишком много времени, обходится слишком дорого и т. п.

Следующий факт хотя и выходит за рамки упомянутых проблем, но все-таки находится в тесной связи с ними, в частности с дублированием полномочий, а именно: два высших органа ООН сами себе делегировали полномочия, которые им, согласно Уставу, не присущи.

Дело в том, что за несколько последних десятилетий Совет Безопасности, хотя и являлся исполнительным органом, «присвоил» себе некоторые из законодательных функций, в то время как Генеральная Ассамблея, которая формально является законодательным органом, еще в 1950 г. на основании Резолюции «Единство в пользу мира» сама себя наделила правом при определенных условиях брать на себя функции Совета Безопасности, выступающего в качестве исполнительного органа.

²³⁴ В связи с этим достаточно отметить, что вряд ли хотя бы 5% случайных прохожих, и это не в какой-то отдаленной стране, находящейся на периферии мировых событий, но в наиболее развитых странах, да и в самом Нью-Йорке, где находится главная штаб-квартира ООН, смогли бы назвать шесть главных органов ООН. В такой ситуации становится ясно, что среднестатистический человек, даже тот, кто считает себя образованным и хорошо информированным, в принципе, имеет лишь смутное представление о том, что в действительности представляет собой ООН, чем именно она занимается, и как она это делает.

²³⁵ Заинтересованные могут узнать из отчетов и публикаций ООН о том, какие решения принимались, ознакомиться с их содержанием, найти различные статистические данные и т. п., но не могут получить достаточно сведений о том, почему было принято соответствующее решение, почему была отклонена та или иная инициатива, какие достигнутые договоренности не были представлены вниманию общественности и т. д.

Эти отклонения от буквы Устава ООН не только дополнительно усложнили разделение полномочий и отношения внутри Организации, но, в принципе, подготовили почву для подобных шагов и интерпретаций в будущем.

5. Финансовые проблемы

Одно из критических замечаний в адрес ООН, связанное с утверждением, что она превратилась в неестественно большой административный аппарат, в рассадник международной бюрократии, заключается в том, что ООН тратит огромные суммы, а в ответ делает слишком мало. А деньги на финансирование ООН продолжают поступать в первую очередь от государств-членов, которые ради этого жертвуют частью своего общественного богатства²³⁶.

Уже говорилось о том, что подобная критика в значительной степени не соответствует действительности.

Интерес здесь представляет проблема, которая заключается в том, что постоянно поднимается вопрос об установленных взносах отдельных стран.

²³⁶ Хотя средства финансирования поступают и из других источников (от пожертвований, продажи различных изданий и т. д.), важнейшим источником дохода ООН является регулярный бюджет. Он пополняется взносами государств-членов, установленными отдельно для каждой страны, выраженными в виде процентной доли от общего объема регулярного бюджета, с тем, что минимальный взнос члена не может быть менее 0,001%, а максимальный не должен превышать 22% бюджета. Взносы отдельных стран в регулярный бюджет с течением времени изменялись. В 2021 г. наибольшую долю имеют: 1) США – 22%; 2) Китай – 12,005%; 3) Япония – 8,564%; 4) Германия – 6,090%; 5) Великобритания – 4,567%; 6) Франция – 4,427%; 7) Италия – 3,307%; 8) Бразилия – 2,948%; 9) Канада – 2,734%; 10) Россия – 2,405%; 11) Южная Корея – 2,267%; 12) Австралия – 2,210%; 13) Испания – 2,146%; 14) Турция – 1,371%; 15) Голландия – 1,356%; 16) Мексика – 1,292%; 17) Саудовская Аравия – 1,172%; 18) Швейцария – 1,151% и т. д. Источник: Assessment of Member States' advances to the Working Capital Fund for 2021 and contributions to the United Nations regular budget for 2021, United Nations, Secretariat, ST/ADM/SER.B/1023. 7 January 2021. <https://undocs.org/en/ST/ADM/SER.B/1023>

Эти данные показывают, что первые 10 государств обеспечивают 66,642%, а все остальные члены (их 183) – 33,358% регулярного бюджета ООН, соответственно первые 15 государств обеспечивают 75,992%, а оставшиеся 178 государств – членов ООН – всего 24,008% бюджета.

Например, справедливо отмечают, что доля участия в финансировании ООН таких великих держав как Китай, Россия, Великобритания и Франция, которые помимо всего прочего являются постоянными членами Совета Безопасности, должна быть более значительной. В 2021 г. Великобритания (4,567%) занимает лишь 5-е, Франция (4,427%) – 6-е, а Россия (2,405%) – только 10-е место по шкале взносов государств-членов в регулярный бюджет Организации.

В связи с этим возникает вопрос: является ли оправданным тот факт, что общая доля участия четырех упомянутых постоянных членов Совета Безопасности (Китай, Россия, Великобритания и Франция) с особыми правами и вытекающим из них влиянием, в регулярном бюджете ООН составляет 23,399%, что только немного больше взноса США (22%), да и то из-за того, что взнос только Китая составляет 12,005%.

Раз уж говорим о Китае, хотя факт, что с 12,005% участия в финансировании ООН он в последнее время вырвался на второе место в этом списке, возникает вопрос, правильная ли это мера, так как речь идет о стране, где не только проживает каждый пятый житель планеты, но которая в то же время является и сильнейшей на данный момент экономикой мира.

Также необходимо отметить, что Япония (8,564%) и Германия (6,090%) находятся на 3-м и 4-м местах среди крупнейших финансистов ООН, опережая Великобританию и Францию, а тем более Россию, и все же не имеют никаких особых прав в ООН.

Впрочем, трудно ответить, почему, например, в 2021 г. доля участия Индии в финансировании ООН составляет только 0,834%, а Пакистана – 0,115%? Действительно, эти государства по некоторым показателям относятся к числу развивающихся стран, но также верно и то, что они имеют исключительно многочисленное население (Индия – более 1380, а Пакистан 220,9 миллионов человек, всего более 1,601 миллиардов или 20,9% населения планеты), оба государства являются ядерными державами, развивают свои космические программы, тратят огромные средства на вооружение²³⁷ и т. д.

²³⁷ В 2021 г. военные расходы одной только Индии составили 73,65 миллиардов долларов, причем по этим расходам Индия – на 3-м месте в мире, сразу после США и Китая (Россия, например, с 42,129 миллиардов долларов – только на 11-м месте в мире). Источник: Defense Spending by Country (2021). www.globalfirepower.com/defense-spending-budget.asp

Наконец, остается открытым вопрос: корректно ли, во-первых, по отношению к этому государству, а во-вторых, приемлемо ли это для самой ООН, что доля США в регулярном бюджете международной организации составляет целых 22%? Это бремя, скорее всего, слишком велико для одного государства, даже если оно претендует на роль мирового лидера. С другой стороны, так как речь идет о более чем 1/5 регулярного бюджета ООН, такое решение косвенно дает этой стране значительный неинституциональный контроль над тем, что происходит в Организации и даже над нормальной работой ООН вообще. В частности, путем угрозы отказа в своевременной и полной оплате членского взноса можно влиять на принятие или непринятие определенных решений в Генеральной Ассамблее (на практике, США на самом деле неоднократно воспользовались этой возможностью).

Существующий порядок финансирования ООН, который в значительной степени основывается на взносах государств-членов, установленных отдельно для каждого из них, судя по всему, изжил себя. Мало того, что остается открытым вопрос о правильном и справедливом распределении национальных долей, на практике случается, что некоторые страны не выплачивают своевременно свои долги, и что Организация не в состоянии принять в отношении них соответствующие меры, которые она, в принципе, имеет в своем арсенале (например, приостановление права голоса и других прав членов). Более того, как уже отмечено, случается, что отсрочивание уплаты взносов используется в качестве политического инструмента и, к сожалению, зачастую этот механизм воздействия на ООН оказывается достаточно эффективным.

В поисках возможных решений можно услышать различные идеи. Одни предлагают введение своего рода глобального (мирового) налога, другие выступают за введение такого налога, но только в определенных областях (сборы, связанные с охраной природы, налог на продажу оружия, алкоголя и пр.) и т. д. Государства пока противятся этой инициативе из-за боязни, что в случае принятия такого решения их политическое значение, а также влияние на ООН и ее работу значительно уменьшится.

6. Генеральная Ассамблея

В отношении Генеральной Ассамблеи, в принципе, существует три основные проблемы:

- 1) как сделать ее работу более динамичной и эффективной;
- 2) как усовершенствовать систему голосования;
- 3) что нужно сделать, чтобы решения этого органа имели больший вес, чтобы Ассамблея хотя бы в определенных областях взяла на себя своего рода законодательную роль.

Первый вопрос связан с тем, что численность членов ООН растет. Если каждый из почти 200 членов организации будет принимать участие в дебатах в течение, по крайней мере, нескольких минут, то каждое заседание превратится в утомительное собрание, и возникнет опасность забыть о первоначальной теме.

Вторая проблема более серьезная и связана с тем, что мы, вероятно, приближаемся к тому моменту, когда потребуются новые решения в отношении голосования в Генеральной Ассамблее, которые будут означать отход от принципа суверенного равенства государств-членов, то есть от системы «одно государство – один голос». Весьма вероятно, что рано или поздно будет принято какое-то иное решение, в котором будет учтена реальная роль каждого государства и которое будет базироваться на некоторых, заранее определенных, критериях или даже на их сочетании (численность населения, экономическая мощь и размер квоты на финансирование бюджета ООН, участие в миротворческих операциях и т. д.).

Трудно оценить, какое решение будет принято на практике: возможно, государства в зависимости от своих характеристик (численности населения, экономической мощи и т. п.) будут получать определенную «квоту голосов»; может быть, карликовые государства будут представлены в рамках конкретных групп. Возможно, таким образом будут представлены целые регионы.

В качестве одного из вероятных решений, касающихся процесса принятия важных резолюций в Генеральной Ассамблее ООН, упоминается идея голосования, проходящего в два тура. При этом в первом туре голосование проходило бы, как и раньше, согласно правилу «одно государство – один голос», а во втором туре –

по системе оценивания голосов с тем, что резолюция будет приниматься только тогда, когда в обоих турах будет получено две трети голосов²³⁸. Это могло бы стать одним из способов защиты интересов крупных государств, а также учета политической и любой другой реальности. Впрочем, в данный момент трудно добавить к этому что-либо еще.

И, наконец, с принятием новой сбалансированной системы голосования, которая бы отражала реальную роль отдельных стран, создались бы условия для преобразования Генеральной Ассамблеи в своего рода международный парламент с определенными законодательными полномочиями, то есть с правом принимать решения, имеющие обязательную силу²³⁹. Вместе с тем Ассамблея могла бы получить некоторые совершенно новые полномочия (например, контроль работы Совета Безопасности).

Впрочем, возможны и другие новые решения, одно из которых заключается в том, что однажды представители государств перестанут назначаться в Ассамблею правительствами государств-членов, а будут избираться в своих странах в ходе публичных и прямых выборов. Хотя сегодня эти прогнозы могут показаться слишком преждевременными, следует отметить тот факт, что события в мире развиваются все более стремительно, и то, для чего ранее требовались бы столетия или, по крайней мере, десятилетия, сегодня выполнимо в течение всего лишь нескольких лет.

7. Совет Безопасности

Хотя проблемы, с которыми сталкивается ООН, гораздо более сложные и разнообразные, хорошей иллюстрацией необходимости перемен может послужить Совет Безопасности.

²³⁸ Похожий механизм голосования уже существует в рамках Европейского союза (так называемое квалифицированное большинство).

²³⁹ Напомним, что если оставить в стороне несколько исключений (решение о бюджете ООН и действия по резолюции «Единство в пользу мира»), в настоящее время решения Генеральной Ассамблеи имеют большую морально-политическую силу, но, в общем, не имеют никакой юридически обязательной силы для государств-членов.

Существующий Совет Безопасности, который после окончания холодной войны стремится принимать решения не только по вопросам, входящим в круг его компетенции, но и по вопросам, которыми он вряд ли призван заниматься, не отвечает требованиям сегодняшнего дня, а тем более требованиям будущего. Совет Безопасности, как и сама Организация Объединенных Наций, был сформирован с учетом отношений, сложившихся на момент окончания Второй мировой войны, а ситуация в мире с тех пор радикально изменилась во всех отношениях. Сегодня Совет по праву упрекают не только в недемократичности, но часто и в неэффективности (из-за права «вето» постоянных членов), а также в том, что он не представляет международное сообщество (члены ООН) надлежащим образом.

Действительно, имеет ли Совет Безопасности моральное право представлять международное сообщество, если среди его постоянных членов нет ни одного государства из Африки и Латинской Америки, а многонаселенная Азия представлена лишь Китаем.

Или, если посмотреть с другой стороны, с точки зрения статистики, во время становления ООН в Совете Безопасности были представлены 11 из действовавших тогда 50 государств-членов, то есть 22% от общего числа членов. Сегодня ООН насчитывает 193 государства-члена, а в Совете заседают представители только 15 стран, что составляет 7,7% членов. Поскольку ООН основывается на принципе равноправия всех государств, возникает вопрос о том, вправе ли эти 7,7% государств-членов принимать решения, в том числе и судьбоносные, от имени всей организации? А значит, и от имени остальных 178 государств-членов?

Самое интересное, что для принятия решения по всем существенным вопросам достаточно согласия всего девяти членов Совета Безопасности. Это означает, что решение, обязательное для исполнения Организацией и всеми ее членами-участниками, могут принять 4,66% государств-членов ООН. Ключ к любому решению, в конечном счете, находится в руках пяти стран (постоянных членов Совета Безопасности), которые составляют лишь 2,59% всех членов ООН, и, кроме того, согласно Уставу, могут, используя свое право «вето», заблокировать любое решение. Как можно обеспечить

эффективное функционирование Совета Безопасности, если его может заблокировать голос одного из постоянных членов?

Кроме всего перечисленного, одной из наиболее важных проблем является способ преодоления сложившейся ситуации, в которой оказался Совет Безопасности, когда по существу он ни перед кем не отчитывается в своей работе. И, с другой стороны, как обеспечить транспарентность и контроль за легитимностью его работы? Одним из возможных решений могло бы стать введение права оспаривать определенные решения Совета Безопасности в Международном суде.

8. Международный суд

Хотя и создается впечатление, что он иногда поддается политическому давлению, Суд в значительной мере оправдал свою роль. Однако для того, чтобы окончательно навязать себя в качестве одного из основных путей для разрешения споров между странами, он должен претерпеть определенную реорганизацию. Это обусловлено не только тем, что сама Организация Объединенных Наций представляет собой концепт, который порядком изжил себя и требует адаптации к требованиям XXI в., но и основополагающими и практическими моментами, связанными с самим Судом.

Дело в том, что Суд оставался относительно замкнутым в границах, которые были установлены для него довольно давно. Кроме того, что он был создан еще в 1945 г., в основу его функционирования была заложена модель Постоянной палаты международного правосудия, устав которой был написан почти 100 лет назад (1920 г.) и, что важнее самого его «возраста», он появился в другом мировом сообществе, для других, по меньшей мере, нужд.

Между тем мир значительно изменился. В результате завершения процесса деколонизации, а также распада некоторых государств на сегодняшний день существует около 200 стран, это гораздо больше, чем их было в период между двумя мировыми войнами или в 1945 г., когда была основана Организация Объединенных Наций. Возросло и число международных организаций, как универсальных, так и региональных. Сегодняшний мир характеризуют

и некоторые другие важные моменты, такие как появление новых субъектов международного права; стремительные процессы глобализации; ослабление суверенитета государств; усиление роли международных организаций; более развитые формы международной экономической и иной интеграции, сопровождающиеся разделением мира по идеологическим, экономическим, культурным, религиозным и иным основаниям; международный терроризм; транснациональная организованная преступность; беспрецедентное развитие концепции прав человека; растущие проблемы, связанные с уничтожением или гибелью природы и т. д.

В связи с этим возникает вопрос, не пора ли Суду с учетом новых обстоятельств, сохраняя основные функции, открыть двери и для других субъектов международного права, в первую очередь для международных организаций, а не только для государств. В XXI в., когда, как ожидается, значение суверенитета государств продолжит уменьшаться, а роль других факторов на международной арене будет расти, нет никакой очевидной причины, почему Суд не мог бы разрешать и споры между государствами и международными организациями (например, между ООН и ее членами), между определенными международными организациями (например, между ООН и некоторыми специализированными агентствами ООН, между ООН и Европейским Союзом и т. д.), а, возможно, и между другими субъектами (крупными мультинациональными корпорациями, между такими компаниями и международными организациями и т. п.). Все это при условии, что речь идет о спорах, которые, по меньшей мере, частично можно отнести к области международного публичного права.

С другой стороны, как представляется, следует поощрять запросы на консультативные заключения Суда. В частности, Совет Безопасности (который до настоящего времени запрос о вынесении консультативного заключения направлял только один раз) чувствовал бы себя гораздо увереннее в отношении законности своих решений, если бы заранее получал подтверждение тому (в форме консультативного заключения) от главного судебного органа ООН. По сути, это могло бы стать своего рода превентивным судебным контролем работы этого органа. Естественно, что к этому следует прибегать

лишь тогда, когда речь идет об особо важных решениях (например, применение принудительных мер, толкование Устава ООН и т. п.), и когда это оправдано другими соответствующими причинами.

Многое указывает на то, что настало время обеспечить своего рода дополнительный контроль Суда за работой политических органов ООН и некоторых других международных организаций, носящих универсальный характер. В настоящий момент эти органы, в первую очередь Совет Безопасности (который состоит всего из 15 государств-членов), по существу, ни перед кем не отчитываются в своих решениях. На самом деле они являются результатом совпадения интересов основных заинтересованных сторон (влиятельных держав) и достигнутых политических компромиссов, что не означает, что они всегда являются законными с точки зрения международного права. Большая гарантия в этом направлении была бы достигнута, если бы недовольные стороны имели возможность оспорить соответствующие решения в Международном суде.

Следует добавить, что структура Суда (15 судей) по числу соответствует составу Совета Безопасности ООН. Если уже возникла мысль о расширении круга членов Совета Безопасности, не пора ли увеличить и число судей в Суде, ведь на то существует больше причин. Поскольку число рассматриваемых в суде дел постоянно растет, то большее число судей, среди прочего, будет способствовать и тому, что эти дела будут решаться гораздо быстрее, чем раньше²⁴⁰.

Эти и некоторые другие вопросы (например, как добиться беспрекословного выполнения решений Суда в каждом конкретном случае, даже если речь идет о постоянных членах Совета Безопасности; как урегулировать отношения между Судом и Международным уголовным судом, а также другими универсальными судами специальной юрисдикции и судами общей юрисдикции на региональном

²⁴⁰ Одним из возможных решений является то, что Суд может иметь, условно говоря, филиалы на всех континентах, которые бы занимались разрешением споров на региональном уровне. Эти суды были бы гораздо ближе к сторонам спора, расходы процесса были бы меньше, судьи бы лучше знали региональные и местные обычаи и т. д. Кроме того, это бы обеспечило две судебные инстанции, в том смысле, что недовольная сторона имела бы право подачи апелляции в Международный суд в Гааге.

уровне; нужно ли в рамках Суда открывать специализированные отделы для определенных видов споров и т. д.) должны решаться в рамках реформы ООН, которая частично уже проводится.

9. Генеральный секретарь

Реформа ООН дает хорошую возможность для конкретизации наиболее важных вопросов, связанных с Генеральным секретарем, которые недостаточно четко регулируются Уставом ООН. Это, в частности, касается квалификации кандидата на эту должность, конкретных полномочий и др.

10. Новые органы

Реформа обязательно должна затронуть и другие органы ООН. Следует не только пересмотреть целесообразность дальнейшего существования Совета по Опеке (по крайней мере, в том виде, как его в настоящий момент определяет Устав), но и рассмотреть идею о создании новых органов, чтобы некоторые из них могли войти в число главных органов ООН.

Лучшим примером служит Совет по правам человека, учрежденный Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 60/251 от 3 апреля 2006 г. вместо прежней Комиссии по правам человека. Если Комиссия была вспомогательным органом Экономического и Социального Совета (ЭКОСОС), то Совет является вспомогательным органом самой Генеральной Ассамблеи. Интересно, что существует идея однажды превратить Совет в независимый орган, вернее, в один из главных органов ООН. Впрочем, именно поэтому он назван советом, по аналогии с другими соответствующими главными органами ООН²⁴¹.

Учитывая усиление мировой интеграции и растущее значение вопроса прав человека, не следует исключать возможности того, что в рамках ООН относительно быстро будет создан специальный универсальный суд по правам человека. Он мог бы стать судом второй инстанции для региональных судов²⁴², он мог бы взять на себя

²⁴¹ Совет Безопасности, Экономический и Социальный Совет и Совет по Опеке.

²⁴² Европейский суд по правам человека, Межамериканский суд по правам человека, Африканский суд по правам человека и народов.

роль Административного суда ООН или других административных судов на универсальном уровне. Кроме того, его создание, безусловно, ускорило бы появление региональных международных судов по правам человека там, где они еще не созданы (Азия, Океания). И самое главное, уровень защиты прав, гарантированных международным правом в области прав человека значительно бы повысился, причем разными способами.

Важным шагом в развитии международного права стал Римский статут (1998 г.), учредивший первый в истории постоянный Международный уголовный суд. Хотя он и был создан в сотрудничестве с ООН, тем не менее, он является не частью системы ООН, а независимым международным органом, который сотрудничает с ООН в соответствии со специальным соглашением. Вполне естественно, что однажды, причем относительно скоро, и этот суд станет органом Организации Объединенных Наций.

Разумеется, могут появиться и другие важные органы. Помимо всего прочего, если ООН начнет более последовательно, активно и эффективно выполнять свою основную функцию по поддержанию международного мира и безопасности, то необходимо будет в рамках организации сформировать определенную постоянную военную структуру, которая займется военными вопросами²⁴³.

²⁴³ Даже сам Устав ООН предусматривает создание Военно-штабного комитета как консультативного и вспомогательного органа Совета Безопасности, состоящего из начальников генеральных штабов постоянных членов Совета Безопасности или их представителей. Устав (ст. 45–47) ставит перед Комитетом задачу давать советы и оказывать помощь Совету Безопасности по всем вопросам, относящимся к военным потребностям в деле поддержания международного мира и безопасности, к использованию войск, предоставленных в его распоряжение, и к командованию ими, а также к регулированию вооружений и к возможному разоружению. Ввиду политической напряженности в отношениях между влиятельными державами, возникшей сразу же после окончания Второй мировой войны, Комитет никогда не функционировал в подлинном смысле слова: первое заседание состоялось 3 февраля 1946 г., а в 1950 г. он уже прервал свою работу. Даже при наличии политической готовности к активированию этого органа его состав, конечно, не соответствовал бы отношениям, сложившимся в международном сообществе в начале XXI в., а, значит, и интересам государств – членов ООН или, по крайней мере, некоторых из них (Германии, Японии, Индии, Бразилии, Нигерии и др.).

11. Иные проблемы

Ко всему сказанному можно добавить большое количество других вопросов, например, как бороться с бюрократией, непотизмом и коррупцией, в чем иногда обвиняют аппарат Организации Объединенных Наций; как обеспечить своевременное и достаточно эффективное реагирование Организации Объединенных Наций на ситуации, угрожающие перерасти в конфликты, и на столкновения, которые уже произошли; как добиться того, чтобы санкции, введенные Советом Безопасности, применялись беспристрастно, но эффективно, затрагивая при этом правительство соответствующего государства, а не невинных граждан; не пора ли ООН углубить сотрудничество с региональными учреждениями, переложив при этом определенные обязанности на соответствующие региональные организации, такие как ОБСЕ и др.

Упомянутые проблемы достаточно хорошо иллюстрируют тот факт, что Организация Объединенных Наций находится на своего рода распутье. Хотя все согласны с тем, что что-то нужно менять, до сих пор нет общего представления по конкретным мерам и направлению трансформации международной организации.

3. ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ ООН

В начале XXI в. одним из ключевых является вопрос о том, какова будет роль Организации Объединенных Наций. Хотя нельзя исключать возможности исчезновения Организации как в результате появления другой международной организации, своего рода мирового правительства, так и в результате появления другого неожиданного решения, в любом случае, наиболее вероятно, что она сможет просуществовать, по крайней мере, еще некоторое время. В мире по-прежнему будет существовать потребность в общепризнанном центре принятия решений, а на данный момент единственным реальным кандидатом на эту роль выступает Организация Объединенных Наций.

Для того чтобы преуспеть в преодолении всех существующих и будущих вызовов, ООН должна будет предпринять серьезную и неотложную реформу. Осознание необходимости реформы существует уже на протяжении многих лет, и уже приняты некоторые меры по улучшению ее работы.

По инициативе Генеральных секретарей Бутрос-Гали и Кофи Аннана еще в 1992 и в 1996 гг. соответственно были предприняты шаги по улучшению работы ООН, которые не подразумевали внесения изменений в положения Устава: были приняты меры по консолидации организационной структуры ООН, уменьшению дублирования функций, сокращению администрации ООН, по реализации Декларации тысячелетия ООН; введена новая система сетевого взаимодействия; проведена ИТ-модернизация административного, бюджетного и кадрового подразделений; внедрена новая система оценки работы сотрудников; реорганизована служба логистики ООН; введена должность омбудсмена ООН (2001 г.); Комиссия по правам человека заменена Советом по правам человека (2006 г.) и т. д.

Очевидно, однако, что необходимы кардинальные изменения.

Здесь интересно отметить, что сразу же после своего назначения на пост Генерального секретаря Кофи Аннан определил пять основных задач ООН: 1) мир и безопасность; 2) экономика и социальные вопросы; 3) гуманитарные задачи; 4) развитие и 5) права человека. Выполнение этих задач он поручил различным отделениям Секретариата, а одну часть – специальным органам и программам. Для выполнения первых четырех задач были образованы исполнительные комитеты, а права человека определены как вопрос, который входит во все области. Некоторые отмечали, что тем самым была проведена «тихая революция», которая оставила в стороне Совет Безопасности. Таким образом, реформа Организации Объединенных Наций начата, но, по мнению многих, не реализуется с желаемой скоростью.

В докладе о реформе, принятом на Саммите тысячелетия (2000 г.), Генеральный секретарь был еще более конкретен, обозначив три стратегические цели, которые являются основой для обсуждения реформы: 1) программа развития (избавление от нужды);

2) программа безопасности (избавление от страха) и 3) экологическая программа (экологически ориентированное будущее).

В своем отчете за 2006 г. Кофи Аннан в очередной раз отметил, что нынешние правила, принятые 60 лет назад, устарели, поскольку регулируют работу организации в качестве конференц-трибуны, установленной в основном в штаб-квартире на Ист-Ривер (в Нью-Йорке), что не отвечает изменившейся реальности. В связи с этим в качестве приоритетов Организации Объединенных Наций в переходный для нее период, помимо всего прочего, он выделил следующие требования: усилить контроль за расходованием средств Организации; перевести некоторые службы из дорогого Нью-Йорка в более дешевые города других стран; расширить полномочия Генерального секретаря; модернизировать устаревшие технологии, провести дополнительное обучение персонала и повысить размер их оплаты труда; создать профессиональную команду миротворцев, насчитывающую 2 500 бойцов специального назначения, которые будут готовы в любой момент отправиться в глобальную горячую точку. Кроме того он уточнил, что после окончания холодной войны основным видом деятельности стали миротворческие миссии, гуманитарная помощь, сотрудничество в рамках национальных органов и контроль над соблюдением прав человека, так что на эти операции в настоящее время тратится 70% бюджета ООН²⁴⁴.

Эти предложения нашли поддержку у Европейского Союза, США и ряда других государств, которые требуют повысить эффективность ООН и сократить расходы. В противовес этому другие члены ООН (в первую очередь развивающиеся страны) выразили обеспокоенность тем, что предлагаемые меры могут привести к дальнейшей поляризации в Организации, в результате которой произойдет усиление роли сильнейших государств и в то же время дальнейшее ослабление позиций самых слабых членов.

²⁴⁴ Генеральный секретарь также отметил, что более половины от общего состава ООН, который насчитывает 30 000 сотрудников, находится где-то на местах, в то время как 80 000 миротворцев распределены в 16 глобальных горячих точках. См.: Investing in the United Nations: for a stronger Organization worldwide, Report of the Secretary General. A/60/692. 7 March 2006.

Новые горизонты открылись 31 мая 2011 г., когда бывший в то время Генеральным секретарем ООН Пан Ги Мун назначил Атула Харе (*Atul Khare*) из Индии руководителем направления по укреплению роли и эффективности деятельности ООН. Атул Харе возглавил специальную группу по управлению реформами (*Management Team Change*).

Все указывает на то, что, хотя никто и не оспаривает необходимость реформирования ООН, не так легко достичь консенсуса ни о направлении, ни о конкретных решениях. С другой стороны, очевидно, что реформа Организации Объединенных Наций является неизбежной. Каким темпом она будет осуществляться, в каком направлении будет развиваться и сможет ли удовлетворить интересы и желания всех или, по крайней мере, большинства из нынешних и будущих стран-членов (в том числе, конечно же, и самых сильных государств), покажет время.

Одной из проблем, стоящих на пути, является тот факт, что всеобъемлющая реформа, цель которой заключается в преодолении большинства из указанных проблем, может быть осуществлена только при внесении существенных изменений в Устав ООН. Однако в соответствии со ст. 108 и 109 Устава ООН, для внесения изменений необходимо, чтобы они были приняты двумя третями голосов членов Генеральной Ассамблеи и ратифицированы двумя третями членов Организации, в том числе всеми пятью постоянными членами Совета Безопасности. Речь идет о трудновыполнимых требованиях: необходимо большинство голосов минимум 127 стран в Генеральной Ассамблее ООН, и при этом достаточно голоса всего лишь одного из пяти постоянных членов Совета Безопасности, чтобы воспрепятствовать любой серьезной реформе.

Контрольные вопросы

1. В чем заключается роль ООН в прогрессе человечества?
2. Каковы причины необходимости реформирования ООН?
3. Какие проблемы связаны с основными органами ООН и как эти органы можно реформировать?
4. Как реализуется реформа ООН и каковы ее возможные направления?

Глава VII.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВАМИ ЧЕЛОВЕКА СО СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВ

1. ВВЕДЕНИЕ

Права человека – одно из величайших достижений цивилизации. Нет никаких сомнений в том, что их необходимо дальше развивать и более эффективно защищать.

Однако всем можно злоупотреблять, в том числе и этими правами. На самом деле злоупотребление правами человека может привести к особо серьезным последствиям и даже, в конечном счете, к отрицанию тех же самых прав.

Злоупотребление правами человека возникает, когда их использование противоречит их назначению, с целью обеспечения себе или другому получения какой-либо незаконной выгоды (права, льготы и т. д.) или для того, чтобы нанести какой-либо незаконный вред субъектам.

В каждой стране есть много примеров злоупотреблений правами человека отдельными лицами и группами, когда кто-то использует свободу слова для распространения национальной, религиозной и аналогичной ненависти; когда кто-то голосует определенным образом, потому что получил взятку; когда заключенный пользуется правом на свидание для получения запрещенных предметов (например, оружия или наркотиков) или передачи запрещенной информации во внешний мир (кого следует ликвидировать, кто является полицейским информатором и т. д.); когда представители организации национального или какого-либо другого меньшинства получают деньги для нужд этого меньшинства и используют их в личных целях и т. д.

Злоупотребление правами человека со стороны индивида и групп может иметь и международное измерение. Оно будет иметь место: когда лицо обращается в международный суд по правам человека без реальной основы – только для личной рекламы, чтобы нанести ущерб

государству, шантажировать кого-то и т. п.; когда лицо пытается использовать определенную международно-правовую защиту, хотя она ему не положена (например, попытка неправомерного использования института убежища или защиты беженцев со стороны экономических эмигрантов); когда право народа на самоопределение используется не по назначению, а для того, чтобы незаконно отколоть часть территории государства; когда каким-либо образом злоупотребляют защитой, предоставляемой гуманитарным правом жертвам войны (раненым, больным, военнопленным, гражданским лицам) и т. д.

В международном плане злоупотребление правами человека индивидуумами также возможно, когда речь идет о правах международных гражданских служащих, то есть лиц, работающих в международных организациях и органах (злоупотребление трудовыми правами, защитой от дискриминации и т. д.), о правах обвиняемых в международных уголовных судах и т. д.

Правами человека и даже самой концепцией прав человека могут злоупотреблять и государства.

Хотя существует множество примеров злоупотребления правами человека и со стороны малых и средних стран, естественно, что прежде всего внимание привлекают такие действия великих держав.

По нескольким причинам особый интерес представляет практика Соединенных Штатов: 1) это ведущая мировая сила, которая тем самым имеет и наибольшие возможности и средства для злоупотребления правами человека; 2) действия правительства США часто касаются судьбы других стран; 3) действия мирового лидера всегда представляют собой пример для других; 4) правительство США почему-то считает, что эта страна является не только чемпионом демократии и прав человека, но и исключительной, в смысле, что к ней не относятся правила, применимые к другим, в то же время когда она призвана учить, контролировать и наказывать других²⁴⁵.

Сразу отметим, что не собираемся вести крестовый поход против США. Упоминание случаев, связанных с практикой этой страны будет только в целях лучшего понимания проблемы.

²⁴⁵ Правильно отмечается, что США считают себя каким-то «мировым прокурором по правам человека». Phamotse Kabelo Phofong, Yonghui Wang, Xain Zhang. The Use and Abuse of Human Rights in International Relations: A Case of the United States Foreign Interventions // IOSR Journal of Humanities and Social Science. № 3. 2017. P. 20.

Правами человека так или иначе злоупотребляют практически все страны мира. Государства могут злоупотреблять правами человека в пределах своих границ или в международных рамках. Приведем несколько примеров для обоих случаев.

2. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ВНУТРИ ГОСУДАРСТВ

1. Нарушение прав отдельных лиц

Призывая к необходимости защиты прав человека (для предотвращения террористов и подрывных групп, которые могут поставить их под угрозу насилием и т. п.) государства иногда нарушают элементарные права отдельных лиц. Например, благодаря делу «Викиликс» стало известно, что правительство США шпионит, записывает, слушает и т. д. всех – своих граждан, собственных и иностранных политиков и т. д., тем самым нарушая право этих лиц на неприкосновенность частной жизни. Тем не менее существуют и куда более серьезные нарушения прав индивидов якобы ради защиты прав человека.

Известно, что США для предполагаемой борьбы с террористами имеют в разных странах и даже в Европе лагеря и секретные тюрьмы, в которых заключенные содержатся без решения суда²⁴⁶.

²⁴⁶ Речь идет о достоверно утвержденном и бесспорном факте, а не о каком-то предположении, антиамериканской пропаганде или так называемой «теории заговора». В 2006 г. секретные тюрьмы ЦРУ исследовала Парламентская ассамблея Совета Европы (известный доклад швейцарского парламентария Дика Марти). В том же 2006 г. президент США Дж. Буш официально признал существование таких заведений, утверждая, что они были необходимы по требованиям безопасности для содержания в них особо опасных лиц, подозреваемых в терроризме. В 2014 и 2018 гг. Европейский суд по правам человека признал факты грубого нарушения прав человека в секретных тюрьмах ЦРУ на территории Польши, Румынии и Литвы и присудил истцам – жертвам этих нарушений компенсацию.

Истины ради следует отметить и тот факт, что в самом начале 2009 г. американский президент Б. Обама издал указ о закрытии секретных тюрем ЦРУ и что спустя лишь несколько месяцев директор ЦРУ официально сообщил, что все тюрьмы ЦРУ в других странах закрыты. Но, во-первых, известно, что некоторые американские тюрьмы за рубежом остались и после этого – достаточным примером является лагерь Гуантанамо на Кубе. Во-вторых, мы не анализируем здесь политику Вашингтона в этой сфере, а упоминаем американские секретные тюрьмы только в качестве доказательства из практики, которое показывает, как государства иногда злоупотребляют концепцией прав человека, грубо нарушая права одних, чтобы якобы защитить права других.

В отношении этих несчастных людей нарушен одновременно целый ряд элементарных прав человека – на личную свободу, на свободу от пыток, на справедливое судебное разбирательство, на защиту, на апелляцию, на гуманные условия во время лишения свободы и т. д. Нет ничего спорного в судебном преследовании и наказывании кого-либо за доказанную причастность к терроризму, но недопустимо держать людей в секретных тюрьмах, пытаться их и прочее. В чем тогда вообще смысл идеи и концепции прав человека, если таким образом можно грубо нарушить эти права, причем тайно, без всякого контроля и без наказания за совершенные правонарушения?

Но дело не только в секретных тюрьмах ЦРУ. Всему миру известны также скандалы, связанные с незаконным заключением, бесчеловечным обращением и пытками в Гуантанамо на Кубе²⁴⁷, тюрьме Абу-Грейб в Ираке²⁴⁸ и так далее.

2. Узвимость прав человека как оправдание приостановления и отмены прав человека

Иногда необходимость защищать права человека используется в качестве предлога для отказа в тех же правах, но уже не отдельным лицам, а всем.

²⁴⁷ С 2002 года в этом лагере в ужасных условиях держат людей, отправленных туда без решения суда и без установленного наказания, с единственным объяснением, что это необходимо в контексте «войны с терроризмом». Президент Обама пытался закрыть лагерь, но столкнулся с оппозицией со стороны Конгресса. В январе 2018 года президент Трамп подписал указ о том, что Гуантанамо остается тюрьмой на неограниченный срок. Хотя большинство из 779 заключенных были освобождены или переведены в другие страны, где находятся в более гуманных условиях, в начале 2021 года (значит, спустя 19 лет!) в лагере по-прежнему оставалось около 40 из них.

²⁴⁸ Тюрьма в Ираке, в которой в 2003–2004 гг. американские войска унижали, избивали, насиловали и пытали заключенных (один из них погиб от пыток). Когда информация об этом попала в прессу, правительство США заявило, что это единичные инциденты, и наказало нескольких военнослужащих. Однако позже стало известно, что перед вторжением в Ирак в 2003 году министерство юстиции США подготовило документ, известный как «меморандумы по пыткам» (*Torture Memos*), в котором утверждалось, что Женевские конвенции неприменимы к заключенным за границей, и в таких случаях допускаются «расширенные методы допроса», включая пытки. Позднее Верховный суд отменил его и подтвердил, что в этих случаях применяется международное гуманитарное право.

Типичным примером является ограничение или отмена прав человека под маской борьбы за них. Существуют ситуации, когда терроризм или организованная преступность (которые ставят под угрозу права граждан на жизнь, безопасность, мир и т. д.) используются для полного контроля над обществом, установления диктатуры, откладывания выборов, введения цензуры, запрета собраний, ассоциаций, определенных политических партий и т. п.

3. Необоснованное признание особых прав для некоторых групп

Злоупотребление, несомненно, имеет место, когда со ссылкой на предполагаемую необходимость их особой защиты определенные группы неоправданно имеют более благоприятный статус.

В таком случае речь идет о злоупотреблении позитивной дискриминацией (преференциальным режимом) и по сути дела о реальной дискриминации остальных.

4. Злоупотребление нормами и институтами, предназначенными для защиты прав человека

Встречается и использование не по назначению норм и институтов, предназначенных для защиты человека и его прав.

Примерами являются случаи, когда нормы, которые служат для борьбы с нарушениями прав человека, обеспечения общественного порядка, здоровья граждан и т. д., используются для осуждения кого-либо в показательном процессе, для конфискации чей-либо собственности, для долговременного или даже пожизненного заключения совершенно здоровых людей в психиатрических больницах (так называемая карательно-лечебная психиатрия как способ борьбы с политическими противниками) и т. д.

3. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНЫХ РАМКАХ

Многие страны используют концепцию прав человека для влияния на политическую реальность других стран и, по мере своих сил, мира в целом.

1. Превентивная самооборона

Одним из основных прав каждого государства является право на самооборону. Поскольку задача государства заключается и в защите своих граждан, их жизни, здоровья, свободы, собственности и т. д., самооборона также выполняет функцию защиты прав жителей.

Но право на самооборону может быть использовано и не по назначению. Примером является «Стратегия национальной безопасности США», известная как доктрина Буша, принятая Соединенными Штатами после событий 11 сентября 2001 года. На ее основании, ссылаясь на право самообороны, Вашингтон сам себя уполномочил вести, когда сам считает оправданным, так называемую «превентивную войну» по нейтрализации террористов и «стран-изгоев», которые помогают террористам либо производят оружие массового поражения. Другими словами, ссылаясь на необходимость и право защищать собственную безопасность и жизнь своих граждан, США разрешили себе нанести удар по любой цели на планете без каких-либо серьезных доказательств и веского юридического основания, с единственным объяснением, что там прячутся террористы, что речь идет о стране, которая скрывает, обучает и помогает террористам и т. п.

Такая позиция, как понятно, недопустима. Международное право, которое, между прочим, построено при активном участии тех же самых Соединенных Штатов, запрещает не только применение вооруженной силы первым, но и угрозу применения силы! Поэтому ясно, что не могут быть законными вооруженные действия, которые якобы представляют самооборону против нападения, которое еще не началось и не предстоит непосредственно, а просто, *может быть, когда-то* произойдет.

Эта концепция неприемлема и по моральным, и по другим причинам. Она предоставляет полную свободу обращения к оружию в отношении любого, кто слабее в военном отношении. В конце концов, если бы эта политика была приемлемой, на нее могли бы ссылаться не только США, но и другие страны, что привело бы к полному хаосу в международных отношениях.

2. «Гуманитарный» интервенционизм

Это позиция, согласно которой можно совершать вооруженные интервенции в другие страны под предлогом, что там происходят серьезные нарушения прав человека. Она имеет два аспекта, в зависимости от того, имеется ли в виду вмешательство с целью защиты жизни и других прав собственных или иностранных граждан.

Как известно, крупные государства время от времени предпринимали вооруженные интервенции против малых, чтобы обеспечить защиту своих граждан. Примерами могут служить военная интервенция США против Камбоджи в 1975 году с целью освобождения экипажа одного американского торгового судна; рейд израильского спецназа в аэропорт Энтеббе в Уганде в 1976 году для спасения заложников – пассажиров похищенного самолета; неудачная попытка США освободить сотрудников своего посольства в Тегеране, захваченных исламскими экстремистами (1980 год); вторжение США на Гренаду под предлогом защиты граждан США; вторжение США в Панаму в 1989 году, которое Вашингтон официально мотивировал защитой жизни граждан США и «восстановлением демократии» в этой стране и т. д.

Примерами вооруженных интервенций в другие страны для предполагаемой защиты жителей этих стран (то есть иностранных граждан) являются агрессия НАТО против Югославии в 1999 году, якобы для спасения албанского меньшинства; вторжение США и других стран в Афганистан в 2001 году, что сначала мотивировалось охотой на лидеров террористической организации «Аль-Каида», а затем необходимостью заменить репрессивное правление талибов демократическим порядком; вторжение США и их союзников в Ирак в 2003 году, что сначала оправдывали необходимостью не допустить переход иракского оружия массового поражения в руки террористов, а когда стало ясно, что такого оружия нет, желанием обеспечить народу Ирака нормальную жизнь, путем избавления его от жестокого диктатора Саддама Хуссейна; вмешательство НАТО в Ливию 2011 года, одобренное Советом Безопасности с целью защиты гражданских лиц в гражданской войне, которое превратилось в вооруженную интервенцию, направленную на свержение полковника Моамера Каддафи; вооруженная интервенция США и их союз-

ников в Сирию с 2014 года, которая оправдывается борьбой против террористического ИГИЛ, а также необходимостью свергнуть «тирана Асада» и установить демократию и т. д.

Однако международное право не допускает никакого вооруженного вмешательства, в том числе по гуманитарным причинам. Кроме того, почти во всех случаях идея прав человека (необходимость спасения находящихся под угрозой человеческих жизней) использовалась для агрессии, которая имела совершенно другие цели, такие как свержение непослушного режима, оккупация территории, обеспечение контроля над источниками нефти и т. д.

Эти действия не только не смогли защитить права человека, но зачастую представляли тяжелые нарушения этих прав. Многие «гуманитарные интервенции» превратились в войны, что скорее усугубило, чем улучшило жизнь людей. Сравнение количества жертв событий в соответствующих странах до и после иностранной «помощи» показывает, что в большинстве случаев только после вмешательства происходил настоящий ужас. Более того, в тех случаях, когда после вмешательства было сформировано новое правительство, нередко не наблюдалось улучшения положения в области прав человека, а наоборот, сторонники предыдущего режима подвергались репрессии (включая незаконные аресты, пытки и убийства) а также нарушались права человека в отношении всех жителей в виде запрета определенных политических партий, введения цензуры, запрета на передвижение и т. п.

3. Право на самоопределение

И этим правом, являющимся одним из основных принципов современного международного права, можно злоупотреблять.

Известно, что оно принадлежит *народам*, а не *национальным меньшинствам*. Ни одна страна никогда не согласится с отделением части территории, потому что она населена главным образом представителями этнического меньшинства. И все же в случае с СР Югославия именно это и произошло.

В результате агрессии против Югославии в 1999 году члены НАТО во главе с США оккупировали сербский автономный край

Косово и передали власть местным албанцам. Затем они нарушили резолюцию 1244 (1999 г.) Совета Безопасности, признали самопровозглашенную независимость Косово и оказали давление на другие страны, чтобы они тоже признали ее. Все это вопреки основным принципам международного права. Хотя США и их союзники агрессию и свои последующие действия старались оправдать тем, что это было необходимо для защиты прав этнических албанцев, на самом деле они преследовали собственные политические цели – обоснование продолжения существования НАТО после окончания холодной войны, создание прочной базы НАТО в этой части Европы и т. д.²⁴⁹. Степень, в которой все мотивировано исключительно политическими интересами, подтверждается тем фактом, что сербам в Хорватии не было предоставлено право на отделение, и что даже сегодня гражданам Республики Сербской не разрешается выйти из состава Боснии и Герцеговины²⁵⁰.

4. Санкции за предполагаемое нарушение прав человека

Некоторые страны вводят в отношении других санкции за нарушение прав человека. Проблема в том, что зачастую это происходит без веских доказательств и выборочно. Их вводят для одних стран за предполагаемые нарушения прав человека (например, бездоказательная «кража» выборов), и в то же время не вводят для других, где действительно происходят серьезные нарушения прав человека²⁵¹.

²⁴⁹ Растет число государств, признавших Косово, которые осознали, что допустили ошибку. На сегодняшний день (21.01.2021 г.) 18 стран сняли признание, и этот процесс продолжается.

²⁵⁰ Право народов на самоопределение и, в частности, случай Косово, уже обсуждались.

²⁵¹ Весь мир был свидетелем того, что на президентских выборах в США в 2020 г. у Д. Трампа разными способами «украли» убедительную победу – программы машин для голосования на серверах в Германии, Испании и Италии передавали голоса за Трампа его оппоненту; среди голосовавших за Дж. Байдена было большое количество голосов умерших, несовершеннолетних или находящихся в тюрьмах (в США заключенные не имеют права голоса); было подсчитано огромное количество голосов, пришедших по почте уже после окончания голосования и т. д. Однако ни одна страна или международная организация не ввели санкции против США за кражу на выборах.

Достаточно напомнить, что в некоторых странах женщин наказывают за супружескую измену путем избивания камнями, гомосексуализм карается смертью, женщины лишены основных прав человека и т. д., но это, как правило, не вызывает негативных реакций со стороны международного сообщества.

Это означает, что часто санкции вводятся не тогда, когда этого требует серьезность нарушения прав человека, а когда хотят по политическим соображениям оказать давление на конкретную страну и ее правительство. Однако в таких случаях санкции из средств, способствующих улучшению прав человека в мире, превращаются в средство для достижения других целей, в том числе тех, которые идут наперекор международному праву.

Рассматриваемая опасность становится особенно заметной, когда выясняется, что санкции вводятся на основе слухов, недокazanной информации из «разведывательных кругов», сообщений СМИ и тому подобного²⁵². Само собой разумеется, что эти отчеты легко сфабриковать, ими легче манипулировать, и последствия могут быть катастрофическими.

Избирательное применение санкций за нарушение прав человека встречается в практике многих стран. Здесь мы в качестве примера упомянем только Данию. Опираясь на (спорную) универсальную юрисдикцию, она судила сербов из Боснии и Герцеговины за

²⁵² Известен случай отравления в Солсбери в 2018 году Скрипалей и его дочери. Хотя не было представлено никаких доказательств или объяснений, почему Россия хотела бы убить бывшего шпиона, который больше никому не нужен, и к тому же убить его совершенно непрактичным способом (боевым отравляющим веществом), Великобритания в этом обвинила Россию. В качестве санкции Лондон выслал 23, а его союзники в знак солидарности еще 130 российских дипломатов. Все это, хотя даже сегодня (уже в начале 2021 г.) единственным «доказательством» является утверждение британского премьер-министра Терез Мэй о том, что к этому весьма вероятно (англ. *highly likely*) причастна Москва. Редко кто замечает, что на самом деле британцы нарушили права не только России (поддерживать связь со своими гражданами и защищать их интересы), но и самих Скрипалей (лишив их свободы передвижения и общения с российским консулом и даже с семьей). Кроме того, что они выздоровели (что практически невозможно при использовании такого мощного яда), никто до сих пор не знает, где они находятся и что с ними.

предполагаемые преступления, совершенные во время гражданской войны 1992–1995 годов, но зато в 2008 году, в неоспоримом случае юрисдикции, отказалась преследовать сомалийских пиратов, которых захватили ее военно-морские силы. Другими словами, она судила иностранных граждан за то, что они совершили в другой стране против иностранных граждан, и отказалась устанавливать юрисдикцию в случае пиратства, где универсальная юрисдикция не только, несомненно, существует, но и является своего рода обязательством государств²⁵³!

5. Двойные стандарты

Уже приведены некоторые примеры двойных стандартов в отношении защиты прав человека в случае введения санкций или так называемой гуманитарной интервенции. К тому же США и их союзники не только не осуждают некоторые страны, которые известны нарушениями прав человека и авторитарными режимами, но даже тесно сотрудничают с ними и поверх всего продают им свое оружие²⁵⁴.

Однако, по крайней мере, косвенное злоупотребление правами человека и благородной идеей о них имеет место, когда определенная страна критикует и наказывает других за нарушение прав человека, а при этом сама делает то же самое или даже хуже.

Здесь тоже лучший пример представляют собой США. Эта страна во многом способствовала распространению концепции

²⁵³ Своим военно-морским силам, которые 17 сентября 2008 года захватили 10 сомалийских пиратов, Дания приказала освободить их, так как пришла к выводу, что судить можно будет только в Дании (если бы их судили в Сомали или в соседних странах, они были бы приговорены к смертной казни, а датский закон запрещает экстрадицию в государство, в котором не отменена смертная казнь), но расходы на перевод этих лиц туда и судебные процессы будут чрезмерными, с особой проблемой репатриации после отбывания тюремного заключения.

²⁵⁴ Одно исследование показало, что страны, нарушающие права человека, имеют больше шансов получить оружие из США, тогда как страны с авторитарными режимами легче получают его из Великобритании и Франции. Perkins Richard, Neumayer Eric. *The Organized Hypocrisy of Ethical Foreign Policy: Human Rights, Democracy and Western Arms Sales* // *Geoforum*. Vol. 41. 2010. P. 254–255.

прав человека в мире и принятию некоторых из наиболее важных международных соглашений в этой сфере. Это следует отметить и можно только приветствовать. Менее похвально, что, назначая себя на роль «мирового полицейского» и судьи, США неоднократно наказывали другие страны за нарушение прав человека, даже если это не соответствовало действительности.

Но как обстоят дела с правами человека в самих США? Оказывается, что все далеко от идеального. Достаточно вспомнить, что в этой стране еще не отменена смертная казнь и что у нее не только самое большое общее количество (2,3 миллиона), но и самый большой процент населения в тюрьмах – 4,34% населения мира, США имеют 25% всех заключенных мира²⁵⁵. Если к тем, кто находится в тюрьме, добавить еще 4,5 миллиона, подвергнутых другим мерам наказания (условным срокам и т. п.) получается, что в этой стране к уголовной ответственности привлечено 6,7 миллиона граждан! В то же время, когда США упрекают другие страны из-за чрезмерной жестокости полиции, на самом деле они сами часто сталкиваются с такими обвинениями²⁵⁶. Есть, конечно, и другие проблемы.

С другой стороны, настораживает и факт, что когда ратифицировали важнейшие договоры о правах человека, США это сделали только после колебания, длившегося часто несколько десятилетий²⁵⁷. Кстати, они еще не ратифицировали некоторые из наиболее важных таких договоров, включая те, членами которых является

²⁵⁵ Американская система уголовного правосудия содержит почти 2,3 миллиона человек в 1833 тюрьмах штатов, 110 федеральных тюрьмах, 1772 исправительных учреждениях для несовершеннолетних, 3134 местных тюрьмах, 218 иммиграционных центрах содержания под стражей и 80 тюрьмах индейских резерваций, а также в военных тюрьмах, центрах гражданской ответственности, психиатрических больницах штатов и тюрьмах на территории США. Sawyer Wendy, Wagner Peter. Mass Incarceration: The Whole Pie 2020. Prison Policy Initiative. March 24, 2020. www.prisonpolicy.org/reports/pie2020.html.

²⁵⁶ Carter Corinthia A. Police Brutality, the Law & Today's Social Justice Movement: How the Lack of Police Accountability has Fueled #Hashtag Activism // *Cuny Law Review*. № 2. 2017. P. 521–557.

²⁵⁷ Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1966 г.) была ратифицирована только в 1994 г., Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.) – в 1988 г., Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) – в 1992 г. и т. д.

подавляющее большинство государств²⁵⁸. Лучший пример – Конвенция ООН о правах ребенка (1989 г.), ратифицированная всеми членами ООН – кроме США²⁵⁹!

Еще один характерный пример связан с наказанием за серьезные нарушения прав человека, хотя именно они оказали решающее влияние на появление Международного трибунала по бывшей Югославии и аналогичных органов, имеющих юрисдикцию в отношении граждан других стран. США настойчиво отвергают любые решения, которые позволили бы судить их граждан перед международным уголовным судом. В конце концов, известно, что США из самого видного сторонника международных *ad hoc* уголовных судов, превратились в самого серьезного противника постоянного Международного уголовного суда²⁶⁰.

Оказывается, что, яростно выступая за уважение прав человека и вводя санкции в отношении других за предполагаемые нарушения прав человека, Соединенные Штаты не желают подчиниться тем же обязательствам и критериям. В некотором смысле это особый аспект злоупотребления правами человека (не конкретными правами, а концепцией), потому что формы и степень их защиты, которые они не хотят принимать для себя, безоговорочно требуют от других.

²⁵⁸ До сих пор США не ратифицировали такие важные международные договоры в сфере прав человека как Международный пакт об экономических и социальных правах (1966 г.), Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах (1966 г.), Международную конвенцию о пресечении преступления апартеида и наказании за него (1973 г.), Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.), Международную конвенцию о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (1990 г.) и т. д.

²⁵⁹ США не ратифицировали даже самое важное региональное соглашение по этому вопросу – Американскую конвенцию о правах человека (1969 г.).

²⁶⁰ Основные замечания правительства США заключаются в том, что работа Суда может поставить под угрозу национальный суверенитет этой страны и, с другой стороны, возможны политически мотивированные судебные процессы. Оппозиция была выражена в отзыве подписей Статута Суда (2002 г.), в заключении двусторонних соглашений с рядом стран о невыдаче граждан США в Суд и в принятии специального закона (American Service Members' Protection Act, 2002 г.), который разрешает президенту США применять силу для освобождения военнослужащих США, которых держит Суд.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Последствия злоупотребления правами человека часто бывают тяжелыми, особенно когда в роли того, кто их совершает, находится сверхдержава. В силу политической, экономической и другой мощи такие государства иногда могут не только навязывать свою волю, но и создавать иллюзию, что борются с преступниками, выступают на благо всех, во имя торжества справедливости и добра и т. п.

Нет простого способа искоренить эти явления. Тем не менее, исходя из того, что лучше зажечь хотя бы одну свечу, чем проклинать тьму, необходимо постоянно напоминать об этой проблеме, указывать на различные формы злоупотребления правами человека, работать над тем, чтобы, развивая права человека и их защиту, обеспечить как можно меньше злоупотреблений ими.

Контрольные вопросы

1. Кто в принципе может злоупотреблять правами человека?
2. Как индивид может злоупотреблять правами человека?
3. Приведите примеры международного измерения злоупотребления правами человека со стороны индивида и группы.
4. В каких рамках в принципе правами человека могут злоупотреблять государства?
5. Перечислите случаи злоупотребления правами человека со стороны государства внутри самого государства.
6. В чем может состоять злоупотребление правами человека со стороны государства, когда речь идет о нарушении прав отдельных лиц?
7. В чем состоит уязвимость прав человека как оправдание приостановления и отмены прав человека?
8. Как государства используют концепцию прав человека для влияния на политическую реальность других стран и мира в целом?
9. Приведите примеры двойных стандартов в сфере прав человека.

Глава VIII. ЗАЩИТА ЭТНИЧЕСКИХ (НАЦИОНАЛЬНЫХ) МЕНЬШИНСТВ

1. ПОНЯТИЕ ЭТНИЧЕСКОГО (НАЦИОНАЛЬНОГО) МЕНЬШИНСТВА

Хотя о меньшинствах²⁶¹ можно говорить всякий раз, когда есть любая малочисленная часть определенного сообщества, которая по определенным критериям (цвету волос или глаз, возрасту и т. п.) выделяется из большинства, для правового регулирования значение имеют в первую очередь те, чья жизнь и нормальное существование реально или потенциально находятся под угрозой. Это в первую очередь те сообщества меньшинств, которые отличаются от остального населения по этническим (национальным), языковым и религиозным признакам.

Сразу следует отметить, что в области международного права и сравнительного правоведения нет единого подхода ни к наименованию этих общностей, ни к их определению (дефиниции).

В связи с наименованием языковых и религиозных меньшинств споров не возникает. Проблему представляют те меньшинства, которые отличаются по этническим (национальным) признакам. В разных международных документах они скрываются под различными наименованиями, при этом наиболее часто в одном и том же значении, как синонимы, используются наименования «национальные» или «этнические» меньшинства.

Выражение «национальное меньшинство» широко используется в законодательствах различных государств. Оно часто используется и на международном уровне, особенно в Европе. Тем не менее, оно не отвечает в полной мере своей цели, поскольку, фактически,

²⁶¹ Подробнее о различных аспектах этого вопроса: Кривокапич Борис. Защита мањина у међународном и упоредном праву. Том 1-3. Београд, 2004.

не включает в себя те сообщества, которые по своим этническим характеристикам отличаются от большинства населения, но не являются частью какой-либо другой нации (не имеют своего государства, например, цыгане, горанцы, курды и т. д.).

Поэтому здесь напрашивается более подходящий термин «этнические меньшинства». Этот термин имеет более широкий охват и применим ко всем общностям меньшинств, которые отличаются от большинства населения по этническим признакам, и в то же время (в отличие от термина «национальные меньшинства») не утверждает то, что они являются частью другой нации. Другими словами, национальное меньшинство в любом случае является и этническим, но этническое меньшинство не обязательно является национальным.

Вот почему правильнее говорить именно об этнических меньшинствах. Тем не менее, на практике часто предпочтение отдается выражению «национальное меньшинство» или же оба этих термина используются одновременно.

Попытки дать определение понятию «меньшинство» также многочисленны и стары, как и сама эта проблема. Оставляя в стороне определения, которые были сформулированы в национальных законодательствах некоторых государств, следует отметить, что на международном уровне было предпринято множество попыток охватить меньшинства одной общей формулой, применимой для всех случаев.

Помимо всего прочего различные эксперты предлагали для деятельности Организации Объединенных Наций разные определения для понятия «меньшинство»²⁶², также появлялись попытки дать определение этому понятию и в некоторых региональных доку-

²⁶² Наиболее распространенным является определение, которое в 1977 г. предложил специальный докладчик Подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств Ф. Капоторти, согласно которому понятие «меньшинство» относится к «группе, численно меньшей по отношению к остальному населению государства и не занимающей доминирующего положения в нем, члены которой – граждане этой страны – обладают рядом этнических, религиозных или языковых особенностей, отличающих их от остального населения, и обнаруживают, по крайней мере, имплицитно, чувство солидарности, направленное на сохранение своей культуры, традиций, религии и языка». Capotorti Francesco. Study on the Rights of Persons belonging to Ethnic, Religious and Linguistic Minorities. UN, New York, 1991. 96, par. 568.

ментах, в первую очередь в тех, которые обсуждались (но не всегда принимались) на европейском континенте.

Ни одно определение, однако, не прижилось в качестве общепринятого решения. Вернее, определения понятия «меньшинство» в основном предлагались в актах, которые не имеют никакого правового характера или которые никогда не вступили в силу. Таким образом, ни один из соответствующих источников права по данному вопросу ни на универсальном, ни на региональном уровне, не предлагает определения меньшинств. И это несмотря на то, что первоначальный замысел заключался именно в том, чтобы включить определение меньшинства в эти документы или, по крайней мере, некоторые из них. В чем именно заключается проблема?

Хотя, действительно, нелегко найти достаточно всеобъемлющее, гибкое и в то же время точное определение, которое бы удовлетворило всех и охватило бы все требования, проблема на самом деле заключается в том, что государства не имеют единой позиции по существу вопроса, что следует понимать под меньшинством. Некоторые из них очень осторожны в этом вопросе, в то время как другие, напротив, придерживаются более либеральных позиций и готовы признать определенные права меньшинств за более широким кругом лиц. Таким образом, именно тот факт, что страны проводят свою собственную политику в отношении меньшинств, препятствует созданию единого стандарта.

Стремясь обеспечить себе достаточное пространство для маневра, многие страны не спешат принимать определение меньшинства в соответствующих международных документах. Если бы такое определение было, наконец, принято, ситуация в плане того, что следует понимать под меньшинством, значительно бы прояснилась и тем самым государствам было бы сложнее уклоняться от своих международных обязательств²⁶³.

²⁶³ Прагматизм государств в этом вопросе лучше всего иллюстрирует следующий факт: многие стороны, подписавшие Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств (1995 г.), опираясь на то, что этот договор не содержит определения понятия «национальное меньшинство», сами предложили свои собственные толкования и определения (Австрия, Эстония, Польша, Швейцария) или уточнили, что у них нет меньшинств (Лихтенштейн, Люксембург, Мальта), что существуют лишь некоторые меньшинства, или что Конвенция будет применяться только к определенным меньшинствам (Дания, БЮР Македония, Германия, Словения, Швеция).

В связи с этим возможны различные подходы для различных нужд. Вернее, полагаем, способ определения понятия «меньшинство» должен зависеть от того, чем он обусловлен: внутренними потребностями соответствующего общества или, напротив, двусторонними отношениями между государствами, то есть, в конечном счете, широким спектром международных отношений.

Многое указывает на то, что для нужд внутреннего законодательства и практики отдельных государств более целесообразно, определяя понятие «меньшинство», перечислить конкретные меньшинства в соответствующем правовом акте, лучше всего в конституции государства. При этом можно дать некое абстрактное определение понятию «меньшинство», но часто в этом нет необходимости. Гораздо важнее, чтобы перечень меньшинств был полным, а также, чтобы были обеспечены механизмы его «пополнения» (предусмотреть, когда это оправдано, возможность включения в этот перечень «новых» меньшинств).

Такой же подход (конкретное перечисление) является оптимальным и для нужд соответствующих двусторонних международных договоров и даже международных соглашений с небольшим числом договаривающихся сторон (например, три или четыре). Так как речь идет о конкретных группах, то и здесь приемлемо отказаться от абстрактного определения, которое будет совершенно излишним.

Остается открытым вопрос, можно ли дать такое всеобъемлющее определение, и каковы основные критерии, по которым этнические (национальные) меньшинства отличаются от других схожих групп?

Эти критерии сводятся к следующему: речь должна идти

- 1) о группе граждан государства, которая
- 2) достаточно многочисленна, но
- 3) представляет собой численное меньшинство и
- 4) занимает недоминирующее положение, и вместе с тем
- 5) обладает некоторыми этническими, национальными, языковыми, религиозными и другими подобными характеристиками, а также

б) обнаруживает, пусть не напрямую, чувство солидарности в целях сохранения своей отличительной самобытности.

1. Группа граждан государства. По крайней мере, на данный момент на практике царит согласие по поводу того, что в качестве меньшинства следует рассматривать только местных граждан.

Тем не менее, существует достаточно оснований, чтобы в более широком смысле включить в понятие «меньшинство» и иностранцев, и лиц без гражданства, проживающих на территории соответствующей страны. Это следует хотя бы из того, что эти лица работают, зарабатывают средства, платят налоги и другие сборы, а также иными способами вносят свой вклад в развитие и процветание общества, в котором они живут. Поэтому было бы справедливо предоставить им возможность максимально полно удовлетворять их особые потребности (сохранение собственного языка и обычаев, получение образования на своем родном языке, приобретение основных знаний и сведений о родной стране и т. п.).

Тем не менее, следует иметь в виду, что в какой степени будут удовлетворены интересы этих лиц, зависит не только от доброй воли территориального государства, но и от определенных объективных условий (уровень экономического развития, урегулированные политические и иные отношения в обществе, достаточная концентрация этих лиц и т. д.). Поэтому следует хотя бы стремиться к тому, чтобы кроме местных граждан, права меньшинств могли получить и иностранцы, которые находятся под юрисдикцией соответствующего государства. На данный момент такие соображения в целом не имеют большого практического значения.

2. Достаточно многочисленная группа. Требование, чтобы группа была достаточно многочисленной, само по себе логично. Нереально ожидать, что какие-либо особые права будут признаны за теми общностями и их членами, которых раз-два и обчелся.

Другой вопрос, какую группу можно считать достаточно многочисленной? Очевидно, что невозможно дать на этот вопрос один общий ответ, поскольку, в сущности, все зависит от конкретных обстоятельств. Речь, на самом деле, об одном правовом стандарте, содержание которого может быть определено только применительно к конкретной ситуации.

3. Численное меньшинство. Вся концепция защиты меньшинств, как, впрочем, и само ее название, основывается на том, что

речь идет о группе, которая по своей численности меньше остальной части населения, что делает ее особенно уязвимой. В соответствии с этим группа должна составлять численное меньшинство (менее 50%) по отношению к общей численности населения данного государства.

4. Недоминирующее положение. Защита меньшинств заключается в обеспечении самых необходимых условий для выживания и успешного развития этих общностей, которые являются потенциально уязвимыми ввиду своей небольшой численности.

Если численное меньшинство занимает доминирующее положение в каком-либо обществе, то такой проблемы не возникает. В данном случае меньшинство обладает властью, а значит, механизмами и средствами для защиты своих интересов и навязывания своей воли. Хорошим примером может послужить ситуация, сложившаяся в Южной Африке (1948–1994 гг.), где белое меньшинство терроризировало многочисленное черное большинство.

Таким образом, меньшинство, имеющее власть (доминирующее положение), не может требовать защиты, на которую претендуют меньшинства. Оно в ней просто не нуждается.

5. Этнические, языковые, религиозные и другие подобные особенности. Этот критерий является наименее спорным.

Речь идет о правовом стандарте, в котором этнические характеристики, такие как происхождение, обычаи, язык, религия и т. п. рассматриваются в качестве признаков, по которым данная этническая группа отличается от других. Наличие этих характеристик является фактологическим вопросом. Однако, несмотря на то, что обычно эти характеристики, по крайней мере, некоторые из них, проявляются четко (например, другой язык, национальный костюм и т. п.), на практике иногда могут возникать сомнения по поводу того, обладают ли ими определенные группы, и в чем они заключаются.

6. Чувство солидарности в целях сохранения своей отличительной самобытности. Все ранее рассмотренные критерии определения понятия «меньшинство» являются объективными: они сводятся к реальному положению дел. Однако при определении понятия «меньшинство» требуется и соответствие определенному субъектив-

ному критерию, который находит свое отражение в определенном психологическом отношении членов соответствующей группы к самим себе, своей группе и своему положению в обществе. Это требование, в сущности, сводится к решимости членов данной группы сохранить группу (выжить) и присущую ей отличительную самобытность, а также к своего рода солидарности членов с такой группой.

Для подтверждения наличия такой воли (решимости) нет нужды в том, чтобы члены данной группы заявляли об этом. Такая воля исходит уже из того факта, что соответствующая этническая или подобная ей группа (меньшинство) сохранилась в течение времени со своими собственными отличительными чертами.

Если при установлении объективных критериев предполагается наличие субъективного элемента, возникает вопрос, зачем мы вообще говорим о нем?

Дело в том, что не все этнические группы, имеющие определенные объективные этнические, культурные и тому подобные характеристики, хотят, чтобы их считали меньшинствами. Некоторые из них как раз наоборот стремятся к полной интеграции в основную массу населения (ассимиляции). Таким образом, смысл этого критерия заключается в том, чтобы не считать меньшинствами те группы, которые ясно демонстрируют, что не желают иметь такой статус.

7. *Иные вопросы.* Иногда наряду с упомянутыми элементами выделяются и некоторые другие. Так, довольно часто подчеркивается своего рода автохтонность (коренной житель) соответствующих меньшинств, в стремлении исключить те группы (в первую очередь рабочих-мигрантов), которые отвечают всем критериям, но при этом не являются коренными жителями. Речь идет о важной, сложной и в последнее время относительно широко распространенной проблеме, которая в различных странах решается по-разному.

С другой стороны, хотя, в принципе, они относятся к национальным и подобным им меньшинствам, определенные группы коренных народов (живших на соответствующих территориях до прихода белых колонизаторов) не хотят, чтобы их считали меньшинствами. Более того, они добились того, чтобы их положение регулировалось специальными международными и внутренними правовыми документами.

2. РОЛЬ ООН В ЗАЩИТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

В первые послевоенные годы, а также позднее, вопрос о защите национальных меньшинств в Организации Объединенных Наций на повестку дня не ставился или, по крайней мере, это не осуществлялось должным образом²⁶⁴. Основное внимание было направлено на улучшение положения отдельных лиц, то есть на развитие тех прав и основных свобод, которые признаны за всеми человеческими индивидами. Считалось, что именно усилением общей защиты прав человека может быть улучшено и положение лиц, принадлежащих к какому-либо национальному (этническому) и другому меньшинству.

Соответственно, ни Устав ООН (1945 г.) (хотя в нем содержатся положения о недискриминации и равенстве перед законом), ни Всеобщая декларация прав человека (1948 г.) не рассматривает проблему защиты меньшинств.

Вместо этого в один день с Декларацией была принята специальная резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Судьба меньшинств» (Резолюция 217 С III), которая, по сути, также значила очень мало. В ней только указывалось, что Организация Объединенных Наций не равнодушна к судьбе меньшинств, но в то же время отмечалось, что речь идет о сложном и деликатном вопросе, который в каждом государстве имеет особый аспект, и, следовательно, по этому вопросу трудно принять единое решение. Соответственно, единственным конкретным положением Резолюции является то, в котором упоминается, что на компетентные органы ООН возлагается обязанность изучить проблему меньшинств, чтобы Организация Объединенных Наций была в состоянии предпринять эффективные меры для их защиты.

²⁶⁴ На это, среди прочего, повлиял тот факт, что в годы, предшествовавшие Второй мировой войне, Германия и Италия использовали свои меньшинства в других странах для достижения политических целей и, в конечном счете, для овладения чужими территориями, в то время как во время войны было много случаев, когда члены меньшинств проявляли нелояльность к властям стран, в которых они проживали. Так, члены немецкого меньшинства во многих странах занимались шпионажем в пользу Германии сразу после оккупации Германией стран, где они жили, вступали в подразделения немецкой армии, участвовали в формировании оккупационных властей и т. п.

Позже Организация Объединенных Наций и ее специализированные агентства так или иначе затрагивали тему защиты меньшинств: то принимали акты, касающиеся данного вопроса, то организовывали международные конференции, на которых принимались соответствующие международные соглашения. Тем не менее, долгое время общей характеристикой всех этих документов являлось то, что они лишь косвенно касались положения меньшинств и преимущественно в той степени, в которой гарантировали право на выживание и право на равенство, то есть защиту от дискриминации.

Хотя эти документы составляют длинный список²⁶⁵, сфера их действия была так или иначе ограничена. Прежде всего, каждый из них служил конкретным целям, что можно видеть уже по их названиям (предупреждение преступления геноцида и наказание за него, борьба с дискриминацией, защита беженцев, борьба против апартеида и т. д.). Кроме того, многие из этих актов (различные декларации и т. п.) не имели обязательной юридической силы, хотя их моральное и политическое значение нельзя отрицать. С другой стороны, и соответствующие международные соглашения претерпели негативные последствия от ограничений в том смысле, что связывали только те государства, которые их приняли (подписали и ратифицировали). Однако основной недостаток всех этих документов заключался в том, что они не были направлены на защиту меньшинств, а потому и не содержали конкретных положений в этой области (о специальных правах меньшинств, механизмах защиты и т. д.).

Поэтому значительным прогрессом стало принятие в 1966 г. Международного пакта о гражданских и политических правах. Хотя он интересен и тем, что в ст. 26 устанавливается всеобщее равенство перед законом и запрет любой дискриминации, среди прочего

²⁶⁵ Среди прочего (в хронологическом порядке): Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.), Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования (1960 г.), Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965 г.), Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него (1973 г.), Декларация ООН о расе и расовые предрассудках (1978 г.), Декларация ООН о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (1981 г.) и др.

и по языковому, религиозному, национальному и другим признакам, историческое значение этого документа состоит в том, что ст. 27 закрепляется следующее:

«В тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком».

Хотя указанное положение и содержало ряд недостатков (закреплены только негативные обязательства государств, то есть, что соответствующим лицам «не может быть отказано» в соответствующих правах; права меньшинств сводятся к трем пунктам: культуре, религии, языку; не предусмотрены конкретные механизмы контроля и защиты, оно имело большое значение. Более того, оно остается важнейшим международным правовым документом, носящим обязательный характер на универсальном уровне вплоть до наших дней (то есть спустя 55 лет!).

В последние тридцать лет наблюдается дальнейший рост числа различных документов, которые в той или иной мере затрагивают вопросы, имеющие важное значение для положения меньшинств.

Среди них особое место занимает Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (1992 г.). Этот документ, для подготовки которого потребовалось целых 15 лет, признал за представителями меньшинств ряд важных прав, в частности: пользоваться достоинствами своей культуры, исповедовать свою религию; использовать свой язык в частной жизни и публично; активно участвовать в культурной, религиозной, общественной, экономической и государственной жизни; активно участвовать на национальном и региональном уровне в принятии решений, касающихся того меньшинства, к которому они принадлежат, или тех регионов, в которых они проживают; устанавливать и поддерживать свободные контакты с другими членами своей группы и с лицами, принадлежащими к другим меньшинствам, а также трансграничные контакты с гражданами других государств, с которыми они связаны национальными, этническими, религиозными или языковыми узами.

И все же, Декларация лишь частично удовлетворила ожидания. Это весьма скромный по объему документ (всего 9 статей), в котором не содержится определения меньшинства, используются слишком общие формулировки и т. д. Кроме того, Декларация не носит обязательный характер, а (как и другие декларации Генеральной Ассамблеи ООН) скорее является своего рода рекомендацией. Тем не менее, она по-прежнему является единственным документом, принятым в рамках Организации Объединенных Наций, который полностью посвящен общему регулированию статуса меньшинств.

Исходя из этого, среди многочисленных документов, принятых под эгидой Организации Объединенных Наций, куда более важными являются Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 27) и Декларация 1992 г.

В последнее время Организация Объединенных Наций активизировала свои действия в области защиты меньшинств. В этом отношении определенную роль сыграли некоторые из главных органов Организации (в первую очередь Генеральная Ассамблея, а также Экономический и Социальный Совет) и особенно те органы, которые конкретно занимаются вопросами меньшинств.

Большинство из них работает под эгидой Экономического и Социального Совета (ЭКОСОС), учрежденного в соответствии с Уставом ООН, а поэтому они обычно упоминаются как «механизмы, учрежденные в соответствии с Уставом». К таким органам относятся Совет по правам человека, Подкомиссия по поощрению и защите прав человека, Рабочая группа по меньшинствам, Верховный комиссар ООН по правам человека, эксперты, рабочие группы и др. За исключением Подкомиссии по поощрению и защите прав человека, их общей чертой является то, что их члены являются не независимыми экспертами, а представителями правительств. Соответственно, кроме случаев, когда речь идет о Подкомиссии, это политические органы, члены которых занимают позиции в соответствии с руководящими принципами, полученными от правительств тех государств, которые они представляют. Таким образом, их беспристрастность может быть поставлена под сомнение.

Существует целый ряд органов, учреждение которых предусмотрено соответствующими международными многосторонними

договорами, заключенными под эгидой и при поддержке Организации Объединенных Наций. Они, согласно своему предназначению, известны как «договорные органы по правам человека» или «договорные органы». Эти органы, называемые комитетами, состоят из международных экспертов в соответствующей области прав человека.

Члены комитетов избираются и выполняют свои обязанности в своем личном качестве, а не в качестве представителей государств, что должно послужить гарантией их независимости и объективности. Среди этих органов наиболее значимыми в плане защиты меньшинств являются Комитет по правам человека (учрежден Международным пактом о гражданских и политических правах), Комитет по ликвидации расовой дискриминации и Комитет по правам ребенка (учрежденные соответствующими договорами).

Существует несколько методов, применяемых комитетами в своей деятельности. Прежде всего, они изучают периодические и другие отчеты государств-участников. Кроме того, некоторые комитеты уполномочены в качестве надзорных органов принимать и рассматривать жалобы (сообщения, уведомления, петиции и т. п.), поступающие от отдельных лиц или групп лиц и содержащие сведения о нарушении или невыполнении конкретной страной своих обязательств по соответствующему договору. Вместе с тем некоторые комитеты уполномочены принимать и рассматривать жалобы от государств-участников друг против друга²⁶⁶, некоторые из них в рамках своей деятельности прибегают к интерпретирующей, а в некоторой степени и нормативной деятельности, поскольку формулируют общие комментарии и рекомендации, на основе которых интерпретируют или разрабатывают положения договоров.

Заметное место в области защиты меньшинств занимают и некоторые специализированные агентства ООН. Среди них по своему значению как в смысле законодательной деятельности, так и в отношении принятия некоторых конкретных мер (например, приня-

²⁶⁶ В обоих случаях (жалобы от отдельных лиц или групп лиц, то есть жалобы от государств) о компетенции соответствующего комитета можно говорить лишь тогда, когда государство явно выразило свое согласие по этому вопросу, став участником соответствующего факультативного протокола или заявив о признании факультативного положения договора.

тие конкретных механизмов контроля) выделяется Международная организации труда (МОТ) и Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

3. ЗАЩИТА МЕНЬШИНСТВ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Учитывая тот факт, что для Европы решение этой проблемы имеет большое практическое значение (различные меньшинства насчитывают более 100 миллионов человек, что составляет около 13% европейского населения), что она имеет самый продолжительный опыт в ее решении, а также относительно высокий уровень экономического развития, не удивительно, что наибольшие достижения в области защиты меньшинств отмечаются именно на европейском континенте, в частности, в рамках Совета Европы и ОБСЕ.

1. Совет Европы

В рамках Совета Европы было принято достаточно большое число актов, имеющих важное значение для положения меньшинств. Хотя самый важный региональный документ в области прав человека – Европейская конвенция о правах человека (1950 г.) – не содержит никаких конкретных положений, касающихся прав меньшинств, другими документами были достигнуты некоторые изменения в этом вопросе.

1. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств (1992 г.). Несмотря на свое название, которое может ввести в заблуждение, этот документ является обычным международным договором, пусть и с некоторыми особенностями.

Как следует из названия, целью Хартии является защита региональных языков и языков меньшинств. Таким образом, она направлена не на защиту этнических или языковых меньшинств, а на сохранение языкового разнообразия как одного из наиболее ценных элементов европейского культурного наследия. Соответственно, Хартия не устанавливает никаких личных или коллективных прав для лиц, говорящих на языке меньшинства. Тем не менее, нет

никаких сомнений в том, что ее применение благоприятно влияет на положение членов языковых и других меньшинств. До 25 января 2021 г. Хартия была ратифицирована 25 государствами и еще в восьми странах она была подписана, но не ратифицирована.

2. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (1995 г.). Открытая для подписания спустя всего три года после появления Хартии, Конвенция является важнейшим региональным соглашением о защите национальных меньшинств.

Она имеет историческое значение. Речь идет о первом многостороннем международном договоре, который полностью посвящен защите национальных меньшинств. Кроме того, благодаря широте охвата как в отношении рассматриваемых в ней вопросов, так и регулируемых Конвенцией отношений, она стала наиболее всеобъемлющим из всех существовавших до сих пор международных документов по этому вопросу.

Принимая во внимание разнообразие ситуаций, существующих в разных странах, с целью привлечения в ряды договаривающихся сторон как можно большего числа государств при разработке Конвенции отказались от применения жестких норм. Вместо этого, выбранные формулировки по существу представляют собой положения, носящие программный характер и устанавливающие определенные правовые принципы, которые государства обязаны соблюдать для обеспечения защиты национальных меньшинств. Поскольку реализация принципов и целей, утвержденных Конвенцией, осуществляется на национальном уровне через релевантное законодательство и соответствующие политические меры правительства, то государства имеют определенную свободу, придерживаясь установленных Конвенцией принципов, учитывая собственную специфику, по своему усмотрению разрабатывать законодательство и политические меры, удовлетворяющие конкретным обстоятельствам. Именно поэтому этот документ был назван Рамочной конвенцией.

В число Договаривающихся Сторон Конвенции могут входить только государства-члены Совета Европы, а также государства, не являющиеся его членами, которым Комитет министров предложил это сделать (ст. 29 Конвенции). Хотя в этом отношении не существует никаких правовых обязательств, присоединение к Кон-

венции относится к тем политическим обязательствам, выполнение которых требуется от стран-кандидатов на вступление в Совет Европы. До 25 января 2021 г. Конвенцию ратифицировали 39 государств, четыре государства подписали ее, но не ратифицировали, и еще четыре: Андорра, Франция, Монако и Турция, даже не подписали. Обращает на себя внимание и тот факт, что последний случай вступления в силу Конвенции в отношении какого-то государства был 15 лет назад (в случае Черногории – 6 июня 2006 г.).

3. *Иные акты Совета Европы.* В рамках Совета Европы были приняты и другие акты, которые либо только частично касаются положения меньшинств, запрещая все формы дискриминации, в том числе по признаку расы, цвета кожи, языка, религии, национального происхождения, принадлежности к национальному меньшинству и т. д. (например, Европейская социальная хартия (с изменениями) 1996 г.), либо регулируют некоторые общие вопросы, которые, однако, имеют особое значение для меньшинств (например, Европейская культурная конвенция 1954 г., Европейская Хартия местного самоуправления 1985 г. и др.).

4. *Органы, занимающиеся защитой меньшинств.* Вопросами защиты меньшинств в рамках Совета Европы, так или иначе, занимаются разные органы – Комитет министров, Парламентская ассамблея, саммиты, Европейский суд по правам человека, Конгресс местных и региональных властей Европы и др.

Кроме того, существует целый ряд особых органов и учреждений, которые вносят вклад в рамках порученных ими конкретных задач – Европейская комиссия по борьбе с расизмом и нетерпимостью, Европейская комиссия за демократию через право, Комиссар по правам человека и др.

2. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)

Существенные подвижки в области защиты меньшинств были достигнуты в рамках Совещания или Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ и ОБСЕ соответственно).

Впервые меньшинства упоминались уже в Заключительном акте совещания, состоявшегося в Хельсинки в 1975 г., но эти поло-

жения по существу не имели большого значения не только потому, что речь идет о политическом, а не о правовом документе, но и потому, что рассматриваемые положения остались на уровне решений уже упоминавшейся ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах.

В последующие годы СБСЕ или ОБСЕ (после переименования в 1994 г.) уделяет этой проблеме гораздо больше внимания. Среди многочисленных документов ОБСЕ особое значение имеет документ, принятый в 1990 г. в Копенгагене. В нем всесторонне регулируются права меньшинств, при этом эксплицитно подтверждается, что уважение прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, как части общепризнанных прав человека является существенным фактором мира, справедливости, стабильности и демократии в государствах-участниках.

Своей активной деятельностью в этой области особенно выделяются два органа ОБСЕ: Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) и особенно Верховный комиссар по делам национальных меньшинств.

Бюро является главным институтом так называемого человеческого измерения ОБСЕ. Помимо всего прочего оно занимается мониторингом выборов, содействует процессам демократизации, служит Контактным пунктом по вопросам рома и синти, осуществляет надзор (мониторинг) и др.

Важную, хотя и довольно специфическую роль в деле защиты меньшинств играет Верховный комиссар по делам национальных меньшинств. Этот пост был учрежден на Хельсинкском саммите в 1992 г. Это было сделано в знак признания того факта, что этнические конфликты все чаще становятся главным источником конфликтов и угроз безопасности в современной Европе.

Хотя наименование этого должностного лица может навести на другой вывод, тем не менее, задача Верховного комиссара заключается не в защите меньшинств в соответствии с существующими международными стандартами. Он не контролирует то, как государства выполняют свои международные обязательства по защите меньшинств. В соответствии с основными целями ОБСЕ роль Верховного комиссара на самом деле состоит в том, чтобы предотвра-

щать конфликты, реагируя на самом раннем этапе на конкретные ситуации, связанные с меньшинствами, которые, по его мнению, могут перерасти в конфликт в регионе ОБСЕ и повлиять тем самым на мир, стабильность или отношения между странами-участницами. В таких случаях Верховный комиссар призван вмешаться в ситуацию в рамках своего мандата с целью ослабления напряженности и предотвращения конфликтов.

Хотя, таким образом, его задача заключается не в защите меньшинств как таковых, а в сохранении и укреплении международного мира и безопасности в регионе, Верховный комиссар, учитывая то, что межэтническая напряженность может привести к расширению конфликта, разработал практику, которая во многом способствует защите меньшинств в регионе. Кроме того, он вынес множество рекомендаций, адресованных государствам-членам, как общих, предназначенных всем государствам-членам, так и конкретных, адресованных отдельным правительствам. Важными характеристиками работы Верховного комиссара являются (или, по крайней мере, должны являться) независимость, беспристрастность, сотрудничество и конфиденциальность (так называемая тихая дипломатия).

3. Иные региональные механизмы защиты

В новейшее время определенные документы, касающиеся положения меньшинств, мы находим и у Европейского Союза, хотя его роль в этом отношении все еще остается второстепенной и сводится в основном к установлению стандартов, направленных на предотвращение различных форм дискриминации. Тем не менее, можно ожидать, что с дальнейшим укреплением интеграции вопрос защиты меньшинств будет приобретать все большее значение.

Несмотря на то, что до сих пор не найден верный путь для разрешения ситуации с меньшинствами внутри самого Европейского Союза, он проявляет большую активность, когда речь заходит о внешнем мире, то есть о субъектах, не входящих в ЕС.

Так, на протяжении уже многих лет в торговых и других соглашениях Союза с развивающимися странами включаются клаузулы, касающиеся прав человека, в том числе прав меньшинств; уважение

прав этнических меньшинств в соответствии с обязательствами, предусмотренными документами ОБСЕ, является необходимым условием для признания Европейским союзом новых государств; защита прав меньшинств среди прочего является одним из политических условий для приема новых государств в Европейский Союз и т. д. Забота о меньшинствах (в других странах) определенным образом выражается и в других международных инициативах, исходящих от Европейского Союза или реализуемых при его участии, например, Пакт стабильности в Европе (так называемый План Балладюра, 1995 г.), Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы (1999 г.) и др.

Защита меньшинств так или иначе стала частью и некоторых других форм европейского сотрудничества, таких как Центрально-Европейская Инициатива.

Хотя проблема защиты меньшинств в Европе имеет самую длительную историю, она присутствует и носит весьма серьезный характер практически во всех частях мира. Тем не менее, за пределами европейского континента проблема защиты этнических (национальных) меньшинств до сих пор в правовом отношении остается не урегулированной на региональном уровне. Соответственно, все в основном сводится к различным формам запрета на дискриминацию, в частности дискриминацию по признаку расы, цвета кожи, языка, религии, национального происхождения и т. п.

4. РОЛЬ ДВУСТОРОННИХ СОГЛАШЕНИЙ

Первые современные двусторонние соглашения по этому вопросу появились сразу после окончания Второй мировой войны²⁶⁷.

Новый этап в области заключения двусторонних договоров наступил на рубеже девяностых годов XX в. и продолжается по сей

²⁶⁷ Австро-итальянский договор (1946 г.) о положении немецкого меньшинства в области Альто-Адижде (Южный Тироль), индийско-пакистанское соглашение о защите меньшинств (1950 г.), Специальный устав о меньшинствах, прилагающийся к Меморандуму о взаимопонимании между Италией, Соединенным Королевством, США, с одной стороны, и Югославией, с другой стороны (1954 г.), немецко-датское соглашение о меньшинствах (1955 г.), китайско-малайзийское соглашение (1955 г.) и др.

день. Территориальные изменения, которые произошли в тот период (объединение Германии, распад СССР, СФРЮ и Чехословакии), привели, среди прочего, к появлению новых проблем, связанных с положением этнических меньшинств. При этом возникла необходимость как в регулировании статуса новых меньшинств (появившихся в результате распада бывших общих государств), так и статуса меньшинств в новых государствах (которые только начали выстраивать договорные отношения с соседями). Таким образом, была создана атмосфера, способствующая тому, чтобы активнее приступить к двустороннему регулированию этого вопроса между странами.

В этот период большое число европейских стран заключили двусторонние соглашения в этой области. Различные двусторонние договоры заключили Германия, Венгрия, Болгария, Молдова, Албания, Словакия, Румыния, Хорватия, Украина, Словения, Италия, Югославия (Сербия) и ряд других стран.

Принимая во внимание их направленность на конкретные вопросы, ограниченное число участников (а, следовательно, и интересов, которые необходимо примирить, и внутренних процедур, которые необходимо соблюсти), а также другие моменты (среди прочего участие в переговорах непосредственно заинтересованных сторон – представителей соответствующих меньшинств), следует ожидать, что в будущем двусторонние соглашения или другие договоры, заключенные между небольшим числом (три, четыре) непосредственно заинтересованных государств-участников, будут играть все более заметную роль.

5. ПРАВА МЕНЬШИНСТВ

Суть защиты меньшинств сводится к обеспечению для них и их членов таких условий, в которых они могут свободно, мирно и без какого-либо давления сохраниться, жить и развиваться как индивиды и соответствующие сообщества, со всеми своими особенностями.

Для достижения этой цели меньшинствам предоставляются определенные права, одни из которых материального, а другие про-

цедурного характера. Под первыми понимается набор или «каталог» соответствующих конкретных прав, а под другими – механизмы осуществления гарантированных прав.

Хотя вопрос о механизмах осуществления гарантированных прав меньшинств очень важен, тем не менее отдельно он здесь не будет рассматриваться. Вместо этого будет дан очень краткий обзор «каталога» международно признанных прав меньшинств.

В связи с этим можно отметить, что по своему содержанию, то есть совокупности общественных отношений, которые они затрагивают, права, признаваемые за членами меньшинств, можно разделить на: 1) общие права человека и 2) особые права меньшинств. Конечно, возможны и другие классификации.

1. Права человека и права гражданина

Следует различать права человека, которые признаются за всеми лицами определенной территории (определенного государства) и права гражданина, которые закреплены только за гражданами конкретного государства. В первом случае речь идет об основных правах каждого человека, а во втором – о правах гражданина конкретного государства.

1. Права человека. К правам человека относятся те права, которые признаются за всеми лицами, находящимися на определенной территории (государстве), а значит и за иностранцами и лицами без гражданства.

К ним относится большое число самых разных прав, таких как право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, запрет рабства и работорговли, запрет пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, право на равенство перед законом, право на свободу от дискриминации; право на свободу вероисповедания, право на свободу ассоциаций и т. д.

Эти права в наше время регулируются рядом международных документов.

2. Права гражданина. Ко второй группе относятся права, которые гарантированы только гражданам конкретного государства. Иначе говоря, поскольку на практике чаще всего по-прежнему

в качестве одного из важнейших элементов для определения статуса меньшинства обязательно определяется наличие гражданства соответствующего государства, то это означает, что члены меньшинств всегда или почти всегда являются гражданами данного конкретного государства, и тем самым входят в число обладателей этих прав.

К таким правам относятся следующие: право на гражданство, право на участие в общественной жизни, непосредственно или посредством свободно избранных представителей, активное и пассивное избирательное право, право свободно выезжать из своей страны и беспрепятственно возвращаться назад, право на дипломатическую защиту за рубежом, право и обязанность защищать страну и др.

Эти права являются общими в том смысле, что они гарантированы всем гражданам. Однако они имеют особое значение для членов меньшинств, поскольку обеспечивают им, с одной стороны, полное равенство с другими гражданами соответствующего государства, а с другой стороны, удовлетворяют целый ряд особых потребностей и интересов меньшинств.

2. Специальные права меньшинств

Для достижения основной цели защиты меньшинств (выживание, спокойное существование и развитие меньшинств) необходимо предоставить меньшинствам всеобщие права человека и обеспечить равноправие.

Поскольку речь идет о группе, занимающей особое положение, которой потенциально или реально угрожают различные природные и социальные явления и процессы, необходимо гарантировать ей и на практике предоставить ряд конкретных прав. Это объясняется тем, что юридическое равенство не обязательно означает и фактическое равенство.

Действительно, дать одинаковые права лицам или группам, которые, по существу, находятся в неравном положении, часто означает лишь узаконить неравенство. Для обеспечения равенства между ними необходимо гарантировать лицам, находящимся в худшем положении, некую специальную защиту.

Таким образом, особая защита или особые права предоставляются членам меньшинств не для того, чтобы поставить их в привилегированное положение, а скорее напротив, чтобы они могли действительно иметь права и равные возможности с остальным населением. Несмотря на то, что хотя представители меньшинств или меньшинства как общности, как правило, желают сохранить свою самобытность (язык, культуру, религию и т. п.), они даже в обществе с высоким уровнем открытости и толерантности, подвержены действию объективных факторов, которые приводят их в невыгодное и в некотором смысле второсортное положение.

Ни один перечень прав меньшинств не является исчерпывающим уже потому, что он постоянно дополняется (речь идет о живой материи, подвергающейся периодическим изменениям). Тем не менее, в качестве основных прав меньшинств можно выделить следующие:

- 1) право на выживание²⁶⁸;
- 2) право на идентичность;
- 3) право на равенство и недискриминацию;
- 4) право на использование родного языка;
- 5) особые права в области образования;
- 6) право на сохранение и развитие своей собственной культуры и традиций;
- 7) право на активное участие в общественной жизни;
- 8) право на международные контакты и сотрудничество;
- 9) право на эффективную защиту гарантированных прав.

Представленный перечень содержит только некоторые основные права, в рамках которых или при реализации которых проявля-

²⁶⁸ Право на самосохранение не тождественно праву на жизнь. Право на жизнь является индивидуальным правом, гарантированным целым рядом международных договоров и национальными законодательствами современных государств, и как таковое принадлежит всем (каждому). Напротив, право на самосохранение, по крайней мере, в том смысле, который мы вкладываем в это понятие в данном контексте, относится к самосохранению меньшинств как таковых. Оно имеет несколько аспектов, основные из которых: 1) право на физическое выживание и 2) право на сохранение меньшинства со всеми его особенностями.

ются многочисленные конкретные права и свободы во всем своем многообразии²⁶⁹.

3. Ограничения прав меньшинств. Обязанности меньшинств

Международное право не только дополняет и регулирует права человека, но и предусматривает определенные ограничения. Иными словами, в соответствии с тем правом государства могут в определенных ситуациях ограничивать гарантированные права и свободы человека и даже временно приостанавливать некоторые из них.

Не вдаваясь здесь в суть этой проблемы, можно отметить, что выделяются два основных типа таких ограничений, одни из которых связаны с условиями, в которых права реализуются, а другие – со способами реализации права. Эти ограничения предусмотрены международными документами, а также внутренними правовыми нормами государств. Это замечание в принципе относится ко всем правам человека, включая и права меньшинств.

1. Ограничения, связанные с условиями, в которых реализуются права меньшинств. В частности, если мы говорим об условиях, в которых реализуются права человека, то существуют определенные социальные обстоятельства, при которых ограничение или приостановление действия определенных прав, пусть и гарантированных (конституцией или любым международным документом), может считаться оправданным. К таким обстоятельствам

²⁶⁹ Так, например, право на свободное использование языков меньшинств охватывает не только право на использование этих языков в частной жизни (дома, в семье и т. д.), но и на использование этих языков в общественной жизни, и даже все чаще на определенные формы его служебного использования (в деятельности государственных органов). Кроме того, из основного права свободного использования языков меньшинств вытекает и ряд других конкретных прав, таких как: право представителей меньшинств использовать личное имя и фамилию на своем языке (языке меньшинства), право на образование на языке меньшинства или изучение этого языка в качестве отдельного предмета, право на получение информации на языках меньшинств и др.

относятся чрезвычайные ситуации (объявление военного положения, чрезвычайного положения и т. п.), которые требуют принятия конкретных мер, в том числе ограничение или приостановление действия некоторых или даже большинства прав и свобод человека в целях охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения и т. п.

При условии, что обстоятельства объективно оправдывают применение таких мер, что эти меры принимаются в разумных масштабах и носят временный характер, ограничение прав может быть предпринято, например, в отношении свободы собраний, свободы массовой информации, свободы передвижения и т. п., но так, чтобы это не воспринималось как посягательство на права человека.

Применение таких мер в обоснованных случаях не только не запрещено, но прямо предусмотрено соответствующими международными документами, такими как Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 4/1), Европейская конвенция о защите прав человека (ст. 15.1) и др. Тем не менее, некоторые права (так называемые абсолютные права) никогда не подлежат ограничению или отмене, даже во время войны, например, право на жизнь, недопустимость пыток (то есть свобода от пыток); запрет рабства, свобода мысли, убеждений, религии и др.

Эти замечания касаются и прав представителей меньшинств. Таким образом, при обстоятельствах, угрожающих существованию всего сообщества, следует относиться с пониманием к определенным ограничениям гарантированных прав меньшинств, то есть не самих прав, а их реализации на практике (например, временная приостановка работы СМИ на языках меньшинств, временная приостановка работы органов самоуправления меньшинств, поскольку их полномочия временно передаются центральным органам власти и т. п.).

С другой стороны, нет никаких сомнений в том, что определенные права меньшинств при любых обстоятельствах должны оставаться неприкосновенными. Оставляя в стороне общие права человека, которые, конечно, важны для представителей меньшинств

(например, право на жизнь, свобода вероисповедания и др.), многое говорит о том, что к числу таких прав, которые не могут быть ограничены или приостановлены, относятся и некоторые особые права меньшинств, например, право указывать или не указывать национальную (этническую) принадлежность, право на свободное использование своего родного языка и др.

2. Ограничения, связанные со способами реализации прав меньшинств. Другой вид ограничений касается способа, которым соответствующие права реализуются. Все права, что значит и все права человека, должны реализовываться таким образом, чтобы не наносить ущерб законным правам других лиц, общественному интересу и т. п.

Это верно и в отношении прав меньшинств. Как и все другие права, они должны реализовываться с соблюдением определенных общих ограничений, то есть должно соблюдаться позитивное законодательство конкретного государства без использования своих прав в ущерб другим, а также в ущерб обоснованным интересам общества в целом (особенно суверенитету и территориальной целостности государства).

В этом смысле, сформулированы и положения Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств. В ней, в первую очередь, устанавливается (ст. 20), что при осуществлении прав и свобод, вытекающих из принципов, изложенных в той конвенции, каждое лицо, принадлежащее к национальному меньшинству, должно соблюдать национальное законодательство и уважать права других лиц, в частности права лиц, принадлежащих к большинству населения или к другим национальным меньшинствам, а затем (ст. 21) уточняется:

«Ничто в настоящей Рамочной конвенции не может быть истолковано как подразумевающее какое-либо право любого лица заниматься какой-либо деятельностью или совершать какие-либо действия, противоречащие основополагающим принципам международного права, особенно принципам суверенного равенства, территориальной целостности и политической независимости государств».

В том же духе составлены различные документы соответствующих международных органов, в частности те, которые имеют непосредственное отношение к вопросам, связанным с защитой меньшинств²⁷⁰.

3. Обязанности меньшинств. Можно сказать, что самые важные из упомянутых ограничений, связанных со способами реализации прав меньшинств, представляют собой своего рода обязательства представителей меньшинств.

В частности, пользуясь своими правами, они должны:

1) соблюдать национальное законодательство территориально-го государства;

2) уважать права других лиц, в частности права лиц, принадлежащих к большинству населения или к другим национальным меньшинствам;

3) воздерживаться от действий, противоречащих основополагающим принципам международного права, особенно принципам территориальной целостности государства.

К этому можно было бы добавить и некоторые другие обязательства, например, обязательство представителей меньшинств в рамках системы образования учить (и в достаточной мере выучить) официальный (государственный) язык страны, в которой они проживают²⁷¹, обязательство получить в рамках системы образо-

²⁷⁰ Эта идея, среди прочего, несколько раз подчеркивается в Замечании общего порядка, принятом Комитетом по правам человека, № 23 (50) к ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах (1994 г.). Комментируя эту статью, Комитет отметил, что «права, закрепленные в ст. 27, должны осуществляться без ущерба для суверенитета и территориальной целостности государств-участников» (п. 3.2), и то «что ни одно из прав, закрепленных в ст. 27 Пакта, не может законным образом осуществляться каким-либо способом или в объеме, которые несовместимы с другими положениями Пакта» (п. 8). CCPR General Comment № 23: Article 27 (Rights of Minorities), Adopted on the Fiftieth Session of the Human Rights Committee, on 8 April 1994.

²⁷¹ Статья 14/3 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств (1995 г.) уточняет, что обеспечение лицам, принадлежащим к этим меньшинствам, надлежащих возможностей изучать язык своего меньшинства или получать образование на этом языке (предусмотрено ст. 14/1-2) должно осуществляться без ущерба для изучения официального языка или преподавания на этом языке.

вания знания об обществе, в котором они живут, в целом²⁷² и др. Среди прочего, и представители меньшинств обязаны (также как лица, принадлежащие к большинству населения) развивать дух толерантности, в данном случае в отношении большинства или других меньшинств.

Однако если бы потребовалось свести все особые обязательства меньшинств к одному, то все государства, скорее всего, высказались бы за то, чтобы это была лояльность по отношению к государству, в котором они проживают.

Поэтому не удивительно, что решения из этой области (хотя и не в виде четко определенных обязательств меньшинств, а чаще всего в виде общей ссылки на известные принципы международного права, касающиеся неприкосновенности суверенитета и территориальной целостности страны) интегрированы практически во все соответствующие международные документы²⁷³.

В литературе иногда отмечается, что нет никакого смысла говорить об обязательствах меньшинств и в частности требовать от них лояльности. В пользу этого утверждают, что они и без того подвергаются потенциальным угрозам и во многих отношениях находятся в неблагоприятном социальном положении, и потому нет никаких оснований ограничивать особыми обязательствами признанные за ними права. Иными словами, к ним должны применяться те же обязательства, как и другим гражданам государства. В то же время поднимается вопрос о том, почему существует так много недоверия к меньшинствам? Почему от них отдельно требуют лояльности, если это ожидается от всех граждан, то есть и от преобладающего населения? В связи с этим от-

²⁷² Эти моменты отмечаются, в частности, в статье 5/1/c/i Конвенции ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования (1960 г.), ст. 4/4 и 8/4 Декларации ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (1992 г.); ст. 14/3 и 21 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств (1995 г.) и др.

²⁷³ Так, например, ст. 8/4 Декларации ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (1992 г.) гласит: «Ничто в настоящей Декларации не может быть истолковано как допускающее какую бы то ни было деятельность, противоречащую целям и принципам Организации Объединенных Наций, включая принципы уважения суверенного равенства, территориальной целостности и политической независимости государств».

мечается, что речь идет о необоснованном подозрении, которое может быть оскорбительным для представителей меньшинств.

В связи с этим следует упомянуть, что история об обязательствах меньшинств не нова. Еще в первые годы после окончания Первой мировой войны многие авторы-правоведы отмечали наличие пробелов в тогдашних договорах о защите меньшинств, указывая на то, что везде перечисляются права меньшинств, но нигде не говорится об обязательствах меньшинств. Поскольку появилась практическая необходимость в разрешении этого вопроса, то он был поднят на Ассамблее Лиги Наций, принявшей 21 сентября 1922 г. резолюцию, согласно которой:

«Ассамблея, признавая основное право меньшинств на защиту со стороны Лиги Наций от любого угнетения, подчеркивает и обязанность, которая ложится на людей, составляющих меньшинство по признаку расы, религии и этнической принадлежности, сотрудничать как лояльные граждане с народом, к которому они теперь принадлежат».

К сожалению, события, которые произошли в последующие годы, показали, что у государств были все основания сомневаться в лояльности своих меньшинств или, по крайней мере, некоторых из них. Поэтому не удивительно, что государства, признавая за меньшинствами соответствующие права, часто стараются установить и ограничения в виде обязательства лояльности.

Следует отметить, что в принципе здесь нет никаких противоречий, причем по нескольким причинам.

Прежде всего, общепризнано, что все права всегда сопровождаются соответствующими обязательствами, а это означает, что Osborne права (права меньшинств) должны сопровождать и некоторые дополнительные обязательства.

Точно также в ответ на возражения о том, почему отдельно упоминаются определенные обязательства меньшинств, в первую очередь те, которые касаются их лояльности, следует вспомнить, что и в каталоге прав меньшинств, во всех соответствующих документах наряду со специфическими правами меньшинств прямо упоминаются и определенные общие права и свободы, имеющие особое значение для меньшинств (свобода ассоциаций, мирных собраний, право на поддержание трансграничных контактов и т. д.).

По той же логике следовало бы требовать не упоминать эти права и свободы, поскольку они и так принадлежит всем гражданам, и нет необходимости повторно гарантировать права, которые уже закреплены за всеми. Очевидно, что такое рассуждение было бы неправильным. Таким же образом не следует возражать против повторного упоминания определенных обязательств, которые хотя касаются всех, тем не менее, имеют особое значение в этом вопросе.

В сущности, при упоминании определенных правил, которые можно было бы рассматривать в качестве требования лояльности со стороны меньшинств, строго говоря, дело не в каких-то специальных (новых) обязательствах для меньшинств. Вернее, здесь, в сущности, речь не идет об обязанностях, а об уточнении условий, при которых они могут пользоваться гарантированными правами.

4. Права меньшинств (индивидуальные или коллективные)

Один из многих спорных вопросов заключается в том, какой характер носят признанные права меньшинств: индивидуальный или коллективный. Другими словами, относится ли то, что приводится в каталоге прав меньшинств, к представителям меньшинств как индивидам (как особой категории граждан той или иной страны) или, по крайней мере, до некоторой степени, к меньшинствам как общностям, к меньшинствам как таковым. Это вызывает особый интерес потому, что современное международное право все больше признает и определенные коллективные права человека (так называемое третье поколение прав человека или права солидарности).

Вышеупомянутая дилемма носит не чисто теоретический характер. Если считать, что существуют и определенные права меньшинств, которые закреплены за меньшинствами как общностями, то возникает ряд новых проблем, в первую очередь вопрос о том, кто в таком случае является обладателем такого права (безликое сообщество меньшинства или некие организации меньшинства и какие), то есть кто в случае нарушения такого права уполномочен от имени того или иного меньшинства выступить в его защиту. Отдельный вопрос заключается в том, что относится к трактуемым таким образом правам, и где границы реализации этих прав.

Дело в том, что в наиболее важных международно-правовых источниках, как на универсальном, так и на региональном уровне, нет такой категории права. Однако в соответствующих статьях этих документов упоминается, что признанные права могут осуществляться индивидуально или совместно с другими членами группы.

Однако это не то же самое, что и признание коллективных прав меньшинств. Потому что, подчеркивая, что соответствующие права используются в сообществе с другими, уточняется способ использования соответствующих прав (единолично или совместно с другими), но не то, кому принадлежит соответствующее право, кто является его носителем. Даже если право реализуется в сообществе, оно остается индивидуальным – здесь фактически происходит одновременная реализация определенной группой лиц идентичных индивидуальных прав²⁷⁴.

Впрочем, в вышеупомянутом Замечании общего порядка Комитета по правам человека № 23 к ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах (п. 1), Комитет постановляет, что данная статья устанавливает и признает право, которое распространяется на *индивидов* (здесь и далее курсив мой. – Б. К.), то есть что она касается прав, закрепленных за *индивидами* (п. 3)²⁷⁵.

Таким образом, несмотря на все возможные противоречия, можно сделать вывод о том, что наиболее важные многосторонние международно-правовые документы не содержат признания коллективных прав меньшинств. Тем не менее, увеличивается число двусторонних соглашений, которые более или менее четко признают коллективные права меньшинств.

В сущности, нет никаких сомнений в том, что определенные права, признанные за меньшинствами, являются коллективными.

²⁷⁴ Некоторые права, хотя и являются индивидуальными, по своей природе таковы, что реализуются совместно с другими членами своей общности – свобода собраний, свобода ассоциаций и т. д.

²⁷⁵ Из той же области и Комментарий положений Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, в которых прямо говорится, что: «признается возможность совместного соблюдения этих прав и свобод, которое отличается от понятия коллективных прав» (комментарий к ст. 3/2, п. 37). Framework Convention for the Protection of National Minorities and Explanatory Report. – Strasbourg, February 1995.

Независимо от того, как их квалифицирует международное право или внутреннее право конкретных государств, некоторые права меньшинств по своей сути являются коллективными:

- право на выживание меньшинства;
- право на сохранение самобытности меньшинства;
- право на поддержание взаимных контактов;
- право на прямое представительство в выборных и иных органах власти;
- право на организацию и поддержку образовательных, культурных и других аналогичных учреждений и др.

Так, например, право на получение образования на родном языке меньшинства, а также право на соответствующий учебный план и программу реализуется в интересах всего меньшинства и является одним из наиболее важных условий для его выживания и развития. Другими словами, это право одновременно является и правом меньшинства как такового (как определенного сообщества), и правом каждого индивида, который принадлежит к нему.

В действительности, то, что может, но не должно оспариваться, в сущности, заключается в вопросе, имеют ли меньшинства и право на самоопределение.

Нет никаких сомнений в том, что право на самоопределение не только закреплено в широком круге международных документов²⁷⁶, но и стало одним из принципов современного международного права. Однако при попытке определить, что точно означает это право и кому оно принадлежит, возникает проблема. Или еще конкретнее, признается ли оно только за народами или же на него могут ссылаться и другие группы, в первую очередь, национальные меньшинства?

Когда речь идет о содержании права на самоопределение, оно, в двух словах, заключается в праве всех народов самостоятельно принимать решения относительно своей судьбы. При таком понима-

²⁷⁶ Устав ООН (ст. 1/2), Декларация ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам (1960 г., п. 2), Международные пакты о правах человека (1966 г., ст. 1), Декларация ООН о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами (1970 г.), Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета (1965 г., п. 6), *Декларации социального прогресса и развития* (1965 г., ст. 3/а), Африканская хартия прав человека и народов (1981 г., ст. 20) и др.

нии это право находит свое отражение в ряде конкретных прав, таких как право всех народов на свободный выбор социально-политического и экономического строя, право на освобождение от иностранного господства, право на отделение и создание независимого государства, на объединение с другими народами и др.

В принципе, право на самоопределение разрабатывалось как право народа, живущего в условиях иностранного господства, чтобы он мог бороться за то, чтобы взять свою судьбу в свои руки и, если это необходимо, создать свое собственное государство, т. е. получить независимость. Таким образом, оно в первую очередь предназначено для жителей колоний в знак признания и поддержки их законной борьбы за национальное освобождение от иностранного порабощения, господства и эксплуатации.

Принадлежит ли это право меньшинствам? Нет, и уже потому, что признание этого права за меньшинствами противоречило бы основополагающим принципам международного права, в частности тем, которые гарантируют суверенитет и территориальную целостность государств, невмешательство во внутренние дела и т. д., закрепленных в Уставе ООН и других соответствующих международных документах.

Распространение права на самоопределение вплоть до отделения и на этнические меньшинства, не только бы противоречило основам современного международного права, но, в сущности, не решило бы проблему. Если позволить меньшинствам, чтобы они, ссылаясь на самоопределение, прибегли к сепаратизму (будь то формирование нового государства или присоединение территории, на которой они проживают, к какому-либо уже существующему государству), то сразу же возникает вопрос о судьбе тех жителей, которые на данной территории представляют «меньшинство в рамках меньшинства» или являются представителями большинства, проживающего там. Таким образом, были бы удовлетворены требования одного меньшинства (наиболее многочисленного на данной территории), но в то же время в большинстве случаев возникла бы проблема для тех жителей отделяемой территории, которые не являются членами соответствующего меньшинства.

Даже без учета того, что указанные лица могут (если речь идет о представителях большинства населения государства, то это почти наверняка) не желать изменения своего статуса, в результате сепар-

сии исчезло бы одно меньшинство, но при этом появились бы новые, которые снова (по крайней мере, в некоторых районах территории, о которой идет речь) с тем же правом могли бы выдвинуть требование собственного самоопределения. В этнически смешанных обществах или областях, которых в мире много, этот процесс мог бы происходить практически до бесконечности.

Если добавить к этому то, что такое развитие событий, скорее всего, не нашло бы понимания среди представителей большинства населения страны, что соседние государства имели бы обо всем этом свое мнение, что все это способствовало бы атомизации почти всех современных государств и вызвало бы бурную реакцию, то становится ясно, что признание за меньшинствами права на самоопределение вплоть до отделения фактически открыло бы путь для постоянных межэтнических конфликтов и, вполне вероятно, для более масштабных столкновений, имеющих непредсказуемые последствия.

На основании вышеизложенного можно заключить, что коллективные права меньшинств вызывают сегодня все меньше споров, несмотря на тот факт, что до сих пор не являются общепризнанной категорией. Между тем, они не означают (не включают) право на самоопределение, и тем более право на отделение.

Контрольные вопросы

1. В чем разница между национальными и этническими меньшинствами?
2. Какие элементы включает в себя определение меньшинства? Объясните их.
3. Как обеспечивается защита этнических меньшинств в рамках ООН?
4. Как обеспечивается защита этнических меньшинств на региональном уровне?
5. Какими правами обладают меньшинства, и какие права являются наиболее значимыми?
6. Каковы ограничения или обязанности этнических меньшинств?
7. Являются ли права меньшинств индивидуальными или коллективными? В чем суть проблемы?

ГЛАВА IX. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СПОРЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ СУДАХ ГОСУДАРСТВ

1. ПРИНЦИПАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

На практике под международными обычно подразумевают споры в более узком смысле, что означает споры между государствами, то есть между суверенными образованиями²⁷⁷.

В этой связи вполне очевидно, что ни одно государство не согласится с тем, чтобы его важный спор с другим государством разрешался национальным судом этого другого или какого-либо третьего государства. Такое положение дел обусловлено принципиальными причинами, потому что в таком случае государство само отрицало бы свой собственный суверенитет и свое юридическое равенство с другой стороной – раз уж подчиняется процедуре и решению суда, а значит государственного органа другой страны. Ведь одним из основных принципов международного права является принцип суверенного равенства государств.

Даже если это основное препятствие каким-то образом будет преодолено, останется проблема сомнения в беспристрастности иностранного суда. Действительно, что в большинстве случаев суд (сознательно или бессознательно) будет на стороне своего государства, его взглядов на конкретную проблему и его аргументов.

Хотя судебная система в современных государствах по определению является независимой, все же это не во всех странах так. Особенно это касается тех стран, где существует какая-то форма диктатуры или власть находится в руках авторитарного режима.

²⁷⁷ Подробнее см.: Кривокапич Борис. Мирное разрешение международных споров. Самара, 2021. С. 39–95.

Кроме того, в любом государстве, независимо от провозглашенной независимости судебной власти, судья как государственный служащий может подвергаться влиянию высших судебных органов (например, председателя суда) и даже исполнительной власти. Также не следует забывать, что судья почти без исключения является гражданином данного государства, постоянно проживающим в нем, и что в принципе он иногда не защищен от всякого рода давления и шантажа.

Опасность предвзятости национального суда существует даже тогда, когда судья является честным человеком, который судит без какого-либо вмешательства извне, только на основании своих юридических знаний и совести. Даже если он сам не осознает это, его взгляд на мир, и, весьма вероятно, на межгосударственный спор, то есть конфликтную ситуацию и условия, которые определяют ее, формируется в значительной степени под влиянием образования и опыта, накопленного в стране, в которой он живет и служит, а также под воздействием культурных и других взглядов, традиций, нравов и т. д. общества, к которому он принадлежит. В этом смысле аргументы государственных органов его собственного государства, скорее всего, будут ему ближе и понятнее, чем аргументы, исходящие от правительства другой страны, тем более, если культуры и правовые традиции двух стран довольно сильно отличаются.

В конце концов, не случайно одним из основных правовых принципов является правило *nemo iudex in sua causa* или *nemo iudex in res sua*, которое по многим причинам указывает на то, что именно из-за проблемы конфликта интересов никто не может решать в споре, в котором является одной из сторон. Как часть общих правовых принципов, признанных просвещенными народами, этот принцип также включен и в международное право.

Тем не менее, иногда национальный суд может рассматривать спор, в котором одной из сторон является иностранное государство. Речь идет о некоторых исключительных ситуациях.

2. СПОР, ИНИЦИИРОВАННЫЙ ИНОСТРАННЫМ ГОСУДАРСТВОМ ИЛИ В КОТОРЫЙ ИНОСТРАННОЕ ГОСУДАРСТВО ДОБРОВОЛЬНО ВСТУПИЛО

Уже по логике вещей государство, инициировавшее спор (подавшее иск) в национальный суд другой страны, признало юрисдикцию этого суда.

Кроме того, государство может принять предложение о передаче спора на рассмотрение национального суда определенной страны (например, суда третьего, нейтрального государства), а также может признать юрисдикцию иностранного суда в споре, инициированном перед этим судом кем-то другим. Оно может осуществить это прямо (сделав такое заявление) или косвенным путем (участвуя в споре).

Во всех этих случаях иммунитет государства сохраняется, так как вступление государства в судебное разбирательство, которое состоится в суде другой страны, является следствием его добровольного решения. Кроме того, в таких случаях судебное решение, если оно наносит ущерб иностранному государству, не может быть исполнено – государство всегда сохраняет абсолютный иммунитет от исполнения решения иностранного суда.

Таким образом, государство может подать иск в суд иностранного государства, но ему нельзя предъявить иск, кроме случаев, когда оно само добровольно согласится с юрисдикцией иностранного суда.

3. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ИММУНИТЕТ

1. Действия государств *jure imperii* и действия *jure gestionis*

Хотя в прошлом принцип, согласно которому одно государство не может судить другое, был строгим правилом, сегодня появляется все больше и больше примеров отказа от абсолютного иммунитета и вместо этого предпочтения отдаются так называемому функциональному (ограниченному).

При более внимательном рассмотрении наблюдается различие между деятельностью государства, которая регулируется нормами

публичного права и теми актами государства, в которых оно по сути появляется как субъект частного права. Исходя из этого считается, что государство не может отрицать юрисдикцию иностранного суда в вопросах, по которым, согласно его внутреннему законодательству, против него могут быть поданы иски, а споры могут рассматриваться в его собственных судах.

В частности, это гражданские споры, которые могут возникнуть в связи с исполнением договора, в котором государство выступает не как обладатель суверенной власти, а как одна из равноправных договаривающихся сторон; споры, связанные с возмещением ущерба, причиненного незаконными действиями государственных органов, и т. п. Таким образом, например, государство может быть привлечено к суду за заказ и получение некоторого оборудования для государственных школ, полиции, армии и т. д., если оно не заплатило за это в согласованный срок; гражданин, которого сбил и травмировал военный грузовик, имеет право предъявить иск государству о возмещении причиненного ущерба и т. п.

А именно, общепринято различать действия, которые государство предпринимает в качестве суверенного субъекта в публично-правовом (общественно-правовом) качестве (*acta jure imperii*), от действий, которые оно предпринимает в других сферах своей деятельности, что означает в частноправовом качестве (*acta jure gestionis*). Примерами этих действий являются различные юридические акты и отношения в гражданском или хозяйственном праве государственных органов и государственных хозяйственных предприятий с другими субъектами – аренда помещений; покупка сырья, канцтоваров и т. п.; продажа определенных товаров и т. д.

И в стране, и за рубежом государство пользуется защитой и неприкосновенностью, когда выступает с позиции власти (*jure imperii*), то есть как суверенный субъект, но не тогда, когда речь идет об актах *jure gestionis*. В таких случаях, даже на своей территории, в гражданском или коммерческом споре в его собственных судах (его органах) государство не имеет более благоприятного правового положения, чем другие участники.

Раз уж это так, логично, что государство тем более не должно иметь привилегированное положение в аналогичных разбиратель-

ствах в иностранных судах. Считается неправильным, если государство, участвующее в международной торговле, то есть в чисто коммерческой деятельности, пользовалось бы более выгодным положением, чем его партнеры, что случилось бы, если бы ему было предоставлено право ссылаться на свой юрисдикционный иммунитет, когда оно того пожелает. В конце концов, его потенциальные партнеры, вероятно, избегали бы вступать в деловые отношения с государством, которое так защищено – в частности потому, что, если бы государство пользовалось абсолютным иммунитетом в этих отношениях, они в конечном итоге не смогли бы взыскать свою юридическую дебиторскую задолженность.

Довод о том, что нет никаких оснований для предоставления государству абсолютного иммунитета, применяется к различным типам гражданских и связанных споров, таких как, например, спор о возмещении ущерба, причиненного иностранному физическому или юридическому лицу; спор, возникающий из трудовых отношений с иностранным гражданином, находящимся на службе соответствующего государства и т. д.

2. Конвенция ООН о юрисдикционном иммунитете государств и их собственности (2004 г.)

В целях гармонизации практики государств и устранения сомнений и споров, которые иногда возникают, эти вопросы регулируются Конвенцией ООН о юрисдикционном иммунитете государств и их собственности (2004 г.).

Он подтверждает правило об иммунитете государства и его собственности от юрисдикции другого государства (ст. 5), уточняя (ст. 7), что государство не может ссылаться на иммунитет от юрисдикции при разбирательстве в суде другого государства, в отношении какого-либо вопроса или дела, если оно явно выразило согласие на осуществление этим судом юрисдикции в отношении такого вопроса или дела в силу: *a)* международного соглашения; *b)* письменного контракта; или *c)* заявления в суде или письменного сообщения в рамках конкретного разбирательства.

Также (ст. 8), государство не может ссылаться на иммунитет от юрисдикции при разбирательстве в суде другого государства, если оно: *a)* само возбудило разбирательство; или *b)* приняло участие в разбирательстве существа дела или предприняло какое-либо иное действие по существу дела. Однако если государство докажет в суде, что ему не могло быть известно о фактах, которые могут служить основанием для заявления об иммунитете, до тех пор пока оно не предприняло такого действия, оно может ссылаться на иммунитет на основании этих фактов при условии, что оно сделает это в ближайшее, по возможности, время. Неучастие государства в разбирательстве в суде другого государства не должно пониматься как согласие первого государства на осуществление юрисдикции этим судом.

Важны и положения, предусмотренные ст. 9, регулирующие предъявление встречных исков. В ней указано, что государство, возбуждающее разбирательство в суде другого государства, не может ссылаться на иммунитет от юрисдикции этого суда в отношении любого встречного иска, основывающегося на том же правовом отношении или фактах, что и основной иск. На иммунитет от юрисдикции суда другого государства в отношении встречного иска, не может ссылаться и государство, вступающее в разбирательство в суде другого государства для предъявления иска. Наконец, государство, предъявляющее встречный иск при разбирательстве, возбужденном против него в суде другого государства, не может ссылаться на иммунитет от юрисдикции этого суда в отношении основного иска.

Особенно интересны здесь те решения Конвенции, которые означают принятие концепции функционального, а не абсолютного иммунитета государства. Согласно положениям ст. 10, если государство заключает коммерческую сделку с иностранным физическим или юридическим лицом и, в силу применимых норм международного частного права, разногласия относительно этой коммерческой сделки подлежат юрисдикции суда другого государства, это государство не может ссылаться на иммунитет от юрисдикции.

Конвенция в ст. 11–17 предусматривает и другие случаи, в которых государства не могут оспаривать юрисдикцию иностранного государства – трудовые договоры; ущерб личности и ущерб собственности (возмещение ущерба вследствие смерти, телесных

повреждений или ущерба имуществу или его утраты в результате действия или бездействия, которое предположительно может быть присвоено государству); определенные споры о праве собственности, владении и пользовании движимым и недвижимым имуществом; споры об интеллектуальной и промышленной собственности; споры, касающиеся участия государства в компании или другом объединении; споры, касающиеся принадлежащих государству или эксплуатируемых им судов и т. д.

Однако что касается исполнения судебных решений против иностранного государства, в соответствии с принципом отсутствия угрозы силой и ее применения в международных отношениях, Конвенция в принципе продолжает подтверждать правило абсолютного иммунитета от исполнения иностранных судебных решений. Правда, при соблюдении определенных условий, в исключительных случаях допускается применение таких мер.

Согласно положениям ст. 19, никакие принимаемые после вынесения судебного решения принудительные меры, такие, как обращение взыскания, арест и исполнение решения, в отношении собственности государства не могут быть приняты в связи с разбирательством в суде другого государства, за исключением случаев, когда и в той мере, в какой:

а) государство прямо согласилось на принятие таких мер, которые указаны:

- i) в международном соглашении;
- ii) в арбитражном соглашении или в письменном контракте;
- iii) в заявлении перед судом или в письменном сообщении после возникновения спора между сторонами;

б) государство зарезервировало или обозначило собственность для удовлетворения иска, являющегося объектом этого разбирательства;

с) было установлено, что собственность непосредственно используется или предназначается для использования государством для иных целей, чем государственные некоммерческие цели, и находится на территории государства суда при условии, что принудительные меры после вынесения судебного решения могут быть приняты только в отношении собственности, которая имеет связь

с образованием, против которого было направлено судебное разбирательство.

Такой подход соответствует современной практике, особенно в Соединенных Штатах и Европе, хотя есть и некоторые расхождения. В первую очередь они касаются различия между государственной собственностью, которая служит общественным целям, и той, которая не имеет такого значения и, следовательно, в отношении которой в принципе могут быть приняты принудительные меры.

Хотя, таким образом, у государств, похоже, остается все меньше и меньше возможностей для того, чтобы спрятаться за своим иммунитетом в тех случаях, когда это было бы несправедливо и не затрагивало бы их жизненные интересы, все еще рано делать какие-либо долгосрочные выводы. Это связано с тем, что практика государств неоднородна, а также с тем фактом, что, хотя Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию ООН о юрисдикционном иммунитете государств и их собственности целых 15 лет тому назад, из-за небольшого числа ратификаций она все еще не вступила в силу²⁷⁸.

Кстати, примечателен и тот факт, что небольшое количество членов имеют и соответствующие региональные соглашения²⁷⁹.

Конечно, можно возразить, что на самом деле здесь нет международного спора, в любом случае нет спора, который относился бы к сфере международного публичного права. Это потому, что иностранное государство выступает не как субъект международного права и тем более не как суверенное образование, а как субъект права на том же уровне, что и все внутренние или иностранные юридические или физические лица.

²⁷⁸ К февралю 2021 г. Конвенцию ратифицировали всего 22 государства. Чтобы Конвенция вступила в силу, ее должны ратифицировать 30 государств, но большой вопрос в том, произойдет ли это и когда.

²⁷⁹ В преамбуле Европейской конвенции об иммунитете государств, принятой в 1972 году под эгидой Совета Европы, прямо выделяется «существование в международном праве тенденции к ограничению тех случаев, когда государство может сослаться на иммунитет в иностранных судах», а затем указываются ситуации, в которых договаривающиеся стороны не могут сослаться на этот иммунитет. Однако хотя ее текст был принят почти 50 лет назад, Конвенция все еще не вступила в силу. Так, к началу 2021 года она имеет всего 8 участников.

И действительно, такие рассуждения звучат логично. Однако многие споры такого рода тесно связаны с отношениями между государствами, в которых они выступают в своем публично-правовом качестве. Следовательно, когда национальный суд страны разрешает их таким образом, чтобы удовлетворить всех участников, нет необходимости рассматривать их с помощью каких-либо других механизмов. Напротив, если иностранное государство не удовлетворено способом разрешения спора, может возникнуть новый, на этот раз классический международный спор. Наконец, на практике возникают международные споры в отношении самого права национального суда рассматривать спор против иностранного государства.

В частности, в 2012 году Международный суд разрешил спор между Германией и Италией, разразившийся из-за того, что Италия разрешила подавать в ее суды гражданские иски против Германии о возмещении ущерба, понесенного соответствующими лицами в нарушение международного гуманитарного права Германским рейхом во время Второй мировой войны. Суд постановил, что Италия таким образом нарушила свое обязательство уважать иммунитет, которым Германия пользуется в соответствии с международным правом. Суд также установил, что Италия нарушила международное право, приняв принудительные меры против немецкой собственности в Италии (Вилла Вигони, итал. – *Villa Vigoni*), и что она к тому же нарушила судебный иммунитет Германии, заявив, что будет обеспечивать выполнение решений греческих судов по аналогичным делам. Интересно отметить, что в данном споре может применяться только обычное международное право, поскольку стороны в споре не являются участниками какого-либо договора, который регулировал бы спорные вопросы – Италия не является участником Европейской конвенции об иммунитете государства (1972 г.), и ни Германия, ни Италия не являются участниками Конвенции ООН о юрисдикционном иммунитете государств и их собственности.

В более широком смысле, это решение важно, потому что это первое дело, в котором Суд непосредственно рассматривал вопрос государственного иммунитета. Особое значение имеет тот факт, что, хотя был хорошо знаком с разнообразной практикой государств (включая тенденцию некоторых из них игнорировать иммунитет

других государств и их должностных лиц в случаях серьезных нарушений прав человека или международного гуманитарного права), Суд выбрал классическую консервативную позицию, тем самым в некотором смысле подтвердив ее.

4. ДРУГИЕ СПОРНЫЕ СИТУАЦИИ

Национальные суды государств также рассматривают некоторые другие ситуации с иностранным элементом.

Среди прочего, они судят в уголовном процессе лиц (граждан собственной страны, но также и иностранцев), обвиняемых в совершении преступлений, в том числе международных преступлений, таких как преступление агрессии, геноцид, преступления против человечности, военные преступления и т. д.

Конечно, это тоже не международные споры, хотя на этой оси может вспыхнуть международный спор и даже конфликт. Это, например, может произойти, если одно государство арестует и привлечет к ответственности лицо, являющееся гражданином другого государства, и особенно, если это лицо является нынешним или бывшим высокопоставленным должностным лицом этого другого государства.

Однако легко упустить из виду, что может произойти и обратное: обвинительный приговор может положить конец межгосударственному спору. Не потому, что он сам по себе имеет такую юридическую силу (она, конечно, отсутствует), а потому, что на практике может иметь такое влияние на вовлеченные стороны, их правительства и общественное мнение.

Тут прежде всего, следует напомнить о том, что спор не обязательно должен иметь правовую природу, что существуют также политические международные споры.

В некоторых случаях такой (политический) спор может быть разрешен путем осуждения или оправдания конкретного человека. Таким образом, например, если отношения между двумя странами были нарушены из-за спора относительно того, совершило ли лицо определенное международное преступление (например, участвовал ли конкретный гражданин, и тем более должностное лицо государства А, в геноциде в государстве В и был ли вообще этот акт гено-

цидом), спорная ситуация может быть преодолена, когда суд государства А после уголовного процесса установит, что лицо виновно в деянии, в котором обвиняется, и признает его виновным (признавая тем самым, что геноцид на самом деле совершен). Таким образом, спор между государством А и государством В становится неуместным. И наоборот, если суд государства А решит, что гражданин государства В невиновен, когда дело доходит до совершения серьезного преступления, в связи с которым возник спор между двумя государствами, то этот спор также теряет свой смысл. В обоих случаях, хотя приговор вообще не направлен на разрешение межгосударственного спора (уголовный суд не призван и не компетентен рассматривать его, а принимает решение только об уголовной ответственности отдельных лиц), приговор суда может при определенных условиях положить конец межгосударственному спору.

Согласно вышесказанному, в этих и подобных случаях разрешение спора является случайным следствием судебного разбирательства. Конечно, вполне возможно, что вердикт, даже если он таков, что не оспаривается ни одним из заинтересованных государств, не сможет положить конец спору. Также могут возникнуть новые споры о том, был ли вынесен достаточно суровый приговор, все ли ответственные лица наказаны и т. д.

Несомненным является тот факт, что в уголовных процессах и гражданских спорах с иностранным элементом национальный суд принимает решение на основе материального и процессуального права своей страны²⁸⁰.

Однако в исключительных случаях могут возникнуть ситуации, в которых национальный суд разрешает спор с иностранным

²⁸⁰ Так, например, что касается уголовного права, то не только процедура проводится в соответствии с национальными законами, но также суд выносит приговор на основе национального уголовного кодекса, даже когда речь идет о международных преступлениях (агрессия, геноцид, пиратство и др.). В конце концов, даже когда точно определено конкретное преступление (например, геноцид), международное право не определяет каких-то других вопросов, без которых не может быть практического применения. Достаточно упомянуть, что в международных конвенциях не перечисляются конкретные наказания, которые были бы обязательными для национальных судов (уголовные санкции, указанные в статутах международных уголовных судов, применяются только к каждому соответствующему международному уголовному суду отдельно).

элементом на основе международного права. Это будет особенно актуально, когда дело рассматривается в национальном призовом суде государства, вооруженные силы которого захватили судно или самолет своего противника или нейтрального государства.

5. ПРИЗОВЫЙ СУД

В то время как в войне на суше частная собственность в принципе неприкосновенна, в войне на море каждая сторона в конфликте имеет право захватывать и, на основании решения своего призового суда, конфисковывать частную собственность противника. При определенных условиях (например, в случае контрабанды), может быть конфискована и нейтральная частная собственность. Могут быть захвачены: частные торговые суда противника; груз противника на частном торговом судне противника; груз противника на нейтральном корабле с враждебным характером; нейтральный груз на торговом судне противника, если он представляет собой военную контрабанду; и нейтральные торговые суда, частные или государственные, если они враждебны.

Хотя международное право признает институт морского приза, это никоим образом не означает, что можно допускать произвол. Таким образом, право приза ограничено несколькими способами. Оно существует только во время войны и пространственно ограничено территориальными водами воюющих сторон и открытым морем. Кроме того, Гагская конвенция о некоторых ограничениях осуществления права на захват в ходе войны на море (1907 г.) и Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, в вооруженных силах на море (1949 г.) устанавливают определенные освобождения от военно-морского приза²⁸¹.

²⁸¹ Неприкосновенность почтовой корреспонденции, освобождение от конфискации судов, предназначенных исключительно для местного судоходства или рыболовства, освобождение от конфискации госпитальных судов, используемых национальными обществами Красного Креста, официально признанными обществами помощи или отдельными лицами (если сторона, к которой они принадлежат, издала официальный приказ и если они соответствуют другим предписанным условиям) и т. д.

Что особенно важно здесь, так это тот факт, что давно стало понятно, что необходим некоторый независимый контроль над тем, есть ли в конкретном случае место для захвата судна и/или его груза. Решение должно быть основано на нормах международного права.

Конечно, было бы лучше, если бы этими проблемами занимался специализированный международный орган. Однако, несмотря на серьезные усилия по созданию специального международного трибунала по делам морского приза, который бы гарантировал экспертизу и, самое главное, беспристрастность, по разным причинам этого до сих пор не произошло.

А именно, уже на Второй Гаагской мирной конференции (1907 г.) был принят проект конвенции (XII Гаагской конвенции) об учреждении международного суда по морскому призу²⁸².

Предполагалось, что это будет беспристрастный международный орган, расположенный в Гааге и обладающий юрисдикцией для рассмотрения апелляций на решения национальных судов государств и вынесения окончательных решений. Конвенция предусматривает условия, при которых нейтральные государства, лица, являющиеся гражданами нейтральных государств, и даже лица, являющиеся гражданами вражеского государства, могут обращаться в Суд. Договаривающиеся стороны обязались безотлагательно и добросовестно исполнять решения Суда²⁸³.

Суд должен был состоять из 15 судей и их заместителей, назначенных сторонами на 6 лет. Предусматривалось, что суд сможет принять решение в присутствии 9 судей при условии, что отсутствующий судья может быть заменен его заместителем. Германия, Соединенные Штаты Америки, Австро-Венгрия, Франция, Великобритания, Италия, Япония и Россия всегда должны были иметь своих собственных судей и их заместителей, в то время как остальные 7 судей и их заместители были бы из других договаривающихся государств²⁸⁴.

²⁸² Необходимость в международном суде по морскому призу была особенно очевидна во время русско-японской войны (1904–1905 гг.), когда суды противоборствующих сторон в нескольких случаях одобряли захват нейтральных грузов и даже судов без достаточных правовых оснований.

²⁸³ Статьи 3–5, 9 и 21 Конвенции.

²⁸⁴ Статьи 10–16 Конвенции.

Однако хотя это соглашение было подписано 31 страной до 30 июня 1909 г., когда была назначена дата сдачи на хранение ратификационных грамот, ни одна из них не ратифицировала его. Членом Конвенции стала только Никарагуа, и только 16 декабря 1909 г., поэтому Конвенция так и не вступила в силу. Конвенция 18.10.1910 г. дополнена Дополнительным протоколом, который разрешил некоторые спорные вопросы, но так и не вступил в силу.

Таким образом, окончательное решение о том, следует ли задержать или отпустить судно и/или его груз, по-прежнему принимает специализированный национальный суд по морскому призыву того государства, вооруженные силы которого захватили судно.

Применяя международное и частично внутреннее право, он, после проведенной процедуры и представленных доказательств, определяет приговором, имеет ли место в конкретном случае захват иностранного торгового судна, груза и других вещей на нем, а также другие связанные с этим вопросы²⁸⁵. Если суд решает, что судно или груз должны быть освобождены (например, потому что было доказано, что экипаж судна не знал или не мог знать, что район находился под блокадой), суд также решает, имеют ли потерпевшие право на компенсацию ущерба, а также определяет размер этой компенсации.

Хотя они являются частью национальной судебной системы государства, захватившего судно или его товар, что означает, что они по-разному связаны с его правопорядком, эти суды во многих отношениях являются особенными, главным образом в том, что они применяют международное право. Однако это не делает их международными судами в полном смысле этого слова.

По сути, они решают только судьбу частной собственности, то есть они не разрешают настоящий международный спор (правоотношения между государствами). Строго говоря, настоящий международный спор (такой спор в узком смысле) может возникнуть только тог-

²⁸⁵ Суд по морскому призыву не компетентен выносить решения о захвате вражеских военных кораблей и других общественных судов или торговых судов, принадлежащих вражескому государству, или другой государственной собственности вражеского государства, поскольку эти объекты представляют собой военную добычу захватившего их государства.

да, когда государство, судно которого захвачено, берет на себя защиту своего гражданина, поскольку считает, что в данном случае было нарушено международное право. Только тогда эти отношения перерастают в межгосударственный спор, что означает, что он разрешается некоторыми из способов, предусмотренных международным правом, включая возможность судебного разбирательства в Международном Суде.

Однако на все можно взглянуть совершенно иначе. Если суд по морскому призу решит, что для конфискации нет места и что захваченное судно следует освободить, и присудит ему справедливую компенсацию за необоснованное задержание, спорная ситуация, таким образом, разрешается. Иностранное государство, скорее всего, будет удовлетворено таким решением, в то время как государство, суд которого вынес решение, не сможет оспорить решение своего собственного суда.

В последнее время нормы международного морского права войны применяются аналогичным образом в воздушной войне, и суды по делам морского приза также решают вопрос о действительности конфискации вражеских или нейтральных самолетов и их грузов.

6. РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ СУДОВ В РАЗРЕШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРОВ В БУДУЩЕМ

В наше время мир становится все более взаимосвязанным. Происходит унификация права разными способами, во все большем количестве областей – в гражданском праве, коммерческом праве, трудовом праве, праве дорожного движения, в вопросах прав и свобод человека, уголовном праве, экологическом праве и т. д.

Это заставляет нормы международного права и внутренние права государств все больше полагаться друг на друга, пронизывать и дополнять друг друга. Ведь отношения, носящие международный или хотя бы трансграничный характер, становятся все более многочисленными и сложными. Это приводит к тому, что государственные органы все чаще сталкиваются с иностранными или международными организациями и иностранным, и особенно международным правом.

Правильно отмечается, что глобализация повысила проницаемость национальных правовых порядков государств, и что в этих условиях национальные суды государств все в большей степени могут применять правила, установленные на международном уровне.

Верно также и то, что международное право все чаще становится частью национальных правовых систем по всему миру, которые, в свою очередь, предоставляют новые идеи и подходы к решению вопросов международного значения, создавая динамические подсистемы национального, регионального и международного (универсального) права, которые затем вместе могут создать взаимозависимую глобальную правовую систему. В этих рамках национальные суды государства, скорее всего, будут все больше способствовать предотвращению возникновения межгосударственных споров, разрешая подобные споры.

Контрольные вопросы

1. Почему государства в принципе не соглашаются с тем, чтобы их споры с другими государствами разрешались национальными судами других государств?
2. Какова позиция иностранного государства, инициировавшего спор в национальном суде другого государства?
3. Что такое функциональный иммунитет?
4. В чем разница между действиями государств *jure imperii* и *jure gestionis*?
5. Каковы характеристики Конвенции ООН о юрисдикционном иммунитете государств и их собственности (2004 г.)?
6. Назовите особые ситуации, в которых национальные суды государств хотя бы косвенно разрешают международные споры.
7. Что такое призовый суд, каковы его роль и значение?
8. Какую роль будут играть национальные суды в разрешении международных споров в будущем?

Глава X. ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ УГОЛОВНЫХ СУДОВ

Нет человека с хотя бы элементарным уровнем образования, который никогда не видел статую или изображение Юстиции (лат. – *Iustitia*, англ. – *Lady Justice*), римской богини правосудия. В одной руке она держит весы, определяя вину и меру ответственности, а в другой – меч, чтобы покарать виновного²⁸⁶. Но важнее всего то, что глаза ее закрыты повязкой! Правосудие должно быть слепо! Справедливость должна быть единой для всех! Если это не так, то это не справедливость! Избирательная справедливость зачастую гораздо хуже несправедливости!

Здесь мы приведем особый, немного отличающийся от общепринятых, и в значительной мере критический взгляд на существующую практику международных уголовных судов. И хотя, безусловно, следует всячески поддерживать развитие международного уголовного права и международных уголовных судебных органов, именно в целях их ускоренного и более последовательного развития, стоит указать на некоторые спорные моменты, многие из которых часто остаются без внимания.

1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

1. Наказание за совершение международных преступлений в далеком прошлом

Первые нормы международного права возникли еще в античный период. Об их существовании можно говорить, начиная со времен

²⁸⁶ Отмечая, что правда (справедливость) и право (законность) не всегда представляют собой одно и то же, древние греки почитали двух богинь – Дике (англ. – *Dike*), богиню справедливости и Фемиду (англ. – *Themis*), богиню права и законности. У римлян образы двух богинь слились в один – Юстицию.

появления первых государств и, соответственно, первых международных отношений.

В этом контексте деяния, которые мы, пользуясь современным языком, назвали бы первыми международными уголовными преступлениями, также существуют с очень давних пор. Имеется множество исторических подтверждений того, что неизменно карались уголовные преступления, представлявшие собой часть обычного международного права, такие как пиратство²⁸⁷, посягательство на неприкосновенность послов иностранных государств, даже если речь шла о послах вражеского государства, вероломство и другие военные преступления. Примеров тому в античности множество, причем из различных областей²⁸⁸. Иными словами, несмотря на то, что огромному количеству преступников во все времена удавалось уйти от наказания, практика привлечения к уголовной ответственности за совершение грубых нарушений международно-правовых норм в большем или меньшем объеме существовала на протяжении всей истории человечества²⁸⁹.

В течение весьма длительного периода времени (почти до наших дней) было характерно, что в этих случаях санкции, независимо от того, применялись ли они к местному или иностранному гражданину, всегда налагались национальным органом – правительством, римским Сенатом и т. д.

²⁸⁷ С незапамятных времен пиратство считается преступлением, затрагивающим интересы всего мирового сообщества, и поэтому все государства уполномочены и призваны преследовать и карать виновных. Считается, что еще Цицерон заметил: «*Pirata est hostis humani generis*» (с лат. – «Пират – враг рода человеческого»).

²⁸⁸ Можно возразить, что в подобных случаях речь шла о наказании за нарушение норм *внутреннего* права. Такая позиция, однако, не учитывает того, что упомянутые нормы существовали у всех народов и во все эпохи, и в основе их лежали *международно-правовые* обычаи. Впрочем, и сегодня государства своими внутренними нормативными правовыми актами подробно разрабатывают сферы, которые регулируются международным правом (например, принимают законы, уточняющие вопросы, регулируемые международным договором, налагающим на них обязательства).

²⁸⁹ Помимо прочего, еще в 1305 г. в Англии состоялся суд над Уильямом Уоллесом (англ. – *William Wallace*, шотл. – *Uilleam Uallas*), который, согласно обвинению, вел войну на уничтожение, не считаясь «ни с возрастом, ни с полом, ни с монахами, ни с монахинями».

В те давно прошедшие времена, насколько известно, не было международных уголовных судов. Тем более не было какого-либо универсального международного уголовного суда, особенно исполняющего свои функции на постоянной основе.

2. Первые международные уголовные суды

Идеи о создании международных уголовных судов появились относительно давно. Существуют утверждения, что еще папа римский во времена Столетней войны (1337–1453 гг.) выступал за учреждение уголовного суда с целью привлечения к ответственности виновников тяжких уголовных преступлений, совершенных во время войны.

Первым международным судом, судившим за совершение деяний, которые сегодня получили название преступлений против человечности, обычно считается международный уголовный суд *ad hoc*, состоявший из 28 судей из разных городов-государств Эльзаса, Германии и Швейцарии, который еще в 1474 г. приговорил к смерти одного аристократа (губернатора оккупированного города) за убийства, изнасилования, жестокое обращение, лжесвидетельства, незаконную конфискацию частного имущества и другие злодеяния, совершенные по его распоряжению лицами, находившимися под его командованием в период, когда не велись военные действия²⁹⁰.

Однако и ранее международные суды судили за подобные преступления. Известность получило дело молодого швабского герцога Конрадина фон Гогенштауфена (*Conradin von Hohenstaufen*), который после поражения в битве под Тальякочцо предстал в 1268 г. в Неаполе перед международным судом (Великий совет), состоявшем из французских аристократов и представителей итальянских городов. Он был признан виновным в ведении незаконной, то есть агрессорской войны и убийствах итальянских гражданских лиц, совершенных его войсками, и казнен²⁹¹.

²⁹⁰ Петер фон Хагенбах (*Peter von Hagenbach*), наместник оккупированного города Брейсах (*Briesach*, нынешняя Германия) был признан виновным в перечисленных злодеяниях, лишен рыцарского звания, приговорен к смерти и казнен.

²⁹¹ По правде говоря, есть мнения, что это был политический процесс (из четырех судей только один сразу потребовал смертной казни, остальные уступили только под давлением Карла Анжуйского, учредившего суд).

Вполне возможно, что в прошлом создавались и другие подобные международные уголовные суды, сведения о которых до нас не дошли.

При рассмотрении характерных явлений прошедших эпох, можно прийти к двум обобщенным выводам.

Во-первых, даже в тех случаях, когда обвиняемые представляли перед судом за совершение международных преступлений, почти без исключения это происходило в национальных судах заинтересованного государства, что сразу поднимает проблему объективности такого собрания.

Во-вторых, упомянутые примеры и, возможно, ряд других, неизвестных нам примеров существования международных уголовных судов, были судами *ad hoc*, созданными в короткие сроки, без достаточно разработанных материальных и процессуальных международных уголовных норм, состоящими из судей, которые, вполне возможно, были честными, но по современным стандартам недостаточно квалифицированными людьми для того, чтобы судить за совершение международных преступлений²⁹².

3. Состояние уголовного правосудия в период, предшествующий Второй мировой войне

В новейшей истории швейцарец Густав Муанье (*Gustav Moynier*), потрясенный зверствами обеих конфликтующих сторон во время франко-прусской войны 1870 г., еще в 1872 г. предложил учредить международный уголовный суд, который должен был судить за нарушения Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (1864 г.).

Тем не менее, все ограничилось этим предложением.

²⁹² Характерен факт, что по имеющимся у нас сведениям, в указанных или аналогичных случаях, если таковые были, выбор среди возможных видов наказания был очень ограниченным – если суд оправдывал обвиняемого, то его ждало освобождение, а если объявлял виновным, то его ждал эшафот (смертный приговор).

Первая серьезная попытка формирования международного уголовного суда была предпринята по окончании Первой мировой войны, но не увенчалась успехом. Армии победителей потребовали учреждения международного суда («специальный трибунал»), состоящего из судей, назначенных Великобританией, Италией, США, Францией и Японией, в компетенцию которого входило бы преследование лиц, виновных в совершении военных преступлений, и в их числе германского императора Вильгельма II, который согласно Версальскому мирному договору (ст. 227) обвинен «в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров». Он бежал в Нидерланды, которые отказались его выдать²⁹³.

Версальский мирный договор (1919 г.) предусматривал учреждение международного уголовного суда для судебного преследования германского государственного и военного руководства, обвиняемого в военных преступлениях, но этого не произошло. Несмотря на то, что государства-победители требовали из 21 000 подозреваемых в совершении военных преступлений выдать суду 895 представителей германского и австро-венгерского государственного и военного руководства, от этого пришлось отказаться, и список обвиняемых сократился до 45 лиц (то есть 5% от первоначального количества тех, кого решено было поставить перед лицом правосудия, и всего 0,21% от общего количества подозреваемых!)²⁹⁴.

В качестве дополнительной уступки германскому правительству судебный процесс проходил не в международном, а в германском суде. Однако он превратился в пародию на судебный процесс. В рамках 9 процессов, состоявшихся в Лейпциге в 1921 г. (так называемые «*Лейпцигские процессы*»), перед судом предстали только 12 обвиняемых, большинство из которых были совсем незначи-

²⁹³ Голландия оправдывалась тем, что ее Конституция допускает выдачу только на основе международного договора, что преступные деяния, за совершение которых Вильгельм подвергся судебному преследованию, не являются уголовными ни с точки зрения голландского права, ни согласно договорам об экстрадиции, заключенным с союзными и объединившимися державами, и, сверх того, Конституция государства не допускает заключения договора об экстрадиции для выдачи всего одного лица.

²⁹⁴ Сведения, в зависимости от источника, несколько разнятся, в литературе встречаются утверждения о меньшем (894) или большем (901) числе лиц, судебного преследования которых требовали союзники.

тельными фигурами. Из них, в конечном счете, к минимальному наказанию приговорены всего 6, а остальные шестеро оправданы. При этом обвиняемые в ходе судебного заседания и при вынесении приговора получали не только поддержку, но и настоящие овации публики в зале судебных заседаний и вместо того, чтобы быть заклеятыми как злодеи, тем самым в глазах германской общественности превратились в, своего рода, мучеников и национальных героев. Таким образом, попытка вынесения наказания национальными судами конкретного государства потерпела полный крах²⁹⁵.

По политическим причинам безуспешной оказалась попытка поставить перед лицом правосудия (в турецких судах) ответственных лиц Османской империи. В частности, Великобритания и Франция рассматривали Турцию в качестве важного бастиона и союзника против Советской России и растущей большевистской и коммунистической опасности, и как страну, в отношении которой следовало продемонстрировать некоторую долю снисходительности. Тут политика в очередной раз вытеснила право и справедливость.

С другой стороны, практика показала, что и в тех редких случаях, когда право вершить правосудие брали на себя местные (национальные) суды государств, эти суды, как правило, были пристрастны с совершенно неожиданной точки зрения!

Говоря конкретно, поскольку Версальский договор предусматривал право союзников (победителей) судить в своих военных трибуналах военнотружущих побежденных стран за преступления, связанные с нарушением законов и обычаев войны, во Франции и Бельгии состоялись судебные процессы в отсутствие военнотружущих германской армии. В отличие от Лейпцигских процессов эти суды, по сути, разбирая идентичные в основе своей уголовные дела, вынесли ряд обвинительных приговоров, включая смертную казнь через повешение²⁹⁶.

Исходя из этого, практика подтвердила, как и предполагалось, что национальные суды в подобных обстоятельствах почти всегда недостаточно объективны. С одной стороны, они не заинтересова-

²⁹⁵ И даже те, кто был осужден, вскоре были выпущены из тюрьмы.

²⁹⁶ Однако эти наказания не были приведены в исполнение.

ны в том, чтобы вести уголовные процессы против своих граждан за деяния, совершенные ими в отношении иностранных граждан, и даже если начинают такие процессы, то склонны оправдать обвиняемых или осудить их за незначительные, а не за действительно тяжкие преступления. При этом, разумеется, принимаются во внимание различные смягчающие обстоятельства, выносятся более мягкое или условное наказание и т. п. И наоборот, те же самые суды в одинаковых, по сути ситуациях, как правило, не проявляют снисхождения к иностранцам, особенно если во время войны они воевали на стороне противника.

Все это убеждало в том, что в подобных случаях установление справедливости необходимо поручить (беспристрастному) международному суду.

Несмотря на то, что идея об основании постоянного международного уголовного суда или отдельного подразделения в рамках Постоянной палаты международного правосудия существовала уже в период между двумя мировыми войнами, первые конкретные шаги были предприняты только после окончания Второй мировой войны.

4. Современные международные уголовные трибуналы

После Второй мировой войны состоялись два получивших широкую известность и, по мнению многих, исторических процесса – в Нюрнберге и Токио, в ходе которых судили главных военных преступников нацистской Германии и милитаристской Японии²⁹⁷. Эти процессы по праву получили высокую оценку как в кругах международной общественности, так и в научной и специальной литературе.

Уже спустя много лет созданы различные новые международные уголовные суды – сначала международный уголовный трибунал *ad hoc* по бывшей Югославии (со штаб-квартирой в Гааге,

²⁹⁷ Кроме того, государства-победители осуществляли судебное преследование лиц, совершивших военные и другие преступления, своими национальными и оккупационными судами, но в данном контексте это представляет для нас меньший интерес.

Голландия) и Руанде (со штаб-квартирой в Аруше, Танзания), а затем целый ряд так называемых смешанных уголовных трибуналов и, наконец, постоянный Международный уголовный суд.

Создание международных уголовных трибуналов можно считать значительным успехом по нескольким причинам:

– тем самым обеспечивается возможность достижения справедливости в смысле наказания виновников тяжких международных преступлений и своего рода сатисфакции жертв и их родственников;

– устанавливается и каждый раз вновь подтверждается принцип индивидуальной уголовной ответственности. Уставы и другие акты, а также практика этих судов пропагандируют принцип, согласно которому преступниками никогда не бывают целые народы, а лишь конкретные индивиды, которые должны понести справедливое наказание за свои деяния;

– точная идентификация, судебное преследование и наказание фактических виновников тяжких международных уголовных преступлений способствуют процессу примирения между народами и разными этническими, религиозными и подобными группами. Благодаря осуждению реальных виновников одни получают сатисфакцию и определенную дозу уверенности и чувства собственного достоинства, а вторые снимают с себя гнет тем или иным способом навязанной коллективной вины;

– судебные процессы имели мощный политический и превентивный посыл. Они продемонстрировали решимость мирового сообщества не оставаться в стороне, если в будущем возникнут подобные ситуации, и готовность впредь принимать участие в привлечении международных преступников к ответственности международными судами. Этот посыл был еще сильнее вследствие того, что уже в ходе Нюрнбергского и Токийского процессов, а затем в ходе судебных разбирательств в других международных судах, перед судом предстали и высшие государственные и политические функционеры соответствующего государства;

– с точки зрения развития международного права имеет особое значение факт, что уставами международных судов определены и квалифицированы тяжкие международные уголовные преступле-

ния, подпадающие под юрисдикцию данных судов: агрессия, военные преступления, геноцид, преступления против человечности;

– судебные процессы способствовали тому, что мировая общественность получила информацию о конкретных тяжких преступлениях, а также о международном уголовном праве и международных уголовных судах в целом. Это со своей стороны способствовало росту поддержки дальнейшего развития и международного уголовного права, и международных уголовных судов;

– развитие международного уголовного права и международных уголовных судов положительно повлияло и на развитие соответствующей части законодательств многих государств;

– практика международных уголовных судов должна была оказывать поощрительное и стимулирующее влияние на практику национальных судов государств применительно к материи международных уголовных преступлений и т. д.

Это, бесспорно, положительные моменты.

Практически во всех учебниках и книгах, посвященных данной тематике, трибуналы в Нюрнберге и Токио преподносятся как триумф международного правосудия и ориентир развития международного права в данной области. И это верно.

В целом, о том, что Нюрнбергский процесс и его принципы, получили всеобщую поддержку, свидетельствует, помимо прочего, факт, что Генеральная Ассамблея ООН Резолюцией 95 от 11.12.1946 г. утвердила принципы Устава и приговора Нюрнбергского суда в качестве принципов международного права. Иными словами, с этого момента эти принципы как принципы международного права стали обязательными для всех.

Мнения по-прежнему довольно различны, когда речь идет о трибуналах *ad hoc* в Гааге и Аруше. Тем не менее, и в этом случае больше не ставится под вопрос ни способ создания этих органов, ни целый ряд других моментов, вызвавших ожесточенные дискуссии в период возникновения этих судов.

Еще менее спорными, по крайней мере, на первый взгляд, являются различные смешанные суды, в которых многие видят единственно правильное решение многочисленных сложных ситуаций, существующих в мире.

Наконец, учреждение постоянного Международного уголовного суда было встречено с полным оптимизмом, с убеждением, что, наконец, заполнен значительный пробел в международном праве.

Все это так. По крайней мере, в значительной части и на первый взгляд. Однако ничто не идеально, ничто не лишено недоработок и недостатков. В этом смысле международные суды не являются исключением.

Учитывая, что о положительных сторонах упомянутых международных судов сказано достаточно, здесь мы дадим обзор только той стороны этого явления, которая обычно остается в тени. А именно, объективный анализ показывает, что не все так радужно, как обычно принято изображать.

Поэтому, не оспаривая факт, что международные уголовные суды в принципе представляют собой большой прогресс и успех как с точки зрения международного права, так и с позиции международного правосудия, мы укажем на некоторые проблемы, как правило, остающиеся незамеченными или не получающие должного внимания.

Итак, здесь пойдет речь о слабых сторонах Нюрнбергского и Токийского процессов, о слабых сторонах международных трибуналов *ad hoc* и смешанных уголовных судов *ad hoc*, а также о выявленных на данный момент проблемах, связанных с деятельностью Международного уголовного суда.

На основании этих наблюдений будет вынесено одно достаточно критическое заключение – не против международного уголовного правосудия, а, наоборот, в пользу того, чтобы оно стало лучше, эффективнее, объективнее, а главное, едино для всех.

2. НЮРНБЕРГСКИЙ И ТОКИЙСКИЙ ПРОЦЕССЫ

После Второй мировой войны главные военные преступники Германии и Японии предстали перед международными военными трибуналами в Нюрнберге (18.10.1945–01.10.1946 гг.) и Токио (29.04.1946–12.11.1948 гг.).

Оба крупных процесса по праву считаются важнейшим достижением международного уголовного правосудия. Наряду с реали-

зацией основной цели – наказанием виновных, они имели далеко идущие последствия, отразившиеся на развитии международного уголовного права. Принципы, согласно которым проводились эти процессы, международные уголовные преступления, подпадающие под юрисдикцию этих судов, и другие вопросы легли в основу международного уголовного права и по сей день никем не ставятся под сомнение.

С практической стороны эти процессы проторили дорогу созданию новых международных уголовных судов *ad hoc* (Гаагский трибунал и Трибунал в Аруше), все более многочисленным смешанным уголовным судам и важнейшему из всех (хотя ему еще только предстоит оправдать такую характеристику) – постоянному Международному уголовному суду.

И, тем не менее, судебные процессы в Нюрнберге и Токио не были лишены серьезных недостатков. Ниже мы приведем лишь некоторые из них.

1. Проблема независимости и объективности

Трибуналы в Нюрнберге и Токио не являлись независимыми международными судами в истинном смысле слова.

Это были судебные органы, действовавшие в качестве совместных органов государств-учредителей – четырех величайших держав-победительниц, но не всего мирового сообщества. Напомним основные факты.

Нюрнбергский трибунал был учрежден на основании Лондонского соглашения, достигнутого 08.08.1945 г. четырьмя великими державами-победительницами (США, СССР, Великобритания и Франция). В дополнение к Соглашению был утвержден Устав Международного военного трибунала, на основе которого проводился Нюрнбергский процесс.

С другой стороны, Токийский трибунал был учрежден приказом, изданным 19.01.1946 г. главнокомандующим союзных войск на Дальнем Востоке американским генералом Дугласом Макартуром (*Douglas MacArthur*). Он состоял из 11 судей, представлявших союзные державы, участвовавшие в войне с Японией – Австралия, Филиппины, Франция, Нидерланды, Индия, Канада, Китай, Новая Зеландия, США, СССР и Великобритания. Каждая из них назначила и своего прокурора.

В любом случае, ни один из этих двух международных уголовных трибуналов *ad hoc* не был сформирован ни репрезентативной всемирной организацией (Лига Наций тем временем прекратила свое существование, а ООН еще не начала функционировать), ни на основании какой-либо всемирной конференции, на которой были бы представлены если не все, то, по крайней мере, большинство государств мира. Вместо этого решающая роль во всех смыслах принадлежала четырем великим державам-победительницам.

Более того, это были военные, а не гражданские суды. Судьи были военнослужащими, подчиненными военной дисциплине армии государства, которое их назначило. Поэтому неудивительно, что обвинители действовали по инструкциям правительств, ставленниками которых они являлись.

2. Небольшая группа обвиняемых

В обоих случаях суд проходил над очень небольшой группой обвиняемых²⁹⁸.

И хотя такое решение соответствовало Московской декларации (1943 г.), в которой три великие союзные державы договорились о том, что по окончании войны подозреваемые в совершении военных преступлений будут отправлены в страны, в которых ими были совершены их преступные деяния, для того, чтобы они могли быть наказаны в соответствии с законами этих стран, а международным судом будут судимы только самые ответственные лица, тем не менее, существуют некоторые дилеммы²⁹⁹. В частности, большой вопрос,

²⁹⁸ Нюрнбергский судебный процесс завершился тем, что из 22 обвиняемых 12 были приговорены к смертной казни через повешение, 3 – к пожизненному лишению свободы, 4 – к срокам заключения от 10 до 20 лет и 3 – оправданы. Что касается приговора Токийского процесса, из 28 обвиняемых (среди которых были члены правительства, дипломаты и военное руководство), 7 были приговорены к смертной казни через повешение и казнены, 16 приговорены к пожизненному заключению, 2 – к заключению сроком 7 и 20 лет, против одного судебное производство было прекращено по причине его неспособности предстать перед судом, а двое умерли в ходе судебного процесса. Никто из них не был оправдан.

²⁹⁹ Действительно, большое количество обвиняемых были привлечены к ответственности и осуждены национальными судами государств (как держав-победительниц, так и побежденных государств), а часть из них предстала перед оккупационными трибуналами союзников.

действительно ли те, кто сидел на скамье подсудимых в Нюрнберге и Токио, должны были оказаться там и, с другой стороны, действительно ли на этих скамьях сидели все те, кому там было место (и те, кто объективно мог там быть).

Сам факт, что с 3 из 22 (13,6%) обвиняемых в Нюрнберге было снято обвинение, говорит в пользу того, что при выборе обвиняемых, возможно, недостаточно учитывалось, что наверняка существовали и те, чья вина была больше и очевиднее, но, тем не менее, не представшие перед судом. Также остается под вопросом, все ли те, кто был приговорен к самому суровому наказанию (повешению), заслужили такое наказание – мы имеем в виду тех, кто не обгадил свои руки кровью непосредственно или не отдавал приказов о совершении преступлений.

Другую сторону медали представляет собой факт, что Нюрнбергский процесс задумывался как первый в этой сфере. Перед международным военным трибуналом должны были предстать и другие политические и военные руководители Германии в рамках новых процессов. Однако из-за начала холодной войны союзники утратили единство и новых судебных процессов в международном уголовном трибунале не последовало. Вместо этого обвиняемые, которым были предъявлены наиболее тяжкие обвинения, были судимы оккупационными судами союзников в Германии³⁰⁰.

3. Помилование определенного числа преступников

Особую проблему представляет собой вопрос о том, почему перед лицом правосудия не предстали многие из тех, о чьей вине в совершении тяжких военных преступлений было достоверно известно?

Американцы помиловали высших немецких офицеров и других важных членов гитлеровской машины зла в обмен на особую инфор-

³⁰⁰ Каждая оккупационная власть (США, СССР, Великобритания, Франция) в пределах своей оккупационной зоны имела право принимать необходимые меры для ареста лиц, подозреваемых в совершении преступлений, и каждый комендант был уполномочен учреждать для своей зоны трибунал для суда над обвиняемыми. В этих процессах (так называемые последующие процессы) перед оккупационными трибуналами союзников предстали 185 лиц, из которых 21 обвиняемый был приговорен к смерти.

мацию, которой эти лица обладали, особенно когда речь шла о тех, кому было что предложить в области разведывательной деятельности, военных вопросов, ракетных программ, биологических и других экспериментов над людьми и т.п.³⁰¹. Таким образом, эти лица ушли от ответственности за свои злодеяния, и это, по меньшей мере, означало, что личная выгода (государств, захвативших этих лиц) сознательно ставилась выше идеи международного правосудия.

Не столь широко известно о том, что нечто подобное произошло и в оккупированной Японии. Члены печально известного подразделения Отряд 731³⁰², арестованные Советским Союзом, были осуждены за применение химического и бактериологического оружия в Китае³⁰³. Однако члены этого же отряда, которым посчастливилось попасть в плен к американцам, так никогда и не предстали перед судом, потому что командующий вооруженными силами США Макартур предоставил им иммунитет в обмен на сведения о биологическом оружии³⁰⁴.

Итак – правосудие после Второй мировой войны было, к сожалению, в значительной мере селективным.

³⁰¹ Речь идет об операции «Скрепка» (*Operation Paperclip*), в рамках которой свыше 1 600 членов нацистской партии, среди которых было несколько членов нацистского руководства, были амнистированы (их биографии фальсифицировались, то есть из их досье изымались компрометирующие сведения), переброшены в США. Там они получили своего рода иммунитет за преступное прошлое и устроены на работу в органах, научных заведениях и т. д. для работы на благо США.

³⁰² Секретный японский отряд, который в период непосредственно перед началом и в ходе Второй мировой войны (1937–1945 гг.) отвечал за разработку и применение бактериологического оружия. Отряд проводил биологические и другие бесчеловечные эксперименты на людях – им подверглись около 10 000 военнопленных и гражданских лиц (китайцев, корейцев, монголов, а также советских граждан, американцев и европейцев), из которых около 3 000 умерли. Применение биологического оружия, разработанного этим отрядом, привело к массовой гибели людей в Китае (по некоторым оценкам около 200 000).

³⁰³ В ходе судебного процесса, состоявшегося в 1949 г. в Хабаровске над преступниками, обвинявшимися в создании и применении бактериологического оружия в Китае во время Второй мировой войны, было осуждено 12 членов этого отряда.

³⁰⁴ Эти сведения имели существенное значение для американцев еще и потому, что Отряд 731 был своего рода генеральным штабом других отрядов, также занимавшихся исследованиями и применением биологического оружия.

4. Наказание за принадлежность к организации

Нюрнбергский трибунал обладал полномочиями признавать определенные организации преступными – таковыми были признаны руководящий состав Национал-социалистической партии, гестапо, СД и СС.

На этой основе подписанты Устава Трибунала имели право судить отдельных лиц за принадлежность к этим организациям, даже если соответствующее лицо лично не отдавало приказы и не совершило никакого преступления.

Тем самым, однако, был нарушен принцип индивидуальной уголовной ответственности. Остается фактом, что таким образом был введен некий вид коллективной, и даже объективной ответственности, что противоречит основным принципам уголовного и, в частности, международного уголовного права.

5. Недостатки самой процедуры

С современной точки зрения, серьезные замечания могли бы быть сделаны в связи с рядом вопросов, касающихся обвинения, доказательств и процедуры.

В отличие от Нюрнбергского процесса, имевшего определенные слабые стороны, но сама процедура которого в принципе была довольно корректной³⁰⁵, судебный процесс в Токио сопровождался многими нарушениями. Помимо прочего, на том основании, что в разоренной войной Японии почти невозможно было собрать и в разумные сроки перевести необходимую документацию, суд получил практически полную свободу в качестве доказательства признавать все, что покажется ему подходящим³⁰⁶. Это, среди прочего, привело к тому, что Трибунал

³⁰⁵ Судебный процесс в Нюрнберге, в сердце Европы, проходил на 4 языках, перед лицом мировой общественности. Было представлено множество доказательств, большой объем ключевой документации, которую немцы вели с присущей им педантичностью и не успели уничтожить, заслушивались свидетели, демонстрировались видеоматериалы и т. д.

³⁰⁶ Согласно ст. 13/а Устава Трибунала: «Трибунал не должен быть связан техническими правилами предоставления доказательств. Трибунал установит и будет применять, возможно, более быструю и не осложненную формальностями процедуру и будет допускать любые доказательства, которые, по его мнению, имеют доказательную ценность».

в качестве доказательств стороны обвинения принимал газетные статьи, отклоняя подобные доказательства со стороны защиты.

В частности, нельзя обойти вниманием факт, что в обоих случаях (и в Нюрнберге, и в Токио) совершенно не предусматривалось право на подачу апелляции! А оно является неотъемлемой частью каждой процедуры, претендующей на то, чтобы называться правовой. О его значении в уголовно-правовой сфере не стоит и говорить³⁰⁷. Таким образом, суды, рассматривавшие эти дела, помимо прочего, за совершение грубых нарушений прав человека, погрешили против одного из основных прав осужденных – их права на обжалование.

6. Преступления союзников

Суды в Нюрнберге и Токио были судами победителей, перед которыми предстали только представители побежденной стороны.

Однако в любой большой войне с большим количеством участников невозможно избежать совершения военных преступлений всеми сторонами. Военные преступления совершали и союзники, но никто из них не понес за это ответственность.

В подтверждение того, что тяжкие военные преступления совершали и военнотружущие армий союзников, достаточно напомнить всего о двух случаях.

Общеизвестно, что британцы и американцы «ковровыми бомбардировками» намеренно разрушали немецкие города, в которых не было ни скопления военных подразделений, ни каких-либо важных военных объектов. В этом смысле печально известны страшные бомбардировки Гамбурга (июнь 1943 г.) и Дрездена (февраль 1945 г.)³⁰⁸.

³⁰⁷ Это подтверждает и важнейший международный договор, касающийся данной сферы – Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), несмотря на то, что он был подписан спустя 20 лет после завершения этого процесса. Статья 14/5 уточняет: «Каждый, кто осужден за какое-либо преступление, имеет право на то, чтобы его осуждение и приговор были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией согласно закону».

³⁰⁸ За 8 дней непрерывных бомбардировок Гамбурга и за 3 дня уничтожения Дрездена союзники обрушили на каждый город по несколько тысяч тонн бомб, в результате чего в Гамбурге погибло около 50 000, а в Дрездене от 24 000 до 40 000 гражданских лиц.

Аналогичным способом – бомбардировками – американцы систематически уничтожали японские города³⁰⁹. Особый случай представляют собой атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, которые с полным основанием можно квалифицировать как одно из особо тяжких, если не тяжчайших военных преступлений и преступлений против человечности во всей истории³¹⁰. Несмотря на массовую гибель гражданского населения, которое согласно военному праву не должно являться объектом нападений, никто так и не понес за это наказание.

Кстати, о применении двойных стандартов свидетельствует и тот факт, что немецкий адмирал Дёниц (*Karl Dönitz*) был осужден в Нюрнберге за участие в подводной войне, которую вела Германия, и, тем самым, за нарушение, по мнению Трибунала, Лондонского протокола (1936 г.). И это наряду с фактом, что союзники действовали точно так же – использовали подводные лодки против торговых вражеских судов, что, кстати, выступая в качестве свидетеля на судебном процессе в Нюрнберге, признал американский адмирал Нимиц (*Chester William Nimitz*)³¹¹.

Таким образом, при всех положительных сторонах судебных процессов в Нюрнберге и Токио, несколько подобных замечаний грозят серьезно нарушить годами создававшуюся картину этих процессов как светлых страниц триумфа международного правосудия и международных уголовных судов.

³⁰⁹ Считается, что только в результате одной американской бомбардировки в Токио 10.03.1945 г. погибло свыше 100 000 человек, то есть число жертв этой бомбардировки превысило число непосредственных жертв атомных бомбардировок!

³¹⁰ Когда стало очевидно, что Япония проигрывает войну, США атомными бомбами уничтожили Хиросиму (06.08.1945 г.), а затем и Нагасаки (09.08.1945 г.). Последствия были чудовищными. Точное количество жертв не удастся установить никогда, но считается, что в момент взрыва в Хиросиме погибло свыше 85 000 человек, а в Нагасаки (на который была сброшена более мощная бомба, но стечение обстоятельств оказалось более благоприятным для населения) около 36 000 жителей. По оценкам, включая умерших в последующие 5 лет от последствий ранений и радиационного облучения, число жертв в Хиросиме составило 200 000, а в Нагасаки 70 000 человек!

³¹¹ Великобритания еще 08.05.1940 г. издала приказ, согласно которому все корабли, проходящие через Скагеррак в ночное время, подлежали потоплению, а Нимиц заявил, что в ходе войны американские подводные лодки потопили 1 914 японских торговых судов.

3. СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ УГОЛОВНЫЕ СУДЫ

Несмотря на то, что, как мы могли видеть, Нюрнбергский и Токийский процессы были далеки от совершенства, этому все-таки можно найти некое более или менее разумное оправдание. Отсутствие реальной возможности ареста и заключения всех важнейших подозреваемых; необходимость завершить процессы в разумные сроки, пока воспоминания свежи; трудности, связанные со сбором доказательств в опустошенной войной Европе и разоренной Японии; рост недоверия среди вчерашних союзников; отсутствие исторического образца, на основе которого могли бы быть смоделированы организация и деятельность таких судов и процедур и т. д. Это только некоторые из факторов, которые необходимо принять во внимание. И хотя они не оправдывают упущения, но, по крайней мере, объясняют их.

А как обстоит дело с современными уголовными судами? Теми, которые были учреждены мировым сообществом или при его содействии, в атмосфере относительного спокойствия в мире, при активном и даже решающем участии Организации Объединенных Наций и других важных международных факторов. У этих судов должно быть гораздо меньше слабых сторон. Так ли это?

1. Трибуналы *ad hoc*

На рубеже XX–XXI вв. Совет Безопасности ООН своими резолюциями учредил международные уголовные суды (трибуналы) *ad hoc* для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права в ходе конфликтов на территории бывшей СФРЮ (Гаагский трибунал) и в Руанде (Трибунал, штаб-квартира которого находится в Аруше, Танзания)³¹². Об этих судах в основном все известно. Поэтому

³¹² Несмотря на известное сходство, трибунал в Аруше отнюдь не является простой копией Гаагского трибунала, а имеет ряд только ему присущих отличий. Прежде всего, он, в отличие от трибунала по бывшей Югославии, основан не только с согласия, но и по просьбе правительства соответствующего государства (имеется в виду новое правительство, которое после победы в гражданской войне было сформировано стороной, являвшейся жертвой геноцида). Другой важной особенностью является факт, что временная, пространственная и предметная юрисдикция трибунала по Руанде определена иначе, чем в случае трибунала по бывшей Югославии.

мы остановимся только на некоторых противоречиях, сделав попытку указать в первую очередь на проблемы юридического, а не политического характера.

Трибунал по бывшей СФРЮ (Гаагский трибунал) действовал с 1993 по 2017 г. (24 года), в то время, когда Трибунал по Руанде действовал немного короче – с 1994 по 2015 г. (22 года)³¹³.

Учреждение трибуналов и их деятельность вызвали в теории и на практике большие разногласия, в диапазоне от оказания полной поддержки этим органам до высказывания серьезной критики в их адрес. При ближайшем рассмотрении можно заметить, что замечания касаются трех вопросов: 1) способа создания трибуналов; 2) конкретных решений и 3) практики.

1. Создание. Как правило, замечания высказываются по поводу того, что трибуналы основаны органом, не имеющим на это компетенции – Советом Безопасности, не обладавшим никакими полномочиями в этой сфере. Нигде в Уставе ООН нет никакого упоминания о том, что Совет Безопасности вправе учреждать уголовные суды³¹⁴.

Кроме того, трибуналы были основаны в качестве вспомогательных органов исполнительного органа ООН (Совета Безопасности), чем попирается принцип независимости судебной власти. Как вообще возможно, что судебный орган основывается в качестве вспомогательного органа исполнительного органа? Что в таком случае остается от независимости судебной власти, без которой нет справедливого, единого для всех правосудия?

³¹³ Трибуналы сменил Международный остаточный механизм для уголовных судов, созданный Советом Безопасности ООН в 2010 г. После прекращения работы двух трибуналов, этот квазисудебный орган взял на себя всю их документацию, с целью завершения незаконченных процессов. Более конкретно его задачами являются: судебное преследование обвиняемых, признанных наиболее ответственными за преступления, относящихся к юрисдикции трибуналов, скрывающихся от правосудия и завершение процессов апелляций, процедур пересмотра вердиктов и дел о неуважении к суду.

³¹⁴ В ситуации, когда Гаагский трибунал и Трибунал по Руанде действовали более 20 лет, и когда даже те государства, которые изначально оспаривали существование этих органов, согласились сотрудничать с ними, мы не намерены снова поднимать проблему законности способа создания этих судов. Однако напоминания о некоторых фактах невозможно избежать.

Таким образом, хотя трибуналы являются реальностью, которую были вынуждены принять и те государства, которые изначально выступали против, способ и порядок создания этих судов всегда были, по меньшей мере, спорными.

2. Конкретные решения. Множество серьезных претензий относится к конкретным решениям, установленным уставами трибуналов, или к решениям, вводимым на практике.

Приведем всего несколько примеров:

– странным является то, что эти суды сами создают и изменяют регламент своей деятельности (правила процедуры и т. д.). Было бы естественно, если бы эти правила утверждал какой-либо другой орган, не участвующий в их применении;

– трудно понять, почему в компетенции этих органов отсутствует судебное преследование лиц, ответственных за совершение преступлений против мира³¹⁵;

– большой вопрос, приемлемы ли уже по одним только принципиальным соображениям показания так называемых защищенных свидетелей, свидетельствующих (на практике – обвиняющих подсудимого), но скрывающих свою личность;

– сомнительно выглядит решение, состоящее в том, что возможность помилования для лиц, осужденных трибуналом, зависит от того, в каком государстве соответствующее лицо отбывает наказание. Так как в некоторых странах быть помилованным проще, чем в других, тем самым лица, приговоренные к одинаковому наказанию за преступления одинаковой тяжести, ставятся в неодинаковое положение только потому, что отбывают наказание в разных странах;

³¹⁵ Не только потому, что за совершение преступлений против мира судил еще Нюрнбергский трибунал, но и потому, что это особо тяжкие международные уголовные преступления, которые на практике становятся причиной массового совершения других преступлений (между прочим, военные преступления могут совершаться только во время войны). В конечном счете, устав ООН запрещает не только применение силы, но и угрозу силой в международных отношениях, а Римский статут (1998 г.) юрисдикцию постоянного Международного уголовного суда распространяет и на агрессию.

– не самое удачное решение заключается в том, что решения по апелляционным жалобам принимает все тот же соответствующий трибунал (его апелляционная комиссия)³¹⁶;

– совсем неожиданным и полностью несоответствующим подходу, принятому в современном законодательстве, является то, что обвиняемому, который впоследствии был признан невиновным (ошибка при установлении личности, доказанная невиновность и т. п.) не полагается никакая компенсация за время, проведенное в заключении и т. д.

3. Практика. Основываясь только на практике Гаагского трибунала, мы можем заметить, что многое в его работе, по меньшей мере, странно.

Здесь мы не будем подвергать сомнению беспристрастность данного органа. Не будем особенно исследовать вопрос статистического сопоставления количества осужденных в зависимости от их национальной принадлежности, трудно поддающийся объяснению факт, что перед Гаагским трибуналом предстали высшие представители СРЮ, Сербии и Республики Сербской, а не лидеры других народов и этнитетов, которые были, по крайней мере, в равной степени замешаны во всем³¹⁷. Об этих моментах было сказано достаточно, и они хорошо известны общественности.

Однако, даже если мы не станем обращаться к этим моментам, остается многое, что указывает на ненадлежащую практику Гаагского трибунала. Достаточно нескольких примеров.

1. *Преступления вооруженных сил НАТО (1999 г.)*. В соответствии с уставом Трибунала во время агрессии против Союзной

³¹⁶ Сама природа апелляционной жалобы предполагает, что решение по ней принимает высший, во всяком случае, другой орган, а не тот, который вынес первоначальное решение. Только так достигается необходимая дистанция, а, тем самым, и объективность в отношении дела и приговора.

³¹⁷ Существует множество документов, видеозаписей, свидетельских показаний, содержащих самые серьезные обвинения против тогдашних политических лидеров, явившихся представителями других народов бывшей Югославии. И все же, Гаагский трибунал не возбудил дело ни против президента Хорватии Франьо Туджмана, ни против лидера боснийских мусульман (боснийцев) Алии Изетбегович, оставив их умереть на свободе естественной смертью (соответственно в 1999 и 2003 гг.).

Республики Югославии его юрисдикция распространялась на все преступления, совершенные в то время на территории бывшей СФРЮ независимо от гражданства преступников. Соответственно, и на преступления сил НАТО. Здесь мы вообще не затрагиваем вопрос ответственности за агрессию, поскольку она, как известно, не включена в перечень уголовных преступлений, подпадающих под предметную юрисдикцию Трибунала³¹⁸, ни проблему иного грубого нарушения международного права.

Мы говорим только о деяниях, абсолютно бесспорно являющихся военными преступлениями, к которым относятся применение запрещенных средств и методов ведения войны.

Конкретно, в ходе агрессии против Югославии силы НАТО использовали средства, применение которых ограничено международным правом и категорически запрещено против гражданского населения (зажигательное оружие) и средства, которые, являясь «негуманным» оружием и оружием, причиняющим серьезный ущерб природной среде, подпадают под общие запреты, предусмотренные международным правом (кассетные бомбы³¹⁹, боеприпасы с обедненным ураном и др.).

Кроме запрещенных средств ведения войны силы НАТО использовали также запрещенные методы ведения войны, такие как непосредственное нападение на гражданское население, бомбардировка населенных пунктов и гражданских объектов, запугивание мирного населения, нанесение неизбирательных ударов, систематическое

³¹⁸ Не подлежит сомнению, что нападение сил НАТО на СРЮ было актом классической агрессии. Достаточно ознакомиться с определением агрессии, которое дано в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3314/1974 и в дополнительной статье 8-бис Римского статута (дополнение 2010 г.).

³¹⁹ Эти бомбы по причине своего неизбирательного действия и причиняемых ими страшных увечий относятся к категории «негуманного» оружия, применение которого наносит излишний ущерб и причиняет неоправданные страдания людям и поэтому запрещены международным правом. Силы НАТО сбросили на Югославию 1 765 контейнеров с 295 000 кассетных бомб. Только на территории центральной части Сербии (без автономного края Косово) от них погибли свыше 30, и ранены около 160 человек. При бомбардировке кассетными бомбами Ниша (третий по величине город Сербии) 07.05.1999 г., когда в разгар дня бомбардировке подвергся многолюдный центр города, то есть чисто гражданские объекты, погибло 13 и ранено 29 мирных жителей.

уничтожение химических заводов и нефтеперерабатывающих предприятий в окрестностях Белграда и других крупных городов, что, как можно было ожидать, привело к выбросу большого количества вредных веществ (хлора, аммиака и др.)³²⁰ и их попаданию в атмосферу, почву и воду³²¹, нападение на объекты, необходимые для жизнеобеспечения мирного населения, разрушения, не оправданные военной необходимостью, уничтожение культовых, культурных и исторических памятников в ходе военных действий, уничтожение природной среды, нападение на больницы и машины скорой помощи, ограничение поставок гуманитарной помощи и т. д. Все это, безусловно, военные преступления с точки зрения международного права.

Когда речь идет о конкретных преступлениях, достаточно напомнить о том, что силы НАТО намеренно подвергли бомбардировке здание Радио и телевидения Сербии (гражданский объект), в результате чего погибло 16 и ранено 18 журналистов, просто выполнявших свою работу³²², намеренно и прицельно обстреливали и уничтожили 2 гражданских поезда и несколько автобусов (вместе с пассажирами), убили почти 200 албанских гражданских лиц в результате обстрела их колонны, прицельно обстреливали несколько больниц, уничтожили или серьезно разрушили 57 мостов (на некоторых из них в тот момент было большое скопление мирного населения) и пр. И, наконец, факт, что специально из США прибыл

³²⁰ После бомбардировки нефтехимического и азотного завода в Панчево (пригород Белграда) только счастлирое стечение обстоятельств – сильный ветер (роза ветров), который унес высоко в небо высвободившиеся ядовитые вещества (их комбинация на самом деле представляла собой своего рода боевой яд), а затем рассеял их – спасло жителей двухмиллионного Белграда от массового отравления.

³²¹ Даже нацисты во время Второй мировой войны не решались атаковать такие фабрики и сооружения, поскольку это неизбежно привело бы к экологической катастрофе.

³²² Их единственным прегрешением было то, что они ежедневно передавали в международный эфир шокирующие снимки жертв ежедневных натовских бомбардировок, в которых одновременно было задействовано свыше 1 000 самолетов НАТО. Телевидение подверглось бомбардировке с целью не допустить информирование мировой общественности о том, что в действительности происходит в Югославии, особенно об ужасных последствиях, причиненных якобы «хирургически точными» бомбовыми ударами НАТО.

стратегический бомбардировщик, чтобы подвергнуть ракетному обстрелу здание посольства Народной Республики Китай! То есть не только гражданский объект, но и дипломатическое представительство третьего (нейтрального) государства³²³!

Итак, нет никакого сомнения в том, что силы НАТО совершили многочисленные военные преступления. Однако, несмотря на то что Гаагский трибунал, согласно своему уставу, обладал компетенцией и обязанностью осуществлять судебное преследование лиц, совершивших эти преступления, он не возбудил ни одного дела ни против политических лидеров соответствующих западных государств, ни против военного командования, ни против непосредственных исполнителей из рядов вооруженных сил НАТО³²⁴.

2. Различное наказание за одинаковые преступления. Во многих случаях приговоры, в сущности, за одинаковые преступления резко отличаются, чему трудно найти принципиальное объяснение. Вызывает еще большую озабоченность, когда за одинаковые в своей основе преступления более суровые санкции применяются к представителям только одного народа, и особенно когда, несмотря на наличие убедительных доказательств, свидетельствующих о совершении тяжких уголовных преступлений, подпадающих под юрисдикцию Трибунала, представители других народов освобождаются от ответственности или получают символическое наказание.

³²³ То, что нападение было намеренным, становится ясно уже потому, что в посольство произведено точное попадание с 3 направлений. И хотя сначала утверждалось, что это произошло в результате ошибки, впоследствии официальные лица НАТО признали, что посольство Китая находилось в списке приоритетных целей. Итог: 3 человека погибли, 5 человек тяжело ранены, несколько человек получили легкие ранения.

³²⁴ Но зато судил сербских функционеров и руководство армии и полиции за предполагаемые преступления, совершенные в ходе того же конфликта, даже тогда, когда было установлено, что эти люди сами не совершали и не приказывали ничего противозаконного, и даже не знали, что преступление, в котором их обвиняют, вообще было совершено. Трибунал судил этих лиц за так называемую командную ответственность, то есть просто за то, что они находились на определенной должности. Иными словами, вместо индивидуальной личной ответственности, которая является основным принципом уголовного права, была введена объективная ответственность, которая неприемлема в уголовных судах ни одного современного государства.

3. *Загадочные смерти.* В тюрьме Трибунала при загадочных обстоятельствах ушли из жизни несколько обвиняемых высшего ранга во главе с бывшим президентом СРЮ Слободаном Милошевичем³²⁵.

4. *Нарушение прав обвиняемых.* Известно, что в практике Трибунала бывали случаи, когда подозреваемые насильно доставлялись в Гаагу (их буквально похищали), содержались под стражей, с ними обращались как с преступниками, а затем было установлено, что имело место ошибочное опознание или трибунал их оправдал. После этого их выпускали на свободу, но без какой-либо компенсации за причиненный моральный и материальный ущерб.

Несмотря на то, что одно из основных прав человека в отношении обвиняемого – право на судопроизводство в разумный срок³²⁶, некоторые судебные процессы продолжались годами. Наиболее известным примером является судебный процесс над сербом Воиславом Шешелем, находившимся в заключении в Гаагском трибунале с 23.02.2003 г. по 06.11.2014 г., и временно отпущенным на свободу до вынесения приговора по соображениям гуманности (у него были обнаружены метастазы рака печени, а состояние здоровья ухудшилось). Таким образом, он провел в тюрьме трибунала 12 лет! Любое государство, чей суд в течение такого продолжительного времени содержит обвиняемого под стражей, по праву было бы обвинено в грубом нарушении прав человека, а конкретно права на судопроизводство в разумные сроки (считается, что любой судебный процесс, продолжающийся более 5 лет, выходит за эти рамки). Кстати, как было возможно, что по многим

³²⁵ Так, 28.06.1998 г. в своей камере в следственном изоляторе Гаагского трибунала повесился бывший президент муниципалитета города Вуковар, серб Славко Докманович, а 05.03.2006 г. таким же образом покончил с собой Милан Бабич, бывший президент Республики Сербская Краина. И все это несмотря на то, что за происходящим в камерах велось круглосуточное видеонаблюдение и применялись другие способы контроля.

Хорвату Слободану Праляк 29.11.2017 г. удалось тайно внести с собой яд в зал суда Гаагского трибунала. Услышав приговор, признавший его виновным в военных преступлениях, Праляк тут же перед всеми выпил яд. Все записали камеры. Остается вопрос: как, помимо всех проверок и обысков, ему удалось приобрести яд, а затем и принести его с собой в зал суда.

³²⁶ Одно из основных прав обвиняемого, гарантируемое как международным правом, так и внутренними правовыми актами всех современных государств, является его право на безотлагательное судопроизводство. На универсальном (мировом) уровне это право гарантировано статьей 14/3/с Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 г.), а в Европе – статьей 6 Европейской конвенции о правах человека (1950 г.).

причинам сложнейший процесс в Нюрнберге против 22 обвиняемых, притом проводившийся на 4 языках, продолжался менее года, а судопроизводство всего над одним человеком, притом в условиях наличия всевозможных технических новшеств и вспомогательных средств – в 12 раз дольше?

Применяя такой подход, можно отправить человека за решетку (и таким образом, фактически, заставить отбывать наказание) на 10, 20 лет и вообще пожизненно, в действительности не вынося ему приговор (ввиду отсутствия доказательств – если бы таковые имелись, осудить его не составило бы труда). Однако, в таком случае, это грубейшее нарушение прав человека, и, что особенно шокирует, не со стороны какого-либо реакционного или диктаторского режима, а со стороны Международного суда, основанного Организацией Объединенных Наций! Который в силу своих служебных обязанностей должен принимать во внимание права обвиняемого!

Апофеозом стал факт, что, в конечном счете, Трибунал 31.03.2016 г. принял окончательное решение, которым постановил, что Шешель оправдан по всем пунктам обвинения! То есть все это время он был невиновен³²⁷!

Аналогичные замечания могут быть сделаны в отношении Трибунала в Аруше (Международный трибунал по Руанде)³²⁸.

³²⁷ Правда, спустя некоторое время Международный остаточный механизм для уголовных судов (преемник Гаагского трибунала) отменил оправдательный приговор суда первой инстанции и, частично удовлетворив жалобу прокурора, 11.04.2018 г. приговорил Шешеля в его отсутствие к 10 годам лишения свободы без отбывания наказания, так как во время процесса его содержали под стражей даже более длительный период. Господствует мнение, что тут речь шла о политическом решении с целью, между прочим, оправдать факт содержания Шешеля под стражей в течении 12 лет.

³²⁸ Между прочим, в июне 2011 г. СМИ передали известие, в котором сообщалось, что группа обвиняемых во главе с бывшим министром Руанды Полин Ньирамасухуко была осуждена после продолжавшегося 10 лет судебного процесса! Кроме того, этот суд уже в самом начале своей работы обнаружил некоторые свои слабые стороны – было официально заявлено, что в нем царят хаос, коррупция и nepотизм (трудоустройство неквалифицированных сотрудников, находящихся в родственных или дружеских связях), злоупотребление фондовыми средствами, дискриминация в отношении белых и др., что привело к относительно скорой отставке нескольких лиц, входящих в руководство Трибунала.

2. Смешанные уголовные суды

Поскольку оказалось, что национальные суды, как правило, пристрастны, а международные трибуналы *ad hoc* имеют ряд слабых сторон, была предпринята попытка поручить отправлению международного правосудия различным по форме «смешанным» или «гибридным» уголовным судам.

Такое название получили различные смешанные судебные органы, состав которых сформирован частично из национальных и частично из иностранных судей, прокуроров и других должностных лиц, и которые зачастую сочетают некоторые формы национального и международного и на уровне других своих элементов (правовые учредительные акты, право, которыми руководствуется суд, финансирование и т. д.). Иногда такие суды называют также уголовными судами второго поколения под эгидой ООН.

Практике известны три основных разновидности этих судов в зависимости от того, идет ли речь о: 1) национальных судах с международным (иностраным) персоналом (например, суды в Косове и в Боснии и Герцеговине); 2) интернационализованных национальных судах (например, суды по Восточному Тимору и Камбодже) или 3) международных смешанных судах (например, суды по Сьерра-Леоне и Ливану).

Многие полагают, что в будущем возрастет роль смешанных (интернационализованных) уголовных судов как имеющих определенные безусловные преимущества перед другими уголовными судами, они осуществляют правосудие и при этом обеспечивают преодоление многих проблем, возникающих в процессе деятельности международных уголовных трибуналов *ad hoc*.

При ближайшем рассмотрении их относительные преимущества очевидны: обеспечение необходимых условий для достижения беспристрастности и достаточно высокого уровня судопроизводства в целом (благодаря международному присутствию) при сохранении суверенитета, а в некоторых случаях и национального достоинства заинтересованного государства³²⁹; фокусирование на конкретных

³²⁹ Потому что эти суды не учреждаются извне подобно трибуналам *ad hoc*, а являются выражением согласия местных властей с ООН и другими представителями мирового сообщества.

событиях, связанных с конкретным периодом для конкретной страны, что существенно влияет на эффективность работы (прежде всего, сбор и оценку доказательств) и совместимость практики; соблюдение принятых на международном уровне стандартов (гарантией которого должно быть участие международного фактора) и национальных правовых традиций (чему способствуют местные судебные структуры); будучи образованными для стран, недавно вышедших из кровавых внутренних конфликтов или освободившихся от преступных тоталитарных режимов, как это происходило до сих пор, эти суды наряду с совершением правосудия, должны более эффективно, чем какие-либо другие судебные органы, вносить вклад в национальное примирение и обновление соответственных государств и т. д.

Тем не менее, смешанные уголовные суды также сталкиваются с многочисленными вызовами и проблемами.

1. Характер *ad hoc*. Все они являются судами *ad hoc* и поэтому имеют ограниченный мандат – под их юрисдикцию попадают только события, происходившие на определенной территории, только преступления, совершенные в определенный период (который не всегда определен наилучшим образом), и, как правило, только ограниченный круг преступников (чаще всего ими являются высшие должностные лица, хотя и эта квалификация может быть спорной) и т. д. Если по какой-либо причине все «элементы пазла не совпадут» надлежащим образом, то работа этих судов легко может выйти из-под контроля и превратиться в, своего рода, селективное правосудие, что грозит привести к краху не только практику этих судов, но и всю идею.

2. Незначительное присутствие в средствах массовой информации. Одним из не самых заметных на первый взгляд недостатков является слабое присутствие этих судов в средствах массовой информации – отчеты об их деятельности публикуются спорадически и, как правило, очень поверхностны. Это, помимо прочего, означает также слабый общественный контроль происходящего в стенах этих судов.

3. Финансирование. Проблематичным является и способ финансирования, так как он максимально зависит или от того, сколько государств, заинтересованных в вопросе, готовы и способны

финансировать работу суда и/или в какой мере его работу готовы и способны финансировать другие страны, на что в таких серьезных вопросах просто нельзя полагаться. Кроме того, сам факт участия других государств в финансировании суда открывает вопрос их правовых мотивов. Разумеется, более предпочтительным было бы финансирование работы суда мировым сообществом в лице ООН или, по меньшей мере, соответствующей региональной организацией.

4. Различия «смешанных» и «гибридных» судов. Несмотря на то, что, как правило, эти органы объединяет одинаковое название (смешанные или гибридные суды), они существенно отличаются друг от друга. Различия касаются основных решений, связанных с формированием и организационной структурой суда, правовых источников, которыми они пользуются при осуществлении правосудия и т. д., а также способов определения предметной, пространственной, временной и иной юрисдикции суда, места и роли, которая отводится международному фактору (доминирующая или вспомогательная) и т. д. И хотя все это можно интерпретировать, как стремление к максимальной адаптации каждого суда к уникальным потребностям ситуации, в связи с которой он основан, несомненно, такая разнородная практика в значительной мере затрудняет установление каких-либо общих стандартов, которые могут служить целям оценки объективности и успешности работы этих органов, и которые впоследствии могут применяться в новых ситуациях.

5. Только в отношении малых стран. Все существующие смешанные суды учреждены только по развивающимся странам или малым государствам, особенно ослабленным выходом из тяжелого внутреннего конфликта. По многим причинам совершенно невозможно, что подобный суд будет основан в отношении какой-либо из развитых стран, а тем более влиятельных держав. Но в таком случае это означает, что меч правосудия действует только в отношении представителей тех народов, которые недостаточно сильны, чтобы противостоять ему. А значит, речь идет не о справедливости, а о соотношении сил. А это две совершенно разные вещи.

3. Постоянный Международный уголовный суд

Прогрессивная часть человечества с большим оптимизмом и надеждой следила за процессом учреждения постоянного Международного уголовного суда.

Многих удивило, но также и обрадовало, что за короткое время (с 1998 по 2002 г.) было собрано свыше 60 ратификаций Римского статута, что было условием его вступления в силу.

Это подкрепило ожидания в отношении суда, который во многом представляет собой образование, имеющее историческое значение на том основании, что он, в отличие от всех существующих уголовных судов: 1) является первым постоянным (а не *ad hoc*) собранием; 2) обращен ко всему миру (должен стать настоящим всемирным судом) и 3) сформирован заранее, для того, чтобы судить о будущих событиях (а не для того, чтобы привлечь к ответственности за уже произошедшее).

Очень важно, что Римский статут подтвердил, что тяжкими международными уголовными преступлениями являются: а) преступления геноцида; б) преступления против человечности; в) военные преступления и г) агрессия; предусматривая при этом, что этот перечень преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда, может быть расширен путем внесения дополнительных поправок.

Кроме того, если приведенные в нем определения геноцида и агрессии в принципе давно известны и общеприняты³³⁰, то преступления против человечности и военные преступления получили в Римском статуте новое, более содержательное определение. Квалификация этих преступлений расширена, и что особенно важно, Статут в этом отношении не проводит различия между вооруженными конфликтами международного характера и внутренними вооруженными конфликтами, существовавших ранее в международ-

³³⁰ Определение геноцида аналогично определению, предлагаемому Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1949 г.). Преступление агрессии не получило определения в исходном тексте Римского статута, однако на заседании Ассамблеи государств-участников, состоявшемся в Кампале (Уганда) 11.06.2010 г., было утверждено определение, в своей основе соответствующее тому, которое дает Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3314 (1974 г.).

ном праве. Иными словами, юрисдикция Суда распространяется также на соответствующие преступления, совершенные в ходе внутренних вооруженных конфликтов.

Особое значение имеет факт, что Римский статут до 01.02.2021 г. был ратифицирован 123 государствами, что составляет около двух третей стран – членов ООН.

И все же, при более подробном ознакомлении с особенностями данного органа, можно понять, что не все так благополучно, как может показаться на первый взгляд.

1. Роль Совета Безопасности ООН. Несмотря на наличие тесных связей с ООН, Суд не является элементом системы Организации Объединенных Наций.

Этому есть разумное объяснение с учетом того, что около одной трети стран – членов ООН все еще не приняли обязательную юрисдикцию Суда. Однако в этом свете трудно понять решения, на основании которых Совет Безопасности обладает определенными существенными полномочиями, касающимися Суда и процедур, осуществляемых в его рамках.

Итак, как понять, почему исполнительный орган одной международной организации, пусть даже Организации Объединенных Наций, располагает мощными механизмами, при помощи которых непосредственно влияет на деятельность международного суда, который на основании своего устава является независимым международным органом? А тем более на деятельность не просто международного суда, а международного *уголовного* суда!

Полномочия Совета Безопасности касаются, прежде всего, права Совета Безопасности на возбуждение дела в Суде. Однако, можно ли представить себе, что правительство какого-либо современного государства в официальном порядке инициирует возбуждение уголовного дела? Разве это не было бы вторжением исполнительной власти в сферу деятельности судебной власти? Какую характеристику получило бы такое государство? Почему же в таком случае подобное решение оказалось приемлемым на международном уровне?

С другой стороны, почему государства, сами отказывающиеся ратифицировать Римский статут (а в их числе три великие державы, постоянные члены Совета Безопасности – США, Россия и Китай),

вообще получили право принимать какие-либо решения по вопросам, входящим в компетенцию Суда? Только потому, что ООН оказывает финансовую поддержку работе Суда? Этого недостаточно. Стоит напомнить, что эти три страны являются постоянными членами Совета Безопасности с правом вето.

Также, если даже отдавая должное специфичности международных отношений, допустить, что Совет Безопасности олицетворяет мировое сообщество и как таковой должен иметь возможность возбуждения уголовного дела, когда сочтет это оправданным, мы не уверены, что это удачное решение, в отношении которого в этом случае (в отличие от ситуаций, когда расследование инициирует государство-участник или сам прокурор), не требуется соблюдения никаких специальных условий.

И наконец, с юридической точки зрения абсолютно гротескным представляется решение, предусмотренное статьей 16 Статута Суда, согласно которому Совет Безопасности ООН имеет право, действуя на основании главы VII Устава ООН, обратиться к Суду с просьбой об отсрочке расследования или уголовного преследования в течение периода, составляющего 12 месяцев. Речь идет о чисто политическом решении, предоставляющем великим державам возможность даже в случае, если они станут участниками Римского статута, избежать уголовного преследования своих граждан Судом. Это становится очевиднее, если учесть, что Совет Безопасности может повторить (столько раз, сколько посчитает нужным) свою просьбу при тех же условиях.

2. Предметная юрисдикция. В сущности, предметная юрисдикция Суда ограничена только теми международными преступлениями, на которые распространялась юрисдикция трибуналов в Нюрнберге и Токио³³¹. Большой вопрос, почему этот перечень не был сразу расширен за счет каких-либо других преступлений? Если

³³¹ Действительно, геноцид классифицирован Римским статутом как отдельное преступление, но, по сути, разница не столь велика, так как именно за его совершение осуществлялось наказание и на Нюрнбергском, и на Токийском процессе в рамках преступлений против человечества. Напомним, что геноцид как самостоятельное преступление квалифицирован только Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.).

некоторую сдержанность государств по отношению к терроризму можно понять³³², то это еще не объясняет, почему в юрисдикцию Суда не отнесено одно из древнейших международных преступлений – пиратство? Или почему в него не вошли деяния, бесспорно являющиеся международными преступлениями, такие как торговля людьми, преступления в отношении лиц, находящихся под защитой международного права, нелегальная торговля наркотиками и психотропными веществами и т. п.

3. Практика. Вышеприведенные и некоторые другие спорные решения можно было бы интерпретировать в качестве необходимых компромиссов для достижения конечной цели – основания первого настоящего международного уголовного суда, имея в виду, что позднее спорные решения будут усовершенствованы, чему будет способствовать (путем внушения доверия государствам) и сам Суд, осуществляя свою объективную и во всех отношениях последовательную практику.

К сожалению, существующая практика Суда совершенно не внушает доверия! Боевые действия ведутся по всей планете, сопровождаясь совершением страшных преступлений, а Суд с момента своего учреждения в 2003 г. до первой половины 2021 г., то есть за 17 лет, ограничился возбуждением дел о преступлениях, совершенных в ходе конфликтов всего в 13 случаях, из которых даже 10 были связаны с преступлениями, совершенными в Африке и африканцами³³³.

При подробном изучении фактов, по которым были возбуждены дела, вырисовывается еще более удручающая картина. Несмотря на

³³² Он всеми осуждается, все соглашаются с тем, что за его совершение следует карать, это бесспорно. Проблема, однако, в том, что на практике в конкретных случаях виновники одних и тех же преступлений рассматриваются в качестве террористов, а в других – в качестве борцов за свободу.

³³³ Напомним, первые 10 расследований касались только африканских стран, и только после публичной обоснованной критики, Суд приступил к расследованию ситуаций в некоторых других частях мира. В начале 2021 года ситуации в рамках расследования Суда относятся к Демократической Республике Конго, Уганде, Судану, Центральноафриканской Республике (2 процесса), Кении, Ливии, Кот-д’Ивуару, Мали, Бурунди и, вне Африки, к Грузии, Бангладеш/Мьянма и Афганистану. Это уже обсуждалось при рассмотрении кризиса международного права и злоупотребления международным правом (Глава II).

то, что в ходе войны в Ливии от бомб и ракет сил НАТО погибло значительное количество гражданского населения, и вдобавок к этому многие граждане стали жертвами повстанцев, Суд возбудил дело только против ныне покойного полковника Каддафи, его сына и зятя. Почему Суд не начал судебное расследование в отношении того, что произошло на самом деле, и несут ли ответственность как повстанцы, так и силы НАТО за какие-либо преступления, на которые распространяется его юрисдикция?

Не могло остаться незамеченным африканскими государствами негативное отношение к ним, их народам и гражданам. Они выразили протест и даже заявили о готовности коллективного выхода из состава участников Римского статута, и, тем самым, отказа от признания юрисдикции Суда.

4. МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВОСУДИЕ – СЛУЖИТЕЛЬ СПРАВЕДЛИВОСТИ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ?

Все вышесказанное позволяет прийти к определенным заключениям, важнейшие из которых мы приведем ниже.

1. Множество недостатков. Все существующие международные уголовные суды имели и имеют определенные заложенные в них изначально слабые места. Ни один из международных судов не лишен серьезных недостатков.

В связи с этим можно заметить, что если некоторые упущения и проблематичные решения в ходе Нюрнбергского и Токийского процессов в определенной мере могли быть оправданы потребностью в скорейшем начале и завершении судебного разбирательства, а также общими условиями, в которых оказался мир после самой страшной войны в истории человечества, то сегодня дело обстоит иначе. Основатели всех современных международных уголовных судов располагали достаточным количеством времени для того, чтобы избежать каких-либо серьезных упущений и спорных решений. Вопрос, почему они не избежали этого, дает простор для размышлений.

2. Суды для потерпевших поражение и малых народов.

За исключением Международного уголовного суда все бывшие и существующие международные суды являются судами *ad hoc*, навязанными либо победителями с целью наказания виновных из рядов пораженного противника, либо великими державами для наказания обвиняемых, являющихся представителями малых народов и государств. Такова реальность, даже если на первый взгляд все выглядит иначе.

В подтверждение этого достаточно упомянуть о том, что хотя смешанные уголовные суды по определению учреждаются с согласия соответственного государства (хотя бы формально), суд по Ливану буквально был навязан этой стране Советом Безопасности ООН³³⁴.

Говоря о Международном уголовном суде, отметим, что в современных обстоятельствах влиятельные державы не намерены признавать его юрисдикцию. Тем не менее, некоторые из них принимают весьма активное участие, когда по какой-либо причине считают, что перед этим судом должны предстать политические и военные лидеры малых государств – практически без исключения государств Африки. И хотя на этот Суд возлагались большие надежды, на данный момент он не проявил себя как суд, учрежденный в равной степени для великих и малых, сильных и слабых, богатых и бедных.

3. Политический инструмент? Судя по существующей практике, международные уголовные суды столкнулись с серьезной проблемой, состоящей в том, что, привлекая к ответственности только тех обвиняемых, которые являются представителями малых наро-

³³⁴ На основании Резолюции 1664 Совета безопасности от 29.03.2006 г. Организация Объединенных Наций и Ливанская Республика приняли соглашение об учреждении Специального трибунала по Ливану. Однако после подписания этого соглашения обеими сторонами 06.02.2007 г., Ливан его не ратифицировал даже по прошествии нескольких месяцев. Это вызвало ожесточенную реакцию крупнейших западных стран, по инициативе которых Совет Безопасности рассмотрел возникшую ситуацию и 30.05.2007 г. на основе Главы VII Устава ООН принял Резолюцию 1757 (2007 г.) об учреждении Трибунала. Данным решением, принятым большинством из 10 голосов «за» при 5 воздержавшихся (среди которых Россия и Китай), предусматривается, что соглашение между ООН и Ливаном об учреждении Трибунала автоматически вступит в силу 10.06.2007 г., если ливанские власти его до тех пор не ратифицируют. Очевидно, что таким образом Ливан буквально был заставлен ратифицировать соглашение об учреждении Трибунала.

дов, они превращаются в политический инструмент самых сильных государств мира, в механизм дисциплинирования непокорных лидеров и режимов, в средство угрозы для остальных, чье поведение не устраивает великие державы, оказаться на скамье подсудимых и быть не только приговоренными к длительным срокам заключения, но и морально дегradировать в глазах мировой общественности, а частично и в глазах общественности собственной страны. Страдать за решеткой и быть заклеяменными как преступники, даже если они, возможно, таковыми и не являются. Остаться в памяти народа не государственными деятелями и патриотами, а злодеями.

Главный обвинитель на Токийском процессе американец Д. Кинан в свое время сказал, что с тех, кто развязал войну и нарушил международные договоры, нужно сорвать мантии героев и в истинном свете показать их теми, кто они есть на самом деле – обычные убийцы. Точно так же в наше время приговор международного уголовного суда означает не только заслуженное наказание за совершенные преступления, но и вечное клеймо на личности и политике конкретного лица. Проблема в том, что в современной практике в роли обвиняемых выступают только лидеры, функционеры и другие представители малых народов. Проблема усугубляется в свете практики отдельных судов, пользующихся очень широкой интерпретацией командной ответственности, неоправданно превращая ее в отдельных случаях в вид объективной ответственности³³⁵.

В этом контексте мы становимся свидетелями факта, что в наше время сама угроза осуждения лидера международным судом представляет собой довольно эффективный способ давления на него с целью заставить повиноваться требованиям влиятельных держав, а в случае его отказа, возбуждение дела против него послужит целям пропаганды и оправдания военной интервенции против соответствующего государства.

4. Перспективы международного уголовного правосудия.
С учетом вышесказанного возникает вопрос, чего же, в таком слу-

³³⁵ Особенно бросается в глаза, когда тот же самый суд не предпринимает ничего, чтобы наказать лиц, непосредственно отдающих приказы, и исполнителей некоторых из самых чудовищных преступлений, если таковые являются представителями каких-либо других народов.

чае, ожидать от международного уголовного правосудия? Нужно ли вообще оказывать ему поддержку?

Несмотря ни на что по многим причинам нужно сохранять веру в институции международного права и в международное уголовное правосудие. Но не в любое международное уголовное правосудие, а в объективное, независимое и единое для всех. Такое, которое смотрит не на происхождение и должность обвиняемого, а на то, совершил ли он преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда. Такое, которое обладает достаточной силой, чтобы возбудить дело против каждого, кто это заслужил, кем бы он ни был. Правосудие должно быть слепое. Если оно зрит хотя бы одним оком, то это не правосудие, а нечто, основывающееся в своих выводах на лицеприятии, а не на фактической и правовой ситуации.

За исключением Международного уголовного суда, учрежденного на основе Римского статута, все предыдущие международные уголовные суды были судами *ad hoc*. Даже если оставить в стороне различные другие замечания, упоминавшиеся ранее, само это их известным образом характеризует как нечто действующее в отношении некоторых, но не всех.

С другой стороны, в таком виде, в каком он существует сейчас, Международный уголовный суд не внушает большого доверия. По мере усиления процессов международной интеграции, вероятно, оптимальным решением будет создание постоянных региональных уголовных судов и превращение существующего Международного уголовного суда в, своего рода, суд второй инстанции. Это позволило бы, с одной стороны, заранее разгрузить Международный уголовный суд (всемирный охват нереален), а с другой стороны, есть много причин, по которым региональные суды лучше приспособлены для судебного разбирательства в первой инстанции – в числе их преимуществ более глубокое понимание исторической подоплеку и общей проблематики, облегчение процедуры представления доказательств, сокращение расходов на перевозку обвиняемых, свидетелей и т. д., большая заинтересованность региональной общественности, упрощенное координирование в региональных рамках и т. д.

Еще раз подчеркнем, что появление международных уголовных судов является значительным прогрессом цивилизации. Но только

в том случае, если они действительно независимы, объективны и едины для всех. В противном случае в руках сильнейших они легко могут превратиться в оружие для удержания в покорности более слабых. Это не только противоречит элементарной справедливости и беспристрастности, но и бесперспективно. Такая политика даже может быть успешной некоторое время, но будучи долгосрочной, вызывает недоверие к международным судам и международным институтам вообще, и, наконец, вызывает сопротивление, а порой приводит и к серьезным конфликтам.

Контрольные вопросы

1. Каковы важнейшие особенности привлечения к уголовной ответственности за совершение международных преступлений?

2. Где и когда были основаны первые международные уголовные суды?

3. Какие особенности привлечения к уголовной ответственности за совершение международных преступлений были характерны в период между двумя мировыми войнами? Что вы знаете о «Лейпцигских процессах»?

4. Какова роль современных международных уголовных судов в международных правоотношениях?

5. Каковы характеристики и недостатки Нюрнбергского и Токийского процессов?

6. Каковы характеристики и недостатки современных трибуналов *ad hoc*?

7. Каковы характеристики и недостатки смешанных уголовных судов?

8. Каковы характеристики и недостатки Международного уголовного суда?

9. Какие общие проблемы связаны с международным уголовным правосудием?

Глава XI. ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ КОМПАНИИ И ИХ ПЕРСОНАЛ

1. ВВЕДЕНИЕ

Компании, имеющие собственную армию – это не абсолютное новшество. Вооруженные силы (собственную частную армию) имели и некоторые предприятия, существовавшие в прошлом, совершавшие колониальные завоевания для себя и государств, выходцами из которых они были (государства происхождения)³³⁶. Однако они основывались не для оказания услуг военного характера, а создавали и использовали вооруженные формирования для собственных нужд, ради осуществления своих интересов.

Во многом значительно отличающийся вид «частной армии» представляют собой вооруженные силы, сформированные, обученные, оснащенные, оплачиваемые кем-то, но не для того, чтобы они служили лично ему, а чтобы предоставлять их внаем тому, кто готов за это платить. Речь идет об относительно новом явлении.

А именно, в последние несколько десятилетий появился ряд частных компаний, предлагающих правительствам или другим желающим заплатить за обучение, вооружение, услуги по осуществлению разведывательной деятельности, охрану лиц и объектов и т. д., вплоть до оперативного использования собственных, квалифицированных, хорошо натренированных, полностью вооруженных и экипированных подразделений.

³³⁶ Имеются в виду различные Ост-Индские компании, как назывались общества, основанные в XVI–XVII вв. в некоторых европейских странах, которые быстро превратились в инструменты колониального завоевания Восточной и Юго-Восточной Азии. Крупнейшей среди них была Английская Ост-Индская компания, которая основала в Индии укрепленные колонии с собственными административными органами и войсками, которые служили для подавления восстаний и обороны от пиратов и конкурентов.

Они известны под разными названиями – «частные военные и охранные компании», «частные военные и разведывательные компании», «охранные и военные компании», «частные военные фирмы» и т. д. Часто используется термин «частные военные компании», при этом подразумевается, что он относится и к предприятиям, оказывающим не только военные, но и разведывательные, охранные или некоторые аналогичные услуги³³⁷.

С течением времени выросло и число частных военных компаний (ЧВК), и число лиц, являющихся их сотрудниками, и круг потребителей их услуг, и спектр услуг, оказываемых этими компаниями, и, в соответствии со всем этим, объем деятельности и прибыль этих предприятий.

Наибольшее количество ЧВК имеет штаб-квартиры в США и Великобритании (на них приходится около 70% всех сделок на этом рынке), но подобные фирмы есть и во Франции, России, Израиле, Австралии, Южной Африке, Турции, Перу и т. д.

Их появление открыло целый ряд вопросов в области международной политики, безопасности и т. д., и особенно в области международного права.

2. ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ

1. Понятие частной военной компании

Говоря коротко, частная военная компания – это частное предприятие, за финансовое вознаграждение оказывающее услуги в сфере военных вопросов и безопасности.

Более точным является определение, данное в Документе Монтрё (2008)³³⁸. Этим документом («Предисловие», п. 9/а) частные военные компании определяются как³³⁹:

³³⁷ Первой среди них была *Watchguard International* со штаб-квартирой в Лондоне, основанная в 1965 г. двумя бывшими британскими подполковниками. Она оказывала услуги в сфере военного консалтинга, военной подготовки, логистики и т. д., послужив образцом для формирования других таких компаний. Прекратила деятельность в 1972 г.

³³⁸ Подробнее о нем будет сказано далее.

³³⁹ Документ Монтрё использует выражение «частные военные и охранные компании», однако отличие имеет чисто терминологический характер.

«частные предпринимательские субъекты, которые оказывают военные и/или охранные услуги, независимо от того, как они себя характеризуют. Военные и охранные услуги включают, в частности, вооруженную охрану и защиту людей и объектов, например транспортных колонн, зданий и других мест; техобслуживание и эксплуатацию боевых комплексов³⁴⁰; содержание под стражей заключенных; и консультирование или подготовку местных военнослужащих и охранников».

То же самое определение дословно используют Международный Комитет Красного Креста³⁴¹ и компетентные органы ООН, среди которых Рабочая группа по вопросу об использовании наемников как средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение (далее в тексте: Рабочая группа по вопросу об использовании наемников) и Генеральная Ассамблея ООН³⁴².

В Документе Монтрё (2008) в п. 9/b-e также дано определение персонала частных военных компаний (ЧВОК) и других важных понятий путем уточнения:

«b) *Персонал ЧВОК* – это лица, принятые на работу посредством прямого найма или по контракту с ЧВОК, включая ее служащих и руководителей.

c) *Государства-контрагенты* – это государства, которые непосредственно заключают с ЧВОК контракты об оказании услуг, в том числе, в соответствующих случаях, когда такие ЧВОК заключают субконтракты с другими ЧВОК.

d) *Государства территориальной юрисдикции* – это государства, на территории которых действуют ЧВОК.

e) *Государства происхождения* – это государства национальной принадлежности ЧВОК, то есть где та или иная ЧВОК зарегистрирована или инкорпорирована; если государство, в котором ЧВОК инкорпо-

³⁴⁰ «Эксплуатация боевых комплексов» – это эвфемизм, то есть способ, позволяющий выразить нечто (здесь: непосредственное участие в боевых действиях) в иной, более мягкой форме. Ясно, что речь идет не об эксплуатации боевых комплексов (оружия) на охоте, на спортивных соревнованиях и т.п.

³⁴¹ International humanitarian law and private/security companies – FAQ // International Committee of the Red Cross. – 10 December 2013, www.icrc.org/en/document/ihl-and-private-military-security-companies-faq.

³⁴² Use of mercenaries as a means of violating human rights and impeding the exercise of the right of peoples to self-determination // General Assembly, A/73/303. 6 August 2018, par. 10, p. 4.

рирована, не является государством, где находится ее главная контора, то тогда государство, в котором находится главная контора ЧВОК, является «государством происхождения».

Эти понятия в том же значении будем использовать и мы, но добавим еще одно – «государство гражданства», под которым будем иметь в виду государство, гражданство которого имеют соответствующие члены персонала ЧВК.

В Проекте возможной конвенции о частных военных и охранных компаниях (ЧВОК)³⁴³, который Рабочая группа по вопросу об использовании наемников подготовила для рассмотрения и принятия Советом по правам человека, в ст. 2/1а дано определение частной военной и/или охранной (защитной) компании, согласно которому она представляет собой

«корпоративное образование, предоставляющее на компенсационной основе военные и/или охранные услуги, обеспечиваемые физическими и/или юридическими лицами».

Затем Проект (ст. 2/1/b) уточняет, что военные услуги означают специализированные услуги, связанные с военной деятельностью, включая стратегическое планирование, стратегическую разведку, исследования, наземную, морскую и воздушную разведку, воздушные операции любого типа с использованием как пилотируемых, так и беспилотных летательных аппаратов, спутниковую разведку, передачу любого рода знаний военного применения, материально-техническую поддержку вооруженных сил и другие соответствующие виды деятельности. В ст. 2/1/c определены охранные услуги как вооруженная охрана или защита зданий, установок, имущества и людей, передача любого рода знаний, применяемых для обеспечения безопасности и порядка, разработка и применение мер информационной защиты и другие соответствующие виды деятельности.

Разумеется, в литературе можно найти и другие определения.

С учетом того, что частные военные компании в основном являются только разновидностью транснациональных компаний (корпораций), мы позволим себе предложить наше собственное определение, согласно которому ЧВК – это:

³⁴³ Подробнее об этом документе будет сказано далее.

вид коммерческих предприятий, которые в целях получения максимальной прибыли, на основе финансовой компенсации оказывают услуги в области военных вопросов, вопросов защиты и безопасности и аналогичных вопросов (участие в военных операциях, осуществление военной подготовки и обучения по обеспечению безопасности, охрана лиц и объектов, безопасная перевозка лиц и предметов, сбор и анализ разведывательных данных и т. д.), при этом, хотя их штаб-квартира или главная контора находится в одном государстве (государство происхождения), имеют филиалы в разных странах и осуществляют деятельность по всей планете (в государствах территориальной юрисдикции), принимая на работу персонал, государство гражданства которого не обязательно является государством происхождения компании.

ЧВК принимают на работу огромное количество сотрудников различных профилей, имеющих гражданство разных стран³⁴⁴.

Соотношение между численностью военнослужащих вооруженных сил США и сотрудников американских ЧВК в зонах конфликтов постоянно меняется в пользу роста количества сотрудников ЧВК. В Первую войну в Персидском заливе (1991) соотношение было 58:1 (541 000 солдат к 9 200 сотрудников ЧВК) уже в 2011 г. численность персонала ЧВК, задействованного в Ираке, превысила число американских солдат почти на 20 000 (45 660 солдат к 64 253 сотрудникам ЧВК, соотношение 1 : 1,41)³⁴⁵.

Рынок, на котором осуществляют деятельность ЧВК – один из самых прибыльных и перспективных. Поэтому неудивительно, что

³⁴⁴ Крупнейшей в этом смысле является британская G4S, которая имеет около 650 000 сотрудников и представительства в 125 государствах. Оказывает услуги правительствам разных стран, крупным корпорациям, банкам, аэропортам, портам и т. д. Хотя преобладающими для нее являются другие виды деятельности (обеспечение безопасности посольств, тюрем, крупных музыкальных мероприятий, спортивных соревнований и т. д.), оказывает и услуги военного характера.

³⁴⁵ Подробнее см.: Isenberg David. *Shadow Force: Private Security Contractors in Iraq*. – Greenwood Publishing Group. – 2009, 15; Schwartz Moshe, Swain Joyprada. *Department of Defense Contractors in Afghanistan and Iraq: Background and Analysis* // Congressional Research Service. – May 13, 2011, 6, <https://fas.org/sgp/crs/natsec/R40764.pdf>, Kurilev K., Parkhitko N., Stanis D., Martynenko E. *The Phenomenom of Private Military Companies in the Military and Power Policies of States in the 21st Century* // International Organization Research Journal. № 4. 2017. P. 133.

из года в год растет и количество этих компаний, и численность их персонала, и объемы и виды их деятельности, и, конечно же, прибыль, получаемая ими.

По оценке Совета Европы еще в 2009 г. в более чем 100 государствах существовало свыше 1000 частных военных и охранных компаний, в которых насчитывалось более 1 миллиона «частных солдат и сотрудников охраны», при этом еще в 2006 г. оборот в этой отрасли услуг оценивался примерно в 200 миллиардов американских долларов³⁴⁶. По другим источникам упомянутый оборот в 2016 г. достиг 220–250 миллиардов долларов³⁴⁷.

Нужно постоянно помнить о том, что большинство сотрудников ЧВК не участвуют в боевых операциях. Так, например, в Ираке в 2007 г. к выполнению различных задач было привлечено более 180 000 сотрудников ЧВК из 30 стран, из которых только около 30 000 (16%) были вооружены. При этом то, что лицо вооружено, еще не означает, что оно также участвует в вооруженном конфликте.

2. Виды частных военных компаний

Хотя они могут классифицироваться по разным другим критериям (объем деятельности, происхождение капитала, количество сотрудников, преобладающее гражданство членов персонала, государство, в котором располагается штаб-квартира, связь с правительствами или силами безопасности государства штаб-квартиры и т. д.), особый интерес представляет классификация по характеру оказываемых ими услуг.

Некоторые ЧВК довольствуются выполнением задач, не подразумевающих применение оружия, таких как невооруженная охрана лиц и объектов, разведывательные операции (сбор информации), оценка рисков и аналитика безопасности, консалтинг, логистика

³⁴⁶ Private military and security firms and erosion of the state monopoly on the use of force. // Recommendation 1858 (2009). – Parliamentary Assembly, par. 2, <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17711&lang=en>.

³⁴⁷ Небольсина М. А., Никитин А. А. Перспективы международного регулирования деятельности частных военных компаний // Вестник МГИМО-Университета. № 2. 2016. С. 146.

(снабжение, транспорт, техническая поддержка, обслуживание инфраструктуры и установок, обучение государственных служащих или сотрудников компаний, связанное с обеспечением безопасности, и т. д.), производство и продажа оружия и военного снаряжения и т. п. Даже если эти услуги представляют собой своего рода поддержку, оказываемую какому-либо участнику вооруженного конфликта, они не включают непосредственное участие в применении силы. В широком смысле к этой категории можно отнести и услуги, состоящие в осуществлении военной подготовки и обучения, связанного с обеспечением безопасности, потому что хотя военная подготовка подразумевает применение оружия, оно не используется против других (в бою), а используется на полигонах.

Другие ЧВК специализируются на услугах, подразумевающих ношение и возможное применение оружия, но в принципе без непосредственного участия в военных операциях. Примерами являются вооруженная охрана и перевозка лиц (государственных деятелей, дипломатов, заключенных и т. д.), охрана объектов (посольств, конвоев, торговых судов, аэропортов, нефтяных месторождений, атомных электростанций, ядерных материалов и т. д.), транспортировка важных, ценных или опасных предметов (доставка гуманитарной помощи, перевозка оружия и т. д.). Эти услуги зачастую оказываются в условиях повышенного риска, на территориях, охваченных конфликтами, беспорядками и т. п., что подразумевает, что персонал ЧВК может быть вынужден применить оружие (против пиратов, террористов, похитителей и т. п.), но это не ситуации, которые в международном праве рассматриваются в качестве вооруженного конфликта.

Наиболее интересны компании, специализирующиеся на оказании только военных услуг – военной подготовке, разведывательных услугах и «оперативной поддержке», как иначе называется поставка оружия и снаряжения, планирование военных операций, вплоть до участия ЧВК в боевых действиях. К ним относятся и компании, оказывающие и другие услуги, но получившие репутацию в первую очередь благодаря участию своих бойцов в вооруженных конфликтах, и поэтому в литературе иногда называемые вооруженными или даже боевыми частными компаниями.

Такой была южноафриканская *Executive Outcomes (EO)*, основанная в 1989 г. и просуществовавшая до 1998 г., когда интегрировалась в другую южноафриканскую ЧВК. С персоналом до 3 000 лиц, в основном бывших военнослужащих вооруженных сил Южно-Африканской Республики, она оказывала и другие услуги (обучение военных подразделений, охрана месторождений алмазов, перевозка дорогостоящего оборудования и т. д.), но особую известность получила из-за своего участия на стороне правительств соответствующих государств в гражданских войнах в Анголе и Сьерра-Леоне. Так, говоря о Сьерра-Леоне, осознав, что терпит поражение со стороны повстанцев, правительство этой страны в мае 1995 г. наняло *EO*, которая включилась в борьбу и изменила исход конфликта. Опираясь на разведанные, она наряду со своей пехотой и бронетранспортерами широко использовала вертолеты, благодаря чему 160 бойцов *EO*, возглавив силы лояльных к правительству, одержали молниеносную победу над 15 000 повстанцев. Хотя по плану на это требовалось 3 месяца, они всего за 10 дней сняли осаду г. Фритаун (столица страны) и заставили повстанцев отступить на 126 км вглубь джунглей. Затем всего за несколько дней они очистили территории, на которых находятся месторождения алмазов и, наконец, в декабре 1995 г. уничтожили штаб-квартиру повстанцев и вытеснили их в пограничные районы. Это в корне изменило ситуацию и позволило добиться подписания мирного договора. Различные источники по-разному оценивают роль *EO* – одни считают, что она принесла мир и стабильность, а другие называют это интервенцией наемников³⁴⁸.

На оказании военных услуг специализировались и другие ЧВК. Так, например, между самыми известными в этой сфере – британская *Sandline International*, которая за 10 лет существования (1994–2004 гг.) ставилась в связь с минимум 3 вооруженными конфликтами, и американская *Military Professional Resources*, имеющая около 3 000 сотрудников, из которых около 340 – бывшие американские генералы (она работает в тесной связке с Пентагоном и долгое время принимала на работу почти исключительно американский персонал).

³⁴⁸ Howe, Herbert M. Private security force and African stability: the case of Executive Outcomes // *Journal of Modern African Studies*. №2. 1998. P. 311–315; Francis, David J. Mercenary intervention in Sierra Leone: Providing national security or international exploitation? // *Third World Quarterly*. №2. 1999. P. 319–338; Maciag, Mateusz. Engagement of Executive Outcomes in Sierra Leone – Utility Assessment // *Security and Defence Quarterly*. №5. 2019. P. 57–71.

Вышеизложенная классификация, разумеется, относительна. Многие ЧВК, и особенно крупнейшие из них, предлагают очень широкую палитру услуг и готовы ответить на любой запрос клиента. Наглядный пример представляет собой, вероятно, самая известная частная военная компания, несколько раз менявшая имена, но основанная как «Блэкуотер» (*Blackwater*).

«Блэкуотер» (*Blackwater*), со штаб-квартирой в Северной Каролине (США), в 1997 г. основали два бывших офицера элитного американского подразделения «Морские котики» (*Navy SEALs*), дав ей название по темным водам болота Грейт-Дисмал (*Great Dismal Swamp*), которое купили для нужд строительства тренировочного центра. Сначала Компания занималась подготовкой американских подразделений спецназа³⁴⁹, а затем взяла на себя охрану американских дипломатов в охваченном войной Ираке для нужд Госдепартамента, выполняла задачи для американской разведывательной службы ЦРУ, оказывала услуги иностранным государствам и негосударственным заказчикам (транснациональным корпорациям) и т. д. Впервые была задействована за рубежом для нужд правительства США в Йемене в 2000 г. После нескольких скандалов, в которых была замешана, в 2009 г. была переименована в *Xe Services LLC*, а затем в 2011 г. в «Академи» (*Academi*), которая вместе с конкурирующей компанией «Трипл Канопи» (*Triple Canopy*) в 2014 г. стала частью *Constellis Group*, объединяющей 11 частных военных и охранных компаний.

Около 90% доходов получает от правительства США, при этом преимущественно за свое участие в зонах вооруженных конфликтов. Зарабатывает разными способами – осуществляет обучение спецподразделений некоторого числа государств и обучение лиц, занимающихся обеспечением безопасности; подготавливает, экипирует и предоставляет в распоряжение бойцов, участвующих в различных вооруженных конфликтах; осуществляет сопровождение, обеспечение безопасности и защиту лиц и объектов; оказывает разведывательные услуги; осуществляет авиа- и другие перевозки людей и предметов; производит и продает собственный бронетранспортер и беспилотные летательные аппараты; осуществляет обучение служебных собак; участвует в операциях правительства США в борьбе с незаконным оборотом наркотиков; обеспечивает доставку гуманитарной помощи; участвует в операциях по ликвидации последствий природных катастроф и т. д.

³⁴⁹ Речь идет, в частности, об обучении обращению с огнестрельным оружием в тренировочном центре компании, планировка которого позволяет отрабатывать тактику в различных условиях и средах – городской квартал, интерьер здания, автодром, искусственное озеро т. д.

Уже эти несколько фактов указывают на то, что общих правил нет, то есть что ЧВК иногда достаточно сильно отличаются друг от друга. Также на практике нередко отличаются миссии, в которых участвуют разные члены персонала одной и той же частной военной компании, и задачи, которые они выполняют.

3. ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ И ПРЕИМУЩЕСТВА, КОТОРЫЕ ОНИ ОБЕСПЕЧИВАЮТ

Появление ЧВК вызвано рядом факторов. В непосредственной связи с этим находятся и факты, говорящие в пользу ЧВК.

1. Причины появления частных военных компаний. После обретения независимости бывших колоний, особенно в Африке, выросло давление мирового общественного мнения, требующего пресечения практики использования наемников. Особенно это проявилось, когда в 70-е и 80-е годы прошлого века были приняты международные соглашения, запретившие не только участие в вооруженных конфликтах в качестве наемников, но и вербовку, использование, финансирование и подготовку наемников, и квалифицировали эти действия как международные уголовные преступления. Тем самым, однако, не исчезла потребность определенных государств в услугах, которые оказывали наемники. Речь идет о задачах, которые правительства этих государств по какой-либо причине не хотели возлагать на собственные вооруженные силы (регулярные войска) – чтобы избежать контроля со стороны парламента; чтобы скрыть свое участие и избежать вовлечения своего государства в вооруженный конфликт или международного осуждения и международных санкций и т. д. Таким образом, одна из ролей ЧВК состояла в том, чтобы преодолеть пропасть между потребностями некоторых государств и международно-правовым запретом наемничества.

Вследствие деколонизации и, с другой стороны, распада некоторого числа стран, значительно увеличилось количество государств в мире. К этому следует добавить, что существует и ряд квазигосударств – образований, по разным причинам не являющихся обще-

признанными, но имеющих более или менее выраженные атрибуты государства³⁵⁰. По природе вещей, чем больше государств и подобных образований, тем больше рынок для услуг ЧВК, что стимулирует появление новых подобных предприятий, полных решимости бороться за свой кусок пирога.

Почти одновременно выросло и предложение на международном «рынке труда» в этой области. После завершения Холодной войны произошло масштабное сокращение вооруженных сил многих государств, в результате чего без работы осталось огромное количество профессиональных военных. В относительно короткий срок они стали высококвалифицированной и опытной, но нетрудоустроенной «рабочей силой». Предпринимателям оставалось только обеспечить уставный капитал, зарегистрировать фирму, выбрать из многочисленных кандидатов тех, кто им больше всего подходит, и найти им работу. Огромная прибыль, которую владельцы ЧВК быстро получали, позволяла им не только быстро обогащаться, но и продолжать развивать свое предприятие, принимая на работу новый персонал и расширяя круг услуг, предлагаемых компанией.

На рубеже XXI в. многим государствам из-за давления оппозиции, СМИ и общественного мнения стало все труднее в рискованных операциях использовать военнослужащих регулярных вооруженных сил, особенно солдат срочной службы. Выход был найден в использовании ЧВК. Многие члены этих компаний в свое время служили именно в вооруженных силах государства, в котором находится штаб-квартира компании (государство происхождения), которое зачастую являлось и государством-контрагентом (заказчиком услуг), и были знакомы с методами работы его вооруженных сил, лично знали людей, занимающих важные позиции в командовании (что способствовало взаимному доверию и пониманию) и т. д. В некотором смысле все было точно так же, как если бы правительство соответствующей страны направляло собственные войска (регулярные подразделения), только было организовано и финансировалось другим способом.

Кроме того, в эпоху Холодной войны правительства ведущих мировых держав могли объяснить своим парламентам и обще-

³⁵⁰ См.: Кривокапич Борис. Международное публичное право. Самара, 2018. С. 260–279.

ственности использование собственных вооруженных сил в некоей далекой стране тем, что речь идет «о борьбе с коммунистической угрозой», «защите наших ценностей и нашего образа жизни», «помощи братским народам в борьбе против попытки реставрации капитализма» и т. п. Однако после распада организации Варшавского договора, перехода России и других социалистических государств на западную социально-политическую и экономическую модель, с принятием западных ценностей (частная собственность, многопартийная политическая система, стандарты в области прав человека и т. д.) эти аргументы отпали. Стало трудно объяснить, за чьи интересы «наши парни» должны гибнуть далеко за рубежом. Решение было найдено в использовании ЧВК, которые были готовы выполнить предусмотренные договором задачи, не спрашивая, зачем это нужно.

Одной из причин расцвета ЧВК является и то, что определенные государства объективно не в состоянии защитить свои интересы собственными силами. Это относится даже к США, чьи дипломатические представительства по всему миру особенно часто подвергаются террористическим и другим нападениям, и поэтому для их постоянной защиты требуются профессионалы. Однако Вашингтон просто не в состоянии обучать, отправлять, размещать и оплачивать такое количество персонала из рядов своих вооруженных сил и сил безопасности – так как это означало бы либо чрезмерный рост численности этого персонала, либо (по причине занятости упомянутой деятельностью) невозможность осуществления этими силами своих основных функций и задач.

Значение имеет и тот факт, что многие государства отменили обязательную военную службу и перешли на относительно малочисленную профессиональную армию. В связи с этим важны два момента:

1) Был сделан вывод, что вооруженные силы следует использовать для регулярных задач (оборона страны от нападения, охрана государственных границ и т. д.), а для действий, выходящих за эти рамки, нужно привлекать ЧВК.

2) Во многих странах основной состав вооруженных сил образуют профессиональные военные. Поскольку они получают плату за свою службу, отмечено, что нет принципиальной разницы между ними и персоналом ЧВК, так как и одни, и другие оказывают

военные услуги за деньги. Правда, денежное довольствие персонала ЧВК значительно больше, но и задания, поручаемые им, сопряжены с особыми требованиями и опасностями, и при этом имеют временные ограничения на основе контракта. Впрочем, военнослужащие регулярных вооруженных сил тоже получают повышенную оплату, когда участвуют в операциях, связанных с особым риском, и им нужно платить даже тогда, когда им «нечего делать», в то время как привлечение ЧВК означает оплату меньшего количества персонала в определенный период (пока выполняется задание) и только тогда, когда, по оценке, это действительно необходимо.

На расцвет ЧВК повлияло и изменение характера современных вооруженных конфликтов. Вместо прямого столкновения массовых армий, характерных для прошлого, сегодня становится все больше различных внутренних конфликтов и так называемых гибридных войн. Иная природа этих конфликтов требует иной тактики и наличия особым образом организованных и обученных сил. Такие задачи могут выполнять специальные подразделения государств, но зачастую это сопряжено с политическими и другими проблемами. Одновременно с этим, бойцы ЧВК (которые, как правило, и сами являются бывшими членами спецподразделений) отлично подходят для решения именно таких задач. Дело в том, что здесь многое решают быстрые решительные действия небольших отрядов, что сражения ведутся иначе, чем в межгосударственных войнах (без использования или с незначительным использованием авиации, тяжелой артиллерии, танков и т. п.), что бои ведутся в основном не на обширных пространствах, а в городах и жилых районах и т. д. Таким образом, речь идет об условиях, для которых бойцы ЧВК превосходно подготовлены и оснащены.

По многим причинам использование вооруженного персонала ЧВК в качестве вспомогательного или даже основного решения может стать очень хорошим выбором в зонах вооруженного конфликта низкой интенсивности, в районах, где не существует или очень слаба власть центрального правительства, в борьбе против пиратов, против вооруженных сил крупных террористических организаций, какой является так называемое Исламское государство и т. д.

2. Преимущества, обеспечиваемые частными военными компаниями. О некоторых важных преимуществах, которые дает использо-

вание ЧВК, уже говорилось при изложении причин их появления. Здесь будет дан краткий обзор еще нескольких существенных моментов.

1. Польза для государства происхождения. Государства, в которых ЧВК имеют штаб-квартиру (государства происхождения), не только в принципе не имеют оснований запрещать им регистрацию и работу, но и, напротив, по многим причинам на самом деле заинтересованы в том, чтобы как можно больше подобных фирм имели центр своей деятельности на их территории.

Прежде всего, существует несомненный экономический интерес. Чем больше объемы деятельности ЧВК, тем больше доходы в бюджет соответствующего государства (за счет различных налогов и сборов) и в то же время выше уровень занятости ее граждан (многие ЧВК основную часть своего вооруженного персонала вербуют среди граждан государства происхождения. С другой стороны, ЧВК тратят деньги в государстве, в котором имеют штаб-квартиры – на зарплаты сотрудников, покупку или аренду зданий и земельных участков, мебель и канцтовары для своих помещений и т. д. Если это государство производит качественное оружие и военную технику, то ЧВК скорее всего будет покупать их именно у него. Таким образом, экономическая заинтересованность государства происхождения несомненна.

С другой стороны, посредством ЧВК государство происхождения может усиливать свое экономическое влияние в мире – потому что благодаря им будет увеличиваться продажу оружия другим странам, получать новых клиентов для обучения персонала и технического обслуживания оружия и военной техники, обеспечит себе доступ к сырьевым ресурсам, находящимся в других странах (в качестве компенсации за услуги ЧВК) и т. д.

Существуют и важные политические интересы государства происхождения. Обычно оно имеет разные, в том числе невидимые, способы влиять в желаемом направлении на ЧВК, имеющую в нем штаб-квартиру; связывает ее со своими военными службами и службами безопасности и обеспечивает, чтобы она периодически выполняла для него определенные задачи, о которых общественность никогда не узнает. Таким образом, многие ЧВК становятся инструментом внешней политики и политики безопасности своего государства происхождения, инструментом, посредством которого оно помогает

союзническим режимам и наоборот, свергает правительства, неугодные ему. ЧВК становятся все более важным элементом так называемой гибридной войны.

Наконец, некоторые страны сами основали ЧВК или, по меньшей мере, приветствовали либо облегчили их основание на своей территории, чтобы, играя одновременно роль и государства происхождения, и государства-контрагента, прикрыть или завуалировать свое участие в различных интервенциях по всему миру, скрыть количество военных, участвующих в этих операциях, избежать контроля компетентных государственных органов и осуждения мировой и национальной общественности и т. д.

2. *Позиция государства-контрагента.* Государство-контрагент нанимает ЧВК, потому что считает, что это в его интересах. Поскольку их отличает высококлассная подготовка, опыт, отличная оснащенность, эффективность и гибкость, то сотрудники ЧВК исключительно подходят для выполнения особо опасных или деликатных задач, которые не требуют применения крупных военных сил, и которые по какой-либо причине соответствующее государство не желает или не может поручить своим спецподразделениям.

Бойцы ЧВК могут использоваться и тогда, когда в операции задействованы регулярные силы государства-контрагента (заказчика услуг). Это, с одной стороны, сокращает количество солдат, предназначенных для отправки в иностранное государство, а, с другой, сокращает количество жертв среди них, так как персоналу ЧВК поручаются самые сложные задачи.

Поскольку часто речь идет о секретных или скрытых операциях, они могут проводить их, не поднимая пыли, не привлекая ненужного внимания. С другой стороны, в тех случаях, когда саму акцию скрыть невозможно, может остаться неизвестным, кто заказал и кто оплатил ее выполнение – персонал нанятой компании (его бойцы на задании) не обязаны знать, кто заказчик поставленной перед ними задачи, а руководство компании не будет это разглашать.

По этим причинам государство (его правительство) или его органы (министерство обороны, разведывательная служба и т. д.) могут, используя ЧВК, совершать операции, которые считают необходимыми, и при этом отрицать свою связь с ними. Это для них особенно

важно, когда речь идет об акциях, не одобренных правительством, идущих вразрез с политикой и позицией парламента или по моральным или каким-либо иным причинам неприемлемых для местной общественности.

Одновременно на международном уровне это позволяет правительству государства-контрагента избежать ответственности за нарушение международного права или решений международных организаций, а также за поступки (например, военные преступления) персонала нанятой компании. Более того, это позволяет ему сохранить якобы беспристрастную позицию по отношению к конфликту. Поэтому, когда сочтет, что наступил подходящий момент, оно может включиться как своего рода якобы объективный посредник, предлагающий решение.

Вооруженные силы, которые государство по какой-либо причине направляет за рубеж, как правило, состоят из его граждан. Когда они начинают массово гибнуть, то это обычно вызывает негодование общественности, которое может быть столь велико, что правительству могут быть предъявлены требования о немедленном прекращении операции, выводе войск, уходе в отставку и т. д.

Напротив, поскольку об участии сотрудников ЧВК, как правило, очень мало известно, то их гибель обычно остается незамеченной. Они не включаются в число потерь, понесенных вооруженными силами государства, которое их наняло. Даже если о них становится известно – смерть, ранение, инвалидность, плен или исчезновение бойцов ЧВК представляют собой риски, на которые они пошли добровольно и за которые им хорошо заплатили, так что жертвы среди них не вызывают сочувствия и протеста у общественности, потому что никто не любит тех, кто воюет за деньги.

На войне всегда число раненых превышает число погибших. Когда домой возвращаются молодые солдаты-срочники, ставшие инвалидами в возрасте 18–20 лет, перенесшие физические и тяжелые психические травмы, это очень плохо воспринимается общественностью, особенно в самых развитых западных государствах. Многие из них впадают в зависимость от алкоголя и наркотиков, также высок процент самоубийств. Все это травмирует их семьи, друзей и т. д. Намного легче, когда, раз уж это неизбежно, инвалидами домой

возвратятся люди средних лет, которые добровольно и за деньги согласились рисковать своими жизнями и здоровьем.

Одним из аргументов, часто упоминаемых в пользу использования персонала ЧВК, является то, что речь идет об отборных профессионалах (лицах, которые ранее в основном были военнослужащими элитных подразделений своих стран), не склонных к совершению военных преступлений. Более того, в случае, если они их все-таки совершат, то государство-контрагент может откреститься, будто не имеет с этим ничего общего, и что оно не требовало и не ожидало этого, и что во всем виновата ЧВК, так как это ее люди – она их выбрала, приняла на работу, обучила, отдавала им приказы и инструкции и т. д.

Наконец, поскольку случается, особенно во внутренних конфликтах в отдельных государствах, что на одной и той же территории находятся вооруженные силы разных государств, и особенно великих держав, поддерживающих различные противоборствующие стороны, то между ними, даже непреднамеренно, может произойти столкновение, которое в результате эскалации могло бы перерасти в войну между соответствующими государствами. Поэтому намного проще, когда определенные операции осуществляют ЧВК как неофициальные подразделения, действия которых не могут быть непосредственно отнесены на счет правительства ни одного государства, кроме, возможно, одной из местных сторон, находящихся в конфликте.

3. Деятельность для малых и средних государств. Поскольку услуги ЧВК специфичны и дорогостоящи, ими в основном пользуются крупные военные державы и богатые государства, причем очень часто именно те, на территории которых соответствующая компания имеет свою штаб-квартиру. Однако ЧВК могут также нанимать малые и средние государства, особенно если сочтут, что поставлены под угрозу их важные национальные интересы, которые невозможно защитить другим способом. Обычно они заключают контракт на оказание услуг на своей территории, и, как правило, выступают одновременно в роли и государства-контрагента (заказчика услуг), и государства территориальной юрисдикции.

Конкретные задачи, поручаемые этими государствами ЧВК, могут быть весьма различны и могут включать обучение и снабжение армии соответствующей страны, оказание разведывательной, логи-

стической и другой поддержки в решении конкретного военного вопроса или вопроса безопасности и т. д., вплоть до непосредственного участия в боевых действиях (против повстанцев, террористов, вооруженных криминальных банд и т. д.).

У бедных государств нет денег на оплату этих услуг, но они находят решение в том, что дают ЧВК право на использование своих природных богатств (нефти, алмазов и т. д.) или на участие в доле прибыли от этого.

4. *Деятельность для международных организаций.* Разные международные организации все чаще нанимают ЧВК, поручая им в опасных районах, особенно в тех, где ведутся вооруженные конфликты, обеспечивать безопасность персонала этих организаций, охранять их представительства, защищать дипломатический транспорт, доставлять гуманитарную помощь, заниматься разминированием и т. д.

Хотя широкая мировая общественность об этом мало знает, и сама ООН уже многие годы пользуется услугами ЧВК³⁵¹.

Сегодня ЧВК присутствуют почти во всех миротворческих операциях ООН³⁵². Иногда их нанимают отдельные государства, которые затем предоставляют их в распоряжение ООН, но все чаще их непосредственно нанимает сама ООН.

³⁵¹ Первый раз ООН привлекла 4 ЧВК в 1992 г., для оказания услуг в миротворческой миссии UNPROFOR в Боснии и Герцеговине. На основе этих контрактов было задействовано 2 000 сотрудников этих компаний, которые занимались предотвращением и установлением совершения преступлений, управляли бронетехникой, следили за безопасностью границ и т. д. Они носили униформу, опознавательные знаки и личные документы ООН и были интегрированы в UNPROFOR, и даже якобы имели доступ к конфиденциальным разведывательным данным ООН. Пользование услугами ЧВК продолжилось и в последующие годы. Так, например, ООН еще с 2014 г. для нужд защиты своих миссий (персонала и объектов) использовала в 3 странах вооруженный и еще в 23 государствах невооруженный персонал ЧВК. Это было обосновано утверждением, что Организация не имеет внутренних ресурсов для обеспечения защиты и безопасности своего персонала, который выполняет обязанности в крайне нестабильных условиях. См.: Доклад Рабочей группы по вопросу об использовании наемников как средстве нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение // A/69/338. 21 August 2014. п. 11. С. 4; п. 16. С. 7; п. 79. С. 20. www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/69/338&Lang=R.

³⁵² Crowe, Jonathan, John, Anna. 2017. The Status of Private Military Security Companies in United Nations Peacekeeping Operations Under the International Law of Armed Conflict // Melbourne Journal of International Law. № 1. 2017. P. 16.

Это наводит нас на размышление о приближении дня, когда члены ООН придут к выводу, что им более выгодно в миротворческих и других вооруженных миссиях ООН задействовать ЧВК, вместо того, чтобы направлять собственных солдат. Вопрос, таким образом, состоит в том, перейдут ли вместо селективного и ограниченного пользования услугами этих компаний, к их всеобъемлющему и постоянному использованию, в результате чего ЧВК и их персонал полностью заменят национальные военные контингенты государств и собственные вооруженные силы ООН. Одно из размышлений заключается даже в том, что даже если ЧВК не вытеснят совсем военные контингенты государств как основу миротворческих миссий ООН, подразделения этих компаний могли бы быть наилучшим решением для экстренных ситуаций, не терпящих отлагательства, то есть могли бы использоваться в качестве сил быстрого реагирования. Особенно отмечается, что такие силы могли бы действовать параллельно с регулярными миротворческими силами ООН, имея при этом более широкие полномочия, когда речь идет о применении силы³⁵³.

³⁵³ Министр иностранных дел Мали А. Диоп 08.10.2014 г. обратился к Совету Безопасности ООН с просьбой, наряду с уже размещенной миротворческой миссией MINUSMA численностью около 9 000 солдат, срочно разместить в Мали силы быстрого реагирования для борьбы с исламистскими боевиками на севере страны. Он обосновал это тем, что не только убито много гражданских лиц, но и миссия ООН подвергалась постоянным нападениям, в результате которых чуть больше, чем за год был убит 31 и ранены 66 миротворцев ООН. По его словам, силы быстрого реагирования с «более жесткими правилами участия» могли бы помочь обуздать насилие и начать переговоры об установлении мира. Серьезность ситуации подтвердил и командующий MINUSMA руандский генерал Ж.Б. Казура, который 09.10.2014 г. пожаловался Совету Безопасности на то, что силы MINUSMA вынуждены бороться против террористов, но без мандата на подобные действия, не имея соответствующей подготовки, логистики и разведывательных данных. Поскольку Совет не предпринял по этому поводу никаких шагов за 8 лет (с 01.07.2013 г. до 05.02.2021 г.) в Мали погиб 231 миротворец ООН, вследствие чего MINUSMA считается одной из самых опасных миротворческих миссий ООН. По этому поводу отмечается, что случай с Мали показал потребность ООН в силах быстрого реагирования, которыми всемирная организация могла бы ответить на угрозы жестко и своевременно, и делаются предложения о том, что эту роль могли бы сыграть бойцы ЧВК. См.: MINUSMA Fact Sheet // United Nations Peacekeeping. 12 September 2020, <https://peacekeeping.un.org/en/mission/minusma>; Bouttelis Arthur. Can the UN Stabilize Mali? Towards a UN Stabilization Doctrine? // International Journal of Security & Development. № 1. 2015. P. 1–16; Genser, Jared, Garvie, Clare. Contracting for Stability: The Potential Use of Private Military Contractors as a United Nations Rapid-Reaction Force // Chicago Journal of International Law. № 2. 2016. P. 439–481.

Следует признать, что участие ЧВК в миротворческих миссиях, в том числе подразумевающих боевые операции, может быть более эффективным, дешевым и политически приемлемым решением (в том смысле, что не подвергаются риску жизни собственных солдат, не ставится под сомнение беспристрастность миротворцев и т. д.). И все же, большой вопрос, насколько это приемлемо с точки зрения морали. Дело в том, что ООН создана для того, чтобы заботиться об обеспечении международного мира и безопасности, а получилось бы, что она только посредник, нанимающий кого-то другого («субподрядчика»). Что еще хуже, в таком случае, по сути, членские взносы государств и другие средства, выделяемые на ООН, перетекают в карманы частных лиц. В связи с этим существуют мнения, что речь идет о «приватизации миротворчества» и об опасности превращения миротворческих операций в частный рынок³⁵⁴.

Особую опасность представляет собой факт, что если бы миротворческие операции ООН были совсем отданы ЧВК, это было бы для них стимулом расширять деятельность, а значит предпринимать все, чтобы этих миссий стало как можно больше (чтобы росло количество вооруженных конфликтов и кризисов), чтобы эти миссии продолжались как можно дольше (даже за счет искусственного поддержания конфликта или кризиса) и т. д. Но это полностью противоречит целям и задачам ООН. Поскольку речь идет об огромных суммах, присутствует и опасность того, что (работая в интересах ЧВК) коррумпированные политики и военное командование, но также и функционеры международных организаций, в том числе самой ООН, предпримут шаги, ведущие к разгоранию конфликта вместо его решения.

Многие аналитики отмечают, что аргументы в защиту использования ЧВК Организацией Объединенных Наций недостаточно убедительны и что, напротив, в связи с этим существуют весьма серьезные проблемы. Некоторые из них заходят столь далеко, что делают вывод, будто ЧВК не решение, а часть проблемы. Особенно

³⁵⁴ Об этом говорят многие, например, Bures, Oldrich. *Private Military Companies: A Second Best Peacekeeping Option?* // *International Peacekeeping*. № 4. P. 534; Cameron Lindsey. *The Privatization of Peacekeeping: Exploring Limits and Responsibility under International Law*, Cambridge, 2017.

подчеркивается, что использование ЧВК в миротворческих операциях ООН не само по себе незаконно, а незаконно их использование для так называемого принуждения к миру. Кстати, Рабочая группа по использованию наемников указала на ряд открытых вопросов, заключив, что забота о безопасности (включая также безопасность ООН и ее персонала) должна прежде всего оставаться обязательством государств-членов³⁵⁵.

Хотя по понятным причинам наибольший интерес представляет собой использование ЧВК Организацией Объединенных Наций, их услугами пользуются и другие международные организации, из которых здесь будут упомянуты всего две.

Европейский Союз поручает ЧВК охрану своих дипломатических представителей и представительств (делегаций) и оказание поддержки гражданским и военным миссиям ЕС за рубежом. Кроме того, расширив в 1992 г. свои полномочия и на проблему международной безопасности, ЕС поставила своих членов в ситуацию необходимости предоставления национальных контингентов для все более многочисленных миссий, направляемых в разные части света, вдали от Европы³⁵⁶. Это наводит на мысль о том, что, вполне возможно, однажды органы и члены ООН решат, что для заданий, поручаемых миротворческим миссиям ООН, лучше нанимать ЧВК.

Особенно интересно отметить, что на услуги ЧВК опирается и крупнейшая военная сила нашего времени – НАТО. Эта военно-политическая организация уже в ходе агрессии против Югославии (1999 г.) использовала ЧВК для транспортировки, обслуживания

³⁵⁵ См.: Pingeot, Lou. *Dangerous Partnership: Private Military & Security Companies and the UN* // Rosa Luxemburg Foundation & Global Policy Forum. 2012. 28–36. P. 41–42. <https://media.business-humanrights.org/media/documents/files/media/gpf-dangerous-partnership-full-report-jun-2012.pdf>; Janaby Mohamand Ghazi. *The Legality of the Use of Private Military and Security Companies in UN Peacekeeping and Peace Enforcement Operations* // *Journal of International Humanitarian Legal Studies*. № 1. 2015. P. 147–187; Доклад Рабочей группы по вопросу об использовании наемников... Указ. соч. п. 11, С. 4; п. 16, С. 7; п. 79, С 20.

³⁵⁶ 365 White, Nigel D., MacLeod, Sorcha. 2008. *EU Operation and Private Military Contractors: Issues of Corporate and Institutional Responsibility* // *European Journal of International Law*. № 5. 2008. P. 965–988.

аэродромов, снабжения горючим, управления объектами и оказания защиты. В последующие годы параллельно со стремительным развитием частного сектора в области военных вопросов и вопросов безопасности это сотрудничество усилилось и стало более разнообразным. НАТО особенно широко опирался на поддержку ЧВК в ходе конфликтов в Афганистане (в частности, в 2003–2014 гг.), когда они оказывали ему логистическую поддержку, выполняли необходимое техническое обслуживание и ремонт, проводили для него военную подготовку и оказывали вооруженную защиту.

5. Деятельность для негосударственных субъектов. ЧВК все чаще нанимают и различные негосударственные субъекты. Часто речь идет только о разведывательных услугах или защите определенных лиц и объектов, но в некоторых случаях имеются в виду и боевые действия в рамках вооруженного конфликта.

Так, например, компании, вложившие большие средства в нефтяные месторождения, месторождения драгоценных камней, рудники редких и драгоценных металлов и т. п., очень заинтересованы в привлечении ЧВК для защиты их работников и объектов. Если их работники подвергнутся нападению (убийству, похищению и т. д.) или если объекты (скважины, рудники и т. д.) будут силой захвачены какой-либо стороной, участвующей в вооруженном конфликте (повстанцы, силы террористов и т. д.), то задачей ЧВК является отбить упомянутые объекты. Бои, завязавшиеся на основе этого, могут иметь такую форму и интенсивность, что в принципе не будут отличаться от столкновений между противоборствующими сторонами вооруженного конфликта – они могут принять характер настоящих сражений с применением не только пехоты, но также артиллерии и авиации.

Для определенных задач (десант, диверсия, освобождение пленных или заложников и т. д.) ЧВК может нанять и какая-либо из сторон вооруженного конфликта, особенно имеющего внутренний характер. Предполагается, что речь идет не о правительстве (так как это был бы найм от имени государства), а о повстанцах, об одной из сторон, борющихся за власть в некоем «несостоявшемся государстве», стране, в которой нет центрального правительства и т. д.

4. ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ФУНКЦИОНИРОВАНИЕМ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ

В связи с ЧВК, их услугами и особенно участием их персонала в вооруженном конфликте выкристаллизовалось множество проблем различного характера.

Поскольку речь идет о частном бизнесе, то он в значительной мере находится за пределами действительно эффективного контроля государственных властей – и государства происхождения, и государства территориальной юрисдикции, и государства гражданства и вообще какого бы то ни было государства. Обычно компетентные лица в ЧВК на основании контракта принимают определенное задание и самостоятельно планируют, реализуют и контролируют его выполнение. Это создает пространство для множества разного рода ошибок, нарушений нормативно-правовых актов, злоупотреблений и т. п.

В отличие от вооруженных сил государства, которые подчинены высшим органам власти государства (министерству обороны, правительству, парламенту) и подотчетны им, и которые в принципе привлекаются для достижения политических, а зачастую и общих целей данного общества (они могут быть и незаконными, но являются частью государственной политики), ЧВК руководствуются только мотивом получения максимальной прибыли, то есть тем, чтобы максимально увеличить доходы и сократить расходы. Другими словами, принимая решения, они будут поступать как любое капиталистическое предприятие, защищая собственный, а не общественный интерес. Последствием этого может стать принятие на работу недостаточно квалифицированных кадров; экономия на различных процессах контроля; выбор более быстрого и дешевого решения, даже если это означает нарушение международного права и т. д.

С другой стороны, и сами сотрудники ЧВК, особенно те из них, которые находятся в полевых условиях, в зонах конфликта, совершенно естественно, стремятся заработать с меньшими усилиями и меньшим риском. Поэтому они могут выбрать более эффективное и менее рискованное решение, хотя оно и подразумевает жертвы среди гражданских лиц, взятие заложников, пытки пленных и т. п.

Впрочем, это и логично, если знать, что конфликт, в котором они участвуют, на самом деле не «их» конфликт (эмоционально они не вовлечены в него), и что, как правило, они воюют на чужой территории (и потому не имеют особого почтения к культурно-историческим и другим ценностям на этой территории и особенно не считаютяся с местным населением, которое им зачастую во многом чуждо).

По этим причинам работе ЧВК и их сотрудников нередко присуща большая или меньшая степень незаконности. Обычно это сводится к разного рода махинациям³⁵⁷, но, поскольку речь идет о субъектах, использующих вооруженную силу, то иногда это означает и совершение военных преступлений, если ЧВК или ее сотрудники сочтут, что это ускорит или облегчит выполнение задания и полагают, что об этом никто не узнает.

Действительно, практика показала, что в некоторых случаях сотрудники ЧВК были замешаны в таких преступлениях как убийство гражданских лиц, убийство пленных, неизбирательные нападения, произвольное взятие под стражу, пытки и издевательства над заключенными, подкуп представителей власти, кража и контрабанда оружия, грабеж, уничтожение имущества, изнасилования, торговля людьми и т. д.

Так, например, известны конкретные преступления, совершенные сотрудниками ЧВК.

– Одной из первых ЧВК была «Кини Мини» (*Keenie Meenie Services*), основанная в 1975 г. бывшими британскими военными офицерами и разведчиками. Хотя оказывала и другие услуги, она особенно была известна тем, что ее инструкторы и бойцы обучали спецподразделения разных государств, но и сами участвовали в вооруженных конфликтах. Бойцы компании и подразделения, обученные ими и находившиеся под их командованием, многократно обвинялись в военных преступлениях, особенно в Шри-Ланке и Никарагуа – массовые убийства гражданских лиц, оказание огневой поддержки с воздуха силам, на местности совершающим нападение на гражданское население, убийство пленных сбрасыванием из вертолета, пытки, взятие заложников, поджоги сел и уничтожение других гражданских

³⁵⁷ Отображение ложных расходов, выставление счетов за невыполненные работы и т. д.

объектов, грабеж и т. д. Хотя ее бойцам удалось остаться безнаказанными за совершенные ими преступления³⁵⁸, из-за череды скандалов, которые связывались с ней, компания прекратила свою деятельность в начале 90-х годов прошлого века;

– После сообщения своих сотрудников о том, что невозможно отличить гражданских лиц от повстанцев, южноафриканская ЧВК *Executive Outcomes* в 1995 г. в Сьерра-Леоне совершала неизбирательные нападения с воздуха (нападения без выбора целей, что является военным преступлением), убивая не только повстанцев, но и мирных жителей³⁵⁹;

– Рабочая группа о вопросе использования наемников, которую в 2005 г. в рамках ООН сформировал Совет по правам человека, сообщила в 2010 г., что располагает данными о преступлениях, совершенных членами ЧВК в Афганистане, включая убийства гражданских лиц (в их числе и детей), грабеж, похищения, пытки заключенных, незаконный и насильственный обыск домов и т. д.³⁶⁰;

– Преступления сотрудников ЧВК в Афганистане отмечают и другие источники. Помимо прочего, утверждается, что сотрудники ЧВК, сопровождавшие конвои со снабжением только в 2006–2009 гг. убили и ранили более 30 невинных мирных жителей только в округе Майванд в провинции Кандагар, что как минимум в одном случае привело к конфронтации с американскими силами³⁶¹;

– В печально известных пытках и унижениях иракских заключенных и гражданских лиц в тюрьме Абу-Грейб в окрестностях Багдада, кроме военнослужащих вооруженных сил США участвовали и сотрудники американских ЧВК *Engility Corporation* (бывшая *Titan*

³⁵⁸ Подробнее: Miller, Phil. *Keenie Meenie: the British mercenaries who got away with war crimes*. London, 2020.

³⁵⁹ Kalidhass, P. R. *Determining the Status of Private Military Companies under International Law: A Quest to Solve Accountability issues in Armed Conflicts* // *Amsterdam Law Forum*. № 2. 2014. P. 12.

³⁶⁰ Доклад Рабочей группы по вопросу об использовании наемников как средстве нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение: Мисия в Афганистан // A/HRC/15/25/Add.2. 14 June 2010. P. 59–64. <https://undocs.org/ru/A/HRC/15/25/Add.2>.

³⁶¹ Schwartz, Moshe. 2011. *The Department of Defence's Use of Private Security Contractors in Afghanistan and Iraq: Background, Analysis, and Options for Congress* // *Congressional Research Service*. May 13, 2011, 15. <https://fas.org/sgp/crs/natsec/R40835.pdf>; Krahnemann Elke. 2016. *NATO contracting in Afghanistan: the problem of principal-agent networks* // *International Affairs*. № 6. 2016. P. 1408–1412.

Corporation) и *CACI International, Inc.* Первая была нанята для оказания переводческих услуг персоналу американских тюрем в Ираке, а вторая для оказания услуг по проведению допросов заключенных. После того, как разразился скандал, расследование американской армии установило, что 6 членов этих компаний участвовало в 36% пыток и других издевательствах, произошедших в Абу-Грейб и других тюрьмах. И если определенное число военнослужащих американской армии было осуждено американским военным трибуналом, то члены ЧВК избежали какого-либо наказания, с мотивировкой, что неясно, перед кем они должны нести ответственность, так как не являются частью вооруженных сил, а тем самым не принадлежат к военной командной цепочке. Единственным, с чем они до недавнего времени столкнулись, были частные гражданские иски их жертв. Тем не менее, спустя более десяти лет американский федеральный судья вынес решение, что суд в Вирджинии может судить ЧВК за пытки в Абу-Грейб. Остается только ждать, чем все закончится. Отметим, что решение все время было очевидным – они должны нести ответственность перед иракскими властями, точно так же, как несут ответственность все остальные гражданские лица, и как перед американскими судами отвечают иностранные граждане, совершившие уголовное преступление на территории США. Однако США в период, когда совершались эти преступления, обеспечили иммунитет от юрисдикции Ирака как государства территориальной юрисдикции, не только в отношении действий военнослужащих своей армии, но и персонала ЧВК, нанятых армией США (во избежание пристрастности местных судов).

– Один из известных случаев связан с массовым убийством иракских гражданских лиц, совершенным американскими охранниками, сотрудниками ЧВК «*Блэкуотер*». Обеспечивая охрану американского дипломатического конвоя по контракту с Госдепартаментом, 16.09.2007 г. на площади Нисур в Багдаде они убили 14 и ранили 20 иракцев. Среди убитых было 10 мужчин, 2 женщины и 2 мальчика в возрасте 9 и 11 лет. Как и многие другие, это преступление, вероятно, осталось бы незамеченным, если бы не произошло в центре столицы, перед глазами многочисленных свидетелей. Расследование американского ФБР показало, что жертвы убиты без какой-либо причины. Из 19 членов «*Блэкуотер*», охранявших конвой, стреляли 7, но в 2008 г. за массовое убийство окружным судом в США обвинялись всего 4. Судья, однако, в 2009 г. снял обвинение, мотивируя это неправильным ведением дела. Затем в 2011 г. обвинение было возобновлено амери-

канским федеральным окружным судом, который в 2015 г. приговорил троих обвиняемых к 30 годам, а одного к пожизненному заключению. После обжалования и проведения новых процедур в 2019 г. один из них был снова приговорен к пожизненному заключению, но оставшимся троим сроки наказания были значительно сокращены – один получил 151, второй 168, а третий 180 месяцев тюрьмы³⁶².

Большой проблемой является вопрос ответственности ЧВК и их персонала, что особенно выражено, когда государство происхождения (государство штаб-квартиры) одновременно является и государством-контрагентом (заказчиком услуг), и при этом одной из крупнейших мировых держав, а деятельность осуществляется в маленькой или недостаточно сильной стране (государство территориальной юрисдикции). Хотя, казалось бы, все ясно (лица, совершившие преступление, кем бы они ни были, должны отвечать на основании индивидуальной уголовной ответственности в государстве территориальной юрисдикции или хотя бы в государстве происхождения, а компании должны возместить причиненный ущерб), зачастую это не так, поскольку, как показывает практика, государства происхождения, как правило, разными способами защищают свои компании и их персонал от юрисдикции другого государства, а сами неохотно привлекают их к ответственности.

В США как стране, которая наиболее широко пользуется услугами ЧВК для различных задач в других странах и одновременно является государством происхождения для наибольшего числа самых сильных ЧВК, в 2004 г. был принят закон, позволяющий преследовать персонал ЧВК в США за преступления, совершенные за рубежом, работая по контракту с американским министерством обороны. Это было только половинчатое решение, так как оно предусматривало компетенцию американских судов, а не судов государства территориальной юрисдикции; предусматривало только пре-

³⁶² F.B.I. Says Guards Killed 14 Iraqis Without Cause // The New York Times. – November 14 2007, nytimes.com/2007/11/14/world/middleeast/14blackwater.html?_r=0; Former Blackwater Employee RE-Sentenced for Fatal 2007 Shooting at Nisur Square in Iraq, U.S. // Attorneys, District of Columbia. September 10, 2019, www.justice.gov/usao-dc/pr/former-blackwater-employee-re-sentenced-fatal-2007-shooting-nisur-square-iraq.

следование за уголовные преступления, за которые (если бы они были совершены в США) грозило наказание 1 год тюремного заключения или более суровое; относилось только к персоналу ЧВК, нанятому на основе контракта с американским министерством обороны, но не к нанятому другими государственными органами США, как например, Госдепартамент или ЦРУ. Эти решения в 2007 г. были расширены и на другие случаи, но практика свидетельствует, что количество дел, в которых сотрудники американских ЧВК отвечали за свои проступки, очень мало.

Высококласные профессионалы, каких якобы нанимают ЧВК, не должны позволять себе подобные преступления, а совершив их, в любом случае должны за них отвечать. Однако, никоим образом не оправдывая их, мы должны в интересах истины заметить, что подобные, и даже более тяжкие преступления совершают и военнослужащие вооруженных сил государств. Кстати, пытки, издевательства и убийства заключенных в тюрьме Абу-Грейб совершали преимущественно военнослужащие армии США и члены ЦРУ, и гораздо меньше члены персонала ЧВК. Более того, определенные военные преступления и преступления против человечности совершают иногда даже представители элитных подразделений вооруженных сил государств, направленных в миротворческие миссии, то есть для обеспечения мира, помощи мирному населению и т. д.

Существуют и многие другие потенциальные и реальные проблемы. Существование большого количества сильных ЧВК может привести к пренебрежению переговорами, посредничеством и другими способами мирного урегулирования международных и внутренних споров и вместо этого к использованию вооруженных акций этих компаний как более быстрого и эффективного средства, которое в случае успеха позволяет государству-контрагенту навязать свою волю – вместо компромиссного решения, которое было бы не только более справедливым, но имело бы больше перспектив быть долгосрочным.

Следует учитывать и тот факт, что ЧВК оказывают свои услуги не только правительствам государств, но каждому, кто готов и способен за это заплатить. Когда им выгодно, они одинаково могут согласиться на участие, которое сводится к свержению законного

правительства в каком-либо государстве, подавлению восстания против диктаторского и преступного режима и т. д., так как они воюют не за ту сторону, которая права, чьи интересы законны или за тех, кого поддерживает народ, а за заказчика услуг.

Одним из рисков является и то, что мотивируемые высокой прибылью ЧВК могут начать «сами себе задавать работу» в том смысле, что будут искусственно создавать нестабильность в определенных регионах или, по меньшей мере, различными способами затруднять мирное разрешение ситуации, чтобы обеспечить себе занятость или продлить контракт. По тем же причинам их могут нанимать и крупные корпорации по производству оружия, для которых крайне важно, чтобы не было простоя в производстве и сбыте их продукции, а еще лучше, если спрос на эту продукцию будет расти. Однако искусственное вызывание кризисов и конфликтов или затягивание вооруженного конфликта объективно не в интересах ни государства-контрагента (так как создает ненужный рост расходов), ни государства территориальной юрисдикции (так как подразумевает человеческие жертвы, разрушения и возможные военные преступления), ни всего мира (так как угрожает международному миру и безопасности).

Уже сейчас отдельные ЧВК имеют персонал в несколько десятков тысяч бойцов, которые по численности, и особенно по подготовке, вооружению и оснащенности превосходят имеющийся ресурс многих государств. Когда эти компании еще более укрепятся, установят связи друг с другом и с крупнейшими мультинациональными корпорациями, создастся мощная военная, экономическая, а тем самым и политическая сила, которую никто не сможет обуздать. Что еще хуже, им будут чужды интересы, которыми руководствуются правительства государств, они будут заботиться только о своих интересах, то есть предельно легком получении максимальной прибыли.

Одной из проблем является и отношение ЧВК к собственному персоналу. Некоторые из них обвиняются в нарушении основных прав человека в отношении своих сотрудников (особенно нанимаемых в государстве территориальной юрисдикции); не обеспечивают их страховкой; не выплачивают установленную контрактом зарпла-

ту; не обеспечивают основные медицинские и гигиенические требования; не предотвращают и не карают сексуальные домогательства, насильственные действия вышестоящих лиц и дискриминацию на рабочем месте и т. д.³⁶³.

5. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТАТУСА ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ

Существует и ряд проблем правового характера. Они касаются законности существования и деятельности таких компаний, что оценивается на основании национального законодательства государства происхождения и государства территориальной юрисдикции, которые не всегда согласовываются, и поэтому может получиться, что в одной стране деятельность ЧВК разрешена, а в другой запрещена. К этому следует добавить и законы государства-контрагента, так как они могут запрещать определенные виды деятельности, и даже законодательство государства гражданства, так как некоторые страны запрещают своим гражданам участвовать в конфликтах за рубежом и квалифицируют подобное их участие как уголовное преступление³⁶⁴.

Одной из особенно важных проблем является вопрос ответственности. Возникает вопрос, кто несет ответственность за преступления или причинение ущерба: сотрудники ЧВК, компания, государство происхождения, государство-контрагент или государство территориальной юрисдикции? На самом деле, в зависимости от случая, есть основание для ответственности каждого из них:

³⁶³ Report of the Working Group on the use of mercenaries as a means of violating human rights and impeding the exercise of the right of peoples to self-determination: the gendered human rights impacts of private military and security companies, General Assembly, A/74/244, 29 July 2019. Par. 47–50. P. 15, https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/74/244.

³⁶⁴ Так, например, поправками, внесенными в Уголовный кодекс Сербии в 2014 г. (ст. 386, а также ст. 386b) за участие граждан Сербии в вооруженных конфликтах за рубежом предусматривается наказание от 6 месяцев до 5 лет, а при осуществлении его в составе группы – от 1 до 8 лет. За организацию участия в войне или вооруженном конфликте в иностранном государстве предусмотрено тюремное заключение сроком от 2 до 10 лет.

а) персонала ЧВК – на основании индивидуальной уголовной и иной ответственности;

б) ЧВК – на основании того, что уголовные преступления совершили или причинили ущерб ее сотрудники, лица, отбор и обучение которых она сама производила; которыми она руководит; которм она платит, контролирует их и т. д.;

в) государства происхождения – на основании того, что ЧВК имеют их государственную принадлежность, что подразумевает и ответственность в связи с условиями регистрации компании, нарушением прав иностранной компанией и ее персоналом и т. д.;

г) государства-контрагенты – в случаях, когда преступления или ущерб причинены в период найма ЧВК для оказания услуг и выполнения задач для этого государства, а особенно когда она действовала по приказам, инструкциям или под контролем этого государства. Особая ответственность государства-контрагента существует тогда, когда она наняла ЧВК для работы в другом государстве, без согласия этого государства. Если эти задачи подразумевают применение силы, то в некоторых случаях это может представлять собой вид вооруженной интервенции или акт агрессии, а значит серьезного нарушения международного права;

д) государства территориальной юрисдикции – на основании того, что несмотря на юрисдикцию над своей территорией, не предотвратило серьезное нарушение прав человека и другие преступления и нарушения закона, совершенные сотрудниками ЧВК, или не установило и не наказало виновных;

е) государства гражданства – когда его гражданам предъявляются обвинения в особо серьезных действиях, таких как геноцид, в частности, если может быть установлена особая связь между этим государством и его гражданами, которые являются членами персонала ПВК (например, действующие члены специальных подразделений вооруженных сил соответствующего государства и которые выполняют работу ПВК во время отпуска). Упомянутая ответственность не обязательно должна быть юридической, она может быть политической, моральной и другой, а в некоторых особых случаях может иметь юридический характер (например, обязательство по выплате компенсации жертвам преступления).

Когда речь идет об уголовной ответственности, подразумевается, что она индивидуальна и ответственность должен нести только тот сотрудник ЧВК, который отдал приказ или совершил преступление. Однако на практике в нескольких случаях сотрудникам частных военных компаний заранее предоставлялся иммунитет. Так, например, до 2008 г. в Ираке персонал американских ЧВК пользовался иммунитетом в отношении своих поступков³⁶⁵.

Эти и многие другие вопросы должны четко регулироваться международным правом, но пока это не так.

1. Мировой уровень

Хотя определенные нормы международного права относятся и к ЧВК, и к их персоналу (нормы международного и гуманитарного права, международного права прав человека, международного уголовного права и т. д.), все еще нет конвенции, которая на универсальном уровне регулировала бы важнейшие вопросы, касающиеся этих субъектов.

Рабочая группа по использованию наемников, созданная в 2005 г. в рамках ООН Советом по правам человека, разработала Проект возможной конвенции о частных военных и охранных компаниях (ЧВОК). После его принятия Советом по правам человека Проект в 2010 г. был представлен Генеральной Ассамблее ООН³⁶⁶. В его ст. 1 подчеркивается:

³⁶⁵ Американец Л. Бремер, глава Временной коалиционной администрации, которую США навязали после оккупации Ирака в 2003 г., 27.06.2004 г. издал Приказ № 17 (*Coalition Provisional Authority Order 17*), которым американцам, связанным с Временной коалиционной администрацией, предоставил полный иммунитет от права и юрисдикции Ирака. Это препятствовало Ираку в осуществлении уголовного преследования персонала американских ЧВК за какие бы то ни было уголовные преступления, в том числе военные преступления. Такая ситуация просуществовала до 2008 г., когда на основании ст. 12/1/1 Соглашения о статусе сил (*Status of Forces Agreement*), заключенного между США и Ираком, члены персонала ЧВК в Ираке утратили иммунитет и подпали под уголовную юрисдикцию Ирака.

³⁶⁶ Draft of a possible Convention on Private Military and Security Companies (PMSCs) for consideration and action by the Human Rights Council, Annex to: Report of the Working Group on the use of mercenaries as a means of violating human rights and impeding the exercise of the right of peoples to self-determination // A/HRC/15/25. 5 July 2010.

«1. С учетом основополагающих принципов международного права, касающихся запрета на угрозу силой и ее применения и суверенного равенства государств, настоящая Конвенция преследует следующие цели:

(а) подтвердить и усилить ответственность государств за применение силы и вновь заявить о важности его монопольного права на законное применение силы в пределах всеобъемлющих рамок государственных обязательств по уважению, защите и выполнению прав человека и предоставлению средств правовой защиты в случаях нарушений прав человека;

(б) определить те функции, которые являются сугубо государственными функциями и не могут передаваться на аутсорсинг ни при каких обстоятельствах;

(с) обеспечить регулирование деятельности ЧВОК и субподрядных организаций;

(d) содействовать развитию международного сотрудничества между государствами в отношении лицензирования и регулирования деятельности ЧВОК с целью более эффективного решения всех проблем на пути полного осуществления их обязательств в отношении прав человека, включая право на самоопределение;

(е) создать и внедрить механизмы мониторинга деятельности ЧВОК и нарушений норм международного права прав человека и международного гуманитарного права, в частности любых случаев незаконного или произвольного применения силы со стороны ЧВОК, с целью возбуждения судебного преследования в отношении правонарушителей и предоставления эффективных средств правовой защиты жертвам.

2. В ходе осуществления Конвенции государства-участники принимают все необходимые законодательные, судебные и административные меры в соответствии с действующими или формирующимися положениями их внутренних законов для обеспечения того, чтобы ЧВОК не занимались незаконной деятельностью и не допускали произвольного применения силы».

Решения, содержащиеся в Проекте, должны упорядочить эти отношения, обеспечить законность в деятельности ЧВК и особенно предотвратить нарушение этими компаниями и их персоналом международного гуманитарного права и международного права прав человека. Значение этого документа состоит в том, что он в ст. 2 дает определение целому ряду понятий, таких как частная военная и охранная компания, военные услуги, охранные услуги, режим лицензирования, реестр лицензий, права человека, экспорт военных и/или охранных услуг, импорт военных и/или охранных

услуг, сугубо государственные функции, вооруженный конфликт, незаконная деятельность, государство-контрагент, государство проведения операций, отечественное государство и т. д.

Среди особенно любопытных предложений находится предложение о формировании международного реестра ЧВК, в который государства-участники были бы обязаны ежегодно предоставлять сведения об экспорте и импорте военных и охранных услуг ЧВК и стандартизированную информацию о ЧВК, зарегистрированных и лицензированных на их территории, что обеспечивало бы более строгий надзор парламента и общественности в соответствующих государствах. Предусмотрено и формирование Международного комитета, который бы осуществлял надзор за мерами, принимаемыми государствами-участниками в целях выполнения принятых обязательств, предусмотренных Конвенцией. Конвенция применялась бы к государствам и межправительственным организациям в пределах их компетенции в отношении ЧВОК, их деятельности и персонала (ст. 3/1 Проекта) и ко всем ситуациям, вне зависимости от того, определяется ли та или иная ситуация как вооруженный конфликт (ст. 3/3 Проекта).

Тем не менее в Проекте в содержательном смысле осталась недосказанность – он относится только к использованию ЧВК государствами и международными организациями, но не другими субъектами в том числе, такими как, например, транснациональные компании; не предусматривает никакой особой юрисдикции самой ООН в отношении ЧВК и т. д.

В другом аспекте он представляет собой скорее перечень определенных принципов, чем предельно точный документ (кстати, потому он и называется *проектом возможной конвенции*), а значит, прежде чем стать реальной, юридически обязывающей конвенцией, он должен быть доработан. Однако пока ничего конкретного не сделано и трудно предсказать, когда будет подписана соответствующая конвенция, а тем более когда она вступит в силу. Причиной тому является отсутствие реальной воли государств. Большинство членов ООН не поддерживает идею передачи права законного применения силы частным военным компаниям. С другой стороны, наиболее развитые страны считают, что юридически обязывающий междуна-

родный инструмент с механизмами регулирования и контроля был бы в настоящий момент преждевременным. По-видимому, их больше устраивает существующее состояние, при котором они имеют гораздо большее пространство для маневра.

2. Региональный уровень

Определенные отношения, связанные с деятельностью ЧВК, регулируются региональными договорами о правах человека и некоторыми другими инструментами общего значения. Они, однако, не занимаются отдельно ЧВК.

Важнейшим документом Совета Европы, который непосредственно относится к этой области, является Рекомендация Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Частные военные и охранные предприятия и эрозия государственной монополии на применение силы» (2009 г.)³⁶⁷. Она констатирует тенденцию более широкого привлечения ЧВК к выполнению различных задач в военной сфере и в сфере безопасности, которые традиционно были прерогативой государственных структур; подчеркивает, что действия сотрудников ЧВК и их работодателей должны определяться законами страны, на территории которой они действуют, международным гуманитарным правом и правом по защите прав человека; подчеркивает, что поскольку их деятельность имеет транснациональные аспекты и последствия, необходимо регламентировать такую деятельность на международном уровне; заявляет, что Совет Европы должен возглавить процесс формирования соответствующего международно-правового регулирования; рекомендует Комитету министров разработать инструмент с целью регламентирования отношений его государств-членов с ЧВК и установления минимальных стандартов деятельности этих компаний; рекомендует Комитету министров и странам-участникам Совета Европы поддержать и в качестве переходного решения принять «Документ Монтрё» и т. д. Речь, однако, идет о политическом, а не юридическом акте, о рекомендации, не

³⁶⁷ Private military and security firms and erosion of the state monopoly on the use of force. Recommendation 1858 (2009) // Parliamentary Assembly, <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=17711&lang=en>.

содержащей конкретные решения и не имеющей юридически обязывающей силы.

Интересен также Доклад Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия) «О частных военных и охранных компаниях и эрозии государственной монополии на применение силы»³⁶⁸. Однако и он в основном занимается политическими вопросами и шагами, которые следует предпринять, и, что еще важнее, не имеет юридически обязывающей силы.

Настоящего, юридически обязывающего нормативного правового документа о ЧВК нет и в рамках других международных организаций. Определенные документы в смысле установления общих стандартов (лицензирование, обучение, правила поведения и т. д.) утверждены в Европейском Союзе, но это все еще в основном применимые нормативные-правовые акты государств-членов. Резолюция Европейского парламента от 04.07.2017 г.³⁶⁹ признала значение ЧВК и тот факт, что их услугами пользуется и сам ЕС за рубежом для охраны своих делегаций и персонала, а также поддержки своих гражданских и военных миссий и призвала Комиссию подготовить эффективную регуляторную модель в этой области. Резолюция, таким образом, не регулирует эту область, а представляет собой только законодательную инициативу.

3. Прочие документы

Практика требовала как можно скорее сформулировать правила в этой области общественных отношений. Это привело к появлению определенных документов, которые не являются юридически обязывающими, но могут, как полагают те, кто их принял, заполнить существующую пустоту.

1. Документ Монтрё. Первый международный акт, заявивший о международно-правовых обязательствах государств в связи

³⁶⁸ Report on Private Military and Security Firms and Erosion of the State Monopoly on the Use of Force. European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). – Study № 531 (2009). 29.6.2009, [www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2009\)038-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2009)038-e).

³⁶⁹ European Parliament resolution of 4 July 2017 on private security companies // (2016/2238(INI)). 4 July 2017, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017IP0289&rid=6>.

с деятельностью ЧВК, был подписан 17.09.2008 г. в Монтрё (Швейцария), и поэтому известен как Документ Монтрё (2008 г.)³⁷⁰. Это случилось по инициативе Швейцарии и Международного Комитета Красного Креста в сотрудничестве с экспертами из ряда государств и представителей так называемого гражданского общества и компаний³⁷¹. Состоит из двух частей. Первая рассматривает международно-правовые обязательства государств, нанимающих ЧВК (государства-контрагенты), принимающих государств, на территории которых ЧВК действуют (государства территориальной юрисдикции), государств, в которых зарегистрированы ЧВК (государства происхождения), а также обязательства самих ЧВК и их персонала при осуществлении деятельности, наряду с настоятельным требованием при исполнении служебных обязанностей соблюдать нормы международного гуманитарного права и международного права в области прав человека. Аналогично конкретизированы обязательства в отношении внутреннего (национального) права государств (согласно их уголовному, налоговому, трудовому праву и др.). Вторая часть документа относится к положительной практике государств в этой области, и здесь разработаны вопросы, касающиеся деятельности ЧВК, процедур выбора и найма ЧВК, критериев выбора, контроля и надзора и т. д., с целью оказать государствам содействие в принятии соответствующих мер согласно своим обязательствам по международному праву.

Уже из полного названия документа видно, что он не занимается общими вопросами функционирования ЧВК, а регулирует отношения, касающиеся их действий в ходе вооруженного конфликта.

³⁷⁰ Его полное название: Документ Монтре О соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта. Текст см.: Письмо Постоянного представителя Швейцарии при Организации Объединенных Наций от 2 октября 2008 года на имя Генерального секретаря: Приложение к письму // Совет безопасности ООН, A/63/467-S/2008/636, 6 October 2008, www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/montreau.pdf.

³⁷¹ The Montreux Document // ICRC, www.eda.admin.ch/eda/en/fdfa/foreign-policy/international-law/international-humanitarian-law/private-military-security-companies/montreux-document.html.

Документ вскрывает отдельные проблемы, предлагает конкретные решения, подтверждает важность международного гуманитарного права и международного права в области прав человека и отсылает к важнейшим источникам этих отраслей международного права, включая обычное право. Хотя Документ представляет собой хорошую основу для регламентирования поведения и деятельности ЧВК и их персонала в ходе вооруженного конфликта, он получил относительно слабую поддержку – до 05.02.2021 г. (после более чем 12 лет) его подписали всего 57 государств и 3 международные организации (ЕС, НАТО и ОБСЕ)³⁷². Еще большая проблема заключается в том, что Документ не является юридически обязывающим – представляет собой разновидность так называемого мягкого права, то есть имеет определенное значение, но не имеет характера юридического международного договора как источника реального, жесткого права³⁷³. К этому следует добавить, что всегда остается открытым вопрос, насколько договорные решения действительно соблюдаются на практике, тем более что речь идет о юридически не обязывающем акте, который не предусматривает эффективные механизмы контроля и санкции.

2. Кодекс поведения частных поставщиков охранных услуг.

Подготовлен по инициативе Швейцарии и открыт для подписания 10.11.2010 г.³⁷⁴. С опорой на нормы международного гуманитарного права и международного права в области прав человека он формулирует общие принципы, необходимые для установления международных стандартов в области частной безопасности, ответственности частных охранных компаний (ЧОК) и улучшения контроля и надзора за их деятельностью. В целях обеспечения ответственного и законного осуществления деятельности ЧОК и их персонала дает определения 13 используемых терминов, устанавливает основные

³⁷² Participating States and International Organisations, Montreux Document Forum, Geneva 2020, www.mdforum.ch/participants.

³⁷³ О мягком праве в международном праве: Кривокапич Борис. Указ. соч. С. 89–98.

³⁷⁴ The International Code of Conduct for Private Security Service Providers. Geneva Academy of International Humanitarian Law and Human Rights. Geneva 2013. www.geneva-academy.ch/joomla-tools-files/docman-files/Publications/Academy%20Briefings/Icoc_web_final.pdf.

обязательства компаний, подписавших его³⁷⁵, уточняет принципы поведения персонала ЧОК³⁷⁶ и т. д. Когда в 2010 г. он был открыт для подписания, его подписали 58 ЧОК из 15 государств, а уже к сентябрю 2013 г. число подписавших его компаний выросло до 708 из более чем 70 государств. С учетом достигнутого за столь короткое время успеха в 2013 г. была создана специальная Ассоциация (*International Code of Conduct for Private Security Service Providers Association – ICoCA*) со штаб-квартирой в Женеве, целью которой является продвижение, управление и контроль реализации Кодекса, пропаганда ответственного оказания услуг в области безопасности и уважения прав человека, национального и международного права в соответствии с Кодексом. Ею руководит Административный совет,

³⁷⁵ Действовать в соответствии с принципами, содержащимися в настоящем Кодексе; осуществлять соответствующую политику и надзор в стремлении обеспечить, чтобы действия их персонала во всех случаях соответствовали этим принципам; контрактные соглашения, заключаемые со своим персоналом, субподрядчиками и другими сторонами, согласовывать с Кодексом; придерживаться Кодекса, даже если он не включен в контрактное соглашение с клиентом; не заключать намеренно контракты, выполнение которых прямо или существенным образом противоречит принципам Кодекса, применимому национальному законодательству или международному праву или применимым местным региональным и международным нормам в области права человека; толковать и реализовывать свои контракты в порядке, согласующемся с Кодексом; выполнять и требовать от своего персонала соблюдения применимого законодательства, включая международное гуманитарное право и право в области прав человека; не вступать в договорные отношения с любым правительством, лицом или учреждением, не оказывать им помощь или услуги способом, противоречащим санкциям Совета безопасности ООН и т. д.

³⁷⁶ Эти принципы касаются обязательства ЧОК принять правила применения силы в соответствии с Кодексом; применения силы (принятие всех разумных мер во избежание применения силы, применение силы исключительно в соответствии с применимым правом, соразмерно силе угрозы и соответствующей ситуации, применение огнестрельного оружия против людей только в целях самообороны и необходимой обороны других лиц и т. д.); заключения под стражу и лишения свободы (только по контракту с государством, только с участием персонала, прошедшего подготовку и т. д.); запрещения пыток и других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания; запрещения сексуальной эксплуатации и надругательства или гендерного насилия; запрещения торговли людьми; запрещения рабства и принудительного труда; запрещения дискриминации; обязательства идентификации персонала ЧОК; обеспечения регистрации и лицензирования транспортных средств и опасных материалов в компетентных государственных органах и т. д.

уполномоченный осуществлять надзор и устанавливать соответствие деятельности присоединившихся компаний Кодексу³⁷⁷. С момента учреждения Ассоциации больше не признается статус подписанта Кодекса как такового, но компания вступает в члены Ассоциации. В сентябре 2020 г., в членстве Ассоциации состоит 7 государств, 100 ЧОК, 39 организаций гражданского общества (неправительственных организаций), 41 наблюдатель и 5 ассоциированных членов.

На первый взгляд Кодекс занимается частными охранными, а не военными компаниями. Такой вывод был бы не совсем верным уже потому, что отличие между военными и охранными услугами не всегда достаточно четко. Кроме того, поскольку Ассоциация занимается и вопросами безопасности, в состав ее членов входят и многие ЧВК. Кстати, сам Кодекс упоминает обязательство соблюдения не только международного права в области прав человека, но и международного гуманитарного права (то есть части международного права вооруженных конфликтов), а это значит, что авторы Кодекса осознавали, что персонал этих компаний зачастую принимает участие в вооруженных конфликтах.

Несмотря на участие и 7 государств, Кодекс не является международным договором, а только выражением согласия, достигнутого между самими компаниями, то есть в рамках деловой сферы. Кроме того, он не является обязывающим – компании сами принимают решение о вступлении в Ассоциацию или выходе из нее. Более того, сам Кодекс (ст. 14) прямо говорит, что не возлагает никаких юридических обязательств и никакой юридической ответственности на компании, подписавшие Кодекс, помимо тех, которые уже существуют в соответствии с национальным законодательством или международным правом. Ограниченное значение этого документа выражается и в том, что хотя Ассоциация имеет механизм контроля (контроль осуществляет Административный совет, а предусмотрена и процедура подачи жалоб за нарушение Кодекса), он не является действительно эффективным, потому что жалобы подают одни компании против других, а не жертвы нарушения прав человека, не предусмотрены

³⁷⁷ Административный совет состоит из 12 членов, из которых 4 избираются присоединившимися частными компаниями, 4 – организациями гражданского общества, а 4 – государствами.

никакие наказания, а также не существует и специальный суд, который бы привлекал компании к ответственности в случае постоянного нарушения Кодекса. Поэтому слышны замечания, что Кодекс не дает реальных решений ни в одной важной сфере (управление, контроль, возмещение ущерба, санкции и ответственность государств), и что в действительности речь идет о фиговом листке, позволяющем ЧВК создать видимость наличия и соблюдения неких правил и стандартов, а также законности их деятельности³⁷⁸.

3. *Остальные необязывающие документы.* В этой материи существуют и другие необязывающие документы, но их значение гораздо меньше. Таковы, например, Руководство по законодательному регулированию деятельности частных военных и охранных компаний со стороны государства³⁷⁹ и Руководство по контрактам военных и охранных компаний: Продвижение ответственности и уважения прав человека и международного гуманитарного права³⁸⁰. Оба документа совместно разработаны и опубликованы Министерством иностранных дел Швейцарии и Женевским центром по демократическому контролю над вооруженными силами. Эти документы, за которыми стоит одно государство и одна неправительственная организация, в лучшем случае могут надеяться на то, что вызовут дискуссию и послужат какой-либо из моделей возможного решения, но не могут претендовать на обладание юридической обязательностью.

4. *Потребность в правовом регулировании.* Все указывает на то, что необходимо как можно скорее на универсальном (мировом) уровне создать новые международно-правовые рамки, которые бы

³⁷⁸ Raphael Sam (2016) *Mercenaries Unleashed: The brave new world of private military and security companies* // War on Want. 2016. 11-12. www.waronwant.org/sites/default/files/Mercenaries%20Unleashed,%202016.pdf.

³⁷⁹ *Legislative Guidance Tool for States to Regulate Private Military and Security Companies* // Federal Department of Foreign Affairs (FDFA) & Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces (DCAF). Geneva 2016, https://marsadegypt.info/wp-content/uploads/2020/03/2018-11-19_legislative-guidance-tool.pdf.

³⁸⁰ *A Contract Guidance Tool for Private Military and Security Services: Promoting Accountability and Respect for Human Rights and International Humanitarian Law* // Federal Department of Foreign Affairs (FDFA) & Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces (DCAF). Geneva 2017, www.mdforum.ch/pdf/contract-guidance-tool.pdf.

наиболее полно регулировали важнейшие вопросы, такие как: определение важнейших понятий; максимальная унификация условий и порядка учреждения, лицензирования и регистрации ЧВК; важнейшие права и обязанности ЧВК и их персонала; международный надзор над ЧВК и их персоналом; ответственность всех действующих субъектов; отличие персонала ЧВК от наемников; правила, связанные с перемещением оружия и оснащения ЧВК через государственные границы и контроль над этим оружием и оснащением в целях предотвращения их контрабанды, нелегального сбыта и других незаконных действий и т. д. Напомним, речь идет об огромном бизнесе мирового масштаба, затрагивающем жизни многих, а также интересы всего международного сообщества, особенно на основании того, что он связан с применением силы, причем зачастую не только в пределах одного государства.

Однако все еще многие вопросы остаются спорными, и не только среди специалистов по международному праву, но и между государствами, международными организациями, военнослужащими разных вооруженных сил, неправительственного сектора и т. д., как и, разумеется, самих ЧВК. Споры касаются уже самих принципиальных вопросов, таких как: что и как следует регулировать универсальным международным договором, кто должен быть его участниками (только государства или также некоторые другие субъекты, и какие), какие механизмы международного надзора следует предусмотреть и т. д., и даже нужно ли вообще в настоящий момент регулировать эту материю таким способом.

6. ЮРИДИЧЕСКИЙ СТАТУС ПЕРСОНАЛА ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Хотя, разумеется, важны и другие проблемы, наибольший интерес представляют два вопроса: 1) в чем заключаются сходства и отличия между классическими наемниками и персоналом ЧВК и 2) каков статус персонала ЧВК по международному праву вооруженных конфликтов.

1. Сопоставление с классическими наемниками

Бойцов ЧВК (их вооруженный персонал, участвующий в вооруженном конфликте) обычно называют современными наемниками. И действительно, сходство существует.

В обоих случаях речь идет о людях, которые 1) не входят в состав регулярных вооруженных сил какого-либо государства, но 2) за материальное вознаграждение, 3) в любой точке мира, 4) воюют в чужой войне на стороне иностранного государства или другого субъекта (повстанцев, транснациональных компаний и т. д.).

Наиболее выраженной общей чертой является то, что мотив участия в вооруженном конфликте и тех, и других – не патриотизм, борьба за некую идею и т. п., а исключительно получение материальной выгоды, обещанной им работодателем. Этим сходство исчерпывается.

Гораздо более существенными являются различия между этими категориями. Некоторые из них касаются фактов, а другие – юридического статуса.

Обычные наемники, как правило, являются частными лицами, гражданами различных стран, которые более или менее индивидуально ставятся под командование стороны, которая им платит. Обычно они завербованы через каких-либо агентов, чья роль ограничивается тем, чтобы найти новых наемников и связать их со стороной, которой они нужны. В отличие от этого, бойцы ЧВК являются профессиональными военными с определенным опытом, собственной логистикой и даже командованием³⁸¹, находящимися в трудовых отношениях с ЧВК, на которую работают. Она проводит отбор кандидатов, принимает их на работу, занимается их обучением, оснащает их и направляет на задание, действуя в качестве предприятия, главной особенностью которого является оказание услуг военного характера, включая и непосредственное участие в боевых действиях.

По сравнению с классическими наемниками, которые вербуются как из числа бывших военных, так и среди бывших или беглых

³⁸¹ Выполняя в итоге желания и общие цели того, кто им платит, ЧВК в принципе сохраняют определенную автономность в планировании и проведении операций.

заклученных, бродяг, авантюристов и подобных лиц с сомнительными моральными и прочими качествами, бойцы наиболее известных ЧВК гораздо более профессиональны, организованны, дисциплинированы и эффективны, что и неудивительно с учетом того, что многие из них ранее были офицерами элитных подразделений своих государств. Это дает основание для еще одного отличия – если наемники преимущественно вооружены легким оружием, то бойцы ЧВК по мере необходимости используют тяжелое или высокотехнологичное оружие (вертолеты, танки и т. д.), предоставляемое им компанией, на которую они работают.

Классические наемники в индивидуальном порядке предоставляют в наем самих себя, то есть собственные способности, знания и умения, связанные с участием в боевых действиях, а бойцы ЧВК являются только частью предприятия, предлагающего широкий спектр услуг, начиная от обеспечения логистики, снабжения оружием и военным снаряжением, разведывательной деятельности, вплоть до непосредственного участия в боевых операциях. Разница, таким образом, имеет принципиальный характер³⁸².

В новейшей истории наемники главным образом нанимались определенными государствами для колониальных завоеваний и подавления антиколониальных и освободительных движений. Поэтому подразумевалось, что они использовались для самых грязных операций, включая преступления в отношении мирного населения и военнопленных. В наше время процесс деколонизации практически завершен, поэтому необходимость в использовании наемников в указанных целях отпала. Однако появились новые вызовы, определяющие зада-

³⁸² Тот, кто строит дом, может по отдельности искать работников определенного профиля для определенных работ – строителей, электриков, маляров и т. д. При этом ему может повезти, но чаще всего у него будут определенные проблемы хотя бы с кем-то из них (опоздания на работу, небрежность и т.п.), а возможно и с большинством (личная неприязнь между ними, несоответствие темпов работ и т. д.). Однако он может вместо этого заключить договор с компанией, которая занимается постройкой домов, и предоставить все свои заботы ей по системе «под ключ», рассчитывая, что у нее есть проверенные работники соответствующего профиля, необходимое оборудование и техника, система надзора и контроля качества и т. д. В принципе, то же самое происходит, когда вместо индивидуальной вербовки наемников заключается договор с компанией, имеющей собственную армию.

чи, которые ставятся перед бойцами ЧВК – защита лиц и объектов в военных и других опасных зонах, освобождение заложников, борьба против подразделений террористических организаций и т. д.

В прошлом воевать в качестве наемника не запрещалось ни внутренним, ни международным правом, и не подразумевало какой-либо особый юридический статус наемника. Государству гражданства обычно не было дела до того, чем они занимаются, а государство, которое им платило, считало, что вне регулируемых контрактом вопросов оно ничего им более не должно. В отличие от этого ЧВК работают в определенных правовых рамках. Они являются коммерческими предприятиями, в надлежащем порядке зарегистрированными в государстве, в котором имеют штаб-квартиру, и осуществляют свою деятельность согласно законодательству этого государства, а в случае нарушения ими этого законодательства несут предусмотренную ответственность.

В наше время наемничество запрещено и объявлено международным преступлением, поэтому лица, воюющие в качестве наемников, а также те, кто их вербует, использует, финансирует и обучает, являются преступниками по смыслу международного права. Однако лица, работающие на ЧВК, даже если участвуют в боевых действиях, как правило, не подпадают под определение наемников из Протокола I (1977 г.) и Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников (1989 г.).

Напомним, согласно 47/2 Протокола I (1977 г.):

«Наемник – это любое лицо, которое:

а) специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте;

б) фактически принимает непосредственное участие в военных действиях;

с) принимает участие в военных действиях, руководствуясь, главным образом, желанием получить личную выгоду и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны;

d) не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте;

e) не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте;

f) не послано государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил».

По сравнению с Дополнительным протоколом I, который применяется только в отношении международных вооруженных конфликтов, Конвенция расширила понятие наемника, уточнив в ст. 1 следующее:

«1. Термин «наемник» означает любое лицо, которое:

a) специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте;

b) принимая участие в военных действиях, руководствуется главным образом желанием получить личную выгоду и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функции, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны;

c) не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте;

d) не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте;

e) не направлено государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в личный состав его вооруженных сил.

2. Термин «наемник» означает также любое лицо, которое в любой другой ситуации:

a) специально завербовано на месте или за границей для участия в совместных насильственных действиях, направленных на:

i) свержение правительства или подрыв конституционного порядка государства иным образом;

ii) подрыв территориальной целостности государства;

b) принимая участие в таких действиях, руководствуется главным образом желанием получить значительную личную выгоду и которое побуждается к этому обещанием выплаты или выплатой материального вознаграждения;

- с) не является ни гражданином, ни постоянным жителем государства, против которого направлены такие действия;
- д) не направлено государством для выполнения официальных обязанностей;
- е) не входит в личный состав вооруженных сил государства, на территории которого совершаются такие действия».

В отличие от предусмотренных этими определениями особенностей, сотрудники ЧВК имеют несколько другие характеристики:

1) они не завербованы специально для ведения вооруженной борьбы, а прибывают как лица, являющиеся сотрудниками надлежащим образом зарегистрированного экономического субъекта, оказывающего различные услуги, а не только участие в боевых действиях;

2) им платит не сторона, являющаяся фактическим потребителем их услуг, а компания, на которую они работают;

3) практика показывает, что вознаграждение, получаемое ими, не является несопоставимо более высоким по сравнению с заработными платами профессиональных военных, имеющих аналогичные квалификации, то есть значительно меньше того, что получают классические наемники;

4) бойцы ЧВК все чаще вербуются из рядов местного населения, и в этом случае уже по определению не являются наемниками, так как не соответствуют условию, предусматривающему, что речь идет о лицах, не являющихся гражданами страны, находящейся в конфликте, и не проживающими на территории, находящейся под ее контролем.

В отличие от существующих в отношении наемников положений, международное право не содержит ни общепринятого определения ЧВК и их персонала, ни прямого запрета их существования, ни запрета их участия в вооруженных операциях. Напротив, крупнейшие мировые державы разрешают регистрацию на своей территории частных военных компаний, позволяют им беспрепятственно осуществлять свою деятельность и даже сами пользуются их услугами. Более того, услугами ЧВК пользуются и ООН, и другие международные организации. Это дополнительно подтверждает преобладание позиции, что ЧВК и проводимые ими посредством их персонала акции, в принципе не запрещены.

В отличие от классических наемников, которые в основном были предоставлены сами себе, бойцы ЧВК зачастую имеют скрытую, но мощную поддержку правительства государства происхождения или государства-контрагента, и сотрудничают с военными структурами и структурами безопасности этих стран.

Напоминая еще раз, что ЧВК зачастую выполняют конфиденциальные и деликатные задачи для вооруженных сил и правительств государств, что руководители ЧВК и членов их персонала, как правило, являются бывшими членами элитных подразделений вооруженных сил соответствующих стран, поддерживающими разного рода контакты с бывшими коллегами и т. д., интересно привести и два примера, показывающие, что эти связи порой разнообразнее и сильнее, чем иногда думают.

Особые связи ЧВК с военными структурами государства происхождения подтверждает практика некоторых британских ЧВК, как например, «Кини Мини» (*Keenie Meenie Services*), принимавшей на работу в основном действующих офицеров британской армии, особенно имеющих боевой опыт. Они после подписания контракта увольнялись из армии (и тем самым формально разрывали свою связь с ней) с тем, чтобы в случае успешного завершения операции, в которой они были задействованы, после этого сразу снова вступить в ряды своего подразделения. С легкой иронией можно было бы сказать, что их работа по выполнению особых задач для ЧВК на самом деле представляла собой своего рода «зарубежную служебную командировку».

В течение нескольких месяцев, проведенных в Ираке, 35-летний Т. Дробник (*Todd Drobnick*) пережил несколько вооруженных нападений иракских повстанцев и 23.11.2003 г. погиб в автокатастрофе. Министерство обороны США обеспечило ему военные похороны со всеми почестями как военнослужащему вооруженных сил США и наградило его высшими военными наградами – Пурпурным Сердцем и Бронзовой Звездой, которыми награждаются только военнослужащие вооруженных сил США. Несколько месяцев спустя Министерство обороны отозвало все награды, поскольку было установлено, что Дробник не был военнослужащим американской армии, а был членом персонала ЧВК *Titan Corp.*, в обязанности которого входило оказание переводческих услуг для американских сил в Ираке. Этот случай, который не был единственным показал, что лица, работающие в ЧВК, иногда так тесно связаны с вооруженными силами государств, что даже крупнейшие мировые державы, имеющие точные списки и своих военнослужащих, и лиц, привлекаемых для оказания определенных услуг, могут допускать подобные ошибки.

2. Юридический статус персонала частных военных компаний по международному праву вооруженных конфликтов

В принципе сотрудник ЧВК в аспекте существующего международного права вооруженных конфликтов может иметь статус гражданского лица, некомбатанта, комбатанта или наемника.

На предыдущих страницах мы уже увидели, что члены персонала ЧВК, участвующие в боевых действиях, отличаются от классических наемников.

Являются ли они в таком случае гражданскими лицами? Многие авторы утверждают именно это. На это следует возразить, что в отличие от гражданских лиц, которые пользуются защитой международного права, но не должны участвовать в военных действиях, бойцы ЧВК носят и применяют оружие, то есть участвуют в боевых действиях, и поэтому не имеют права на защиту, предоставляемую гражданским лицам.

Если бойцы ЧВК не являются гражданскими лицами, то могут ли они рассматриваться хотя бы в качестве некомбатантов (лиц, входящих в состав вооруженных сил одной из воюющих сторон или иным способом связанных с ними, но не участвующих в боевых действиях)³⁸³? Не могут, потому что не входят в состав вооруженных сил стороны, участвующей в конфликте, а зачастую и не связаны с ними, и особенно потому, что тот, кто участвует в боевых действиях, не может рассматриваться в качестве некомбатанта.

Являются ли они тогда комбатантами в смысле международного права? Здесь, во-первых, следует вспомнить, что большинство со-

³⁸³ Существуют две основные категории некомбатантов: 1) личный состав вооруженных сил, не участвующий в военных действиях (военные некомбатанты) – санитарный (медицинский) персонал, военные священники, персонал военных судов и юридической службы, военные интенданты, повара, музыканты и т. д.; 2) лица, не входящие в состав вооруженных сил (в сущности, гражданские лица), но размещенные с ними, следующие за ними или иными способами связанные с ними – военные корреспонденты, гражданские врачи, поставщики, буфетчики и т.п. Смысл отличия некомбатантов от комбатантов состоит в том, что им, насколько возможно, предоставляется защита от военных действий при условии, что они действительно не принимают участия в боевых действиях.

трудников ЧВК наняты не для того, чтобы воевать. Когда речь идет о тех, кто участвует в боевых действиях, проблему представляет собой факт, что они не принадлежат вооруженным силам какой-либо из сторон конфликта. Хотя ст. 44/3 Протокола I (1977) значительно расширила понятие комбатанта³⁸⁴, это сделано для улучшения участи бойцов антиколониальных и освободительных движений в случае их взятия в плен – чтобы в таком случае они рассматривались не как преступники, а в качестве военнопленных, пользуясь защитой, которую гарантирует им международное право. Это трудно применимо по отношению к тем, чьим мотивом участия в боевых действиях являются только деньги. Кстати, Протокол провел различие между ними и комбатантами тем, что в ст. 47 дал определение наемников и уточнил, что наемники не имеют права ни на статус комбатанта, ни на статус военнопленного. Но мы уже заметили, что бойцы ЧВК – не то же, что и наемники.

Каков же тогда правильный ответ?

Он достаточно прост. Персонал ЧВК очень неоднородный, он находится в разных местах и выполняет различные функции. От этих моментов зависит, какой статус он будет иметь согласно международному праву.

Сразу следует оставить в стороне тот персонал, который находится вдали от вооруженного конфликта и работает над задачами, не связанными с военными операциями. Сюда относятся сотрудники, работающие в штаб-квартире компании в государстве X в качестве менеджеров, переводчиков, юристов, делопроизводителей, дизайнеров, проектировщиков, водителей и т. д., включая и вооруженных лиц (телохранителей и охранников). Деятельность ЧВК в государстве Y не влияет на их статус, они продолжают жить в мире и потому не представляют интереса с точки зрения международного права и в частности международного права вооруженных конфликтов. Только если бы государство X было участником

³⁸⁴ Согласно указанному положению, комбатантом считается каждый, кто открыто носит оружие во время военной операции или при подготовке к нападению. Из этого следует, что 1) это лицо не обязательно должно быть членом вооруженных сил одной из конфликтующих сторон и 2) может изменить свой статус – например быть гражданским лицом, затем комбатантом и потом снова гражданским лицом.

соответствующего вооруженного конфликта, его территория стала бы частью театра войны и тогда эти лица имели бы статус гражданских лиц, а значит и соответствующую защиту. В порядке исключения при определенных условиях, во время пребывания в центральном офисе или в тренировочном лагере ЧВК, они могли бы быть подвергнуты нападению противника (например, бомбардировке), подобно тому как, например, совершаются нападения на предприятия военно-промышленного комплекса, хотя в них находятся работники – гражданские лица.

Когда речь идет о персонале ЧВК, работающем в зоне вооруженного конфликта (в приведенном примере, в государстве Y), если он выполняет гражданские обязанности, не носит оружие и не участвует в боевых действиях, то имеет статус гражданского лица. Статус каждого конкретного сотрудника может, однако, отличаться, в зависимости от того, чьим гражданином он является – находящейся в конфликте стороны, на территории которой он находится (отечественный гражданин), противника этой стороны (неприятельский гражданин) или какого-то нейтрального государства (нейтральный гражданин).

В аналогичной ситуации находятся те сотрудники ЧВК, которые пребывают в зоне вооруженного конфликта и вооружены, но не для того, чтобы участвовать в военных операциях, а для того, чтобы защищать лиц и объекты от незаконных нападений. Пока они выполняют только эти функции и не вмешиваются в вооруженный конфликт, они в принципе также являются разновидностью гражданских лиц. На практике, однако, зачастую трудно провести четкую границу между тем, когда прекращается допустимая самооборона, а когда начинается участие в конфликте.

Тот персонал ЧВК, который находится в зоне вооруженного конфликта, и функции которого каким-либо образом связаны с военными операциями, но не подразумевают участие в боевых действиях (медицинский персонал, кладовщики, повара и т. д.) находится в положении, аналогичном положению некомбатантов и за ними должен быть признан такой статус. Они могут носить оружие и применять его, но только для самообороны.

Специфическим является статус членов ЧВК, задействованных в миротворческих миссиях ООН и других международных органи-

заций. Ясно, что он регулируется специальными договорами, но остается вопрос, как следует его рассматривать в принципе. Взвзв в качестве примера миротворческие миссии ООН, когда сотрудники ЧВК действуют как поддержка этих миссий, представляется, что нет оснований рассматривать их иначе, чем как членов этих миссий. Кстати, напомним, что уже при первом участии в Боснии и Герцеговине в 1992 г., персонал ЧВК носил униформу и опознавательные знаки ООН, имел личные удостоверения, выданные ООН и воспринимался как часть миротворческой миссии UNPROFOR.

Наконец, одна часть персонала ЧВК выполняет задачи, состоящие в участии в военных операциях в вооруженном конфликте. Хотя они и работают на ЧВК, они воюют за одну из сторон, находящихся в конфликте, представляя собой своего рода ее вспомогательные и относительно самостоятельные войска³⁸⁵. Связь со стороной конфликта еще более выражена, когда ЧВК ставят свой персонал под непосредственное командование вооруженных сил государства-контрагента, как, например, было в случае с определенными американскими ЧВК и армией США в Ираке и некоторых других странах. Однако даже и без того, поскольку, как уже подчеркивалось, сотрудники ЧВК отличаются от наемников, за теми из них, которые участвуют в вооруженном конфликте, должен в случае соответствия требованиям, сформулированным в Приложении к Гаагской конвенции (1899)³⁸⁶, признаваться статус комбатанта³⁸⁷.

³⁸⁵ Здесь можно провести параллель с каперами – они тоже были вооруженными частными лицами, воевавшими за одну из сторон, участвующих в конфликте, хотя и не входили в состав ее вооруженных сил; они тоже часто воевали за иностранные государства (а не за то, гражданами которого являлись); мотивом их участия обычно было получение материальной выгоды (дележ добычи). Тем не менее каперы вплоть до конца XIX в. считались законными комбатантами, которые в случае пленения имели право на статус военнопленного.

³⁸⁶ Эти условия: 1) наличие во главе лица, ответственного за своих подчиненных; 2) наличие определенного и явно видимого издали отличительного знака; 3) открытое ношение оружия; и 4) соблюдение законов и обычаев войны при выполнении своих операций.

³⁸⁷ Ни члены миротворческих миссий ООН в строгом смысле не являются частью вооруженных сил сторон, находящихся в конфликте, но в случае участия в боевых действиях имеют статус законных комбатантов.

Дело в том, что смысл признания статуса комбатанта двояк:

1) комбатант имеет право использовать оружие (участвовать в боевых действиях);

2) в случае взятия в плен имеет право на статус военнопленного.

В подтверждение этого следует напомнить, что государства и международные организации не считают участие ЧВК и их сотрудников в вооруженных конфликтах само по себе чем-то незаконным. Это ведет к заключению, что в случае взятия в плен сотрудники ЧВК не могут рассматриваться в качестве преступников, а должны рассматриваться как военнопленные³⁸⁸. Наконец, одним из аргументов в пользу того, что и за сотрудниками ЧВК, воюющими на стороне какого-либо государства, следует признавать статус комбатанта, является и факт, что некоторые государства (например, США) предусмотрели юрисдикцию своих военных трибуналов за преступления, совершенные сотрудниками ЧВК, нанятыми их министерством обороны.

Однако если сотрудник ЧВК выйдет за рамки своего контракта с компанией тем, что станет участвовать в военных действиях в пользу государства-контрагента на основе своего личного контракта с ним, или станет воевать за какую-либо другую сторону и получать за это крупное материальное вознаграждение, по сути он становится наемником.

Следует учитывать и то, что когда в роли заказчика услуг выступают государства или международные организации, то это дает ЧВК и их сотрудникам определенную легитимность. Ситуация более неясная, если частную военную компанию нанимает какой-то другой субъект – повстанцы, корпорация, некая группа, физическое лицо и т. д. При определенных условиях (имея в виду характер задания, высоту материального вознаграждения и т. д.) здесь можно говорить о наемничестве.

Представленные выше взгляды являются только пояснениями в рамках существующего международного права, призванными

³⁸⁸ Имеется в виду то, что они не могут подвергаться наказанию только из-за своего участия в вооруженном конфликте. Подразумевается, что если они совершили военные преступления или преступления против человечности, то должны привлекаться к ответственности так же, как и остальные комбатанты (военнослужащие вооруженных сил государств).

пролить больше света на некоторое время, пока соответствующие вопросы не будут урегулированы всеобъемлющим образом на основе международного договора. Единственным настоящим решением является принятие конвенции, которая будет кодифицировать важнейшие вопросы, касающиеся ЧВК и их персонала, включая их статус как участников вооруженного конфликта.

Контрольные вопросы

1. Что представляют собой частные военные компании (ЧВК)?
2. Какие самые важные термины относятся к ЧВК? Как называются страны в соответствии с их связью с ЧВК?
3. Как можно классифицировать ЧВК?
4. Каковы основные причины возникновения ЧВК?
5. Каковы наиболее важные преимущества ЧВК?
6. Какие наиболее важные проблемы связаны с функционированием ЧВК?
7. Кто несет ответственность в связи с действиями функционирования ЧВК и их персонала?
8. Как регулируется положение ЧВК на мировом уровне?
9. Как регулируется положение ЧВК в Европе?
10. Что Вы можете сказать о Документе из Монтрё?
11. В чем сходство и различие между бойцами ЧВК и классическими наемниками?
12. Каков правовой статус персонала ЧВК по международному праву вооруженных конфликтов?

Глава XII.

ПОНЯТИЕ КОСМИЧЕСКОГО ПРАВА

1. ВВЕДЕНИЕ

Интерес к космосу возник задолго до того, как человек начал его покорять. Это также верно в отношении интереса юридической науки, который был выражен по крайней мере за полвека до того, как СССР 04.10.1957 г. отправил на орбиту первый искусственный спутник – «Спутник-1».

Первой работой, которая была посвящена космосу с точки зрения права, считается статья бельгийского автора Лауда (*Emile Laude*), опубликованная в 1910 году во французском журнале. В период между двумя мировыми войнами были изданы новые работы и состоялись научные конференции, посвященные этой проблеме. Но это были только общие теоретические соображения³⁸⁹.

Первые нормы международного космического права появились после реального проникновения человечества в космос – полета «Спутника-1». До этого считалось, что суверенитет государства простирается над его поверхностью до самого конца вселенной³⁹⁰. Однако за 92 дня спутник совершил облет Земли 1 440 раз, преодо-

³⁸⁹ Doyle Stephen E. A Concise History of Space Law: 1910–2009 // Sundahl M. J., Gopalakrishnan K. eds. *New Perspectives of Space Law*. International Institute of Space Law, 2011. P. 1–24; Hobe Stephan. Vladimir Mandl, Alex Meyer, Welf-Heinrich, Prince of Hanover, Friedrich Wilhelm Von Rauchhaupt – Early Writing in German on the Young Discipline of Space Law // Sundahl M. J., Gopalakrishnan K. eds. *New Perspectives of Space Law*. International Institute of Space Law, 2011. P. 30–42; Жуков Г. П., Абашидзе А. Х. *Международное космическое право*. Москва, 2014. С. 29–30.

³⁹⁰ На самом деле, такой подход никогда не был правильным. Мало того, что государства никогда не смогут обладать властью над всем этим пространством, так еще это означало бы, что такая «часть» космоса, принадлежащая государству, постоянно меняется, поскольку, как известно, Земля непрерывно вращается вокруг своей оси и вокруг Солнца.

левая пространства, находящиеся в соответствии с классическим международным правом, под суверенитетом ряда других государств и все же ни одно из них не протестовало. Протестов не было ни когда был запущен второй советский, ни первый американский спутники (соответственно, «Спутник-2» – 03.11.1957 г. и «Explorer-1», 31.01.1958 г.). Покорение космоса началось³⁹¹.

Опираясь на отсутствие протестов, некоторые теоретики пришли к выводу, что появился новый обычай международного права и что это произошло немедленно, мгновенно, как только был запущен первый спутник³⁹².

Такое рассуждение неверно, потому что, хотя не существует определенного минимального времени, необходимого для создания международного обычая, простая логика предполагает, что некоторое время должно пройти³⁹³. В данном случае появление нового обычая может обсуждаться только после принятия Резолюции 1348 (III) от 13.12.1958 г. и последующих резолюций Генеральной Ассамблеи,³⁹⁴ которыми государства – члены ООН высказали свое мнение (*opinio juris sive necessitatis*) о свободе космических поле-

³⁹¹ После нескольких экспериментальных полетов с животными (собаками) 12 апреля 1961 г. первый человек, советский космонавт Юрий Гагарин на космическом корабле «Восток-1» был выведен на околоземную орбиту и совершил облет планеты за 1 час 48 минут, достигнув высоты 315 км. Меньше чем через месяц после этого, 5 мая 1961 г., США отправили в космос своего космонавта Алана Шепарда (*Alan B. Shepard Jr.*), космический корабль которого сделал дугу высотой 190 км всего за 15 минут полета (не был предназначен облет Земли). Через три месяца, 6 августа 1961 года, советский космонавт Герман Титов провел в космосе более 25 часов. Затем покорение космоса пошло все более быстрыми темпами.

³⁹² Ченг, который считается основателем этой теории, сделал три вывода: 1) у обычая есть только один составной элемент – *opinio juris*, 2) обычаи (поэтому) могут возникать мгновенно и 3) резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о космосе, которые последовали в ближайшие годы, не имеют обязательную силу, но могут служить доказательством возникновения такого «мгновенного» международного правового обычая. Cheng B. *United Nations Resolutions on Outer Space: «Instant» International Customary Law? // Indian Journal of International Law.* № 5. 1965. 36–45.

³⁹³ Подробнее см. Krivokapić Boris. *On the Issue of So-called 'Instant' Customs in International Law // Acta Universitatis Danubius, Administration.* № 1. 2017. P. 81–98.

³⁹⁴ Вторая по очереди, Резолюция 1472, была принята 12.12.1959 года, а остальные только в 1961 году и в последующие годы.

тов, исследований и использования космоса в мирных целях. Они были приняты быстро, но не мгновенно, а через год или более после запуска первого и нескольких последующих спутников³⁹⁵.

Первые правовые нормы, регулирующие отношения в связи с космосом и в космосе, были созданы обычным путем на рубеже 1950-х и 1960-х годов и каких-то 10 лет были единственными нормами международного космического права³⁹⁶. Помимо установления принципов свободы исследования и использования космоса, они также послужили катализатором для принятия ряда международных договоров, которые частично кодифицировали эту сферу³⁹⁷. Произошло и обратное: наиболее важные решения по Договору о космосе (1967 г.) и другим соглашениям относительно быстро стали частью общего обычного космического права и, следовательно, обязательны для всех³⁹⁸. Таким образом, обычаи стали основой для договоров, а затем круг замкнулся превращением определенных договорных правил и принципов в общие обычаи.

³⁹⁵ В конце концов, если в международном праве нет обычая без общей практики, как она, а следовательно, и сам обычай, могут возникнуть мгновенно?! Определенное поведение по природе вещей должно занять некоторое время, чтобы возник любой, а тем более правовой обычай.

³⁹⁶ Договор о космосе был открыт для подписания 27.01.1967 г. а уже 10.10.1967 г. вступил в силу.

³⁹⁷ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1967 г.), Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство (1968 г.), Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (1972 г.), Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство (1974 г.) и Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах (1979 г.). Они известны под сокращенными названиями как: Договор о космосе (1967 г.), Соглашение о спасании (1968 г.), Конвенция об ответственности (1972 г.), Конвенция о регистрации (1974 г.) и Соглашение о Луне (1979 г.). Однако они не полностью кодифицировали предмет космического права и далеки от того дня, когда в их состав войдут все или, по крайней мере, подавляющее большинство стран. Для обзора членов этих соглашений см. Status of International Agreements relating to Activities in Outer Space. UN Office of Outer Space Affairs, www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/spacelaw/treaties/status/index.html.

³⁹⁸ Конечно, не договоры как таковые стали обязательными для государств, которые не приняли их, а такую силу получили сформулированные ими принципы и правила.

Однако «полет» договорного права в этой области длился всего около десяти лет, а затем в некотором смысле застопорился. Были заключены новые международные соглашения по конкретным вопросам³⁹⁹, но существенных сдвигов не было. Причина этого, вероятно, в том, что не было новых драматических прорывов в завоевании космоса.

Мы также должны признать, что существующие решения – это скорее принципы, чем точные нормы. И, кажется, как раз это удовлетворяет государства. В ситуации, когда никто не знает, что находится в глубинах вселенной и на небесных телах, которые прячутся внутри них, кажется, что государства не готовы заранее принять на себя обязательства, связывая тем самым себе руки. Создается впечатление, будто сознавая, что истинное развитие космической деятельности еще впереди, они предпочитают подождать, чтобы увидеть развитие событий и только после этого оценить, какая кодификация космического права им нужна.

Также не следует забывать об интересах и влиянии крупных компаний, без которых космическая деятельность в наши дни была бы невозможна. По многим причинам следует ожидать, что крупные транснациональные компании в будущем даже возьмут на себя ведущую роль, по крайней мере, в некоторых аспектах покорения и колонизации космоса. Существует много причин для этого: они уже сейчас финансово намного сильнее, чем большинство государств; их характер таков, что они постоянно изучают новые рынки и новые возможности получения прибыли; для расширения бизнеса они готовы вкладывать значительные средства и даже подвергаться определенным рискам и т. д. В конце концов, даже в эпоху колониализма завоевание доселе неизвестного мира во многих случаях осуществлялось частными компаниями.

³⁹⁹ Например, Межправительственное соглашение о Международной космической станции «Свобода» (1998 г.), Соглашение о Международной космической станции (1998 г.), Соглашение между правительствами Казахстана, РФ и США о мерах по охране технологий в связи с запусками Россией с космодрома Байконур космических аппаратов, в отношении которых имеются лицензии США (1999 г.), международные соглашения о космической деятельности в рамках СНГ, серия двусторонних соглашений, заключенных между государствами, между государствами и международными организациями, растущее число соглашений, в которых участвуют частные компании и т. д.

По всей вероятности, в этих моментах надо искать некоторые из причин, по которым в течение 40 лет не было нового универсального соглашения в этой сфере, а тем более ее всеобъемлющей кодификации.

С другой стороны, в наши дни, когда объявляется новая волна важных космических исследований и вслед за ней колонизация вселенной, можно с полным основанием ожидать, что право, регулирующее эти отношения, будет быстро развиваться. Понадобится гораздо точнее, чем сегодня, регулировать статус космического пространства и небесных тел и ряд других вопросов, таких как: военные действия в космосе, безопасность космической навигации, охрана окружающей среды, борьба с космическим мусором, защита прав человека⁴⁰⁰, космические преступления⁴⁰¹, защита культурного наследия в космосе, защита во вселенной прав интеллектуальной собственности⁴⁰² и т. д. Многие теоретики и практики замечают необходимость продвигать международное космическое право после его «зимнего сна».

⁴⁰⁰ Речь идет о правах человека на космических кораблях, орбитальных станциях или колонизированных небесных телах, которые могут быть нарушены такими незаконными действиями, как пытки, расовая и другая дискриминация и т. п. В то время, когда в таких случаях речь идет о нарушениях прав человека в космосе, существует также опасность их нарушения на Земле, но различными технологиями из космоса.

⁴⁰¹ Между прочим, почти наверняка рано или поздно появятся космические пираты, контрабандисты, террористы и т. д.

⁴⁰² Значение этой проблемы становится ясным, если учесть, что в космическую деятельность включено огромное количество решений в области интеллектуальной собственности. Так, например, космические станции являются, помимо прочего, своего рода лабораторией для проведения научных экспериментов и исследований. Поскольку на Земле правовая защита владельцев патентов ограничена границами территории соответствующего государства, возник вопрос о том, как обеспечить такую защиту в космосе. Поэтому, например, ст. 21/2 Соглашения о Международной космической станции (1998 г.) уточняется, что для целей прав интеллектуальной собственности любая деятельность, осуществляемая внутри или на орбитальном элементе космической станции, считается деятельностью, осуществляемой только на территории государства-партнера, которое зарегистрировало этот элемент. Другими словами, принято считать, что это происходит на территории соответствующего государства. Понятно, однако, что это решение имеет ограниченную досягаемость и, в частности, что оно не сможет состояться после начала массовой колонизации космоса.

Хотя можно думать, что эти темы давно уже исчерпаны и сегодня в принципе никому не нужны, нам кажется, что как раз из-за предстоящей революции в покорении космоса и, следовательно, ожидаемого развития нормативного регулирования с этим связанных общественных отношений, стоит взглянуть на некоторые вопросы, касающиеся названия и содержания права, которое регулирует отношения, связанные с космосом.

2. НАЗВАНИЕ

Первый вопрос – как лучше всего назвать право, регулирующее отношения в связи с исследованием и использованием космоса?

В этом смысле ситуация была довольно хаотичной в свое время, потому что с разных сторон использовались различные названия, такие как: *внеземное право*, *право внеземных владений*, *астронавтическое право*, *этеронавтическое право*, *межпланетарное право*, *межзвездное право*, *право спутников*, *внешнепространственное право*, *космическое право* и т. д. Мы рассмотрим некоторые из них, так как вопрос с названием может вновь открыться в какой-то момент в связи с дальнейшим развитием этой отрасли права.

В названии *внеземное право* прячется идея о разделении всего права на две основные правовые системы, первая из которых регулирует отношения на Земле, а вторая –вне ее, в космосе. Такой подход неприемлем, поскольку предполагает одновременное существование двух отдельных, независимых и в некотором роде противоречащих между собой правовых систем. Однако мы можем быть уверены в том, что между Землей и другими планетами в течение долгого времени всегда будет сильная связь или, по крайней мере, она будет длиться очень долго. В конце концов, так как каждое право применяется к людям, то есть регулирует их общественные отношения, оно всегда будет основано на одних и тех же основных принципах.

Термин *право внеземных владений*, безусловно, неприемлем. Во-первых, он указывает только на одну сторону проблемы – возможность присвоения космического пространства и небесных тел. Но это противоречит важной норме обычного и договорного пра-

ва, которая прямо запрещает национальное присвоение космоса⁴⁰³. Даже если в один прекрасный день эти решения будут заменены на противоположные, этот термин может быть использован только для такого права, которое регулирует отношения в связи с владениями в космосе, а не для всего права, которое регулирует отношения, касающиеся космоса.

Всего за несколько месяцев до запуска первого искусственного спутника в 1957 году уругвайский юрист Бауза Араухо соединив греческие слова *astron* – звезда и *nautike* – мореходство, создал термин *астронавтическое право*, назвав так и свою книгу⁴⁰⁴. Хотя звучит красиво и даже романтично, этот термин тоже неприемлем. Прежде всего, космическое путешествие не может быть реализовано между звездами, потому что жизнь на них невозможна. С другой стороны, отношения в связи с космосом и в космосе, а также право, регулирующее их, не могут быть сведены только к космической навигации. В конце концов, колонизация Луны и Марса уже запланирована, что станет началом реального завоевания космоса, которое создаст новые правовые отношения и потребует урегулирования совершенно новых вопросов о которых мы сегодня даже не подозреваем.

Аналогичные возражения могут быть сделаны в отношении термина *этеронавтическое право*, выведенного из греческого *aither* – верхний воздушный слой, эфир и *nautike* – мореходство. Здесь не только правовое регулирование космического полета выдвинуто на первый план (а все остальное забыто), но это название предполагает, что речь идет о путешествии через эфир, который сам по себе недостаточно определен и не может быть приравнен к космосу⁴⁰⁵.

Аргентинец Армандо Кока предложил термин *межпланетное право*, который, по его словам, помимо движения в космосе также

⁴⁰³ Договор о космосе (1967 г.), решения которого превратились в общее обычное право (и тем самым стали обязательными для всех, включая государства, которые не являются сторонами Договора) в ст. II заявляет, что: «Космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами».

⁴⁰⁴ Bauza Araujo Alvaro. *Nació un derecho astronautico*. Montevideo, 1957.

⁴⁰⁵ Жуков Г. П. *Космическое право*. М., 1966. С. 10.

охватывает проблемы, связанные с исследованием космоса. Однако такое название предполагает, что это – право, регулирующее отношения между различными планетами и их обитателями, что пока очень далеко от реальности. С другой стороны, при таком названии из сферы правового регулирования выпадает ряд важных вопросов, таких как спасение космонавтов и космических объектов, которые упали на территорию другой страны, компенсация за ущерб, нанесенный другим космическими объектами при падении на Землю, проблемы, связанные с использованием искусственных спутников Земли, борьба с космическим мусором вокруг Земли и т. д. И сам замечая все это, Кока затем использовал термин *космическое и межпланетное право*. Но тогда возникает вопрос, к чему эти два термина, тем более рядом, если они означают одно и то же, или в чем разница между ними, если они означают что-то другое? А если под межпланетным правом имеется в виду метаправо, которое когда-нибудь будет разработано с представителями других миров, тогда зачем упоминать об этом уже сейчас? Позже сам Кока совсем перешел на термин *космическое право*⁴⁰⁶.

Если уже нельзя согласиться с названием «межпланетарное право», тогда тем более невозможно принять термин *межзвездное право*, против которого также можно возразить, что он охватывает только часть отношений, возникающих в связи с исследованием и использованием космоса. Кроме того, учитывая тот факт, что жизнь на звездах невозможна, действительно трудно говорить о каких-либо межзвездных отношениях и, следовательно, о правовых нормах, которые их регулируют.

Хотя в течение некоторого времени можно было встретить и термин *право спутников*, он явно может иметь совсем ограниченное применение и ни в коем случае не может быть названием для всей отрасли права, которая регулирует отношения в связи с космосом и в космосе. В принципе этот термин можно использовать, но только

⁴⁰⁶ Cocca A. A. Teoría del derecho interparlamentario. Buenos Aires, 1957; Cocca A. A. Reflexiones sobre derecho interplanetario. Universidad Nacional del Litoral, 1958; Cocca A. A. Contribution of Space and Interplanetary Law to Jurudical Science // Journal of Air Law and Commerce. № 4. 1962. 351–356; Cocca A. A. The Advances in International Through the Law of Outer Space // Journal of Space Law. № 1–2. 1981. P. 13–20.

для обозначения тех норм, которые ограничены вопросами, связанными с запуском и использованием искусственных спутников.

В русскоязычной литературе встречается критика названия *внешнепространственное право*, которое, как сообщается, принято в ряде стран⁴⁰⁷. Однако очевидно, что речь идет не о новом термине, а о том, что автор, который его выделил, не заметил, что на самом деле на английском языке это название того, что мы называем космосом или вселенной. Дело в том, что космос по-английски называется *Outer Space* (буквальный перевод на русский: «внешнее пространство») или просто *Space* (буквально: «пространство»), отсюда и *Outer Space Law* или *Space Law*. Другими словами, это даже не синоним, а просто перевод термина на английский язык. Следовательно, никто никогда не имел в виду никакое внешнепространственное, а именно космическое право. Кстати, в английском языке существует также термин *Cosmic Law*, но им обозначают не нормативный правовой порядок (космическое право, в нашем понимании), а естественные законы, которые правят во вселенной, или, реже, используют его в некотором философском или религиозном смысле (для обозначения законов кармы и т. п.).

Некоторые авторы предложили термин *транснациональное космическое право*⁴⁰⁸. Это название также не подходит, потому что транснациональное (трансграничное) – это любое право, прежде всего национальное, которое действует за пределами соответствующего государства, в первую очередь на поверхности Земли. Другими словами, оно регулирует отношения, которые имеют место независимо от национальных границ, но это не обязательно отношения между государствами. В подтверждение этого достаточно напомнить, что определенные нормы национального права каждого государства также применяются в открытом море (например, в отношении судна, имеющего его национальную принадлежность); в отношении личной юрисдикции государства над его гражданами за границей; в отношении членов постоянных дипломатических представительств страны за рубежом и т. д. В некотором смысле

⁴⁰⁷ Жуков Г. П. Указ. соч. С. 10.

⁴⁰⁸ Беглый А. В. Международное и национальное космическое право: на пути к транснациональному космическому праву // Наука. № 1–2. 2007. Р. 15–17.

транснациональное право также регулирует частные правовые отношения с иностранным элементом, такие как брак с иностранным гражданином, наследование с иностранным элементом и т. д.

По тем же причинам не удалась и попытка ввести термин «транснациональное право» в качестве другого названия для всего международного публичного права⁴⁰⁹. На самом деле здесь, скорее всего, речь идет как раз о том, что в термине «транснациональное космическое право», первое слово («транснациональное») надо понимать как некий вид синонима за слово «международное».

С этим мы подходим к термину *космическое право*, который сегодня принят в большинстве языков.

Он лучше всего отражает явление, которое обозначает, и в то же время всеохватывающий, потому что охватывает различные отношения, связанные с космосом и в космосе – космическую навигацию, но также все другие виды деятельности, отношения и проблемы. Это также соответствует логике, по которой названы другие отрасли международного права – договорное право, дипломатическое право, речное право, морское право и т. д. Поэтому термин *космическое право* общепринят или по крайней мере очень широко представлен в литературе и на практике⁴¹⁰.

Однако возникает новый вопрос – что именно подразумевается под космическим правом?

3. РАЗЛИЧНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОСМИЧЕСКОГО ПРАВА

1. Различные подходы

Многие книги, научные статьи и даже официальные документы, вообще не определяют космическое право.

Это не должно вызывать удивления, когда известно, что не существует общепринятого определения ни космоса, ни космической

⁴⁰⁹ Jessup Philip. *Transnational Law*. New Heaven, 1956.

⁴¹⁰ На это указывают, в частности, названия наибольшего количества монографий и других научных работ в этой области; названия сборников соответствующих международных договоров и других документов; названия специализированных международных организаций, органов, институтов и центров, научных и профессиональных журналов и т. д.

деятельности. Есть даже мнения, что космос – явление, которое не поддается определению, из чего следует, что не может быть определено и космическое право.

Те, кто осмеливаются предложить теоретические или, по крайней мере, рабочие определения космического права, имеют, как и следовало ожидать, разные подходы. Это приводит к тому, что некоторые определения являются очень короткими и узкими, а другие, в попытке стать всеобъемлющими, слишком широкими. Поскольку этих определений столько же, сколько и их авторов, анализ множества различных возможных подходов был бы делом, заранее обреченным на провал. Поэтому здесь будет дано всего несколько достаточно иллюстративных примеров.

Образец краткого определения космического права можно найти на веб-сайте Управления ООН по вопросам космического пространства. Там только указано, что это «право, регулирующее космическую деятельность». Для лучшего понимания далее поясняется, что оно, как и общее международное право, состоит из различных международных соглашений, договоров, конвенций и резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, а также правил и решений других международных организаций⁴¹¹. Хорошая сторона этого подхода заключается в том, что он избегает попадания в шаткие воды более точного определения того, что конкретно регулирует этот правовой порядок, каковы его субъекты и т. д. Недостатком же является то, что здесь реально ничего не сказано, кроме того, что это: 1) право, которое 2) регулирует космическую деятельность. Однако эта «космическая деятельность» не определена⁴¹². Что

⁴¹¹ Space Law, UNOOSA, URL. www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/spacelaw/index.html. Без ссылки на документы ООН этот подход (точно такое же краткое определение и его дополнение) принят в части юридической литературы. Так, например, Lits M., Stepanov S., Tikhomirova A. International Space Law // BRICS Law Journal. № 2. 2017. P. 136.

⁴¹² Правда, в тексте затем упоминаются некоторые из проблем, рассматриваемых международным космическим правом, как они определены в Договоре о космосе (1967 г.) и других соответствующих соглашениях. Однако этого недостаточно, поскольку эти утверждения выходят за пределы определения и не являются достаточно точными.

ясно (в свете перечня источников права), так это то, что имеется в виду только международное космическое право⁴¹³.

Гораздо шире определение, которое под космическим правом предполагает «совокупность международно-правовых норм, устанавливающих режим космического пространства и небесных тел и регулирующих отношения, субъектами которых выступают государства, а также международные организации, в связи с исследованием и использованием космоса»⁴¹⁴. Здесь также под космическим правом имеется в виду отрасль международного права.

Похожим является определение, согласно которому космическое право – это «совокупность норм международного права, регулирующих взаимоотношения государств и международных организаций, в связи с осуществлением ими космической деятельности и устанавливающих международно-правовой режим космического пространства и небесных тел»⁴¹⁵. Хотя речь идет о космическом праве без какого-либо более близкого определения, ясно, что все относится к международному космическому праву как части международного публичного права.

Интересным является подход, который уже говорит не о просто космическом, а о международном космическом праве, и уточняет, что оно представляет собой: «совокупность специальных форм современного общего международного права, регулирующих отношения государств между собой, с международными межправительственными организациями, взаимоотношения таких организаций в связи с осуществлением ими космической деятельности, а также устанавливающих международно-правовой режим такой деятельности в пределах космического пространства, Луны и других небесных тел. Таким образом, международное космическое право определяется в зависимости от характера деятельности государств (космическая деятельность), и места деятельности (космическое пространство, небесные тела)»⁴¹⁶. Особенно интересно заметить,

⁴¹³ Это определение космического права фактически соответствует определению космоса как пространства вне воздушного пространства, которое, конечно, далеко от точного и достаточного.

⁴¹⁴ Игнатенко Г. В., Тиунов О. И. Международное право. М., 2009. С. 663.

⁴¹⁵ Жуков Г. П. Указ. соч. С. 13.

⁴¹⁶ Малков С. П. Международное космическое право. Санкт-Петербург, 2002.

что цитированное определение полностью повторяется в более чем 10 лет спустя опубликованной книге двух других авторов, что само собой говорит о том, что они с ним совершенно согласны⁴¹⁷.

Тем не менее, нам это определение кажется в то же время и слишком широким, и недостаточно полным. Его второе предложение касается только деятельности государств, хотя в первом предложении прямо упоминаются и международные организации. Также, определение ничего не говорит о других субъектах, кроме государств и международных организаций, которые все чаще участвуют в завоевании космоса (транснациональные и другие частные компании). Наконец, международное право регулирует и некоторые отношения на Земле, связанные с космической деятельностью (например, компенсация за ущерб, причиненный в результате падения космического объекта или его части на территорию другой страны), а этого здесь недостаточно. Впрочем, этот последний момент признается самими авторами, которые уже в следующем абзаце уточняют, что космические действия не ограничиваются тем, что происходит в космосе, что они также могут относиться к Земле, при условии, что они связаны с запуском и эксплуатацией космического объекта или его возвращением на Землю⁴¹⁸.

В отличие от представленных определений, которые приравнивают его к отрасли международного публичного права, некоторые авторы указывают, что космическое право имеет две составляющие – международную и национальную. Таким образом, по словам одного из них, который высказался с точки зрения США: «Термин космическое право относится к праву, которое исходит из различных источников и состоит из двух основных типов права, регулирующих космическую деятельность: международного и внутреннего. Первое касается прав и обязательств, которые Соединенные Штаты приняли в рамках многосторонних и двусторонних договоров и соглашений. Второе касается внутреннего законодательства Конгресса и нормативных актов, принятых исполнительными органами правительства США»⁴¹⁹.

⁴¹⁷ Жуков Г. П., Абашидзе А. Х. Международное космическое право. М., 2014.

⁴¹⁸ Там же.

⁴¹⁹ Gibson J.. Current S. Law and Policy. AU-18 Space Primer. Alabama, 2009. P. 43.

Другими словами, здесь указывается, что космическое право имеет отношение к соответствующим нормам как международного публичного права, так и внутреннего права государств.

Хотя по количеству слов это одно из самых бедных, по достигаемости одним из самых широких определений является то, согласен которому космическим правом называется «все право, которое регулирует или применяется к космосу и деятельности в космосе и в связи с ним. Космическое право – особое право, созданное для решения практических проблем использования и исследования космоса»⁴²⁰. Как видно, здесь принимаются во внимание не только международное космическое право, но и все правовые нормы и принципы, касающиеся космоса и космической деятельности. Далее авторы подтверждают это, заявляя, что космическое право имеет три аспекта: международное публичное право, международное частное право и национальное право государств.

Эти примеры достаточно наглядно иллюстрируют, что существует очень разное понимание того, что такое космическое право и какие правовые нормы являются его частью. Это показывает, что необходимо постоянно следить за используемой терминологией. Однако, как отмечалось выше, многие источники ведут дискуссии о космическом праве, совсем не определяя или не определяя точно, что имеется в виду.

Нам кажется, что, как и в других областях, наиболее правильным является рассматривать соответствующее национальное право государств и международное право отдельно. Когда, например, речь идет о дипломатическом праве, само собой разумеется, что имеется в виду отрасль международного публичного права, хотя некоторые важные вопросы регулируются также национальными правилами государств. В этом смысле нам кажется, что следует проводить различие между национальными правилами государств в отношении исследования и использования космоса (национальное космическое право) и такими международными правилами (международное космическое право), причем только последние могут быть оправданно названы космическим правом в узком смысле. Однако при условии предоставления необходимых объяснений можно также говорить

⁴²⁰ Lyall F., Larsen P. B. *Space Law: A Treatise*. Ashgate Publishing, 2009. P. 1–2.

о космическом праве в широком смысле, которое может включать также и другие нормы и принципы.

2. Национальное космическое право

В отношении космического права можно говорить, среди прочего, о государственном, национальном космическом праве, как о части правопорядка страны. Это уже когда существуют нормы, касающиеся исследования и использования космоса, которые разбросаны по различным законам, а тем более тогда, когда речь идет о конкретных законах и других правовых актах, которые более или менее комплексно регулируют эти вопросы.

В связи с этим интересно обратить внимание на несколько важных моментов.

Во-первых, хотя часто указывается, что нормы космического права возникли вначале в международном праве и только затем были перенесены в национальные государственные правовые системы, это утверждение не совсем верно⁴²¹. На самом деле до и во время запуска и полета первого и следующих нескольких искусственных спутников не было норм международного права о космической деятельности. Но, по логике вещей, должны были быть определенные нормы внутреннего законодательства страны, запускающей спутник (СССР, а затем США), по крайней мере, в отношении образования специализированных органов, их компетенции и полномочий, в вопросах безопасности, в отношении подотчетности и т. д. Даже если,

⁴²¹ Так, например, утверждают, что, в отличие от морского и воздушного права, правовое регулирование деятельности по исследованию и освоению космоса началось не с принятия национальных правил государств, а с принятия международно-правовых норм (Малков С. П. Указ. соч., 6). Хотя понятно, что имеется в виду, дело обстоит немного иначе. Как раз наоборот, между путями развития воздушного и космического права существует большое сходство. Определенные нормы национального права уже должны были существовать при запуске как первого самолета, так и первых спутников. Если же речь идет о существенном развитии соответствующей отрасли, и в воздушном праве сначала подписаны международные конвенции, а уже после этого в них закрепленные нормы и принципы перенесены в национальные законодательства стран. Напомним, первый полет на самолете состоялся в 1903 г., а уже в 1919 г. была подписана Конвенция о регулировании воздушных передвижений, а затем подписаны и другие соглашения. Все это произошло бы, конечно, намного раньше, если бы не Первая мировая война.

конечно, это не была всесторонняя система правовых норм (новая ветвь национального права), все же ясно, что такие сложные, ответственные, чрезвычайно дорогие и потенциально очень опасные действия, как космические полеты, не могут быть выполнены без определенного предварительного правового регулирования.

Во-вторых, даже в тех отраслях международного права, где существует очень давняя традиция и всеобъемлющая кодификация, таких как морское право, дипломатическое право, право международных договоров и т. д., а тем более в некоторых новых отраслях, таких как международное право прав человека, международное уголовное право, международное право окружающей среды и т. д. одна часть отношений регулируется нормами внутреннего права государств. Внутренние нормы соответствующего государства регулируют такие вопросы, как: реестры морские судов; различные (уголовные, административные, гражданские, трудовые и т. д.) отношения на торговом судне в открытом море; церемония передачи верительных грамот посла; компетенция для заключения международных договоров; условия и порядок приобретения или утраты гражданства и т. д. Отношения в связи с космосом не являются исключением.

Так, например, в случае каких-либо исключительных событий на космическом корабле или орбитальной станции (убийство, бунт и т. п.) они, особенно если все вовлеченные лица являются гражданами государства, которому принадлежит корабль или станция, будут санкционированы органами этого государства, с применением правил трудового, административного, а если необходимо и уголовного права того же государства⁴²². Все потому, что государства сохраняют свою юрисдикцию и контроль над своими гражданами –

⁴²² Длительное пребывание в космосе, особенно если оно связано с чрезмерными усилиями и в то же время сочетается с дополнительными «специями», такими как личная нетерпимость, ревность, зависть и т. д., могут привести к нежелательным последствиям, включая драки и, в крайних случаях, убийства. Все потому, что члены экипажа одни в космосе, в своем мире, постоянно в контакте друг с другом, и никто посторонний не может помешать им сделать то, что они захотели. Когда космические полеты станут распространенным явлением, таким как сегодня поездка на самолете, между космическими путешественниками будут не только отобранные и проверенные кадры, имеющие твердый характер, но и обычные люди, среди которых рано или поздно будут и психически больные и преступники.

космическими путешественниками и своими космическими объектами – кораблями, орбитальными станциями и т. д.

Есть и примеры получше. Когда космический объект причиняет ущерб другому государству или его физическим или юридическим лицам, возникает международный спор между государствами – тем, которое запустило объект, и тем, которое потерпело ущерб, или гражданам или юридическим лицам которого был причинен ущерб. Он урегулируется в соответствии с общими правилами мирного урегулирования споров, то есть дипломатическими средствами (переговоры, консультации, посредничество, комиссии по расследованию и т. д.) или в международном суде или арбитраже⁴²³, в соответствии с существующими договорными и обычными нормами международного космического права⁴²⁴. Такие случаи уже были⁴²⁵. Однако, если ущерб был причинен домашним физическим или юридическим лицам, вопрос о его компенсации решается в суде соответствующего государства с применением его процессуального и материального права.

В-третьих, мы являемся свидетелями того факта, что все большее число государств имеют свои более или менее сложные правила, касающиеся космоса и отношений в связи с ним⁴²⁶. Еще в 2004 году около 20 стран имело, а примерно столько же стран готовило свое национальное законодательство, касающееся космической деятельности⁴²⁷. В этом смысле сегодня можно говорить о национальном космическом праве разных стран. Растет число таких норм нацио-

⁴²³ См. Кривокапич Борис. Мирное разрешение международных споров. Самара, 2020.

⁴²⁴ См. статью IX Договора о космосе (1967 г.), ст. IX–XXII Конвенции об ответственности (1972 г.) и ст. 15. Соглашение о Луне (1979 г.).

⁴²⁵ Самый известный случай связан с падением советского разведывательного спутника Космос 954 в Канаде в 1978 г. Пострадавших не было, но поскольку спутник был оборудован ядерной энергетической установкой, он вызвал радиоактивное загрязнение района, где он упал. СССР выплатил Канаде за ущерб согласованные 3 миллиона канадских долларов.

⁴²⁶ Малков С. П. Источники космического права. Санкт-Петербург, 2002. Р. 334–362.

⁴²⁷ Malysheva N. R. General Convention on Space Law: Some Arguments for Elaboration // Proceedings of the Fourty Seventh Colloquium on the Law of Outer Space. Vancouver, 4–8 Oct. 2004. P. 255, по: Адамов И. Н. Прогрессивное развитие международного космического права. Актуальные проблемы международного права. БГУ. Вып. 1. 2009. С. 5.

нального законодательства стран, касающихся государственной безопасности, возможных угроз из космоса, торговли космическими технологиями, частного предпринимательства, охраны окружающей среды, безопасности и защиты космонавтов и других космических путешественников, связи между космосом и кибер пространством, частного предпринимательства в космосе и т. д. Поскольку процесс разработки национального космического права является естественным и неостанавливаемым, предпринимаются усилия по унификации национальных нормативов государств в этой сфере.

В-четвертых, часть отношений, уже регулируются внутренним законодательством стран, поскольку жизнь не может ждать, когда они будут нормированы международным правом. Кроме того, и само международное право призывает государства принять соответствующие правила, то есть в некотором смысле даже обязывает их действовать в этом направлении. Например согласно ст. VIII Договора о космосе (1967 г.) и ст. II Конвенции о регистрации (1974 г.) государство, запустившее космический объект обязано зарегистрировать его в собственном реестре. Но это предполагает, что оно до этого (до регистрации) своими нормативными актами достаточно полно и точно урегулировало ряд вопросов, таких как: орган, ведущий реестр; способ ведения реестра, данные; данные, вносимые в реестр и т. д.

И в-пятых, как и во всех других областях, национальные правила могут быть приняты в качестве доказательства того, что существует определенная международно-правовая обычная норма. Более того, практика других отраслей международного права свидетельствует о том, что нередко определенные решения сначала были реализованы в национальных правовых системах государств, а затем с необходимыми корректировками стали частью международного права. Этого, по-видимому, можно ожидать и в космическом праве.

3. Космическое право в узком смысле

В узком смысле, когда говорим о космическом праве, мы имеем в виду международное космическое право, которое представляет собой отрасль международного права, содержащую правовые нормы, регулирующие отношения, связанные с космосом и в космосе,

а, в частности, режим этого пространства и содержащихся в нем небесных тел, исследование и использование космоса, режим навигации в космосе, правовое положение космонавтов и космических объектов, международно-правовую ответственность за ущерб, причиненный другому космической деятельностью и т. д.

Одна из особенностей этой отрасли международного права заключается в том, что ее поле регулирования достаточно сложно определить, поскольку мы не знаем, что нас ожидает в глубинах вселенной. Поэтому мы должны быть готовы к тому, что в будущем будем сталкиваться с совершенно новыми проблемами. В конце концов, уже злободневны такие вопросы, как делимитация космоса, допустимость военных действий в космосе, безопасность космической навигации, защита прав человека в космосе и в связи с космосом, космические преступления, роль и правовое положение частного сектора, ответственность за ущерб, причиненный на небесных телах, защита окружающей среды, проблема космического мусора, взаимоотношение космического и кибер пространства, международные специализированные суды и другие международные органы по разрешению космических споров, космический туризм и т. д.

Поскольку космическое право является частью международного публичного права, его субъекты и правовые источники в принципе соответствуют тем, которые присущи международному праву в целом. Однако есть некоторые особенности, которые вытекают из особенностей отношений, возникающих в связи с исследованием и использованием космоса.

Первые шаги в освоении космоса были под строгим контролем государств. Но уже известно, что очень скоро различные компании и другие негосударственные структуры будут все больше вмешиваться, что неизбежно приведет к определению их особых прав и обязанностей, их представительству в соответствующих международных организациях и органах и, в частности, это здесь представляет особый интерес к их участию в процессе разработки и становления новых норм космического права. Кроме того, космическое право является единственной отраслью права, которая уже рассчитывает на то, что когда-нибудь отношения будут установлены с разумными существами из других миров (с инопланетянами). Любое дальней-

шее рассмотрение вопросов связанных с субъектами космического права, представляло бы собой спекуляцию, но все же следует упомянуть такие, уже сейчас обозримые проблемы, как возможность установления некоего рода гражданства колонизированных небесных тел, появление некоторых космических интеграций по образцу современных международных организаций и т. д.

Когда дело доходит до источника права, хотя речь идет об очень молодой отрасли международного права, первые ее нормы были созданы обычным образом⁴²⁸ и только спустя десяток лет более точно определены международными соглашениями. Уже сейчас мы можем быть уверены, что даже когда произойдет всеобъемлющая кодификация космического права, обычные правовые нормы сохранят свое место и роль. И это по многим причинам. Достаточно упомянуть, что практика учит нас тому, что ни один договор, которым совершена кодификация, не имеет в своем составе всех государств. Поэтому можно ожидать, что в области космического права общие обычаи не только выживут, но и будут укрепляться и развиваться, поскольку это единственный надежный способ регулирования отношений между государствами, не являющимися участниками договоров, которые кодифицируют сферу космического права, а также отношений между ними и участниками этих соглашений. Кроме того, какой бы обширной и качественной ни была кодификация, она не сможет дать ответы на все вопросы, которые навязывает практика. Наконец, научно-технический прогресс развивается гораздо быстрее, чем международные договоры, так что может случиться, что договоры будут превзойдены (устареют) еще до своего вступления в силу⁴²⁹. В таких случаях помогут обычаи, так как из практики мы знаем, что в этой сфере они часто создаются и развиваются гораздо быстрее, чем договоры и конвенции.

⁴²⁸ Подробнее см.: Кривокапић Борис. Обичаји као извори међународног космичког права // Анали Правног факултета у Београду. № 3. 2018. Р. 129–157.

⁴²⁹ Процесс заключения некоторых многосторонних договоров с небольшим числом участников, а тем более двусторонних договоров, может быть относительно быстрым, причем сами договоры могут иметь большое значение (особенно когда заключаются между ведущими космическими державами). Однако сфера действия этих соглашений ограничена на их подписчиков, в то время как общие международно-правовые обычаи являются обязательными для всех.

Место и роль международных договоров как источника международного космического права уже обсуждались, поэтому нет необходимости повторения.

По-видимому, одной из особенностей источников космического права будет постепенное, но неизбежное усиление роли решений международных организаций, причем даже быстрее, чем в других сферах. По многим причинам ситуации, которые будут возникать в связи с завоеванием космоса, потребуют конкретных быстрых и точных решений, а это может быть достигнуто только в рамках компетентного международного форума. Будет ли это какой-то новый орган реформированной ООН или какая-то универсальная специализированная международная организация, еще предстоит увидеть. Разумеется, несомненно будут существовать различные организации и различные органы, которые будут заниматься этими вопросами, но не только требования правовой определенности, но и простая логика указывают, что некоторые из этих учреждений должны будут играть ведущую роль.

4. Космическое право в широком смысле

В более широком смысле, в дополнение к космическому праву, как оно определено здесь (международное космическое право, космическое право в узком смысле), могут быть рассмотрены также и некоторые другие правила. В этом случае, чтобы избежать терминологической и другой неясности, всегда следует подчеркивать и четко объяснять, что именно имеется в виду. Здесь укажем на некоторые из возможных подходов.

Прежде всего, рядом с космическим правом в узком смысле (юридически обязательные нормы международного права) в международное право в этой сфере часто включают нормы, подпадающие под так называемое *мягкое право*. Типичным примером являются решения международных организаций, прежде всего Генеральной Ассамблеи ООН. Они обладают большой политической и моральной силой, но не снабжены санкциями, из чего следует, что их нарушение не поднимает вопрос юридической ответственности. Тем не менее, практика показывает, что по большей части эти нормы соблюдаются, а это означает, что по существу те же самые эффекты

достигаются, как если бы соответствующие вопросы регулировались «жестким» правом⁴³⁰.

В более широком смысле, космическое право также включает в себя различные соглашения между государствами и негосударственными субъектами, которые в будущем станут неизбежными. Они будут заниматься самыми разными проблемами, такими как аренда космических аппаратов и оборудования, совместные предприятия, эксплуатация минеральных ресурсов небесных тел, коммерческие полеты в космос, защита и безопасность космических объектов и т. д. Ведь у нас есть пример из воздушного транспорта, где помимо соответствующих международных конвенций важное место занимают соглашения государств с авиакомпаниями. Частный сектор является более гибким и часто имеет больше ресурсов и больше научно-технических знаний, чем подавляющее большинство стран. Поэтому связь между ним и государствами, даже самыми развитыми, неизбежна, а это значит, что такие отношения необходимо будет регулировать⁴³¹. Следует добавить, что не только возрастет число и значение соглашений между государствами, а также и между международными организациями, с одной стороны, и частных корпораций, с другой, но стоит ожидать, что в их отношениях могут быть созданы определенные правовые обычаи. Все это не должно удивлять, учитывая, что роль компаний, в первую очередь транснациональных, возрастает во многих областях международного сотрудничества, что также отражается в укреплении элементов их международной правосубъектности.

В некотором смысле можно утверждать, что космическое право, в широком понимании, включает, по крайней мере, некоторые решения национального космического права государств, которые согласуются с рамками, установленными международным правом. Хотя, строго го-

⁴³⁰ Подробнее см.: Кривокапич Борис. Международное публичное право. Самара, 2018. С. 89–98.

⁴³¹ В конце концов, достаточно вспомнить, что в прошлом мореплаватели делали открытия новых стран в частном или полу-частном качестве, а затем эти территории присоединены к странам, из которых они были; что различные частные компании совершали колониальные завоевания над территориями, которые затем стали частью национальных территорий стран, из которых были эти компании и т. д.

вора, они не являются и не могут быть частью международного права, а поэтому и международного космического права (поскольку они являются национальными, а не международными правилами), в некоторых случаях они регулируют определенные важные вопросы, в том числе и вопросы международного значения. Это уже обсуждалось.

Наконец, космическое право в широком смысле также включает в себя то, чего на самом деле еще не существует, но о котором давно думают. Даже придуман специальный термин. Речь идет о так называемом *метанправе*. Это понятие подразумевает набор правовых норм, которые будут регулировать отношения человечества с другими цивилизациями.

Единственное реальное правило такого рода на данный момент то, согласно которому, в случае столкновений с разумными существами из космоса, космонавты (независимо от их национальности) будут иметь статус представителя человечества. Это правило содержится в ст. V/1 Договора о космосе (1967 г.) и, можно сказать, уже превратилось в общий международно-правовой обычай. Но даже и оно – скорее правило, условно говоря, нашего внутреннего Земного международного права, так как по сути дела представляет собой односторонне принятое решение – без согласования с другой (внеземной) стороной.

В случае контакта с инопланетянами неизбежно появятся новые правила, обусловленные взаимным влиянием, поиском компромиссных решений, приемлемых для обеих сторон. Впрочем, многие правила, скорее всего, будут логичными и неоспоримыми сами по себе⁴³².

Будет ли и когда возникнет *метанправо*, не знает никто. Оно вполне может развиваться и стать своего рода правом, которое будет

⁴³² Хороший пример – общие принципы права, которые по большей части являются общими для всех народов и культур. Даже в то время, когда не было никаких связей между различными частями мира и когда цивилизации развивались отдельно, не было ни одного права, которое в принципе оправдывало бы воровство, убийство, изнасилование и т. д. Наоборот, везде были созданы нормы, определяющие такое поведение как уголовные преступления. Дело в том, что без регулирования правовых отношений невозможно выжить, и, тем более, ни одно общество не может развиваться. Нам не нужно быть сторонником теории естественного права, чтобы заметить это.

существовать достаточно независимо от «земного» права и даже станет выше его, точно так же как международное право, условно сказано, выше национальных прав государств. Это почти наверняка произойдет, если и когда человечество вступит в контакт не только с одной, но с несколькими инопланетными цивилизациями, потому что такое развитие событий обусловит существование не двухстороннего, а многостороннего или даже общего метаправа. Однако, по крайней мере, на первое время, пока эти правовые нормы не будут в достаточной мере сформированы, это метаправо будет (хотя бы для нас, землян) являться частью космического, то есть международного космического права, понимаемого, конечно, в широком смысле.

Согласно вышесказанному, наиболее правильное название для правопорядка, который касается правовых отношений в космосе и в отношении космоса – *космическое право*.

Это при условии, что термин используется узко. Однако если термину дано более широкое значение, то это надо четко указать.

Мы также должны осознавать, что по мере того, как приближается колонизация Вселенной, и мы не знаем, что и кто нас ждет в ее глубинах, могут произойти беспрецедентные изменения во всем подходе к этой проблеме, в охвате и содержании соответствующих решений и, следовательно, в названии права, регулирующего эту сферу.

Контрольные вопросы

1. Какие названия используются для того, что обычно называют космическим законом? Почему «космическое право» – это лучшее название?
2. Каковы наиболее важные подходы к определению космического права?
3. Какие нормы относятся к национальному космическому праву и что они регулируют?
4. Что такое международное космическое право в узком смысле слова и каковы его источники?
5. Что относится к международному космическому праву в более широком смысле?

Глава XIII. ГУМАНИТАРНЫЕ ИНТЕРВЕНЦИИ

1. НОВЫЙ ИНТЕРВЕНЦИОНИЗМ

1. Современная доктрина гуманитарной интервенции

В прошлом применение силы государствами было нормальным, рядовым явлением. Войны не только допускались, но считалось, что право войны (лат. *jus ad bellum*) и право ведения войны (лат. *jus belli gerendi*) являются основными правами каждого суверенного государства. Каждое государство, считавшее, что ему нанесено оскорбление или полагавшее, что его важные интересы ущемлены или могут быть ущемлены, могло прибегнуть к силе оружия.

В эпоху колониальных завоеваний и раздела мира стало проводиться различие между войной как крупным вооруженным конфликтом между народами и своего рода ограниченным конфликтом (ограниченным с точки зрения целей, задействованных сил, продолжительности и т. д.), который получил название вооруженной интервенции. Основания для подобных шагов были различными, и поэтому речь могла идти о финансовой (применение силы одним государством против другого государства, которое не выплатило установленный договором долг или не компенсировало нанесенный ущерб) или вооруженной интервенции по другим причинам. Среди поводов указывались и причины гуманитарного характера – необходимость защиты жизни собственных граждан, защиты своего религиозного или национального меньшинства в чужой стране и тому подобное.

Однако сначала Пакт Лиги Наций (1919 г.) ограничил для государств право войны, а затем принятием Пакта Бриана-Келлога (1928 г.) государства отказались от войны как инструмента наци-

ональной политики в международных отношениях. Наконец, революционный перелом произошел, когда Уставом ООН (1945 г.), а за ним и современным международным правом было запрещено не только применение силы, но и угроза силой в международных отношениях. В качестве только двух исключений были сохранены 1) право каждого государства на самооборону и 2) коллективные меры, принимаемые Советом Безопасности на основании главы VII Устава ООН.

Факт, что вооруженные конфликты, интервенции и даже настоящие войны случались и после этого. Однако с тех пор больше никто не решается утверждать, что имеет право напасть на другого, так как тем самым он заклеил бы себя как агрессора перед лицом всего мирового сообщества. Наоборот, в наши дни каждое государство стремится переложить на другую сторону ответственность за начало конфликта.

Тем не менее, некая перемена произошла в конце прошлого века, вскоре после окончания холодной войны (1989 г.). США, ставшие безусловно доминирующей в тот период мировой сверхдержавой, не устояли перед соблазном предпринять попытку формирования мироустройства в соответствии со своим мировоззрением.

В подобных политических и иных рамках в определенных политических выступлениях и документах, научной и специальной литературе, средствах массовой информации и т. п. вдруг появились «новые идеи» оправданности, а в некоторых случаях необходимости и даже обязанности осуществления гуманитарной интервенции⁴³³. Было придумано и название «новый интервенционизм» (англ. *new interventionism*). Этим вопросом, каждый со своей точки зрения, стали заниматься многие: правоведы, политики, дипломаты, философы, активисты различных неправительственных организаций, функционеры международных организаций и т. д.

Суть этих позиций в том, что мы живем во времена, когда число межгосударственных конфликтов сокращается, а число вооруженных конфликтов в границах отдельных государств увеличивается. В связи с этим на основе концепции о правах человека, получившей

⁴³³ Подробнее обо всем см.: Krivokapić Boris. On the concept of humanitarian intervention and preventive self-defence // *Adrias*. Vol. 14. 2007. P. 51–95.

развитие после Второй мировой войны и пережившей взлет с окончанием холодной войны, с разных сторон зазвучала идея о том, что международное сообщество больше не может толерантно относиться к человеческим страданиям и кровопролитию независимо от места развития событий, даже если это происходит внутри какого-либо общества, то есть в каком-либо конкретном государстве.

Вслед за идеей о предотвращении жертв и преступлений в ходе гражданских войн вскоре был сделан следующий шаг. Некоторое число политиков и теоретиков начали утверждать, что в случае, когда люди – граждане конкретной страны, становятся жертвами грубых нарушений международного права со стороны правительства этой страны, допускается вмешательство, в том числе вооруженным способом, международного фактора, и даже отдельных государств. Иными словами, с их позиции, так называемая, гуманитарная интервенция возможна не только в целях защиты жертв гражданских войн и предотвращения преступлений и страданий, которые влекут за собой такие конфликты, но и в мирное время, когда в какой-либо стране у власти находится недемократический, тоталитарный режим.

Среди сторонников гуманитарных интервенций вскоре выкристаллизовались во многом различающиеся подходы.

Одни считают, что гуманитарная интервенция сводится к угрозе силой или применению силы государством, группой государств или международной организацией преимущественно с целью защиты граждан государства, в дела которого осуществляется вмешательство по причине масштабного нарушения международно признанных прав человека.

Вторые полагают, что речь идет о праве государств на военное вмешательство в дела другого государства без санкции Совета Безопасности для предотвращения грубого и массового нарушения основных прав человека и норм международного гуманитарного права.

Третьи, стремясь быть максимально точными, дают определение гуманитарной интервенции как применению силы с целью прекращения или предотвращения массовых нарушений прав человека (особенно массовых убийств и геноцида) в третьем государстве, в ситуации, когда жертвы этих нарушений не являются гражданами государства, осуществляющего интервенцию, и отсутствуют юриди-

ческие полномочия на осуществление интервенции, полученные от компетентной международной организации (например, соответствующее решение Совета Безопасности ООН).

Разумеется, появились и другие формулировки и попытки максимально точного определения критериев, отграничивающих гуманитарную интервенцию от других подобных явлений. В этом смысле в специальной литературе, помимо прочего, подчеркивается следующее:

– гуманитарная интервенция предполагает отсутствие согласия государства, в отношении которого она предпринимается. При наличии согласия отпадает необходимость прибегать к концепции гуманитарной интервенции;

– ошибочно говорить о гуманитарной интервенции в случае, когда государство или группа государств, осуществляющих интервенцию, имеют мандат, полученный от компетентной международной организации или ее органа (прежде всего Совета Безопасности ООН), поскольку в этом случае действия государства, осуществляющего интервенцию, имеют юридическое основание, а значит, нет причины ссылаться на доктрину гуманитарной интервенции;

– гуманитарную интервенцию следует также отличать от силовых действий, направленных на защиту жизни (но не имущества) собственных граждан за рубежом. В качестве типичного примера приводится ситуация, в которой граждане соответственного государства за рубежом удерживаются в качестве заложников, а местная власть (территориальная страна) не готова или не способна предпринимать действия. В таких случаях государство, осуществляющее интервенцию, действует в интересах собственных граждан, а это значит, что существует тесная юридическая связь между ним и защищаемыми им лицами. Однако в случае гуманитарной интервенции государство или группа государств осуществляет вмешательство, вызванное совершением предполагаемых жестокостей, шокирующих человечество, всегда в интересах иностранных граждан;

– гуманитарная интервенция осуществляется только путем применения военной силы. Мирная интервенция, например, путем протеста, дипломатических нот или иных видов контрмер, не входит в это понятие, потому что подобная (мирная) интервенция является легитимной сама по себе.

В зависимости от количества интервенционистских сил проводится различие между односторонней и коллективной интервенцией. Интересно, однако, отметить, что этим выражениям придается порой иное значение. И под односторонней подразумевается интервенция, предпринятая без полномочия, полученного от Совета Безопасности ООН. В данном случае размежевание проводится на основе наличия упомянутого полномочия, а не количества государств, участвующих в интервенции.

Таким образом, появилось множество различных подходов, во многом не совпадающих, но единых в том, что при определенных условиях гуманитарная интервенция является правильной, законной и даже необходимой, и, согласно некоторым подходам, представляет собой юридическое обязательство.

2. Доводы в пользу допустимости гуманитарной интервенции и условия ее оправданности

Сторонники и разработчики идеи гуманитарных интервенций, которые не только приемлемы, но и необходимы, столкнулись с двумя большими проблемами:

1) международное право не только не признает и не допускает никакие вооруженные интервенции, в том числе продиктованные гуманитарными соображениями, а наоборот, запрещает их;

2) даже если бы гуманитарные интервенции были узаконены, то потребовалось бы сформулировать максимально четкие правила, предотвращающие злоупотребления.

Осознавая это, сторонники доктрины гуманитарной интервенции попытались предложить ответы на данные вопросы.

1. Доводы в пользу допустимости гуманитарных интервенций. Сторонники доктрины гуманитарных интервенций предприняли попытку доказать их юридическую и этическую допустимость при помощи весьма разнообразной аргументации. Мы приведем только наиболее часто приводимые аргументы.

В качестве основных доводов в пользу принятия концепции гуманитарной интервенции и разрешения вооруженного вмеша-

тельства международного сообщества или иностранных держав, как правило, приводятся следующие:

– в наше время международное сообщество не должно оставаться равнодушным по отношению к грубым и массовым нарушениям прав человека, особенно если речь идет о таких явлениях как геноцид, этнические чистки, массовые убийства и тому подобное, где бы это ни происходило, в том числе в пределах какого-либо государства. В этом контексте часто подчеркивается, что нельзя допустить совершение нового геноцида и преступлений, подобных преступлениям в Руанде, Сребренице, Дарфуре и т. д. Таким образом, осознавая факт, что вооруженная интервенция противоречит современному международному праву и решениям, предусмотренным самим Уставом ООН, приверженцы этой концепции перенесли центр тяжести в плоскость этики и сострадания, стремясь компенсировать недостаток легального основания ссылкой на нарушение основных принципов гуманности и необходимости ее защиты;

– современные «гуманитарные» военные акции, свидетелями которых мы были на рубеже XXI века, мотивировались не жизненными интересами великих держав и не соперничеством между ними; они представляли собой особые случаи справедливых войн, мотивированных исключительно этическими побуждениями;

– современное международное право построено на устаревших принципах, основанных на логике, согласно которой государство является основой всего⁴³⁴. Однако в эпоху всеобщей глобализации суверенитет государств, который постепенно рушится, перестал быть абсолютной ценностью. Дело не только в том, что многие государства не способны обеспечить гражданам, находящимся под их юрисдикцией, соблюдение основных прав человека. Более того, некоторые государства открыто нарушают эти права, и к этому нельзя относиться толерантно. Современные государства представляют

⁴³⁴ При этом обычно ссылаются на Вестфальский мирный договор 1648 г., хотя эта концепция в действительности вошла в употребление с Аугсбургским религиозным миром 1555 г., то есть в известном смысле существовала намного раньше.

собой институты, которые должны служить гражданам, а не наоборот – если раньше идея безопасности сводилась к защите территории от нападений извне, то сегодня она подразумевает защиту всего населения и конкретных людей от насилия, возникающего внутри государства; при определенных условиях главный императив государства (защита прав граждан от внешних воздействий) должен уступить место общечеловеческим ценностям (защита личности от нарушений ее основных прав);

– гуманитарные интервенции являются средством борьбы против мирового хаоса, так как внутренние конфликты и насилие грозят выйти за границы государства вместе с волной беженцев, при этом сопредельные государства могут оказаться стихийно вовлеченными в чужие внутренние конфликты;

– легализация концепции гуманитарной интервенции должна сократить число конфликтов, отбивая охоту к войнам, развязываемым по другим причинам⁴³⁵;

– положения Устава ООН о запрете применения силы и угрозы силой должны толковаться в связке с другими положениями этого документа, особенно с теми, которые касаются защиты основных прав человека, а также мер, находящихся в распоряжении Совета Безопасности, и направленных на сохранение или установление мира и безопасности;

– положение ст. 2/4 Устава ООН, устанавливающее обязательства государств-членов воздерживаться «от угрозы силой или ее применения против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства», оставляет открытой возможность применения силы в других случаях, то есть в других целях – в первую очередь для защиты прав человека. Такие интервенции, по мнению этих авторов, являются законными на том основании, что их целью не является нарушение «территориальной неприкосновенности или политической независимости государства»;

– в действительности происходит «возникновение новой нормы международного права»;

⁴³⁵ Надо признать, странная логика.

– речь не идет ни о каком новшестве, так как акты гуманитарной интервенции были нередки и в прошлом, особенно в XIX веке⁴³⁶. Более того, есть мнения, что в этот период право на гуманитарную интервенцию представляло собой некий вид обычного права, возродившийся в наше время⁴³⁷;

– с момента принятия Устава ООН (1945 г.) в десятке случаев имело место применение силы в «гуманитарных» целях без мандата, полученного от Совета Безопасности, которое, видимо, международное сообщество расценило как допустимое или, во всяком случае, не выразило решительного протеста и т. д.

Во время самой ожесточенной кампании, предпринятой в рамках доктрины гуманитарных интервенций, оправдывающей ежедневные бомбардировки Союзной Республики Югославии силами НАТО (1999 г.), за применение интервенций выступали даже высшие официальные лица ООН.

Помощник генерального секретаря ООН по юридическим вопросам Ханс Корел пришел к заключению, что поскольку другие пути обеспечения правовой основы данной концепции по разным причинам невозможны, следует прибегнуть к институту крайней необходимости. Согласно ему гуманитарная интервенция должна рассматриваться тем же образом, что и крайняя необходимость во внутренних правовых системах. Естественно, крайняя необходимость не кодифицирована, но ее природа такова, что она может быть идентифицирована в случае возникновения. По его мнению, с этой точки зрения соответствующие вопросы должны рассматриваться и Советом Безопасности⁴³⁸.

⁴³⁶ Интервенции Франции и Великобритании в Грецию (1827 г.); Великобритания, Франции, Австрии, Пруссии и России в Сирию (1860 г.); интервенции европейских держав против Турции на Крите (1866 г.), в Боснию (1875 г.), Болгарию (1877 г.) и Македонию (1887 г.) и т. д.

⁴³⁷ По мнению некоторых авторов, такой обычай на самом деле существовал непрерывно.

⁴³⁸ Он приводит свое представление о том, почему этот вопрос невозможно решить путем внесения изменений в Устав ООН, путем кодификации вне Устава, обращения к резолюции «Единство в пользу мира», принятия решений региональными организациями. Corell Hans. To intervene or not: The dilemma that will not go away // Conference on the Future of Human Intervention, Durham. 19 April 2001, 3-8, un.org/law/counsel/english/duke01.pdf.

Наконец, и сам Кофи Аннан, занимавший в то время пост генерального секретаря ООН, подчеркнул в 1999 г., что имеет место возникновение новой концепции безопасности – в то время как ранее она сводилась к защите территории от нападений извне, сегодня она означает защиту всего населения и конкретных людей от насилия, возникающего внутри государства; что иногда сами государства являются основными виновниками насилия в отношении собственных граждан, которых обязаны защищать в соответствии с гуманитарным правом; что суверенитет государств может быть преодолен гуманитарной интервенцией в случае массового нарушения прав человека и т. п.⁴³⁹

2. Ограничения (условия). Даже ярые пропагандисты позиции о необходимости признания права гуманитарной интервенции (кто-то говорит даже и об *обязанности* вмешательства), отмечают, что необходимо ввести строгие ограничения для предотвращения возможных злоупотреблений. Особенно потому, что уже по самой природе вещей здесь имеет место «привилегия сильного» (сильных держав).

В качестве условий, при которых гуманитарная интервенция может быть допущена, указываются разные моменты, которые, опять же, каждый интерпретирует по-своему.

Трудно сделать обобщение, однако, при всех отступлениях, можно отметить, что в основном условия заключаются в следующем:

– должно быть доказано грубое нарушение основных прав человека в данной стране, при этом в крупных масштабах и угрожающее большими человеческими жертвами;

– должно быть установлено существование серьезной угрозы, оправдывающей военное вмешательство;

– должна существовать ясная цель (прекратить грубое нарушение прав человека);

– военная интервенция должна рассматриваться в качестве крайнего средства (когда все другие, т. е. мирные и несиловые средства исчерпаны и существует необходимость принятия срочных мер);

⁴³⁹ Annan Kofi. We the Peoples: the Role of the United Nations in the 21st Century // Report of the Secretary-General, A/54/2000. 27 March 2000. Pars. 193–219, P. 32–35.

– пропорциональность применяемых средств (силы) и целей (продолжительность и интенсивность военных действий должна быть на достаточном уровне, но не превышать его);

– соразмерность целей и последствий (то есть следует определить разумную вероятность того, что военная интервенция улучшит, а не ухудшит положение);

– интервенция должна быть коллективной (со стороны нескольких, а не одного государства);

– вмешательство должно осуществляться своевременно (в то время, когда происходит нарушение прав человека, а не позднее – только для наказания ответственных лиц);

– сторона, осуществляющая вмешательство, должна представить надежные доказательства того, что интервенция осуществляется на основании подлинной заинтересованности в решении гуманитарных вопросов (а не по эгоистическим причинам) и т. д.⁴⁴⁰.

Большинство приверженцев доктрины гуманитарной интервенции согласны с тем, что каковы бы ни были критерии, дающие основание осуществлению гуманитарной интервенции, они должны применяться ко всем государствам, а не только к развивающимся странам. Иными словами, одним из условий является также последовательная реализация этой практики в отношении всех государств, независимо от их величины и мощи.

2. КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Несмотря на то, что в определенный период (особенно в 90-е годы XX в.) стала набирать обороты широкая международная кампания в поддержку гуманитарных интервенций, вся концепция в каком-то смысле подобна мертворожденному. Она сталкивается

⁴⁴⁰ Некоторые авторы и политики указывают и на другие, зачастую взаимоисключающие, требования. Так, например, часть из них в качестве особого условия законности гуманитарной интервенции настаивают, чтобы операция проводилась на основании решения (распоряжения или одобрения) Совета Безопасности ООН или иного компетентного международного органа, в то время как другие, наоборот, в качестве гуманитарной интервенции рассматривают только соответствующие действия, предпринимаемые без мандата, полученного от Совета Безопасности.

с непреодолимыми проблемами и в области права, и в связи с принципиальными вопросами, и в процессе анализа подобных акций, предпринятых на практике.

1. Правовая аргументация

Не существует никакой дилеммы в связи с тем, что в соответствии с современным международным правом (Уставом ООН и всеми другими релевантными международно-правовыми документами) вооруженная интервенция, даже «гуманитарная», не допускается. Это установлено важнейшими универсальными международными соглашениями и решениями высших органов ООН, а также в региональных рамках.

Международное право не допускает и даже категорически запрещает не только применение силы, но и угрозу силой, и настаивает на принципах государственного суверенитета, мирного разрешения международных споров, невмешательства во внутренние дела государств и др. Речь идет о нормах *jus cogens*, о принципах, от которых не допускается никакое отступление, и которые не только заложены в основы Устава ООН, но и представляют собой фундамент всего существующего международного права.

С другой стороны, все сказанное дает право сделать вывод, что нет никаких доказательств того, что обычное международное право позволяет государствам вмешиваться военными действиями в другие страны, по гуманитарным соображениям. Как раз наоборот, действует противоположный обычай общего международного права – запрет на вмешательство. А поскольку речь идет об универсальном (общем) международно-правовом обычае, то он является обязательным для всех.

Наконец, Международный суд ООН (в деле *Никарагуа против США, 1986 г.*) вынес заключение, что международное обычное право не допускает одностороннюю гуманитарную интервенцию, а напротив «принцип невмешательства проистекает из международного обычного права»⁴⁴¹.

⁴⁴¹ Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and Against Nicaragua (Nicaragua v. United States) // Judgment of 27 June 1986. P. 133–135, par. 246, p. 126.

2. Принципиальные проблемы

Идея о допустимости так называемых гуманитарных интервенций неприемлема, даже если выйти за чисто юридические рамки.

Здравый смысл подсказывает, что когда бы ни существовал конфликт между миром как величайшей мировой ценностью и какими-либо другими ценностями, в том числе правами человека, преимущество всегда должно отдаваться миру – каким бы несовершенно он не был, война всегда представляет собой худший выбор⁴⁴². Наконец, с началом интервенции существует реальная опасность неконтролируемого распространения конфликта, причем как в самой стране, против которой осуществляется интервенция, так и в более широком плане. Между прочим, на помощь государству, против которого осуществляется интервенция, могут прийти его союзники; международное вмешательство против одного государства может побудить часть граждан других стран прибегнуть к насилию, причем не для защиты собственных прав человека, а для достижения политических целей (например, вооруженное восстание с целью отделения части государственной территории), ожидая, что вооруженное международное сообщество вмешается в их пользу и т. п.

Кроме того, само понятие недостаточно ясно. Даже среди пламенных сторонников и пропагандистов гуманитарных интервенций нет единого мнения о том, что именно подразумевает это понятие, то есть нет общепринятого определения. На самом деле можно сказать, что определений столько же, сколько и их авторов, а это означает, что в той же мере различается и их осмысление.

Аналогично, даже если так называемая гуманитарная интервенция находится в соответствии с международным правом (а это не так), практически невозможно достичь согласия касательно ее элементов и условий, при которых допускается ее осуществление,

⁴⁴² Приверженцы доктрины гуманитарной интервенции на это отвечают, что, наоборот, в случае промедления существующая ситуация может выйти из под контроля и повлечь за собой гораздо более тяжелый и кровавый международный конфликт. Определенная логика таких рассуждений неоспорима, однако стоит заметить, что гораздо большую угрозу миру создадут реальные военные действия (интервенция), чем некоторое возможное ухудшение ситуации в сфере прав человека.

и особенно касательно удовлетворения в конкретном случае всех предусмотренных требований. Иными словами, постоянно присутствует реальная опасность того, что каждый истолкует эти вопросы так, как его устраивает, то есть произвольно, что ведет к правовой неопределенности, легитимации применения силы и представляет собой неиссякаемый источник всевозможных злоупотреблений.

Также, даже если фактически будет объективно установлено, что режим в какой-либо стране действительно не способен выполнять свои функции (и поэтому царит хаос) или имеет излишне репрессивный характер, затруднительно, а то и вообще невозможно определить, какой режим должен прийти ему на смену. Противники интервенции с полным правом замечают, что недостаточно просто отправить войска и выиграть войну. Сила, осуществляющая интервенцию, не может просто свергнуть существующую власть и уйти. Она должна наблюдать за преобразованиями к лучшему. А ее собственная модель не обязательно должна соответствовать местным условиям и потребностям. Легко сказать, что нужно построить демократическое общество, но кто призван оценить, что есть истинная демократия и как ее достичь?

К этому можно добавить, что даже будучи принятой, доктрина гуманитарной интервенции должна была бы на равных условиях действовать в отношении всех государств, как больших, так и малых. Однако, оценивая реально, можно ли вообще представить гуманитарную интервенцию против, скажем, США или какой-либо другой великой державы? Конечно, нет! Это означало бы начало Третьей мировой войны, и ни один здравомыслящий человек не согласился бы на это. Таким образом, на практике предметом гуманитарной интервенции могут быть только малые и средние государства.

Наконец, даже если все государства согласились бы при определенных условиях разрешить гуманитарные интервенции и в конкретном случае такие действия предпринимались бы на основании решения Совета Безопасности, они таили бы в себе целый ряд опасностей и возможных ловушек. Один из вопросов, который всегда оставался бы открытым, заключался бы в том, как обеспечить, чтобы интервенция, запланированная как реакция, направленная против одного, не превратилась в гораздо большее зло. На практике

зачастую происходит подобное. Насилие порождает насилие, а затем все мгновенно выходит из-под контроля, и конфликт, который задумывался как ограниченное и строго контролируемое столкновение, легко перерастает в настоящую, причем затяжную войну.

3. Несколько примеров из практики

Если отставить в сторону и правовую аргументацию, и принципиальные рассуждения, и обратиться к практике как к критерию, легко убедиться в том, ни одна из интервенций, предпринятых под флагом гуманности, никогда не была мотивирована исключительно, или хотя бы преимущественно, человеколюбием или иными альтруистическими порывами⁴⁴³.

Наоборот, все известные случаи указывают на то, что государства осуществляли вмешательство, пользуясь гуманитарными причинами только в качестве прикрытия для своих реальных (политических) целей, таких как смена непокорного режима, обеспечение доступа к нефти и другим сырьевым источникам, получение военных баз и тому подобное.

Хуже того, вооруженные интервенции, как правило, осуществлялись способом, в большей или меньшей степени предполагавшим попрание гуманитарного права, включая доказанные военные преступления и преступления против человечности.

Для подтверждения сказанного достаточно всего нескольких хорошо известных примеров из современной практики.

1. Восточный Пакистан (1971 г.). Иногда можно услышать, что первой гуманитарной интервенцией после принятия Устава ООН и создания Организации Объединенных Наций была интервенция Индии в Восточный Пакистан, которым правила военная диктатура, и который был тогда разделен на две части (Восточный и Западный Пакистан), разделенные друг от друга территорией (1 450 км), принадлежавшей Индии.

⁴⁴³ Исключением, возможно, являются только вооруженные действия по спасению собственных граждан (например, захваченных и удерживаемых террористами), но многие исключают их из понятия гуманитарной интервенции. Кроме того, такие действия почти всегда причиняли больше ущерба, чем приносили пользы.

Когда в Восточной, менее развитой части, возросло социальное недовольство, правительство ввело чрезвычайное положение, что само по себе усугубило ситуацию. Население Восточного Пакистана стало жертвой правительственных войск, совершавших ужасные преступления – убийства, пытки, изнасилования и т. д. (некоторые источники утверждают, что в 1971 г. было убито около миллиона жителей Восточного Пакистана). Последствием этого стало то, что несколько миллионов человек попытались найти спасение в сопредельной Индии. Вскоре последовали пограничные инциденты между Индией и Пакистаном, а затем в декабре 1971 г. Пакистан нанес воздушный удар глубоко на территорию Индии, что послужило началом вооруженного конфликта между Индией и Пакистаном. Всего после 12 дней боев Пакистан безоговорочно сдался, а вместо Восточного Пакистана возникло новое независимое государство – Бангладеш.

И хотя есть мнение, что в связи с этими событиями имела место гуманитарная интервенция (потому что Индия отреагировала на грубые и массовые нарушения прав человека), подобные рассуждения неуместны, так как все указывает на то, что Индия руководствовалась не только, и не преимущественно гуманитарными соображениями – если бы ее мотивировали только альтруистические порывы, она не терпела бы на протяжении 9 месяцев массовые убийства в соседнем государстве. Наконец, вместо каких-либо других аргументов достаточно было бы упомянуть, что и сама Индия оправдывала в Совете Безопасности ООН свои боевые действия не ссылкой на доктрину гуманитарной интервенции, а законной обороной от агрессии, совершенной в отношении нее Пакистаном.

2. Камбоджа (1975 г.). Революционное правительство Камбоджи в 1975 г. из-за вторжения в ее территориальные воды захватила американское торговое судно *Mayaguez* с 40 членами экипажа. Несмотря на то, что власти Камбоджи вскоре направили примирительное письмо с заявлением о намерении освободить судно и экипаж, США предприняли военную интервенцию.

В результате по сути ненужного вмешательства якобы в интересах спасения жизней 40 американских гражданских лиц погиб 41 американский солдат и еще 50 были ранены. Потери со стороны

Камбоджи были гораздо больше. Только счастливая случайность спасла членов команды судна от гибели в ходе боевых действий, предпринятых с целью их «спасения».

3. Камбоджа (1978 г.). Когда после гражданской войны в Камбодже к власти пришли «красные кхмеры», они развернули крайне радикальную программу по реорганизации страны, составным элементом которой, помимо прочего, стали массовые преступления против должностных лиц предыдущего режима, членов определенных социальных групп, священников, интеллектуалов и т. д. Огромное число людей было лишено основных прав, выселено или перемещено против своей воли. По оценкам, в результате убийств и искусственно созданных нечеловеческих условий жизни во время террора «красных кхмеров» лишились жизни 1,7 миллиона человек или около 21% населения страны! И хотя эти события вызывали содрогание и осуждение всего мирового сообщества, никакие серьезные действия на мировом уровне предприняты не были.

Так продолжалось до тех пор, пока 25.12.1978 г. Вьетнам не начал военную интервенцию против Камбоджи. А именно, Вьетнам в 1977–1978 гг. терпел хорошо организованные вылазки камбоджийских сил, переходивших границу, опустошавших вьетнамские села в пограничных районах и убивавших их жителей. Вооруженный конфликт был кратковременным и 08.01.1979 г. режим «красных кхмеров» пал, после чего при поддержке Вьетнама было образовано новое правительство.

Несмотря на периодическое упоминание в качестве примера гуманитарной интервенции, данная ситуация не может быть квалифицирована таким образом. О том, что мотивы Вьетнама имели иной характер, свидетельствует факт, что его войска не только свергли преступный режим, а оставались в Камбодже на протяжении полных 10 лет, вплоть до сентября 1989 г. Впрочем, сам Вьетнам также никогда не утверждал, что его вмешательство было продиктовано намерением предотвратить нарушение прав человека. Он даже в некотором смысле отвергал оправдание своих действий гуманитарными мотивами, оправдывая свои действия легитимной самообороной от агрессии и утверждая, что падение режима «красных кхмеров» стало результатом гражданской войны в самой Камбодже.

4. Уганда (1976 г.). Поучителен пример вторжения израильских командос на территорию аэропорта Энтеббе в Уганде в 1976 г. с целью спасения пассажиров, ставших заложниками в ходе захвата французского самолета с израильскими пассажирами.

В операции, которая была проведена без ведома угандийских властей, командос удалось освободить заложников, но в результате столкновения между командос и угандийскими солдатами погибло 57 человек – 3 заложника, все 8 террористов, 45 угандийских солдат и 1 израильский офицер. Даже если оставить без внимания нелегитимность этой операции, остается вопрос, могла ли она быть проведена иным способом, без ненужных человеческих жертв.

5. Уганда (1979 г.). Есть и те, кто в качестве примера гуманитарной интервенции приводит военные действия Танзании против Уганды, во главе которой тогда находился диктатор Иди Амин.

Во время его правления в Уганде открыто осуществлялись преследования сторонников предшествовавшей власти, христиан, интеллектуалов и др. Множество людей было убито, подвергнуто пыткам, изгнано, лишено основных прав и т. д. (по некоторым источникам, без вести пропало свыше 300 000 человек). После того как в октябре 1978 г. армия Уганды оккупировала пограничные области Танзании, Танзания прибегла к военным действиям, в результате которых был свергнут диктаторский режим Амина (он бежал за границу) и в Уганде была установлена новая власть.

Подобно некоторым из уже перечисленных случаев, несмотря на существующие мнения, что имела место гуманитарная интервенция, все выглядит совершенно иначе в свете того, что Танзания не реагировала на нарушение прав человека в Уганде на протяжении полных 8 лет, и конфликт в действительности вспыхнул в результате территориального спора и захвата части территории Танзании Угандой. Впрочем, сама Танзания никогда не ссылалась на гуманитарные мотивы в качестве обоснования своих действий, а объясняла их легитимной самообороной.

6. Кипр (1978 г.). Факт, что на практике могут возникнуть различные, совсем неожиданные проблемы, хорошо демонстрирует известный инцидент в аэропорту Ларнаки (англ. *Larnaca incident*) в г. Никозия, столице Кипра.

Двумя террористами во время международной конференции, проходившей на Кипре, был убит один из участников мероприятия, египтянин Юсуф ас-Сибай, близкий друг египетского президента Анвара Садата. Затем террористы захватили заложников и потребовали от кипрских властей предоставить самолет, на котором вместе с 11 заложниками (среди них находился и 1 гражданин Египта) и 4 членами экипажа вылетели в направлении Ближнего Востока. Так как ни одно государство не согласилось их принять, после нескольких часов они вернулись в аэропорт Ларнаки.

Однако египетский спецназ (около 60 человек), прибывший военным самолетом (которому власти Кипра разрешили посадку, не зная, что в нем находится спецназ) по своей инициативе атаковал террористов, в результате чего завязалась почти часовая перестрелка между египтянами и кипрской национальной гвардией.

В конечном счете, террористы были арестованы кипрскими властями, но в хаосе было убито 15 египтян и примерно столько же ранено, а отношения между государствами существенно пошатнулись. Хуже всего то, что вмешательство египетского спецназа произошло в момент, когда после успешных переговоров с террористами уже началось освобождение заложников, то есть на самом деле во вмешательстве не было никакой необходимости. Совсем наоборот, как раз из-за нападения египтян могли погибнуть заложники, чего, к счастью, не произошло.

7. Иран (1980 г.). После того как вооруженные исламские экстремисты 04.11.1979 г. напали на посольство США в Тегеране, взяли в заложники 52 сотрудника и захватили архив, США предприняли попытку освобождения заложников силовыми средствами.

В операции «Орлиный коготь» (англ. *Eagle Claw*) было задействовано несколько самолетов и вертолетов, в том числе 8 транспортных вертолетов. Проведение спасательной операции планировалось в два этапа, в течение двух ночей. В первую ночь самолеты и вертолеты должны были совершить посадку на временной базе в пустыне и замаскироваться. Во вторую ночь спецназ на грузовиках (которые должны были обеспечить агенты ЦРУ уже находившиеся на месте действия) должен был быть перебросен к посольству в Тегеране. Одновременно должна была проводиться огневая под-

держка с воздуха, одна группа бойцов спецподразделения должна была прекратить подачу электроэнергии, а вторая – захватить заброшенный аэродром в окрестностях Тегерана. Группа спецназовцев, прибывших из пустыни, должна была освободить заложников, после чего их должны были забрать вертолеты и перебросить на аэродром, с которого заложники и спецназ должны были быть эвакуированы на базу США в Египте. Несмотря на то, что операция, казалось, была хорошо продумана, из-за непрофессионализма исполнителей, песчаных бурь и поломок техники она завершилась полным провалом.

Неувязки в операции последовали с самого начала. Один транспортный вертолет сразу вышел из строя, второй заблудился и вернулся назад. Вопреки разведывательным данным место временной базы оказалось в непосредственной близости от шоссе, и операция была сразу демаскирована. Спецназ захватил междугородний автобус с водителем и 43 пассажирами, ручным гранатометом взорвал проезжавший мимо бензовоз, в результате чего погиб один мирный житель, иранец. После поломки второго транспортного вертолета было решено свернуть операцию (для ее успешного выполнения было достаточно всего 4 вертолета, но еще на этапе планирования было предусмотрено прекращение операции при минимально допустимом количестве 6 транспортных вертолетов). Вдобавок ко всему, когда силы США готовились покинуть район, вертолет военно-морских сил столкнулся со стоявшим на земле самолетом-дозаправщиком, последовала вспышка, 8 военнослужащих погибло, 4 было ранено. Американцы спешно покинули район, оставив тела погибших, 5 вертолетов и обломки 2 машин. В брошенных вертолетах остались секретные планы всей операции, что поставило под угрозу агентов ЦРУ в Иране.

Результат операции: 9 погибших, уничтожены 1 вертолет и 1 самолет, брошено 5 вертолетов. Кризис с заложниками разрешился без каких-либо других жертв, дипломатическим путем – после 444 дней, проведенных в плену, они, целые и невредимые, были освобождены 20.01.1981 г.

8. Гренада (1983 г.). К числу широко известных случаев относится вторжение США на Гренаду, которое Вашингтон оправды-

вал необходимостью защиты около 1 000 американских граждан (студентов-медиков), которым якобы могла угрожать опасность в условиях локальных беспорядков.

Однако истинные причины интервенции имели более глубокий характер, о чем свидетельствует факт, что эта операция отработывалась в ходе учений двумя годами ранее, что американские войска заняли весь остров (а не только те его части, в которых находились граждане США) и продолжали оставаться на его территории после эвакуации всех американских граждан. Таким образом, они не только действовали в целях защиты американских граждан, но и сбросили существующий режим в Гренаде.

На самом деле операция была предпринята с целью свержения левого режима в Гренаде (в частности, чтобы не допустить образования треугольника, основу которого составили бы Куба, Никарагуа и Гренада), а также для проведения первой победоносной военной операции после американского краха во Вьетнаме. Таким образом, речь шла о чисто политических причинах. Ни жизни, ни благополучию американских студентов ничто и не угрожало (кроме, возможно, той же американской операции по их «спасению»). Большинство из них даже не хотели эвакуироваться.

В ходе вооруженного конфликта количество жертв (ненужных потерь) составило почти 100 человек – 49 граждан Гренады, 29 кубинцев (находившихся в качестве военных советников или работников) и 19 американских военнослужащих, несколько сотен человек были ранены. Кроме того, американская оккупация привела к существенному нарушению прав человека на территории острова (незаконные аресты, ограничение права на свободу собраний, цензура прессы и т. д.).

9. Панама (1989 г.). Когда в конце 1989 г. США совершили вторжение в Панаму, в котором было задействовано 27 000 военнослужащих, оправданием этой операции стала необходимость защиты американских граждан, находящихся в этой латиноамериканской стране, а также защиты демократии и прав человека.

Все это выглядит совсем иначе в свете того, что в то же самое время в некоторых других государствах региона отмечались гораздо более серьезные нарушения прав американских граждан, но это

не вызвало военных действий со стороны США. К этому стоит добавить, что панамский диктатор Норьега, долгие годы бывший пешкой ЦРУ, фальсифицировал и предыдущие выборы (1984 г.), однако это не просто не вызвало реакции, но даже прошло со своего рода благословения США.

Ситуация становится еще более интересной, если учесть, что и сам президент США Джордж Буш заявил, что, помимо прочего, целями операции являлись также борьба с наркоторговлей и обеспечение соблюдения Договора о Панамском канале. Норьега был представлен как бескомпромиссный злодей, занимающийся отмыванием денег и наркоторговлей. Однако он являлся таковым и ранее, все предыдущие годы, и при этом считался верным союзником США. Кроме того, подобные обвинения могли быть предъявлены и некоторым другим диктаторам в регионе, против которых США не предприняли никаких действий. Наконец, хотя от официальных лиц США можно было услышать объяснения, что Норьега ставил под угрозу нейтральность Панамского канала, и что на основании договора США имели право на военное вмешательство с целью защиты канала, под вопросом оказывается не только верность подобных утверждений, но и невозможность помещения их в один контекст с гуманитарными основаниями, оправдывающими интервенцию.

Наконец, о том, что в действительности это не была гуманитарная интервенция, свидетельствует численность задействованных войск (почти вдвое превосходящая численность военнослужащих вооруженных сил Панамы) и последствия всей операции. Оккупационные войска отстранили от власти генерала Норьегу, перебросили его в США для проведения суда за торговлю наркотиками, распустили силы обороны Панамы и практически создали в этой стране новое правительство. В ходе конфликта погибло 23 американских солдата, 325 ранено. С противоположной стороны погибло не менее 205 панамских солдат и от 500 до 4 000 гражданских лиц, перемещенными оказались 15 000 лиц.

Более того, независимые отчеты некоторых авторитетных международных неправительственных организаций, таких как, например, *Human Rights Watch*, свидетельствовали, что вооруженные

силы США, несмотря на распространяемые в кругах общественности утверждения о «хирургической точности» ударов, использовали оружие и тактику, которые привели к непропорционально большому количеству жертв среди мирного населения, что в некоторых случаях эти силы нарушили категорические запреты Женевских конвенций о защите жертв войны, нарушили принцип пропорциональности и т. д.⁴⁴⁴, что дополнительно подтверждает использование в данном случае гуманитарных причин только в качестве прикрытия.

Наконец, военные действия США получили серьезное осуждение во всем мире. Организация американских государств 22.12.1989 г. приняла резолюцию, в которой осудила вторжение и призвала США вывести войска, подобную резолюцию приняла 29.12.1989 г. и Генеральная Ассамблея ООН. Самую справедливую оценку дали сами граждане Панамы, в 2007 г. провозгласившие день начала вторжения Днем национального траура⁴⁴⁵.

10. Югославия (1999 г.). Хотя агрессия НАТО против Союзной Республики Югославии оправдывалась причинами гуманитарного характера – необходимость защиты албанского населения от предполагаемых репрессий со стороны сербов, истинной причиной было свержение югославского правительства, получение военной базы в Косово и насильственное отделение этого сербского автономного края.

В действительности некоторые страны (США, Великобритания, Германия, Турция и т. д.) сначала оказывали финансовую поддержку, а затем поставками оружия и военной техники и иными способами способствовали созданию и деятельности террористической Освободительной армии Косово (УЅК), чтобы впоследствии столкновения сербских сил безопасности с членами этой организации объявить террором сербских властей в отношении мирного албан-

⁴⁴⁴ Human Rights in Post-Invasion Panama: Justice Delayed is Justice Denied. Appendix: The Issue of Civilian Casualties Revisited // Human Rights Watch. April 7, 1991, pp. 6-8, hrw.org/reports/1991/panama.

⁴⁴⁵ Парламент Панамы 20.12.2007 г., спустя 18 лет после вторжения, провозгласил дату вторжения Днем национального траура, но на это решение наложил вето президент Торрихос.

ского населения. На этом основании было оказано грубейшее давление на Союзную Республику Югославию, и, в конечном счете, совершена агрессия сил НАТО против нее.

Результат: при бомбардировках не только территории Косово, но и всей страны, продолжавшихся в течение 79 дней, погибло 1 002 военнослужащих югославской армии и полиции и около 2 500 человек мирного населения, около 10 000 получили ранения; Югославии причинен колоссальный материальный ущерб; множество граждан лишились крова над головой и работы, хлынул поток беженцев. В регионе возникли катастрофические экологические последствия (особенно вызванные применением боеприпасов с обедненным ураном), нанесен огромный ущерб международному праву (дан пример его дерзкого и при этом безнаказанного нарушения).

Последствия интервенции ощущались и после прекращения вооруженных действий и вступления сил НАТО в Косово – свыше 250 000 неалбанского населения Косово было изгнано из своих домов; только за первые 4 года, с 10.06.1999 г. (день вторжения сил НАТО) по 09.08.2003 г. было зарегистрировано 6 535 нападений албанских экстремистов, в результате которых был убит 1 201 человек, ранено 1 328 и похищено 1 146 человек. Косово было (и остается до сих пор) насильственно отделено от Сербии. По сути, Косово продолжает оставаться территорией, находящейся под иностранной военной оккупацией, и так как на его территории процветает организованная преступность всех видов, международные организации называют его мафиозным государством и раем контрабандистов, откуда, помимо прочего, происходит до 40% героина, продаваемого в Европе и Северной Америке⁴⁴⁶.

В дополнение к вышесказанному, вследствие применения силами НАТО боеприпасов с обедненным ураном (по тридцати позициям было выпущено от 31 000 до 50 000 таких снарядов, что означает

⁴⁴⁶ O'Kane Maggie. Kosovo drug mafia supply heroin to Europe // The Guardian. 13 March 2000, theguardian.com/world/2000/mar/13/balkans; McAllester Matt Kosovo's Mafia: How the US and allies ignore allegations of organized crime at the highest levels of a new democracy // GlobalPost. March 27, 2011, pri.org/stories/2011-03-27/kosovos-mafia-how-us-and-allies-ignore-allegations-organized-crime-highest-levels.

рассеивание от 9 до 15 тонн обедненного урана) в Сербии отмечена настоящая вспышка раковых заболеваний и лейкемии при очень высоких показателях смертности населения⁴⁴⁷.

Иными словами вооруженная интервенция НАТО, предпринятая якобы на основании причин гуманитарного характера, сама стала причиной гуманитарной катастрофы⁴⁴⁸.

11. Афганистан (2001). США воспользовались сочувствием всего мира, проявленным после террористического акта 11.09.2001 г., и ввели войска в Афганистан. И хотя по официальному объяснению это было сделано в рамках войны с терроризмом (для ареста руководителей террористической организации «Аль-Каида») сразу была заявлена и другая цель интервенции – смена репрессивного режима талибов демократическим строем. На этом основании США удалось обеспечить участие ряда других членов НАТО.

Однако вместо получения защиты, мирные жители стали сопутствующими жертвами американских бомб и боевых действий. По оценкам, в период с 2001 г. до вывода сил НАТО в 2014 г. погибло около 27 000 человек (только гражданских лиц, без учета комбатантов).

Кроме того, вследствие внешнего вмешательства была создана ситуация, во многом более неблагоприятная, чем существовавшая во время правления талибов, которым все-таки удавалось обеспечивать населению более или менее нормальную мирную жизнь и основную безопасность. Более того, Афганистан стал наркогосударством. Производство опиийного мака, значительно сократившееся в период правления талибов, достигло невиданного расцвета после ввода иностранных войск. В то время как режим талибов до

⁴⁴⁷ Согласно официальным отчетам компетентных медицинских учреждений Сербия лидирует в Европе по уровню смертности от рака. Если тенденция распространения злокачественных заболеваний сохранится, эксперты ожидают достижения показателей свыше 5 500 новых заболевших на 1 миллион человек населения, что в 2,5 раза выше среднего мирового уровня.

⁴⁴⁸ Подробнее обо всем см.: Krivokapić Boris. The NATO Bombing of Yugoslavia (1999) 20 Years Later – The Problems of Legality, Legitimacy and Consequences // Vuković N. ed. David vs. Goliath: NATO War Against Yugoslavia and Its Implications. Belgrade, 2019. P. 19–56.

2001 г. свел выращивание мака до площади 80 км², то всего год спустя площади, занятые посевами этого растения, служащего сырьем для героина, насчитывали 740 км², и 4 000 км² в 2006 г.⁴⁴⁹

12. Ирак (2003 г.). К числу самых трагических примеров относится вторжение в Ирак. Сначала Вашингтон оправдывал его наличием у Багдада оружия массового поражения, которое он якобы намеревался передать террористической «Аль-Каиде» для нападения на США. Когда же стало ясно, что это ложь (и что ЦРУ вовремя, то есть до принятия решения о нападении на Ирак, проинформировало американского президента Буша об истинном положении вещей), вторжение вдруг стало обосновываться тем, что иракский президент Саддам Хусейн был тираном, которого следовало свергнуть, чтобы обеспечить многострадальному иракскому народу нормальную и достойную человеческую жизнь. Таким образом, предполагаемая самооборона внезапно (постфактум) превратилась в «гуманитарную интервенцию».

Между тем, хотя режим Саддама Хусейна действительно был виновен в тяжких преступлениях, они были совершены годами ранее. Во время вторжения США и их союзников в Ирак, там не происходили никакие массовые убийства, иракские власти не проводили репрессий. Ситуация не требовала постороннего военного вмешательства, а даже если бы и требовала, то эта мера наверняка не являлась единственным оставшимся решением.

На самом деле совершенно очевидно, что нападение на Ирак было предпринято не по причинам гуманитарного характера. В центре всего находилась нефть и намерение свергнуть непокорный режим. Менее всего важны были интересы иракского народа, который, впрочем, никто ни о чем и не спрашивал. Кроме того, интервенция была предпринята не только без согласования с Советом Безопасности, но и способом, который, по меньшей мере, практически не учитывал соблюдение норм международного гуманитарного права. Ирак, который во времена предшествующего

⁴⁴⁹ Иными словами, за неполные 5 лет оккупации производство опиийного мака выросло в 50 раз! По оценкам ООН Афганистан сегодня обеспечивает 90% мирового объема производства опиийного мака.

режима вряд ли мог считаться идеальным местом для жизни, но все-таки был стабильным государством, оказался на грани распада. По некоторым оценкам (в том числе по оценкам организации *Human Rights Watch*) за четверть века власти Саддама жертвами стали около 250 000 иракцев, а только за первые 6 лет оккупации (2003–2009 гг.) число погибших достигло 1 миллиона, при этом несколько миллионов иракцев были вынуждены покинуть свои дома, часть из них стали беженцами⁴⁵⁰.

13. Ливия (2011 г.). НАТО в 2011 г. вмешалось во внутренние конфликты в Ливии и способствовало свержению полковника Каддафи.

Однако вскоре стало очевидно, что противостояние оппозиции было не мирным, как это преподносилось мировой общественности, а вооруженным. В частности, стало ясно, что интервенция НАТО только распалила огонь гражданской войны, привела к резкому увеличению количества жертв и разрушений.

Каддафи действительно был диктатором, которой жестко удерживал власть, но под его властью в стране царил мир и порядок, а уровню жизни ливийцев многие могли бы позавидовать. Сегодня они, ежедневно сталкиваясь с хаосом и страданиями, могут только сожалеть об ушедших временах. Точное число жертв неизвестно, но по общим оценкам с 2011 г. до настоящего времени погибло несколько десятков тысяч человек⁴⁵¹.

⁴⁵⁰ Наглядную картину происходящего представил Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан незадолго до окончания своего мандата. В 2006 году, в прощальном интервью для британского Би-би-си, он заявил, что в Ираке идет гражданская война и положение граждан намного хуже, чем в эпоху Саддама Хусейна. По его словам: «Будь я обычным иракцем, я наверняка сравнил бы сегодняшнюю ситуацию с довоенным временем. Тогда у них был жестокий диктатор, но они могли свободно ходить по улицам, выходить из дома, дети ходили в школу, а их родители не думали со страхом о том, увидят ли они своих детей снова». (Kofi Annan interview: Text // BBC News). 4.12.2006, news.bbc.co.uk/2/hi/in_depth/6205056.stm.

⁴⁵¹ По оценке Совета по правам человека ООН только за первые 4 месяца 2011 г. количество жертв достигало 15 000. Up to 15,000 killed in Libya war: U.N. human rights expert // Reuters. Jun 9, 2011, reuters.com/article/us-libya-un-deaths-idUSTRE7584UY20110609.

Как бы то ни было, эта вооруженная интервенция была мотивирована причинами политического и экономического, а не гуманитарного характера. Множество работ, посвященных этой теме, существует и в западных странах, в том числе ведущих странах НАТО.

14. Комментарий приведенных примеров. Приведенные примеры из практики относятся к различным ситуациям (предполагаемое спасение граждан государства, осуществляющего интервенцию, граждан государства, против которого осуществляется интервенция и т. д.), а описываемые в них события происходили на разных континентах.

Кроме ссылки на мотивы гуманитарного характера для всех приведенных примеров характерно следующее:

1) действия предпринимались вопреки основным нормам современного международного права (представляли собой акты агрессии);

2) отсутствовал реальный повод для принятия столь жестких мер;

3) в конечном итоге число жертв и масштаб общих негативных последствий намного превзошли возможные жертвы, которые могли бы возникнуть (если бы вообще возникли), если бы данные действия не были бы предприняты.

В заключение, сегодня, когда война объявлена международным преступлением, следование доктрине гуманитарной интервенции не только означало бы большой шаг назад, но и открыло бы широкие возможности для разных видов злоупотреблений, в частности, для реализации эгоистических интересов сильных государств за счет слабых.

Практика показывает нам, что силовые методы не способствуют достижению гуманитарных целей, а наоборот, становятся причиной еще больших страданий.

И наконец, к сказанному стоит добавить, что каждая так называемая гуманитарная интервенция прокладывает дорогу новой подобной акции на другом краю света. В то же время она означает и подрыв существующего международного права и сложившейся системы международных отношений.

3. УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОЙ ДОПУСТИМОСТИ

1. Общие условия

С учетом вышесказанного возникает вопрос, можно ли вообще и в каких случаях осуществлять вмешательство, исходя из причин гуманитарного характера? И если можно, то при каких условиях?

На первый вопрос ответ будет утвердительным и при этом достаточно четким – можно, но только не силовыми средствами. Все остальное противоречит основам всего международно-правового порядка, которые выстраивались поколениями и не случайно являются такими, какие есть.

Прежде всего, при наличии признаков гуманитарной катастрофы, можно и нужно принимать определенные превентивные меры – посредничество, оказание добрых услуг, помощи и т. д.

Затем следует целый ряд стимулирующих и аналогичных мер, которые могут применяться как международными организациями, так и отдельными государствами – обещание приема в международную организацию в случае улучшения существующей ситуации, обещание финансовой и технической помощи и т. д.

Существуют и другие многочисленные политические средства воздействия, такие как различные виды дипломатической интервенции, ограничение предоставления кредита, угроза прекращением экономической, военной, технической и иной помощи и сотрудничества и т. д.

Когда речь идет о международных организациях, в их распоряжении находятся и другие меры, такие как ограничение приема в члены, а, в крайнем случае, и введение санкций, таких как ограничение прав члена, исключение из членов, разрыв дипломатических отношений, изоляция и т. д. При этом санкции могут вводиться как непосредственно против руководства данного государства (замораживание средств на зарубежных счетах, запрет на въезд в другие страны и т. п.)⁴⁵².

Перечень мирных, несиловых и, в то же время, эффективных средств вмешательства по причинам гуманитарного характера до-

⁴⁵² Подробнее см. Кривокапич Борис. Международное право. Самара, 2020. С. 58–80.

статочно широк и с каждым днем расширяется. Таким образом, даже если какое-либо государство систематически нарушает права человека, правильным ответом на его действия должна быть не отправка войск специального назначения с целью свержения правящей элиты, а комбинация широкого спектра мер и санкций, допускаемых международным правом.

Очевидно, что подобным образом понимаемые шаги выходят за рамки того, что принято подразумевать под гуманитарной интервенцией, потому что они не осуществляются за счет силы оружия. Но именно поэтому у них больше шансов на успех.

А как же быть с вооруженной интервенцией по причинам гуманитарного характера?

Если подобная акция без мандата, полученного от Совета Безопасности (односторонняя интервенция) нелегитимна, то есть ли возможность реализации или постановления о принятии подобных мер со стороны Совета Безопасности?

2. Интервенция, санкционированная решением Совета Безопасности

1. Принципиальный подход. Статья 2/7 Устава ООН запрещает и самой Организации «вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства».

Однако, бесспорно, что в наше время вопросы, касающиеся основных прав и свобод человека, вышли за пределы государственных границ, стали предметом международного интереса.

С другой стороны, процитированное положение устава имеет и продолжение – содержит исключение, позволяющее Организации Объединенных Наций вмешиваться во внутренние конфликты, создающие угрозу международному миру. В таких, и только в таких случаях Совет Безопасности, установив факт нарушения мира или угрозы международному миру и безопасности, имеет право, ссылаясь на главу VII Устава ООН, определить принудительные меры. А это, среди прочего, означает и применение вооруженных сил, если он сочтет это необходимым.

Важно отметить, что даже в случае принятия такого решения, Совет Безопасности на самом деле воспользовался бы только обязанностями и правами, которыми его наделяет Устав. Боевые действия, предпринимаемые по распоряжению Совета Безопасности, были бы предприняты *по причине нарушения международного мира*, а не *по причине нарушения прав человека* как таковых. Такая ситуация может быть лишь поводом для рассмотрения проблемы Советом Безопасности. И только если на основе всей информации будет сделано заключение о существовании угрозы миру или нарушении международного мира и безопасности в конкретном случае, Совет Безопасности может распорядиться о принятии упомянутых мер.

Таким образом, с юридической точки зрения речь не идет о каком-либо новом институте, а только об одной из ситуаций, которые Совет Безопасности оценивает как угрозу миру или нарушение международного мира и безопасности. Даже если в политических документах, средствах массовой информации и т. д. подобная акция именуется «гуманитарной интервенцией», по существу это не имеет значения. Совет Безопасности не имеет права отдавать распоряжение о применении принудительных мер, и особенно военных действий, только из-за нарушения прав человека.

2. Практика. На практике Совет Безопасности действительно несколько раз давал оценку, что серьезные нарушения прав человека в некоторых странах представляют собой угрозу международному миру.

Так, Резолюцией 688 (1991 г.) он осудил «репрессии против иракского гражданского населения во многих частях Ирака, в том числе в районах проживания курдского населения», оценил что их «последствия создают угрозу международному миру и безопасности в регионе» и потребовал от Ирака «в качестве вклада в ликвидацию угрозы международному миру и безопасности в этом регионе немедленно прекратить эти репрессии» и «незамедлительно обеспечить международным гуманитарным организациям доступ ко всем нуждающимся в помощи во всех частях Ирака»⁴⁵³.

⁴⁵³ Текст этой и других резолюций СБ см.: Security Council Resolutions // United Nations Security Council. <https://www.un.org/securitycouncil/content/resolutions-0>.

Тем не менее, Организация Объединенных Наций не дала полномочий на осуществление вооруженной интервенции по причинам гуманитарного характера, и никакие государства не предпринимали попыток сделать это самостоятельно.

Особый интерес представляет ситуация в Сомали. После свержения Сиада Барре (1991 г.) в стране вспыхнула гражданская война между различными кланами, государственные учреждения прекратили свое существование, воцарился хаос и голод. Несмотря на то, что на основании Резолюции 751 (1992 г.) Совета Безопасности в страну прибыла миссия UNOSOM I, столкновения продолжались, а гуманитарную помощь не удавалось доставить тем, кому она предназначалась. В ноябре 1992 г. один из местных полевых командиров, генерал Айдид потребовал, чтобы силы ООН вышли из Сомали и больше не возвращались.

Однако Совет Безопасности Резолюцией 794 (1992 г.) оценил, что «гуманитарная трагедия представляет собой угрозу международному миру и безопасности» и на основании главы VII Устава ООН, принял предложение США о формировании международной оперативной группировки (*UNITAF*), уполномоченной на использование «всех необходимых средств» (иными словами, и силы) в целях реализации задач по обеспечению доставки гуманитарной помощи. Хотя в состав *UNITAF* входили национальные контингенты 24 стран, основу (25 000 из общей численности 37 000 военнослужащих) составляли войска США. Операция продолжалась с 05.12.1992 по 04.05.1993 г. и в основном достигла поставленных целей – доставка гуманитарной помощи осуществлялась беспрепятственно, были построены новые дороги, школы, больницы, начался процесс национального примирения.

Тогда Совет Безопасности ООН счел, что пришло время оказать содействие в завершении гражданской войны и формировании стабильного центрального правительства. Контроль над силами *UNITAF* 04.05.1993 г. был передан новой миссии UNOSOM II, которая, в отличие от предыдущей, представляла собой своего рода принуждение к миру. Но после того как США вывели основную часть своих войск, международные силы были ослаблены. В сложившейся ситуации 05.06.1993 г. пакистанский контингент подвергся напа-

дению, в результате которого 24 миротворца погибли, 56 получили ранения. Когда в процессе поимки Айдида, чьи сторонники были обвинены в совершении этого нападения, американские военные провели несколько акций, в ходе которых пострадало гражданское население, многие сомалийцы начали враждебно относиться к международным силам. Ситуация стремительно ухудшалась.

Развязкой стала гибель 18 американских военнослужащих, 1 малайзийского миротворца и 312 сомалийских боевиков и гражданских лиц в ходе столкновения в Могадишо 03.10.1993 г. После этого между международными силами и Айдидом было заключено перемирие, а президент США Билл Клинтон обещал до 31.03.1994 г. вывести всех американских военных (они были выведены уже 03.03.1994 г., почти на месяц раньше срока). В течение следующего года были выведены контингенты остальных государств.

За 2 года деятельности миссии UNASOM II погибло около 150 миротворцев, а особенно велико количество жертв среди сомалийцев, в числе которых много детей и женщин. И хотя большинство гражданских лиц были случайными жертвами, отмечались случаи издевательств и убийств местного населения солдатами международных сил.

Операция не привела к окончанию гражданской войны. Наоборот, она нанесла серьезный урон авторитету ООН и указала на то, какие опасности таит в себе вооруженное вмешательство в дела какой-либо страны без просьбы ее правительства.

3. Перспективы и возможности. Еще раз подчеркнем, что Устав ООН никоим образом не уполномочивает Совет Безопасности отдавать распоряжение или разрешать вооруженное вмешательство по причинам гуманитарного характера. Он получит это право только в том случае, если в этом направлении будет изменен Устав ООН. Пока этот день далек.

Не следует забывать и о том, что в Совете Безопасности заседают представители всего 15 из 193 стран – членов ООН (то есть всего 7,7% стран – членов ООН), причем среди постоянных членов Совета нет ни одного государства Африки или Латинской Америки. Можно ли в таком случае абсолютно исключить опасность того, что в некоторых случаях Совет будет действовать необъективно?

С другой стороны, так как по сути речь идет о политическом решении, следует признать, что если по какой-либо причине его постоянные и другие важнейшие члены так согласятся, реально Совет Безопасности может определить существование угрозы миру даже тогда, когда в действительности такой опасности нет. А это означает, что в таком случае Совет может распорядиться о проведении вооруженной акции против какого-либо государства.

Такое решение Совета Безопасности являлось бы злоупотреблением полномочиями этого органа. Но такое решение в принципе возможно. Более того, подобные случаи уже встречались на практике⁴⁵⁴.

А можно ли представить себе, что Совет Безопасности (даже обладая такими полномочиями) распорядился о проведении вооруженной гуманитарной интервенции против какой-либо сверхдержавы? Разумеется, нет!

Прежде всего, такое решение не могло бы быть принято по причине так называемого права вето, которым наверняка воспользовалось бы государство, участвующее в событиях (если речь идет о каком-либо из пяти постоянных членов Совета Безопасности). Однако даже если каким-то чудом такое решение и будет принято, попытка его реализации практически неизбежно означала бы начало мировой войны. Никто здравомыслящий не может на это согласиться.

⁴⁵⁴ Так, например, Резолюцией 940 (1994 г.), принятой под давлением США, Совет Безопасности уполномочил США возглавить международные вооруженные силы, которые обеспечат возврат к власти гаитянского президента Ж.-Б. Аристиды, в 1991 г. свергнутого военной хунтой. И хотя Резолюцией ситуация на Гаити оценивалась как угрожающая миру в регионе, фактически на острове не было ни конфликтов, ни грубого нарушения прав человека. Даже сам государственный переворот был совершен без кровопролития – Аристиду было предложено самому выбрать, покинуть страну или отвечать перед судом за нарушение конституции. Он выбрал первое и ушел сначала в Венесуэлу, а затем в США. Вся операция была проведена только для его насильственного возврата к власти в рамках «борьбы за мировую демократию». Кстати, она носила название «Поддержка демократии» (*Uphold Democracy*). Это решение Совета Безопасности по многим причинам следует оценить как по меньшей мере спорное, а по всей вероятности, и как нарушение Устава ООН, поскольку ООН не призвана и не уполномочена насаждать демократию силовым путем. О многом говорит и тот факт, что, несмотря на официальное завершение операции 31.03.1995 г., на острове осталось несколько тысяч военнослужащих США, практически удерживая его под оккупацией.

Таким образом, принимая во внимание состав Совета Безопасности и порядок принятия решений, следует считаться с тем, что решения Совета Безопасности о гуманитарных (вооруженных) интервенциях всегда были бы скорее произвольными и являлись компромиссом, достигнутым при попытке удовлетворения интересов великих держав, чем следствием объективного рассмотрения ситуации.

Даже если в какой-то момент полномочия Совета Безопасности будут расширены настолько, что ему будет предоставлено право решать о силовом вмешательстве по причинам гуманитарного характера, предварительно следовало бы обеспечить выполнение как минимум четырех условий:

1) расширение Совета Безопасности в целях обеспечения адекватного представительства международного сообщества;

2) подобные решения должны приниматься квалифицированным большинством или даже единогласно;

3) если право вето не будет отменено, то хотя бы следует лишить этого права постоянных членов Совета Безопасности при принятии решений по данным вопросам;

4) вооруженные гуманитарные акции должны быть исключительной прерогативой специализированных сил ООН, специально подготовленных и оснащенных для осуществления подобных интервенций.

Все это продиктовано простой истиной, что чем более независимым от особых интересов конкретных государств, особенно великих держав, будет решение о возможной интервенции, тем больше шансов, что оно будет справедливым и благодаря этому будет признано конфликтующими сторонами и международным сообществом как легитимное.

Контрольные вопросы

1. Что представляет собой суть современной доктрины гуманитарной интервенции и как она понимается?

2. Каковы доводы в пользу допустимости, приводимые приверженцами гуманитарных интервенций?

3. Какие ограничения (условия) приводятся в связи с гуманитарными интервенциями?
4. Какие правовые основания выдвигаются против гуманитарных интервенций?
5. Каковы принципиальные основания выдвигаются против гуманитарных интервенций?
6. Приведите примеры из практики, демонстрирующие неприемлемость доктрины гуманитарной интервенции.
7. Каковы условия возможной допустимости гуманитарных интервенций?
8. Возможно ли вообще и если да, то в каких случаях, осуществление гуманитарной интервенции, санкционированной решением Совета Безопасности ООН?

Глава XIV. БЕСПИЛОТНЫЕ ЛЕТАТЕЛЬНЫЕ АППАРАТЫ И ИХ СТАТУС ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ

В настоящее время все большее применение в военных, разведывательных и других целях находят беспилотные летательные аппараты, также известные как беспилотники или дроны (англ. *drone* – «трутень»).

Первые модели появились еще во время Первой мировой войны, но бурное развитие получили только в последнюю четверть века.

1. ПОНЯТИЕ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

Дроны – это летательные аппараты без экипажа, управляемые дистанционно и способные оставаться в воздухе часами и даже больше суток, а затем возвращающиеся на базу. В этом заключается одно из их отличий от крылатых ракет и других летающих объектов, также не имеющих экипажа и управляемых дистанционно.

Благодаря техническому прогрессу стало возможным производство дронов от самых маленьких до самых больших, увеличение уровня их автономности (они летают все дольше и дальше), а также оснащение их различными датчиками для обнаружения целей и все более мощным и точным оружием. При этом круг их задач все время расширяется, и все это с минимальными рисками и затратами.

Сначала беспилотники использовались для разведки и наблюдения (съемки местности), но вскоре появились и дроны, вооруженные

управляемыми ракетами⁴⁵⁵. По всей видимости, в ближайшее время такие летательные аппараты будут использоваться и для других наступательных целей, в том числе для транспортировки людей и техники, а также для воздушных боев⁴⁵⁶. Кроме того, можно ожидать, что в какой-то момент они будут автоматизированы и роботизированы в том смысле, что ими и их действиями будут управлять не люди⁴⁵⁷, а искусственный интеллект в рамках заданной программы.

Сторона, использующая дроны, получает множество преимуществ. Они позволяют успешно выполнять различные задачи (разведка, наблюдение, ракетный обстрел, бомбардировка, определение целей для истребителей и бомбардировщиков⁴⁵⁸ и т. д.) в самых разных и даже самых рискованных условиях, что в английском языке иногда определяются как 3F (*find, fix and finish* – буквально «найди, направь и прикончи»).

Благодаря видеонадзору и возможности принимать меры в режиме реального времени, все происходит так, как будто операторы

⁴⁵⁵ Так, например, некоторые версии американского дрона *Predator* имеют радиус действия от 3 200 морских миль (5 926 км); могут оставаться в воздухе до 40 ч; могут подниматься на высоту 15 000 м (такая высота позволяет дрону, как правило, не только находиться на недостижимом расстоянии для огня с земли, но и делает его незаметным для жертв, которых он подстерегает). Эти беспилотные летательные аппараты могут нести различное оружие, например, 14 ракет воздух-земля или 4 противотанковые ракеты, 2 бомбы с лазерным наведением и около 230 других бомб.

⁴⁵⁶ Первый воздушный бой между самолетом и беспилотным летательным аппаратом произошел еще в 2002 г., и тогда победу одержал иракский пилот на самолете МиГ-25. С дрона по самолету была выпущена ракета, которая прошла мимо цели, а ракета, выпущенная МиГом, поразила цель.

⁴⁵⁷ Крупными боевыми дронами обычно управляют два человека – один (пилот) управляет летательным аппаратом, а другой (оператор) занимается обнаружением и идентификацией цели, оценкой ситуации, наведением на цель и запуском снаряда.

⁴⁵⁸ Среди прочего, кружа над определенной территорией, дроны обнаруживают и идентифицируют цели не только для себя, но и для пилотируемых истребителей и бомбардировщиков и осуществляют наведение при нападениях этих летательных аппаратов. Не нужно забывать, что не все дроны вооружены, а те, которые вооружены, могут в определенный момент остаться без оружия как из-за поломки, так и израсходовав все снаряды, или просто потому, что количество и виды обнаруженных целей превосходят огневые возможности беспилотного летательного аппарата.

летательных аппаратов физически присутствуют на месте, хотя они находятся за тысячи километров. Более того, они несопоставимо лучше ознакомлены с ситуацией, чем разведчики или специальные подразделения, работающие на конкретном участке, поскольку операторы наблюдают и снимают все пространство с высоты, охватывая взглядом все, что их интересует. С другой стороны, в то время как стандартные самолеты и вертолеты спустя некоторое время должны вернуться на базу (поскольку у них заканчивается топливо, а также ввиду усталости экипажа), где в них сядут новые экипажи или откуда вместо них полетят новые самолеты, беспилотные летательные аппараты уже сейчас могут находиться в воздухе двое суток без перерыва, а пилотов и операторов, у которых истекло рабочее время, сменяют в креслах их отдохнувшие коллеги, которые только что пришли на работу.

Особое преимущество дронов по сравнению с другим оружием заключается в том, что при выполнении любой задачи не подвергаются опасности жизни собственных комбатантов (например, бойцов специальных подразделений)⁴⁵⁹ и особенно летчиков. Это имеет большое значение для каждой стороны, участвующей в конфликте, как из-за морального состояния в подразделениях, так и из-за того, что число пилотов ограничено, а обучение новых пилотов длительное и дорогостоящее. Кроме того, если противник сбивает беспилотный летательный аппарат, он не может взять в плен члена экипажа и пытать его, чтобы узнать секретную информацию, использовать его для шантажа правительства его страны или командования и т. п. Следует добавить, что боевые беспилот-

⁴⁵⁹ Так, для ликвидации какого-либо лица, уничтожения какого-либо объекта (например, важный мост, склад) и т. п., больше не нужно посылать командос, которые для выполнения задания должны были бы днями пробираться по труднопроходимой местности, преодолевать минные поля и т. д., затем рисковать жизнями в ходе самой операции, если те же результаты могут быть достигнуты в результате хорошо спланированного и точно выполненного применения дрона. Правда, этого можно достичь и с помощью крылатой ракеты, но эта технология доступна только небольшому количеству государств, и, кроме того, поскольку дроны находятся в относительной близости к цели, то их точность намного выше и при необходимости они могут сразу повторить нападение.

ные аппараты в принципе гораздо дешевле классических военных самолетов, то есть, с одной стороны, один самолет, управляемый экипажем, стоит как десять, а то и более дронов, а с другой стороны, следовательно, в случае уничтожения дрона ущерб несравненно меньше⁴⁶⁰.

Беспилотные летательные аппараты имеют и конкретные тактические преимущества: из-за их малых размеров, способности летать на низкой скорости и на малой высоте, а также ввиду того, что их гораздо сложнее обнаружить средствами ПВО и т. д. во многих случаях они представляют собой оптимальное решение для выполнения боевой задачи. Зачастую противник вообще не осознает присутствия дрона до самой атаки, когда уже поздно что-либо предпринимать.

В настоящий момент беспилотные летательные аппараты пока не могут вытеснить существующие истребители и бомбардировщики и полностью взять на себя их роль. Воздушный бой все еще требует не только разнообразного вооружения летательного аппарата, но и присутствия опытного экипажа на месте действия; обширные бомбардировки могут совершать лишь крупные бомбардировщики, загруженные большим количеством авиабомб и т. д. Однако мы можем быть уверены, что скоро появятся модели беспилотников, которые полностью заменят известные нам сегодня истребители и бомбардировщики⁴⁶¹.

⁴⁶⁰ Самые дешевые беспилотные летательные аппараты, пригодные для военных целей, стоят всего несколько тысяч американских долларов. Цена более эффективных и качественных, оснащенных мощным оружием, достигает нескольких миллионов долларов, но и они несопоставимо дешевле, чем пилотируемые военные самолеты. Так, например, американский боевой дрон *Predator* в 2010 г. стоил 4,03 миллиона долларов, а в 2013 г. цена одного российского МиГ-29 составляла 22 миллиона долларов. Цена суперсовременных пилотируемых истребителей превышает 100 миллионов долларов. Правда, цена самого дорогого американского дрона достигает 200 миллионов долларов, но это потому, что он загружен специальным оборудованием.

⁴⁶¹ Кстати, широко ведутся разработки танков, подводных лодок и других средств без экипажей, управляемых дистанционно или посредством компьютера и заданной программы.

2. ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ БОЕВЫХ ДРОНОВ

В наше время дроны используются некоторыми странами преимущественно для уничтожения лиц, подозреваемых в терроризме, для ликвидации повстанческих лидеров и т. п. В этом особенно преуспели США⁴⁶².

Это своего рода так называемые целевые убийства⁴⁶³. Хотя прямо не регулируются международным правом, они нарушают многие основные принципы военного и гуманитарного права, нормы международного права в области прав человека и принципы международного права в целом (в той степени, в которой они нарушают суверенитет других государств, что означает применение силы на чужой территории без приглашения со стороны территориального государства или по другой законной причине).

Если оставить в стороне применение беспилотных летательных аппаратов для ликвидации определенных лиц в мирное время, здесь представляет интерес такая практика в вооруженном конфликте.

Наряду с массовым развитием этой технологии, означающим не только ее усовершенствование, но и удешевление, растет число армий, применяющих эти летательные аппараты, а также количество летательных аппаратов, которыми они владеют. Считается, что почти 100 государств имеют военные дроны, и что общее количество беспилотных

⁴⁶² Первая американская атака дроном была совершена в Йемене в 2001 г., во время правления президента Дж. Буша (*George W. Bush*). До истечения президентского срока в 2009 г. он одобрил 48 таких атак в Пакистане. Барак Обама, едва став в январе 2009 г. новым жильцом Белого дома, принял атаки беспилотными летательными аппаратами как один из основных рычагов своей политики безопасности. До середины 2013 г., всего за 4 года, он одобрил 307 атак в Пакистане – более чем в 6 раз больше, чем его предшественник за 8 лет. Если при Буше одна атака дроном совершалась в среднем каждые 40 дней, то при Обаме это делалось каждые 4 дня.

⁴⁶³ Хотя термин новый, речь идет об уже известном явлении. По сути, это покушения, которые задумывают, планируют, подготавливают и осуществляют государства посредством своих органов и агентов. Целевые убийства отличаются от других покушений рядом элементов, и особенно исполнителями – если покушения в целом могут планировать и совершать и независимые лица, и даже лица из круга семьи или близкие сотрудники жертвы (движимые борьбой за власть, мстью и т. д.), то целевые убийства почти без исключения являются замыслом и делом рук профессионалов, работающих на (другое) государство.

летательных аппаратов достигло 30 000. Только армия США еще в 2014 г. имела 9 795 малых и 896 больших военных дронов. По некоторым оценкам в настоящее время боевые (оснащенные вооружением) дроны имеют следующие страны: США – более 1 000, Китай – 68, Россия – 48, Индия – 34, Австралия – 33, Египет – 32, Турция – 30, Малайзия – 26, Индонезия – 24, Израиль – 20 и т. д. Кроме того, США уже планируют к 2028 г. увеличить число легких беспилотников, используемых для наблюдения, до 43 001, а это больше, чем у всех остальных стран мира вместе взятых⁴⁶⁴.

Учитывая все это, нет никаких сомнений в том, что участие дронов в международных и немеждународных вооруженных конфликтах будет постоянно расти и будет все более интенсивным.

Особый интерес здесь представляет дискуссия, которая уже на протяжении многих лет ведется не только в юридической литературе, но и в более широких кругах, и которая сводится к акцентированию внимания на преимуществах, предоставляемых боевыми дронами, и утверждению, что их применение является законным, или наоборот, к приведению аргументов о недопустимости использования этих летательных аппаратов.

3. АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ И АРГУМЕНТЫ ПРОТИВ ПРИМЕНЕНИЯ БОЕВЫХ ДРОНОВ

1. Аргументы в пользу применения боевых дронов

Главным аргументом такого рода является утверждение, что дроны представляют собой идеальное средство преодоления сопротивления противника с минимальным числом ненужных жертв как среди своих комбатантов, так и в рядах противника, и особенно среди гражданского населения противника.

⁴⁶⁴ Strobel W. P. Military Drones Now Common to Nearly 100 Nations, Report Finds // Wall Street Journal. Sept. 25, 2019, www.wsj.com/articles/military-drones-now-common-to-nearly-100-nations-report-finds-11569403805; Sabbagh D. Killer drones how many are there and who do they target? // Guardian. 18 Nov. 2019. www.theguardian.com/news/2019/nov/18/killer-drones-how-many-uav-predator-reaper.

Обычно это выражается одной фразой, подчеркивающей, что дроны делают войну гуманной, поскольку они «снижают риск для наших солдат и их мирных жителей»⁴⁶⁵. В этом смысле президент США Барак Обама, выступая 23 мая 2013 г. с речью в Университете национальной обороны, отметил, что применение дронов благодаря их высоким технологиям и точности позволяет достичь военной цели не только наиболее эффективно, но и с наименьшими разрушениями⁴⁶⁶.

На том же основании указывается, что использование вооруженных беспилотников делает войну намного гуманнее. Иногда проводится параллель с альтернативным решением – воздушными ударами, наносимыми классическими военными самолетами с экипажем, и делается вывод, что в этом случае коллатеральный ущерб был бы гораздо больше.

Некоторые заходят еще дальше, утверждая, что боевые дроны являются самой гуманной формой ведения войны в истории, поскольку жертвы среди гражданского населения значительно сокращаются благодаря лучшему наведению на цель и наблюдению. При этом добавляют, что эти летательные аппараты делают войну дешевле и проще, но в то же время более эффективной, поскольку они превосходят возможности человека. Они взаимозаменяемы, и их уничтожение имеет значительно меньшие политические последствия, чем уничтожение обычного самолета с пилотом. Применение дронов не только законно, но и этично, и разумно.

Один из любимых аргументов сторонников более широкого использования боевых дронов заключается в том, что таким путем можно достичь значительных результатов, в частности против вооруженных террористов Аль-Каиды и аналогичных организаций, превратившихся в серьезные вооруженные формирования. В связи с этим отмечается, что нападения дронов обезглавливают террористические организации, препятствуют скоординированным действиям террористов, не позволяют террористам перемещаться

⁴⁶⁵ Имеются в виду мирные жители другой стороны, то есть противника.

⁴⁶⁶ Remarks by the President at the National Defense University. White House, 23 May 2013, whitehouse.gov/the-press-office/2013/05/23/remarks-president-national-defense-university.

в районы, где они проходят военную подготовку, лишают их возможности пройти военную подготовку на местах и т. д. Также подчеркивается, что атаки с применением дронов являются лучшим решением в конфликтах с различными транснациональными террористическими организациями, для борьбы с которыми не подходят крупномасштабные классические военные операции.

К этому добавляют, что целями дронов являются только законченные экстремисты, многие из которых являются фанатиками, прибывшими из-за границы. В том же направлении движутся те, кто утверждает, что целевые убийства в рамках оборонительных платформ, наряду с совершенствованием технологии наблюдения и наведения, являются жизненно важным стратегическим, а также долгосрочным гуманитарным инструментом борьбы с терроризмом.

В ответ на протесты мировой и национальной общественности в связи с постоянными жертвами среди гражданского населения указывается, что международное военное и гуманитарное право защищает гражданских лиц, но оно также лишает защиты гражданских лиц, непосредственно участвующих в боевых действиях. Это означает, что они могут стать объектами нападений.

Что касается чрезмерных жертв среди гражданского населения, то также указывается, что в последнее время дроны стали намного точнее, они все реже поражают невинных, и порог приемлемости коллатерального ущерба настолько низок, что атаки обычно запрещаются задолго до того, как операция приблизится к этому порогу.

Наконец, есть такие, кто указывает на то, что в случае применения боевых дронов меняется лишь техника, а не суть; гражданские лица страдают и от другого оружия; не дроны виновны в смерти мирных жителей, а причина – сама война. С намерением показать, что суть одна и та же и что убийства с применением дронов на самом деле более гуманны, чем многие другие варианты. Некоторые заходят настолько далеко, что спрашивают, чувствовали бы себя люди в США, Афганистане и Пакистане лучше, если бы ликвидация террористов проходила не с помощью дрона, а с участием сотрудников спецподразделений, да еще при помощи ножа, так чтобы кровь и мозги разлетались во все стороны.

2. Аргументы против применения боевых дронов

Эти аргументы частично опираются на проблемы логических связей, а частично – на то, что предлагает нам практика.

Несмотря на то, что существует и определенное число ярких сторонников атак с применением дронов, большинство аналитиков придерживаются принципиально иного мнения. Они указывают на ряд открытых проблем и подводных камней, скрывающихся за, казалось бы, безукоризненно чистыми операциями. Здесь будут упомянуты лишь некоторые спорные вопросы.

1. Предварительные вопросы. Прежде чем углубиться в суть проблемы, необходимо отметить, что большая часть того, что касается операций, осуществляемых боевыми дронами (предварительные решения и действия, причина выбора конкретной цели, степень контроля над операцией, фактические результаты и т. д.), абсолютно неизвестна общественности. Это и понятно, так как речь идет о секретных материалах. Однако вместе с тем это открывает практически неограниченное пространство для различных видов злоупотреблений.

Здесь нас особенно интересует тот факт, что через средства массовой информации известными становятся только те данные, которые сообщаются компетентными государственными службами. Таким образом, когда мы оперируем количеством нападений, общим числом жертв, числом убитых мирных жителей и т. д., у нас фактически никогда нет реальных и полных данных, а только те, которые пропустила более или менее строгая цензура. Мы должны постоянно осознавать это.

По этим причинам, в принципе, вся информация, поступающая из государственных источников, ненадежна, в том числе и информация, касающаяся числа или процента жертв среди гражданского населения. Это связано с тем, что после операции с участием дрона военное командование, разведывательные службы и аналогичные структуры самостоятельно определяют степень своей ошибки и для них вполне естественно попытаться свести ее к минимуму. Иными словами, мы можем быть уверены, что на самом деле нападений дронов и их жертв среди гражданского населения намного больше, чем отражает официальная статистика.

Кстати, если возьмем, например, США, которые являются мировым лидером в применении боевых дронов, и сравним официальные данные правительства этой страны о количестве случайно убитых гражданских лиц с информацией, собранной на месте неправительственными организациями и другими независимыми источниками, мы заметим, что в официальных отчетах цифры уменьшены в несколько раз.

Так, например, согласно отчету правительства США о нападениях дронов в Пакистане в 2004–2011 гг. погибло 2 050 человек, из которых все, за исключением примерно 50 человек, были комбатантами, то есть легитимными целями. Однако в связи с той же ситуацией Бюро журналистских расследований (англ. *Bureau of Investigative Journalism*) располагает данными, которые свидетельствуют, по меньшей мере, о 2 347 убитых, из которых минимум 392 были гражданскими лицами, 175 из которых дети. Другими словами, не только общее количество убитых больше почти на 13%, но, по данным Бюро, число убитых мирных жителей в 7,8 раза превышает количество, о котором сообщило правительство! Еще в одном докладе правительства США упоминается, что в результате нападений дронов было убито от 64 до 116 гражданских лиц, а по данным Бюро, на самом деле было убито от 380 до 801 гражданских лиц, что в шесть раз больше⁴⁶⁷.

С другой стороны, согласно отчету Министерства обороны США за 2018 г., в результате воздушных атак американцев в 2017 г. было убито 784, ранено 182, а в 2018 г. убито 113, ранено 54 мирных жителя⁴⁶⁸. Однако это только приблизительные цифры американской армии, а не точно установленные данные, за которыми стоит объективный, независимый источник. При этом статистические данные относятся только к американским операциям в Ираке, Сирии, Афганистане и Сомали, но не учитываются операции в других странах (например, в Йемене

⁴⁶⁷ Woods C., *Drone War Exposed: The Complete Picture of CIA Strikes in Pakistan*. – The Bureau of Investigative Journalism. 10 August 2011, www.thebureauinvestigates.com/stories/2011-08-10/drone-war-exposed-the-complete-picture-of-cia-strikes-in-pakistan; Purkiss J., Serle J. *Obama's Covert Drone War in Numbers: Ten Times More Strikes Than Bush*. The Bureau of Investigative Journalism. 17 January 2017, www.thebureauinvestigates.com/stories/2017-01-17/obamas-covert-drone-war-in-numbers-ten-times-more-strikes-than-bush.

⁴⁶⁸ Хотя отчет Министерства не уточняет, сколько гражданских лиц было убито и ранено дронами, а сколько другим американским оружием, сеявшим смерть с воздуха (военные самолеты, ракеты), нет никакого сомнения, что именно дроны ответственны за преобладающее большинство пострадавших.

и Ливии), поскольку там якобы не было жертв среди гражданского населения⁴⁶⁹. Наконец, тот факт, что в этом отчете признается, что в отчет за 2017 г. пришлось внести дополнения, поскольку о многих новых жертвах среди гражданского населения стало известно после представления отчета за предыдущий год (за 2017 г.), ясно указывает на то, что годовые отчеты министерства являются неполными.

Кстати, не трудно заметить, что информация, приведенная в отчете Министерства обороны США за 2018 г., не согласуется с данными, собранными независимыми источниками. Так, из отчета следует, что в 2018 г. в результате всех воздушных атак армии США (следовательно, не только с применением дронов) были убиты 113 гражданских лиц, а 54 ранены. Однако согласно данным Бюро журналистских расследований в том году в Афганистане американские дроны убили от 92 до 163 мирных жителей (в том числе 14–51 детей), а ранили 106–166 человек; в Йемене было убито 8–15 мирных жителей (из которых 0–1 ребенок) и ранено 0–3 человек, в Пакистане они не убили и не ранили ни одного гражданского лица; в Сомали они убили 2–11 мирных жителей (в том числе 1 ребенка) и ранили 21–22 человека⁴⁷⁰. Это указывает на в общей сложности 102–189 убитых, из которых 15–52 ребенка и 127–191 раненых, или в среднем 145,5 убитых (33,5 из которых дети) и 159 раненых гражданских лиц и это только в четырех из упомянутых государств, хотя нападения с применением дронов США осуществляли и в других странах.

В отчете Клиники по правам человека Юридического факультета Колумбийского университета (Нью-Йорк) говорится, что правительство США с 2002 г. признало только 153 нападения дронов, что составляет всего 20% от реальной ситуации (более 700 нападений), а за период 2009–2016 гг. оно признало менее 120 жертв среди гражданского населения в Пакистане, Сомали и Йемене, в то время как исследования независимых организаций показали, что среди гражданского населения было около 400 жертв⁴⁷¹.

⁴⁶⁹ Department of Defense. Annual Report on Civilian Casualties in Connection with the United States Military Operations. Unclassified, 2019, www.documentcloud.org/documents/5985986-ANNUAL-REPORT-CIVILIAN-CASUALTIES-in-CONNECTION.html.

⁴⁷⁰ Serle J., Purkiss J. Drone Wars: The Full Data. The Bureau of Investigative Journalism, 01.01.2017, www.thebureauinvestigates.com/stories/2017-01-01/drone-wars-the-full-data.

⁴⁷¹ Out of the Shadows. Recommendations to Advance Transparency in the Use of Lethal Force, Columbia Law School Human Rights Clinic and Sana'a Center for Strategic Studies. June 2017, 3. https://static1.squarespace.com/static/5931d79d9de4bb4c9cf61a25/t/59667a09cf81e0da8bef6bc2/1499888145446/106066_HRI+Out+of+the+Shadows-WEB+%281%29.pdf.

2. Выбор цели. Эта проблема имеет два аспекта и фактически подразумевает два вопроса: 1) кто, на основании каких критериев и доказательств, в соответствии с какой процедурой и с какой степенью личной ответственности решает, что соответствующие лица должны умереть (вносит их в список лиц, подлежащих отстрелу); 2) как те, кто непосредственно выполняет приказ о ликвидации какого-либо лица, идентифицируют цель на месте.

Первый вопрос сводится к проблеме целевых убийств, которая выходит за рамки того, с чем мы здесь имеем дело. Нас в данном случае гораздо больше интересует другая проблема: насколько те, кто непосредственно приказывает или осуществляет нападения при помощи дронов, могут быть уверены, что перед ними находятся террористы или неприятельские комбатанты?

На это можно легко ответить, что операторы дронов следят и каким-то образом (через агентов на местах, посредством программы по распознаванию лиц) идентифицируют того, кого следует ликвидировать, затем оценивают степень опасности для других людей (тех, кто случайно находится поблизости) и только потом отдают приказ о нападении. Понятно, что нападение откладывается, если существуют какие-либо сомнения в отношении личности цели или явный риск того, что в результате нападения погибнут и невинные люди. Такая процедура ожидается, и так должно было бы быть. Однако практика показывает, что во многих случаях это не так.

Имеющаяся у нас информация (статистика жертв нападений с применением дронов, показания выживших свидетелей и т. д.) свидетельствует о том, что военные зачастую достаточно легко идут на жертвы среди гражданского населения, то есть так называемый коллатеральный ущерб. Одно из объяснений состоит в том, что такие действия оправдываются, среди прочего, важностью ликвидации того, кто попал в список людей, подлежащих отстрелу. При этом в случае какого-либо сомнения исходят из того, что находящиеся рядом с мишенью нападения лица сотрудничают с ней (являются ее товарищами по борьбе, сообщниками) следовательно, тоже являются неприятелями. Иными словами, если позиция возможных случайных жертв нападений дронов не ясна, часто исходят из предпосылки, что они по какой-то причине являются законными целями.

Однако в таких странах, как Афганистан или Пакистан, где комбатанты не носят характерную военную форму и знаки отличия, а наоборот, все носят схожую традиционную одежду, можно ли с уверенностью отделить комбатантов от мирных жителей? Тот факт, что человек, подлежащий ликвидации, вошел в круг из десяти или более лиц, одетых таким же или подобным образом, еще не означает, что они являются его товарищами по борьбе. Они могут быть его родственниками, соседями, деловыми партнерами, должниками, просто зеваками, случайными прохожими, местными журналистами. То, что некоторые из них имеют при себе автоматы, не означает, что подавляющее большинство других имеет к этому какое-то отношение. Впрочем, даже если речь идет о вооруженных людях, вполне возможно, что они всего лишь вооруженная сельская охрана, защищающая село от грабителей, или даже члены какой-нибудь проамериканской группы, которую вооружили сами американцы и которые находятся рядом с тем, кто является целью дрона, так как ведут с ним переговоры о сдаче в плен, перемирии, обмене пленными и т. д.

О том, что эти размышления не лишены оснований, свидетельствует тот факт, что несмотря на всю разведывательную деятельность, подготовку, проверку, идентификацию, видеонаблюдение за критическим участком в течение всей операции и т. д., случается, что снаряды, выпущенные дронами, по ошибке убивают союзников (в ходе одной атаки в 2011 г. американский дрон убил по меньшей мере 25 военнослужащих союзнического Пакистана) и даже своих собственных военных (случай так называемого «дружественного огня»).

В связи с этим возникает логичный вопрос: если операторы дронов не в состоянии распознать союзников в униформе или даже своих собственных военных (а их лица, в принципе, достаточно ясно отличаются от лиц местного населения), как они могут в населенных пунктах отличить неприятельских комбатантов от одетых схожим образом гражданских лиц? Насколько тогда дроны вообще пригодны для применения в вооруженных конфликтах, учитывая многочисленные ограничения, предусмотренные международным военным и гуманитарным правом для защиты гражданских лиц и гражданских объектов.

3. Непоследовательность в соблюдении установленных рамок. Атаки дронов осуществляются произвольно, по решению исполнительных или административных органов конкретного государства, без контроля со стороны судов, а также без какого-либо международного контроля. Следствием этого становится не только свобода решать, кого, где и когда убивать, но и свобода в определении других рубежей.

Кстати, американцы в рамках своей самопровозглашенной «войны с терроризмом» определили на территориях некоторых государств так называемые военные зоны (зоны военных действий), но при этом они убивают дронами и за их пределами. Иными словами, они не соблюдают собственные ограничения. Как в таком случае можно ожидать, что они будут соблюдать рамки, установленные кем-то другим.

4. Жертвы среди гражданского населения. Хотя постоянно утверждается, что время и место нападения дрона тщательно выбираются во избежание гибели мирных жителей, на практике дело обстоит иначе. Принимая во внимание, что это новейший вид оружия, которое является чрезвычайно точным и над которым тот, кто обращается с ним, постоянно имеет полный контроль, в операциях с применением боевых дронов были зафиксированы неожиданно большие жертвы среди гражданского населения. На основании имеющихся данных считается, что их доля в числе жертв достигает 20–30%.

Есть утверждения, что на самом деле ситуация намного хуже. По мнению некоторых исследователей при ликвидации одной выбранной цели американские дроны убивали в среднем около 50 сопутствующих жертв:

Утверждается, что в период с 2004 по 2014 г. США в одном только Пакистане осуществили 408 нападений при помощи дронов, в результате которых погибли 2410–3902 человека, из которых 416–959 были гражданскими лицами (168–204 из них – дети). Эта статистика показывает, что в расчете с меньшим общим числом жертв количество жертв среди гражданских лиц составляет 17,3%, а с большим – 24,6%. Другие источники утверждают, что в Пакистане в результате нападений дронов число жертв среди гражданского населения составило

целых 32%⁴⁷². Хуже того, по некоторым данным, американцы в Пакистане в 2006–2009 гг. ликвидировали при помощи дронов 14 лидеров террористических организаций, а вместе с ними и 700 гражданских лиц, что означает – 50 гражданских лиц на одного человека, подозреваемого в терроризме, или 98% невинных жертв. К аналогичным результатам приходят и те, кто утверждает, что при уничтожении 41 человека, подлежащего ликвидации, были убиты еще 1 147 «других», что означает, что случайные жертвы составили 96,6% всех погибших⁴⁷³.

Практика также показывает, что в случае неудачной первой попытки, нападения дронов на лиц, подлежащих ликвидации, повторялись снова и снова, независимо от числа жертв среди гражданского населения. Так, например, утверждают, что в 2008–2009 гг. было предпринято 16 попыток ликвидировать с помощью ракет одного лишь человека (высокопоставленный член ополчения в Пакистане Байтулла Мехсуд), в результате которых было убито от 207 до 321 человека⁴⁷⁴.

По документам Пентагона, которые недавно стали доступны общественности, 90% тех, кто в течение пяти месяцев 2013 г. был убит с помощью дронов в ходе операции США в северо-восточном Афганистане (*Operation Haymaker*), были непреднамеренными, случайными жертвами (англ. *unintended targets*)⁴⁷⁵.

Согласно известному американскому информационному агентству «Ассошиэтед Пресс» (АП), в 2018 г., после якобы давно предпринятых шагов по сокращению потерь среди мирного населения, до 1/3 убитых американскими беспилотниками в Йемене были гражданскими лицами, среди которых были и дети. Поскольку власти США

⁴⁷² Bergen Peter, Tiedemann Katherine. The Year of the Drone: An Analysis of U.S. Drone Strikes in 2004–2010 // New America Foundation – Counterterrorism. February 24, 2010, 1, http://vcnv.org/files/NAF_YearOfTheDrone.pdf; Serle J., Fielding-Smith A. Monthly Updates of the Cover War: US drone war: 2014 in numbers. The Bureau of Investigative Journalism, January 7, 2015. thebureauinvestigates.com/2015/01/07/us-drone-war-2014-in-numbers/.

⁴⁷³ Kilcullen D., McDonald E. A. Death From Above, Outrage Down Below // The New York Times. May 16, 2009. nytimes.com/2009/05/17/opinion/17exum.html?pagewanted=all&_r=0; Ackerman S. 41 men targeted but 1,147 killed: US drone strikes – the facts on the ground // Guardian. 29 November 2014, theguardian.com/us-news/2014/nov/24/-sp-us-drone-strikes-kill-1147.

⁴⁷⁴ Crawford Neta C. Accountability for Killing: Moral Responsibility for Collateral Damage in America's Post-9/11 Wars. Oxford, 2013. 130.

⁴⁷⁵ Amnesty International UK. US deadly drone strikes. 22 July 2019. www.amnesty.org.uk/thank-you-us-deadly-drones.

скрывают данные, доступны только оценки. Тем не менее, исследование агентства АП показало, что дроны в Йемене только с января по ноябрь 2018 г. убили 88 человек, 24 из которых были мирными жителями, в том числе шесть бойцов проправительственных сил (то есть союзников США), которые были убиты далеко от линии фронта, когда вели мирную жизнь⁴⁷⁶.

Поскольку общее число убитых боевыми беспилотниками постоянно растет, это само по себе означает и рост числа жертв среди гражданского населения.

И это несмотря на то, что время от времени звучат заявления об уменьшении числа жертв среди мирных жителей, пострадавших от беспилотников. Такая статистика обычно отражает лишь текущие тенденции и лишь на территориях некоторых стран. Кроме того, она составляется не на основе объективного независимого расследования на местах, а чаще всего является результатом анализа того, что было опубликовано в газетных статьях. Однако основным источником информации, размещаемой в средствах массовой информации, являются либо официальные заявления правительства США (которые, разумеется, сомнительны), либо данные, полученные от неназванных чиновников иностранных правительств (у которых также есть много причин скрывать реальную ситуацию, или они ее просто не знают). Другими словами, авторы газетных статей сами ничего не проверяли, а лишь передавали то, что им сообщалось.

Дополнительной проблемой является тот факт, что во многих из этих статей признается, что некоторые жертвы не были опознаны, то есть на самом деле не ясно, были ли они комбатантами или гражданскими лицами. В связи с этим можно отметить следующее: поскольку эти лица не были опознаны после нападения беспилотника, значит, их личность и статус не были известны и до нападения, следовательно, нападение было совершено, хотя существовала опасность гибели людей, которые, вполне возможно, совершенно невинны.

Если тщательно проанализировать данные, предоставленные США, то можно увидеть, что в целом число нападений беспилот-

⁴⁷⁶ Michael M., al-Zikry M. Hidden toll of US drone strikes in Yemen: Nearly a third of deaths are civilians, not al-Qaida // Military Times. – November 14, 2018. www.militarytimes.com/news/your-military/2018/11/14/hidden-toll-of-us-drone-strikes-in-yemen-nearly-a-third-of-deaths-are-civilians-not-al-qaيدا/.

ников не только не уменьшилось, но оно постоянно увеличивается, равно как и общее число жертв, а также жертв среди гражданского населения.

США только в Пакистане с 2004 г. до середины 2018 г. совершили 414 нападений дронами, в результате которых было убито в общей сложности 2 366–3 702 человек, из которых 245–303 были гражданскими лицами, а личность еще 211–328 не была установлена. В связи с этим, если мы возьмем средние показатели, то результат будет следующим: в среднем были убиты 3 034 человека, 279 из них были гражданскими лицами, а 270 – не опознаны. Если исходить из логичного предположения, что неопознанные жертвы, скорее всего, были также гражданскими лицами (в противном случае их личность и статус были бы известны), мы приходим к выводу, что случайных жертв в среднем было не менее 549, что составляет 18,0%. При этом следует еще раз напомнить, что вся статистика отражает только то, что разрешил тот, кто преподнес ее средствам массовой информации, а известно, что на войне первой погибает истина. И даже в этом случае получается, что каждый пятый убитый из того оружия, которое, как утверждают, как ни одно другое, является точным, избирательным и надежным, был случайной жертвой. Для такого новейшего вида оружия, над которым тот, кто обращается с ним, имеет полный контроль от начала и до конца операции, это слишком много.

С ноября 2002 г. до середины 2019 г. в результате 285 атак дронов в Йемене было убито от 1 371 до 1 765 человек, из которых 1 193–1 527 человек предположительно были «боевиками», 116–149 гражданскими лицами, а еще 62–89 не опознаны. Можно сделать вывод, что в среднем из 1 568 погибших было в общей сложности 208 случайных жертв (132,5 гражданских лиц и 75,5 неопознанных) или 13,3%. За первых полтора года правления Трампа, только до середины 2018 г. в Йемене было ровно 100 нападений, в которых было убито 270–366 человек, в том числе 27–48 гражданских лиц, а также 29–37 лиц, чья личность не установлена, что означает, что случайные жертвы составили 56–85 человек или в среднем 21,9%⁴⁷⁷.

⁴⁷⁷ Приведенные данные о количестве атак дронов в Пакистане, Йемене и Сомали, а также о количестве общих жертв и жертв среди гражданского населения в результате этих нападений получены из: Drone Strikes: Pakistan. New America. 4 July 2018. www.newamerica.org/in-depth/americas-counterterrorism-wars/pakistan/; Drone Strikes: Yemen. New America. June 24, 2019. securitydata.newamerica.net/drones/yemen-analysis.html; Drone Strikes: Somalia. New America. 12 November, 2019. www.newamerica.org/in-depth/americas-counterterrorism-wars/somalia/.

Ко всему сказанному следует добавить, что статистика не показывает число раненых и тех, кто впоследствии скончался от травм. Кроме того, известно, что США осуществляли атаки с участием дронов и в других странах, а не только в трех, упомянутых здесь. Наконец, из-за того, что все решения и информация находятся в руках ЦРУ и Пентагона, не известно, были ли жертвы нападений дронов правильно классифицированы (то есть сколько из них на самом деле являются гражданскими лицами) и в какой степени реальная ситуация отличается от того, что было обнародовано (фактические цифры могут быть только хуже).

Согласно некоторым источникам с июня 2004 г. по середину ноября 2019 г., то есть в течение примерно 15 лет США совершили не менее 6 786 подтвержденных нападений беспилотников, в результате которых погибли 8 459–12 105 человек, из которых по меньшей мере 769–1725 человек были гражданскими лицами, в том числе по крайней мере 253–397 были дети⁴⁷⁸. Это значит, что в результате нападений американских дронов погибло в среднем 10 282 человека, из которых по меньшей мере 1 247 (12,3%) были гражданскими лицами, а 325 (3,4% от общего числа жертв) – дети. Следует напомнить, что и здесь речь идет лишь о минимальных оценках (наименьшее подтвержденное число нападений и жертв).

Стоит также упомянуть, что США с 2015 г. в одном только Афганистане совершили не менее 5 888 нападений, в результате которых погибло 3 959–5 552 человека, из которых 161–473 гражданских лица, в том числе 37–29 детей⁴⁷⁹.

Если опираться на официальные американские данные, относящиеся к Афганистану, то выясняется, что США в июле 2019 г. совершили там 537, в августе – 810, а в сентябре того же года целых 1 113 нападений дронами, а это значит, что в сентябре совершалось в среднем около 40 нападений каждый день. При такой динамике в одном только Афганистане можно ожидать более 12 000 атак дронов в год. Это ясно показывает нам, что число атак дронов не уменьшается, а растет. Впрочем, ссылаясь на отчеты ООН, некоторые источники утверждают, что за первые девять месяцев 2019 г. пострадало более 650 мирных жителей, а это почти вдвое больше, чем число погибших и раненых гражданских лиц за аналогичный период предыдущего года. Однако на самом деле

⁴⁷⁸ Drone Warfare. The Bureau of Investigative Journalism. 20.11.2019. www.thebureauinvestigates.com/projects/drone-war.

⁴⁷⁹ Drone Strikes in Afghanistan. The Bureau of Investigative Journalism. www.thebureauinvestigates.com/projects/drone-war/afghanistan.

ситуация намного хуже, поскольку за первые девять месяцев в Афганистане в результате воздушных ударов пострадали 885 мирных жителей, 579 из которых погибли и 306 ранены⁴⁸⁰.

Впрочем, после того, как президент Трамп в марте 2017 г. передал полномочия на принятие решений о нападениях беспилотников ЦРУ, можно было ожидать, что число атак увеличится. Во время правления Буша и Обамы ЦРУ предлагало цели, а президент одобрял, значит, он мог и не одобрить некоторые из них. С тех пор как все перешло в руки ЦРУ, этот механизм контроля отсутствует, а значит нет никаких ограничений. В этой связи отмечается, что при президенте Трампе постепенно, но зато значительно возросло количество атак дронов. Это не должно вызывать удивления, ведь известно, что в 2015 г. Трамп, будучи кандидатом в президенты, заявил, что «если вы хотите уничтожить всех террористов, вы должны уничтожить и их семьи»⁴⁸¹.

Согласно вышесказанному, даже если оставить в стороне другие спорные вопросы, факт остается фактом: нападения с использованием такого высокотехнологичного оружия как дроны далеко не столь точны, как утверждается, и в результате таких нападений всегда в значительной степени страдают мирные жители.

Можно было бы возразить, что независимо от мер предосторожности гражданские лица становятся случайными жертвами и других военных операций, проводимых другими средствами и методами. Однако, если при воздушных бомбардировках, артиллерийских обстрелах и подобных им действиях ясно, что зачастую невозможно шадить гражданских лиц в зоне боевых действий, то трудно объяснить, почему операторы беспилотников не отказываются от нападения, когда видят, что в непосредственной близости от их

⁴⁸⁰ Purkiss J. Almost 40 Strikes Every Day in Afghanistan Last Month, The Bureau of Investigative Journalism. October 29, 2019. www.thebureauinvestigates.com/stories/2019-10-29/us-strike-figures-further-intensification-of-air-war-afghanistan; Quarterly Report On the Protection of Civilians in Armed Conflict: 1 January to 30 September 2019. United Nations Assistance Mission in Afghanistan. 17 October 2019. https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/unama_protection_of_civilians_in_armed_conflict_-_3rd_quarter_update_2019.pdf.

⁴⁸¹ Axe D., While No One Is Looking, Trump Is Escalating America's Drone War // Vice. Jun 22 2018. www.vice.com/en_us/article/7xmadd/trump-escalating-americas-drone-war?utm_source=viceadwordsdynamicus&utm_medium=cpc.

цели относительно велика концентрация гражданских лиц. К этому их обязывают не только соображения гуманности, но и принципы, а также конкретные нормы военного и гуманитарного права, защищающие гражданское население и гражданские объекты.

Некоторые критики атак, совершаемых боевыми дронами, указывают на принципиальную безнравственность такой политики, подчеркивая, что если кто-то хочет призвать к идее справедливой войны, то лучше рисковать жизнью собственных комбатантов, чем жизнью вражеских гражданских лиц.

5. Практика разных государств. Предположительно, сегодня боевые дроны имеют не только США, но как минимум еще 30 государств.

Большинство этих стран не вовлечены в вооруженные конфликты, но некоторые из них в них участвуют. В связи с этим интересно отметить, что в их операциях с применением беспилотников почти полностью повторяются негативные явления, связанные с применением боевых дронов Соединенными Штатами.

Известная международная правозащитная неправительственная организация «Хьюман Райтс Вотч» (ХРВ) после проведения расследования подготовила отчет, в котором пришла к выводу, что в период с 27.12.2008 г. по 18.01.2009 г. израильские беспилотники в секторе Газа убили несколько десятков палестинских мирных граждан. Подчеркнув, что до сих пор остается неясным, сколько мирных жителей погибло, и что израильские и палестинские правозащитные организации вместе сообщили о 42 нападениях дронов, в результате которых было убито 87 гражданских лиц, в то время как организация «Международная Амнистия» сообщила, что имеет доказательства гибели 48 гражданских лиц, и что это не полные цифры, ХРВ в своем докладе сосредоточила внимание только на шести инцидентах, в которых израильские дроны убили исключительно 29 палестинских гражданских лиц, в том числе 8 детей. Опираясь на свидетельские показания, видеозаписи и т. д., сотрудники ХРВ пришли к выводу, что во всех этих случаях израильские военные наносили удары по людям, которые все до одного были гражданскими лицами. Ни в одном из этих случаев сотрудники ХРВ не выявили, что на месте атаки дронов присутствовали палестинские комбатанты. Ни одна из жертв не двигалась быстро и не покидала район, поэтому у операторов дронов было достаточно времени, чтобы оценить, наблюдают ли они за гражданскими лицами или комбатантами,

и отказаться от нападения. В результате эти нападения представляют собой грубое нарушение международного гуманитарного права⁴⁸².

В докладе подчеркивается, что технологические возможности беспилотников и ракет, которые они запускают, еще более усугубляют это нарушение. Израильские дроны оснащены камерами высокого разрешения и новейшими датчиками, которые позволяют операторам детально рассмотреть объекты на земле днем и ночью. Кроме того, ракета, выпущенная с беспилотника, имеет собственные камеры, позволяющие оператору наблюдать цель с момента выстрела до момента удара. В случае возникновения сомнений относительно цели после запуска ракеты оператор может дистанционно перенаправить оружие в другое место. Обладая этими новейшими визуальными возможностями, операторы должны были установить отличие между легитимными целями (комбатантами) и гражданскими лицами.

В отчете также подчеркивается, что у дронов обычно есть один пилот, который управляет беспилотником с земли, и один оператор, который при помощи датчиков ищет цели, и что из-за низкой скорости беспилотников и длительности их полета (до 24 часов) они могут летать над полем боя без риска для пилота или оператора, что позволяет принимать решения о выборе цели в спокойной обстановке и после необходимого наблюдения и учета всех соответствующих факторов. Тем не менее в одном случае израильский дрон попал в группу учащихся, ожидавших автобус на автобусной остановке на оживленной главной улице, убив 9 учеников и еще 3 других гражданских лиц. Никаких палестинских комбатантов поблизости не было, никакие военные действия в это время не велись. В докладе также анализируются другие 5 инцидентов и делается вывод о том, что все 6 нападений произошли в густонаселенных районах, что 5 нападений произошли днем, когда гражданские лица совершали покупки, возвращались из школы или занимались другими обычными видами деятельности, которыми бы они не занимались, если бы тогда там были палестинские комбатанты или если бы там велись боевые действия.

Другой пример касается Великобритании. В период с августа 2014 г. по 30 сентября 2019 г., то есть немногим больше, чем за 5 лет только над Сирией и Ираком ее вооруженные дроны выполнили 3 491 операцию и произвели 974 атак⁴⁸³. Это говорит о том, что только в этих

⁴⁸² Human Rights Watch. Precisely Wrong: Gaza Civilians Killed by Israeli Drone-Lanched Missiles. June 30 2009. www.hrw.org/report/2009/06/30/precisely-wrong/gaza-civilians-killed-israeli-drone-launched-missiles.

⁴⁸³ UK Drone Strikes Stats. Drone Wars, <https://dronewars.net/uk-drone-strike-list-2/>.

двух странах они совершали нападения в среднем около 195 раз в год или чаще, чем один раз в два дня. Возникает логичный вопрос: было ли действительно необходимо проводить столько атак дронов, и на кого они были направлены. Все это особенно интересно в свете того факта, что на том же участке, в то же время и против тех же противников действовали и боевые дроны союзника Великобритании – США.

6. Последствия. После такого большого числа нападений дронов, в которых было убито столь значительное количество людей, можно было бы ожидать, что были достигнуты ощутимые результаты в том смысле, что тем, кто применял беспилотники, удалось достичь поставленных целей – победы в вооруженном конфликте, устранения террористических угроз и т. д. Тем не менее, это не так.

Прежде всего, исследования показывают, что из всех убитых, цели высокого порядка (те, из-за кого все это делалось) составляют всего 2%⁴⁸⁴. Другими словами, 98% малозначащих противников или даже совершенно невинных людей (гражданских лиц) убиты, чтобы противник лишился своих предводителей.

Хотя это совершенно неприемлемо, такую политику в известной мере можно понять. Но в этом случае к настоящему времени должны были быть достигнуты исключительные результаты в том смысле, что никакие вооруженные террористические организации не должны были существовать или, по крайней мере, не могли представлять хоть сколько-нибудь серьезной угрозы. Это связано с тем, что первые атаки дронами были совершены еще в 2001 г. и продолжались практически каждый день, а это означает, что особенно опасные террористические организации должны были быть, если не уничтожены, то по крайней мере, полностью дезорганизованы.

Однако практика показывает, что атаки дронов не уменьшили число террористических атак в соответствующих районах. И это не удивительно, когда известно, что борьба с террористами не может вестись одними репрессиями. Убитый лидер террористов в глазах своих единомышленников или сочувствующих получает ореол героя, мученика. Его смерть помогает завербовать новых последователей, а на его место приходит другой, скорее всего, еще более радикальный лидер. Атаки

⁴⁸⁴ International Human Rights and Conflict Resolution Clinic (Stanford Law School) And Global Justice Clinic (NYU School of Law). Living Under Drones: Death, Injury, And Trauma To Civilians From Us Drone Practices In Pakistan. September, 2012. <https://chrjg.org/wp-content/uploads/2016/09/Living-Under-Drones.pdf>.

беспилотников не только не смогли победить терроризм, но наоборот, способствовали вербовке новых террористов, в том числе террористов-смертников. Впрочем, само собой разумеется, что борьба с тем, кто готов взорвать себя (то есть он не боится смерти), должна вестись другими, прежде всего ненасильственными, средствами.

Трудно избавиться от впечатления, что, несмотря на массовые убийства с применением дронов, на которые полагаются, США от этого не стали более безопасным местом. Напротив, смерть невинных и разрушения, причиненные снарядами, выпущенными с беспилотников, вербуют новых бойцов для террористических организаций. Лучшим подтверждением этого является заявление террориста, который пытался заложить бомбу на нью-йоркской площади Таймс-сквер. На вопрос судьи, знает ли он, что он убил бы невинных людей, в том числе детей, он ответил, что он солдат-мусульманин и что идет война, что дроны убивают в Афганистане и Ираке и убивают всех подряд, и детей, и женщин.

Также справедливо отмечается, что даже когда дроны действительно наносят удары только по опознанным террористам, их атаки нацелены на борьбу с последствиями, а не с причинами, и что они скорее являются частью проблемы, а не ее решением.

Кроме того, в атаках беспилотников по существу стираются различия между теми, кто с помощью беспилотников ликвидирует террористов и самими террористами. И действительно, если кто-то совершит такую же атаку, например, на президента США, британскую королеву и т. д., как бы правительства этих стран и мировое общественное мнение квалифицировали такие действия? Без сомнения, как терроризм. Тогда возникает вопрос: разве это не терроризм, когда упомянутые государства делают то же самое с другими?

С другой стороны, рост числа государств, использующих дроны, грозит внести в международные отношения настоящий хаос. Это, среди прочего, связано с тем, что приближается день, когда с помощью этой технологии любой сможет ликвидировать любого. Для этого будет достаточно хорошо спланированной своевременной атаки эскадрильи дронов, вооруженных ракетами. И, что особенно важно, такую атаку можно осуществить, скрыв, кто действительно стоит за ней, то есть подбросив ложные улики, обвиняющие совершенно невинную сторону, что может спровоцировать вооруженный конфликт между ней и другими государствами.

Особой проблемой является тот факт, что боевыми дронами могут легко воспользоваться террористы или организованные преступные группировки, а это открывает совершенно новые вопросы.

Кроме непосредственных последствий для жертв нападений боевых дронов, последствий для международных отношений, безопасности и т. д. возникает вопрос, условно говоря, об обратном эффекте этих атак, то есть как они влияют на тех, кто их выполняет, то есть на операторов боевых дронов.

В связи с этим высказывается опасение, что выполняемые таким образом операции могут способствовать развитию у оператора, так называемого игрового азарта убийства, ментально и эмоционально стимулируя их, и превращая акт убийства в своего рода развлекательную видеоигру без какой-либо жалости и сострадания к жертвам. Операторы могут «стать зависимыми» от этой «игры» и начать, даже неосознанно, стремиться к возбуждающим ситуациям, то есть к ситуациям с максимальным числом жертв⁴⁸⁵.

Вопреки такой возможной и в определенной степени ожидаемой реакции, по крайней мере одной части операторов, исследование американских ВВС, проведенное в 2011 г., показало, что около 47% тех, кто управляет боевыми дронами, испытывают очень сильный стресс. Кроме того, судя по тому, что было опубликовано в СМИ в начале 2016 г., без указания каких-либо точных статистических данных, судя по всему, операторы дронов не только не получают удовольствие, но, наоборот, получают большие психологические травмы, и среди них отмечается высокий уровень самоубийств.

⁴⁸⁵ Поскольку операторы дронов принадлежат поколениям, которые росли, играя в экшен компьютерные игры, то существует опасность, что ими овладеет возбуждение, вызванное фактом, что теперь, нажимая кнопку джойстика, они охотятся на настоящих живых людей, причем в реальном времени. Это может привести к тому, что они примут решение убивать цели нападения и тогда, когда достоверно не установлено, что это действительно те лица, в отношении которых дан приказ о ликвидации, и убивать их и тогда, когда рядом с ними находятся гражданские лица, которые при атаке дрона, вероятнее всего, погибнут, убивать их и тогда, когда существует вариант захвата соответствующих лиц и т. д.

4. АТАКИ ДРОНОВ В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

В правовой литературе боевые дроны чаще всего анализируются в свете некоторых из следующих проблем, а иногда и всех трех: 1) *jus ad bellum*, 2) *jus in bello* и 3) международное право по правам человека.

Нам представляется, что с точки зрения международного права атаки боевых дронов представляют интерес в связи с как минимум пятью проблемами:

- 1) законность атак в зарубежных странах;
- 2) атаки дронов как целевые убийства и другие нарушения основных прав человека;
- 3) вопрос правовой допустимости применения дронов в качестве оружия;
- 4) проблема возможного запрета на распространение дронов как особо опасного оружия;
- 5) попытки использовать эту новую технологию для пересмотра международного права.

1. Атаки в зарубежных странах

Международное право прямо запрещает применение силы или даже угрозы силой в международных отношениях. Если оставить в стороне коллективные меры, которые на основании главы VII Устава ООН Совет Безопасности ООН может определить против агрессора, применение силы допускается только в случае самообороны. Поэтому атаки дронов за рубежом могут быть разрешены только в том случае, если они являются частью самообороны против неспровоцированного незаконного нападения или если они выполняются по просьбе или с согласия территориального государства.

Когда речь идет о самообороне, США и некоторые другие государства пытаются представить действия с применением боевых дронов как своего рода самооборону. Однако право на самооборону связано с защитой от нападения другого государства или других вооруженных сил, причем от нападения, которое является незакон-

ным, неспровоцированным и реальным в том смысле, что оно уже началось или, в исключительных случаях, несомненно, является неизбежным. Сила применяется против вооруженных сил противника с целью защиты от агрессии и, в конечном счете, для победы в войне, навязанной другой стороной, а не против отдельных лиц как таковых с целью их ликвидации.

До сих пор нападения дронами осуществлялись главным образом в мирное время⁴⁸⁶, на основе некоей самопровозглашенной войны с терроризмом, в результате которой были убиты лица, которые находились очень далеко от государственных границ страны, использовавшей дроны, и объективно не представляли реальной непосредственной угрозы. Единственное, на что США могли указать в подтверждение своей позиции, что имеет место самооборона – это недоказанное утверждение, что речь идет о лицах, которые, возможно, однажды поставят под угрозу безопасность США. Однако этого недостаточно, поскольку нет ключевого элемента – вооруженного нападения, а лишь идея, что это может однажды произойти.

С другой стороны, право государств на самооборону не относится к защите от действий отдельных лиц и, в частности, оно не может быть приравнено к действиям, предпринимаемым с единственной целью ликвидации конкретных людей. В этом смысле мы должны согласиться с мнением о том, что, если у США есть веские доказательства того, что человек занимается преступной деятельностью, они должны его арестовать, обвинить и провести справедливое судебное разбирательство, при этом, если они не могут поймать его, это не дает им права убивать. Возникает так же и вопрос, в чем смысл договоров об экстрадиции и правовой помощи, заключенных между США и соответствующими государствами, если США в них просто убивают тех, кого хотят, без какого-либо запроса или судебного процесса.

⁴⁸⁶ До сих пор они в основном предпринимались в Пакистане, Афганистане, Йемене, Ираке, Сомали и т. д. при недостаточно ясных обстоятельствах, в том смысле, что официально война не ведется (кроме самопровозглашенной войны США против терроризма). При этом в некоторых случаях в действительности хотя бы периодически велись боевые действия (с тем, что основание пребывания иностранных, то есть оккупационных сил было спорным), но в других не было даже этого.

Короче говоря, в случаях целенаправленного убийства с помощью дронов конкретных людей в чужой стране, речь не идет о самообороне с точки зрения международного права и эти нападения не могут быть узаконены на этом основании.

Другая проблема связана с (не)существованием просьбы или согласия на совершение нападений с помощью дронов со стороны государства, на территории которого проводятся эти действия. Любая страна может обратиться к иностранному государству с просьбой предоставить вооруженную помощь для подавления вооруженного восстания, мятежа и т. п. Однако если вооруженное вмешательство за рубежом осуществляется без такой просьбы, то это является одной из наиболее грубых форм вмешательства во внутренние дела других стран, что прямо запрещено международным правом. Более того, это одновременно является и нарушением запрета на применение силы в международных отношениях, что означает агрессию. Практика, однако, показывает, что США производили атаки при помощи боевых дронов за рубежом иногда по просьбе или, по крайней мере, с согласия местного правительства, но очень часто без такой просьбы или согласия.

Ряд авторов, особенно в США, поддерживают мнение правительства США о том, что нападения с использованием дронов с правовой точки зрения являются допустимой мерой самообороны и как таковые могут осуществляться и без согласия иностранного государства, на территории которого они предпринимаются. Они стремятся дать теоретическое или, по крайней мере, логическое объяснение и оправдание этой политики и действий, предпринятых на основании этой политики. Таким образом, среди прочего, они утверждают, что практика государств, существующая более века, показывает, что применение силы государством, подвергшимся вооруженному нападению повстанцев или террористов из другого государства, против них в этом другом государстве является законным, если оно не готово или не способно сделать это самостоятельно⁴⁸⁷.

⁴⁸⁷ Deeks Ashley S. 'Unwilling or Unable': Toward a Normative Framework for Extra-Territorial Self-Defense // *Virginia Journal of International Law*. № 3. 2012. P. 486.

На этом основании сторонники таких взглядов приходят к выводу, что дроны с правовой точки зрения: 1) являются допустимым средством самообороны против негосударственных субъектов, базирующихся в иностранном государстве, из которого совершаются вооруженные нападения, хотя 2) нет явного согласия иностранного государства, 3) нападения негосударственных субъектов не могут вменяться иностранному государству и нет вооруженного конфликта между иностранным государством и США, но 4) иностранное государство не готово или не способно остановить атаки.

Отстаиваемая ими позиция и практика неприемлемы, поскольку они противоречат основным принципам, а также конкретным нормам современного международного права.

С другой стороны, некоторые уже говорят о вооруженном вмешательстве с применением дронов как о новой форме интервенционизма. И действительно, если в прошлом было необходимо посылать экспедиционный корпус или канонерские лодки, чтобы навязать свою волю отдаленным землям и народам (что требовало серьезной подготовки, значительного числа живой силы, соответствующего транспорта, денег и времени, и подразумевало определенные человеческие жертвы), сегодня этого можно достичь относительно быстро, легко и незаметно при помощи беспилотных летательных аппаратов. Однако любое серьезное вооруженное вмешательство, в том числе осуществляемое боевыми дронами, является формой агрессии, которая затрагивает вопрос о международной ответственности государства, предпринявшего интервенцию, а также об индивидуальной уголовной ответственности лиц, отдающих приказы, и непосредственных исполнителей.

Здесь нужно отметить, что часть юридической литературы, особенно англосаксонской, рассматривает атаки дронов за рубежом как проблему *jus ad bellum*. Это совершенно неверно.

В современном международном праве нет права на войну. Право на самооборону – это не право на войну, а юридически допустимый ответ на агрессию, войну, начатую кем-то другим. Аналогичным образом, коллективные вооруженные действия ООН проводятся не на основе какого-либо права на войну, а как ответ на незаконное нападение, как форма помощи жертве агрессии. С другой стороны,

действия, направленные на ликвидацию реальных или предполагаемых террористов, не являются «войной». Если бы мы называли их «войной», то для того, что всегда подразумевалось под этим словом, нам пришлось бы придумать новый термин. Наконец, вооруженные действия боевых дронов в других странах не означают начало войны против этих государств, а тем более начало войны против них на основе некоего права на войну. Даже если они предпринимаются без согласия страны, на территории которой проводятся, эти действия до сих пор были направлены против конкретных лиц и групп, без развязывания вооруженного конфликта против этой страны. Напротив, правительства соответствующих стран, где при помощи дронов ведется наблюдение и производятся ракетные удары, часто находятся не только в мирных или дружественных отношениях, но и являются союзниками США.

2. Нападения дронов и права человека

Говоря коротко, атаки дронов являются формой целевых убийств. По сути, речь идет о своего рода преднамеренном убийстве, о смертной казни без судебного разбирательства, без права на защиту и без судебного приговора, причем зачастую неизвестно, кто и почему отдал приказ о казни. Где здесь право на жизнь, право на справедливое судебное разбирательство, право на защиту и другие основные права человека?

Боевые дроны не только незаконно убивают и наносят ранения непосредственным жертвам нападения, они также нарушают основные права человека и свободы многих других лиц. В результате атак беспилотников часто гибнут и «гражданские лица», то есть совершенно случайные жертвы, которые погибают на месте, умирают впоследствии в результате травм, остаются инвалидами на всю жизнь и т. д.

Это еще не все. Атаки дронов крайне отрицательно действуют на общее благополучие гражданских лиц. Они делают невозможным или затрудняют спасение гражданских лиц и предоставление им, в случае необходимости, медицинской помощи: во время нападения и/или вследствие нападения дронов врачи, машины скорой

помощи и т. д. не могут вовремя добраться к жертвам. Атаки беспилотников также оказывают пагубное влияние на экономическое положение и имущество гражданских лиц: в результате разрушения объектов, где они работали, люди остаются без работы, снаряды, выпущенные из беспилотников, уничтожают или наносят серьезный ущерб их домам, автомобилям, другой частной собственности и т. д. Также нарушаются такие основные права человека, как свобода передвижения, право на труд, право на собственность и т. д. Дроны очень плохо влияют на психическое здоровье гражданских лиц с точки зрения причинения им психологических травм, полученных не только в результате пережитого нападения, но и ввиду самого их присутствия, которое заставляет население осознавать, что нападение может произойти в любой момент. Дроны кружат над определенными районами круглыми сутками, терроризируя тем самым жителей, которые чувствуют себя так, как будто они все время находятся на прицеле и только от чьей-то доброй или злой воли, или даже от простой ошибки зависит, будут ли они убиты или нет. Атаки дронов очень плохо сказываются и на всех других аспектах жизни простых жителей соответствующих районов: возможности получать регулярное образование; возможности проведения традиционных похорон; на экономической, социальной и культурной активности гражданского населения; на доверии обществу и т. д. К этому следует добавить, что кроме прав первого (гражданские и политические права) и второго поколения (экономические, социальные и культурные права) нападения боевых дронов серьезно нарушают основные права человека третьего поколения (коллективные права), в частности право на мир, право на здоровую окружающую среду и право на развитие.

Таким образом, атаки дронов, которые мы наблюдаем в последние годы, несомненно, представляют собой серьезное нарушение основных прав и свобод человека.

Отсутствие санкций со стороны международного сообщества на данный момент является следствием политических факторов, и особенно того, что за подавляющим большинством этих атак стоят США, как все еще самая могущественная страна в мире. Это, однако, не меняет ни сути самого явления, ни его незаконности.

Впрочем, достаточно представить, что произойдет, если той же политики будет придерживаться маленькая страна, нападая на территории других государств на лиц, которых она объявила своими врагами. Она не только столкнется с жесткими международными санкциями, но, скорее всего, против нее будет предпринято международное вооруженное вмешательство с целью свержения преступного правительства, которое так грубо нарушает права человека и международное право в целом.

3. Правовая допустимость дронов

Один из наиболее интересных вопросов – являются ли дроны допустимым оружием, если да, то при каких условиях, если нет, то почему не являются. Это важнейшая проблема с позиции военного и гуманитарного права.

Некоторые заходят настолько далеко, что проблему правовой допустимости боевых дронов оборачивают в ее противоположность, настаивая, что в наше время их применение не только разрешается, но (за счет высокотехнологичности и точности этого оружия, что позволяет резко сократить жертвы среди гражданских лиц) существует обязательство использовать дроны в боевых операциях. Более умеренный взгляд, хотя и основанный на аналогичных позициях, имеют те, кто заявляет, что автономные системы вооружения (а к ним частично относятся и дроны) не являются сами по себе незаконными или противоречащими морали, в особенности потому, что развитие используемой технологии обещает, что вооруженные конфликты будут вестись с более точным выбором целей и причинением меньшего ущерба на поле боя. Таким образом, ряд авторов четко выступает в пользу несомненной, по их мнению, законности и даже желательности применения боевых дронов.

Другие смотрят на проблему намного реальнее, занимая, условно говоря, нейтральную позицию. Для них речь не идет ни о каком особом явлении. Боевые дроны для них такое же оружие, как и любое другое конвенциональное оружие и поэтому, при общих ограничениях, налагаемых международным правом, их применение разрешено. Иными словами, для них проблема заключается не в самом

оружии, а в способе его применения. Указывая на определенные конкретные проблемы из практики, такие как неизбежные нападения, нападения на гражданских лиц и т. п., эти авторы в основном заявляют, что речь идет о случаях грубого нарушения норм международного права вооруженных конфликтов, а не о каком-то принципиально новом явлении. Более того, некоторые из приверженцев этой точки зрения считают, что не требуются никакие новые, специальные нормы международного военного и гуманитарного права, специально посвященные регулированию юридического статуса и условий применения боевых дронов.

Третьи оспаривают законность боевых дронов, указывая, что они отнюдь не являются «обычным» оружием. Согласно этим авторам, если бы дроны использовались только в исключительных обстоятельствах, вероятно, не возникало бы много вопросов. И действительно, в чем разница между нападением с помощью ракеты, выпущенной на полной скорости пилотом реактивного самолета, (например, американского F-16) и той же ракеты, выпущенной с беспилотного летательного аппарата. Эти авторы, однако, указывают, что мы имеем дело не с отдельными случаями использования боевых дронов, а с новой концепцией применения силы, которая, как считается, будет иметь доминирующую роль в будущем. При этом полагают, что к ней, опираясь на эту технологию, будет склоняться все больше государств и негосударственных субъектов.

Наконец, некоторые заходят так далеко, что утверждают, будто дроны должны использоваться только в мирных целях.

Принимая во внимание четыре вышеупомянутых подхода, которые в связи с проблемой допустимости применения дронов в вооруженных конфликтах дают различные ответы, мы сразу можем отбросить две крайности. В принципе, использование беспилотных летательных аппаратов в военных целях не является ни всегда допустимым, ни всегда запрещенным.

Это значит, что дроны в принципе не запрещены международным правом. Прежде всего, большинство существующих беспилотных летательных аппаратов не вооружены, что значит и не предусмотрены для нападений. Даже если речь идет о вооруженных (боевых) дронах, невозможно дать единый ответ, потому что нужно

проводить различие между самим средством (которое в принципе разрешено) и способом его применения (который, в зависимости от случая, может быть как разрешенным, так и запрещенным).

Прежде всего, дроны в вооруженном конфликте могут использоваться для многих целей, которые вообще не означают убийственные атаки. Иногда подчеркивается, что их главное применение сводится к убийству (целевые убийства), наблюдению (надзору) и оказанию помощи (доставке гуманитарной помощи). Иными словами, беспилотные летательные аппараты могут использоваться и для задач, которые вообще не состоят в нападении, в том числе и для спасения человеческих жизней. Однако возможностей использования беспилотных летательных аппаратов в военных целях несопоставимо больше. Дроны являются легальным средством не только когда используются для наблюдения, надзора и доставки гуманитарной и другой помощи (например, продовольствия, лекарств, но также и боеприпасов и оружия своим подразделениям), но и когда используются для передачи информации и предметов (например, различных документов, средств связи и т. д.), для разбрасывания листовок, транслирования пропагандистских аудиопрограмм (например, призыва противника к сдаче), освещения местности, разминирования территории (стрельбы по местности с целью активирования мин), для введения противника в заблуждение⁴⁸⁸ и т. п.

Намного сложнее проблема применения боевых дронов для нападения, что значит для уничтожения целей противника в ходе вооруженного конфликта⁴⁸⁹. На первый взгляд кажется, что здесь нет ничего спорного. Они являются легальным оружием, ког-

⁴⁸⁸ Уже изобретена тактика симулирования атаки роя малых беспилотных летательных аппаратов. Ее цель заключается в том, чтобы противник, увидев их на радарх, решил, что подвергнут массированной атаке военных самолетов или ракет и выпустил по ним залпы своих ракет земля-воздух. Тем самым его противовоздушная оборона была бы значительно ослаблена, что не только сделало бы намного более эффективным настоящее воздушное нападение, но и резко сократило бы потери нападавшего. В принципе, речь идет о военной хитрости, которая как таковая не запрещена международным правом.

⁴⁸⁹ Разумеется, дроны могут использоваться для нападения в какой-либо антитеррористической или подобной операции полиции, на собственной территории соответствующего государства, однако здесь для нас это не представляет интерес.

да используются для нападения на четко определенные военные цели – живую силу и военные объекты неприятеля. В этом смысле мы должны согласиться с мнением, что для проблемы законности любого оружия ключевым вопросом является то, находится ли его конкретное применение в соответствии с нормами международного гуманитарного права.

И действительно, если дроны используются с соблюдением принципов и норм международного военного и гуманитарного права, то они принципиально не отличаются от другого подобного оружия. По-видимому, нет разницы между уничтожением легитимной цели снарядом, выпущенным с беспилотного летательного аппарата, или ракетой, выпущенной, например, с вертолета, бронетранспортера или военного судна. Во всех этих случаях речь идет о законном нападении при условии, что соблюдены ограничения, установленные международным военным и гуманитарным правом в отношении методов ведения войны (нападение исключительно на военную цель, проведение различия между комбатантами и гражданскими лицами, отказ от нападения, если оно может вызвать большие жертвы среди гражданских лиц и т. д.) и в отношении средств ведения войны, в смысле запрета оружия массового уничтожения и т. д. (в принципе дрон может быть вооружен и снарядами с химическим, биологическим и даже ядерным оружием), оружия, причиняющего ненужные страдания и т. д. Еще интереснее, что иногда дроны выпускают такие же снаряды (такие же ракеты), как и некоторые другие упомянутые платформы, законность которых (и ракет, и платформ) не ставится под вопрос. Тогда это дополнительно подтверждает, что дилемму вызывает не само средство, а способ его применения.

Некоторые авторы пытались уточнить условия, при которых нападение дроном было бы законным. Например, следующие:

1) это необходимо для осуществления конкретного военного преимущества;

2) нападение должно быть направлено только на законные цели – комбатантов, гражданских лиц, утративших защиту вследствие непосредственного участия в военных действиях, и военные объекты;

3) командующие или операторы не должны допускать нападения, если знают или должны знать, что оно вызовет чрезмерный коллатеральный ущерб среди гражданских лиц и гражданской собственности;

4) командующие и операторы должны установить пропорциональное равновесие между рисками для гражданских лиц, гражданских объектов и ожидаемым военным преимуществом;

5) командующие и операторы должны проявлять постоянную заботу и принимать разумные меры предосторожности для защиты гражданского населения от смерти и уничтожения;

6) командующие и операторы не должны наносить удары дронами там, где велика вероятность, что это вызовет излишние страдания или чрезмерные повреждения;

7) нападение может быть совершено только в рамках фактического вооруженного конфликта;

8) нападение дроном могут осуществлять только законные комбатанты;

9) командующие и операторы должны получить предварительное согласие (даже если имеют принципиальное полномочие) государства, на территории которого будет нанесен удар, кроме случаев, когда это государство не желает или не в состоянии контролировать создающие угрозу действия на своей территории;

10) командующие и операторы могут в определенных обстоятельствах следовать нелетальному развитию операции, если захват или помещение цели под стражу требует одинаковых усилий.

Вне указанных рамок нападение было бы незаконным, то есть являлось бы военным преступлением, а возможно и преступлением против человечности.

Однако не все так просто. Проблема в том, что оценку того, удовлетворены ли упомянутые условия, на практике дает сама сторона, совершающая нападение. Даже если переступить через это, остается открытым вопрос толкования точного значения этих условий. Приведем всего несколько примеров.

Так, например, если исходить от сформулированных выше условий, одно из них (под номером 7) гласит, что атака дроном может быть осуществлена только в рамках фактического вооруженно-

го конфликта. Но что точно представляет собой и когда существует фактический вооруженный конфликт? На практике каждое государство имеет собственное видение этого.

Спорным является и условие номер 9, согласно которому командующие и операторы должны получить предварительное согласие (даже если имеют принципиальное полномочие) государства, на территории которого будет нанесен удар, *кроме случаев, когда это государство не желает или не в состоянии контролировать создающие угрозу действия на своей территории* (выделено мною. – Б.К.). Разумеется, что государство, совершающее атаку дронами, само оценит, можно ли считать, что территориальное государство не желает или не в состоянии контролировать создающие угрозу действия на своей территории, а также то, что на самом деле означает «создающие угрозу действия». Иными словами, в конечном счете все будет зависеть от воли государства, которому принадлежат боевые дроны, но тогда это условие теряет смысл, поскольку не представляет собой никакую объективную норму. С другой стороны, целая конструкция сознательно подразумевает нарушение суверенитета территориального государства, при том, что на практике это может сделать только великая держава за счет какого-либо более слабого государства. Это не просто принципиальные размышления, так как практика показывает, что Пакистан, в определенный момент одобрявший американские атаки дронами на своей территории, впоследствии отозвал это одобрение, но это не заставило США отказаться от использования дронов-убийц в этой стране. Также, поскольку здесь упоминаются «создающие угрозу действия» с территории третьего государства, ясно, что не имеется в виду война или вооруженный конфликт, так как в этом случае, если эта третья страна является неприятелем, нападения на законные цели на ее территории были бы разрешены; если является нейтральной, были бы запрещены; а если является союзнической, то были бы бессмысленны. Тем самым это условие, предполагающее, что отношения с иностранным государством, о котором идет речь, мирные, вступает в конфликт с упомянутым условием из пункта 7, которое требует существования вооруженного конфликта. Наконец, формулировка «создающие угрозу действия» (например,

«место, с которого осуществлено нападение») говорит о том, что подразумевается не реальная самозащита от нападения, которое действительно предпринято, а превентивная, когда государство, которое якобы защищается, на самом деле не подвергнуто нападению, а только предвидит возможную угрозу в будущем.

В списке изложенных условий, условие под номером 10 говорит о том, что командующие и операторы могут в определенных обстоятельствах следовать нелетальному развитию операции, если захват или помещение цели под стражу требует одинаковых усилий. В связи с этим возникают сразу две дилеммы. Прежде всего, эта формулировка в действительности не говорит ни о каком условии, ни об обязательстве командующих и операторов отказаться от ликвидации цели, если она может быть нейтрализована другим способом. Здесь только указывается возможность, но решение остается в руках командующих и операторов. Это одновременно означает, что они в принципе будут следовать летальному развитию операции и возможно откажутся от него только «в определенных обстоятельствах» и при условии, что захват или помещение цели под стражу требует «одинаковых усилий». Другой проблемой является то, что из этой формулировки ясно следует, что имеется в виду не война (вооруженный конфликт), а операция по ликвидации (целенаправленное убийство) конкретной личности, так как на войне противник подвергается нападению для достижения военного преимущества, а не для ликвидации, захвата или ареста.

Наконец, если мы сопоставим всего три условия, специально выделенные нами, то увидим явственную нелогичность, выражающуюся в том факте, что условие номер 7 настаивает на том, что атака дроном может быть совершена «только в рамках фактического вооруженного конфликта», а в связи с условиями номеров 9 и 10 очевидно, что имеется в виду не вооруженный конфликт, а некая антитеррористическая или аналогичная операция.

Приведенные примеры и размышления демонстрируют, что определить условия, при которых нападение дроном может быть законным, совсем не так просто, как может показаться на первый взгляд. Все еще более усложняется, если мы немного углубимся в проблему.

А именно, любой беспристрастный анализ должен показать, что дроны все же не являются «обычным оружием». Многие связанные с ними по меньшей мере спорно.

1. Атаки дронов как целевые убийства. В существовавшей до настоящего времени практике атаки дронов не были или хотя бы в основном не были атаками на, условно говоря, безликих врагов, как в случае нападения например, на танк противника, корабль, бункер или артиллерийского обстрела пехоты противника и т. д. Более того, многие нападения были нападениями не на неприятеля в смысле военного и гуманитарного права, а в лучшем случае на лиц, обвиненных в том, что они являются террористами, а зачастую и на тех, кто только воспринимались как политические противники или по какой-либо причине подозрительные лица.

При реальном рассмотрении происходящее на местах показывает нам, что атакующие действия беспилотных летательных аппаратов в сущности являются только разновидностью т. н. целевых убийств. Таким образом, речь идет о внесудебных казнях, которые и в обычных обстоятельствах (в мирное время) запрещены и наказуемы, а при совершении во время войны являются военным преступлением и/или преступлением против человечности, независимо от того, идет ли речь о международном или немеждународном конфликте.

Касательно международных вооруженных конфликтов, такие решения предусматривают:

- нормы обычного международного права вооруженных конфликтов;
- Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (1949), ст. 32 и 147, запрещающая убийство гражданских лиц, находящихся во власти какой-либо из договаривающихся сторон⁴⁹⁰ и уточняющая, что преднамеренное убийство представляет собой серьезное нарушение Конвенции;
- Дополнительный протокол I (1977 г.) к Женевским конвенциям о защите жертв войны (1949 г.) ст. 48, 51/2, 51/5/b и т. д., которого, помимо

⁴⁹⁰ Хотя гражданские лица, находящиеся на прицеле боевых дронов, физически находятся на территории другого государства, то есть формально под его юрисдикцией, в момент принятия окончательного решения об атаке дрона и совершения самой атаки они фактически находятся во власти государства, которому принадлежит дрон, так как только оно, а не какая-то другая сила принимает тогда решение о том, будут ли они жить или нет. На самом деле власть территориального государства в этот момент зачастую и не достигает лиц, о которых идет речь.

прочего, обязуют стороны, находящиеся в конфликте, «всегда проводить различие между гражданским населением и комбатантами» и «направлять свои военные операции только против военных объектов»; уточняют, что «гражданское население как таковое, а также отдельные гражданские лица не должны являться объектами нападений»; запрещают «нападение, которое, как можно ожидать, попутно повлечет за собой потери жизни среди гражданского населения, ранения гражданских лиц, ущерб гражданским объектам или то и другое вместе, которые были бы чрезмерны по отношению к конкретному и непосредственному военному преимуществу, которое предполагается таким образом получить» и т. д.;

– Римский статут Международного уголовного суда (1998 г.) в качестве деяний, подпадающих под юрисдикцию Суда, в числе преступлений против человечности на первом месте указывает «убийство» (ст. 7/1/a/i), а в числе военных преступлений указывает «умышленное убийство», «умышленные нападения на гражданское население или отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях» и «умышленное совершение нападения, когда известно, что такое нападение явится причиной случайной гибели или увечья гражданских лиц» (ст. 8/2/a/i, 8/2/b/i и 8/2/b/iv);

– статья 2/а Устава Международного трибунала по бывшей Югославии (1993 г.), который, предусматривая юрисдикцию этого органа в отношении серьезных нарушений Женевских конвенций (1949 г.), на первом месте указывает «умышленное убийство» и т. д.

Когда речь идет о немеждународных вооруженных конфликтах, достаточно напомнить о:

– статье 3/1/1, которая одинакова во всех четырех Женевских конвенциях о защите жертв войны (1949 г.), и которая уточняет, что в ходе этих конфликтов в отношении лиц, непосредственно не принимающих участия в военных действиях запрещается «осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии всех судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями»;

– Дополнительном протоколе II (1977 г.) к Женевским конвенциям о защите жертв войны, особенно ст. 4/2/a, 6, 13/2 и т. д., которые запрещают посягательство на жизнь и убийство; предписывают, что наказание за уголовные преступления, связанные с вооруженным конфликтом, может быть вынесено только на основе приговора суда, обеспечивающего основные гарантии независимости и беспристрастности после надлежащим образом проведенного судебного разбирательства; уточняют, что гражданское население и отдельные гражданские лица не должны являться объектами нападения и т. д.

Кто-то может сказать, что лица, ликвидированные в последние несколько лет с помощью дронов, были легальными целями⁴⁹¹, так как являлись комбатантами или гражданскими лицами, непосредственно принимавшими участие в военных действиях. Однако в большинстве случаев это просто совсем не так.

Прежде всего, многие из этих лиц были убиты, хотя вооруженного конфликта не существовало (США в этот момент не находились в состоянии войны с Афганистаном, Пакистаном, Йеменом, Сирией, Ираком, Сомали, Ливией, Филиппинами и т. д.). Также большинство этих лиц в тот момент, когда оператор беспилотного летательного аппарата выпустил ракету, не были задействованы ни в какой военной операции, и даже не были вооружены. Кстати, многие жертвы дронов были убиты вне так называемой «военной зоны» (зоны военных действий), которую определили сами США. Это само по себе ясно говорит о том, что эти лица не могли непосредственно участвовать в военных действиях.

В связи с убийствами, осуществляемыми с помощью дронов, сталкиваемся и с рядом других проблем. Поскольку эти операции всегда покрыты завесой секретности, возникает множество вопросов, таких как: как вообще подобные акции могут контролироваться и сводиться к необходимой мере, если публично не известно, кто и по какому критерию дал приказ об отстреле⁴⁹²; как можно гарантировать, что убийства, совершаемые таким способом, являются

⁴⁹¹ Здесь речь идет только о тех, которые осознанно взяты на прицел и подвергнуты обстрелу, а не о случайных гражданских и других жертвах.

⁴⁹² Хотя формально в большинстве стран полномочие дает глава государства, он на практике почти без исключения подпишет приказ, предложенный ему и обоснованный руководителем компетентной службы. Однако и в этих случаях существует момент, когда кто-то принимает решение о том, что определенное лицо должно быть ликвидировано – все остальные должностные лица, занимающие в командной структуре вышестоящее положение, только утверждают это решение. Хотя они могут не дать своего согласия, на практике они опираются на то, что расследование и оценка надлежащим образом проведены (сами они этим отдельно не занимаются и не имеют времени для этого, а, вероятно, и не желают отягощать свою совесть, глубже вникая в рассмотренные проблемы). В США контроль над этими операциями еще более сократился с тех пор как в марте 2017 г. президент Трамп передал ЦРУ свое полномочие на авторизацию атак дронов, и поэтому после этого удары по подозреваемым в терроризме совершаются уже без согласования с Белым домом.

легальными в соответствии с военным правом; кто и каким способом принимает решение об ответственности лиц, отдающих приказы (командующих) и исполнителей (операторов дронов) за возможное военное преступление (стандартные механизмы надзора за военнослужащими здесь малоэффективны, потому что информация об атаках дронами скрывается и только избирательно представляется общественности, при том, что, с другой стороны, большинство операторов в США являются не военнослужащими, а агентами ЦРУ); имеют ли право родственники незаконно убитых на возмещение ущерба и от кого они должны его требовать и т. д.

О серьезности проблемы свидетельствует и то, что целевые убийства дронами нашли противников и в самих США, и даже из рядов бывших военных. В середине 2015 г. 45 из них, включая и одного вышедшего на пенсию бригадного генерала, коллективным письмом напомнили общественности, что до этих пор в результате таких нападений в Афганистане, Пакистане, Йемене, Сомали, Ираке, на Филиппинах, в Ливии и Сирии было убито не менее 6000 человек. Заявив, что тем самым попорчены принципы международного права и прав человека, они призвали пилотов дронов отказываться выполнять приказы о целевых убийствах⁴⁹³. Это, кстати, был не единственный публичный протест американских военных против применения боевых дронов⁴⁹⁴.

2. Вопрос морали и бесчестия. Здесь же поднимается и проблема морали и правовой допустимости применения беспилотных летательных аппаратов как средства, практически не оставляющего

⁴⁹³ Pilkington E. Former US military personnel urged drone pilots to walk away from controls // Guardian. 17 June 2015. theguardian.com/world/2015/jun/17/former-us-military-personnel-letter-us-drone-pilots?CMP=fb_gu. В статье указывается, что уже в предыдущий, 2014 г. было отмечено, что действительно снизилось число лиц, заинтересованных в управлении беспилотными летательными аппаратами – хотя планировалось, что их будет 1700, их количество составило около 1200, вследствие чего ежедневное количество полетов с запланированных 65 было вынужденно сокращено до 60.

⁴⁹⁴ Один из недавних прошел в середине октября 2019 г., когда перед зданием ООН в Нью-Йорке против применения боевых дронов протестовало около 20 бывших американских военных. Rohrlich J. Why a US soldier turned against drone warfare // Quartz. October 16, 2019. <https://qz.com/1725819/why-a-us-soldier-turned-against-drone-warfare/>.

шанса на выживание тому, кто выбран в качестве мишени (а также тем, кто находится поблизости от него), и одновременно гарантирующего полную безопасность и даже комфорт тому, кто его использует⁴⁹⁵. Иными словами, возникает вопрос, являются ли такие действия бесчестными, вероломными?

И действительно, в то время, когда именно по причине их коварного действия, соответствующими конвенциями запрещено не только применение, но и производство, хранение и т. д. сначала мин-ловушек, а затем и противопехотных мин, мы должны задаться вопросом: почему эти мины являются подлым (вероломным) оружием, а атаки дронами – нет? В чем разница между ситуациями, когда кто-то, ничего не подозревая, будет убит взрывом снизу и когда то же самое будет сделано точным нападением сверху?

Более того, многое указывает на то, что атаки дронами на самом деле гораздо более бесчестны. В случае с миной противник имеет шансы выжить (даже если будет тяжело ранен или получит увечье), а имеет шанс и вовсе не подорваться на ней (если не наступит на нее или раньше него на нее наступит кто-то другой, например, какое-то животное). Также он может, узнав о минном поле, приступить к его разминированию или просто обойти его. Кстати, противопехотная мина ожидает неизвестного противника, который выйдет на нее с определенного направления, она не направлена ни на какое-то конкретное лицо. При атаке дрона все по-другому: смерть почти неизбежна; ракета попадает именно в того, кто обозначен как мишень; после того как нападение начато, то нет ни времени, ни возможности его избежать; вместе с непосредственной жертвой гибнут и многие случайно оказавшиеся рядом лица, включая гражданских лиц⁴⁹⁶ и т. д.

Атака дрона больше всего похожа на нападение снайпера. Однако даже пули снайпера жертва может избежать (если, например, случайно нагнется, пока пуля летит в ее направлении, если резкий порыв ветра

⁴⁹⁵ Операторы, осуществляющие наведение беспилотных летательных аппаратов, обычно располагаются в удобных креслах, в бункерах, иногда и на расстоянии нескольких тысяч километров от места, в котором действует их дрон. Они не подвергаются никакому риску и нет способа, которым противник мог бы нанести им ответный удар. Он не имеет представления, кто они и где находятся, а если бы и знал, он был бы неспособен создать для них угрозу.

⁴⁹⁶ Противопехотные мины в основном убивают или ранят одного человека, возможно, еще всего нескольких, находящихся в непосредственной близости. На самом деле наиболее широко используемые противопехотные мины (мины типа «паштет», получившие свое название благодаря внешнему сходству с банкой паштета), в основном отрывают часть стопы или ноги, то есть сконструированы таким образом, чтобы только тяжело ранить и вывести из строя, а не убить жертву.

изменит траекторию пули и т. д.). Даже при наличии суперсовременных снайперских винтовок стрелок должен рассчитать полет пули, что отнюдь не просто (то есть он может и промахнуться), и становится все труднее по мере удаления от цели. Наконец, сам снайпер подвергается риску и может погибнуть, а также другим неблагоприятным воздействиям (часами и даже днями почти неподвижно подстерегая жертву, он терпит неприятные и даже вредные погодные условия, такие как мороз, дождь, солнце и т. д.), что может негативно сказаться на точности его стрельбы. Оператор дрона, напротив, сидит в удобном кресле, сфокусировавшись только на экране, скорость и мощь выпущенной им ракеты такова, что после ее запуска у жертвы нет времени, чтобы обратиться в бегство, так как даже если она и заметит летящий к ней снаряд, она в любом случае останется в центре взрыва. Также оператор сам ведет ракету до желаемой точки и все время может при необходимости корректировать траекторию, так что промах практически невозможен. Наконец, снайпер убивает одного человека, а если он действительно искусный стрелок, возможно, двух (остальные сразу бросятся в укрытие), а оператор дрона одномоментно убивает всех, оказавшихся в районе детонации ракеты. Поэтому, если вполне справедливо можно заметить, что в нападениях снайперов (особенно имеющих современные снайперские винтовки, убивающие с расстояния 3 и более километров) есть элементы подлости и бесчестности, нет сомнения, что это гораздо более выражено в случае боевых дронов.

3. *Нападения на гражданских лиц.* Следующая проблема заключается в том, каковы гарантии, что нападение будет направлено исключительно на комбатантов.

Если бы дроны использовались только против вооруженных сил противника (бронетанковых подразделений, солдат в бункерах, военных кораблей и т. д.), то ситуация в принципе была бы ясна. Однако на практике это не так. В действительности все почти совершенно иначе.

Лица, отдающие приказы о нападениях и операторы беспилотных летательных аппаратов часто совершают нападения и далеко за пределами так называемых военных зон. При этом они не проводят различия между комбатантами противника и «террористами», хотя первые являются юридической, а вторые в большей степени политической категорией⁴⁹⁷. Что еще хуже, они зачастую не проводят разли-

⁴⁹⁷ Как хорошо известно, нет единого общепринятого определения террористов. Причина этого заключается в том, что в одних и тех же лицах одни государства усматривают террористов, а другие – борцов за свободу.

чие ни между «террористами» и гражданскими лицами. Вследствие этого гражданские лица принимаются в качестве объекта нападения или, как минимум, дается согласие на их уничтожение, так как якобы неясен их статус (комбатанты они или гражданские лица).

На самом деле, по-видимому, исходят из предпосылки, что эти лица, по меньшей мере, являются сочувствующими и сторонниками «террористов», если находятся поблизости от них, что делает их в головах тех, кто руководит атакой дрона, «соучастниками» и поэтому в равной мере «виновными» и в равной мере неприятелями. Здесь мы видим только одно из множества негативных последствий американского объявления «войны против терроризма» и смешения на этой основе взаимно несовместимых категорий и институтов международного права вооруженных конфликтов с категориями и институтами уголовного права. Это приводит к сознательному стиранию различий между такими принципиально разными институтами и явлениями как «комбатанты и гражданские лица» и «преступники (виновники) и соучастники»; «неприятельские вооруженные силы» и «террористическая организация»; «участие в боевых действиях» и «совершение уголовного преступления»; «враждебные действия» и «террористический акт»; «захват в плен» и «арест»; «военнопленный» и «заклученный» («узник») и т. д.

Эти заключения подтверждает простой факт, что во многих случаях, когда гражданские лица принимались в качестве цели нападения или массово гибли как побочные жертвы нападения, речь не шла о какой-либо случайности или ошибке. На это указывает слишком большое число таких «ошибок», а также слишком большое количество жертв столь передового и точного оружия среди гражданских лиц.

Это, кстати, подтверждает и факт, что стало известно о разработке американскими операторами дронов специальной тактики «двойного касания» (англ. *Double tap*), состоящей в том, что после первой атаки они сознательно наносят удар по тем, кто пришел на помощь жертвам (спасает раненых или извлекает из-под обломков погибших)⁴⁹⁸. Поскольку в эти моменты все, кто оказывает помощь, в принципе играют роль санитарного персонала, то эти лица, даже если являются ком-

⁴⁹⁸ Rohrlich J. Why a US soldier turned against drone warfare // Quartz. October 16, 2019. <https://qz.com/1725819/why-a-us-soldier-turned-against-drone-warfare/>.

батантами, и особенно если таковыми не являются, не должны рассматриваться в качестве цели нападения. Тем более что при помощи видеонаблюдения оператор дрона точно видит, о ком и о чем идет речь.

В таких случаях нападение на спасателей является военным преступлением и даже преступлением против человечности. Еще более бесчестным деянием, а тем самым и более тяжким преступлением, является поражение оператором цели для использования ее в качестве приманки, то есть чтобы привлечь спасателей, а затем нанести по ним удар. И без того часто спорная логика, что «цель оправдывает средства» в этом случае особенно отвратительна и бесчеловечна.

В связи с этим вопрос: если операторы американских боевых дронов иногда сознательно прибегают к этой тактике, то как мы можем верить тому, что в целом они стремятся щадить гражданских лиц? В действительности у нас достаточно оснований, позволяющих заподозрить, что они этим не особенно озабочены или даже сознательно наносят удары по гражданским лицам и гражданским объектам.

Дело в том, что дроны предлагают столь разнообразные возможности, как никакое другое оружие. Так, например, если при классических нападениях с дальнего расстояния, таких как воздушные бомбардировки или гранатометный обстрел, зачастую невозможно обезопасить гражданских лиц и гражданские объекты, находящиеся в зоне действий, то беспилотные летательные аппараты позволяют очень быстро обнаружить и распознать мишень и установить ее общий (комбатант или гражданское лицо) и даже более конкретный статус (например, неприятель на позиции или неприятель, выведенный из строя); отсрочить нападение, чтобы не пострадали гражданские лица; перенаправить в другую сторону даже уже выпущенный снаряд во время полета, если, по оценке, пострадают гражданские лица и т. д.⁴⁹⁹.

⁴⁹⁹ К этому их обязывают не только соображения гуманности и общие нормы и принципы военного и гуманитарного права, но и конкретные решения (например, ст. 51 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям о защите жертв войны), не только запрещающие неизбирательные нападения, но и прямо требующие оказаться от нападения, которое, как можно ожидать, попутно повлечет за собой потери жизни среди гражданского населения, ранения гражданских лиц и ущерб гражданским объектам, или то и другое вместе, которые были бы чрезмерны по отношению к конкретному и непосредственному военному преимуществу, которое предполагается таким образом получить.

С учетом сказанного, больше не может быть случайностью, что наряду со всем этим ракеты, запускаемые с дронов, упорно массово убивают гражданских лиц. Не нужно упускать из вида также и то, что эти нападения, и особенно упомянутое повторное нападение («двойное касание»), даже если каким-то чудом обошлись без жертв среди гражданского населения, сами по себе представляют устрашение гражданских лиц, запрещенное военным и гуманитарным правом и представляющее собой отдельное военное преступление.

4. Статус комбатанта. Международное право военных конфликтов (особенно положения ст. 43–44 Протокола I 1977 г. к Женевским конвенциям о защите жертв войны) разрешает изменение лицом своего статуса, то есть в определенный момент одно и то же лицо может быть комбатантом, а в другой – гражданским лицом.

Однако когда лицо, руководящее атакой дрона, недостаточно знакомо с нормами военного и гуманитарного права (так как, например, является оператором ЦРУ с неизвестно каким образованием, а не военнослужащим, ознакомленным с тем, что можно делать в ходе военного конфликта, а что нельзя), то при выборе мишени, особенно среди людей, принадлежащих иной культуре, чем его собственная, он легко, даже и неосознанно, может руководствоваться прямо противоположной логикой – что все, кого он видит на экране *a priori* террористы, то есть неприятели, а значит законные военные цели. Особенно если среди присутствующих идентифицировано некое лицо, обозначенное разведкой в качестве лидера террористов, то есть противника, которого надлежит устранить.

В связи с этим вопрос: не означает ли целевое убийство лица, обозначенного для отстрела, когда оно находится вне поля боя (зоны боевых действий) и даже вне военной зоны (зоны военных операций), на самом деле намеренное расширение статуса комбатанта, только с целью получения алиби для ликвидации этого лица, которое в момент нападения согласно международному праву имеет статус гражданского лица.

Ответ, что речь идет о специальных мерах в комплексе «войны против террористов», не удовлетворяет, поскольку такая война не является категорией международного права, и даже если бы она таковой являлась, это не давало бы права нарушать нормы военного

и гуманитарного права, особенно касающиеся защиты гражданских лиц и основных прав человека. Говоря коротко, операции против террористов могут представлять собой либо полицейскую операцию (а она должна проводиться другим способом, а не путем хладнокровной ликвидации), либо военную операцию в рамках вооруженного конфликта (и тогда должны соблюдаться нормы международного права вооруженных конфликтов).

5. Правовой статус операторов дронов. Делаются замечания, даже в американской юридической литературе, что операторы на большом расстоянии осуществляющие наведение беспилотных летательных аппаратов, с правовой точки зрения являются незаконными комбатантами, потому что непосредственно участвуют в вооруженном конфликте, но без форменной одежды или других отличительных знаков. Отдельно подчеркивалось, что речь идет о гражданских лицах (подразумеваются операторы американского ЦРУ) и поэтому, принимая во внимание, что участие гражданских лиц в военных действиях запрещено, был сделан вывод, что эти лица в случае взятия в плен могли бы быть объявлены военными преступниками.

Насколько известно, тем временем эта проблема была решена так, что эти лица стали носить куртки пилотов и другую форменную одежду с отличительными знаками военной авиации США.

В связи с этим ясно, что здесь речь идет об удовлетворении чистой формальности, так как в конкретном случае форменная одежда и отличительные знаки не служат ничему. В целом они существуют для того, что обозначить принадлежность лица, их носящего, к соответствующим вооруженным силам в глазах остальных лиц, входящих в состав этих сил, а так же в глазах сил противника, союзников и нейтральных сил.

Однако оператора дрона во время проведения им акции не видит никто, кроме пары коллег, сидящих с ним в одной комнате (оперативном центре). Остальные лица, входящие в состав вооруженных сил, которым он принадлежит (кроме компетентных начальников), как правило, даже не знают об этой акции и в лучшем случае узнают о ней впоследствии, из СМИ – если командование решит выпустить такую информацию. То же самое относится и к союзническим и нейтральным силам. Когда речь идет о противнике, то он удален

на сотни или даже тысячи километров и не имеет представления, кто и где управляет дроном и нажимает кнопку для запуска смертоносного снаряда. Его меньше всего заботит, одет ли этот некто по уставу или носит домашний халат.

Гораздо большей проблемой является ситуация, когда оператор вооруженного дрона является лицом, не имеющим элементарных знаний из области военного и гуманитарного права, как это бывает в случае с операторами, приходящими из рядов секретных служб, таких как, например, ЦРУ. В этом случае возможно, что лицо, даже само того не зная, совершает военное преступление, так как полагает, что имеет право делать то, что делает, то есть не сознает установленные запреты и ограничения. Даже тогда незнание норм международного права вооруженных конфликтов не освобождает его от индивидуальной уголовной ответственности⁵⁰⁰, хотя может быть принято во внимание при назначении наказания. Независимо от этого, обязательством компетентных государственных органов и начальников является обеспечение того, чтобы управляющие боевыми дронами военнослужащие и тем более лица, не являющиеся военнослужащими, знали правовые рамки, в которых они должны действовать при осуществлении своих задач.

6. Дроны (все-таки) не являются обычным оружием. Несмотря на различные параллели с некими подобными средствами, многое указывает на то, что беспилотные летательные аппараты не являются обычным оружием. Они уже сейчас не являются таковым, а им еще только предстоит революционный прогресс.

Некоторые из них останутся достаточно небольшими, но другие будут гораздо больше походить на суперсовременные истребители пятого поколения и при этом будут несопоставимо мощнее и эффективнее их, так как они будут легче (за вычетом массы пилота и оборудования, которое подразумевает его присутствие)⁵⁰¹, будут иметь гораздо большую скорость и маневренную способность

⁵⁰⁰ Одним из общих правовых принципов является *Ignorantia juris non excusat* или *Ignorantia legis neminem excusat*, то есть незнание права никого не освобождает от ответственности за нарушение этого права.

⁵⁰¹ Одежда, шлем, парашют, катапультируемое кресло и вся система, связанная с ним, личное оружие пилота и т. д.

(поскольку не будут иметь ограничений, связанных с нагрузками, которые способен вынести организм пилота) и вообще будут подчиняться намного меньшим ограничениям⁵⁰².

Кроме того, в предстоящие годы дроны будут приобретать все большую автономию полета в том смысле, что смогут оставаться в воздухе несколько дней подряд, а позднее (например, имея ядерную силовую установку) практически бесконечно, и будут способны достичь в истинном смысле слова любой точки на планете.

С другой стороны, следует ожидать, что оружие, запускаемое с этих платформ, будет становиться все менее габаритным, но все более разрушительным, что позволит беспилотным летательным аппаратам носить большее количество снарядов. Кстати, уже сейчас известно, что в очень скором времени дроны будут вооружены и некими новыми видами оружия, как, например, энергетическими лазерами. Наконец, не следует забывать, что ракеты, которые несут беспилотные летательные аппараты, могут также содержать ядерное, химическое или биологическое оружие, и что оно именно благодаря этим летательным аппаратам с большой точностью может быть доставлено в любую точку земного шара.

Ко всему сказанному необходимо добавить, что оборона от дронов является отнюдь не простой задачей. Хотя, разумеется, существуют разные модели, речь идет о довольно маленьких летательных аппаратах, не излучающих тепловой сигнал, и поэтому против них неэффективна стандартная противоракетная оборона. Новые модели будут, вероятно, и более тихими (бесшумными), и будут снабжены определенными системами, делающими их невидимыми для радаров и других устройств.

Хотя дроны являются относительно дешевым оружием, они предлагают невероятные возможности, среди которых идентифика-

⁵⁰² Когда самолет, управляемый пилотом, посылают для уничтожения какой-либо цели, то стремятся вернуть пилота и летательный аппарат после выполнения задания. И наоборот, при использовании беспилотного летательного аппарата, им сознательно могут пожертвовать, если важность задания это оправдывает, таким образом, что в определенный момент (например, после того как он израсходовал все ракеты, которыми был вооружен) оператор превращает его в управляемый снаряд и наносит им удар по цели.

ция, ведение, надзор и, при желании, уничтожение цели, находящейся на расстоянии тысяч километров от того, кто управляет нападением. В принципе, это можно сделать и другим способом (например, крылатой ракетой), но ни одно из других средств не является столь надежным, поскольку не имеет способности, подобно дрону, приближаться к цели практически незаметно, надолго зависать на месте над ней в ожидании подходящего момента для нападения, в случае необходимости сразу повторить атаку и т. д. Будучи относительно дешевым оружием, беспилотные летательные аппараты могут производиться и использоваться массово («рой дронов»), что сделало бы оборону от них крайне сложной, если не невозможной. Одной из специфических особенностей дронов является то, что их «стаи» (эскадрильи) в перспективе могут постоянно (24 часа в сутки, ежедневно в течение года) крейсировать над определенной территорией, притом не обязательно над зоной боевых или военных действий, но и над всем театром войны, а в определенный момент и над всем миром. Такое развитие событий позволило бы этим хищникам в любой момент держать на прицеле практически жизнь каждого человека.

В довершение всего очень скоро ожидается революция в области автономного вооружения, к которому уже сейчас, хотя только частично, относятся и дроны. Последствием этого станет появление автоматизированного оружия, которым будут управлять не люди, а искусственный интеллект. Хотя, разумеется, такое оружие будет разрабатываться и для суши, и для моря (танки-роботы, роботизированные подводные лодки и т. д.), особенно большое значение будет придаваться беспилотным летательным аппаратам. Это и логично, так как, действуя с высоты, они имеют множество серьезных преимуществ в смысле наблюдения, обнаружения и быстрого уничтожения целей.

В таких случаях решение о нападении, начало нападения и его контроль будет осуществлять не оператор (человек), как сегодня, а все это на основе компьютерных программ и данных различных звуковых, тепловых и других датчиков будет автоматически осуществлять сам робот (дрон). Если знать, что наряду со всеми преимуществами, обеспечиваемыми технологией, применяемой

операторами дронов, они, помимо людей, на которых охотятся, убивают и множество совершенно невинных лиц, то мы можем только предполагать, что когда процесс охоты и убийства будет полностью автоматизирован, ситуация в этом отношении только усугубится.

Наряду с важнейшими – увеличение количества жертв, особенно среди гражданских лиц, уже сейчас намечается и ряд других проблем, некоторые из которых юридического характера. Так, например, в случае, если дрон по ошибке убьет гражданское лицо, кто будет нести за это ответственность? Производитель дрона? Программист, разработавший программное обеспечение? С правом отмечается, что в данный момент гораздо больше вопросов, чем ответов.

Все сказанное подтверждает нам, что дроны ни в коем случае не являются «обычным» оружием. Это сейчас становится очевидно многим. Поэтому не стоит удивляться, что иногда звучат высказывания, будто с применением дронов весь мир превратился в поле боя. Некоторые делают далеко идущие выводы, заявляя, что дроны опаснее ядерного оружия⁵⁰³.

5. СТАТУС ДРОНОВ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ И ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

1. Статус дронов согласно международному праву

Подведем итог: дроны не запрещены международным правом. Однако запрещено их применение, не находящееся в соответствии с принципами и нормами этого права.

Атаки дронами, совершенные за рубежом без просьбы или без согласия территориального государства, представляют собой форму агрессии, а значит, что наряду с ответственностью соответствующего государства следовало бы поставить и вопрос об индивидуальной уголовной ответственности соответствующих лиц за преступление агрессии. Атаки дронами, совершенные с нарушением

⁵⁰³ Falk Richard. Why Drones are More Dangerous than Nuclear Weapons // Cohn Marjorie ed. Drones and Targeted Killing: Legal, Moral, and Geopolitical Issues. Olive Branch Press, 2015. 29–49.

норм и принципов военного и гуманитарного права, представляют собой военные преступления и/или преступления против человечности, а значит, за них должны нести уголовную ответственность и лица, отдающие приказы, и непосредственные исполнители.

Хотя многие вопросы, связанные с применением боевых дронов в ходе вооруженного конфликта, охватываются нормами международного права вооруженных конфликтов, речь идет о во многом принципиально новом оружии, открывающем совершенно новые возможности, а тем самым создающем и плодородную почву для разработки разнообразных новых тактик. Подобное произошло в связи с появлением морских мин, торпед, подводных лодок, самолетов и т. д., что потребовало регулирования международным правом вопросов, касающихся на тот момент нового оружия и условий, при которых разрешается его применение.

По этим причинам следовало бы как можно скорее на универсальном уровне кодифицировать нормы, касающиеся боевых дронов. Это, разумеется, само по себе не воспрепятствует нарушению этих норм, но хотя бы установит более четкие правовые рамки, чем те, которые мы имеем сегодня, и одновременно не только запретит определенные действия, но и уточнит, когда они представляют собой военные преступления и преступления против человечности.

2. Вопрос запрета на распространение (пролиферацию) боевых дронов

Исходя из всего вышесказанного, а также из факта, что великие державы по своей воле не откажутся от боевых дронов, в качестве логичного и разумного напрашивается решение, согласно которому необходимо как можно скорее приступить к заключению универсального международного соглашения, которое обеспечило бы запрет распространения (пролиферации) боевых дронов⁵⁰⁴. Иными словами, нужно предпринять нечто подобное тому, что было сдела-

⁵⁰⁴ Проблему необходимости предотвращения распространения боевых дронов замечают многие, в том числе и в самих США, осознающих, что прошло время, когда они имели монополию на это оружие.

но в отношении ядерного оружия Договором о нераспространении ядерного оружия (1968 г.).

Напомним, что этим соглашением государства, обладающие ядерным оружием, обязались не передавать его другим государствам, а также не поощрять и не побуждать их к его производству, а договаривающиеся стороны, не обладающие ядерным оружием, обязались не допускать передачи им кем бы то ни было ядерного оружия, не производить его и не приобретать его каким-либо другим способом. О значении Договора и поддержке, которую он получил в международном сообществе, свидетельствует факт, что в конце января 2021 г. он имеет 191 участника.

Нечто подобное следовало бы предпринять и в связи с боевыми дронами. Иными словами, как можно скорее необходимо как минимум ограничить количество таких летательных аппаратов, которые могут иметь отдельные государства, ввести эффективные механизмы контроля за приобретением и распространением этой технологии и т. д.

Это не помешало бы малому кругу сильнейших государств мира обладать таким оружием, но сократило бы разнообразные риски, начиная с неконтролируемого производства, разработки и использования оружия, до попадания его (намного проще, чем ядерного) в руки террористов и разных других вооруженных негосударственных группировок, а также обычных преступников⁵⁰⁵.

В данный момент нет универсального международного соглашения, которое прямо регулировало бы вопросы контроля за торговлей боевыми дронами и устанавливало запрет распространения этих летательных аппаратов, распространения ракетных технологий, и особенно беспилотных систем. Наиболее близок к этому Режим контроля за ракетной технологией (англ. *Missile Technology Control Regime* – *MTCR*) 1987 г. (далее – Режим). Речь идет о многостороннем механизме предотвращения ракетных технологий,

⁵⁰⁵ Вооруженные дроны являются идеальным оружием для ликвидации определенных лиц, трансграничной контрабанды запрещенных товаров (наркотиков, оружия, золота, алмазов и других драгоценных камней, произведений искусства, определенных редких и дорогих животных и т. п.), а также для шантажа различных субъектов, в том числе правительств.

в частности беспилотных систем, которые могут использоваться для доставки оружия массового уничтожения⁵⁰⁶.

Хотя Режим занимается беспилотными системами, он содержит такие ограничения, которые ставят под вопрос его фактическое значение. Прежде всего, речь идет о неформальном политическом соглашении, а не о международном договоре. Таким образом, он не является юридически обязательным ни для кого. Кроме того, он относится только к таким летательным аппаратам, которые имеют дальность более 300 км и способность доставлять нагрузку свыше 500 кг. Наконец, Режим охватывает всего 35 государств-участников. За пределами этого круга остались некоторые важные государства, занимающиеся производством беспилотных летательных аппаратов, например, Израиль, Иран и Китай.

Существуют и некоторые другие соглашения, в отношении которых на первый взгляд может показаться, что они также могут применяться в целях контроля и предотвращения распространения боевых беспилотных аппаратов, но они также не являются юридически обязательными (например, Вассенаарские договоренности о контроле за экспортом обычных вооружений и товаров и технологий «двойного применения», 1996 г.) или не регулируют непосредственно вопросы ограничения и запрета распространения боевых беспилотных летательных аппаратов (например, Договор о торговле оружием, 2013 г.), и кроме того объединяют только небольшое количество или, возможно, немногим больше половины стран – членов ООН⁵⁰⁷.

Таким образом, продолжает оставаться открытой проблема регулирования вопросов запрета распространения боевых дронов и международного контроля за торговлей этим оружием путем универсального международного договора.

⁵⁰⁶ Иными словами, основной целью Режима и введенных им ограничений является снижение риска распространения оружия массового уничтожения путем обеспечения контроля за экспортом продуктов и технологий, которые (оставив в стороне пилотируемые самолеты) могли бы использоваться в качестве систем доставки этого оружия.

⁵⁰⁷ Так, в начале 2021 г. Вассенаарские договоренности насчитывали всего 42, а Договор о торговле оружием – 110 участников.

Еще несколько лет назад многие констатировали, что является только вопросом времени, когда различные повстанческие, террористические, экстремистские, криминальные и другие подобные им группировки станут обладателями технологии боевых дронов или просто путем так называемого взлома (незаконным проникновением в чужую операционную систему и изменением заданных команд) возьмут контроль над боевыми дронами государств и используют их в своих целях.

Как обычно, жизнь превзошла ожидания и разные группы получили вооруженные беспилотные летательные аппараты (правда, пока не крупнейшие и не обладающие самым мощным вооружением) раньше, чем можно было подумать. И речь идет не о единичном случае и не о какой-либо одной такой организации.

Утверждается, что в Ираке Исламское государство (*ИГИЛ*) еще в 2016 г. в битве за Мосул использовало малые вооруженные дроны для наблюдения, при том что они по команде выпускали по противнику ручные гранаты и другие взрывные устройства небольшого размера. Разные модели беспилотных летательных аппаратов, полученных благодаря правительству отдельных государств, оказывающих поддержку, используют против своих противников и другие вооруженные группировки, среди которых Хезболла (еще с 2006 г.), ХАМАС (с 2014 г.), йеменские хуситы (с 2016 г.), Рабочая партия Курдистана (с 2017 г.) и т. д.

До настоящего времени самое сенсационное нападение дронами произошло 14.09.2019 г., когда 10 беспилотных летательных аппаратов атаковали два крупных объекта по переработке нефти в Саудовской Аравии – завод первичной переработки нефти в Абкайке (*Abqaiq*), являющийся крупнейшим таким заводом в мире, и нефтяное месторождение Хурайс (*Khurais*). В результате этого вспыхнули крупные пожары, причинен ущерб в размере нескольких сотен миллионов американских долларов, нарушено производство и экспорт нефти, что, среди прочего, привело даже к кратковременным сбоям на мировом финансовом рынке⁵⁰⁸. Ответственность за нападение взяли на себя члены повстанческой военизированной группировки хуситов из Йемена, заявив, что они сделали это из-за того, что Саудовская Аравия возглавляет коалицию, борющуюся против них в Йемене. Кстати, это была не первая подобная попытка. Хуситы в прошедшие два года направили в Саудовскую Аравию несколько десятков менее качественных беспилотных летательных

⁵⁰⁸ Погибших не было, а количество раненых неизвестно.

аппаратов, но они были перехвачены силами саудовской противовоздушной обороны и упали, не вызвав больших последствий. Эта атака продемонстрировала, что относительно малые группы могут причинять серьезный ущерб противнику, и, если решатся на это (наноса удары по соответствующим целям), то и серьезные человеческие жертвы.

Эффективный технический контроль и фактическое предотвращение распространения боевых дронов не являются чем-то, что само по себе может обеспечить международное право⁵⁰⁹. Это задача для соответствующих специалистов из других областей. Международное право может только придать форму достигнутым решениям и конкретизировать механизмы контроля и ответственности, включая соответствующие санкции.

3. Попытка пересмотра международного права

Проблемы, связанные с дронами, используются и для попыток подспудного, но при этом значительного пересмотра современного международного права.

При этом мы имеем в виду не усилия по обеспечению дальнейшего развития этого права в смысле его последовательной гуманизации, более конкретного регулирования соответствующих отношений и т. п., а шаги, которые в случае их успешной реализации означали бы возврат к старому, к миру, в котором у великих держав будут еще больше развязаны руки, чем сегодня. Это также означало бы решительные шаги в направлении дальнейшего оспаривания суверенитета государств, кроме избранного круга тех, которые достаточно сильны и по какой-то причине полагают, что призваны править миром.

Так, например, предпринимается попытка навязать представление о том, что в некоторых исключительных случаях применение силы разрешается и вне строгих границ, установленных Уставом

⁵⁰⁹ Например, отмечено, что технология дронов может стать доступной малым государствам и негосударственным субъектам не только за счет приобретения у производителей или на черном рынке, но и за счет появления аддитивного производства (так называемых 3D-принтеров), постоянного наращивания мощности компьютеров (их способности обработки данных) и неизбежного распространения технологических знаний.

ООН. В этих целях используются идеи об «обязанности защищать»⁵¹⁰ и т. п. С учетом того, что этой концепции по разумным причинам не удалось пройти⁵¹¹, акцент был перенесен на попытки расширения рамок, в которых разрешается самооборона. Поэтому можно встретить мнения, что применение силы разрешено и в случае невоенных угроз, таких как огромный приток беженцев, являющийся результатом массовой гуманитарной катастрофы и ставящий под угрозу стабильность сопредельных государств; экологическая катастрофа и т. д.

Дело зашло так далеко, что было провозглашено и право на превентивную самооборону, притом не от нападения, которое неизбежно непосредственно предстоит, но и от такого, которое может однажды произойти. В этом контексте оправдание вооруженным атакам дронами не просто было найдено в некоей самообороне в рамках самопровозглашенной США войны против террористов, но эти атаки (якобы хирургически точные) использовались как своего рода доказательство права использовать в таких случаях силу в иностранных государствах. Таким образом, хотя пока это делается относительно дискретно, предпринимается попытка навязать как само по себе разумющееся практику применения боевых дронов против тех, кто обозначен как террористическая или какая-либо другая опасность, с идеей, что даже если не увенчается успехом стремление убедить остальных членов международного сообщества в том, что возникло новое универсальное обычное право, в виде исключения допускающее такие шаги, то хотя бы фактическим путем осуществить некий пересмотр той части международного права, которая строго запрещает применение силы в международных отношениях.

В связи с этим мы должны согласиться с теми, которые, исходя из практики, утверждают, что применение боевых дронов в Афга-

⁵¹⁰ Англ. *Responsibility to Protect*, под чем понимается позиция не только о допустимости, но и предполагаемом обязательстве вмешательства против иностранного государства, грубо нарушающего права человека.

⁵¹¹ Ее принятие создало бы пространство для того, чтобы даже при отсутствии реального основания осуществлять вооруженную интервенцию против практически любого государства, при этом на практике это всегда была бы маленькая страна.

нистане в 2004–2009 гг. не соответствовало нормам международного права, касающимся условий, при которых может применяться вооруженная сила, и способов, которыми она может применяться; что Пакистан не просил у США помощи в виде нападений дронами, а наоборот, гражданские власти Пакистана протестовали; что не было никакого полномочия, предоставленного Советом Безопасности на совершение таких нападений; и что у США не было никакого основания, базирующегося на праве самообороны, совершать свои атаки в Пакистане; что США в Пакистане использовали дроны для нападений, которые разрешены только в ходе вооруженного конфликта, но не ограничили эти нападения только ситуациями, которые были частью вооруженного конфликта, и т. д.

При рассмотрении на широком уровне имеет место попытка провозгласить практику, несомненно незаконную, разрешенной именно со ссылкой на то, что это происходит ежедневно, без видимых вредных последствий для того, кто это делает. То есть использовать нарушение международного права для изменения решений и принципов того же самого права так, как это угодно отдельным государствам, в целях создания пространства для беспрепятственного применения силы в международных отношениях. Другими словами, делается попытка заменить общеправовой и в то же время международно-правовой принцип *ex injuria jus non oritur* (с лат. – право не возникает из правонарушения) ему противоположным принципом *ex injuria jus oritur* (с лат. – право возникает из правонарушения), т. е. почти в том же смысле *ex factis jus oritur* (с лат. – право возникает из фактов), с утверждением, что из-за некоторого якобы особо важного интереса следует признать законным определенные противоправные действия и даже, нарушив существующее, создать новое, иное право.

Конкретно, можно отметить, что государства, массово использующие боевые дроны, что в первую очередь означает США, сделали многое с целью релятивизировать строгие рамки, установленные международным правом. Они прибегли к очень широкому толкованию этих рамок и поставили под вопрос нормы, касающиеся того, когда существует вооруженный конфликт; когда существует непосредственная угроза нападения для государства, что

дает ему право прибегать к мерам самообороны; против кого можно прибегнуть к самообороне (только против иностранных вооруженных сил или также против вооруженных группировок и даже отдельных лиц); когда считается, что существует согласие территориального государства на военную интервенцию иностранного государства; когда в случае вооруженной интервенции идет речь об агрессии, а когда нет и т. д. Следствием этого является стремление расширить понятие самообороны в международном праве; расширить понятие вооруженного конфликта; признать и использовать ситуации, не являющиеся ни войной, ни миром, так, чтобы соответствующая великая держава могла по мере необходимости сослаться на те правила международного права, которые отвечают ее интересам; стереть или хотя бы релятивизировать строгие нормы, предписываемые международным правом вооруженных конфликтов и т. д.

Так, если оставаться только в рамках норм международного права вооруженных конфликтов и рассматривать политику и практику одних только США, мы можем отметить, что власти этой страны:

- многие абсолютно обязательные нормы международного вооруженного и гуманитарного права толковали как условные правила и на этой основе делали вывод, что могут отступить от них;

- расширили понятие зоны боевых действий (поля боя) и зоны военных операций (военной зоны);

- приняли как нечто неизбежное и даже нормальное большие коллатеральные потери среди гражданских лиц и вне так называемой военной зоны, которую сами определили⁵¹²;

- расширили понятие комбатанта как легитимной цели, рассматривая в качестве комбатантов и тех, кого сами же обозначили как террористов (как правило, не представив в пользу этого никаких доказательств) и «боевиков» (неясно, что это на самом деле значит),

⁵¹² Правительство США признало, что в период 2009–2015 гг. его дроны убили 116 гражданских лиц вне военных зон, установленных самими США. Независимые источники едины во мнении, что количество жертв среди гражданских лиц, о которых идет речь, гораздо больше, а также что, разумеется, больше и общее количество людей, убитых вдали от места конфликта.

но также и лиц, находящихся далеко от места конфликта и живущих гражданской жизнью⁵¹³;

– расширили толкование гражданских лиц, участвующих в боевых действиях, и поэтому утрачивающих защиту, предоставляемую им на основе международного права;

– внедрили целевые убийства и внесудебные казни как нечто, что якобы оправдано и если не совсем легально, то во всяком случае легитимно⁵¹⁴;

– самовольно ввели определенные новые ограничения прав человека во время вооруженного конфликта;

– создали условия, в которых устрашение гражданских лиц на определенных территориях является повседневным и, так сказать, естественным явлением (а не военным преступлением и преступлением против человечности, чем оно является согласно международному праву) и т. д.

В настоящее время нет эффективной оппозиции такой политике. В мире, и в самих США время от времени слышны более или менее острые протесты, но в основном дело этим и заканчивается.

⁵¹³ В отличие от международного военного и гуманитарного права, которое после Второй мировой войны расширило понятие комбатанта для того, чтобы предоставить защиту соответствующим жертвам войны (статус законного комбатанта, а тем самым и право в случае взятия в плен пользоваться статусом военнопленных, прямо признан за партизанами; разрешено изменение статуса комбатантом в ходе вооруженного конфликта; и т. д.), правительство США расширило понятие комбатанта (включило в него не имеющих определения «террористов» и «боевиков»), чтобы иметь возможность, оценивая на глаз, законно убивать всех тех, кто по оценке его органов заслужил смерть, и даже тех, кто по какой-либо причине является просто подозрительным.

⁵¹⁴ США и ранее пытались физически ликвидировать не только лиц, обозначенных как террористов, но и глав государств, которые были им не по нраву, и особенно лидеров тех стран и народов, против которых они вели вооруженные операции. Например, так называемыми воздушными ударами и крылатыми ракетами США пытались убить ливийского лидера М. Каддафи в 1986 г., югославского президента С. Милошевича в 1999 г., иракского президента С. Хусейна в 2003 г. и т. д. Применение боевых дронов делает такие операции несопоставимо более эффективными, так как дрон может ждать в засаде сколько угодно и выпустить смертоносный снаряд тогда, когда его оператор будет уверен, что перед ним цель, которую он подстерегает, и что попадание будет абсолютно точным.

То, с чем мы тут встречаемся, достаточно схоже с некогда существовавшими колониальными войнами, в которых при нарушении всех соображений гуманности жестоко покорялись чужие страны. При этом коренные народы из-за технологической отсталости были неспособны оказывать эффективное сопротивление, в то время как в цивилизованной части мира здесь и там кто-то выступал с критикой, но все это не оказывало реального влияния на ход событий. Колониальные завоевания и колониальный строй продолжали существовать независимо от того, кто и что о них думал или говорил. Создается впечатление, что главное отличие состоит в том, что в прошлом колониальные и имперIALные державы слали канонерки, затем бомбардировщики, затем крылатые ракеты, а сегодня благодаря прогрессу технологии те же задачи гораздо дешевле и эффективнее выполняются путем применения боевых дронов.

Особенно следует подчеркнуть, что объявив свою войну против терроризма, США сами себе развязали руки, чтобы по собственному представлению и в собственных интересах толковать, находятся ли они в состоянии мира или войны, и применять либо нормы международного права вооруженных конфликтов, либо нормы собственного уголовного права, в зависимости от того, что им больше подходит.

Тем самым они стерли границу между вооруженным конфликтом и борьбой против террористов и организованной преступности; между операциями вооруженных сил и операциями полиции, анти-террористических подразделений и секретных служб; между военной необходимостью и нормами, ограничивающими свободу действий в целях защиты гражданских лиц и гражданских объектов; между комбатантами и террористами или преступниками; между военнопленными и заключенными; между гражданскими лицами по смыслу военного и гуманитарного права и гражданами по смыслу внутреннего права и т. д. При этом речь идет не об эпизодических единичных акциях, которые, возможно, могли бы быть как-либо оправданы, а о новом подходе, выбранной политике.

Однако то, что может один, могут и другие. Ту же политику и тактику могут, а если она продолжит существование, наверняка примут и другие страны. Но это пошатнуло бы сами основы международного права. Между прочим, в этом случае все привело бы к тому,

что на практике не соблюдались бы элементарные ограничения, ни в отношении методов, ни в отношении средств ведения войны. Последствием этого стало бы то, что вооруженные конфликты велись бы без каких-либо правил, без каких-либо мер предосторожности и без пощады к кому-либо.

Такого развития событий нельзя допустить. Наоборот, до тех пор, пока вооруженные конфликты не уйдут в прошлое, став исторической категорией, международное право вооруженных конфликтов должно все более совершенствоваться в смысле его гуманизации. При этом, с другой стороны, должны быть найдены способы привлечения ответственных лиц, независимо от того, какую должность они занимают и какой стороне принадлежат, к уголовной ответственности за военные преступления и преступления против человечности. Без этого мир, а значит и человеческий род, не имеет никакого будущего.

Контрольные вопросы

1. Что такое беспилотные летательные аппараты (дроны) и каковы их специфики?
2. Какие аргументы приводятся в пользу применения дронов?
3. Какие аргументы приводятся против боевых дронов?
4. Как можно оценивать атаки дронов в зарубежных странах?
5. Какое соотношение между атаками дронов и правами человека?
6. Как можно оценить правовую допустимость дронов? В чем основные проблемы?
7. Почему можно сказать, что дроны не являются обычным оружием?
8. Каков статус дронов по международному праву?
9. Какова связь между дронами и попытками пересмотра международного права?

Глава XV. ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

В наше время международное право развито как никогда. Растущая связь между различными частями мира, новые формы международного сотрудничества, появление большого числа новых государств и новых международных организаций, невероятный технологический прогресс, общие проблемы человечества и различные другие факторы сделали международное право обогащенным новыми нормами и институтами и даже целыми новыми отраслями (международное право прав человека, международное право международных организаций, международное космическое право, международное экологическое право и т. д.). Естественно, возникает вопрос, куда все это идет, каковы дальнейшие перспективы международного права?

В связи с этим сразу и возникает новый вопрос – о каком периоде идет речь? Имеем ли мы в виду какой-то более короткий (например, к 2030 году) или более длительный период времени (например, к концу этого века). Даже на более коротких путях все, что можно сказать, всегда является лишь одним из предположений, предсказаний, которые, безусловно, не будут полностью реализованы. Это еще более заметно, когда речь идет о более длительных периодах. Причина в том, что каждый аналитик объективно и субъективно ограничен в своих знаниях и умениях, способностях, доступной ему информации и т. д., а также достаточно, чтобы произошло какое-то важное непредвиденное обстоятельство и все прогнозы потеряют смысл. Хорошим примером является явление, известное как пандемия коронавируса (Covid-19), которое в 2020 году изменило реальность всего мира и которое, пока мы пишем это (начало 2021 года), продолжает развиваться с непредвиденными последствиями.

И все же, иногда интересно, а также может быть полезным попробовать заглянуть в будущее.

В принципе, единственное, что мы можем сказать с большой степенью уверенности – это то, что за исключением случая новой мировой войны или подобной глобальной катастрофы, которая уничтожит мир или вернет его тысячи лет назад, международное право продолжит развиваться.

Как оно будет развиваться, это уже другой вопрос. Ответ на него будет зависеть от многих факторов: отношений в мире и в его частях, количества и типа субъектов международных отношений и международного права, проблем, которые потребуют решения, степени развития техники и технологий, результатов, достигнутых в завоевании космоса и т. д.

Вообще говоря, если, как на данный момент кажется логичным, сформируется некая мировая федерация, это придаст международному праву новую природу и содержание и сделает его своего рода внутренним правом мира (аналогично федеральным правилам в современных федеральных государствах), причем правом, которое иерархически выше, чем право членов такого сообщества. С другой стороны, в качестве некоего нового типа квази-международного права появилось бы право, которое регулировало бы отношения между жителями Земли и другими разумными существами из вселенной, то есть отношения между властями и жителями Земли и властями и жителями колоний, которые люди установят в космосе, и которые после некоторого времени захотят и получат независимость.

Эти вопросы пока еще в тумане, причем некоторые из них даже на грани научной фантастики. Поэтому мы не будем углубляться в них, а попытаемся взглянуть на то, что является более реалистичным.

Что несомненно, большие или меньшие изменения коснутся всех отраслей международного права. Какие именно, это будет зависеть от процессов, которые будет преобладать в развитии международного сообщества. В принципе, в отношениях в современном международном сообществе доминируют три основные тенденции: глобализация, интернационализация и регионализация. Несмотря на то, что конкурируют друг с другом, эти процессы в то же время в некоторой степени дополняют друг друга. Их объединяет и то, что они тесно связаны с международным правом.

1. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ

1. Процессы в современном мире

1. Глобализация. Обычно под термином глобализация (от лат. *globus*, шар, в переносном смысле земля, мир) имеется в виду процесс распространения идей, ценностных суждений, определенного образа жизни, стремления и т. п. на весь мир, включая, в частности, связь экономических потоков (производственной и финансовой деятельности) на уровне мира, развитие мирового рынка и другие формы экономической взаимозависимости, то есть все более широкую интеграцию рынка, товаров и капитала в мире. Благодаря массовому развитию технологий, транспорта и средств связи (пресса, радио, телевидение, Интернет, мобильные телефоны и т. д.) этот процесс происходит с высокой скоростью. Проще говоря, глобализация сводится к превращению мира в «глобальную деревню», при отказе от принципа суверенитета государств и постепенном исчезновении государства, как устаревшей общественной формы.

Огромные преимущества соединения мира заключаются в том, что это ведет к лучшему взаимному пониманию, укреплению доверия и солидарности. Это одновременно снижает риск возникновения международных конфликтов и способствует нахождению эффективных ответов на общие глобальные проблемы, такие как лечение серьезных заболеваний и эпидемий, решение социальных проблем, усилия по предотвращению деградации природы, обеспечение более рационального функционирования мировой экономики, развитие науки и техники, сотрудничество в завоевание космоса, борьба с организованной преступностью и т. д.

Вопрос уже не в том, объединится ли мир, а когда это произойдет, какими средствами, на каких условиях и каким образом (в соответствии с чьей концепцией и в чьих интересах). В наше время это происходит под наибольшим влиянием одной мировой державы и, в частности, мирового бизнеса, с растущим участием транснациональных (многонациональных) компаний. Однако связывание должно происходить не под диктовку самых богатых и сильных,

а в интересах всех жителей планеты. Все другое приводит к столкновениям и беде.

Иногда чрезмерно настаивают на глобализации как цели, у которой нет альтернативы. Такое понимание имеет большое количество сторонников среди представителей транснациональных компаний, политиками некоторых стран, некоторыми учеными и публицистами, а также в части «обычного люда». Они считают, что глобализация не только неизбежна, но и ее следует приветствовать, поскольку она будет в значительной степени способствовать повышению качества жизни и ликвидации конфликтов в мире.

Однако мы должны согласиться с теми, которые утверждают, что глобализация, которая происходит сегодня, представляет угрозу для культуры и образа жизни огромной части населения мира; эта тенденция означает, что богатые части мира становятся все богаче, а бедные – все беднее; взаимозависимость растет также и в сферах, не заслуживающих похвалы, таких как трансграничное загрязнение, международный терроризм, транснациональная преступность (незаконный оборот наркотиков и оружия, торговля людьми и человеческими органами и т. д.), риск возникновения пандемии и т. д.; глобализация приводит к тому, что вооруженные конфликты становятся все более кровавыми и разрушительными; что вопреки ожиданиям она не принесла миру мир, а как раз наоборот, ведет к конфликтам, поскольку углубляет разрыв между богатыми и бедными и т. д.⁵¹⁵.

Наряду с глобализацией происходят одинаково сильные процессы интернационализации и регионализации.

2. Интернационализация. Под интернационализацией имеется в виду усиление связи между разными частями мира, но с принципиально неизменной ролью государств. В каком-то смысле это процесс, противоречащий глобализации, поскольку он подразумевает развитие международного сотрудничества и международных

⁵¹⁵ Dhanapala Jayantha. Globalization and the Nation State // Colorado Journal of International Environmental Law and Policy. April 7, 2001. P. 2-3. <https://scholar.law.colorado.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1001&context=cartography-of-governance-environmental-ngos>; Kegli Ćarls V. Jr., Vitkof Judžin R. Svetska politika – trend i transformacija, Beograd, 2004. 65.

институтов (международных организаций, международных судов и т. д.), но с сохранением суверенитета государств. Особыми проблемами являются интернационализация определенных вопросов (например, положения меньшинств в определенной стране), конфликтов (например, развитие гражданской войны в войну между государствами), территорий (передача определенной территории под международное управление), пространства (например, международная зона в морском праве) и т. д.

3. Регионализация. Так называется процесс и результат процесса установления разнообразных связей между государствами и народами, принадлежащими к одним и тем же географическим районам. Регионализация развивает солидарность между ними, а иногда (на пример в случае Европейского союза) означает и особую форму связи, которая создает своего рода надгосударственное образование. Условно говоря, это своего рода смесь интернационализации и глобализации, но на более узком, региональном уровне. Шаги к аналогичной интеграции предпринимаются и в других частях мира.

Многие задаются вопросом, не находится ли судьба мира именно в регионализации. Процессы глобализации и регионализации идут параллельно, частично дополняют друг друга, а частично противоречат друг другу⁵¹⁶.

2. Влияние на международное право

Тот из упомянутых процессов, который превалирует, повлияет и на судьбу международного права. С одной стороны, оно является гарантом и защитником установленных отношений, то есть хранителем существующего мира, состоящего из суверенных государств. С другой стороны, оно, при таком желании, представляет собой инструмент для перемен в выбранном направлении. В этом смысле достаточно вспомнить, какие изменения в мировых отношениях вызвали, например, запрет на торговлю рабами, быстрое развитие прав человека

⁵¹⁶ Henderson C. W. Understanding international Law. Wiley-Blackwell 2010. P. 368–370.

или развитие международного уголовного права и международных уголовных судов. В отличие от ситуации, когда нормы международного права регулируют новые отношения (например, в исследовании и завоевании космоса), в упомянутых случаях не произошли определенные изменения, которые затем зафиксированы международным правом, а наоборот – международно-правовое регулирование этих вопросов вызвало изменения в реальности.

Сторонники ускоренной глобализации утверждают, что суверенитет государств неадекватен отношениям, которые строятся в XXI веке, когда мир становится единым обществом. По их мнению, в эпоху глобализации суверенитет государств и существующее международное право не только представляют собой анахронизм, но и препятствуют развитию мира. Наоборот, те, которые высказываются в пользу интернационализации, видят решение в последовательном уважении и развитии международного права и его институтов. Наконец, регионалисты в первую очередь ориентируются на конкретный регион и строящиеся в нем отношения.

Обсуждаемые варианты напрямую связаны с перспективой международного права. Если существующие международные правовые рамки уже преодолены, это означает, что их следует заменить новыми, другими. Какими именно, это пока еще только предстоит увидеть. Какие бы политические, экономические и другие процессы не преодолели, они не смогут быть реализованными без международного права. Именно оно будет инструментом для реализации желаемых изменений, точно так же как и эти изменения со своей стороны повлияют на него самого.

В дополнение к этим трем процессам, на то, что будет с международным правом, будут влиять и разные другие факторы, а в первую очередь конкретные проблемы, которые уже наблюдаются или с которыми человечество столкнется в будущем.

Если в какой-то момент будет создана всемирная федерация (все, кажется, ведет к этому), международное право превратится в своего рода внутреннее право мира (подобно федеральным законам и другим постановлениям в федерациях), причем в право, которое иерархически выше (сильнее) правовых норм членов такое сообщество.

2. СУБЪЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

1. Государства и квазигосударства

1. Государства. Первыми и долгое время единственными субъектами международного права были государства. Они по-прежнему являются главными и основными его субъектами.

На рубеже XX века в мире было только около тридцати независимых стран. Освобождение многих наций от колониального и другого иностранного господства, распад ряда государств на несколько более мелких и другие процессы, ознаменовавшие XX век, привели к значительному увеличению числа стран в мире. За этим процессом может следить и, учитывая число членов ООН – с первоначальных 50 стран-учредителей в 1945 году, число членов возросло до сегодняшних 193, то есть почти в четыре раза.

Некоторые считают, что число стран будет продолжать расти, причем все быстрее, в то время когда другие думают, что роль государств, которых мы знаем сегодня (так называемые территориальные государства), постепенно возьмут на себя «города-государства»⁵¹⁷.

Другие, наоборот, полагают, что усилятся процессы регионализации и интеграции, что приведет к созданию региональных сверхгосударств, затем «государств-континентов» и, в конечном итоге, к возникновению мирового государства (мировой федерации).

⁵¹⁷ В то время как страны становятся все более раздробленными, города становятся все больше как в плане населения и территории, так и с точки зрения экономической и другой мощи. Уже сегодня половина населения мира живет в городах. Большой современный город – это самодостаточная среда, способная выживать и развиваться самостоятельно, заботиться о своей безопасности, сотрудничать с внешними субъектами и т. д. Многие города являются мегаполисами, некоторые с населением более 20 и 30 миллионов жителей (уже 48 городов, с более чем 10 миллионов жителей), что делает их более многочисленными, чем в большинство стран, а некоторые между ними имеют территорию, которая превышает территорию многих стран – членов ООН. Поскольку наряду с экономической и другой силой эти города имеют и собственные вооруженные силы (полицию и другие части) нельзя исключить возможность их постепенного превращения в города-государства.

Они указывают на то, что государство утратило ту роль, которую играло в прошлом, что оно неспособно реагировать на вызовы современного мира, что это устаревшая форма социальной организации и что фактически существование государств только препятствует дальнейшему научному, информационному, экономическому и др. прогрессу человечества.

Каким бы ни были изменения в международном сообществе, они повлияют на суверенитет государств. Он никогда не был абсолютным и вдобавок постоянно ограничивался вместе с укреплением международных отношений и сотрудничества.

Следует отметить, что отношение к суверенитету является в то же время отношением к международному праву, поскольку его краеугольный камень – как раз принцип суверенного равенства государств. Если в какой-то момент преобладает мнение, что государства больше не являются суверенными, тогда и международное право должно будет строиться на каких-то других принципах⁵¹⁸.

2. Квазигосударства. Помимо стран, существование которых не вызывает сомнений, существуют и творения, которые более или менее похоже на государства, но им все же не хватает чего-то (обычно суверенитета), чтобы они и на самом деле были государствами. Поэтому можем назвать их квазигосударствами⁵¹⁹.

К ним относятся кажущиеся государства (личная уния – союз и конфедерация); «усеченные», неполные государства (незавершенное государство и «несостоявшееся» государство); зависимые территории; федеральные, автономные и подобные единицы; повстанцы и освободительные движения; территории под международным управлением.

У большинства из них уже есть более или менее выраженная международно-правовая субъективность. По всей вероятности, число этих образований будет расти, и рано или поздно можно ожидать какой-либо универсальной кодификации вопросов, касающихся их прав и обязанностей.

⁵¹⁸ Мы уже касались этих вопросов в главе, посвященной проблеме государственного суверенитета.

⁵¹⁹ Подробнее см.: Кривокапич Борис. Международное публичное право. Самара, 2018. С. 260–279.

2. Международные организации и квазимеждународные организации

1. Международные организации. В перспективе можно ожидать увеличения их количества и форм, причем на всех уровнях.

В мировом сообществе скорее всего появятся новые специализированные агентства ООН, такие как, например, которые будут заниматься проблемами, связанными с защитой прав человека или определенных категорий этих прав (аналогично существующей Международной организации труда, но в других областях), с сохранением окружающей среды, завоеванием космоса, киберпространством и т. д.

В частности, следует ожидать большого развития различных региональных организаций, в том числе тех, которые, наряду с Европейским союзом, будут представлять собой определенную форму региональной интеграции.

Вполне вероятно, что постепенно в члены международных организаций, кроме государств, войдут и другие субъекты⁵²⁰. Это в первую очередь включает прием в форме равных членов определенных международных организаций (например, вступление Европейского союза в Организацию Объединенных Наций), но и прием в члены некоторых организаций определенных негосударственных субъектов, таких как транснациональные компании (например, членство в международной организации, которая будет участвовать в сотрудничестве в области покорения космоса) или международных неправительственных организаций (например, членство в какой-то будущей организации в области обеспечения и защиты прав человека).

Независимо от ожидаемого появления многих новых организаций, существующие, безусловно, претерпят некоторые изменения.

⁵²⁰ У нас есть такие примеры уже сегодня. Согласно ст. 3/d конвенции, которой была учреждена Всемирная метеорологическая организация, ее членами могут стать и территории или группы территорий, которые не являются независимыми, но имеют свою собственную метеорологическую службу. Исходя из этого, членами этой организации являются 183 члена ООН, с 2 зависимыми странами (Острова Кука и Ниуэ) и 6 территорий (Британские Карибские Территории, Курасао и Сен-Мартен, Французская Полинезия, Гонконг, Макао и Новая Каледония).

Это относится уже к Организации Объединенных Наций, реформа которой уже давно на повестке дня⁵²¹.

Проблемы, с которыми будет иметь дело большинство международных организаций, будут связаны с попытками расширения их членства, обеспечения большей прозрачности и демократичности в процесс принятия решений (борьба с дефицитом демократии), введения новых способов голосования в определенных органах, предотвращения роста и усиления международной бюрократии, решения финансовых вопросов (экономное расходование бюджета и обеспечение новых способов финансирования) и др.

Независимо от норм международного права, которые регулируют создание и деятельность конкретных международных организаций (конвенции об их учреждении, уставы и т. д.), можно ожидать принятие международных договоров, которые будут применяться ко всем международным организациям в качестве особых субъектов международного права. В дополнение к вступлению в силу Венской конвенции о праве международных договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (1986 г.), которое, скорее всего, произойдет относительно быстро⁵²², оно подразумевает определенные соглашения, кодифицирующие вопросы о привилегиях и иммунитетах всех международных организаций, дипломатические отношения международных организаций (дипломатическое представительство в этих организациях и представительство этих организаций), права и обязанности международных должностных лиц и т. д.⁵²³.

⁵²¹ Эта проблема уже обсуждалась в отдельной главе.

⁵²² Несмотря на то, что была подписана в 1986 году, она еще не вступила в силу, поскольку для этого требуется ратификация со стороны 35 стран. На 30 января 2021 г. членами Конвенции являются 44 стороны, но этого недостаточно, поскольку членство международных организаций здесь не учитывается (на данный момент только 31 страна ратифицировала Конвенцию).

⁵²³ Некоторые из этих вопросов уже урегулированы Конвенцией о привилегиях и иммунитетах ООН (1946 г.), Конвенцией о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений (1947 г.) и Венской конвенцией о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера (1975 г.). Здесь имеется в виду, что при внедрении новых решений, эти вопросы будут урегулированы однообразным способом для всех международных организаций.

Можно ожидать, что рано или поздно международные организации или хотя бы некоторых из них получат право быть стороной в споре в международных судах (и даже в Международном суде), а также и некоторые другие новые права (например, на приобретение собственной территории).

Изменения, о которых здесь идет речь, будут осуществляться с помощью международного права и его инструментов, но также и сами будут оказывать сильное влияние на международное право.

Кроме того, если реформы ООН и других международных организаций будут успешными и укоренившимися, эти организации получат возможность стать в полном смысле слова центрами создания и обеспечения соблюдения норм международного права. Если получат такие полномочия, их высшие органы, и особенно представительные органы (например, Генеральная Ассамблея ООН), имеют большие шансы превратиться в своего рода международного (мирового) законодателя, даже если все это будет в рамках относительно узкого круга вопросов. В таком случае это, несомненно, повлияет на правопорядки государств-членов. Хорошим примером того, что могло бы произойти, является так называемое коммуни-тарное право Европейского Союза.

2. Квазимеждународные организации. Это общее название для тех субъектов, которые не являются международными организациями, но имеют некоторые сходства с ними. Речь идет о содружествах государств, Международных судах⁵²⁴, договорных органах и трансграничных организациях и обществах⁵²⁵.

Можно ожидать, что значение этих субъектов будет возрастать, а следовательно, и степень их международно-правовой субъективности. Это особенно верно для наиболее известных международных неправительственных организаций и транснациональных компаний.

Хотя в мире уже существует около 60 000 международных неправительственных организаций, все они указывают, что их число будет продолжать расти. Что еще более важно, наиболее авторитетные из них будут и впредь влиять не только на страны, но и на международ-

⁵²⁴ Позже мы уделим им особое внимание.

⁵²⁵ Кривокапич Борис. Указ. соч. С. 297–313.

ные организации и мировое общественное мнение, и, следовательно, на определенные отношения и процессы в международном сообществе. Это включает лоббирование принятия новых норм международного права, прежде всего новых договоров по правам человека, гуманитарного права, международного уголовного права, охраны окружающей среды, разоружения и запрещения определенных видов оружия и т. д. По всей вероятности, многие международные неправительственные организации сохранят свой консультативный или партнерский статус в некоторых международных организациях, включая ООН, а возможно и расширение практики официального представления некоторых из них в органах определенных международных организаций, аналогично тому, что уже существует в рамках Международной организации труда⁵²⁶. Можно также ожидать, что все большее число неправительственных организаций получит некоторую процессуальную субъективность перед международными судебными и квазисудебными органами в том смысле, что им больше чем сегодня будет предоставлено право возбуждения судебного разбирательства в определенных областях (из-за нарушений прав человека, разрушения окружающей среды и т. д.). Наконец, некоторые неправительственные международные организации вполне могут получить определенные официальные международные функции. Все это потребует кодификации международно-правовой позиции неправительственных организаций.

Уже сейчас крупнейшие многонациональные компании (корпорации) богаче, чем большинство стран, а некоторые имеют больше рабочих, чем многие страны имеют граждан. Их роль постоянно возрастает, причем они не только влияют на правительства отдельных государств, но и стремятся все больше выступать в качестве участников процессов в международном сообществе.

Хотя она не является полной (как, например, у государств), транснациональные компании уже сейчас имеют определенную международно-правовую субъективность. Это потому, что, по край-

⁵²⁶ Все ее главные органы основаны на трехсторонней системе: половина членов делегируется государством, а по одна четверть состоит из представителей организаций (профсоюзов) работников и ассоциаций работодателей, то есть неправительственных организаций.

ней мере, некоторые из них обладают правоспособностью (способностью быть носителем закрепленных международным правом прав и обязанностей), дееспособностью (способностью заключать некоторые международные соглашения, создавать международно-правовые обычаи и т. д.), деликтоспособностью (способностью нести юридическую ответственность за нарушение норм международного права), процессуальную правоспособность (активная и пассивная легитимация в некоторых международных судах) и т. д.

Можно ожидать, что крупнейшие компании вскоре станут договаривающимися сторонами важных международных соглашений в области охраны окружающей среды, телекоммуникаций, научных исследований и освоения космоса, прав и свобод человека и т. д., причем наравне с государствами и международными организациями. Это потребует, чтобы их международно-правовая субъективность в какой-то момент регулировалась глобальным (универсальным) договором, который бы как можно точнее определял права, обязанности и ответственность этих субъектов.

3. Остальные субъекты международного права

1. Субъекты sui generis. Это особенные субъекты, международно-правовая субъективность которых признана в силу различных исторических, политических и других обстоятельств.

Они в определенной степени имеют сходство и со странами и с международными организациями, но достаточно отчетливо отличаются как от одних, так и от других. В наше время примерами являются Святой Престол и Мальтийский рыцарский орден⁵²⁷. Что будет с ними в будущем, будет зависеть от фактических обстоятельств.

Однако уже сейчас есть основания ожидать появления некоторых новых субъектов *sui generis*, таких как огромные корабли или плавучие «острова», крупные постоянные орбитальные станции, человеческие колонии на Луне, Марсе и других небесных телах.

Сначала эти проекты и населенные пункты будут находиться под контролем стран, в которых они зарегистрированы. Тем

⁵²⁷ Кривокапич Борис. Указ. соч. С. 355–359.

не менее, можно ожидать, что, по крайней мере, некоторые из них станут независимыми с течением времени и потребуют, чтобы к ним относились как к некоторым новым квази государствам или, что кажется более подходящим, субъектам *sui generis*.

Например, уже с 90-х годов прошлого века есть планы о построении огромного корабля (*Freedom Ship*, «Корабль свободы») длиной в 1,8 км, шириной в 250 м, с 25 палубами. На нем сможет жить около 50 000 человек, что намного больше, чем граждан некоторых стран⁵²⁸. Такой чудо-корабль или просто «плавающий город» обеспечит своих постоянных пассажиров-жителей всеми потребностями – питание и проживание, образование, работа, отдых, больница, аэропорт и т. д. Он будет плыть по океанам и морям, меняя место так, чтобы всегда находиться именно там, где климатические и погодные условия наиболее благоприятны. Поскольку рядом с «населением», «территорией» и «властью» будет иметь свою собственную «экономику» (доход), но также и какие-то собственные вооруженные силы, рано или поздно судно почувствует себя независимым от какой-либо внешней власти.

Такое развитие событий еще легче предсказать, когда речь заходит о каком-то большом человеческом поселении в космосе. Действительно, в свете не просто ожидаемого, но и неизбежного массового населения человечества в космосе необходимо будет урегулировать отношения между властью и жителями Земли и жителями колоний, которые люди создадут в космосе, а также отношения с ними, когда они потребуют независимости и будут готовы бороться за нее.

Международному праву придется ответить на вопросы о правосубъектности этих субъектов.

2. Индивидуумы, группы, человечество. Первым ответом на вопрос о взаимосвязи между международным правом и индивидами наверно было бы то, что права человека, несомненно, будут развиваться все больше и больше, и их защита станет все более эффективной. Не надо спешить с таким ответом.

⁵²⁸ В 2021. г. членами ООН с наименьшим числом жителей (граждан) являются: Науру (10 824), Тувалу (11 792), Палау (около 18 094), Сан-Марино (около 33 931), Лихтенштейн (38 128) и Монако (39 242).

Жизнь не всегда движется в одном и том же направлении, и после периодов подъема зачастую проходят падения. Следует надеяться на позитивные прорывы, когда речь идет о международной защите прав человека, участии индивидов в принятии важных решений на национальном и международном уровне и т. д. И все же, невозможно исключить, что может прийти пора, когда будет существовать полный контроль над индивидами, тем более, что развитие технических средств делает это все более доступными. Такое развитие событий было бы катастрофическим. В мире, где нет свободы, будет не важно, что происходит с международным правом.

Однако, если развитие будет идти в желаемом направлении, можно предположить, что региональные договоры о правах человека будут заключены в тех частях мира, где их сейчас нет (Азия и Океания), и что в какой-то момент нечто подобное произойдет на мировом уровне, где может появиться кодекс в области прав человека, который улучшит решения Международных пактов о правах человека и ряда других договоров из этой сферы.

По сути дела, наиболее важные изменения должны означать расширение сферы прав, гарантированных индивидам и группам, и развитие их международной процессуальной правосубъектности.

Помимо прочего, хотя индивиды и группы могут уже сейчас в рамках определенных региональных соглашений выступать в качестве участников разбирательства в некоторых Международных судах, эта возможность ограничена только региональным уровнем и только на то, что предусмотрено соответствующим соглашением о защите прав человека. Тем не менее, если сохранится существующая тенденция, следует ожидать, что будут расширяться возможности для индивидов и групп в смысле их появления и как обладателей прав, и как участников разбирательства в международных судах, причем не только в судах по правам человека, но и в административных судах международных организаций. Что касается прав групп, они включают, в частности, принятие на мировом уровне конвенций, которые кодифицировали бы права и защиту таких категорий как этнические меньшинства, религиозные группы, мужчины и т. п.

В перспективе следует ожидать и развития международно-правовой субъективности человечества. Имеются в виду учет инте-

ресов всего человечества как такового, последовательное уважение так называемых прав человека третьего поколения (право солидарности), которые принадлежат всему человечеству (право на мир, право на здоровую окружающую среду и т. д.), развитие и защита прав человечества как такового в космосе и т. д. Среди прочего, должна получить новое подтверждение концепция общего наследия человечества.

3. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО (ИСТОЧНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА)

В наше время наиболее важными источниками международного права являются международные договоры⁵²⁹. Однако процесс их появления и вступления в силу очень медленный и не соответствует нынешнему ритму жизни. Этот недостаток будет еще более заметен в ближайшие годы.

Одно из возможных решений можно увидеть в постепенном отказе от института ратификации и в более широком использовании более простых механизмов для заключения международных договоров.

С другой стороны, следует также учитывать, что значение некоторых других источников со временем будет возрастать. Прежде всего, это относится к решениям международных организаций.

В то же время следует ожидать, что значение международно-правовых обычаев снизится, хотя они и впредь будут занимать свое место, по крайней мере, в некоторых сферах. В конце концов, ничто не мешает появлению новых обычных норм международного права. Однако не кажется возможным развитие так называемых «мгновенных обычаев», как это предлагала концепция, которая одно время пользовалась, да и сейчас в определенной степени пользуется поддержкой одной части доктрины международного права⁵³⁰.

⁵²⁹ Вопрос взаимоотношения важнейших источников международного права уже обсуждался в отдельной главе.

⁵³⁰ Krivokapić Boris. On the Issue of So-called «Instant» Customs in International Law // Acta Universitatis Danubius, Administratio. № 1. 2017. P. 81–98.

В целом, когда речь идет о нормах международного права, прежде всего, тех, которые содержатся в законодательных договорах⁵³¹, придется преодолеть определенные проблемы.

Прежде всего, число международных инструментов ежедневно увеличивается, что создает проблему слишком большого количества источников, противоречий (конфликта) их норм и т. д. Следует помнить, что не все страны (как на мировом, так и на региональном уровне) связаны всеми законодательными договорами, и даже не всеми самыми важными среди них. Государства все еще сами решают, какие международные соглашения их будут связывать, а какие нет.

Следовательно, в предстоящий период необходимо будет устранить растущий разрыв между международным объективным и субъективным правом. При этом международным объективным правом называем специфичную нормативную систему, которая регулирует отношения в международном сообществе. В зависимости от его характера – универсальное (общее, мировое), региональное или локальное – это право применяется ко всем странам мира, региона или определенной более узкой области. Одна его часть – общая и в данных рамках одинакова для всех.

С другой стороны, каждый субъект международного права (прежде всего, государство), вступая в определенные договорные и иные отношения, создает свое особое (субъективное) международное право, которое распространяется только на него⁵³².

Поэтому одна из задач предстоящего периода будет заключаться именно в том, чтобы определенным образом (посредством работы по дальнейшей кодификации международного права, путем решений международных организаций и т. д.) как можно более точно определить общее (объективное) международное право. Другими словами, максимально объективизировать и выровнять субъективные международные права государств. Правила, в соответствии с которыми сами государства выбирают нормы, которые их будут обязывать, могли иметь место в относительно слаборазвитом меж-

⁵³¹ Кривокапич Борис. Указ. соч. С. 134–135.

⁵³² Даже самые важные универсальные международные договоры связывают далеко не все страны, а только те, которые должным образом согласились взять на себя обязательства в этом порядке, но это никогда не все страны мира.

дународном сообществе с небольшим числом членов и в то время, когда и само международное право не было достаточно развито. В XXI веке это приведет к ряду трудностей, из которых проблема правовой определенности (что на самом деле относится к кому) является лишь одной из многих. Конечно, будет нелегко примирить суверенитет государств и их уменьшающуюся свободу решать, связываться ли в определенном направлении или нет.

Вторым моментом, который является следствием определенной «гиперпродукции» договоров, по крайней мере, в некоторых областях, должна быть работа по кодификации не только в смысле сбора соответствующих обычных норм и дополнительной работы над ними (прогрессивное развитие международного права), но также с точки зрения консолидации международных соглашений в соответствующих сферах. Так, например, в области прав человека была бы достигнута гораздо лучшая правовая определенность и, следовательно, защита соответствующих прав, если бы, например, на универсальном (мировом) уровне было несколько точных и всеобъемлющих международных договоров вместо десятков соглашений, содержащих фрагменты, которые зачастую трудно собрать и интерпретировать, а тем самым и четко сформулировать определенные общие стандарты⁵³³.

Следующим вопросом является проблема слишком большого количества механизмов для контроля за выполнением принятых международно-правовых обязательств. Это особенно заметно, когда речь идет о тех международных соглашениях, которые гарантируют и конкретизируют права человека. Точно так же как слишком много лекарств вместо лечения может усугубить состояние пациента, и слишком много различных способов защиты прав человека могут уменьшить их реальное значение. Неуклонный рост международных процедур приводит к созданию новых международных органов, что означает ненужное размножение международной бюрократии с все более заметным дублированием и конфликтом юрисдикции, охватыванием одной процедуры с другой и т. п. В ситуации, когда

⁵³³ Следует добавить, что многие договоры в этой сфере были изменены последующими протоколами и другими инструментами или содержат определенные факультативные положения. На практике становится все труднее разбираться во всем этом.

у него есть множество способов защитить свои права, простой человек часто смущается, потому что не может четко определить, что ему выгоднее и каких неприятных сюрпризов может ждать, если решит отстоять свои права тем или иным способом. В связи с этим можно отметить, что в будущем необходимо будет приостановить умножение различных процедур и предусмотренных ими международных органов и установить несколько эффективных процедур, с помощью которых, с одной стороны, можно будет обеспечить улучшение защиты прав человека⁵³⁴, а с другой стороны, можно будет сформировать четкие и в то же время общепринятые стандарты.

Учитывая вышесказанное, большое внимание следует уделить вопросу выделения тех областей международного права, в которых в соответствии с требованиями практики и необходимостью завершения системы международного права желательно подходить к работе по принятию новых, по возможности, всеобъемлющих законодательных договоров и изменению и дополнению уже существующих. Другими словами, речь идет о необходимости определения тех сфер, в которых необходимо выполнить (новую) кодификацию. Что касается других областей, следует приложить усилия для обеспечения того, чтобы как можно больше стран (в идеале все страны мира или региона) входили в круг наиболее важных соглашений.

Необходимо хотя бы в несколько слов взглянуть на дальнейшую судьбу так называемого «мягкого права»⁵³⁵. Хотя о важности и роли этих норм и правил и впредь будут существовать различные споры, можно ожидать тенденцию к усилению «мягкого права», как относительно простой для формулирования и в то же время гибкой системы, которая может с пользой служить дополнением к «жесткому» праву. Вполне вероятно, что некоторые из этих норм (в первую очередь, определенные решения различных международных организаций) будут постепенно приобретать все большее значение

⁵³⁴ Это подразумевает как предоставление защиты от нарушений соответствующих прав (международных договоров, которыми они гарантированы), так и ускорение самого процесса (многие разбирательства слишком длительные).

⁵³⁵ Кривокапич Борис. «Мягкое право в международном праве» // Lutovac M. ed. Composite Materials, Ecology, Information Technology, Economics and Law. Tivat, 2017. P. 55–62.

и все в большей степени (по крайней мере, в некоторых областях) заменять международные договоры. Это, однако, будет означать, что такие нормы из «мягкого» станут «жестким» правом.

Кроме того, следует надеяться, что работа над рядом международных соглашений, которые находятся в стадии разработки, будет завершена, что некоторые международные договоры, которые подписаны или открыты для подписания еще много лет назад, наконец вступят в силу.

Не вызывает сомнений то, что возрастет роль соглашений с негосударственными субъектами, в первую очередь с транснациональными компаниями.

4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СУДЫ

В целях обеспечения не только мирного решения международных споров, но и укрепления законности в международных отношениях, то есть истинного и последовательного уважения международного права, в предстоящий период необходимо будет обеспечить дальнейшее укрепление международной судебной системы.

За последние сто с лишним лет, и особенно в наше время, международные суды весьма развились и по количеству⁵³⁶, и по видам, и в организационном порядке, и с точки зрения той роли, которую они играют в международном сообществе. Сегодня существует целая сеть международных судов на разных уровнях и с разными компетенциями⁵³⁷.

⁵³⁶ В самом начале XXI века число международных судов в зависимости от выбранного критерия составляло от 17 (постоянные независимые международные суды в узком смысле) до 40 (включая некоторые квазисудебные органы, коллегии и тому подобное). Romano Cesare P. R. The proliferation of international judicial bodies: the pieces of the puzzle // *Journal of International Law and Politics*. № 4. 1999. P. 723–728.

⁵³⁷ Считается, что с 1990 года по настоящее время было принято больше судебных решений, чем во всей предыдущей истории. Для этого есть много причин: увеличение числа государств (и, следовательно, споров между ними), процессы глобализации, которые пронизывают все сферы жизни, активизация некоторых судов, которые были почти забыты в течение некоторого времени, появление большого количества новых судов и т. д.

Тем не менее, предстоящее время, несомненно, приведет к появлению новых международных судов. Это вполне понятно, если иметь в виду, что все больше и больше появляется главных субъектов международного права – государств и международных организаций, нарастают новые субъекты международного права, встречаются новые типы международных споров и т. д. Поэтому следует ожидать появления новых международных судов, независимо от того, известны ли они уже как виды, но появляются в новых контекстах (например, всемирный суд по правам человека) или являются совершенно новыми категориями (например, международные конституционные суды, подходящие для различных форм межгосударственной интеграции; суды по вопросам космического права; суды по спорам, связанным с киберпространством и соответствующими технологиями и т. д.).

С другой стороны, необходимо будет усилить роль и повысить эффективность существующих судов.

Постоянно придется следить за тем, чтобы международные суды (особенно уголовные, но и другие) не превратились в инструмент наиболее сильных, то есть чтобы они не стали средством манипулирования и навязывания воли самых могущественных держав мира. Они должны быть в полном смысле слова независимыми и беспристрастными, чего в некоторых случаях нужно будет только добиться.

Есть еще одна проблема, о которой на самом деле нигде не говорится. В целом существует опасность того, что некоторые международные суды и их судьи превратятся в своего рода высокообразованную, хорошо оплачиваемую и, в некотором смысле, даже высокомерную международную бюрократию, заинтересованную в первую очередь в сохранении своих позиций. Хотя и иначе такие случаи не должны допускаться, борьба с ними должна быть особенно последовательной, так как речь идет о международных судах и судьях, которые имеют особый статус и роль. Без этого легко можно будет скомпрометировать саму идею международной судебной системы и, следовательно, даже весь международный правовой порядок.

Следует взглянуть и на возможные перспективы Международного суда как судебного органа с особой репутацией и значимостью.

Прежде всего, возникает вопрос, не пора ли ему начать судить не только споры между государствами, как это происходит сейчас, но и те, в которых участвуют другие субъекты. В частности, нет видимых причин, по которым Суд не мог бы разрешать споры между государствами и международными организациями или между международными организациями. Учитывая ожидаемое увеличение объема работы, весьма вероятно, что будет увеличено число судей и создана специализация его палат, и, в частности, Суд будет иметь условно говоря отделения на каждом континенте, которые будут разрешать споры на региональном уровне. Они будут гораздо ближе к сторонам в споре, расходы на судебное разбирательство будут ниже, судьи будут лучше знать региональные и местные обычаи и т. д. К тому же, это обеспечило бы своего рода две степени судопроизводства в том смысле, что неудовлетворенная сторона могла бы подать апелляцию в Международный суд⁵³⁸.

Напоследок пара слов и о международных уголовных судах⁵³⁹. Скорее всего, они будут развиваться с созданием постоянных региональных (континентальных) уголовных судов, и в этом случае существующий Международный уголовный суд может превратиться в своего рода международный суд второй инстанции. Это, с одной стороны, облегчило бы его работу (нереально ожидать, что он сможет охватить весь мир), а с другой, есть много причин, по которым региональные суды более подходят для рассмотрения дела в первой инстанции (лучшее понимание конкретных проблем; более простое представление доказательств; намного меньшие расходы, связанные с перевозкой обвиняемых, свидетелей и т. п.; несравнимо более высокий общественный интерес к процессам в соответствующем регионе, чем в мире и т. д.). Что особенно важно, так это то, что какая бы ни существовала форма системы международного уголовного правосудия, оно должно быть объективным и одинаковым для всех. Если этого не произойдет, оно превратится в средство навязывания неокOLONиального господства, развитых и могуществен-

⁵³⁸ В принципе, эти вопросы уже обсуждались в главе о реформе и перспективах ООН.

⁵³⁹ Им также посвящена специальная глава в этой книге.

ных над малыми и слаборазвитыми странами и их гражданами. Это было бы не только аморальным, но и в долгосрочной перспективе, и контрпродуктивным, поскольку полностью подорвала бы веру в международное правосудие и, с другой стороны, вызвало бы большое сопротивление и конфликты.

5. КОСМИЧЕСКОЕ ПРАВО

Как было отмечено в главе, посвященной понятию космического права, международное космическое право можно понимать в узком и широком смысле.

Напомним, в узком смысле, имеется в виду международное космическое право, наиболее важными источниками которого являются международные договоры и международно-правовые обычаи. Можно сказать, что это «жесткое», «стандартное», в некотором смысле сейчас уже «классическое» международное право.

В более широком смысле космическое право включает в себя и так называемое «мягкое право» (в частности, соответствующие резолюции Генеральной Ассамблеи ООН), а так же и другие источники, между которыми и различные соглашения между государствами и негосударственными субъектами.

Все упомянутые источники (международного космического права в узком и международного космического права в более широком смысле), несомненно, получают быстрое развитие наряду с ожидаемой революцией в завоевании космоса.

На данный момент вопрос о метаправе (праве, которое регулировало бы отношения между человечеством и инопланетянами), каким бы привлекательным и интересным ни был, по понятным причинам остается полностью без ответа.

6. ПРАВО ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

К сожалению, скорее всего, и во времени, которое перед нами, будут войны, гражданские войны и другие вооруженные конфликты. Это означает, что и в будущем будет необходимо право вооруженных конфликтов (военное и гуманитарное право).

Появление совершенно новых видов оружия (беспилотных летательных аппаратов, ракет нового типа, лазеров, спутников, психотропного оружия и т. д.) уже сейчас открывает вопрос о международно-правовом регулировании их допустимости и способов использования.

С другой стороны, поскольку современные войны уже давно приобрели черты тотальной войны, одним из наиболее важных будет вопрос о том, как дальше развивать нормы гуманитарного права для обеспечения защиты гражданских лиц и других жертв войны.

Особой проблемой является необходимость точного регулирования всех правовых вопросов, связанных с операциями международных вооруженных сил (таких сил международных организаций), и, в частности, ответственности членов этих сил за нарушение правил войны и гуманитарного права. Это потому, что практика показывает, что члены этих сил иногда совершают военные преступления и преступления против человечности, но остаются безнаказанными, потому что они пользуются международными иммунитетами, а государство, гражданами которого они являются, по разным причинам не готово наказать их надлежащим образом.

В предстоящий период будет необходимо и точно урегулировать проблемы, связанные с вооруженными действиями в космосе. Космос становится все более и более интересным, потому что в принципе, из него можно проводить военные операции против целей на Земле, а с другой стороны, надо учитывать и возможные вооруженные столкновения в самой вселенной.

Прежде всего, уже сейчас развитие науки и техники позволяет поддерживать из космоса военные операции на Земле. Космос уже давно используется для шпионажа, целенаправленного ракет и т. п., уже запланировано использование космических платформ («космических баз») с новыми видами оружия (лазерные пушки и т. п.), которые с безопасного расстояния смогут уничтожить любую цель в любой точке планеты.

Возможна и война в самом космосе. Уже есть искусственные спутники-убийцы, предназначенные для уничтожения искусственных спутников противника, а вполне вероятно, что в будущем космические корабли и орбитальные станции будут вооружены и что

оружие какого-то типа будет размещено на небесных телах. Оружие может быть установлено по разным причинам – для самообороны, для уничтожения определенных опасных объектов (например, опасных астероидов), для противостояния преступникам⁵⁴⁰, террористам и т. д. Этот сценарий еще более вероятен потому, что современное международное право запрещает размещение в космосе и на небесных телах только ядерного оружия и другого оружия массового уничтожения, а не оружия вообще. К тому же, соответствующие многосторонние соглашения связывают только небольшой круг договаривающихся сторон, причем нельзя исключить возможность, что даже и государства-участники этих соглашений в определенный момент откажутся от ими же закрепленных решений, включая запрет на размещение в космосе ядерного или другого оружия массового поражения и т. д. Наконец, можно ожидать, что вместе с завоеванием вселенной в ней будут появляться все новые и новые средства ведения войны – новые оружия смогут создаваться не только на Земле, но и на обитаемых планетах или орбитальных станциях. Сам факт наличия оружия во вселенной будет означать опасность перенесения в космос (включая небесные тела), конфликтов возникших на Земле. В то же время вооруженные конфликты во вселенной будут возможны и по причинам возникшим в ней самой, то есть из-за отношений, которые не имеют ничего общего с положением дел на самой Земле.

В настоящее время, помимо общего запрета на использование космоса в военных целях, международное право не имеет ответа на эти вызовы. В частности, не существуют решения, которые представляли бы собой своего рода космическое военное и гуманитарное право. В то же время эти проблемы должны быть решены, причем относительно быстро.

7. ДРУГИЕ ВОПРОСЫ

Дальнейшее развитие и, возможно, новые кодификации будут испытываться и в «классических» отраслях международного права,

⁵⁴⁰ Между прочим, легко может случиться так, что в какой-то момент появятся космические пираты. На самом деле, сюрпризом станет если это не произойдет.

таких как право международных договоров или право международного представительства (дипломатическое и консульское право).

На это, между прочим, будут влиять расширение участия в международных отношениях новых субъектов, развитие международных организаций, завоевание космоса (проблемы официальных отношений миссий разных стран на небесных телах, отношений между человеческими сообществами в различных частях космоса и т. д.).

Хотя об этом уже частично шла речь, следует повторить, можно надеяться, что продолжит развиваться международное право в области прав человека. То же самое можно сказать про международное уголовное право. Среди прочего, следует ожидать новых прав человека, а также новых международных преступлений.

Соответствующие изменения ждут и нормы международного права, касающиеся сохранения и защиты природы (воды, воздуха, растений и животных, внутренней части Земли и т. д.); состояния и использования морей и океанов (особенно эксплуатация их глубин), рек, озер и полюсов Земли; воздушного и другого транспорта; проблемы разоружения и контроля над вооружением; борьбы с международным терроризмом, транснациональной преступностью, международной бюрократией и ее коррупцией и т. д.

Следует также ожидать, что сформируются новые отрасли международного права – право об отношениях к животным (уже есть его начала, которые обычно называют «правом благополучия животных», а иногда даже «правами животных»), право регулирующее вопросы искусственного интеллекта, право отношений в киберпространстве и т. д. Возникнут и многие другие проблемы и вопросы, которые в данный момент не возможно предвидеть.

Хотя это особый вопрос, который заслуживает собственное внимание, стоит отметить, что можно с полным основанием ожидать, что продолжит усиливаться позиция международного права в отношении внутренних правовых порядков государств. Это, помимо прочего, предполагает дальнейшее совершенствование механизмов контроля, то есть средств для проверки того, как и в какой степени страны соблюдают свои международно-правовые обяза-

тельства, а также все более эффективное осуществление международных санкций.

Возможно, что изменения в международных отношениях, которые принесет XXI век, повлекут за собой не только изменения в содержании (нормах и принципах) правопорядка, который мы сейчас называем международным правом, но также приведут и к изменению названия этой правовой системы. Все указывает на то, что движемся к точке, в которой злободневным станет вопрос более точного определения и концептуального разграничения права, применяемого ко всей планете, и которое сейчас называем общим международным правом, от права которое распространяется в границах определенных регионов, в первую очередь континентов (региональное международное право). В связи с этим можно ожидать, что логической заменой сегодняшних принятых терминов «общее» и «региональное международное право» будут такие термины, как «мировое право» или «глобальное право», то есть «европейское», «американское» или подобное право. Все, это, вполне вероятно, без какой-либо необходимости добавлять прилагательное «международное».

8. ФРАГМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Среди важных проблем в дальнейшем развитии международного права, в доктрине, указывается на одну, которую мы уже несколько затронули в этом тексте, хотя ее и не назвали. Это так называемая фрагментация или плюрализация международного права.

А именно, существует парадокс глобализации, который отражается в том, что в то же время, когда идет всеобщее усиление связей в мире на пути его превращения в единое общество, с другой стороны, во многих сферах, включая и международное право, происходит его фрагментация (умельчение).

Еще в 1953 году было замечено существование двух противоположных явлений. С одной стороны, из-за того, что в международном сообществе нет верховного законодателя, международные законодательные договоры как важнейшие источники международного

права имеют тенденцию превращаться в различные исторические, функциональные и региональные группы, которые отделены друг от друга, причем их взаимоотношения в определенном смысле напоминают взаимосвязь между различными системами национального (внутреннего) права государств. Одним из наиболее важных источников конфликта между этими договорами является право, регулирующее их пересмотр и его правовые последствия. Это создает необходимость разрешения конфликта между этими различными режимами, подобно тому, что встречается в случае конфликтов между законами разных стран⁵⁴¹. Речь идет о большой проблеме, усугубляемой тем, что сегодня существует огромное количество многосторонних международных договоров⁵⁴².

С другой стороны, большая специализация, которая отражается в развитии специальных отраслей международного права, каждая из которых имеет свои собственные принципы и институты, открывает вопрос их соответствия нормам и институтам соседних областей, а также принципам и практике общего международного права.

Фрагментация усиливается появлением большого числа специализированных международных органов, особенно растущим числом международных судов, между которыми нет структурных отношений и которые не являются частью какой-либо устоявшейся системы⁵⁴³. Это открывает проблему конфликтов их юрисдикции, то есть возможности поручить спор или другое дело нескольким судам или другим специализированным органам (например, спор о загрязнении моря может быть передан в ведение Международного суда, Международного трибунала по морскому праву или ар-

⁵⁴¹ Jenks W. C. *The Conflict of Law-Making Treaties* // *British Yearbook of International Law*. Vol. 30. 1953. P. 403.

⁵⁴² В одном только XX веке было заключено около 6000 многосторонних договоров, из которых около 30% были открыты для членства всех стран мира. Ku C. *Global Governance and the Changing Face of International Law* // *ACUNS Report & Papers*. № 2. 2001. P. 9.

⁵⁴³ Это уже давно заметил бывший президент Международного суда: Jennings R. Y. *The Judiciary, International and National, and the Development of International Law* // *International and Comparative Law Quarterly*. № 1. 1996. P. 1–12.

битража). При этом даже применение одних и тех же стандартов различными судами может привести к различным последствиям. Проблемы, связанные с конкуренцией компетенции возникают и в практике других международных органов, как например, тех занимающихся защитой прав человека⁵⁴⁴.

Хотя одна часть доктрины придает проблеме фрагментации (плюрализации) большое значение, на самом деле тут нет ничего, что не может быть успешно решено при условии политического согласия государств. Впрочем, преодолению различных проблем способствует одновременно существующий процесс унификации права⁵⁴⁵.

Кроме того, в последние годы международные суды и другие субъекты разработали новые методы урегулирования противоположностей и конфликтов в международном праве⁵⁴⁶.

Наконец, и в государствах существует проблема, которую можно охарактеризовать как своего рода фрагментация (конфликт правил, конфликт юрисдикции), а особенно такие конфликты при-сущи отношениям между разными государствами и их правовыми системами, и все же эти вопросы решаются без серьезных проблем и последствий.

9. КРИЗИС И УВАЖЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

В главе II мы уже рассматривали проблему предполагаемого и реального кризиса международного права. Тем не менее, по многим

⁵⁴⁴ Например, в случае пыток и дискриминации в отношении несовершеннолетней негритянки-инвалида может возникнуть одновременная юрисдикция международного суда (например, Европейского суда по правам человека) но и договорных органов, учрежденных соответствующим договором, например: Комитет по правам человека, Комитет против пыток, Комитет по ликвидации расовой дискриминации, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет по правам ребенка и Комитет по правам инвалидов.

⁵⁴⁵ Кривокапич Б. Международное публичное право. Указ. соч. С. 102–103.

⁵⁴⁶ Peters Anne. The Refinement of International Law: From Fragmentation to Regime Interaction and Politicization // *European Journal of International Law*. № 3. 2017. P. 671–704.

причинам нам необходимо вернуться к этому вопросу и в самом конце этой книги.

Поскольку часто говорят о кризисе международного права, можно ожидать, что в конечном итоге в будущем он будет преодолен. И все же, мы не уверены, что это произойдет. Это потому, что этим термином называются разные вещи, то есть он является своего рода общим названием для различных проблем в развитии и применении международного права. Однако в большей или меньшей степени они будут существовать всегда, причем даже тогда, когда одни проблемы будут решены, возникнут другие, новые⁵⁴⁷.

Что всегда будет важно, так это то, что международное право должно развиваться как право компромиссов, право в интересах всех, в конечном счете в интересах всего человечества. Миру не нужно какое-либо, а только гуманное международное право, основанное на справедливости и солидарности. То, которое принято демократическим путем, которое выражает и защищает универсальные ценности и которое поэтому каждый

⁵⁴⁷ Понятно, что есть и другие интерпретации кризиса международного права, среди которых особенно выражены два подхода. Один предполагает, что существующее международное право больше не соответствует проблемам, с которыми сталкивается современный мир, таких как международный терроризм, транснациональная организованная преступность, деградация природы и т. д. Другой же указывают на то, что этот кризис существует, потому что международное право продолжает опираться на искусственную концепцию национального государства, обладающего огромными полномочиями, в то время, когда в XXI веке вместо того, чтобы иметь дело с уже превзойденным суверенитетом государств, международное право должно быть сосредоточено на человеке и его врожденное достоинство.

Нам представляется, что здесь не указываются причины и проявления кризиса, а выделяются различные идеологические концепции развития мира. Здравый смысл подсказывает, что если бы существующее международное право применялось последовательно, без примеров его грубого и безнаказанного нарушения, оно функционировало бы без серьезных трудностей и не было бы никаких оснований не говорить о его кризисе.

уважает и соблюдает⁵⁴⁸. Только так можно добиться необходимой стабильности, праведности и гармонии в международных отношениях. Без этого, в конечном счете, нет мира, нет прогресса, нет будущего.

Другая проблема заключается в том, как обеспечить последовательное соблюдение норм международного права. Оно призвано сформулировать решения и механизмы для преодоления вызовов и опасностей, с которыми сталкивается человечество, но оно не может само по себе справиться с ними. Его возможности заканчиваются на том же рубеже, где и готовность государств добросовестно выполнять свои международные обязательства и искренне сотрудничать для собственного и общего благополучия.

Хотя кажется очевидным, что международное право должно соблюдаться (между прочим, одним из его принципов является *pacis sunt servanda*), на практике это не всегда ясно для политиков и высокопоставленных государственных чиновников, особенно из самых влиятельных стран мира.

Эти взгляды, которые отражали в то же время позиции всей администрации президента Джорджа Буша и правительств ближайших союзников США, были озвучены в то время, когда после победы в холодной войне Соединенные Штаты были единственной мировой сверхдержавой и увлеклись идеей о какой-то собственной исключительности и том, что они не подпадают под действие правил, обязательных для других стран.

⁵⁴⁸ Это следует подчеркнуть, поскольку всегда существует опасность того, что мировые центры мощи смогут навязать те решения, которые соответствуют их корыстным интересам, а которые объективно за счет всех других, в том числе и самого международного права и его авторитета. Иногда такие попытки отчетливо видны, но гораздо чаще их умело упаковывают в обертки с ссылками на благородные цели (необходимость введения института гуманитарного вмешательства для спасения человеческих жизней во всем мире, борьба с глобальным потеплением и т.п.) и, по крайней мере, на некоторое время, и хотя бы кого-то так можно обмануть. Одна из опасностей заключается в том, что произвольно и даже силой, определенные решения навязываются как универсальные, якобы лучшие, единственные правильные и тому подобное, навязывая таким образом всему миру один вид односторонности, которая по крайней мере не соответствует интересам того же мира. С этим нельзя согласиться.

Такие позиции не только противоречат международному праву, но и неприемлемы и в принципе, и по практическим соображениям. Если бы они стали новыми правилами, это поставило бы под угрозу весь международный правовой порядок, поскольку все его правила стали бы относительными – были бы обязательными для одних, но не и для других. К счастью, незадолго после этого произошли изменения в международных отношениях, которые привели к концу недолгой жизни однополярного мира. Хотя в этих обстоятельствах помянутые позиции стали менее актуальными, все же не стоит пренебрегать в них высказанным мировоззрением и, следовательно, опасностью, которая в нем скрывается.

В этом смысле, точно так же, как, с одной стороны, надо постоянно совершенствовать решения международного права как в существенном, так и в техническом смысле, с другой стороны необходимо обеспечить, чтобы эти решения строго соблюдали все без исключения.

Контрольные вопросы

1. Что такое глобализация, интернационализация и регионализация и как они влияют на международное право?
2. Что происходит с суверенитетом государств? Каковы перспективы международной субъективности государств и квазигосударств?
3. Что можно ожидать в развитии международных организаций и квази-международных организаций?
4. Какие изменения можно ожидать в субъективности субъектов *sui generis*, индивидов лиц, групп и человечества?
5. Каковы проблемы и каковы перспективы международного законодательства?
6. Каковы перспективы международных судов? Какое развитие могут иметь Международный суд и международные уголовные суды?
7. Что такое космическое право и каковы его перспективы? Что такое метаправо?

8. Каковы перспективы права вооруженных конфликтов? Что оно должно регулировать в будущем?

9. Что такое фрагментация международного права? Каковы ее причины и перспективы?

10. Каковы наиболее важные вопросы, связанные с кризисом международного права и его последовательным соблюдением?

БИБЛИОГРАФИЯ

В части «Общая литература» перечислены работы, касающиеся всех или большинства глав, а затем дана литература по конкретным главам. Остальные источники приведены в сносках. Дата последней проверки всех интернет-источников, указанных в книге – 15.02.2021 г.

1. ОБЩАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Abass Ademola. Complete International Law: Text, Cases, and Materials. Oxford, 2014.
2. Akehurts Michael. A Modern Introduction to International Law. London, 1984.
3. Armstrong David, Farell Theo, Lambert Helene. International Law and International Relations. Cambridge, 2012.
4. Barker Craig J. International Law and International Relations. Continuum, 2004.
5. Бекашев К. А. отв. ред. Международное публичное право. М., 2009.
6. Besson Samantha, Tasioulas John. The Philosophy of International Law. Oxford, 2010.
7. Byrnes Andrew, Hayashi Mika, Michaelsen Christopher. International Law in the Age of Globalization. Martinus Nijhoff Publishers, 2013.
8. Бирюков П. Н. Международное право. М., 2011.
9. Богатырев В. В. Международное право. Владимир, 2016.
10. Brownlie Ian. Principles of Public International Law. Oxford, 1995.
11. Carty Anthony. Philosophy of International Law. Edinburgh, 2007.
12. Cassese Antonio. International Law. Oxford, 2001.
13. Данилов И. Б. Международное право. Новосибирск, 2015.
14. Дидикин А. Б. Международное право. Новосибирск, 2010.
15. Егоров С. А. отв. ред. Международное право. М., 2015.
16. Ермолович Г. П. Международное право. Санкт-Петербург, 2010.
17. Evans Malcolm D. ed. International Law. Oxford, 2010.
18. Фердросс А. Ф. Международное право. М., 1959.
19. Гетьман-Павлова И. В. Международное право. М., 2013.
20. Глебов И. Н. Международное право. Дрофа, 2006.
21. Henderson Conway W. Understanding International Law. Wiley-Blackwell, 2010.
22. Игнатенко Г. В., Тиунов О. И. отв. ред. Международное право. М., 2009.
23. Ильин Ю. Д. Международное публичное право. М., 2008.

24. Kaczorowska Alina. Public International Law. Routledge-Cavendish, 2010.
25. Klabbers Jan. International Law. Cambridge, 2013.
26. Колосов Ю. М. отв. ред. Международное право в современном мире. М., 1991.
27. Кожевников Ф. И. отв. ред. Международное право. М., 1987.
28. Кривокапич Борис. Международное публичное право. Самара, 2018.
29. Кривокапич Борис. Мирное разрешение международных споров. Самара, 2020.
30. Лазутин Л. А. Суворова В. Я., Федоров И. В. отв. ред. Международное право. М., 2018.
31. Лисовский В. И. Международное право. М., 1970.
32. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов, том 1-2 (по изданию 1904-1905). М., 1996.
33. Rhyne Charles S. International Law. Washington, 1971.
34. Schwarzenberger Georg. International Law as Applied by Courts and Tribunals. London, 1968.
35. Shaw Malcolm N. International Law. Cambridge, 2008.
36. Trindade Antônio Augusto Cançado. International Law for Humankind: Towards a New Jus Gentium. Martinus Nijhoff, 2013.
37. Тункин Г. И. отв. ред. Международное право. М., 1982.
38. Валеев Р. М., Курдюков Г. И. отв. ред. Международное право. М., 2016.
39. Витцгум Вольфганг Граф, Прёльсс Александер. ред. Международное право. М., 2015.
40. Von Glahn Gerhard, Taulbee James Larry. Law Among Nations: An Introduction to Public International Law. Routledge, 2016.
41. Вылезагин А. Н. отв. ред. Международное право. М., 2009.
42. Wallace Rebecka M. M., Martin-Ortega Olga. International Law. Sweet & Maxwell 2013.

2. ЛИТЕРАТУРА ПО ГЛАВАМ

Глава I. ПОНЯТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

1. Allott Philip. The Concept of International Law // European Journal of International Law. № 1. 1999.
2. Aust Anthony. Handbook of International Law. Cambridge, 2010.
3. Baradaran Shima, Findley Michael, Nielson Daniel, Sharman J. C. Does International Law Matter? // Minnesota Law Review. Vol. 97. 2013.
4. Блищенко И. П., Солнцева М. М. Мировая политика и международное право. М., 1991.
5. Boldizar Alexander, Korhonen Outi. Ethics, Morals and International Law // European Journal of International Law. №. 2. 1999.

6. Cheng Bin: *General Principles of Law as applied by International Courts and Tribunals*. London, 1953.

7. Дмитриева Г. К. *Мораль и международное право*. М., 1991.

8. Held Virginia. *Morality, Care, and International Law // Ethics & Global Politics*. № 3. 2011.

9. Hongju Koh Harold. *Why Do Nations Obey International Law? // Yale Law Journal*. Vol. 106. 1997.

10. Куниг Филип. *Международное право и внутрегосударственное право // Витцтум В. Г., Прёльсс А. ред. Международное право*. М., 2015, 96-207.

11. Tully Stephen et. al. *The Practitioner's Guide to International Law*. New South Wales, 2010.

12. Vos Jan Anne. *The Function of Public International Law*. Asser Press, Springer, 2013.

Глава II. КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРАВОМ

1. Berman Paul Schiff. *From International to Law and Globalization // Columbia Journal of Transnational Law*. Vol. 43. 2005.

2. Collins Richard. *The Institutional Problem in Modern International Law*. Hart Publishing, 2016.

3. Domingo Rafael. *The Crisis of International Law // Vanderbilt Journal of Transnational Law*. Vol. 42. 2009.

4. Мережко А. А. *Кризис современной миросистемы и будущее международного права в XXI веке // Альманах Международного права*. № 2. 2010.

5. Мусаелян Л. А. *Кризис международного права: цивилизационный и геополитические факторы // Вестник Пермского Университета*. № 4. 2014.

6. Pavel C. E., Lefkowitz D. *Skeptical Challenges to International Law // Philosophy Compass*. № 8. 2018.

7. Reisman Michael. *International Law after the Cold War // American Journal of International Law*. № 4. 1990.

8. Simma Bruno, Pulkowski Dirk *Of Planets and the Universe: Self-vontained Regimes in International Law // European Journal of International Law*. № 3. 2006.

9. Sterio Milena. *The Evolution of International Law // Boston College International and Comparative Law Review*. № 2. 2008.

10. Van Hoogstraten Steven ed. *New Challenges to International Law: A View from the Hague // Nijhoff Law Specials*. Vol. 96. 2018.

11. Waldron Jeremy. *The Rule of Law in International Law // Harvard Journal of Law & Public Policy*. № 1. 2006.

12. Явчуновская Регина Анатольевна. *Кризис международного права в реалиях современного миропорядка // Евразийский союз: вопросы международных отношений*. № 4. 2017.

Глава III. ВАЖНЕЙШИЕ ИСТОЧНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ИХ ИЕРАРХИЧЕСКОЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЕ

1. Akehurst Michael. Custom as Source of International Law // British Yearbook of International Law. Vol. 47. 1976.
2. Baker Roozbeh (Rudy) B. Customary International Law in the 21st Century: Old Challenges and New Debates. European Journal of International Law. № 1. 2010.
3. Besson Samantha. Theorizing the Sources of International Law // Besson S., Tasioulas J. eds. The Philosophy of International Law. Oxford, 2010. 163–185.
4. Bradley Curtis A. ed. Custom's Future: International Law in a Changing World. Cambridge, 2016.
5. Degan V. D. Sources of International Law. Kluwer Law International, 1997.
6. Divac Öberg Marko. The Legal Effects of Resolutions of the UN Security Council and General Assembly in the Jurisprudence of the ICJ // European Journal of International Law. № 5. 2006.
7. Helfer Laurence R., Wuerth Ingrid B. Customary International Law: An Instrument of Choice Perspective // Michigan Journal of International Law. Vol. 37. 2016.
8. Kadens Emily, Young Ernest A. How Customary is Customary International Law? William & Marry Law Review. № 5. 2013.
9. Kammerhofer Jörg. Uncertainty in the Formal Sources of International Law: Customary International Law and Some of Its Problems // European Journal of International Law. № 3. 2004.
10. Kennedy David. The Sources of International Law. American University International Law Review. № 1. 1987.
11. Кривокапић Борис. Обичајна правна правила у међународном праву // Мегатренд ревија. № 3. 2012.
12. Lefkowitz David. The Sources of International Law: Some Philosophical Reflections // Besson S., Tasioulas J. eds. The Philosophy of International Law. Oxford, 2010. P. 187–203.
13. Минасян Н. М. Источники современного международного права. Ростов, 1960.
14. Parry Clive. The Sources and Evidences of International Law. Manchester, 1955.
15. Petersen Niels. Customary Law Without Custom? Rules, Principles and the Role of State Practice in International Norm Creation. American University International Law Review. № 2. 2008.
16. Thirlway Hugh. The Sources of International Law. Oxford, 2014.
17. Van Hoof G.J.H. Rethinking the Sources of International Law. Kluwer Law and Taxation Publishers, 1983.
18. Villinger Mark E. Customary International Law and Treaties. Kluwer Law International, 1997.

Глава IV. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

1. Anghie Antony. *Imperialism, Sovereignty, and the Making of International Law*. Cambridge, 2007.
2. Bartelson Jens. *The Concept of Sovereignty Revisited*. *European Journal of International Law*. № 2. 2007.
3. Besson Samantha. *Sovereignty, International Law and Democracy* // *European Journal of International Law*. № 2. 2011.
4. Bilder Richard B. *Perspective of Sovereignty in the Current Context: An American Viewpoint* // *Canada-United States Law Journal*. Vol. 20. 1994
5. Cohen Jean L. *Whose Sovereignty? Empire Versus International Law* // *Ethics & International Affairs*. № 3. 2004.
6. Cohen Jean I. *Sovereignty in the Context of Globalization: A Constitutional Pluralist Perspective* // Besson S., Tasioulas J. eds. *The Philosophy of International Law*. Oxford, 2010. 261–280.
7. Cryer Robert. *International Criminal Law vs State Sovereignty: Another Round?* // *European Journal of International Law*. № 5. 2005.
8. Dahbour Omar. *Advocating Sovereignty in an Age of Globalization* // *Journal of Social Philosophy*. № 1. 2006.
9. Damrosch Lori Fisler. *Changing the International Law of Sovereign Immunity Through National Decisions* // *Vanderbilt Journal of Transnational Law*. Vol. 44. 2011.
10. Donnelly Jack. *Sovereign Inequality and Hierarchy in Anarchy: American Power and International Society* // *European Journal of International Relations*. № 2. 2006.
11. Duke Simon. *The State and Human Rights: Sovereignty versus Humanitarian Intervention* // *International Relations*. № 2. 1994.
12. Finke Japer. *Sovereign Immunity: Rule, Commitment or Something Else?* // *European Journal of International Law*. № 4. 2011.
13. Fowler Michael Ross, Bunck Julie Marie. *Law, Power, and the Sovereign State: The Evolution and Application of the Concept of Sovereignty*. Penn State University Press, 1995.
14. Галушка Д. В. *О суверенитете государства в международном праве* // *Вестник ВГУ. Серия: Право*. № 1. 2013.
15. Hashmi Sohail H., ed. *State Sovereignty: Change and Persistence in International Relations*. Penn State University Press, 1997.
16. Henkin Louis. *Human Rights and the State 'Sovereignty'* // *Georgia Journal of International & Comparative Law*. Vol. 25. 1995/96.
17. Henkin Louis. *That 'S' Word: Sovereignty and Globalization, and Human Rights, Et Cetera* // *Fordham Law Review*. № 1. 1999.
18. Jackson John H. *Sovereignty – Modern: A new Approach to an Outdated Concept* // *American Journal of International Law*. № 4. 2003.
19. Kingsbury Benedict. *Sovereignty and Inequality* // *European Journal of International Law*. № 4. 1998.

20. Красинский Владислав Вячеславович. Защита государственного суверенитета. М., 2017.
21. Krasner Stephen D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton University Press, 1999.
22. Krasner Stephen D. Rethinking the Sovereign State Model // Review of International Studies. Vol. 27. 2001.
23. Lake David A. The New Sovereignty in International Relations // International Studies Review. № 3. 2003.
24. Левин И. Д. Суверенитет. СПб., 2003.
25. Maogoto Jackson Nyamuya. Sovereignty in Transition: Human Rights and International Justice // University of Notre Dame Australia Law Review. Vol. 7. 2005.
26. Mills Kurt. Human Rights in the Emerging Global Order: A New Sovereignty? MacMilan Press/St. Martin's Press, 1998.
27. Морозова Людмила Александровна. Современное прочтение теории государственного суверенитета. Государство и право. № 2. 2017.
28. Nagan Winston P., Hammer Craig. The Changing Character of Sovereignty in International Law and International Relations // Columbia Journal of Transnational Law. Vol. 43. 2004.
29. Пастухова Надежда Борисовна. Проблемы государственного суверенитета. М., 2006.
30. Peters Anne. Humanity as the Λ and Ω of Sovereignty // European Journal of International Law. № 3. 2009.
31. Peters Anne, Lagrange Evelyne, Oeter Stefan, Tomuschat Christian, eds. Immunities in the Age of Global Constitutionalism. Brill, Nijhoff, 2014.
32. Reinisch August. European Court Practice Concerning State Immunity from Enforcement Measures // European Journal of International Law. № 4. 2006.
33. Schreuer Christoph. The Waning of the Sovereign State: Towards a New Paradigm for International Law? // European Journal of International Law. № 1. 1993.
34. Сквоиков А. К., Яковюк И. В. ред. Правовые проблемы определения и реализации государственного суверенитета на современном этапе. М., 2010.
35. Steinberg Richard H. Who is Sovereign? // Stanford Journal of International Law. № 2. 2004.
36. Verhoeven Joe. Sovereign States: A Collectivity or a Community? // Hitotsubashi Journal of Law and Politics. Special Issue, 1994.
37. Zick Timothy. Are the States Sovereign? // Washington University Law Quarterly. Vol. 83. 2005.

Глава V. ПРАВО НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

1. Abdullahi Ahmednasir M. Article 39 of the Ethiopian Constitution On Secession and Self-determination: A Panacea to the Nationality Question in Africa? // Verfassung und Recht in Übersee / Law and Politics in Africa, Asia and Latin America. № 4. 1998.

2. Allen Stephen. The Chagos Islanders and International Law. Hart Publishing, 2014.

3. Allen Stephen. Self-determination, the Chagos Advisory Opinion, and the Chagossians // International & Comparative Law Quarterly. № 1. 2020.

4. Castellino Joshua, Gilber Jérémie. Self-Determination, Indigenous Peoples and Minorities // Macquarie Law Journal. Vol. 3. 2003.

5. Castellino Joshua. Territorial Integrity and the 'Right' to Self-Determination: An Examination of the Conceptual Tools // Brooklyn Journal of International Law. № 2. 2008.

6. Chinkin Christine M. East Timor moves into the World Court // European Journal of International Law. № 4. 1993.

7. Christakis Theodore. The ICJ Advisory Opinion on Kosovo: Has International Law Something to Say about Secession? // Leiden Journal of International Law. № 12. 2011.

8. Christakis Theodore. Self-Determination, Territorial Integrity and *Fait Accompli* in the Case of Crimea // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. Vol. 75. 2015.

9. Cismas Ioana. Secession in Theory and Practice: The Case of Kosovo and Beyond // Goettingen Journal of International Law. № 2. 2010.

10. Cohen Marcelo G., ed. Secession: International Law Perspectives. Cambridge, 2006.

11. Dahlitz Julie, ed. Secession and International Law. United Nations, New York and Geneva, 2003.

12. Dunay Pál. Kosovo 1999 and Crimea 2014: Similarities and Differences. Connections Fall, 2015.

13. El Ouali Abdelhamid. Territorial Integrity: Rethinking the Territorial Sovereign Right of the Existence of the States // Geopolitics. № 4. 2006.

14. El Ouali Abdelhamid. Territorial Integrity in a Globalizing World: International Law and States' Quest for Survival. Springer, 2012.

15. Ghanea Nazila, Xanthaki Alexandra, eds. Minorities, Peoples and Self-Determination. Martinus Nijhoff Publishers, 2005.

16. Gudelevičiūtė Vita. Does the Principle of Self-Determination Prevail Over the Principle of Territorial Integrity? // International Journal of the Baltic Law. № 2. 2005.

17. Güzel Mehmet Şükrü. The Chagos Archipelago Case in the International Court of Justice // Mayis. № 1. 2018.

18. Hilpold Peter. The International Court of Justice's Advisory Opinion on Kosovo: Perspectives of a Delicate Question // Austrian Review of International and European Law. Vol. 14. 2009.

19. Jovanović Miodrag A. Is Kosovo and Metohija Indeed a 'Unique Case'? // Summers James ed. Kosovo: A Precedent? Martinus Nijhoff Publishers, 2011.

20. Klabbers Jan. Shrinking Self-determination: The Chagos Opinion of the International Court of Justice // ESIL Reflections. № 2. 2019.

21. Климашевская Ольга Викторовна. Столкновение политических феноменов: право на самоопределение народа и территориальная целостность государства // Власть. № 2. 2018.

22. Kohen Marcelo G., ed. *Secession: International Law Perspectives*. Cambridge, 2006.

23. Kohen Marcelo G., Del Mar Katherine. *The Kosovo Advisory Opinion and UNSCR 1244 (1999): A Declaration of 'Independence from International Law'?* // *Leiden Journal of International Law*. № 1. 2011.

24. Kouzehgar Hassan, Vaseqi Mohsen. *Annexation of Crimea to Russia: Contrast Between Right to Self-Determination and Territorial Integrity Preservation in International Law* // *International Journal of Asian Social Science*. № 4. 2015.

25. Lanovoy Vladyslav. *Self-determination in international law: A Democratic Phenomenon or an Abuse of Right?* // *Cambridge Journal of International and Comparative Law*. № 2. 2015.

26. Libarona Iñigo Urrutia. *Territorial Integrity and Self-Determination: The Approach of the International Court of Justice in the Advisory Opinion on Kosovo* // *Revista d'Estudis Autònomic i Federals*. № 16. 2012.

27. Maguire Amy, Thompson Katie. *Palestine, self-determination and international justice: looking back to the ICJ and looking forward to the ICC* // *Griffith Law Review*. № 4. 2017.

28. Маргиев А. В. *О праве выхода республик из состава Российской Федерации*. Вестник Адыгейского государственного университета. № 2. 2005.

29. Marxsen Christian. *The Crimea Crisis: An International Law Perspective*. *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*. Vol. 74. 2014.

30. Marxsen Christian. *Territorial Integrity in International Law – Its Concept and Implications for Crimea*. *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*. Vol. 75. 2015.

31. Metodiev Kaloyan. *Catalonia and Kosovo Cases: Comparative Analysis* // Proroković D. ed. *Kosovo: 'sui generis' or Precedent in International Relations*. Belgrade, 2018. 273–298.

32. Milanović Marko, Wood Michael, eds. *The Law and Politics of the Kosovo Advisory Opinion*. Oxford, 2015.

33. Minas Stephen. *Why the ICJ's Chagos Archipelago Advisory Opinion Matters for Global Justice – and for 'Global Britain'* // *Transnational Legal Theory*. № 1. 2019.

34. Moltchanova Anna. *National Self-Determination and Justice in Multinational States*. Springer, 2009.

35. Moore Margaret ed. *National Self-Determination and Secession*. Oxford, 1998.

36. Musgrave Thomas D. *Self-determination and National Minorities*. Oxford, 1997.

37. Orakhelashvili Alexander. *The International Court's Advisory Opinion on the UDI in Respect of Kosovo: Washing Away the 'Foam on the Tide of Time'* // *Max Plank Yearbook of United Nations Law*. Vol. 15. 2011.

38. Proroković Dušan ed. Kosovo: 'sui generis' or Precedent in International Relations. Belgrade, 2018.
39. Peter Stefan. The Kosovo Case – An Unfortunate Precedent // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. Vol. 75. 2015.
40. Raič David. Statehood and the Law of Self-Determination. Kluwer Law International, 2002.
41. Rossi Christopher R. Impaled on Morton's Fork: Kosovo, Crimea, and the *Sui Generis* Circumstance // Emory International Law Review. Vol. 30. 2016.
42. Saul Matthew. The Normative Status of Self-Determination in International Law: A Formula for Uncertainty in the Scope and Content of the Right? // Human Rights Law Review. № 4. 2011.
43. Shirmammadov Khazar. How Does the International Community Reconciles the Principles of Territorial Integrity and Self-Determination? The Case of Crimea // Russian Law Journal. № 1. 2016.
44. Sloss David. Using International Court of Justice Advisory Opinions to Adjudicate Secessionist Claims // Santa Clara Law Review. № 2. 2002.
45. Summers James ed. Kosovo: A Precedent? Martinus Nijhoff Publishers, 2011.
46. Téson Fernando R. The Theory of Self-Determination. Cambridge, 2016.
47. Tierney Stephen. Sovereignty and Crime: How Referendum Democracy Complicates Constituent Power in Multinational Societies // German Law Journal. № 3. 2015.
48. Тимченко Лиана. Толкование понятия «право народов на самоопределение» в современном международном праве // Evropsky politicky a pravni diskurz. № 4. 2016.
49. Tomuschat Christian ed. Modern Law of Self-Determination. Martinus Nijhoff Publishers, 1993.
50. Vashamadze Mindia, Lippold Matthias. 'Nothing but a Road Towards Secession?' – The International Court of Justice's Advisory Opinion on Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo // Goettingen Journal of International Law. № 2. 2010.
51. Vidmar Jure. Territorial Integrity and the Law of Statehood // George Washington Law Review. Vol. 44. 2012.
52. Walter Christian, Von Ungern-Sternberg Antje, Abushov Kavus eds. Self-Determination and Secession in International Law. Oxford, 2014.
53. Weller Marc. Contested Statehood: Kosovo's Struggle for Independence. Oxford, 2009.
54. Zacher Mark W. The Territorial Integrity Norm: International Boundaries and the Use of Force // International Organization. № 2. 2011.
55. Zadorozhny Olexandr. Comparative Characteristic of the Crimea and Kosovo Cases: International Law Analysis // European Political and Law Discourse. № 3. 2014.
56. Zyberi Gentian Self-Determination Through the Lens of the International Court of Justice // Netherlands International Law Review. Vol. 56. 2009.

Глава VI. РОЛЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

1. Akande D. The International Court of Justice and the Security Council: Is there room for judicial control of decisions of the political organs of the United Nations? // *International and Comparative Law Quarterly*. № 2. 1997.

2. Annan Kofi A. „We The Peoples“ – The Role of the United Nations in the 21st Century. New York 2000, *un.org/en/events/pastevents/pdfs/We_The_Peoples.pdf*.

3. Агто Рональд. От миротворчества к миростроительству: эволюция роли Организации Объединенных Наций в операциях в пользу мира // *Международный журнал Красного Креста*. № 891/892. 2013.

4. Basic Facts about the United Nations. United Nations Department of Public Information. New York, 2011.

5. Bennett LeRoy A. International Organizations – Principles and Issues. New Jersey, 1984.

6. Bowett D. W. The Law of Internatioal Institutions. London, 1970.

7. Butler Richard AC. Reform of the United Nations Security Council // *PSJLIA*. № 1. 2012.

8. Danchin Peter G., Fischer Horts eds. United Nations Reform and the New Collective Security. Cambridge, 2010.

9. Đorđević Stevan. The Control of the Legality of the Acts of the United Nations Security Council // *Facta Universitatis, Series: Law and Politics*. № 4. 2000.

10. Fawcett Eric, Newcombe Hanna eds. United Nations Reform: Looking Ahead after Fifty Years. Dundurn, 1995.

11. Feld W. J., Jordan R. S., Hurwitz L. International Organizations. New York, 1983.

12. Hassler Sabine. Reforming the UN Security Council Membership: the Illusion of representativeness. Routledge, 2013.

13. Luck Edward C. How Not to Reform the United Nations // *Global Governance*. № 11. 2005.

14. Managing Change at the United Nations. Center for UN Reform Education. New York, 2008.

15. Manusama Keneth. The United Nations Security Council in the Post-Cold War Era: Applying the Principle of Legality. Martinus Nijhoff Publishers, 2006.

16. Petersmann Ernst-Ulrich. Proposal for Strengthening the UN Dispute Settlement System // *Max Plank UNYB*. № 3. 1999.

17. Proidl Karin. The Reform of the Security Council // Cede F., Sucharipa-Behrmann L. eds. The United Nations: Law and Practice. Martinus Nijhoff Publishers, 2001.

18. Sands Philippe, Klein Pierre. Bowett’s Law of International Institutions. London, 2001.

19. Schermes Henry G., Blokker Niels M. International Institutional Law. Boston, Leiden, 2003.

20. Spain Anna. The U.N. Security Council's Duty to Decide // Harvard National Security Journal. Vol. 4. 2013.

21. Swart Lydia, Perry Estelle eds. Governing & Managing Change at the United Nations: Reform of the Security Council from 1945 to September 2013. New York, 2013.

22. Von Freiseleben Jonas. Governing & Managing Change at the United Nations: Reform of the Security Council from 1945 to September 2013. New York, 2013.

23. Wilde Ralph ed. United Nations Reform Through Practice», in: The ILA Report of the Seventy-Fifth Conference, held in Sofia, August 2012. London, 2012.

24. Wouters Jan, Ruys Tom. Security Council Reform: A New Veto for a New Century? // Institute for International Law Working Paper. № 78, June 2005, law.kuleuven.be/iir/nl/onderzoek/wp/WP78e.pdf.

25. Zedillo Ernesto ed. Reforming the United Nations for Peace and Security. New Haven, 2005.

Глава VII. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВАМИ ЧЕЛОВЕКА СО СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВ

1. Amnesty International. Защита прав человека в меняющемся мире. London, 2008, www.amnesty.org/download/Documents/48000/act300062008rus.pdf.

2. Amnesty International. United States of America 2019. www.amnesty.org/en/countries/americas/united-states-of-america/report-united-states-of-america/.

3. Bond Johanna. A Decade After Abu Ghraib: Lessons in 'Softening Up' the Enemy and Sex-Based Humiliation // Law and Inequality. № 1. 2012.

4. Brown Michelle. „Setting the Conditions“ for Abu Ghraib: The Prison Nation Abroad // American Quarterly. № 973-997. 2005.

5. Carter Corinthia A. Police Brutality, the Law & Today's Social Justice Movement: How the Lack of Police Accountability has Fueled #Hashtag Activism // Cuny Law Review. № 2. 2017.

6. Colonomos Ariel. Precision in Uncertain Times: Targeting as a Mode of Justification for the Use of Force // Chandler D., Heins V. eds. Rethinking Ethical Foreign Policy. Routledge, 2007. 206–223.

7. Human Rights Watch. United States Events of 2019 // World Report 2020, hrw.org/world-report/2020/country-chapters/united-states#.

8. Игнатъев Майкл. Права человека как политика и как идолопоклонство. М., 2019.

9. Langford Malcolm. Critiques of Human Rights // Annual Review of Law and Social Science. Vol. 14. 2018.

10. Организация Объединенных Наций. Право на жизнь. Модуль 8, Вена, 2019. www.unodc.org/documents/e4j/CounterTerrorism/E4J_CT_module_8_-_final_RU.pdf.

11. Perkins Richard, Neumayer Eric. The Organized Hypocrisy of Ethical Foreign Policy: Human Rights, Democracy and Western Arms Sales // Geoforum. Vol. 41. 2010.

12. Phamotse Kabelo Phofong, Yonghui Wang, Xain Zhang. The Use and Abuse of Human Rights in International Relations: A Case of the United States Foreign Interventions // IOSR Journal of Humanities and Social Science. № 3. 2017.

13. Schabas William A. United States Hostility to the International Criminal Court: It's All About Security Council // European Journal of International Law. № 4. 2004.

14. Smeulers Alette, van Niekerk Sander. Abu Ghraib and the War on Terror – A Case Against Doland Rumsfeld? // Crime Law and Social Change. № 3/4. 2008.

Глава VIII. ЗАЩИТА ЭТНИЧЕСКИХ (НАЦИОНАЛЬНЫХ) МЕНЬШИНСТВ

1. Benoit-Rohmer Florence. The Minority Question in Europe, Council of Europe Publishing. Strasbourg, 1996.

2. Brölmann C., Lefebr R., Zieck M. eds. Peoples and Minorities in International Law. Boston, London, 1993.

3. Capotorti Francesco. Study on the Rights of Persons belonging to Ethnic, Religious and Linguistic Minorities. New York, 1991.

4. Fottrell D., Bowring B. eds. Minority and Group Rights in the New Millennium. The Hague, 1999.

5. Грохотова В. В. Международно правовое регулирование и защита прав национальных меньшинств // Вестник Новгородского государственного университета. № 6. 2012.

6. Krivokapić Boris. Zaštita manjina u međunarodnom i uporednom pravu I-III. Beograd, 2004.

7. Macartney C. A. National States and National Minorities. London, 1934.

8. Miall Hugh ed. Minority Rights in Europe: The Scope for a Transnational Regime. London, 1994.

9. Minority Rights. International Standards and Guidance for Implementation, United Nations. New York and Geneva, 2010.

10. Modeen Tore. The International Protection of National Minorities in Europe. Turku/Åbo, 1969.

11. Nastase A., Miga-Besteliu R., Aurescu B., Donciu I. Protecting Minorities in the Future Europe. Bucuresti, 2002.

12. Packer John, Myntti K. eds. The Protection of Ethnic and Linguistic Minorities in Europe. Åbo, 1997.

13. Pentassuglia Gaetano. Minorities in International Law. Strasbourg, 2002.

14. Пунжин С. М. Проблема защиты прав меньшинств в международном праве // Государство и право. № 8. 1992.

15. Rodley Nigel S. Conceptual Problems in the Protection of Minorities: International Legal Developments // Human Rights Quarterly. № 1. 1995.

16. Thornberry Patrick. International Law and the Rights of Minorities. Oxford, 1991.

17. Тузмухамедов Р. А. Национальные меньшинства под защитой международного права // Государство и право. № 2. 1996.

18. Van der STOEL M. Peace and Stability through Human and Minority Rights. Baden-Baden, 2001.

19. Wirsing R.G ed. Protection of Ethnic Minorities. New York, 1982.

Глава IX. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СПОРЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ СУДАХ ГОСУДАРСТВ

1. Benvenisti Eyal, Downs George W. National Courts, Domestic Democracy, and the Evolution of International Law // European Journal of International Law. № 1. 2009.

2. Conforti Benedetto, Labella Angelo. Invalidity and Termination of Treaties: The Role of National Courts // European Journal of International Law. № 1. 1990.

3. Fox Hazel. International Law and Restraints on the Exercise of Jurisdiction by National Courts of States // Evans M.D. International Law. Oxford, 2010. 340-378.

4. Кривокапич Борис. Мирное разрешение международных споров. Самара, 2020.

5. Лукашук И. И. Международное право в судах государств. Санкт-Петербург, 1993.

6. Reilly Louse. An Introduction to the Court of Arbitration for Sport (CAS) & the Role of National Courts in International Sport Disputes // Journal of Dispute Resolution. № 1. 2012.

7. Tzanakopoulos Antonios. Domestic Courts in International Law: The International Judicial Function of National Courts // Loyola of Los Angeles International and Comparative Law Review. Vol. 34. 2011.

Глава X. ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ УГОЛОВНЫХ СУДОВ

1. Bassiouni Cherif. Introduction to International Criminal Law. New York, 2003.

2. Богуш Г. И., Трикоз Е. Н. Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений. М., 2008.

3. Greppi Edoardo. The evolution of individual criminal responsibility under international law // International Review of the Red Cross. № 835. 1999.

4. Grzebyk Patrycja. Criminal Responsibility for the Crime of Aggression. Routledge, 2013.

5. Хамидова М. Ф. Создание Международного уголовного суда и правовые вопросы ответственности за международные преступления // Вестник СПбГУ. Право. № 3. 2017.

6. Kittichaisaree Kriangsak. International Criminal Law. Oxford, 2001.

7. Krivokapić Boris. A Somewhat Different View of International Criminal Court // The Hague Tribunal between Law and Politics. Belgrade, 2013. 7–51.

8. Кудрявцев В. Н. Международное уголовное право. М., 1999.

9. Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право. М., 1999.

Глава XI. ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ КОМПАНИИ И ИХ ПЕРСОНАЛ

1. Anderson Michael. If It Looks Like a Duck: Reining in Private-Military Contractor Conduct Through the Amended UCMJ // *Case Western Reserve Journal of International Law*. № 1. 2018.
2. Arnpriester Natasha. Combating Impunity: The Private Military Industry, Human Rights, and the 'Legal Gap' // *University of Pennsylvania Journal of International Law*. № 4. 2017.
3. Белоконь С. П., Бытёв А. В., Смирнова Л. А. Частные военные компании: мировой исторический опыт и современные перспективы для России // *Военная мысль*. № 88. 2015.
4. Bosch Shannon. Private security contractors and state responsibility: are states exempt from responsibility for violations of humanitarian law perpetrated by private security contractors? // *The Comparative and International Law Journal of Southern Africa*. № 3. 2008.
5. Bures Oldrich. Private Military Companies: A Second Best Peacekeeping Option? // *International Peacekeeping*. № 4. 2005.
6. Bures Oldrich, Meyer, Jeremy. The Anti-Mercenary Norm and United Nations' Use of Private Military and Security Companies // *Global Governance*. № 1. 2019.
7. Calazans Erika. Private Military and Security Companies: The Implications Under International Law of Doing Business in War. Newcastle upon Tyne, 2016.
8. Cameron Lindsey. The Privatization of Peacekeeping: Exploring Limits and Responsibility under International Law. Cambridge, 2017.
9. Chesterman Simon, Lehnardt Chia, eds. From Mercenaries to Market: The Rise and Regulation of Private Military Companies. Oxford, 2007.
10. Cockayne, James. Regulating Private Military and Security Companies: The Content, Negotiation, Weaknesses and Promise of the Montreux Document // *Journal of Conflict & Security Law*. № 3. 2008.
11. Crowe Jonathan, John Anna. The Status of Private Military Security Companies in United Nations Peacekeeping Operations Under the International Law of Armed Conflict // *Melbourne Journal of International Law*. № 1. 2017.
12. Del Prado José L. Gómez. Impact on Human Rights of a New Non-State Actor: Private Military and Security Companies // *Brown Journal of World Affairs*. № 1. 2011.
13. Del Prado José L. Gómez. A U.N. Convention to Regulate PMSCs? // *Criminal Justice Ethics*. № 3. 2012.
14. Dunigan Molly. Victory for Hire: Private Security Companies' Impact on Military Effectiveness. Stanford University Press, 2011.
15. Ebrahim Adam. Going to War With the Army You Can Afford: The United States, International Law, and the Private Military Industry // *Boston University International Law Journal*. Vol. 28. 2010.
16. Fallah Katherine. Corporate actors: the legal status of mercenaries in armed conflict // *International Review of the Red Cross*. № 863. 2006.

17. Frye Ellen L. Private Military Firms in the New World Order: How Redefining 'Mercenary' Can Tame the 'Dogs of War' // *Fordham Law Review*. № 6. 2005.

18. Gastón Elduayen Luis. Mercenarism 2.0? The Rise of the Modern Private Security Industry and Its Implications for International Humanitarian Law Enforcement // *Harvard International Law Journal*. № 1. 2008.

19. Gillard Emanuela-Chiara. Business goes to war: private military / security companies and international humanitarian law // *International Review of the Red Cross*. № 863. 2006.

20. Govern Kevin H., Bales Eric C. Taking Shots at Private Military Firms: International Law Misses its Mark (Again) // *Fordham International Law Journal*. № 1. 2008.

21. Grayson Irvin A. Rethinking the Role and Regulation of Private Military Companies: What the United States and United Kingdom Can Learn From Shared Experiences in the War On Terror // *Georgia Journal of International & Comparative Law*. Vol. 39. 2011.

22. Huskey Kristine A. Accountability for Private Military and Security Contractors in the International Legal Regime // *Criminal Justice Ethics*. № 3. 2012.

23. Juma Laurence. Privatisation, human rights and security: Reflections on the Draft International Convention on Regulation, Oversight and Monitoring of Private Military and Security Companies // *Law, Democracy & Development*. № 1. 2011.

24. Карлова Е. Н., Курбанов А. Х. Социально-экономические предпосылки создания и последствия распространения частных военных компаний // *Национальная безопасность / Nota bene*. № 4. 2015.

25. Kees Alexander. Regulation of Private Military Companies // *Goettingen Journal of International Law*. № 1. 2011.

26. Kidane Won. The Status of Private Military Contractors Under International Humanitarian Law // *Denver Journal of International Law and Policy*. № 3. 2010.

27. Kurilev K., Parkhitko N., Stanis D., Martynenko E. The Phenomenon of Private Military Companies in the Military and Power Policies of States in the 21st Century // *International Organization Research Journal*. № 4. 2017.

28. Kalidhass P. R. Determining the Status of Private Military Companies under International Law: A Quest to Solve Accountability issues in Armed Conflicts // *Amsterdam Law Forum*. № 2. 2014.

29. Karska Elzbieta. Human Rights Violations Committed by Private Military and Security Companies: An International Law Analysis // *Espaço Jurídico Journal of Law*. № 3. 2016.

30. Kinsey Christopher. *Corporate Soldiers and International Security: The Rise of Private Military Companies*. Routledge, 2006.

31. Klein Margarete. Private military companies – a growing instrument in Russia's foreign and security policy toolbox // *Strategic Analysis*. № 3. 2019. www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2019/06/HybridCoE_StrategicAnalysis_3_2019.pdf.

32. Lenhardt Chia. Individual Liability of Private Military Personnel under International Criminal Law // *European Journal of International Law*. № 5. 2008.

33. Maogoto Jackson Nyamuya, Sheehy Benedict. Private Military Companies & International Law: Building New Ladders of Legal Accountability & Responsibility // *Cardozo Journal of Conflict Resolution*. Vol. 11. 2009.

34. Манойло А. В., Зайцев А. Я. Международно-правовой статус частных военных компаний // *Вестник Россиско Академии Наук*. № 1. 2020.

35. Mercenarism and Private Military and Security Companies. United Nations, 2018. www.ohchr.org/Documents/Issues/Mercenaries/WG/MercenarismandPrivateMilitarySecurityCompanies.pdf.

36. Метелина О. В. Вопрос статуса частных военных и охранных компаний. Документ Монтре // *Вестник Чувашского университета*. № 1. 2012.

37. Мукин Ю. Использование гражданских контрактников и частных вооружённых формирований в современных конфликтах // *Зарубежное военное обозрение*. № 7. 2008.

38. MacLeod, Sorcha. Private Security Companies and Shared Responsibility: The Turn to Multistakeholder Standard-Setting and Monitoring through Self-Regulation-‘Plus’ // *Netherlands International Law Review*. № 1. 2015.

39. Небольсина М. А., Никитин А. А. Перспективы международного регулирования деятельности частных военных компаний // *Вестник МГИМО-Университета*. № 2. 2016.

40. Narváez González Cristina, Valencia, Katharine. Improving Human Rights in the Private Security Industry: Envisioning the Role of ICoCA in Latin America // *Business and Human Rights Journal*. № 4. 2019.

41. Osakwe Chukwuma, Umoh Ubong Essien. Private Military Contractors, War Crimes and International Humanitarian Law // *Scientia Militaria*. № 1. 2014.

42. Østensen Åse Gilje. In the Business of Peace: The Political Influence of Private Military and Security Companies on UN Peacekeeping // *International Peacekeeping*. № 1. 2013.

43. Patterson Malcolm. A Corporate Alternative to United Nations *ad hoc* Military Deployments // *Journal of Conflict and Security Law*. № 2. 2008.

44. Perrin Benjamin. Promoting compliance of private security and military companies with international humanitarian law // *International Review of the Red Cross*. № 863. 2006.

45. Сафранчук И. А. Частные силовые компании: классификация и генезис // *Вестник академии военных наук*. № 4. 2014.

46. Salzman Zoe. Private Military Contractors and the Taint of a Mercenary Reputation // *International Law and Politics*. Vol. 40. 2008.

47. Scheimer Michael. Separating Private Military Companies from Illegal Mercenaries in International Law: Proposing an International Convention for Legitimate Military and Security Support that Reflects Customary International Law // *American University International Law Review*. № 3. 2009.

48. Schwartz Moshe. The Department of Defence’s Use of Private Security Contractors in Afghanistan and Iraq: Background, Analysis, and Options for

Congress // Congressional Research Service. May 13, 2011. <https://fas.org/sgp/crs/natsec/R40835.pdf>.

49. Singer P. W. *Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry*. Cornell University Press, 2003.

50. Singer Peter W. *War, Profits, and the Vacuum of Law: Private Military Firms and International Law* // *Columbia Journal of Transnational Law*. Vol. 42. 2004.

51. Уханов Алексей Альбертович, Намсараев Олег Михайлович. Частные военные компании: мировой исторический опыт и современные перспективы для России // *Военная мысль*. № 1. 2015.

Глава XII. ПОНЯТИЕ КОСМИЧЕСКОГО ПРАВА

1. Адамов И. Н. Прогрессивное развитие международного космического права. Актуальные проблемы международного права. БГУ. Вып. 1. 2009.

2. Балагуров А. А. общ. ред. Дистанционное зондирование Земли из космоса – обзор законодательства и правоприменительной практики. М., 2009.

3. Beard J. M. *Soft Law's Failure on the Horizon: The International Code of Conduct for Outer Space Activities* // *University of Pennsylvania Journal of International Law*. № 2. 2017.

4. Беглый А. В. Международное и национальное космическое право: На пути к транснациональному космическому праву // *Наука*. № 1–2. 2007.

5. Blount P. J. *Renovating Space: The Future of International Space Law* // *Denver Journal of International Law & Policy*. № 1. 2011.

6. Бодин Н. Б., Волынская О. А. Правовое обеспечение инновационного развития космической деятельности (западный опыт и традиции востока) // *Российский внешнеэкономический вестник*. № 1. 2012.

7. Brittingham B. C. *Does the World Really Need New Space Law?* // *Oregon Review of International Law*. Vol. 12. 2010.

8. Carminati G. *French National Space Legislation: A Brief 'Parcours' of a Long History* // *Houston Journal of International Law*. Vol. 36. 2014.

9. Dempsey P. S. *National Law Governing Commercial Space Activities: Legislation, Regulation & Enforcement* // *Northwestern Journal of International Law & Business*. № 1. 2016.

10. Diederiks-Verschoor I. H. P., Kopal V. *An Introduction to Space Law*. Kluwer Law International, 2008.

11. Dolzer R. *International Co-operation in Outer Space* // *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*. Vol. 45. 1985.

12. Doyle S. E. *The Origins of Space Law and the International Institute of Space Law*. San Diego, 2002.

13. Doyle S. E. *A Concise History of Space Law: 1910–2009*. // Sundahl Mark J., Gopalakrishnan K. eds. *New Perspectives of Space Law*. International Institute of Space Law, 2011. 1–24.

14. Hertzfeld H. *Current and Future Issues in International Space Law* // *ILSA Journal of International and Comparative Law*. № 2. 2009.

15. Hobe Stephen, Vladimír Mandl, Alex Meyer, Welf-Heinrich, Prince of Hanover, Friedrich Wilhelm Von Rauchhaupt - Early Writing in German on the Young Discipline of Space Law // Sundahl M. J., Gopalakrishnan K. eds. *New Perspectives of Space Law*. International Institute of Space Law, 2011. 30–42.
16. Hobe S. Environmental Protection of Outer Space: Where We Stand and What is Needed to Make Progress with Regard to the Problem of Space Debris // *Indian Journal of Law and Technology*. Vol. 8. 2012.
17. Клеандров М. И. Метаправо и мегаправо для урегулирования отношений с иным разумом // *Право и государство*. № 4. 2015.
18. Lits M., Stepanov S., Tikhomirova A. *International Space Law* // *BRICS Law Journal*. № 2. 2017.
19. Lyall F., Larsen P. B. *Space Law: A Treatise*. Ashgate Publishing, 2009.
20. Lyons J. Documenting violations of international humanitarian law from space: a critical review of geospatial analysis of satellite imagery during armed conflicts in Gaza (2009), Georgia (2008), and Sri Lanka (2009) // *International Review of the Red Cross*. № 886. 2012.
21. Малков С. П. *Международное космическое право*. Санкт-Петербург, 2002.
22. Малков С. П. *Источники космического права*. Санкт-Петербург, 2002.
23. Rao Venkata R., Gopalkrishnan V., Abhijeet K., eds. *Recent Developments in Space Law*. Springer 2017.
24. Sterns Patricia Margaret, Tennen Leslie, eds. *Private Law, Public Law, Metalaw and Public Policy in Space*. Springer, 2016.
25. Sundahl M. J., Gopalakrishnan K. eds. *New Perspectives of Space Law*. International Institute of Space Law, 2011.
26. Tronchetti F. *Fundamentals of Space Law and Policy*. Springer 2013.
27. Oralova Y. Jus Cogens Norms in International Space Law // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. № 6. 2015.
28. Von der Dunk F. Current and Future Development of National Space Law and Policy // *Dissemination and Developing International and National Space Law: The Latin America and Caribbean Perspective*. United Nations. New York, 2005. 32–80.
29. Von der Dunk F., Tronchetti F. eds. *Handbook of Space Law*. Edward Elgar Publishing, 2015.
30. Жуков Г. П., Абашидзе А. Х. *Международное космическое право*. М., 2014.
31. Жуков Г. П. *Космическое право*. М., 1966.

Глава XIII. ГУМАНИТАРНЫЕ ИНТЕРВЕНЦИИ

1. Amnéus Diana. Armed Intervention: Pursuing Legitimacy and the Pragmatic Use of Legal Arguments // *Nordic Journal of International Law*. № 1–2. 2008.
2. Bandow D. The Painful Death of Humanitarian Intervention, Antiwar, November 3, 2006. antiwar.com/bandow/?articleid=9951

3. Bouwhuis Stephen. Kosovo: The Legality of Intervention? // Australian Journal of Human Rights. № 2. 2000.
4. Bull H. ed. Intervention in the World Politics. Oxford, 1984.
5. Carty A. The Iraq Invasion as a Recent United Kingdom „Contribution to International Law“ // European Journal of International Law. № 1. 2005.
6. Cassese Antonio. Ex iniuria ius oritur. Are We Moving towards International Legitimation of Forcible Humanitarian Countermeasures in the World Community? // European Journal of International Law. № 1. 1999.
7. Charney Jonathan I. Anticipatory Humanitarian Intervention in Kosovo // American Journal of International Law. № 4. 1999.
8. Chesternan S. Just War or Just Peace: Humanitarian Intervention and International Law. Oxford, 2001.
9. Chinkin C. M. «Kosovo: A “Good” or “Bad” War?» // American Journal of International Law. № 4. 1999.
10. Chinkin Christine. The state that acts alone: bully, good samarian or iconoclast? // European Journal of International Law. № 1. 2000.
11. Chomsky Noam. A Review of NATO’s War over Kosovo // Z Magazine, April-May 2001. chomsky.info/articles/200005-hm
12. Clarke Walter, Herbst Jeffrey. Somali and the Future of Humanitarian Intervention // Foreign Affairs. № 2. 1996.
13. Coady C.A.J. The Ethics of Armed Humanitarian Intervention // Peaceworks, 2002. usip.org/sites/default/files/resources/pwks45.pdf
14. D’Angelo J. R. Resort to Force by States to Protect Nationals Abroad: The U.S. Rescue Mission to Iran and Its Legality Under International Law // Virginia Journal of International Law. Vol. 21. 1981.
15. Domagala Arkadijusz. Humanitarian Intervention: The Utopia of Just War? NATO Intervention in Kosovo and the restraints of Humanitarian Intervention, // Sussex European Institute, SEI Working paper № 76. 2004. sussex.ac.uk/webteam/gateway/file.php?name=sei-working-paper-no-76.pdf&site=266.
16. Eichensehr Kristen E. Defending Nationals Abroad: Assessing the Lawfulness of Forcible Hostage Rescues // Virginia Journal of International Law. № 2. 2009.
17. Feinstein L., Slaughter Anne-Marie. A Duty to Prevent // Foreign Affairs. № 1. 2004.
18. Finnemore Martha. Paradoxes in Humanitarian Intervention, 2000. cgpac.uci.edu/files/docs/2010/working_papers/martha_finnemore_humanitarian_intervention.pdf.
19. Gibbs David N. Was Kosovo the Good War? // Tikkun Magazine July/August 2009. tikkun.org/article.php?story=jul_09_gibbs.
20. Gillin Joel. Libya is Yet Another Reason to Be Wary of Humanitarian Intervention // New Republic. February 18, 2015. newrepublic.com/article/121085/libya-no-model-humanitarian-intervention.
21. Goodman R. Humanitarian Intervention and Pretexts for War // American Journal of International Law. № 1. 2006.
22. Gordon Ruth. Humanitarian Intervention by the United Nations: Iraq, Somalia and Haiti // Texas International Law Journal. № 1. 1996.

23. Harhoff F. Unauthorized Humanitarian Intervention: Armed Violence in the Name of Humanity // *Nordic Journal of International Law*. № 1–2. 2001.

24. Heinze Eric A. Humanitarian Intervention and the War in Iraq: Norms, Discourse, and State Practice, Parameters. Spring 2006. academia.edu/721401/Humanitarian_Intervention_and_the_War_in_Iraq_Norms_Discourse_and_State_Practice.

25. Henkin Louis. Kosovo and the Law of ‘Humanitarian Intervention’ // *American Journal of International Law*. № 4. 1999.

26. Hilpold Peter. Humanitarian Intervention: Is There a Need for a Legal Reprisal? // *European Journal of International Law*. № 3. 2001.

27. Holzgrefe J. L., Keohane Robert O. ds. *Humanitarian Intervention: Ethical, Legal and Political Dilemmas*. Cambridge, 2003.

28. Иноземцев В. Гуманитарные интервенции: Понятие, задачи, методы осуществления // *Космополис*. № 1. 2005.

29. Kardas Saban. Humanitarian Intervention: the Evolution of the Idea and Practice // *Journal of International Affairs*. № 2. 2001.

30. Krisch Nico. Review Essay: Legality, Morality, and Dilemma of Humanitarian Intervention After Kosovo // *European Journal of International Law*. № 1. 2002.

31. Krivokapić Boris. NATO Aggression against Yugoslavia as an Assault of International Law // *International Law and Interventionism in the „New World order“ – From Iraq to Yugoslavia*. Madrid, 2000. 207-240.

32. Krivokapić Boris. On the Concept of Humanitarian Intervention and Preventive Self-Defence // *Adrias*. Vol. 14. 2007.

33. Krivokapić Boris. The NATO Bombing of Yugoslavia (1999) 20 Years Later – The Problems of Legality, Legitimacy and Consequences // Vuković N. ed. *David vs. Goliath: NATO War Against Yugoslavia and Its Implications*. Belgrade, 2019. 19-56.

34. Kuperman Alan J. A Model Humanitarian Intervention? Reassessing NATO’s Libya Campaign // *International Security*. № 1. 2013.

35. Malanczuk Peter. *Humanitarian Intervention and Legitimacy of the Use of Force*. Amsterdam, 1993.

36. Milojević Momir. The Principle of Non-Interference in the Internal Affairs of States // *Facta Universitatis, Series: Law and Politics*. № 4. 2000.

37. Moore J. N. Grenada and the International Double Standard // *American Journal of International Law*. № 1. 1984.

38. Newman E. Humanitarian Intervention Legality and Legitimacy // *International Journal of Human Rights*. № 4. 2002.

39. Pellet Alain. Brief Remarks on the Unilateral Use of Force // *European Journal of International Law*. № 2. 2000.

40. Reisman Michael W. Unilateral Action and the Transformations of the World Constitutive Process: The Special Problem of Humanitarian Intervention // *European Journal of International Law*. № 1. 2000.

41. Ronzitti N. *Rescuing Nationals Abroad Through Military Coercion and Intervention on Grounds of Humanity*. Martinus Nijhoff Publishers, 1985.

42. Roth K. War in Iraq: Not a Humanitarian Intervention. Human Rights Watch, World Report 2004. hrw.org/legacy/wr2k4/3.htm.

43. Rytter Jens Elo. Humanitarian Intervention Without the Security Council: From San Francisco to Kosovo and Beyond // Nordic Journal of International Law. № 1–2. 2001.

44. Simma Bruno. NATO, the UN and the Use of Force: Legal Aspects // European Journal of International Law. № 1. 1999.

45. Simpson G. The War in Iraq and International Law // Melbourn Journal of International Law. № 1. 2005.

46. Stahn Carsten. Responsibility to Protect: Political Rhetorical or Emerging Legal Norm // American Journal of International Law. № 1. 2007.

47. Verwey W. D. Humanitarian Intervention Under International Law // Netherlands International Law Review. № 3. 1985.

48. Wedgwood Ruth. Unilateral Action in the UN System // European Journal of International Law. № 2. 2000.

49. Weiss Thomas G. The Sunset of Humanitarian Intervention? The Responsibility to Protect in a Unipolar Era // Security Dialogue. № 2. 2004.

50. Wheeler Nicholas J. Legitimizing Humanitarian Intervention: Principles and Procedures // Melbourn Journal of International Law. Vol. 2. 2001.

51. Whitman Jim. After Kosovo: The Risks and Deficiencies of Unsanctioned Humanitarian Intervention // The Journal of Humanitarian Assistance. 2015. jha.ac/articles/a062.htm.

52. Zjadlo Jerzy. Legality and Legitimization of Humanitarian Intervention // American Behavioral Scientist. № 6. 2005.

53. Zacklin Ralph. Beyond Kosovo: The United Nations and Humanitarian Intervention // Virginia Journal of International Law. № 4. 2001.

54. Zolo Danilo. Invoking humanity – war, law and global order. London, New York, 2002.

55. Zunes S. The US Invasion of Grenada: A Twenty Year Retrospective // Global Policy Forum. October 2003. globalpolicy.org/empire/history/2003/10grenada.htm.

Глава XIV. БЕСПИЛОТНЫЕ ЛЕТАТЕЛЬНЫЕ АППАРАТЫ И ИХ СТАТУС ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ

1. Ahmed Zohra. Strengthening Standards for Consent: The Case of U.S. Drone Strikes in Pakistan. // Michigan State International Law Review. № 2. 2015.

2. Amoroso Daniele. Jus in bello and jus ad bellum arguments against autonomy in weapons systems: A re-appraisal // Questions of International Law. Vol. 43. 2017.

3. Anderson Kenneth. Targeted Killing and Drone Warfare: How We Came to Debate Whether There is a 'Legal Geography of War // Washington College of Law Research Paper. № 2011-16. 2011. https://media.hoover.org/sites/default/files/documents/FutureChallenges_Anderson.pdf.

4. Anderson Kenneth, Reisner Daniel, Waxman Matthew. Adapting the Law of Armed Conflict to Autonomous Weapon Systems // International Law Studies. Vol. 90. 2014.

5. Asaro Peter. On banning autonomous weapon systems: human rights, automation, and the dehumanization of lethal decision-making // International Review of the Red Cross. № 886. 2012.

6. Asaro Peter. Algorithms of Violence: Critical Social Perspectives on Autonomous Weapons // Social Research. № 2. 2019.

7. Aslam M. W. A critical evaluation of American drone strikes in Pakistan: legality, legitimacy and prudence // Critical Studies on Terrorism. № 3. 2011.

8. Azhar Wafa, Ejaz Khushboo. Legality of US Drone Strikes in Pakistan // Journal of Politics and International Studies. № 2. 2015.

9. Benson Kristina. 'Kill 'em and Sort It Out Later:' Signature Drone Strikes and International Humanitarian Law // Pacific McGeorge Global Business & Development Law Journal. № 1. 2014.

10. Bergen Peter, Tiedemann Katherine. Washington's Phantom War: The Effects of the U.S. Drone Program in Pakistan // Foreign Affairs. № 4. 2011.

11. Blank Laurie R. After 'Top Gun': How Drone Strikes Impact the Law of War // University of Pennsylvania Journal of International Law. № 3. 2012.

12. Boyle Michael. The cost and consequences of dron warfare // International Affairs. № 1. 2013.

13. Casey-Maslen Stuart. Pandora's box? Drone strikes under *jus ad bellum*, *jus in bello*, and international human rights law // International Review of the Red Cross. № 886. 2012.

14. Chehtman Alejandro. The *ad bellum* Challenge of Drones: Recalibrating Permissible Use of Force // European Journal of International Law. № 1. 2017.

15. Cohn Marjorie ed. Drones and Targeted Killing: Legal, Moral, and Geopolitical Issues. Olive Branch Press, 2015.

16. Cortright David, Fairhurst Rachel, Wall Kristen eds. Drones and the Future of Armed Conflicts: Ethical, Legal, and Strategic Implications. Chicago, 2015.

17. Crawford Neta C. Accountability for Killing: Moral Responsibility for Collateral Damage in America's Post-9/11 Wars. Oxford, 2013.

18. Crawford Neta C. Accountability for Targeted Drone Strikes Against Terrorists? // Ethics & International Affairs. № 1. 2015.

19. Dos Reis Peron Alcides Eduardo, De Brito Dias Rafael. 'No Boots on the Ground': Reflections of the US Droin Campaign through Virtous War and STS Theories // Contexto Internacional. № 1. 2018.

20. Etzioni Amitai. The Great Drone Debate // Military Review. March / April. 2013.

21. European Center for Constitutional and Human Rights. Litigating Drone Strikes: Challenging the Global Network of Remote Killing. 2017, www.echr.eu/fileadmin/Publikationen/Litigating_Drone_Strikes_PDF.pdf.

22. Ewers Elisa Catalano et. al. Drone Proliferation: Policy Choices for the Trump Administration // Papers for the President, Center for a New American

Security. June 2017. <https://drones.cnas.org/wp-content/uploads/2017/06/CNASReport-DroneProliferation-Final.pdf>.

23. Fair Christine C., Kaltenthaler Karl, Miller William J. Pakistani Opposition to American Drone Strikes // *Political Science Quarterly*. № 1. 2014.

24. Falk Richard. Why Drones are More Dangerous than Nuclear Weapons // Cohn M. ed. *Drones and Targeted Killing: Legal, Moral, and Geopolitical Issues*. Olive Branch Press, 2015. 29–49.

25. Geis Anna, Wagner Wolfgang. How far is it from Königsberg to Kandahar? Democratic peace and democratic violence in International Relations // *Review of International Studies*. № 4. 2011.

26. Greenwood Christopher, McCormack Timothy L.H., eds. *Drones and Other Unmanned Weapons Systems Under International Law* // *International Humanitarian Law Series*. Vol. 53. 2018.

27. Gross Oren. The New Way of War: Is there a Duty to Use Drones? // *Florida Law Review*. Vol. 67. 2015.

28. International Human Rights and Conflict Resolution Clinic (Stanford Law School) And Global Justice Clinic (NYU School of Law). *Living Under Drones: Death, Injury, And Trauma To Civilians From Us Drone Practices In Pakistan*. September, 2012. <https://chrj.org/wp-content/uploads/2016/09/Living-Under-Drones.pdf>

29. Jang Heeyong Daniel. The Lawfulness of and Case for Combat Drones in the Fights Against Terrorism // *National Security Law Journal*. № 2. 2013.

30. Jevglevskaja Natalija, Galliot Jai. Airmen and Unmanned Aerial Vehicles // *Journal of Indo-Pacific Affairs*. Fall, 2019.

31. Johnson Partick B., Sarbani Anoop K. The Impact of U.S. Drone Strikes on Terrorism in Pakistan // *International Studies Quarterly*. № 2. 2016.

32. Keene Shima D. Lethal and Legal? The Ethics of Drone Strikes. U.S. Army War College, 2015. www.researchgate.net/publication/324517877_Lethal_and_Legal_The_Ethics_of_Drone_Strikes.

33. Kramer Cheri. The Legality of Targeted Drone Attacks as U.S. Policy // *Santa Clara Law Review*. № 2. 2011.

34. Lewis Michael W. Drones and Boundaries of the Battlefield // *Texas International Law Journal*. № 2. 2012.

35. Lewis Michael W., Crawford Emily. Drones and Distinction: How IHL Encouraged the Rise of Drones // *Georgetown Journal of International Law*. Vol. 44. 2013.

36. Lilienthal Gary, Ahmad Nehaluddin, Mustafa Faizan. Drones: A Symptom of Regression in the Principle of Distinction? // *Flinders Law Journal*. Vol. 20. 2018. www.austlii.edu.au/au/journals/FlinLawJl/2019/4.pdf.

37. Mahmood Rafat, Jetter Michael. *Military Intervention via Drone Strikes* // Discussion Paper Series. № 12318, IZA Institute of Labor Economics, 2019.

38. Mayer Michael. The new killer drones: understanding the strategic implications of next-generation unmanned combat aerial vehicles // *International Affairs*. № 4. 2015.

39. O'Connell Mary Ellen. 21st Century Arms Control Challenges: Drones, Cyber Weapons, Killer Robots, and WMDS // Washington University Global Studies Law Review. № 3. 2014.

40. Open Society Justice Initiative. Death by Drone: Civilian Harm Caused by U.S. Targeted Killings in Yemen. 2015. www.justiceinitiative.org/uploads/1284eb37-f380-4400-9242-936a15e4de6c/death-drones-report-eng-20150413.pdf.

41. Orr Andrew C. Unmanned, Unprecedented, and Unresolved: The Status of American Drone Strikes in Pakistan Under International Law // Cornell International Law Journal. № 44. 2011.

42. Palma Pelagio V. Jr. Drone Technology: Paving the Way to a More Human War // Ateneo Law Journal. Vol. 60. 2015.

43. Paust Jordan J. Operationalizing Use of Drones Against Non-State Terrorists Under the International Law of Self-Defense // Albany Government Law Review. Vol. 8. 2015.

44. Plaw Avery, Fricker Matthew S., Williams Brian Glym. Practice Makes Perfect? Civilian Toll of CIA Drone Strikes in Pakistan // Perspectives on Terrorism. № 5–6. 2011.

45. Qureshi Vaseem Ahmad. The Legality and Conduct of Drone Attacks // Notre Dame Journal of International & Comparative Law. № 2. 2017.

46. Rudolf Peter. Killing by Drones: The Problematic Practice of U.S. Drone Warfare // Ethics and Armed Forces. № 1. 2014.

47. Sauer Frank, Schörnig Niklas. Killer Drones: The 'silver bullet' of democratic warfare? // Security Dialogue. № 4. 2012.

48. Schmitt, Michael N. Unmanned Combat Aircraft Systems and International Humanitarian Law: Simplifying the Oft Benighted Debated // Boston University International Law. Vol. 30. 2012.

49. Sharkey Amanda. Autonomous weapons systems, killer robots and human dignity // Ethics and Information Technology. Vol. 21. 2019.

50. Sharkey Noel E. The evitability of autonomous robot warfare // International Review of the Red Cross. № 886. 2012.

51. Schörnig Niklas. Preserve Past Achievements! Why Drones Should Stay within the Missile Technology Control Regime (For the Time Being) // PRIF Report № 149. www.hsfk.de/fileadmin/HSFK/hsfk_publicationen/prif/149.pdf.

52. Sehwat Vivek. Legal Status of Drones Under LOAC and International Law // Penn State Journal of Law & International Affairs. № 1. 2017.

53. Sterio Milena. The United States' Use of Drones in the War on Terror: The (Il)legality of Targeted Killings under International Law // Case Western Reserve Journal of International Law. № 1. 2012.

54. Study on Armed Unmanned Aerial Vehicles // Prepared on the Recommendation of the Advisory Board on Disarmament Matters. United Nations, 2015. www.humanrights.ch/cms/upload/pdf/2017/171212-Study_on_Armed_Unmanned_Aerial_Vehicles.pdf.

55. The Legality of Armed Drones in Under International Law // Background Paper by the International Bar Association's Human Rights Institute, 25 May

2017. www.ibanet.org/Document/Default.aspx?DocumentUid=b0b8af88-fd20-44f8-a920-634484645113.

56. Van der Linden Harry. Arguments against Drone Warfare with a Focus on the Immorality of Remote Control Killing and 'Deadly Surveillance' // *Radical Philosophy Review*. № 2. 2016.

57. Vogel Ryan J. Drone Warfare and the Law of Armed Conflict // *Denver Journal of International Law and Policy*. № 1. 2010.

58. Welch Jennifer M. The Morality of 'Drone Warfare' // Cortright D., Fairhurst R., Wall K. eds. *Drones and the Future of Armed Conflicts: Ethical, Legal, and Strategic Implications*. Chicago, 2015. 24–45.

59. Williams Brian Glyn. *Predators: The CIA's drone war on al Qaeda*. Potomac Books, 2013.

Глава XV. ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

1. Aalberts Tanja E. The Sovereignty Game States Play: (Quasi-)States in the International Order // *International Journal for the Semiotics of Law*. Vol. 17. 2004.

2. Anand Ram Prakash. Enhancing the Acceptability of Compulsory Procedure of International Dispute Settlement // *Max Planck Yearbook of United Nations Law*. Vol. 5. 2001.

3. Andenas Mads. Reassertion and Transformation: From Fragmentation to Convergence in International Law // *Georgetown Journal of International Law*. Vol. 46. 2015.

4. Anghie Antony. *Imperialism, Sovereignty, and the Making of International Law*. Cambridge, 2007.

5. Beard Jack M. Soft Law's Failure on the Horizon: The International Code of Conduct for Outer Space Activities // *University of Pennsylvania Journal of International Law*. № 2. 2017.

6. Berman P. S. From International to Law and Globalization // *Columbia Journal of Transnational Law*. Vol. 43. 2005.

7. Besson Samantha. Sovereignty, International Law and Democracy // *European Journal of International Law*. № 2. 2011.

8. Blount P. J. Renovating Space: The Future of International Space Law // *Denver Journal of International Law & Policy*. № 1. 2001.

9. Born Gary. A New Generation of International Adjudication // *Duke Law Journal*. № 4. 2012.

10. Bradley Curtis A., ed. *Custom's Future: International Law in a Changing World*. Cambridge, 2016.

11. Buergeth Thomas. Proliferation of International Courts and Tribunals: Is it Good or Bad? // *Leiden Journal of International Law*. № 2. 2001.

12. Burke-White William W. International Laegal Pluralism // *Michigan Journal of International Law*. Vol. 25. 2004.

13. Chimni B. S. Capitalism, Imperialism, and International Law in the Twenty-First Century // *Oregon Review of International Law*. Vol. 14. 2012.

14. Cohen Jean I. Sovereignty in the Context of Globalization: A Constitutional Pluralist Perspective // Besson S., Tasioulas J. eds. *The Philosophy of International Law*. Oxford, 2010. 261-280.

15. Cryer Robert. International Criminal Law vs State Sovereignty: Another Round? // *European Journal of International Law*. № 5. 2005.

16. Delbrück J. Structural Changes in the International System and its Legal Order: International Law in the Era of Globalization // *Schweizerische Zeitschrift für Internationales und Europäisches Recht*. № 1. 2001.

17. Deplano Rossana. Fragmentation and Constitutionalisation of International Law: A Theoretical Inquiry // *European Journal of Legal Studies*. № 1. 2013.

18. Domimngo Rafael. The Crisis of International Law // *Vanderbilt Journal of Transnational Law*. Vol. 42. 2009.

19. Dupuy Pierre-Marie. A Doctrinal Debate in the Globalisation Era: On the 'Fragmentation' of International Law // *European Journal of Legal Studies*. № 1. 2007.

20. Hafner Gerhard. Pros and Cons Ensuing from Fragmentation of International Law // *Michigan Journal of International Law*. Vol. 25. 2004.

21. Jackson John H. Sovereignty – Modern: A new Approach to an Outdated Concept // *American Journal of International Law*. № 4. 2003.

22. Kingsbury Benedict. Foreword: Is the Proliferation of International Courts and Tribunals a Systematic Problem? // *Journal of International Law and Politics*. № 4. 1999.

23. Koskenniemi Martti, Leino Päivi. Fragmentation of International Law. Postmodern Anxieties? // *Leiden Journal of International Law*. Vol. 15. 2002.

24. Miller R. A., Bratspies R. M. eds. *Progress in International Law*. Martinus Nijhoff Publishers, 2008.

25. Oellers-Frahm Karin. Multiplication of International Courts and Tribunals and Conflicting Jurisdiction – Problems and Possible Solutions // *Max Planck Yearbook of United Nations Law*. Vol. 5. 2001.

26. Peters Anne. The Refinement of International Law: From Fragmentation to Regime Interaction and Politicization // *European Journal of International Law*. № 3. 2017.

27. Reisman M. International Law after the Cold War // *American Journal of International Law*. № 4. 1990.

28. Romano Cesare P. R. The proliferation of international judicial bodies: the pieces of the puzzle // *Journal of International Law and Politics*. № 4. 1999.

29. Scharf Michael P. International Law in Crisis: A Qualitative Empirical Contribution to the Compliance Debate // *Cordozo Law Review*. № 1. 2009.

30. Scharf Michael P. Accelerated Formation of Customary International Law // *ILSa Journal of International & Comparative Law*. № 2. 2014. 305–341.

31. Slaughter Anne-Marie. M. The Real New World Order // *Foreign Affairs*. № 5. 1997.

32. Stark Barbara. International Law from the Bottom Up: Fragmentation and Transformation // *University of Pennsylvania Journal of International Law*. № 4. 2013.

33. Sundahl Mark J., Gopalakrishnan K. eds. *New Perspectives of Space Law*. International Institute of Space Law, 2011.
34. Tractman Joel P. *The Crisis of International Law // Case Western Reserve Journal of International Law*. № 1. 2011.
35. Van Aaken Anne. *To Do Away with International Law? Some Limits to 'The Limits of International Law' // European Journal of International Law*. № 1. 2006.
36. Waldron Jeremy. *The Rule of Law in International Law // Harvard Journal of Law & Public Policy*. № 1. 2006.
37. Wuerth I. *International Law in the Post-Human Rights Era // Texas Law Review*. Vol. 96. 2017.
38. Zifcak Spencer, ed. *Globalisation and the Rule of Law*. Routledge, 2005.
39. Zimmermann Andreas, Hoffmann Reiner. *Unity and Diversity of International Law*. Berlin, 2006.

Учебное издание

Борис Джорджиевич Кривокапич

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Учебник для магистрантов и аспирантов

Ответственный редактор д-р юрид. наук, проф. А. Г. Безверхов
Научный редактор д-р юрид. наук, проф. А. В. Юдин

Редакционно-издательская обработка
издательства Самарского университета
Обложка И.И. Спиридоновой

Подписано в печать 27.10.2022. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печ. л. 36,0.
Тираж 150 экз. Заказ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)
443086, Самара, Московское шоссе, 34.

Издательство Самарского университета.
443086, Самара, Московское шоссе, 34.

